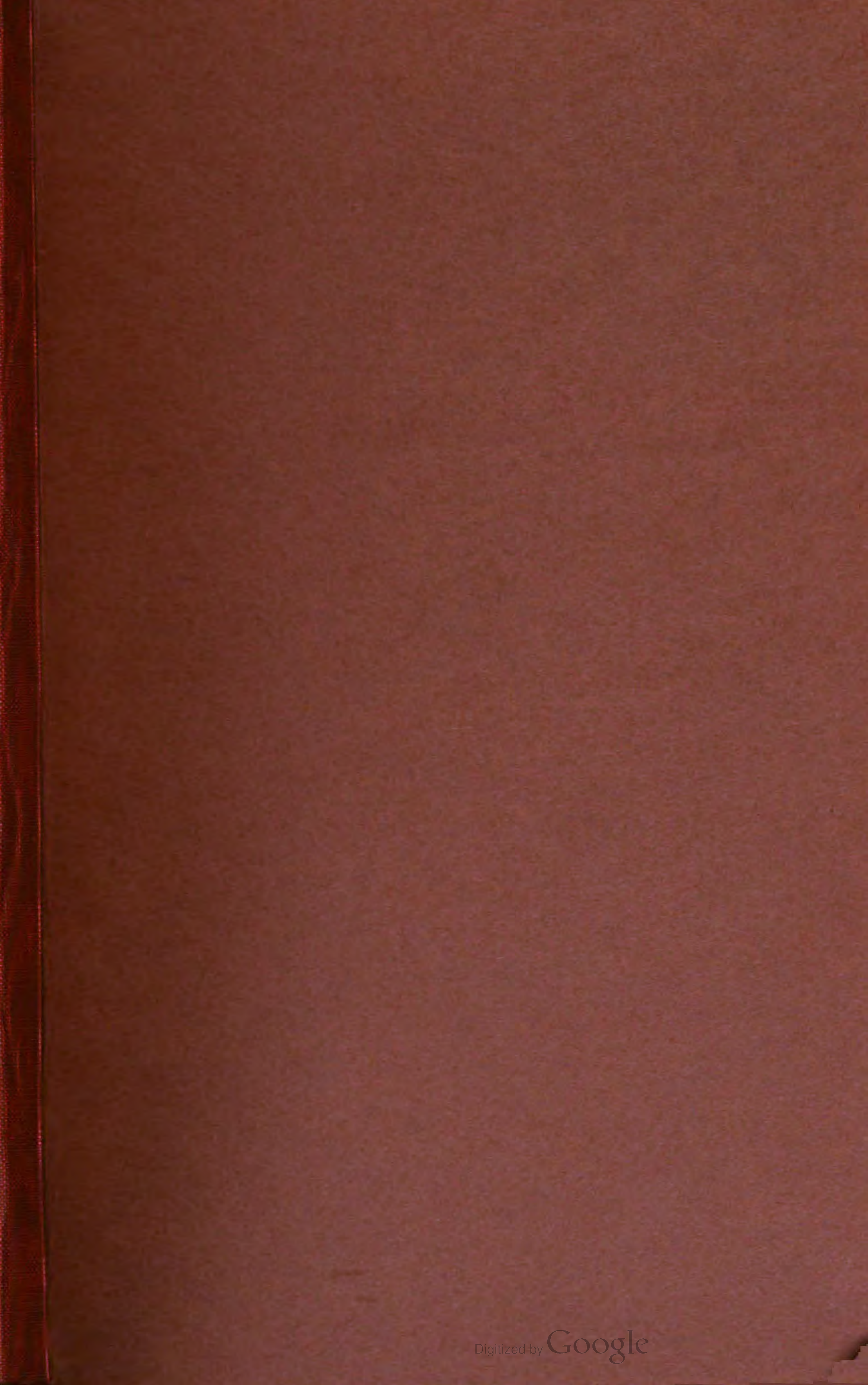
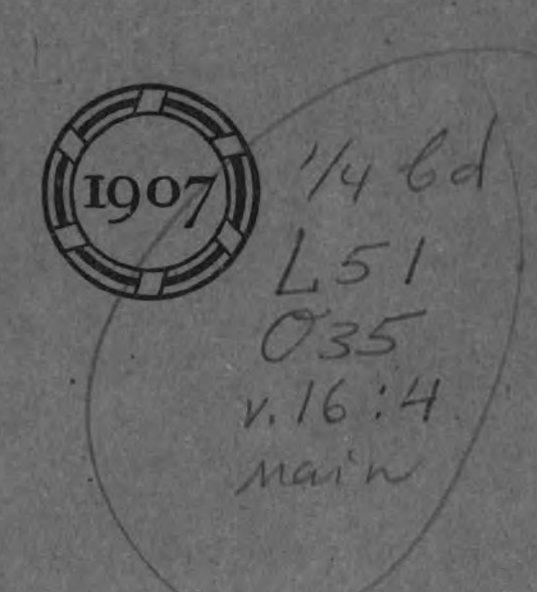

Digitized by Google

ОБРАЗОВАНІЕ

АПРѢЛЬ

Содержаніе № 4.

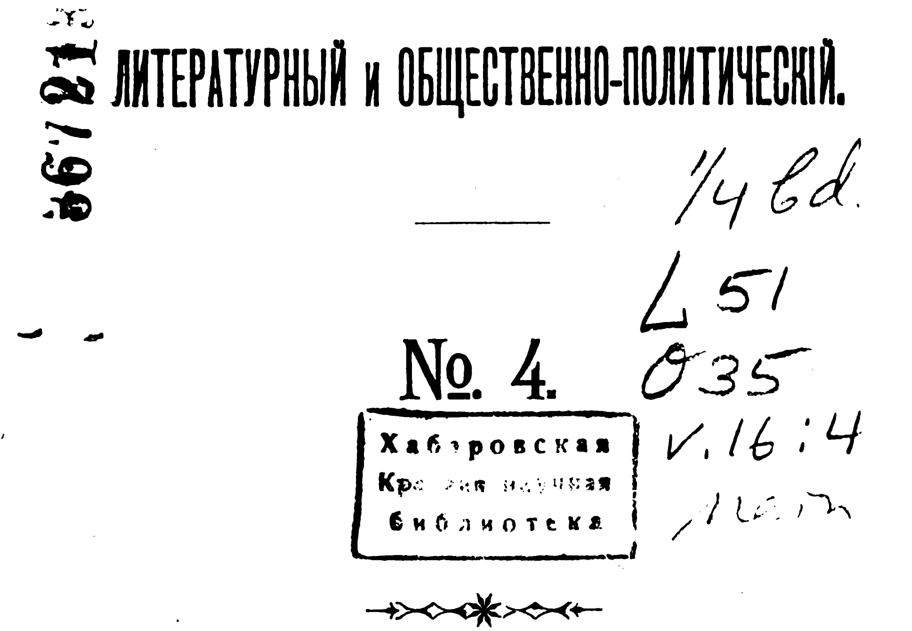
См. стр. 3.

XVI. 1907

ОБРАЗОВАНІЕ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

№ 4.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія Б. М. Вольфа, Невскій, 126.
1907.

16 Апрѣля.

СОДЕРЖАНІЕ № 4.

Ночь.

Разсказъ **А. Серафимовича.**

I.

Когда Курдюковъ проснулся и открылъ глаза, въ сѣромъ брезжущемъ утрѣ смутно рисовались нескончаемо теряющіеся ряды коекъ, натягивающіе сапоги казаки, и въ спертомъ тяжеломъ казарменномъ воздухѣ безтолково, разорванно и разрозненно носились тысячи просыпающихся голосовъ, выкриковъ, ругательствъ, смѣха и зѣвоты:

Дневальные ходили между койками, грубо съ циничными ругательствами толкали заспавшихся.

Курдюковъ, позѣвывая и потягиваясь, съ усиліемъ отгонялъ неотвязный, молодой, здоровый сонъ. Что-то вертѣлось надъ нимъ маленькое, странное и колышащееся. Онъ поднялъ глаза: на ниткѣ, спускающейся съ потолка, крутилась въ ту и другую сторону маленькая неуклюже сдѣланная изъ щепочки люлька съ фигурой ребенка изъ грязной тряпочки.

Курдюковъ смахнулъ, чтобъ оборвать, но она откачнулась и стала качаться надъ койкой. Раздался взрывъ хохота. Гоготали десятка два здоровеннѣйшихъ глотокъ, можно было подумать, что ржутъ лошади. Курдюковъ сорвалъ, сердито бросилъ на полъ, растопталъ и сталъ одѣваться.

— Ну, чего ржете, сволочи!..

— Го-го-го!.. теперича, небось, крестины...

— На радостяхъ выпьютъ, ѣшь тебя до самаго корня!..

— Пріѣдетъ, анъ готовъ работничекъ...

— Эй, Курдюковъ, што сопли распустилъ, съ прибылью...

Казарма начинала жить обычной жизнью дня. Торопливо побѣжали къ умывальникамъ и размазывали грязь по лицу, торопливо вытирались грязными тряпицами и такъ же торопливо крестились на громадную икону въ углу, передъ которой желтѣли колеблющіеся огоньки свѣчей.

Раздавалась команда выходить и строиться во дворѣ на чистку. Почистили у коновязей лошадей, задали овса, напоили, потомъ на длинныхъ скамьяхъ позавтракали, потомъ выѣхали на конное ученіе. Послѣ ученія была словесность, и обѣдъ, пѣшее ученіе, — день вертѣлся, какъ колесо, не давая вздохнуть, не давая одуматься.

Прежде все это имѣло для Курдюкова смыслъ,—присяга, арестъ, розги, дисциплинарка, каторга и разстрѣлъ стояли кругомъ тѣсной, угрюмой и безпощадной стѣной, и никуда нельзя вырваться. Но съ тѣхъ поръ, какъ сталъ близиться срокъ окончанія службы, тяжело и скучно было вертѣться въ заколдованномъ кругу привычнаго дня.

Левада, пашня, красные быки, базы, изба, вся домашность и молодая, крѣпкая чернобровая хозяйка чаще и чаще заслоняли коновязи, казармы, ученія безпощадно требовательныхъ офицеровъ.

— Эй... ты, Курдюковъ...—сыпался чаще и чаще градъ ругательствъ и голова его вскидывалась отъ ударовъ въ зубы, когда онъ зѣвалъ въ строю и все не въ очередь приходилось становиться на часы.

— Э-эхх!.. жалмерочка... Курдюковская!..—говорилъ, плотоядно оскабляясь, казачекъ, недавно пришедшій изъ-за хутора, и прибавлялъ цинично-грязный комплиментъ.

Курдюковъ внѣшне не обращалъ вниманія на шутки, ехидныя замѣчанія, на куклы изъ тряпокъ, которыя то и дѣло находилъ у себя подъ подушкой, но когда затихалъ тяжелый гулъ засыпавшей въ густой атмосферѣ казармы, онъ долго ворочался и не могъ уснуть.

Старики пишутъ, что жена ведетъ себя честно и благородно, а онъ старикамъ вѣритъ, да и въ дѣвкахъ она не баловалась; то опять вставала передъ глазами люлька изъ щепочекъ, куклы изъ тряпья подъ подушкой и гоготаніе здоровыхъ глотокъ.

Курдюковъ тяжело ворочался. Въ дальнемъ углу сквозь тяжелый воздухъ тускло лучился желтый огонекъ свѣчи, и пошатывался, сидя на табуреткѣ, дежурный въ полной аммуниціи.

Ежели мужъ на службѣ, думалъ Курдюковъ, ложась лицомъ въ подушку, жалмеркѣ трудно утерпѣть. Вѣдь четыре года... Тутъ самъ-то тоже не святой... Къ жалмеркѣ-то всякій подъѣзжаетъ... Помнитъ, и онъ до женитьбы чуть не каждую ночь крался то надъ плетнями къ какой-нибудь жалмеркѣ. Но тогда это было естественно, весело и неизбѣжно, потому что это были чужія жены, а теперь...

Онъ скрипнулъ зубами и сѣлъ на кровати, упираясь въ тощій, набитый соломой, тюфякъ. Казарма спала. Въ густой

сизоватой полумглѣ терялись головы, раскрытые храпящіе рты, раскинутыя руки, сложенная одежда. Слышался скрежетъ зубами, придавленные стоны, кто-нибудь садился и торопливо и испуганно бормоталъ, глядя безумными глазами: „никакъ нѣтъ... ва...в...вв...вшск...блродіе...“, падалъ и его храпъ присоединялся къ густому на всѣ лады переливающемуся храпу сотни людей, которыхъ, казалось, мучилъ дьяволъ.

Курдюковъ снова ложился и снова охватывали его все тѣ же мысли о женѣ, о хозяйствѣ, и стоялъ въ ушахъ безсмысленный звѣриный храпъ, стонъ и скрежетъ.

II.

— Ра-а-авне-ні-е на пра-а-во...

Казаки стройными, вытянутыми, какъ по ниткѣ, шеренгами зашли съ четырехъ сторонъ. У аналоя стоялъ попъ съ дьячкомъ и дымилъ кадиломъ.

— Ша-а-апки да-лой!

Обнажились головы, попъ сталъ махать оставляющимъ сизовый дымный слѣдъ въ воздухѣ кадиломъ, и донесся дребезжащій голосъ.

— Го-о-спод-у по-мо-о-лимся!..

Курдюковъ стоялъ въ строю, крестился, испытывая обычное ощущеніе сдавленности со всѣхъ сторонъ: давилъ попъ съ дьячкомъ, давили шеренги сѣрыхъ фигуръ, блестящіе перевязи и портупеи кучки офицеровъ, небрежно крестившихся. Такое же ощущеніе сдавленности онъ испытывалъ на ученіяхъ, на стрѣльбѣ, на молитвѣ, въ казармахъ, испытывалъ всѣ четыре года.

И теперь мысль, что это послѣдній разъ, что впереди дорога домой, блеснетъ изъ-за прибрежныхъ высотъ Донъ, зажелтѣютъ пески, наполняла его напряженно радостнымъ чувствомъ.

Часа черезъ два производилась посадка команды въ вагоны.

Лошади удивленно и осторожно поводя ушами, покачивались на гудящемъ качающемся полу. Казаки на каждой станціи покупали водку, и изъ вагоновъ безпрерывно неслись пѣсни. Дней пять шелъ воинскій поѣздъ. Зеленѣли родныя степи, замелькали хутора, слободы. Наконецъ, со сборнаго пункта потянулись на лошадяхъ и подводахъ.

Весь хуторъ вывалилъ навстрѣчу служивому. Поклонился онъ въ ноги отцу—матери, поклонилась ему до земли богоданная супруга, чернобровая, крѣпкая и здоровая, кровь съ молокомъ, и пошелъ угаръ разгула и похмѣлья. Только

черезъ недѣлю понемногу всѣ очнулись, и сейчасъ же, какъ зубьями шестерни, захватила и завертѣла неждущая, всего поглощающая жизнь хозяйства.

И, такъ въ казармѣ некогда было очнуться отъ ученій, чистки, „словесности“ и тысячи никому ненужныхъ дѣлъ, такъ тутъ пашня, покосы, скотина, тысячи мелкихъ, но изъ которыхъ складывается жизнь, дѣлъ захватили.

Курдюковъ жилъ ладно съ женой, подозрѣнія, которыя отравляли жизнь на службѣ, не вспыхивали.

III.

По праздникамъ народъ сидѣлъ на завалинкахъ, лускали сѣмячки, точили зубы.

— Краснова со службы на побывку ждутъ...

— Ждутъ, а жена ему подарочекъ приготовила.

— Обойдется,—пороху попьетъ, вотъ те и никакихъ, не уличить.

— Стервы эти бабы!..

— Ну, я бы убилъ, кабы...—проговорилъ, насупившись Курдюковъ.

— Да ты свою убей.

— А ты не бреши.

— Чего брехать... извѣстно, жалмеркой какъ была, спуску не давала... съ Ипайткой краснымъ...

Крѣпкая затрещина прервала разоблаченіе. Дрались тяжело и сосредоточенно.

Черезъ недѣлю на свадьбѣ, напившись, Курдюковъ избилъ обидчика до полусмерти. А на другой свадьбѣ самъ былъ избитъ и лежалъ послѣ этого цѣлую недѣлю.

— Матрена, сказывай... сказывай всю правду,—говорилъ Курдюковъ, осунувшійся и похудѣвшій.

— Чего сказывать-то,—сердито блестя глазами, говорила Матрена, возясь возлѣ печи,—собаки брешутъ, вѣтеръ носитъ, а ты подбираешь.

— Матрена, не ковыряй ты моего сердца, скажи только, скажи правду, пальцемъ тебя не трону, только правду... чтобъ зналъ, больше мнѣ ничего, и не помяну никуда...

— Дуракъ, ты дуракъ...

Чаще и чаще сталъ онъ ее бить. А она ловкая, сильная, красивая и крѣпкая, выскальзывала и въ него летѣли горшки, миски.

Всѣ шутки, остроты, которыми сыпали казаки въ казармѣ, вдругъ пріобрѣли смыслъ и знаніе. Теперь ясно было, какъ Божій день, что и его жена, какъ всѣ женщины, не могла остаться вѣрной мужу. И все возрастающая злоба

мучила его. Казалось, только бы узнать правду, а тамъ бы помирился бы съ фактомъ,—прошлаго вѣдь не вернешь, но все также странно блестѣли глаза женщины, похудѣвшей и измученной, все также красивой и все также не находилъ Максимъ неопровержимыхъ доказательствъ ни за, ни противъ.

Жизнь наполнилась удушливой, подозрительной атмосферой, стала угрюмой и злой.

Когда Максимъ Курдюковъ встрѣчался съ Ипаткой Красвымъ, тотъ странно, съ сдерживаемой насмѣшкой поглядывалъ прищуренными глазами, и это подымало у Максима бурю бѣшенства. Разговоры же почти всегда кончались ожесточенной дракой.

Вокругъ Максима разрасталась угрюмая, холодная и черная ночь, и онъ напрасно бился, чтобы выбиться изъ нея.

Какъ-то Матрена возилась съ хлѣбами, повязанная вокругъ головы, какъ чепчикомъ, платкомъ, отъ котораго сзади заячьими ушами торчали концы. Максимъ подошелъ, держа въ рукѣ топоръ. Постоялъ.

— Нѣту мочи моей... во...—онъ поднялъ топоръ,—на мѣстѣ положу, ежели не скажешь правды.

Она спокойно мѣсила, и концы платка пошевеливались на головѣ.

— Дуракъ ты, дуракъ... отвяжись ты отъ мене.

Онъ опустилъ топоръ.

— Нѣтъ, я кажный день буду изъ тебе кровь понемногу выпускать, покеда не узнаю правды. А теперь пойду поговорю съ твоимъ полюбовникомъ...

Онъ вышелъ, выкатилъ изъ-подъ навѣса повозку, запрягъ лошадь, подошелъ къ плетню и крикнулъ:

— Игнатка!..

— А?

— Подь суды.

Игнатъ, пріятель и всегдашній собутыльникъ Максима, подошелъ, почесывая поясницу.

— Ну?

— Поѣдемъ на Кривую балку... Ипатка тамъ, на току, слышь?

— Ну?

— Ну... одинъ... трошки пощупаемъ ему бока... докеда же это будетъ...

Игнатъ поглядѣлъ на солнце.

— Вишь ты ось хотѣлъ выстругать.

— Брось, чортъ съ ней съ осью, а то уѣдетъ.

— Ладно.

Минутъ черезъ десять они выѣхали со двора.

Бѣлыя избы, вишневые сады, вербы левадъ понемногу спускались ниже и ниже, пока повозка выбиралась по извалинѣ, подернулись сизой дымкой и потонули въ степномъ просторѣ.

Маленькій буланый маштачекъ скоро бѣжалъ по укатанной дорогѣ.

— Чудно, что у тебя неловко сидѣть на повозкѣ,—говорилъ, примащиваясь, Игнатъ.

— А ты суды съ краю...

Уже солнце тронуло дальніе синѣвшіе на краю степи бугры, когда вдали за лощиной показались скирды и копны Ипаткина тока.

IV.

Рыжій Ипатъ, сидя на корточкахъ передъ небольшой кучкой горѣвшихъ кизяковъ, варилъ картошку. Онъ былъ одинъ на току.

Ипатъ попробовалъ, картошка еще не сварилась. Всталъ, подогналъ поближе къ стану быковъ, досталъ полость и разослалъ на землѣ подъ телѣгой. Съ дороги донесся звукъ подъѣзжавшей повозки.

Въ ту сторону, гдѣ садилось солнце, степь спускалась длинной отлогой горой, потомъ тянулось займище съ озерами, музгами, а за займищемъ на самомъ краю синѣли Донъ и лѣса за нимъ.

— Кубыть суда.

Ипатъ козырькомъ наставилъ руку.

Къ току подъѣхали двое, остановили лошадь, слѣзли и пошли къ Ипату.

— Здорово дневали.

— Добраго здоровья.

Помолчали. И было въ этомъ молчаніи что-то, отъ чего Ипатъ подозрительно и осторожно посмотрѣлъ имъ въ лица.

— На пашню что-ли?..

И, помолчавъ, хмуро прибавилъ:

— Пашня-то ваша не въ этой сторонѣ.

Максимъ побѣлѣлъ, какъ тогда въ курнѣ, шагнулъ и проговорилъ сдавленно, и усмѣшка дергала судорогой губы:

— Сказывай все... какъ и что было съ Матрешкой?..

Ипатъ глядѣлъ на него широко раскрытыми и изумленными глазами:

— Да ты обтрескался?!.

— Сказывай... все одно знаю... все знаю...

Ипатъ грубо выругался и повернулся снять котелокъ. Тупой и тяжелый ударъ едва ни свалилъ его. Онъ удержался на ногахъ, быстро повернулся.

— Да ты что... ты что!.. ты что?!.

Казаки кинулись.

— Нѣ-ѣтъ... ннѣ...ѣ... ннѣтъ...

Онъ хрипѣлъ, задыхаясь, хватая ихъ за ноги, за руки, за горло, стараясь впиться зубами.

— Ннѣ тъ... нне... здамся...

Боролись, напрягая нечеловѣческія силы, на голой землѣ, убитой и укатанной молотильными катками. Недалеко, отдуваясь, лежали быки. По горизонту розовой полоской протянулась зорька. Лошадь, волоча возжи, отъѣхала съ повозкой и стала спокойно и мѣрно жевать сѣно у копны. Картошка закипала, и поплескивавшая черезъ котелокъ вода съ шипѣніемъ тушила костеръ.

Ипатъ ослабѣвалъ, били, куда и какъ попало.

— Сказывай... скажи правду, отпустимъ, волоса не тронемъ, только признайся, а то забьемъ...

— Уйдите вы... бросьте... сволочи!..

Казаки навалились на Ипата, кости захрустѣли. Подняли, держа за горло, и поднесли къ дрогамъ.

— Въ послѣдній разъ сказывай: жилъ съ Матрешкой?

Онъ судорожно и злобно дергался.

Они раскачали и съ размаху ударили о колеса. Глухо, какъ мѣшокъ съ пескомъ, плюхнулся, колеса сдвинулись, лошадь безпокойно переступила, поводя ушами, фыркая.

Ипатъ разомъ опустился, потяжелѣлъ у нихъ въ рукахъ. Положили на землю. Максимъ весь трясся, какъ въ лихорадкѣ.

— На, ѣшь!.. жри... полюбовницу...

Горловые, звѣриные звуки клокотали въ горахъ:

— Жри... на!..

Тотъ скосилъ изуродованный глазъ, запекшіяся губы шевельнулись:

— Не бы...ло... грѣ...ха... не тро...галъ я ее... будь ты прокл...

Неровно поднявшаяся грудь замедленнымъ движеніемъ опустилась, тускло глядѣлъ остеклѣвшій глазъ.

Максимъ стоялъ съ застывшимъ выраженіемъ ужаса: онъ никогда теперь не узнаетъ правды.

V.

Игнатъ, держась обѣими руками за голову, шелъ въ степь, качаясь, какъ пьяный и причитая воющимъ голосомъ:

— Да головушка ты моя бѣ-ѣдная!.. да куды я теперь дѣнусь...

Максимъ въ нѣсколько прыжковъ нагналъ его.

— Сто-ой!.. стой, дьяволъ... вмѣстѣ дѣлали, вмѣстѣ пропадать!..

— Пропала моя головушка!..

— Бери!

Они подняли съ земли убитаго, перевалили черезъ грядку повозки сначала голову и грудь, потомъ ноги, и онъ, тяжелый и грузный, скатился въ повозку, неуклюже переваливаясь.

Максимъ взялъ возжи и тронулъ лошадь, и тутъ увидѣлъ, что кругомъ стояла ночь. Повозка, слегка покачиваясь, поскрипывала.

Оба пошли рядомъ, толкаясь въ темнотѣ другъ о друга, и шло съ ними рядомъ нѣчто, чему они не умѣли дать имени.

Стали спускаться въ займище. Наверху было сухо и тепло, внизу сыро, обильная роса садилась на башмаки, но отъ дороги одинаково въ темнотѣ ничего не видно было, и надъ головой ярко горѣли и шевелились звѣзды.

Дорога пошла кочковатая, изрытая. Стали попадаться музги и круглыя озерца, и камыши вставали темной стѣной, выростая у самой дороги. Повозка медленно ѣхала въ ночной темнотѣ, погромыхивая и поскрипывая плохо мазаными колесами на ухабахъ и по кочкамъ, и то, что лежало въ повозкѣ, переваливалось изъ стороны въ сторону, постукивая въ стѣнку. Люди шли, не говоря ни слова.

Старый Ерикъ долженъ былъ быть недалеко, надо было только, спустившись подъ гору со степи, взять вправо и проѣхать между Кривой Музгой и Поповымъ Садкомъ. И они взяли вправо, а все-таки Стараго Ерика не было.

Въ двухъ шагахъ не видно было ничего. Максимъ то и дѣло отходилъ въ сторону, нагибался и шуршалъ ногой по осокѣ, съ которой обильно сыпалась роса, стараясь признать берегъ Ерика, потомъ возвращался, и повозка продолжала медленно двигаться въ темнотѣ. Представлялось, что идутъ цѣлую ночь. Казалось, все перепуталось, и мѣстность стала неузнаваема.

Жалобный крикъ пронесся въ темнотѣ и повторился слабѣе гдѣ-то дальше. Сердце сжалось предчувствіемъ. Максимъ безпокойно сталъ всматриваться, но не могъ разобрать: смутная черта горизонта маячила передъ колыхавшейся дугой, въ другіе моменты гдѣ-то необыкновенно далеко отдѣляла черную землю отъ чуть-чуть свѣтлѣвшаго неба.

Снова въ высотѣ безнадежно прозвучала птичья жалоба. Кто-то потревожилъ. Они сами или кто-то, кто, быть можетъ, среди ночи ѣхалъ имъ навстрѣчу? Максимъ вслушался, но ночная тишина таила всѣ звуки. Опять тоскливо крикнула невидимо рѣявшая надъ головою птица.

Колеса пошли мягче, слабо постукивая во втулкахъ, повозка неслышно поскрипывала, и нога стала уходить въ мягкій грунтъ. Потянуло сыростью, и съ обѣихъ сторонъ уже не прерывались камыши. Вѣтерокъ пробѣжалъ по метелкамъ, и онѣ невидимо заколебались, закачались въ темнотѣ, и понесся шепотъ, о чемъ-то невнятно заговорили, въ глубинѣ камышей послышались шелестъ и вздохи.

Впереди и немного справа камыши порѣдѣли и сквозь просвѣтъ блеснула вода.

Лошадь стала вязнуть. Максимъ потерялъ одинъ башмакъ и шелъ возлѣ, помогая лошади за оглоблю.

— Кабы не загрузнуть!.

Лошадь остановилась. Это былъ Старый Ерикъ. Казаки порѣшили отнести убитаго до воды на рукахъ, такъ какъ тутъ было топко.

Теперь, когда повозка стояла, и не было слышно чмоканья лошадиныхъ копытъ, ночь точно ожила: камышъ шуршалъ и шелестѣлъ сухими листьями, метелки кланялись и шевелились, и чудились со всѣхъ сторонъ странные, неуловимые, непонятные звуки, точно кто-то тутъ былъ и что-то тутъ дѣлали, только скрывали свое присутствіе.

— Бери.

Но когда они стали подымать трупъ, Максимъ вдругъ опустилъ.

— Погоди трошки. Потить посмотрѣть. Вѣдь тутъ— бродъ, кабы не напороться на кого.

И Игнатъ остался одинъ съ повозкой.

Максимъ прошелъ, осторожно раздвигая камыши. Двѣ лягушки шлепнулись съ берега, вынырнули и поплыли, оставляя шевелящійся слѣдъ по темной водѣ.

Максимъ присѣлъ на корточки и сталъ всматриваться. Лошадиные и коровьи слѣды отпечатались на грязи. И чѣмъ больше онъ всматривался надъ водою, тѣмъ какъ будто виднѣй и виднѣй становилось. Звѣзды уже не отражались въ водѣ, и надъ водой ясно стояли камыши, чуть похилившись метелками. Выбравшаяся на тотъ берегъ дорога отчетливо обозначалась, и по свѣтлѣвшей водной глади то здѣсь, то тамъ выступали, неподвижно отражаясь, почки и островки осоки.

По мѣрѣ того, какъ кругомъ все больше и больше свѣтлѣло, тревога охватывала Максима. Свистя, пронеслись

утки. Подъ берегомъ заквакала лягушка. Ей отозвались съ той стороны, но она раздумала и угомонилась

Максимъ уже хотѣлъ идти и вдругъ остановился. Набѣжавшій вѣтерокъ зарябилъ воду, тронулъ плававшіе поверхъ кувшинки, погнулъ камышъ и осоку въ одну сторону. Камыши опять безпорядочно заговорили о чемъ-то непонятно и безпокойно, и сквозь эти звуки Максимъ уловилъ то, отъ чего у него волосы подъ шапкой стали дыбомъ: откуда смутно и неясно донесся людской говоръ.

Затаилъ дыханіе: нельзя было разобрать ни словъ, ни голосовъ, но сквозь шуршанье и шелестъ камыша явственно доносилось съ той стороны, какъ гомонѣлъ народъ.

— Пропали!—задыхаясь и хватая лошадь за уздечку, прерывающимся полушепотомъ проговорилъ Максимъ,—народъ...

— Откеда народъ?

Игнатъ все время стоялъ у повозки и до этого среди ночной тишины ничего не замѣчалъ и не слышалъ.

— Не слышишь что ль!.. на той сторонѣ... гляди, занимается!..

Это точно ударило Игната. Онъ тоже напряженно вслушался. Сначала только лепетъ, говоръ и шелестъ листьевъ камыша доносились, но потомъ почудилось то, какъ будто народъ возвращается или ѣдетъ на поле, и неспѣша поскрипывали телѣги, медленно тянутся волы, а народъ говоритъ и разсказываетъ, лежа на телѣгахъ. Казалось, что дѣйствительно кругомъ посвѣтлѣло. Камыши ясно выступали, пересѣкаясь въ разныхъ направленіяхъ, повозка, лошадь, мертвецы выдѣлялись рѣзче и опредѣленнѣе.

Безпокойство и страхъ охватили ихъ.

Они вмѣстѣ стали гнать и заворачивать лошадь, но она крутила гололой и не хотѣла идти отъ воды—ее не поили. Ноги у нея вязли глубже, глубже. Максимъ больно ударилъ ее подъ брюхо каблукомъ и сталъ тянуть за уздечку, а она осѣла на заднія ноги и стала наваливаться на оглоблю. Тѣ въ ужасѣ поддерживаля ее, упираясь руками.

— Ляжетъ... ей Богу ляжетъ!.. Микола Угодникъ!..—въ отчаяніи шепталъ Игнатъ.

Забѣжалъ напередъ, ухватилъ за морду и крѣпко зажалъ ей ноздри. Лошадь, сапя и задыхаясь, закинула головой, рванулась, выпростала ноги и повезла, вся вытягиваясь, чмокая и вытаскивая изъ тины копыта.

Завернули и поѣхали прочь, торопливо поспѣвая за повозкой, цѣликомъ, безъ дороги, ломая сухой камышъ и съ такимъ шумомъ и трескомъ, что было слышно за цѣлую версту. Кругомъ никого не было.

Только когда перестали шумѣть ложившіяся подъ повозкой камыши и выбрались на чистое мѣсто, вздохнули свободнѣе и перестали гнать лошадь.

VI.

Оттого ли, что они не присматривались такъ напряженно,—или отъѣхали отъ воды, или отъ чего другого, но стало гораздо темнѣе. Дороги не видно было, да и ѣхали они бездорожно. Вокругъ опять стояла ночная тишина.

Они шли въ темнотѣ, и возлѣ скрипѣли колеса, впереди смутно рисовались передокъ повозки, задъ лошади, потомъ сѣделка и темнымъ контуромъ подымавшаяся дуга, и въ ней качающаяся голова лошади. Надъ ними все то же звѣздное небо, тянувшееся во всѣ стороны надъ займищемъ и спускавшееся по краямъ къ темной и молчаливой землѣ.

— Куды же теперича?

Они остановились. Не знали, куда ѣхали, гдѣ была дорога и что надо было дѣлать. Мертвецъ неподвижно лежалъ въ повозкѣ, точно дожидаясь, что, наконецъ, съ нимъ сдѣлаютъ. Кругомъ было тихо, камыши не шуршали. Максимъ обошелъ лошадь, подтянулъ сѣделку, встряхнулъ и поправилъ дугу.

— Не иначе, какъ къ Дону ѣхать.

— Далече,—проговорилъ Игнатъ, чувствуя, что все продолжается слишкомъ долго, что пора бы уже кончиться, что онъ ослабѣваетъ отъ волненія, страха, отъ постоянной напряженности.

— Тамъ навяжемъ камень и въ воду—и тогда шабашъ.

Завернули, отыскали дорогу и опять тронулись среди молчанія и мрака.

Максимъ шелъ возлѣ повозки и чувствовалъ физическое разслабленіе. Не то, чтобы онъ боялся чего нибудь сверхъестестественнаго, или чтобы его пугалъ убитый, или мучили мысли о послѣдствіяхъ,—онъ пока объ этомъ не думалъ,—но каждый разъ ужасъ охватывалъ его, когда представлялось, что надъ Старымъ Ерикомъ зачинался день.

И вся эта ночь, и все, что окружало его въ неподвижномъ безмолвіи, рѣзко, странно и загадочно выдѣлялось изъ всего, что ему приходилось прежде видѣть и испытывать.

Какъ будто все стояло на своемъ мѣстѣ и было такое же, какъ и всегда, но онъ все никакъ не могъ приладиться, освоиться съ этой какъ будто новой обстановкой, и внимательно присматривался вокругъ, все опасаясь, что онъ не то дѣлаетъ, не такъ, какъ слѣдуетъ, что нужно какъ-то иначе,

и тогда кончится все это и не будетъ его тяготить и стоять надъ нимъ постоянной угрозой. Всѣ мысли сосредоточились на томъ мѣстѣ, гдѣ среди песковъ, мелей и косъ рѣка несла въ темнотѣ свои воды, и гдѣ должно было кончиться это ужасное состояніе, эта ужасная ночь.

Сталъ попадаться песокъ, слабо выдѣляясь отъ чернѣвшей вокругъ земли, и колеса мягко уходили въ него, и онъ съ слабыми звуками сыпался сзади по шинамъ.

По сторонамъ чернѣли кусты тальника, каждый разъ обманывая, представляясь въ видѣ дерева, то въ видѣ человѣка. Но они продолжали подвигаться въ напряженномъ ожиданіи, что если только ничто не помѣшаетъ, наконецъ-то, съ нихъ свалится давившая ихъ тяжесть.

Песокъ пошелъ сплошной. Лошадь, торопливо ступавшая по немъ, осторожно поводя ушами, фыркая и потягивая воздухъ, вдругъ уперлась: впереди былъ обрывъ.

Въ полусумракѣ, выдѣляясь воднымъ просторомъ, открывалась рѣка. Вся поверхность ея сплошь подвигалась на низъ. Подъ глинистымъ обрывомъ слышно было, крутилось и шумѣло сильное теченіе, а съ той стороны сквозь сумракъ отлого тянулись въ рѣку пески, чернѣлъ лѣсъ.

Подъ обрывомъ у самаго берега на водѣ чернѣло что-что узкимъ и длиннымъ силуэтомъ, должно быть, бревно, оно качалось и понемногу поворачивалось, и нельзя было разобрать, шевелитъ ли и подмываетъ его теченіе или что-нибудь другое. Мерещилась темная тѣнь.

Максимъ и Игнатъ стали шарить по берегу, ища камня. Но камней тутъ не было, а ссохшіеся комья глины, которые они отрывали отъ обрыва, разсыпались и разваливались въ рукахъ. Тревога и безпокойство все возрастали. Надъ широкой гладью рѣки становилось свѣтлѣй.

— Пескомъ насыпемъ!

Трясущимися руками стали набивать песокъ за пазуху мертвецу. Песчаныя отмели и косы все яснѣе выступали изъ воды, и лѣсъ на томъ берегу казался совсѣмъ близко.

Бревно подъ берегомъ закачалось и тихонько повернулось вдоль берега, тихо колышась.

Игнатъ впился въ колесо, и губы беззвучно шептали:

— Да вѣдь это—лодка... день зачинается!...

Максимъ стоялъ, чувствуя, какъ зеледенѣло все внутри, и, такъ же едва шевеля губами, скорѣе подумалъ, чѣмъ прошепталъ:

— Молчи... молчи... уходи...

Ужасъ передъ этими выдѣлявшимися на той сторонѣ пескомъ и лѣсомъ, передъ этой свѣтлѣвшей гладью, все больше и больше яснѣвшей, сплошь подвигавшейся между

берегами съ перебѣгавшими по ней кругами и струйками и какъ будто дымившей слегка предутреннимъ паромъ, ужасъ передъ этимъ зачинавшимся утромъ все подавилъ.

Торопясь, трясущимися руками завернули лошадь и тронулись назадъ. И по мѣрѣ того, какъ свѣтлѣющій просторъ воды, пески и лѣсъ оставались позади и они углублялись въ займище, темнѣло. Придорожный чернобыя, солодикъ, репей смутно подымались въ темнотѣ, и нельзя было разобрать—кусты ли это, возвышеньица или сухая трава.

Кругомъ было такъ же пусто, молчаливо и одиноко, какъ бываетъ на лугу въ глухую ночь, а вверху, безмолвно играя и теряясь въ темной глубинѣ, горѣли безчисленныя звѣзды. Игнатъ шелъ у передка, подергивая вожжами, понукая и потрогивая лошадь. Максимъ молча шагалъ за повозкой, медленно поскрипывавшей дрогами, оглоблями и колесами во втулкахъ. Они не осмѣливались сѣсть въ повозку. А въ повозкѣ, встряхиваясь, безжизненно пошатываясь, болтаясь изъ стороны въ сторону, смутно обрисовывалось протянутое тѣло.

Они не говорили другъ съ другомъ, и повозка все такъ же одинаково подвигалась по кочковатой малоѣзженной дорогѣ. Надо было кончить такъ или иначе, но какъ-нибудь кончить. Они подвигались все дальше и дальше среди ночного мрака, и темныя неясныя очертанія возвышенности начинавшейся степи смутно обрисовывались впереди, но, когда подъѣзжали, это оказывалась музга или камыши, или кочки пересохшаго озерца.

Казалось, этому заимищу, этому мраку, этому состоянію не будетъ конца. Они шли, чувствуя надъ собой, съ боковъ, спереди, сзади что-то, которое тоже шло вмѣстѣ съ темнотой и молчаніемъ ночи, не оставляя ихъ ни на минуту, останавливаясь вмѣстѣ съ ними и опять продолжая, какъ только они трогались.

VII.

— Никакъ сбились...—проговорилъ Игнать, натягивая возжи.

Повозка остановилась. И какъ только скрипъ ея замолкъ, глубокая ночная тишина неподвижно воцарилась въ займищѣ, полная чего-то безмолвно совершавшагося въ глубинѣ стоявшей вокругъ темноты.

Максимъ пошелъ немного по дорогѣ, слабо выдѣлявшейся подъ ногами. Она чуть сѣрѣла. Онъ раза два хлопнулъ кнутомъ, слегка взбивая пыль.

— Такъ. Энто, стало быть, Старый Ерикъ, а энто— Мертвая Музга.

— Исажары высоко поднялись,—проговорилъ Игнатъ, немного отходя и чувствуя за собой неподвижно стоявшую на дорогѣ повозку,—должно, за полуночь...

Оба помолчали.

— Сдается мнѣ все, мы кружимъ...

Обоимъ вдругъ представилось, какъ занимался надъ Дономъ день и какъ гомонѣлъ надъ Старымъ Ерикомъ народъ. Опять страхъ охватилъ ихъ, страхъ чего-то невѣдомаго, что преслѣдовало и не отпускало ихъ,—и они заторопились дальше.

Максимъ тронулъ возжами, и лошадь влегла въ хомутъ разъ и другой и тогда только сдвинули повозку, напряженно ступая, какъ будто везли пудовъ тридцать. Повозка опять медленно заскрипѣла среди ночного молчанія. Максимъ видѣлъ, какъ не могла лошадь взять сразу и какъ тяжело она везла, и это наводило ужасъ.

Но онъ не останавливался и ничего не говорилъ Игнату, все равно, какъ ничего они не говорили другъ другу, когда среди ночи занимался день.

Они никого не встрѣтили за все время, ни проѣзжавшей мимо повозки, ни ночевавшаго въ займищѣ табуна или стада,—ни одинъ звукъ ни откуда не доносился. И чѣмъ дальше тянулось время, тѣмъ незнакомѣе и, казалось, еще пустыннѣе становилась мѣстность. Теперь уже перестали попадаться музги, озера и камыши. Равное незнакомое поле разстилалось кругомъ, и ничего нельзя было разобрать.

Максимъ вспоминалъ всѣ свертки, всѣ перекрестки, музги и озера, которые онъ зналъ, какъ пять пальцевъ, соображая, въ которой они сторонѣ займища и куда ѣдутъ. „Донъ... отъ Дону—Ерикъ, потомъ Поповъ Садокъ, потомъ Мертвая Музга, теперича степь должна зачинаться, подняться на гору—тутъ и станъ, а ничего нѣту"... И они продолжали идти въ темнотѣ рядомъ съ повозкой.

— Стой!..—послышался вдругъ надъ ухомъ Максима сдавленный взволнованный шепотъ Игната, ухватившаго его за руку.

Максимъ, что было силы налегъ на возжи, лошадь осѣла на заднія ноги, переднія колеса подвернулись подъ повозку, повозка накренилась, мертвецъ наполовину вывалился, болтаясь свѣсившейся головой и рукой.

— Хуторы!..

Максимъ замеръ: впереди смутными силуэтами стояли хаты. Оба нѣсколько секундъ напряженно вслушивались.

— Собакъ не слыхать.

Но то, что было хатами, вдругъ зашевелилось.

— Да вѣдь это—народъ!..

Максимъ снялъ шапку и вытеръ потъ со лба.

— Все одно!..—рѣшительно проговорилъ онъ, надѣвая шапку и тронулъ возжи.

Лошадь оправилась, дернула, повозка выправилась, мертвецъ было совсѣмъ вывалился, но его встряхнуло, и онъ скатился опять на дно повозки.

А „народъ“ неподвижно лежалъ, выдѣляясь неясными контурами, тяжело вздыхая, сопя и отдуваясь, такъ что по степи было слышно.

— Нѣтъ, надыть пойтить посмотрѣть, — проговорилъ Максимъ и остановилъ лошадь.

Онъ прошелъ немного впередъ и сейчасъ же воротился.

— Глядика-сь... да вѣдь это токъ! Когда же мы на гору подымались?

Игнатъ вглядѣлся, это былъ дѣйствительно токъ. Вздыхая, жевали жвачку лежавшіе быки, погасшій костеръ слабо сѣрѣлъ пепломъ, и висѣлъ котелокъ съ остывшей водой и картошкой. Земля была укатана. Поодаль неподвижно и молчаливо стояли копна.

Схватили мертвеца, холоднаго, ставшаго подвижнымъ въ рукахъ, стащили и положили на земь. До этого все казалось, что надо только доѣхать до тока и свалить, чтобъ разомъ прекратить все то, что тянулось въ эту ночь. И вотъ они добрались, наконецъ, до мѣста, но оказывалось, что надо было сдѣлать еще что-то, чтобъ покончить съ тѣмъ состояніемъ, съ тѣмъ неуловимымъ, неосязаемымъ, что тяготило ихъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ они выѣхали отсюда.

Игнатъ проговорилъ:

— Такъ, штоль? Хоть бы въ копну закопать... что же такъ на виду...

Максимомъ овладѣла страшное безпокойство. Онъ все срывался, не попадая развязавшимся ремнемъ на головку хомута.

— Гляди!!.

Они оба поглядѣли на востокъ: надъ темнымъ горизонтамъ протянулась красная полоса.

— Уходи!.. уноси ты свою голову!..

Хватаясь другъ за друга, вскочили въ повозку и погнали лошадь. Повозка покатилась, и уже видно, какъ пыль подымается отъ колесъ, уже обозначились верхушки дальнихъ кургановъ.

— Го-го-го-о!!!

Они гнали лошадь, сѣкли кнутомъ и гикали хриплыми, срывающимися голосами.

Забѣлѣла мыломъ шлея, вѣтеръ несъ навстрѣчу клочки пѣны, пыль крутилась и отставала, и съ грохотомъ прыгала, неслась повозка, будя просыпающуюся степь.

— Го-го-го-го-о!..

Кидаемые изъ стороны въ сторону, они оглядывались назадъ изуродованными лицами, туда, гдѣ все больше разгоралась красная полоса, гдѣ отчетливѣе проступали курганы, копны, гдѣ свѣтлѣла и свѣтлѣла степь. Кнутъ втянуло, изорвало и поломало въ колесахъ.

Вырывая другъ у друга возжи, они гнали тяжело скакавшую со сбившейся шлеей, съ свистящимъ дыханіемъ изъ кровавыхъ ноздрей опѣненную лошадь, бѣшено гнали въ ту сторону, гдѣ еще теменъ и неподвиженъ былъ горизонтъ, гдѣ смутно и молчаливо лежала невидимая степь, гнали въ стоявшую еще тамъ ночную темноту, и хриплые срывающіеся крики носились, какъ карканье черно-рѣющихъ надъ головами птицъ.

Въ городѣ.

Мнѣ тѣсно здѣсь, какъ въ тѣсной западнѣ.
Я о поляхъ мечтаю, какъ о чудѣ,
И съ ѣдкой болью мыслю о веснѣ.

Мнѣ надоѣли комнатные люди,
Я сталъ ночнымъ, ищу призывныхъ встрѣчъ,
Красиваго лица, манящей груди.

Меня пьянитъ прерывистая рѣчь,
Мгновенный пылъ, съ моимъ обмѣнно слитый,
Согласность губъ и содроганье плечъ.

Роскошенъ пиръ, такъ ярко пережитый,
Но при концѣ я, какъ неловкій воръ,
Смущенно пью свой кубокъ недопитый.

Я силюсь скрыть мой виноватый взоръ,
Притворный видъ, ненужныя движенья,
И ей и мнѣ ненужный разговоръ.

Меня стыдитъ намѣренность сближенья,
Я сознаю, что оправданья нѣтъ,
Пытливо жду и скорю замедленья.

Еще вопросъ, еще одинъ отвѣтъ.
Закрыта дверь и я бреду уныло.
Вновь смѣхъ колесъ и вкрадчивый разсвѣтъ...

Опять хочу забыть, какъ это было,
Но блѣдность ногъ при ламповомъ огнѣ,
Слова и трепетъ чувственнаго пыла...

Быть можетъ, сплю, быть можетъ, сонъ во снѣ,
Нѣтъ, явно—близко солнечное знанье...
Проклятье дню, здѣсь все, какъ въ западнѣ—

И каждый шагъ, и каждое желанье.

Александръ Рославлевъ.

Барельефъ.

Я видѣлъ барельефъ, и до сихъ поръ
Мнѣ сердце жжетъ о немъ воспоминанье...
Вотъ въ небо крикъ, вотъ каменный укоръ!

Подъ барельефомъ не было названья: —
Трупъ женщины, на немъ мужчины трупъ,
Ихъ змѣй сдавилъ и замеръ въ созерцаньи...

Взглядъ у обоихъ холоденъ и тупъ,
Но столько страсти въ жадномъ поцѣлуѣ
Отъ смертной боли искривленныхъ губъ!

Проклятый змѣй, чью силу роковую,
Не одолѣть, чьихъ чаръ не избѣжать,
Коварный змѣй, обвившій ось земную!

Земля, земля! Моя святая мать!
Вездѣ проползъ онъ, врагъ твой ненасытный,
На всемъ—его зловѣщая печать.

Неуязвимый, злобно-любопытный,
Слѣдившій жизнь несчетные года,
Онъ исказилъ твой обликъ первобытный:

Чуть не до неба встали города,
Гдѣ ровный свѣтъ... гудки автомобилей...
И гдѣ просторъ потерянъ навсегда...

Напрасны взрывы яростныхъ усилій
И крикъ: „свобода!" смѣлыхъ бунтарей,—
Намъ не вернуться къ легендарной были,

Когда подъ солнцемъ—звѣри межъ звѣрей —
Бродили радостно Адамъ и Ева,
Прекрасны, мудры въ наготѣ своей...

Что жъ, сѣятель губительнаго сѣва?
Ты побѣдилъ — земля въ сѣтяхъ твоихъ,
Но чѣмъ еще насытишь алчность зѣва?

Духъ познаванья, темный богъ слѣпыхъ!

Александръ Рославлевъ.

Болѣзнь.

Разсказъ Бориса Лазаревскаго.

I.

Все кругомъ было чужое и мертвое. Вездѣ иней, тишина и холодъ. На берегу голыя, корявыя деревья мерзли и вспоминали милое лѣто, когда ихъ грѣло солнце. Грязный ледъ владивостокской бухты крѣпко держалъ огромный транспортъ „Агарь". Еще въ прошломъ году этотъ пароходъ стоялъ у береговъ Цейлона и назывался иначе; тогда синія, теплыя волны ласкали его борты.

Впереди, ближе къ рейду, дремали два трехмачтовые крейсера—остатки эскадры. Сотни людей, жившихъ внутри этихъ сѣрыхъ стальныхъ коробокъ, отлично понимали, что морская война уже кончена и что они больше никогда и никуда не пойдутъ. Тѣмъ не менѣе жили и служили, то есть продѣлывали каждый день церемонію поднятія и спуска флага, производили ученія и тревоги, а къ вечеру успокаивались. Затѣмъ, до слѣдующаго утра, на мостикѣ топалъ ногами вахтенный и слышно было, какъ гудитъ машина электрическаго освѣщенія.

Такъ жили и служили и на „Агари", и безумно, хоть и невидимо, тосковали. Тосковали о потерѣ флота, который крѣпко, чисто-инстинктивно любили. Тосковали безъ родины, безъ писемъ, безъ душевнаго тепла дорогихъ людей. Томились и мучались, какъ въ тюрьмахъ, и старались скрывать эти мученія другъ отъ друга. Хорошее видѣли только во снѣ. У матросовъ лица были сѣрыя, угреватыя, у офицеровъ—желтыя, обрюзгшія.

По воскресеньямъ въ каютъ-компаніи заказывали обѣдъ получше и старались пригласить хоть одну или двѣ дамы изъ немногихъ, оставшихся въ городѣ офицерскихъ или чиновничьихъ женъ. Чистили тужурки, надѣвали свѣжіе воротнички и, съ утра, ожидали гостей.

Меню всегда сочинялъ сорокалѣтній, всѣми любимый лейтенантъ Хлѣбниковъ. На дѣйствительную службу онъ

оступилъ добровольно изъ отставки и собирался воевать, но только просидѣлъ двѣнадцать мѣсяцевъ въ каютѣ и разжирѣлъ, какъ индюкъ въ мѣшкѣ. Борода у дяди Хлѣбникова была длинная, свѣтло-рыжая, будто смазанная іодомъ. Говорилъ онъ низкимъ басомъ и солидностью движеній напоминалъ духовную особу.

По его приказанію сегодня готовили: супъ съ пирожками, на второе поросенка съ кашей, за котораго заплатили пятнадцать рублей, а на сладкое—великолѣпный консервированный ананасъ, купленный за одинъ рубль. Поваръ былъ отличный, изъ запасныхъ, получавшій на волѣ пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ, а теперь, какъ матросъ второй статьи, всего рубль и сорокъ семь копеекъ.

До обѣда оставался еще часъ, но въ каютъ-компаніи уже былъ накрытъ столъ. Прапорщикъ запаса Хоменко объяснялъ вѣстовому, какъ нужно сворачивать салфетки. Другой прапорщикъ, Стельчинскій, настраивалъ гитару и едва слышно подпѣвалъ каждой струнѣ высокимъ, печальнымъ теноркомъ. Дядя Хлѣбниковъ, съ налитымъ кровью лицомъ, стоялъ передъ зеркаломъ и трясущимися руками силился застегнуть верхнюю запонку своей туго накрахмаленной сорочки.

У всѣхъ троихъ офицеровъ прошлая жизнь была нелѣпой и тяжкой, но каждому изъ нихъ казалось, что въ Россіи у него было какое-то огромное настоящее счастье и только теперь наступило время, когда приходится подогрѣвать свое существованіе искусственными мѣрами...

Въ половинѣ одиннадцатаго подвахтенный доложилъ, что на льду бухты показались: „дви барыни и два армейскихъ охвицера“.

Черезъ пять минутъ обѣ дамы—одна толстая, а другая тонкая—уже подымались по трапу. Кавалеры шли въ нѣкоторомъ отдаленіи. Всѣ они улыбались. Улыбались наверху и встрѣчавшіе. Подъ тяжестью четырехъ человѣкъ насквозь промерзшій трапъ закачался и заскрипѣлъ.

Въ каютъ-компаніи прапорщики не позволили вѣстовымъ снять съ дамъ ротонды и сдѣлали это сами. Обѣ женщины были некрасивыя, съ дряблыми, усиленно присыпанными пудрою лицами и жеманились, какъ дѣвочки; но послѣ ихъ прихода въ тѣсномъ, пропитанномъ табачнымъ дымомъ помѣщеніи, вдругъ повѣяло невидимой радостью. Чувствовалось, что теперь уже никто не выбранится трехэтажнымъ словомъ и никто не разскажетъ анекдота, послѣ котораго можетъ стошнить.

Мужья дамъ—армейскіе офицеры, оба капитаны, оба уже съ просѣдью, съ любопытствомъ осматривали мало

знакомую обстановку каютъ-компаніи, они все еще улыбались и были очень довольны, что попали въ тепло.

Сейчасъ же время побѣжало гораздо быстрѣе. Когдасъѣли закуску, съ берега пришелъ еще одинъ гость—лейтенантъ Охотинъ. Молодой, съ русой бородкой, блѣдный, съ безпокойными голубыми глазами, съ университетскимъ значкомъ на сюртукѣ, онъ наскоро поздоровался, сѣлъ за столъ и крѣпко потеръ рука объ руку.

— Что, Николай Федоровичъ, очень холодно?—спросилъ Стельчинскій.

— Да... морозъ звѣрскій... Иду я это сюда и вижу, два корейца выпилили огромный кусокъ льда, поставили этотъ кусокъ точно обелискъ и любуются его прозрачностью. Д-да... И вдругъ мнѣ пришло въ голову, что абсолютно нравственные люди потому и чисты, что холодны, какъ ледъ.

Охотинъ машинально поправилъ воротничокъ и тряхнулъ головою.

— Вы у насъ извѣстный философъ, — неодобрительно прогудѣлъ Хлѣбниковъ.

— Никогда я философомъ не былъ и всякой философіи терпѣть не могу, потому что люблю все самое обыкновенное и чисто-земное...

— Значитъ, слѣдуетъ выпить водки,—добавилъ Стельчинскій и налилъ двѣ большихъ рюмки. Охотинъ выпилъ не спѣша, немного оставилъ на днѣ и не закусилъ.

— Еще?—спросилъ Стельчинскій.

— Можно.

Снова чокнулись и выпили.

Оба прапорщика очень любили Охотина и имъ казалось, что онъ и дядя Хлѣбниковъ—единственные „желтопогонники", которые не тычутъ имъ въ носъ своего общественнаго превосходства. Нравилось имъ также, что ни тотъ, ни другой никогда не старались овладѣть вниманіемъ ихъ дамъ.

Проглотивъ нѣсколько ложекъ супу, Охотинъ трясущеюся рукою снова потянулся къ графину и налилъ себѣ водки. Потомъ выпили еще по одной съ дядей Хлѣбниковымъ.

— Вы, monsieur Охотинъ, сегодня, кажется, склонны къ алкоголизму?—сказала толстая дама и снисходительно улыбнулась.

— Нѣтъ, это пустяки. Вернусь послѣ войны домой и тогда совсѣмъ брошу пить,—отвѣтилъ Охотинъ, тряхнулъ головою и подумалъ: „ахъ, какая дура, ахъ какая дура"...

— Конечно, пустяки,—отозвался Хоменко и, желая быть дипломатичнымъ и галантнымъ, добавилъ: -Слушайте, го-

спода, выпьемъ еще по одной за здоровье нашихъ прекрасныхъ дамъ.

— Я не желаю, чтобы мое здоровье пили водкой,— прощебетала тонкая барыня.

— Въ такомъ случаѣ мы выпьемъ мадеры.

— Мадеры можно...

II.

Послѣ обѣда подали кофе и ликеры. Закурили сигары. Въ синемъ дыму тѣсной каютъ-компаніи дребезжащіе голоса обѣихъ барынь казались офицерамъ звонкими и молодыми.

Толстая дама умильно посмотрѣла черезъ лорнетъ на прапорщика Стельчинскаго и сказала:

— Милый Петръ Петровичъ, пожалуйста, спойте намъ что-нибудь.

Стельчинскій покраснѣлъ, и на вискѣ у него ясно обозначилась синяя жилка.

— Я могу, только, право, не знаю, что вамъ нравится.

— Все, что хотите.

— Да не ломайсь...—пустилъ октавой Хлѣбниковъ.

Стельчинскій взялъ съ дивана гитару, побренчалъ на одной струнѣ, потомъ на другой, низко опустилъ голову и началъ:

Ни слова, о, другъ мой... ни вздоха...
Мы будемъ съ тобой молчаливы...

Голосъ у него былъ высокій, но мягкій. Въ каждомъ словѣ и въ каждой нотѣ, кромѣ голоса, пѣла еще невидимая искренность человѣка, чувства котораго совпали съ настроеніемъ композитора. Этой искренности не могли повредить ни тѣснота помѣщенія, ни табачный дымъ, ни выпитая водка. Аккомпанировалъ себѣ Стельчинскій мастерски, и подъ его пальцами каждая струна тоже пѣла.

Вѣдь молча надъ камнемъ,
Надъ камнемъ могильнымъ
Склоняются грустныя ивы...

Продолжалъ онъ. Лица всѣхъ слушавшихъ постепенно измѣнялись. Дамы прищурились и, видимо, наслаждались. Мужчины какъ будто встревожились и съ ихъ губъ исчезло выраженіе послѣобѣденнаго животнаго довольства.

Охотинъ испуганно глядѣлъ въ землю и ноздри его замѣтно шевелились. Такъ же испуганно смотрѣлъ стоявшій у дверей вѣстовой матросъ. И всѣмъ казалось, что это поетъ

не прапорщикъ Стельчинскій, а какой-то другой, необыкновенный человѣкъ, котораго они раньше не видали.

И только, склонившись, читаютъ,
Какъ я въ твоемъ сердцѣ усталомъ,
Что были дни яснаго счастья,
Что этого счастья не стало...

Голосъ мягко изгибался, перешелъ въ нѣжное pianissimo и неутѣшно закончилъ:

Что этого счастья не стало...

Стельчинскій замолчалъ. Никто не сказалъ одного слова. Слышно было, какъ тяжело дышитъ Охотинъ. Ясно раздавались шаги ходившихъ на палубѣ матросовъ. Наконецъ, тонкая барыня несмѣло выговорила:

— Петръ Петровичъ, пожалуйста, пожалуйста, спойте еще что-нибудь...

И глаза у нея вдругъ стали добрыми и красивыми. Стельчинскій вздохнулъ.

— Видите ли, я не отказываюсь, но два такихъ романса подрядъ,—мнѣ тяжело пѣть. Лучше мы съ Хоменкой изобразимъ какой-нибудь дуэтъ...

Всѣ присутствовавшіе чувствовали, что его уже не нужно упрашивать, что теперь онъ и самъ не можетъ не пѣть и знаетъ, какая вещь выйдетъ у него лучше. Хлѣбниковъ, который слышалъ его голосъ чаще другихъ, зналъ, что прапорщикъ самъ взволнованъ своимъ искусствомъ и сказалъ слово „изобразимъ" вмѣсто „споемъ" только затѣмъ, чтобы не выдать этого волненія. Стельчинскій посмотрѣлъ на Хоменка и коротко произнесъ:

— Споемъ „Ночи безумныя".

Хоменко молча всталъ съ дивана, заложилъ руки за спину и облокотился о стѣнку. Охотинъ поднялъ голову и ни съ того, ни съ сего пробормоталъ:

— Да... Музыка вещь ужасная, ужасная, ужасная...

Всѣ посмотрѣли на него съ недоумѣніемъ. Хлѣбниковъ раскрылъ ротъ и хотѣлъ что-то возразить, но въ это время баритонъ съ низкой ноты, а теноръ съ высокой начали:

Но-чи-безум-ныя, но-чи безсо-нныя...

Голоса точно на секунду сошлись, обнялись и, достигнувъ огромной, но не одинаковой силы, опять поплыли въ разныя стороны.

Хоменко пѣлъ спокойно, увѣренно, но было слышно, что это не увѣренность художника, а только человѣка, отлично разучившаго свою партію. Голосъ Стельчинскаго дѣлалъ

впечатлѣніе не одной точностью исполненія мелодіи. Слышалось въ немъ свое собственное, для всѣхъ новое и необыкновенно сердечное. Было понятно, что Хоменкѣ не все равно, слушаетъ ли его кто или нѣтъ, а Стельчинскому это безразлично. Особенно красиво вышелъ куплетъ

Пусть даже время рукой безпощадною
Мнѣ указало, что было въ васъ ложнаго...

На полъ-секунды голоса опять стихли и потомъ, будто прижавшись другъ къ другу, пошли къ концу.

Все же лечу я къ вамъ памятью жадною,
Въ прошломъ отвѣта ищу невозможнаго,
Ночи безумныя, ночи безсонныя!..

Стельчинскій положилъ гитару. Хоменко опять сѣлъ на диванъ. Зрачки Охотина были широко раскрыты. Хлѣбниковъ вздохнулъ и пробасилъ:

— Вѣстовые, дайте сельтерской.

Матросъ оторвался отъ двери и побѣжалъ въ буфетъ. Другой вѣстовой (никто не замѣтилъ, когда онъ вошелъ), осторожно нагибаясь черезъ спины офицеровъ, началъ убирать со стола лишнюю посуду.

Толстая дама долго смотрѣла на Стельчинскаго черезъ лорнетъ, потомъ вздохнула и сказала:

— Вы, Петръ Петровичъ, настоящій, большой артистъ.

— Да, вродѣ какъ Собиновъ,—отозвался одинъ изъ армейскихъ офицеровъ и добавилъ,—хотя я его слышалъ только въ граммофонѣ,—и громко засмѣялся, но никто другой не улыбнулся.

Охотинъ все еще не двигался и смотрѣлъ въ одну точку. Казалось, что онъ видитъ передъ собою что-то страшное, сверхъ-естественное, совсѣмъ непонятное для другихъ. Наконецъ, онъ всталъ, съ жадностью выпилъ сельтерской воды и, немного пошатываясь, какъ человѣкъ, у котораго вдругъ закружилась голова, ушелъ въ каюту Стельчинскаго.

— Отправился спать,—сказалъ Хлѣбниковъ, и по тону его голоса было слышно, что и ему самому уже хочется полежать.

Стельчинскому не сидѣлось. Дамы продолжали его хвалить, а онъ отвѣчалъ невпопадъ и принужденно. Когда его опять начали просить спѣть, Стельчинскій замоталъ головою и отвѣтилъ:

— Уже прошло настроеніе и ничего хорошаго не выйдетъ.

Онъ всталъ, взялъ гитару и понесъ ее въ свою каюту.

Охотинъ лежалъ, уткнувшись лицомъ въ подушку. Плечи его потихоньку вздрагивали.

— Вы не спите?—спросилъ Стельчинскій.

Лейтенантъ не поднялъ головы и, должно быть, не слыхалъ вопроса. Его плечи опять передернулись. Стельчинскій рѣдко видѣлъ, какъ плачутъ офицеры. Ему вдругъ стало жарко и по всему тѣлу какъ будто пробѣжалъ электрическій токъ. Онъ положилъ гитару на столикъ и не зналъ, что нужно дѣлать. Нѣсколько лѣтъ назадъ, когда умерла его мать, онъ видѣлъ, какъ лежалъ въ такой же самой позѣ и такъ же вздрагивалъ отецъ и теперь подумалъ, что съ Охотинымъ случилось что-нибудь страшное и непоправимое. Онъ осторожно провелъ рукой лейтенанта по спинѣ и окликнулъ:

— Николай Федоровичъ, что съ вами?

Охотинъ поднялся и сѣлъ на койкѣ. Все его лицо было въ красныхъ пятнахъ, глаза припухли и жмурились на свѣтъ, какъ у больного. Онъ высморкался въ мокрый платокъ и съ досадой сказалъ:

— Притворите дверь, какъ слѣдуетъ.

Стельчинскій однимъ движеніемъ дернулъ къ себѣ мѣдное кольцо двери, сѣлъ возлѣ Охотина и опять спросилъ:

— Николай Федоровичъ, что съ вами?

— Да ничего особеннаго. Немножко нервы устали, а въ общемъ мнѣ очень стыдно. Со мной этого уже давно не случалось и теперь я самъ себѣ отвратителенъ.

Онъ замолчалъ и опять высморкался. Отъ мокрой подушки и отъ носового платка потянуло чѣмъ-то теплымъ и кислымъ. И весь воздухъ въ каютѣ былъ дымный, спертый, пропитанный запахомъ стоявшихъ въ углу смазныхъ сапогъ прапорщика.

III.

— Принести вамъ воды?—спросилъ Стельчинскій.

— Нѣтъ, нѣтъ, не нужно.

Лейтенантъ махнулъ рукой и снова легъ на койку, потомъ улыбнулся и прошепталъ:

— Ты, Петя, хорошій человѣкъ...

Стельчинскій не удивился тому, что Охотинъ вдругъ перешелъ на „ты“,—въ пьяныхъ компаніяхъ это случалось часто. Онъ только отрицательно покачалъ головой и такъ же тихо и задумчиво отвѣтилъ:

— Нѣтъ, я плохой человѣкъ.

— По сравненію со мной ты ангелъ,—настойчиво выговорилъ Охотинъ.—Я вижу тебя, не-то четвертый, не-то пятый

разъ въ жизни, а какъ будто знакомъ съ тобой уже давно... Если ты и дѣлаешь что-нибудь худое, такъ только то, что поешь съ огромнымъ чувствомъ. Дай папироску...

Помолчали. Охотинъ нѣсколько разъ съ наслажденіемъ затянулся и опять заговорилъ полушепотомъ.

— Твоя музыка, братъ, страшная... Ты почти художникъ. Я говорю почти, потому что не понимаю музыкантовъ, исполняющихъ чужое, да еще разученное. Настоящему музыканту можно сказать: сядь за рояль и сыграй мнѣ о томъ, какъ ты былъ сегодня счастливъ или несчастливъ. И онъ скажетъ мелодіей больше, чѣмъ словами, и каждый тактъ этой мелодіи здѣсь же, подъ руками, у него и родится. Если бы я былъ музыкантомъ, я бы только такъ и могъ играть. Вотъ эта вещь на слова Плещеева: „Ни слова, о, другъ мой"... она только и могла выйти изъ-подъ рукъ человѣка, который горькимъ опытомъ понялъ, что когда все потеряно, тогда уже говори—не говори... ничего не спасешь и не вернешь,—воистину какъ надъ могильнымъ камнемъ. Да-а... Или этотъ апухтинскій романсъ „Ночи безумныя". Господи, какой онъ затасканый, но каждое его слово попадаетъ прямо въ сердце, потому что любовь—это дѣйствительно безуміе, хоть и сладкое. Кто живетъ однимъ разсудкомъ и моралью, тотъ никогда не узнаетъ, что такое настоящее, всю душу потрясающее наслажденіе... Когда вы съ Хоменкой удивительно проникновенно пѣли вотъ это мѣсто

Пусть даже время рукой безпощадною
Мнѣ указало, что было въ васъ ложнаго,
Все же стремлюсь я къ вамъ памятью жадною...—

тогда моя память стала дѣйствительно жадной. Дай спички...

Охотинъ долго раскуривалъ папиросу и, когда заговорилъ снова, голосъ его сталъ глуше.

— Ты знаешь—я женатъ. И жена Люся, и сынъ Боря у меня чудесные. Но... существовала такая семнадцатилѣтняя барышня Таня... Какъ мы познакомились—это я тебѣ потомъ разскажу. Красавицей ее нельзя было назвать, много въ ней чувствовалось животнаго, душа была исковерканная и въ достаточной мѣрѣ холодная, но тѣло у нея, когда-то, было гибкое, какъ у тигра, нѣжное, какъ атласъ, и горячее, какъ іюльскій день. Ради Бога, не подумай, что мы были съ нею въ связи. Нѣтъ. Но было нѣсколько моментовъ, когда я могъ цѣловать ея грудь, ноги, руки. Воля у нея была сатанинская и только благодаря этой волѣ я и не скатился въ пропасть... Да. И вотъ, знаешь, я—университетскій человѣкъ, семьянинъ вполнѣ удовлетворенный, какъ мужчина и, какъ меня называетъ дядя Хлѣбниковъ „философъ", ради Тани

исковеркалъ всю свою жизнь, растерялъ по мелочамъ всю свою порядочность и потерялъ уваженіе самыхъ дорогихъ мнѣ людей. И... если бы теперь самъ Господь Богъ спросилъ меня, желаю ли я начать свою жизнь опять сначала и прожить ее точно такъ же?..—я бы отвѣтилъ, что желаю. Я страшно мучился и физически, и морально, но готовъ мучиться еще, и въ десять разъ сильнѣе, только чтобы вернулись тѣ моменты... Время указало мнѣ какъ нельзя лучше, что въ моихъ отношеніяхъ съ Таней было ложнаго, можетъ быть, даже все было ложное, а вотъ съ памятью ничего не подѣлаешь. Каждый поцѣлуй, каждую ласку я помню, точно все это было не три года назадъ, а всего нѣсколько часовъ... Я больше такихъ женщинъ и не встрѣчалъ, то есть встрѣчалъ напоминавшихъ ее, но въ концѣ концовъ всѣ онѣ были похожи на Таню, по хохлацкому выраженію, такъ же, „якъ чорне теля на жиночью плахту". И тянется эта бѣда безъ конца,— иногда острѣе, иногда—легче.

У Охотина вдругъ опять показались на глазахъ слезы. Онъ сдѣлалъ глотокъ и продолжалъ:

— Сегодня я видѣлъ ее во снѣ, видѣлъ такою, какою она уже никогда не будетъ. Проснулся—и больше не могъ закрыть глазъ. До утра все ходилъ по комнатѣ и выкурилъ чуть не полъ-сотни папиросъ... Но какъ отчетливо, какъ ясно видѣлъ! Ты понимаешь, что я, напримѣръ, помню запахъ ея тѣла, тоненькіе волосики на ея рукѣ... Вѣдь это страшно... Усталъ я... Иди, братъ Петя, въ каютъ-компанію, а то неловко... Я свой, а тамъ гости. Я подремлю немного. Потомъ еще разскажу. Тебя мнѣ не стыдно. Человѣкъ, умѣющій такъ пѣть, не можетъ не понимать этихъ вещей. Иди, голубчикъ. Усталъ я страшно,—точно меня бамбуковыми палками избили, и разсказываю не такъ какъ слѣдуетъ. Теперь ужъ она совсѣмъ другая стала. Потомъ разскажу толковѣе. Иди, Петя, оставь меня одного...

Охотинъ отвернулся къ стѣнѣ и замолчалъ.

Стельчинскій вздохнулъ, захватилъ изъ коробки папиросъ и вернулся въ каютъ-компанію.

— Что вы тамъ такъ долго его исповѣдывали?—спросила толстая дама.

— Такъ. Ничего. Нездоровится ему немного...

— Выпилъ лишнее, вотъ и нездоровится. Воли у васъ всѣхъ очень мало,—опять сказала дама и съ укоромъ покачала головой.

— А у васъ ея слишкомъ много,—сердито отвѣтилъ Стельчинскій, но сейчасъ же спохватился, покраснѣлъ и забормоталъ:—Извините, ради Бога, я, право, не знаю, какъ это у меня вырвалось...

Отъ сознанія своей невѣжливости онъ покраснѣлъ еще сильнѣе и ему казалось, что онъ обидѣлъ не только даму, но и ея мужа, который потребуетъ отъ него непріятныхъ объясненій.

Но одинъ изъ армейскихъ капитановъ только вздохнулъ и произнесъ:

— Воля здѣсь ни при чемъ, и выпивка ни при чемъ. Мужчина устроенъ иначе, чѣмъ женщина, и жизнь его иная. Мы съ тобой сколько времени вмѣстѣ живемъ, а все-таки другъ друга не всегда понимаемъ...

Всѣмъ стало неловко. Хлѣбниковъ нахмурился и думалъ: „Эти прапоры, хоть ихъ въ десяти водахъ мой, все-таки невѣжами останутся". Тонкая дама покосилась на капитана и прощебетала:

— А я, Никаноръ Ивановичъ, съ вами не согласна. По-моему, и мужчина, и женщина созданы совершенно одинаково...

— Возможно, возможно,—отвѣтилъ капитанъ,—все возможно...

— Вы напрасно рѣшили, что я на васъ обидѣлась,— сказала толстая дама Стельчинскому.—Напротивъ, я люблю искренность, а кромѣ того вы сегодня доставили намъ такое огромное удовольствіе своимъ пѣніемъ, что я ничего, кромѣ благодарности, не могу къ вамъ чувствовать... И она пріятно улыбнулась.

„Слава Богу, слава Богу", думалъ Хлѣбниковъ. Онъ очень боялся всякихъ серьезныхъ разговоровъ, которые, какъ ему казалось, непремѣнно кончаются споромъ или крупной ссорой. Ему хотѣлось, чтобы гости въ его каютъ-компаніи всегда только наслаждались и веселились.

Подали чай. Хоменко попробовалъ разсказать нѣсколько анекдотовъ, но они никому не понравились. Стельчинскій упорно молчалъ. Чья-то невидимая тоска проникла въ каютъ-компанію и затуманила всѣхъ. Каждый думалъ свое. Въ каютъ-компаніи зажглось электричество и никто этого не замѣтилъ. Вошелъ весь покрытый инеемъ, бѣлый, какъ рождественскій дѣдъ, боцманъ, вытянулся передъ Хлѣбниковымъ и доложилъ, что до спуска флага осталось пятнадцать минутъ.

— Хорошо. Скажи барабанщику, чтобы билъ повѣстку. Ступай.

Хлѣбниковъ надѣлъ кортикъ и, уже обращаясь къ дамамъ, сказалъ:

— Замѣчательно рано теперь темнѣетъ, еще не зашло солнце, а уже читать нельзя.

— Это оттого, что будетъ снѣгъ,—отвѣтилъ одинъ изъ капитановъ и сталъ надѣвать шашку.

Гости знали, что послѣ спуска флага постороннимъ нельзя оставаться на „Агари" и стали собираться. Хоменко тоже одѣлся, сдѣлалъ серьезное лицо и спросилъ Хлѣбникова:

— Разрѣшите мнѣ на берегъ до полуночи?

— Пожалуйста.

Сходить по трапу казалось гостямъ страшнѣе, чѣмъ подыматься. Дамы нерѣшительно топтались на площадкѣ. Хоменко пошелъ впередъ и тогда за нимъ двинулись остальные. Черезъ секунду ихъ спины потерялись въ сѣромъ холодномъ туманѣ. Хлѣбниковъ вздохнулъ и сказалъ:

— Петръ Петровичъ, пожалуйста, поприсутствуйте при спускѣ флага, а то у меня голова болитъ, я полежу.

— Есть.

Тяжко охнулъ съ флагманскаго судна пушечный выстрѣлъ.

— Флагъ спустить,—лѣниво скомандовалъ Стельчинскій матросу, потомъ выслушалъ рапортъ боцмана и пошелъ въ каюту.

IV.

Охотинъ спалъ непокойно. Онъ лежалъ на лѣвомъ боку, иногда стоналъ и проводилъ рукой по лицу, точно сгонялъ мухъ. Стельчинскій осторожно прошелъ мимо него къ шифоньеру, досталъ табакъ и гильзы, сѣлъ и началъ дѣлать папиросы. Каждый шорохъ, каждый вздохъ спящаго лейтенанта раздавался въ его ушахъ особенно отчетливо, и ему стало жаль Охотина, какъ бываетъ жаль безнадежнобольного. Часы звучно чикали на стѣнѣ, но казалось, что стрѣлки на нихъ почти не двигаются.

Стельчинскому вдругъ захотѣлось оглянуться и, когда онъ повернулъ голову, то увидѣлъ, что Охотинъ уже сидитъ на койкѣ, протираетъ глаза и виновато улыбается.

— Ну, что? Подремалъ?—спросилъ Стельчинскій.

— Да-а...

— Хочешь сельтерской?

— Лучше горячаго чайку. А гости уже ушли?

— Давно ушли. Хлѣбниковъ спитъ...

— Ну, и слава Богу.—Охотинъ нагнулся всей фигурой впередъ, кивнулъ головой, опять улыбнулся и сказалъ:— Ты знаешь, Петя, это хорошо, что я началъ разсказывать тебѣ все,—на душѣ веселѣй стало. Вѣдь до сихъ поръ я только жарился въ своемъ собственномъ соку,—это, братъ, очень тяжелая марка...

Охотинъ на минуту замолчалъ, внимательно посмотрѣлъ на Стельчинскаго и по выраженію его глазъ понялъ, что онъ будетъ его слушать не изъ одного любопытства и никогда не станетъ вышучивать того, о чемъ узнаетъ.

Вѣстовой принесъ на подносѣ чай и не зналъ, куда его поставить. Охотинъ взялъ стаканъ и медленно выпилъ его ложечкой. Послѣ чая онъ съ удовольствіемъ выкурилъ папироску и заговорилъ очень спокойно:

— Ты знаешь, я вѣдь въ морскомъ корпусѣ не былъ. Я окончилъ университетъ, математическій факультетъ. Запрягаться сейчасъ же въ чиновничью лямку не хотѣлось, а хотѣлось увидѣть чужія страны и какъ тамъ живутъ люди. Я зачислился во флотъ юнкеромъ и проплавалъ шестнадцать мѣсяцевъ за границей. Хорошихъ мѣстъ видѣлъ много, но хорошихъ людей почти не встрѣчалъ. Каждый выдающійся человѣкъ въ концѣ концовъ непремѣнно оказывался или пьяницей, или сифилитикомъ, или звѣремъ, а всѣ тихіе, скромные оказывались недалекими, или такими мѣщанами, что стѣны вокругъ нихъ скучали. И тѣ и другіе мнѣ не нравились и потому друзей у меня не было. Послѣ производства въ мичманы я перевелся въ Крымъ. И здѣсь я увидѣлъ все то же: умный—такъ непремѣнно или мошенникъ, или разбиваетъ вдребезги матросскія физіономіи, а глупый—такъ глупый и есть и говорить съ нимъ тошно. Я сталъ присматриваться къ мѣстнымъ барышнямъ. Въ большинствѣ случаевъ всѣ онѣ были изъ рукъ вонъ пусты, а которыя посерьезнѣе, тѣ скучны. И среди мужчинъ, и среди женщинъ я чувствовалъ себя чрезвычайно одинокимъ. Наконецъ, въ семьѣ одного отставного капитана перваго ранга я встрѣтилъ только-что окончившую гимназію дѣвушку—большую красавицу и при этомъ необыкновенно скромную, почти застѣнчивую. Сначала она отвѣчала на мои вопросы только: да и нѣтъ, и смотрѣла изподлобья. Черезъ мѣсяцъ мы стали говорить какъ слѣдуетъ и я увидѣлъ, что въ Люсѣ много человѣка, въ лучшемъ значеніи этого слова, и въ то же время въ ней много самой чарующей женственности и склонности къ материнству. Основной чертой ея характера была разсудочность. На все она смотрѣла, такъ сказать, съ точки зрѣнія естественника и потому рѣдко сердилась. Впрочемъ, о Люсѣ въ двухъ словахъ не скажешь. Я ее и самъ до сихъ поръ мало понимаю, ужъ очень она не банальная женщина,—ну, да изъ моего разсказа попутно самъ увидишь. Меня, главнымъ образомъ, поразила въ ней золотая середина,—между тѣмъ, что называется по латыни homo и femina,—всегда казавшаяся мнѣ недостижимымъ идеаломъ. Я не увлекся Люсей до безумія, но я былъ

похожъ на человѣка, увидѣвшаго въ провинціальномъ магазинѣ вещь, которую въ другомъ мѣстѣ нельзя достать ни за какія деньги; и вотъ его обуялъ страхъ, чтобы эту вещь не купилъ бы кто-нибудь другой. Люсю я заинтересовалъ, какъ не совсѣмъ обыкновенный офицеръ. Ея отецъ тоже относился ко мнѣ мягче, чѣмъ къ остальнымъ ея поклонникамъ, которыхъ онъ почти не пускалъ въ себѣ въ домъ. Строгій онъ былъ и большого благоразумія человѣкъ, съ такимъ лицомъ, какъ у Ницше. Меня онъ считалъ необыкновенно честнымъ. Кажется, это былъ единственный случай, когда старикъ ошибся... Цѣлую зиму я ходилъ къ нимъ обѣдать и чувствовалъ себя великолѣпно Весной я сдѣлалъ Люсѣ предложеніе, внесъ реверсъ и женился.

На бульварѣ нами любовались, а я гордо шелъ подъ руку съ женой и думалъ, что такъ моя жизнь будетъ продолжаться всегда. Лѣтомъ я плавалъ въ учебномъ отрядѣ. Четыре дня мы стояли въ бухтѣ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ города, а въ пятницу вечеромъ приходили на рейдъ и оставались здѣсь до понедѣльника. Прямо съ пристани я летѣлъ домой и задыхался отъ радости и отъ быстрой ходьбы.

Въ сентябрѣ мы окончили кампанію и перешли на зимнія квартиры. Я поселился съ тестемъ. У насъ было три чудесныхъ комнатки, отличная кухарка и преданный, какъ собака, вѣстовой Григоренко. Въ собраніи и въ гостяхъ мы бывали рѣдко. Многіе изъ товарищей считали меня ревнивцемъ, но эта была чепуха, тогда я не былъ знакомъ съ этимъ чувствомъ. Люсю не интересовало ничто и никто, кромѣ меня.

По вечерамъ, когда на бульварѣ играла музыка, мы спускались внизъ и сидѣли возлѣ моря, такъ что насъ никто не видалъ. Мы слушали музыку, слушали, какъ плещутъ волны, смотрѣли на далекіе огни, дышали прекраснымъ воздухомъ, и намъ было хорошо...

Наступила беременность. Люся немного подурнѣла и глаза у нея стали грустными. Конечно, это было вполнѣ естественно, и я не безпокоился. Развлечь ее было нечѣмъ,— ни оперы, ни драмы, ни популярныхъ лекцій,—ничего этого въ нашемъ городѣ не было. Я не грустилъ, но только мнѣ иногда приходила въ голову мысль: хорошо-бы теперь на недѣльку съѣздить одному въ Петербургъ, но только я чувствовалъ, что объ этомъ желаніи не слѣдуетъ говорить Люсѣ.

Зимой служба отнимала времени немного,—я командовалъ одной ротой, состоявшей изъ сорока человѣкъ, остальные были въ плаваніи. По вечерамъ я читалъ, затѣмъ разговаривалъ съ Люсей о нашемъ будущемъ ребенкѣ. Послѣ

вечерняго чая играли съ тестемъ въ преферансъ. Потомъ мы съ женой уходили въ спальню. Люся засыпала быстро. а я лежалъ съ открытыми глазами, ворочался и бранилъ самого себя. Помилуй, какъ же было не бранить? Я обладалъ великолѣпнѣйшей женщиной, матеріально абсолютно не нуждался, жилъ въ чудесномъ климатѣ, въ теченіе сутокъ у меня было, по крайней мѣрѣ, десять свободныхъ часовъ, матросы меня обожали, тесть считалъ меня самымъ образованнымъ человѣкомъ во всемъ городѣ. И... тѣмъ не менѣе, душа моя тосковала. Казалось, что Люся—небесный человѣкъ, а я—земной; казалось, что я взялъ на себя миссію охранять огромную цѣнность, въ которой не понимаю толка. Попросту говоря, я началъ скучать. По ночамъ мнѣ грезилась разная чепуха вродѣ того, что я, еще студентъ перваго курса, играю на билліардѣ съ замѣчательнымъ игрокомъ и беру у него шесть рядовыхъ партій такъ на такъ, хотя это очень трудно. Но послѣ такого сна я вставалъ какъ будто удовлетвореннымъ.

Читая однажды объ успѣхахъ электротехники, которая всегда меня интересовала, я подумалъ о томъ, что можно выйти въ запасъ, переѣхать въ Петербургъ, выдержать экзаменъ въ электротехническій институтъ, окончить его и затѣмъ отдаться болѣе широкой, чисто-научной дѣятельности.

На слѣдующій день я подѣлился этой мыслью съ тестемъ, но онъ пришелъ въ ужасъ и доказалъ мнѣ, какъ дважды два—четыре, что на семьдесятъ рублей его пенсіи намъ втроемъ не прожить въ Петербургѣ, что придется Люсю, которая готовится быть матерью, поставить въ ужасныя условія, что сейчасъ мы живемъ на мои сто десять рублей, да его семьдесять, да еще съ казенной прислугой и все-таки ничего не можемъ откладывать... Я согласился съ нимъ и понялъ, что моя пѣсенка спѣта. Тѣмъ не менѣе однихъ поцѣлуевъ и сытости физической было мало, но какого мнѣ рожна еще нужно—я и самъ не зналъ.

Я сталъ дольше оставаться на службѣ, а по вечерамъ иногда заходилъ въ собраніе выпить рюмку водки и сыграть на билліардѣ. Люся противъ этого ничего не имѣла, и моя репутація идеальнаго мужа и великолѣпнаго офицера стояла высоко.

Въ мартѣ Люся родила прелестнаго мальчика Борю и вся отдалась любви къ нему. Я тоже искренно радовался, и скука моя прошла. Лѣтомъ три мѣсяца я плавалъ въ эскадрѣ—тамъ дѣла было много. Въ октябрѣ неожиданно скончался тесть. У Люси отъ потрясенія пропало молоко. Нашъ бюджетъ сразу уменьшился.

Я уже не тосковалъ, а только думалъ о томъ, какъ бы мамка не сошлась съ вѣстовымъ Григоренкой, думалъ о деньгахъ и о докторахъ. Люся была великолѣпной хозяйкой. Къ марту мы уплатили долги, и наша жизнь снова пошла гладко, какъ хорошій вельботъ по тихой водѣ.

V.

Лѣто въ Крыму—самое отвратительное время года. По улицамъ летаетъ пылища, отъ жары никуда не спрячешься, люди ходятъ лѣниво, море такое яркое, что глаза болятъ. Но зато весна и осень—это рай земной.

Съ начала марта уже можно было ходить въ одномъ сюртукѣ. Люся вывозила Борю въ колясочкѣ или выносила на рукахъ въ нашъ небольшой садикъ. Ей казалось, что на бульварѣ вѣтеръ можетъ простудить ребенка; она также боялась, чтобы ему не повредило и солнце. Я замѣтилъ, что большинство женщинъ вообще не любятъ солнца,—вѣдь это онѣ выдумали зонтики. Меня же тянуло къ морю и горячаго солнца я никогда не боялся, но любилъ и люблю его больше всего на свѣтѣ.

По цѣлымъ часамъ я сидѣлъ на бульварѣ, радовался веснѣ и наблюдалъ людей. Я зналъ ихъ всѣхъ,—даже помнилъ костюмы дамъ и шляпы мужчинъ. Но они (кромѣ офицеровъ) не знали, кто я и что я думаю,—и это было пріятно.

Въ апрѣлѣ появились новыя лица. Какъ-то невольно я заинтересовался вѣчно гулявшими на бульварѣ мамашей и дочкой. Иногда онѣ садились возлѣ меня и я невольно слушалъ ихъ разговоры. Черезъ недѣлю я уже могъ заключить, что мамаша совсѣмъ не интеллигентна, что дочь такъ же мало образована, но неглупа и командуетъ ею, какъ хочетъ. Узналъ я также, что мать зовутъ Александрой Петровной и она получаетъ послѣ мужа довольно большую пенсію, на которую онѣ и живутъ. Дочь звали Таней.

Тоненькая, стройная блондинка лѣтъ шестнадцати, съ черными бровями и длинными рѣсницами, съ несовсѣмъ правильнымъ носикомъ и сильно открытыми ноздрями, Таня всегда была въ свѣтло-зеленомъ или свѣтло-голубомъ, но очень простомъ платьицѣ и въ шляпочкѣ англійскаго фасона. Я замѣтилъ также, что она никогда не надѣвала корсета и носила изящные ботинки англійскаго фасона, почти безъ каблуковъ, хотя всѣ остальныя дамы уродовали свои ноги высочайшими французскими...

Если Таня сидѣла отъ меня недалеко, то я всегда слышалъ, какъ отъ нея вѣяло тонкими, хорошими духами.

Однажды въ толпѣ вечеромъ я услышалъ этотъ, запахъ и совсѣмъ невольно началъ поворачивать голову направо и налѣво, пока не увидѣлъ Таню. Увидѣлъ—и взволновался. Самъ ужасно испугался этого волненія, но дома ничего не сказалъ о немъ женѣ. Нужно сказать, что относительно обонянія я просто уродъ, по крайней мѣрѣ другихъ такихъ людей мнѣ встрѣчать не приходилось. Еще въ гимназіи я показывалъ изъ этой области фокусы; напримѣръ, мнѣ давали обернутый въ два чистыхъ платка ранецъ, набитый книгами. Я его обнюхивалъ и затѣмъ говорилъ, что онъ принадлежитъ такому-то, что тамъ есть одна совсѣмъ новая книга и, кромѣ книгъ, есть булка и ветчина. Всѣ удивлялись, а я не понималъ, чему тутъ удивляться и какъ это можно не различить запаха свѣжей типографской краски новой книги, или не запомнить, что отъ всѣхъ вещей какого-нибудь Иванова, отецъ котораго торгуетъ бакалейными товарами, всегда немножко пахнетъ рыбной сыростью; о запахѣ ветчины я уже не говорю,—конечно, его всякій слышитъ очень далеко и только прикидывается, будто не слышитъ. Впрочемъ, это все пустяки...

Однажды я шелъ на бульваръ и думалъ: сейчасъ увижу Таню и ея мамашу. Онѣ сдѣлаютъ четыре или пять туровъ и потомъ сядутъ недалеко отъ меня, потому что Таня мною уже интересуется и не прочь познакомиться.

Это было четыре года назадъ, тогда, какъ говорится у Пушкина: „моложе я и лучше, кажется, была".

Все такъ и случилось. Таня сѣла ближе ко мнѣ.

На рейдъ входилъ какой-то огромный пароходъ вродѣ вашей „Агари". Таня вдругъ обернулась ко мнѣ и, не улыбаясь, спокойнымъ, груднымъ голосомъ спросила:

— Скажите, пожалуйста, это броненосецъ?

Я покачалъ головою и какъ можно серьезнѣе отвѣтилъ:

— Нѣтъ, это коммерческое судно.

— Какъ же вы узнали?

— Во-первыхъ, оно совсѣмъ не похоже на броненосецъ, а, во-вторыхъ, на кормѣ у него коммерческій флагъ...

Съ этого началась. Когда я хотѣлъ уйти съ бульвара, то оказалось, что и имъ пора обѣдать.

Я проводилъ Таню и ея мамашу до меблированныхъ комнатъ, въ которыхъ онѣ поселились.

Дома я цѣлый часъ думалъ, сказать или не сказать Люсѣ о своемъ знакомствѣ, и рѣшилъ сказать, но заикнулся объ этомъ лишь поздно вечеромъ.

Люся только спросила:

— Хорошенькая?

— Какъ тебѣ сказать? У нея не совсѣмъ правильныя

черты лица, но самое лицо не шаблонно, вообще же она очень изящна и держитъ себя просто...

Люся помолчала и отвѣтила:

— Нужно пойти посмотрѣть на Борю, можетъ, онъ раскрылся. Мамка наужинается и затѣмъ спитъ, какъ зарѣзанная. Слава Богу, уже скоро освободимся отъ такого золота...

Люся поцѣловала меня въ лобъ и вышла. Я объ этомъ не пожалѣлъ. Хотѣлось остаться одному со своими мыслями о Танѣ. Трудно было отдать самому себѣ отчетъ: увлекся я ею или нѣтъ. Совѣсть моя не тревожилась. Хотѣлось рѣшить задачу, почему меня такъ заинтересовала мало знакомая и, собственно говоря, ничѣмъ не выдающаяся барышня. Вѣдь видѣлъ же я ихъ тысячи еще лучшихъ и на другой же день забывалъ, а забыть о Танѣ не могъ. Въ моей до сихъ поръ нормальной, прѣсной, сытой жизни появилось что-то новое. Будучи холостымъ, я всегда могъ себѣ представить, какъ стану добиваться взаимности какой-нибудь милой барышни, и потомъ она сдѣлается моей женой. Теперь же въ будущемъ я ничего не могъ себѣ представить, ровно ничего. Это было интересно. Да...

Къ Люсѣ меня потянуло тогда, когда я узналъ, что она добра, справедлива, сильно любитъ отца, ненавидитъ всякій внѣшній блескъ и человѣческую пустоту и, несмотря на окружавшую ее съ дѣтства офицерскую среду, чиста, какъ хрусталь...

Что представляетъ изъ себя Таня, я совсѣмъ не зналъ, а тянуло меня къ ней не менѣе сильно, чѣмъ къ Люсѣ, а, пожалуй, и сильнѣе.

Люсю я крѣпко любилъ, но въ отношеніяхъ съ ней моя воля оставалась свободной. Когда же я смотрѣлъ на Таню, то чувствовалъ, какъ эта воля шатается, точно высокій столбъ, который не глубоко вкопали въ землю.

Ну-съ, дальше.

Таню я видѣлъ почти каждый день, и всякій разъ мы встрѣчались какъ будто бы случайно, но, конечно, оба этого ожидали. Я сказалъ, что я женатъ, и думалъ, что на Таню это извѣстіе произведетъ непріятное впечатлѣніе, — но ничуть не бывало.

Не нравилось мнѣ ея отношеніе къ матери. Какъ это принято во многихъ буржуазныхъ семьяхъ, она говорила матери „вы“ и называла ее „мамаша“ и въ то же время третировала ее, какъ горничную. Но я скоро къ этому привыкъ, а главное увидѣлъ, что для самой мамаши исполнять роль Таниной рабыни было настоящимъ счастьемъ. Также, какъ будто случайно, встрѣтившись на бульварѣ, мы сей-

часъ же уходили внизъ къ морю, подальше отъ публики. Иногда Таня обращалась къ матери и произносила:

— Вы посидите здѣсь. Я хочу погулять съ Николаемъ Федоровичемъ одна.

И старуха покорно оставалась сидѣть, а мы располагались у самой воды на камняхъ и разговаривали, по большей части, о пустякахъ. Одинъ только разъ мы какъ будто разоткровенничались и сознались другъ другу, что съ самаго дѣтства мечтали устроить свою жизнь не по шаблону, но идетъ и складывается она все-таки самымъ обыкновеннымъ образомъ.

Въ концѣ апрѣля стало такъ жарко, какъ бываетъ въ средней Россіи только въ іюнѣ. Однажды Таня попросила меня поѣхать съ ней на слѣдующій день, въ семь часовъ утра, въ ближайшій монастырь посмотрѣть оттуда великолѣпнѣйшій видъ на море, съ такимъ разсчетомъ, чтобы вернуться въ городъ, пока еще солнце не будетъ палить во всю. Я, конечно, согласился и, самъ не зная почему, разволновался. Дома я нервничалъ, плохо обѣдалъ и выпилъ три бутылки нарзану.

Потомъ я спросилъ Люсю:

— Ты ничего не будешь имѣть противъ, если я завтра поѣду съ моими новыми знакомыми въ монастырь? Онѣ просятъ показать имъ окрестности.

— Конечно, нѣтъ.

— А, можетъ быть, и ты бы поѣхала съ нами?—спросилъ я и испугался, что покраснѣю, но не покраснѣлъ.

— Ну, вотъ, сказалъ! А Борю какъ я оставлю? Да и не люблю я по жарѣ ѣздить!

— Мы отправимся рано.

— Нѣтъ, все равно я не поѣду.

Люся говорила просто и такъ же просто и довѣрчиво смотрѣла на меня своими спокойными карими глазами.

Я очень обрадовался и не умѣлъ скрыть этой радости. Цѣлый вечеръ я носилъ на рукахъ Борю. Мечталъ вслухъ о томъ, какъ, когда онъ выростетъ, мы втроемъ поѣдемъ за границу; говорилъ о томъ, какъ радуюсь веснѣ и лѣту... Я чувствовалъ, что Люся любуется мною, и на душѣ у меня стало дѣйствительно весело. Уложивъ Борю, мы просидѣли съ женой почти до двухъ часовъ, а когда разошлись, я почувствовалъ, что не засну скоро и взялъ почитать Толстого „Въ чемъ моя вѣра". Религіозные вопросы всегда меня мучили, хотя самъ я и невѣрующій.

Когда я закрылъ книгу и потушилъ лампу, то увидѣлъ, что на дворѣ уже свѣтло. Часы пробили четыре, а встать я хотѣлъ въ шесть. Я снялъ только китель и рѣшилъ по-

дремать, не раздѣваясь. Я забылъ сказать Григоренкѣ, чтобы онъ меня разбудилъ, и, когда проснулся, то съ ужасомъ увидѣлъ, что уже пять минутъ восьмого. Какъ на зло, не встрѣтилось ни одного извозчика и я почти добѣжалъ до меблированныхъ комнатъ, гдѣ жила Таня. Постучался въ дверь.

— Можно.

Я вошелъ въ маленькую гостиную, въ которой никого не было, и прежде всего спросилъ:

— Не опоздалъ?

— О, нѣтъ,—прозвенѣлъ голосъ Тани изъ другой комнаты, дверь въ которую была не совсѣмъ притворена. Я замѣтилъ, что тамъ еще полумракъ.

— Ну, слава Богу,—сказалъ я и почувствовалъ, какъ застучало мое сердце.

— Можете не безпокоиться, ибо я еще въ постели, а мама только что ушла купить мнѣ на дорогу пирожковъ,— снова пропѣлъ голосъ Тани.

— Отлично,—отвѣтилъ я и заходилъ по комнатѣ. Вся она была насыщена тонкимъ запахомъ таниныхъ духовъ и ея тѣла. Во рту у меня въ одну секунду стало сухо, точно я проглотилъ горсть известковой пыли. Я зацѣпилъ ногой за стулъ и ужасно обрадовался, когда увидѣлъ на подоконникѣ графинъ съ водой и стаканъ. Сдѣлавъ нѣсколько глотковъ, я пришелъ въ себя.

— Не пейте воды, скоро будемъ пить кофе, — отозвалась Таня и какъ-то нерѣшительно добавила.—Можно васъ попросить объ одной услугѣ?

— Конечно.

— Видите ли, я большая лѣнтяйка, и вставать мнѣ не хочется, но одѣваться я могу только тогда, если въ комнатѣ свѣтло, а потому войдите и подымите на окнѣ штору.

— Сейчасъ начнется мой конецъ,—подумалъ я.—Если я ее увижу, то могу умереть. Все равно...

VI.

Я сдѣлалъ надъ собой усиліе и вошелъ ровными шагами. Слѣва я увидѣлъ что-то бѣлое, но не позволилъ себѣ туда смотрѣть и особенно старательно и медленно поднялъ штору. А потомъ обернулся...

Таня лежала подъ простыней съ закрытыми глазами, закинувъ руки подъ голову. Ахъ, эти руки!.. Не мнѣ ихъ описывать. Да и какъ ихъ ни описать, все равно—ни ты, и никто другой не понялъ бы моихъ ощущеній. Личико у нея было серьезное. Солнце, милое южное солнце, играло на

золотистыхъ, чуть рыжеватыхъ волосахъ. Обѣ маленькія груди ясно очерчивались на холстѣ и быстро подымались и опускались.

Въ комнатѣ вдругъ наступила абсолютная тишина. Съ минуту я не могъ ни повернуть головы, ни двинуться, будто меня параличъ разбилъ. И, умирать буду, не забуду этихъ моментовъ...

Потомъ я, совсѣмъ безъ всякаго участія воли, подошелъ, сталъ на колѣни и нѣсколько разъ поцѣловалъ ея ручку выше локтя. Таня не двигалась и не открывала глазъ, только тяжело дышала. Я приподнялъ простыню и прикоснулся къ ея лѣвой обнаженной груди; а потомъ цѣловалъ все ея горячее, какъ раскаленный песокъ, и нѣжное, какъ лепестки розы, тѣло. Цѣловалъ не порывисто,—повторяю, безъ всякаго участія воли и разсудка,—пока не услыхалъ сдавленнаго голоса Тани:

— Уйдите, пожалуйста, уйдите... больше не нужно...

Въ этотъ моментъ, вдругъ, вернулась моя воля. Я всталъ. Задыхаясь и покачиваясь, я вышелъ въ другую комнату и бросился къ графину. Потомъ мнѣ снова захотѣлось вернуться *туда*, но вошла съ ридикюлемъ мамаша и, улыбаясь, заговорила со мной. Не помню, что я ей отвѣчалъ...

Таня одѣлась быстро. Она вышла и поздоровалась со мной немного дрожавшей рукой. Такъ дрожатъ руки только у дѣвушки, къ тѣлу которой мужчина прикоснулся въ первый разъ. Въ этомъ сознаніи были и мой ужасъ, и моя радость безконечная.

Когда мы пили кофе, я только разъ взглянулъ на ея лицо и мнѣ показалось, что на глазахъ у Тани слезы. Она молча надѣла шляпу.

Такъ же молча мы вышли на улицу и сѣли въ извозчичью коляску съ парусиновымъ паланкиномъ.

Уже за городомъ Таня сказала совсѣмъ спокойнымъ голосомъ:

— Я знаю — вы невиноваты... Я никогда не испытывала этого... Вотъ что: дайте мнѣ честное слово, что какъ бы я себя съ вами потомъ ни вела, вы объ этомъ случаѣ никогда не скажете со мной ни одного слова. Слышите: никогда,—ни завтра, ни черезъ десять лѣтъ. Не потому, что мнѣ стыдно, а потому, что всякія слова и всякія мысли въ сравненіи съ ощущеніями—пустяки... Даете слово?

— Даю,—отвѣтилъ я.

Она успокоилась. Въ монастырѣ мы пробыли не больше часа. Сидѣли на какомъ-то старомъ могильномъ памятникѣ и смотрѣли со страшной высоты, какъ горитъ подъ солнцемъ синее, огромное море. Внизъ не спускались. На обрат-

номъ пути тоже почти не говорили. Вѣроятно, извозчикъ удивлялся, что это за молчаливые такіе пассажиры съ нимъ ѣдутъ. У себя въ номерѣ Таня сказала, что у нея страшно разболѣлась голова и попрощалась.

Не легко мнѣ было нажать кнопку звонка у своей квартиры. Мнѣ отворила Люся.

— Вотъ и отлично, что рано вернулся. Ты знаешь, у Бори въ животикѣ страшныя рѣзи, такъ что я даже думала посылать за докторомъ. Это значитъ—или мамка опять тайкомъ чего-нибудь объѣлась, или жара такъ дѣйствуетъ. А что будетъ лѣтомъ, я даже боюсь подумать...

Люся посмотрѣла на меня и почти вскрикнула:

— Ай, какъ ты загорѣлъ!..

Я снялъ фуражку и подошелъ къ зеркалу, въ немъ отразилось какъ будто чужое красное, усталое лицо, съ темными, отъ пыли, вѣками. До обѣда я мыкался по кабинету и думалъ, сказать или не сказать женѣ о томъ, что случилось. Все-таки не хватило духу... Послѣ обѣда я хотѣлъ заснуть, но вошла Люся и попросила съѣздить за докторомъ. Я обрадовался, что можно уйти изъ дому хоть на полчаса. У Бори ровно ничего опаснаго не оказалось.

Вечеромъ, когда онъ заснулъ, Люся попросила меня отправиться вмѣстѣ съ ней за покупками въ бакалейную лавку и въ аптечный складъ. Я думалъ о Танѣ, носилъ пакеты и отвѣчалъ невпопадъ. За вечернимъ чаемъ я сказалъ Люсѣ, что страшно усталъ и лягу спать раньше. Очень хотѣлось остаться одному и какъ можно скорѣе.

Спалъ я въ эту ночь, какъ застрѣленный, а когда проснулся, то мнѣ казалось, будто все пережитое утромъ произошло уже давно, а, можетъ быть, даже пригрезилось. Но такъ казалось только нѣсколько минутъ, а потомъ на меня вдругъ напалъ ужасъ. Именно, напалъ... И я не зналъ, какъ съ нимъ бороться. Дня три я такъ мучался, пока не увидѣлъ опять Таню. Встрѣтились мы совсѣмъ спокойно и поздоровались черезчуръ вѣжливо.

Какъ военный, я рѣшилъ, что для того, чтобы побѣдить своего врага, нужно прежде всего его хорошо узнать и старался изучить характеръ и душу Тани. Она была со мной привѣтлива, но отъ разговоровъ на серьезныя темы упрямо уклонялась. Тогда я рѣшилъ понаблюдать, какъ она будетъ держаться съ другими мужчинами и предложилъ ей познакомиться съ двумя молоденькими мичманами, о которыхъ она сама сказала, что они симпатичные.

Но Таня замотала головой и отвѣтила:

— Не желаю я слушать всякихъ объясненій и предложеній, безъ которыхъ не обойдется. Мнѣ все это еще и зи-

мой надоѣло. Въ Крымъ я пріѣхала съ цѣлью отдохнуть отъ глупыхъ словъ, съ вами я отдыхаю и больше никого мнѣ не нужно.

Отъ ея словъ: „и больше никого мнѣ не нужно", я чуть не упалъ. О томъ, что будетъ впереди, не хотѣлось думать. Но я чувствовалъ и зналъ навѣрное, что ей я дорогъ и что я былъ первымъ прикоснувшимся къ ея тѣлу. Я крѣпко держалъ свое слово и не разу не заикнулся ей объ этомъ. У нихъ я бывалъ часто, но вдвоемъ мы оставались рѣдко и очень не надолго. Выходило такъ, что мѣшала мамаша, но, конечно, это устраивала сама Таня.

Дома съ Люсей я былъ особенно нѣженъ и внимателенъ, и часто самъ укачивалъ Борю. Она была все время спокойна, хлопотала по хозяйству, возилась съ денежными счетами, а когда вечеромъ приходила ко мнѣ, то отдавалась тоже какъ-то дѣловито, наскоро, съ жаромъ, который сію секунду и улеталъ. Впрочемъ, это случалось очень рѣдко.

Меня тянуло къ Танѣ, какъ пьяницу въ кабакъ. Я видѣлъ ее почти каждый день, но очень не надолго и потомъ спѣшилъ домой, а самъ чуть не плакалъ.

Двѣ мысли меня давили: первая—что Люся рано или поздно узнаетъ... и вторая—что черезъ три недѣли мы начинаемъ кампанію и уходимъ въ крейсерство къ берегамъ Кавказа.

Когда я былъ съ Таней, мои мозги давила тоска отъ сознанія, что я съ ней послѣдніе дни. А когда я оставался одинъ, то разсудокъ радовался, что скоро всему конецъ и я, можетъ быть, опять стану такимъ же, какъ и былъ, чистымъ.

Время не шло, а бѣжало. Я сказалъ Танѣ о томъ, что черезъ недѣлю мы разстаемся; она чуть измѣнилась въ лицѣ и отвѣтила:

— Ну, что жъ? Значитъ, такъ нужно. Мы тоже скоро уѣдемъ домой,—въ Крыму становится невыносимо жарко...

Я замѣтилъ, что спокойный тонъ ея голоса былъ искусственнымъ, и огромная радость хлынула въ мою голову. Въ эти дни не было среднихъ ощущеній: я или замиралъ отъ счастья, или мнѣ хотѣлось застрѣлиться отъ глубокой увѣренности, что я не увижу Таню больше такою, какая она теперь.

Пятаго мая ночью мы должны были сняться съ якоря. Въ одиннадцать часовъ вечера съ пристани отходила послѣдняя шлюпка на судно. День пролетѣлъ замѣчательно быстро. Утромъ я былъ на кораблѣ, получилъ морское довольствіе и привезъ деньги Люсѣ. Она имъ очень обрадовалась. Разставались мы всего на мѣсяцъ—не больше. Горевать ей было не о чемъ. Люся любила нашего сына больше

всего на свѣтѣ, но ее угнетала мысль о возможности новой беременности, особенно съ тѣхъ поръ, какъ она оставила кормить...

Въ этотъ день дома я не обѣдалъ, а только позавтракалъ. Люся долго молча смотрѣла, какъ я ѣмъ, и вдругъ сказала:

— Я очень довольна, что ты уходишь въ плаваніе. За послѣднее время ты страшно похудѣлъ и глаза у тебя стали нехорошіе,—какіе-то невнимательные. Это весна на тебя такъ дѣйствуетъ...

Люся ничего не знала, но она любила меня и особое, никогда не обманывающее женщинъ, чутье ей подсказывало, что мнѣ полезно будетъ уѣхать.

— Можетъ быть...—отвѣтилъ я машинально и подумалъ:—А вдругъ я не застану ее дома?..—Кровь застучала въ моихъ вискахъ. Я не доѣлъ котлеты, взялъ фуражку и сказалъ, что пойду въ экипажъ. На улицѣ я взялъ извозчика и поѣхалъ къ Танѣ.

VII.

Старуха сидѣла въ первой комнатѣ и что-то шила. Какъ и всегда, она поздоровалась со мной очень привѣтливо и съ безпокойствомъ произнесла:

— А у Танюши сегодня голова болитъ.

— Ну, а я пришелъ попрощаться...

— Идите сюда,—окликнула меня Таня.

Какъ и въ тотъ памятный день, шторы въ ея комнатѣ были спущены. Таня лежала на постели въ легкомъ батистовомъ капотѣ.

Я поцѣловалъ ей руку и по обыкновенію заходилъ взадъ и впередъ.

— Не мотайтесь, пожалуйста—у меня отъ вашихъ шаговъ въ головѣ звенитъ, сядьте,—сказала Таня и указала мнѣ глазами на стулъ.

Я сѣлъ и молчалъ. Когда мы были вмѣстѣ, ея воля дѣлалась моей волей. Она была первой и послѣдней женщиной, повиноваться которой мнѣ доставляло острое наслажденіе.

— Мамаша, вы мнѣ купили жидкаго ментолу?—спросила Таня.

— Нѣтъ.

— Ну, такъ, пожалуйста, сейчасъ же купите... и купите еще самыхъ лучшихъ константинопольскихъ черешень.

— Сейчасъ, сейчасъ пойду,—торопливо отвѣтила старуха и засуетилась.

Раньше я всегда называлъ Таню по имени и отчеству—Татьяна Сергѣевна. Теперь, когда мы остались одни, я взялъ ее руку и едва выговорилъ:

— Таня, сегодня мы уходимъ въ плаванье...

— Знаю,—отвѣтила она и не отняла руки. Личико у нея было грустное, озабоченное.

— Таня, черезъ мѣсяцъ или полтора эскадра опять придетъ сюда, мы опять станемъ на рейдѣ, я буду съѣзжать на берегъ...

— Черезъ недѣлю мы уѣдемъ...—отвѣтила она тихо.

— Но вѣдь если бы вы захотѣли, то могли бы и остаться.

— Я не хочу этого...—такъ же тихо сказала она и опустила свои длинныя, великолѣпныя рѣсницы.

Я не возражалъ. Кто-то настойчивый, тоскующій сидѣлъ у меня въ груди и безъ конца шепталъ: „Пользуйся случаемъ, бери, цѣлуй ее, жизнь человѣческая ужасно коротка и такую дѣвушку, какъ Таня, ты никогда больше не встрѣтишь“...

Я молча нагнулся и растегнулъ воротникъ танинаго капота, дальше онъ самъ раскрылся. Я обнажилъ ея бѣлоснѣжное плечо и цѣловалъ его нѣжно и долго; потомъ положилъ голову на ея грудь и не двигался. Таня дышала ровно, только сердечко стучало у нея черезчуръ отчетливо. Вдругъ она съ усиліемъ приподнялась и все тѣмъ же голосомъ, котораго я никогда не забуду, произнесла:

— Не нужно больше, пожалуйста, не нужно...

Я встрепенулся, посмотрѣлъ въ ея слегка затуманившіеся глаза, обнялъ ее за шею и прижался своими губами къ ея губамъ.

На секуду я оторвался и выговорилъ:

— Прощай, мое золотко!..

Она ничего не отвѣтила, но я почувствовалъ, какъ длинные, тонкіе пальцы ея руки нѣжно провели по моимъ волосамъ. Прошла еще минута.

Вдругъ Таня сильнымъ, но не грубымъ движеніемъ, освободила свою головку, быстро вскочила и подбѣжала къ зеркалу. Нѣсколькими движеніями она застегнула капотъ, распустила волосы и начала причесываться все еще дрожавшими, полуобнаженными руками.

Я видѣлъ ее въ зеркалѣ, но не двигался. Особымъ инстинктомъ Таня поняла, что все, что могло произойти дальше, только осквернило бы радость, которую мы пережили. Я это и самъ чувствовалъ и не стремился къ большему.

Будучи студентомъ и юнкеромъ, я принадлежалъ многимъ женщинамъ и въ Россіи, и въ Брестѣ, и въ Мар-

сели, и въ Лиссабонѣ... Но по сравненію съ тѣмъ, что дала мнѣ Таня, это были пустяки и мерзость. Не переживалъ я такихъ моментовъ и съ Люсей, которая принадлежала мнѣ съ головы до ногъ. Почему это?—я не могъ понять...

Таня быстро сдѣлала себѣ высокую прическу, вышла въ первую комнату и сейчасъ же меня позвала:

— Идите сюда.

Я вошелъ.

— Садитесь, курите... Говорить объ этомъ ничего не нужно...

Я и самъ понималъ, что не нужно; выпилъ воды и сѣлъ. Таня подошла къ окну, прислонилась лбомъ къ стеклу и глядѣла на улицу. Отъ перваго дня нашего знакомства и до этого момента ни я, ни она ни одного раза не произнесли слова „люблю". Уважать другъ друга намъ тоже было не за что...

Таня вдругъ обернулась, посмотрѣла мнѣ прямо въ глаза и коротко сказала:

— Когда вернется мамаша, вы сейчасъ же попрощаетесь и уйдете.

— Хорошо,—такъ же коротко отвѣтилъ я и спросилъ:— Можно будетъ вамъ писать?

— Нѣтъ. Впрочемъ, какъ хотите... Я все равно отвѣчать не стану.

Мы опять замолчали. Часы на письменномъ столикѣ звонко чикали. Я посмотрѣлъ на нихъ и удивился: съ тѣхъ поръ, какъ я былъ здѣсь, прошло полтора часа, а мнѣ казалось, что не больше десяти минутъ. Становилось тяжело. Таня снова повернулась ко мнѣ. Личико у нея было скорбное и серьезное. Я больше никогда не видалъ у нея такого выраженія.

— Берите фуражку, мамаша идетъ...

Вѣроятно, заживо погребенный испытываетъ такое чувство, когда слышитъ, что на крышку гроба уже посыпалась земля. Сначала мнѣ хотѣлось закричать, умолять, доказывать, что нелѣпо разставаться изъ-за того, что сейчасъ войдетъ ея мать, что эскадрѣ нужно плавать, что у меня есть жена... Все это казалось пустяками передъ счастьемъ быть вмѣстѣ—и тѣмъ не менѣе я покорно надѣлъ кортикъ и взялъ фуражку.

Таня мелкими шажками подошла къ двери, отворявшейся внутрь, облокотилась о нее спиной и положила мнѣ руки на плечи.

Съ полъ-минуты она смотрѣла на меня все тѣми же скорбными глазами, потомъ тихо наклонилась. Мы въ послѣдній разъ поцѣловались. Право же, въ этомъ поцѣлуѣ

не было чувственности, а если это чувственность, то она лучшее, что есть у человѣка на землѣ...

Въ дверь легонько стукнулъ старушачій костлявый палецъ. Таня не отскочила, а спокойно отодвинулась въ сторону и отворила.

— Ну, вотъ тебѣ и ментолъ,—радостно выговорила мамаша, положила покупки на столъ и принялась развязывать ленты своей шляпки. Я ждалъ, пока она обернется, и, когда глаза наши встрѣтились, молча поклонился.

— Вы уже уходите?—спросила удивленно старуха.

— Да,—отвѣтила за меня Таня.

Потомъ лѣстница съ вылинявшимъ ковромъ. Потомъ знакомая улица. Извозчикъ... И еще пять тяжелыхъ часовъ дома.

Было неловко слушать заботливый голосъ Люси, но того, что называется упреками совѣсти, я не чувствовалъ. Почему?—тоже не знаю... Я велъ себя совершенно покойно, только иногда невпопадъ отвѣчалъ на ея вопросы. Угадывала ли она что-нибудь, но только, когда въ десять часовъ вечера мы садились въ извозчичій фаэтонъ, Люся снова повторила:

— Ты изнервничался, и я рада, что ты уходишь въ плаванье.

Чтобы ничего ей не отвѣтить, я посмотрѣлъ на стоявшаго на крыльцѣ Григоренка и сказалъ:

— Смотри же, братъ, береги барыню и панича.

— Есть, ваше благородіе.

— Ну, будь здоровъ.

— Счастливо оставаться...

На пристани ждали еще два офицера и жена командира. Мы весело поздоровались и такъ же весело начали болтать о предстоящемъ плаваніи. Покачивался зеленый фонарикъ гребного катера, и тихо хлюпала вода о доски пристани. Пахло моремъ. Я сталъ ближе къ Люсѣ. Хотѣлось сказать ей что-нибудь необыкновенно хорошее, серьезное и ласковое, но у меня не нашлось такихъ словъ.

Было тяжело. Наконецъ, изъ темноты вышелъ толстенькій командиръ, поздоровался и сказалъ шутливымъ сочнымъ баритономъ:

— Извините, господа,—начальство задержало. Мой вельботъ уже поднятъ, и потому я съ вами...

Я наскоро поцѣловалъ Люсю. Черезъ минуту катерный старшина уже гаркнулъ надъ самымъ моимъ ухомъ:

— Ат—валивай!.. Весла!.. Правая табань!..

Катеръ безшумно повернулъ и, вздрагивая, полетѣлъ къ темнымъ силуэтамъ броненосцевъ, усѣянныхъ свѣтлыми

электрическими точечками безчисленныхъ иллюминаторовъ. Каждый огонекъ отражался въ морѣ и дрожалъ тоненькой спиралью.

Каждое весло нашего катера мощно выворачивалось и вмѣстѣ съ водою выбрасывало золотисто-зеленое блѣдное пламя.

Я сидѣлъ и думалъ: „Какъ все это удивительно красиво, а между тѣмъ есть множество людей, которые никогда ничего подобнаго не видали. Какое огромное счастье прижаться щекой къ груди такой дѣвушки, какъ Таня, а между тѣмъ большинство людей думаетъ, что высшее счастье не въ такихъ моментахъ, а въ постоянномъ сожительствѣ...“

Мы должны были сняться съ якоря только на разсвѣтѣ, но я не могъ спать и, какъ мышь въ клѣткѣ, бѣгалъ по палубѣ. Городъ стоялъ на горѣ и дымился фосфорическимъ свѣтомъ. По линіямъ фонарей я угадывалъ ту улицу, гдѣ жила Таня.

Только моряки знаютъ, что такое: видѣть въ нѣсколькихъ стахъ саженяхъ жилье любимыхъ людей и не имѣть права очутиться тамъ!.. Иногда мнѣ хотѣлось броситься въ воду...

У меня не было никакихъ данныхъ, но я не чувствовалъ, а зналъ навѣрное, что въ эти самыя минуты Таня плачетъ — плачетъ горько и безнадежно обо мнѣ, но никогда не сознается въ этомъ не только матери, но даже и самой себѣ...

VIII.

Охотинъ вдругъ замолчалъ и недовѣрчиво поглядѣлъ на Стельчинскаго. Тотъ встрепенулся, сдѣлалъ рукой порывистое движеніе и жадно произнесъ:

— Ну, ну, что дальше?

— А тебѣ не скучно слушать всю эту исторію?

— Ей Богу, не скучно! Я, кажется, въ первый разъ въ жизни слушаю человѣка, который говоритъ о себѣ такъ искренно.

Охотинъ нагнулъ голову и засопѣлъ. Его лѣвое ухо горѣло, а глаза свѣтились, какъ у больного лихорадкой.

— Ну, хорошо, буду разсказывать дальше. Дай папиросочку и, кстати, посмотри, который часъ.

— Будто это не все равно?

— Положимъ, что все равно.

Охотинъ снова поднялъ голову, сдѣлалъ большую затяжку дыма и продолжалъ тѣмъ же голосомъ — человѣка, который разсказываетъ и боится забыть какую-нибудь подробность.

— Да... Такъ въ первые дни плаванія я ужасно тосковалъ, какъ будто я былъ не офицеръ, а закованный въ кандалы арестантъ, котораго везутъ на вѣчную каторгу. Я былъ младшимъ штурманскимъ офицеромъ и вахтеннымъ начальникомъ. Чтобы хоть немного освободиться отъ своихъ мыслей, я несъ всѣ свои обязанности болѣе, чѣмъ добросовѣстно, а въ свободное время писалъ дневникъ, вѣрнѣе, исторію своей жизни. Какъ-то мнѣ пришло въ голову: что будетъ, если я вдругъ умру, ну, если не отъ болѣзни, такъ утону во время паруснаго ученья? Тогда всѣ мои тетрадки отошлютъ ни въ чемъ неповинной женѣ, которая, читая ихъ, будетъ только мучиться. Эта мысль такъ прицѣпилась ко мнѣ, что я въ тотъ же день выбросилъ всѣ свои мемуары за бортъ. Зато я сталъ писать огромныя письма Танѣ, — изъ нихъ многихъ не отослалъ... Мы плавали возлѣ чудесныхъ кавказскихъ береговъ. На вахтѣ приходилось наблюдать такіе разсвѣты, о которыхъ милліоны людей и понятія не имѣютъ. Я наблюдалъ, какъ просыпались вершины горъ, и ихъ вѣчный снѣгъ вдругъ загорался золотымъ пламенемъ подъ первыми лучами солнца, какъ личико Тани послѣ моего перваго поцѣлуя.

Красота музыки меня всегда волновала, а красота цвѣтовъ только успокаивала.

Я старался уловить тѣ моменты, когда передъ вечеромъ дѣвственно-бѣлые зубцы горъ вдругъ становились нѣжнолиловыми, а затѣмъ—голубыми, и если это мнѣ удавалось, то радовался и потомъ цѣлый вечеръ чувствовалъ себя какъ будто удовлетвореннымъ... Странно, когда мы шли обратно, я зналъ навѣрное, что не увижу Таню, и уже не мучился.

Люся, вмѣстѣ съ другими дамами, пріѣхала на броненосецъ. Она очень похорошѣла и обрадовалась мнѣ. Я тоже, право же, совершенно искренно, чувствовалъ себя великолѣпно; но какъ только въ головѣ рисовался подъѣздъ того дома, гдѣ жила Таня, мое сердце становилось тяжелымъ и я плохо слышалъ, что говорятъ окружающіе.

На берегъ я съѣхалъ только на другой день рано утромъ,—моя вахта пришлась ночью.

Прежде всего я взялъ извозчика и помчался въ меблированныя комнаты. Когда мелькнула мысль о томъ, что Таня еще можетъ быть здѣсь, мнѣ чуть не сдѣлалось дурно. Заспанный, знакомый швейцаръ удивительно равнодушно заявилъ мнѣ, что старая барыня и барышня уѣхали три недѣли назадъ и въ книгѣ записано, что въ Тверскую губернію, а въ какой городъ—неизвѣстно.

Страшно было только его слушать, а потомъ ничего—душа окаменѣла...

Боря уже начиналъ ходить и глазки его смотрѣли осмысленно. Люся радовалась. Я любовался ими обоими. Вмѣсто мамки у насъ уже была чудесная старушка-няня. Словомъ, все обстояло болѣе, чѣмъ благополучно. Вечеромъ я обнималъ жену и весь пылалъ, но потомъ мучился и мнѣ казалось, что этими объятіями я осквернилъ ее. Я заснулъ и мнѣ пригрезилась Таня...

Къ осени, когда мы окончили кампанію, нервы мои и фантазія мало-по-малу пришли въ порядокъ. Я совсѣмъ успокоился и даже рѣдко видѣлъ во снѣ Таню. Мало того, во мнѣ родилось убѣжденіе, что я одинъ изъ самыхъ счастливыхъ людей.

Въ концѣ октября вдругъ пошли дожди и стало холодно не по-крымскому. Наша немощеная улица обратилась въ кисель изъ жидкаго цемента. Мнѣ чуточку нездоровилось, я подалъ рапортъ о болѣзни и сидѣлъ дома. Уложивъ Борю спать, мы съ Люсей уходили въ кабинетъ, зажигали печку и разговаривали до глубокой ночи. Хорошо, уютно было! Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ я сказалъ не своимъ голосомъ:

— Вотъ ты ласкаешь меня, любишь, но и не подозрѣваешь, какая я гадость по отношенію къ тебѣ.

— Ты не можешь быть гадкимъ, если бы и хотѣлъ,—увѣренно отвѣтила Люся.

— Къ сожалѣнію, могу, и скрывать могу, и обманывать, да еще такую чистую, прекрасную женщину, какъ ты...

Личико Люси стало серьезнымъ и покраснѣло.

Ея лобъ нахмурился. Она помолчала и неестественно спокойно спросила:

— Это было съ той барышней, съ которой ты познакомился весной?

Я кивнулъ головой.

— Разскажи, я не буду сердиться. Право, не буду...

Не щадя себя, я постарался возможно точно изложить все, что произошло съ Таней. Люся опять помолчала, потомъ облегченно вздохнула и спросила:

— Только?

— Только.

— Это еще не очень страшно. Въ морскихъ семьяхъ и не то бываетъ. Отчасти я сама виновата—я уходила отъ тебя. Ты сильный и здоровый, тебя тянуло къ женскому тѣлу. Вотъ и все. Такъ?

— Должно быть, такъ...

— Ну, нечего грустить.

Люся обняла меня и крѣпко поцѣловала сначала въ губы, потомъ медленно въ оба глаза, что всегда означало у нея большую нѣжность. Мы разошлись только въ четвертомъ часу ночи. Въ дверяхъ Люся остановилась и спросила:

— Она больше не пріѣдетъ?

— Не знаю, должно быть, нѣтъ.

— Ну, и слава Богу! А, впрочемъ, пускай пріѣзжаетъ—я не боюсь...— и она улыбнулась одновременно и губами, и своими добрыми карими глазами.

Жизнь пошла ровно—безъ сучка, безъ задоринки.

Кончилась зима. Мы опять ушли въ плаванье. Съ каждой стоянки я писалъ Люсѣ длинныя, нѣжныя письма. Не упоминалъ я въ нихъ только о томъ, что мнѣ иногда снилась Таня. Я не хотѣлъ ничего скрывать, а только боялся огорчить Люсю.

Помню одинъ такой сонъ. Я видѣлъ Таню во всемъ бѣломъ, полуобнаженную. Она протягивала ко мнѣ свои нѣжныя, великолѣпныя руки и шептала: „Милый, пріѣзжай, милый, спаси"... И отъ того, что она шептала, а не говорила, мнѣ стало такъ страшно, что я проснулся. Потомъ я цѣлую недѣлю ходилъ, какъ сумасшедшій...

Прошло еще два года.

Я растолстѣлъ. Мнѣ нравилось хорошо покушать, и Люся усердно объ этомъ заботилась. Я выучился играть въ винтъ и по вечерамъ часто ходилъ въ морское собраніе. Мы выписали „Ниву" и „Вѣстникъ Европы", но читали мало. Принимать у себя знакомыхъ мы избѣгали.

Близилось производство въ лейтенанты. Нашъ Боря выросъ и поумнѣлъ. Люся расцвѣла и передъ самымъ уходомъ въ плаванье сообщила мнѣ безъ всякой тревоги и даже съ радостью, что у насъ будетъ еще ребенокъ. Я потрепалъ ее по щекѣ и тоже обрадовался. Плавалось въ это лѣто благополучно и весело. Въ сентябрѣ я опять переѣхалъ съ корабля въ свою уютную квартиру.

Вспоминая Таню, я только удивлялся себѣ и не понималъ, какъ это изъ-за одного ея тѣла я могъ такъ быстро потерять всю волю?

Тогда я не сомнѣвался, что къ ней меня тянуло одно тѣло... Да...

Въ ясный октябрьскій день я возвращался со службы домой и думалъ о томъ, что нужно зайти въ магазинъ и купить къ обѣду брусничнаго варенья, которое очень любитъ жена. Мимо по улицѣ проѣхала извозчичья коляска, въ ней сидѣли армейскій офицеръ и дама въ большой красной шляпѣ. Я посмотрѣлъ и узналъ Таню... Нельзя

сказать, чтобы я испугался, но стало очень не по себѣ, и про варенье я забылъ. У меня не явилось желанія сейчасъ же поѣхать къ ней; „еще увижу“, подумалъ я. Не знаю почему, во мнѣ вдругъ родилось глубокое убѣжденіе, что за эти два съ половиной года Таня сильно измѣнилась и теперь, навѣрное, принадлежитъ кому-нибудь другому... „Еще увижу“, подумалъ я снова и пошелъ домой. Слишкомъ здоровы были у меня тогда и нервы, и воля.

— Знаешь, кого я встрѣтилъ?—спросилъ я Люсю.

— Ну, кого?

— Таню съ какимъ-то офицеромъ, можетъ быть, съ мужемъ.

— Взволновался?

— Ни, ни...—отвѣтилъ я и почувствовалъ, какъ дернулось мое сердце.

Люся вздохнула, потомъ улыбнулась и сказала:

— Какъ хорошо, что ты не сдѣлалъ изъ этого тайны. Знаешь, я тебѣ посовѣтую, не избѣгай ее, потому что тогда она будетъ казаться тебѣ чѣмъ-то необыкновеннымъ. Держи себя просто, какъ добрый знакомый, и тогда все будетъ благополучно.

Я растегнулъ сюртукъ, развалился на диванѣ и преувеличенно спокойнымъ тономъ отвѣтилъ:

— Конечно, ни избѣгать ее, ни стремиться къ ней я не буду,—да и того сумасшедшаго пыла во мнѣ уже нѣтъ. Весь онъ твой...

Люся улыбнулась.

— Ну, насчетъ пыла... вы всѣ одинаковы. Ты знаешь, что такой серьезный человѣкъ, какъ папа, чуть было не женился на барышнѣ, не многимъ старшей меня...

— Вотъ какъ?.. Это для меня новость.

Послѣ обѣда я, по обыкновенію, пошелъ въ кабинетъ спать, но не заснулъ, хотя и не мучился, а только немного безпокоился.

На слѣдующій день было воскресенье. Послѣ утренняго кофе я пошелъ на бульваръ. Я собирался сидѣть и смотрѣть на море, но какъ-то противъ воли все время ходилъ. Сначала людей было не много, но послѣ полудня публика стала прибывать. На главной аллеѣ я увидѣлъ Таню съ какимъ-то очень красивымъ студентомъ. Дыханіе мое участилось. Я рѣшилъ только поклониться, а потомъ мысленно сказалъ самому себѣ: „Если я не подойду къ ней, значитъ, я боюсь ее, но я не боюсь“...—и подошелъ.

— Здравствуйте, Татьяна Сергѣевна!

— Здравствуйте.

Мускулы ея лица едва замѣтно дрогнули. Она пред-

ставила меня своему кавалеру, я не разобралъ даже его фамиліи и сѣлъ.

Таня опять заговорила со студентомъ и часто, какъ-то принужденно, смѣялась. Я молчалъ, курилъ и только искоса поглядывалъ.

Наружность ея сильно измѣнилась. Кожа на щекахъ стала грубѣе, на подбородкѣ и на носу виднѣлась пудра. Прическа была съ претензіей на моду. Платье дорогое, но сшитое не просто и безвкусно отдѣланное. Особенно поразили меня ее глаза—холодные, равнодушные. Только голосъ остался такимъ же.

Она говорила о какомъ-то пикникѣ, потомъ о какомъ-то генералѣ, о конфектахъ...

А я сидѣлъ, слушалъ и наслаждался, потому что эти самые глаза когда-то смотрѣли на меня и этотъ самый голосъ когда-то произнесъ: „... и больше никого мнѣ не нужно".

Въ эти четверть часа я понялъ, что, если Таня станетъ продажной женщиной, или, если ее изуродуетъ оспа, или, если она, какъ жена или любовница, будетъ принадлежать кому-нибудь другому—все равно — для меня она останется такъ же дорога, какъ и три года назадъ. Понялъ и совсѣмъ упалъ духомъ. Потомъ взялъ себя, насколько возможно, въ руки и спросилъ ее:

— Ну, какъ же вы поживаете?

— Спасибо, ничего себѣ. Замужъ не вышла и не собираюсь. Вотъ здоровье стало хуже и докторъ прислалъ меня сюда на всю зиму... Намѣрена веселиться.

Я обрадовался, узнавъ, что она не замужемъ.

И, чтобы еще поговорить, спросилъ:

— Ну, а какъ здоровье вашей мамаши?

— Спасибо, хорошо. Мы здѣсь уже двѣ недѣли. Я успѣла пріобрѣсти много новыхъ знакомыхъ, а вотъ васъ до сихъ поръ и не видѣла. Гдѣ вы скрывались?

— Я рѣдко бываю въ городѣ. Или на службѣ, или сижу дома.

— Это хорошо,—задумчиво произнесла Таня, потомъ посмотрѣла на студента и уже совсѣмъ другимъ голосомъ сказала:

— Ну, Михаилъ Егоровичъ, намъ пора, а то генералъ будетъ ждать. До свиданія!..

Таня встала, подала мнѣ руку и, не оглядываясь, пошла рядомъ со своимъ кавалеромъ. Я поѣхалъ домой.

— Ну, что? Видѣлъ?—спросила меня Люся.

— Видѣлъ. Она немного подурнѣла, была съ какимъ-то студентомъ и говорила, что не намѣрена выходить замужъ;

собирается веселиться. Кажется, у нея теперь много поклонниковъ.

— Если говорила, что не выйдетъ замужъ, значитъ, скоро выйдетъ. Это всегда такъ бываетъ. Я въ годъ своего замужества особенно часто повторяла, что останусь дѣвицей. Могу тебя увѣрить, что теперь ты, какъ женатый, ей больше не интересенъ, а я во всѣхъ отношеніяхъ совершенно спокойна и даже совѣтую тебѣ видѣть ее почаще. Идемъ обѣдать. У насъ сегодня спаржа...

IX.

Погода держалась чудесная, не жаркая. По вечерамъ каждая волна въ морѣ свѣтилась. Дышалось легко и свободно. Мой организмъ чувствовалъ себя отлично, но въ душѣ чего-то не хватало, и впередъ я смотрѣлъ безнадежно. Каждая встрѣча съ Таней разстраивала. На бульварѣ она никогда не бывала одна и нельзя было съ ней поговорить откровенно, а мнѣ такъ этого хотѣлось. За ней ухаживали: отставной генералъ съ крашеной бородой; студентъ, который почему-то не ѣхалъ въ свой университетъ; молоденькій подпоручикъ и бывшій пѣвецъ императорскихъ театровъ, обрюзгшій, бритый, жирный, какъ іоркширскій кабанъ. Таня и ея мамаша жили въ тѣхъ же самыхъ двухъ меблированныхъ комнаткахъ. Я не вытерпѣлъ и пошелъ къ нимъ, но засталъ тамъ генерала и пѣвца. Пошелъ во второй разъ,— опять та же компанія плюсъ студентъ. Затѣмъ я уже ни на что не надѣялся, а бывалъ тамъ, только чтобы видѣть ея лицо и слышать ея голосъ.

Мамаша сильно постарѣла и была похожа на задерганную извозчичью клячу, но такъ же проворно бѣгала за всякими порученіями и такъ же привѣтливо улыбалась и всѣмъ одинаково.

Я наблюдалъ за Таней, какъ сыщикъ. Никакая женщина этого не выноситъ. Я зналъ, что падаю въ ея глазахъ, но мнѣ терять было нечего. Изъ кокетливой барышни и непосредственной натуры она обратилась въ женщину, красивую, окончательно созрѣвшую. Чувствовалось, что пройдетъ годъ, два и если она не выйдетъ замужъ, то начнетъ терять свое обаяніе, какъ теряетъ ароматъ скороспѣлое яблоко, пролежавшее всю зиму. Ни музыка, ни литература, ни общественная дѣятельность, ни даже замужество—все это абсолютно ее не интересовало. Она была только женщиной и, мнѣ кажется, поэтому къ ней такъ неудержимо тянуло каждаго, кто съ ней знакомился, какъ, напримѣръ, тянетъ человѣка увидѣть на сценѣ, въ исполненіи какой-нибудь серьезной роли,

профессіональнаго даровитаго актера, а не диллетанта. Затѣмъ въ характерѣ Тани появилась еще новая черта: любовь къ золоту. На каждой рукѣ у нея было по браслету, а на груди непремѣнно медальонъ. На лѣвой рукѣ цѣлыхъ три кольца. Возвращаясь съ бульвара со своими поклонниками, она каждый разъ останавливалась возлѣ витрины ювелира и долго смотрѣла. Останавливались и кавалеры, закуривали папиросы и терпѣливо, какъ собаки, ждали. Однажды мнѣ пришло въ голову, что Таня могла бы на себя надѣть новенькую, блестящую чайную ложечку на золотой цѣпочкѣ и не рѣшилась бы она этого сдѣлать только потому, что такъ не дѣлаютъ другія женщины.

Охотинъ грустно улыбнулся, помолчалъ и добавилъ:—Ты вотъ думаешь, что я говорю пустяки, нѣтъ, не пустяки... Я изъ такихъ наблюденій, и не надъ одной Таней, сдѣлалъ два вывода, которые всегда оказывались вѣрными.

Во-первыхъ, пристрастіе къ золоту у женщинъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, выражаетъ душевную холодность и неспособность любить долго. Одна страсть ослабляетъ другую. Второй выводъ, что мужчина, зная объ этомъ, все-таки будетъ добиваться отъ такой дѣвушки любви, потому что въ дѣлѣ чувства стихійная сила всегда идетъ впереди логики. Такъ безотчетно люди стремятся только завоевать счастье обладать любимой женщиной и еще завоевать счастье для родины. Поэтому во всѣхъ остальныхъ бѣдахъ ихъ страданія бываютъ легче...

Главнымъ и несомнѣннымъ результатомъ моихъ наблюденій было открытіе, что Таня никому изъ своихъ поклонниковъ физически не принадлежала. Когда я пришелъ къ этому выводу, то какъ-то легче вздохнулось.

Я не ревновалъ ее, совсѣмъ не ревновалъ... Я зналъ, что первымъ, которому ей неудержимо хотѣлось отдаться, былъ я... А двухъ первыхъ быть не можетъ. Все же остальное—объѣдки, вродѣ тѣхъ, которыми въ ресторанахъ лакомятся лакеи.

Однако, стремленіе къ чисто-физическимъ наслажденіямъ у нея было и она его несомнѣнно удовлетворяла. Вся ея страсть выливалась въ умѣніи причинять своимъ обожателямъ самыя утонченныя мученія. Она отлично знала, кого и чѣмъ можно взвинтить.

Въ присутствіи генерала Таня обыкновенно садилась на подоконникъ и болтала ножками. Пѣвцу она часто смотрѣла въ глаза съ такимъ выраженіемъ, точно хотѣла сказать: „я вся твоя“, но какъ только онъ дѣлалъ попытку къ ней приблизиться или взять ее за руку, Таня прикидывалась или не прикидывалась, но казалась глубоко оскорбленной.

Влюбленному больше всѣхъ студенту она весело разсказывала о своихъ новыхъ побѣдахъ. Однажды студентъ предложилъ ей пойти въ фотографію и вмѣстѣ сняться. Таня грустно покачала головкой и сказала:

— Нѣтъ!

— Почему?--спросилъ онъ.

Таня помолчала и такъ же грустно отвѣтила:

— Да видите ли, я суевѣрна, а существуетъ такая примѣта, если *любящіе* другъ друга молодой человѣкъ и барышня вмѣстѣ снимутся, то никогда не будутъ счастливы...

Она сказала ему много пріятнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ устроила такъ, что онъ больше не приставалъ къ ней съ этой просьбой. Оставаться со мной наединѣ она усиленно избѣгала, но если въ комнатѣ была мамаша и никого другого изъ мужчинъ, Таня непремѣнно ложилась на диванъ и, закинувъ руки назадъ, такъ что онѣ были видны до самыхъ плечъ, мѣрно дышала. И голосъ ея на нѣсколько минутъ дѣлался ласковымъ, задушевнымъ... Замѣтивъ, что я блѣднѣю и задыхаюсь, она сейчасъ же вставала и съ дѣловымъ видомъ начинала перебирать какія-то ненужныя вещицы возлѣ зеркала. Самую обыкновенную фразу она произносила уже другимъ тономъ, разсудочно-холоднымъ и жестокимъ, какъ морозъ для плохо одѣтаго бѣдняка.

Ручаюсь, чѣмъ угодно, что всѣ эти эксперименты доставляли ей острое наслажденіе. О прошломъ она мнѣ не позволяла заикнуться, да и я самъ, не знаю почему, молчалъ.

Было въ ней что-то кошачье. Не подумай, что я употребляю это избитое сравненіе такъ себѣ, зря, для красоты слога. Нѣтъ. Ты послушай.

Иногда, ни съ того, ни съ сего, она приказывала затопить каминъ, придвигала кушетку и ложилась къ огню близко, близко, щурила глаза и, повидимому, чувствовала большое наслажденіе. Ея маленькія ноги въ черныхъ чулочкахъ свѣшивались обѣ вмѣстѣ и были замѣчательно похожи на кошачьи лапки. Причесываясь передъ зеркаломъ, Таня накладывала волосы почти на самыя уши и потомъ долго приглаживала и поправляла ихъ то одной, то другой рукой,— вотъ точно такъ, какъ это дѣлаетъ кошка, когда умывается. Къ этому еще нужно добавить, что она до истерики боялась собакъ.

Однажды, уже въ самомъ концѣ ноября, я, измученный, не спавшій цѣлую ночь, пришелъ къ Танѣ.

Она сидѣла возлѣ окна и что-то вышивала.

Мать была въ спальнѣ. Личико Тани и особенно глаза показались мнѣ необыкновенно-грустными и выразительными. Я уже не искалъ сочувствія, ни восторговъ молчаливой стра-

сти,—мнѣ хотѣлось только самой маленькой нѣжности отъ дѣвушки, которую я любилъ больше всего на свѣтѣ. Я подошелъ, протянулъ ей руку и сказалъ:

— Таня!

Къ моему огромному удивленію, она тоже протянула мнѣ свою бѣлую, покрытую тончайшими черными волосиками руку и... я сейчасъ же почувствовалъ острую боль отъ укола иголкой.

Таня склонила головку и улыбнулась, какъ дитя. Я испыталъ чувство страшнаго, невыразимаго словами оскорбленія и со слезами на глазахъ ушелъ домой съ твердымъ рѣшеніемъ не возвращаться сюда никогда.

Люсю я засталъ грустной и озабоченной. Она была очень блѣдна и у нея дрожали руки.

Я подошелъ, обнялъ ее за шею и сказалъ:

— Люсинька, я былъ тамъ, но между нами ничего нѣтъ и не будетъ,—увѣряю тебя.

— Я знаю. Нѣтъ, я не потому,—мнѣ просто нездоровится.

Вечеромъ съ ней случился сильный припадокъ рвоты, но въ ея положеніи это было естественно, и я не испугался.

А черезъ три часа я уже не помнилъ ни укола иголки, ни грустнаго личика жены и былъ увѣренъ, что Таня это не звѣрь, не кошка въ образѣ женщины, а богато одаренная натура, исковерканная нелѣпымъ воспитаніемъ и нелѣпою жизнью; и что сдѣлать эту дѣвушку человѣкомъ въ лучшемъ значеніи этого слова могу только одинъ я. Словомъ, сказка про бѣлаго бычка...

Съ этими мыслями я ушелъ въ свой кабинетъ Люся и Боря уже спали. Я тоже попробовалъ лечь, но не могъ закрыть глазъ. Пришлось снова зажечь лампу и одѣться. Неутѣшно такъ было на сердцѣ... Меня крутили: стыдъ передъ женой и тяжкое отчаяніе человѣка, узнавшаго навѣрное, что онъ неизлечимо заболѣлъ. Тишина кругомъ была удушливая и мнѣ казалось, что моя спиртовая лампа гудитъ слишкомъ громко. Изъ кухни доносился храпъ Григоренки.

Я ходилъ, ходилъ, потомъ взялъ первую попавшуюся книгу и сѣлъ. Это была библія, которую я никогда не читалъ. Мнѣ ее подарила покойная мать въ тотъ годъ, когда я уѣзжалъ изъ провинціи въ петербургскій университетъ.

Открылась „Пѣснь пѣсней“. Дѣйствительно пѣснь пѣсней!.. Тамъ есть удивительныя мѣста, которыя послѣ нашей, на всѣ лады изломанной беллетристики, кажутся необыкновенно искренними, поэтическими и врѣзываются въ память навсегда:

„Кто это глядящая, какъ заря, прекрасная, какъ луна, свѣтлая, какъ солнце, грозная, какъ полки со знаменами?“.

„Я принадлежу другу моему и ко мнѣ обращено желаніе его. Пойди, другъ мой, выйдемъ въ поле, переночуемъ въ деревняхъ.

...Раннимъ утромъ пойдемъ въ виноградники, посмотримъ, распустилась ли виноградная лоза, раскрылись ли цвѣты, раскрылись ли гранатовыя яблоки;—тамъ я окажу ласки мои тебѣ“...

По-моему, это геніально. Я задумался... Понимаешь, эта женщина производила на Соломона такое же впечатлѣніе, какъ будто на одного человѣка двигается цѣлая тысяча вооруженныхъ людей. Сопротивленіе безсмысленно... И казалось мнѣ еще, что современнымъ людямъ восторги Соломона уже не могутъ быть понятны. Но для меня каждое слово этой пѣсни было роднымъ, какъ будто я сказалъ его самъ...

Вдругъ кто-то дотронулся до моего плеча.

Я со страхомъ повернулъ голову и увидѣлъ няньку. Лицо у нея было испуганное, она что то шептала, и такъ порывисто, что я долго не могъ понять, въ чемъ дѣло. Но инстинктъ уже сказалъ мнѣ, что въ домѣ случилось что-то очень нехорошее. Я прошелъ въ спальню. Жена стонала. Возлѣ нея суетилась кухарка... Начались преждевременные роды...

Я самъ съѣздилъ за докторомъ.

Цѣлую ночь была суета. Бѣгали въ аптеку, бѣгали зачѣмъ-то въ больницу. Я перенесъ Борю къ себѣ въ кабинетъ и уложилъ его на диванѣ. Онъ почмокалъ губами и сейчасъ же уснулъ. Выносили какіе-то тазы съ водой, окрашенной кровью. Ставили самовары. Меня докторъ не пустилъ въ спальню.

Чтобы не стучать ногами, я надѣлъ туфли и до утра ходилъ взадъ и впередъ. Это была уже третья безсонная ночь. Если бы я могъ плакать или молиться, было бы легче. Душа оледенѣла...

Къ утру все обошлось сравнительно благополучно. Люся лежала безъ кровинки въ лицѣ, аккуратненько покрытая плюшевымъ одѣяломъ и грустно улыбалась, совсѣмъ какъ святая. Пахло лекарствами. Боря и нянька пили въ столовой чай...

Это случилось за три недѣли до Рождественскихъ праздниковъ. Никто не зналъ, что вина была моя. И съ женой мы объ этомъ не говорили. Я цѣлую недѣлю сидѣлъ возлѣ ея кровати, читалъ вслухъ газеты, разсказывалъ о служеб-

ныхъ дѣлахъ. И въ это время думалъ о Танѣ, но твердо рѣшилъ ее не видать.

Черезъ десять дней Люся уже встала и мы вмѣстѣ начали готовить для Бори елку.

На душѣ было тихо, но тяжело. Вѣроятно, я былъ похожъ на человѣка, у котораго ужасно болитъ зубъ, и вотъ, вся воля этого человѣка направлена на то, чтобы о его страданіяхъ никто изъ окружающихъ даже и не заподозрилъ.

Ужасное состояніе...

Я не позволялъ себѣ лѣнтяйничать. Къ службѣ сталъ относиться такъ внимательно, какъ ни одинъ изъ офицеровъ нашего экипажа.

Теперь я и Люся были особенно внимательны другъ къ другу, но въ этомъ вниманіи сквозило больше взаимной порядочности, чѣмъ теплоты. Большинство нашихъ знакомымъ продолжало считать насъ идеально счастливыми супругами. Послѣ Новаго года я не сомнѣвался, что уже совсѣмъ побѣдилъ свое горе.

— Кончено!—думалъ я.—Слава Богу, все кончено. Воля и разсудокъ взяли верхъ надъ стихіей.

Въ городъ пріѣхала очень хорошая драматическая труппа и мы съ Люсей часто посѣщали театръ.

Однажды шла „Нора“ Ибсена. Въ ложѣ я увидѣлъ Таню и показалъ ее женѣ, но самъ туда не пошелъ и даже не поклонился. Люся спокойно посмотрѣла на нее въ бинокль и потомъ сказала:

— Я нѣсколько разъ встрѣчала эту дѣвицу въ городѣ и всегда думала, что это именно она...

Тихо и спокойно вернулись мы въ свою квартирку.

Этотъ день былъ днемъ моего торжества. Но только день, потому что ночью мнѣ приснилась Таня. Она прижималась къ моему тѣлу и ласково шептала: „И больше никого мнѣ не нужно“...

Потомъ двое сутокъ невыносимая, точно предсмертная тоска не выходила изъ моего сердца. Я очень боялся, какъ бы не встрѣтить Таню на улицѣ...

X.

Двадцать девятаго января я шелъ на службу. Навстрѣчу мнѣ бѣжалъ мальчишка газетчикъ, размахивалъ пачкой телеграммъ и громко повторялъ слово „броненосцы“.

Я купилъ одну изъ нихъ и прочелъ, что японцы взорвали три нашихъ лучшихъ корабля. Въ ушахъ у меня зазвенѣло, какъ будто я самъ услышалъ громъ этихъ взры-

вовъ. Я понялъ, что война уже есть, что, такъ или иначе, я непремѣнно приму въ ней участіе и... что, пожалуй, никогда больше не увижу Таню. Понялъ я также, какъ сильно еще люблю ее и что, озлобленная за мое прошлое счастье, судьба дала мнѣ только передохнуть, а теперь опять... начинается... Въ экипажѣ были разговоры только о войнѣ, дома тоже.

Люся, противъ моего ожиданія, казалась очень встревоженной, это значило, что событіе не тронуло ее глубоко.

На слѣдующій день я, уже ничего не говоря ни женѣ, ни своей совѣсти, пошелъ къ Танѣ.

Старухѣ нездоровилось и она лежала во второй комнатѣ. Таня въ легкомъ пеньюарѣ кончала передъ заркаломъ прическу.

Увидѣвъ меня, она только сказала:

— Не могу подать руки. Занята. Сейчасъ кончу...

Она даже не спросила, отчего я такъ долго не былъ. Я сѣлъ и молча наблюдалъ за движеніями ея гибкаго, все еще великолѣпнаго тѣла. Рукава пеньюара закатывались выше локтей, и это мучило.

Потомъ стало легче. Было тихо. Въ сосѣднемъ номерѣ играли на роялѣ. Таня продолжала возиться съ прической, Личико у нея было недовольное. Женщины всегда бываютъ недовольны, если кто-нибудь видитъ ихъ желанія. А я видѣлъ, что она хочетъ создать себѣ внѣшность живой дѣвушки, но въ сердцѣ у нея только: иней, тишина и холодъ...

Просидѣлъ я такъ минутъ десять, а передумалъ очень много. Зналъ я, что еще очень тяжко мнѣ придется, а, когда я уѣду, Таня будетъ мучить другихъ. Будетъ представляться красивой, элегантной дѣвицей, жаждущей любить, быть счастливой самой и сдѣлать счастливымъ другого.

Таня помочила слюной палецъ и примазала послѣднюю завитушку на лбу, потомъ сѣла и спросила съ тѣмъ же равнодушнымъ видомъ:

— Ну, что новаго?

— Въ моей личной жизни все старое. Но я собираюсь проситься на Востокъ и тогда будетъ новое...

— Какъ я за васъ рада... Ну, мнѣ нужно идти.

— Я васъ провожу.

— Нѣтъ, я въ другую сторону и на извозчикѣ.

Когда она одѣлась, я, задыхаясь, сказалъ:

— Таня, послушайте, а вамъ прошлаго не жаль?

— Я не понимаю, о чемъ вы говорите...

Все во мнѣ задрожало и мнѣ вдругъ захотѣлось ее ударить больно, больно... Едва удержался.

Съ лѣстницы мы сошли молча.

— До свиданія,—сказала Таня, и не кивнувъ головой, сѣла въ извозчичій фаэтонъ.

По дорогѣ домой я... я уже не сердился на Таню. Я видѣлъ ея будущее. Скверное будущее... Пожелтѣетъ, подурнѣетъ, перебои сердца начнутся... Зеркало будетъ ей говорить, что она уже не та, а она не захочетъ ему вѣрить. Всѣ поклонники разбѣгутся, скучно ей станетъ. У кого тѣло старѣетъ, у того глубина души остается, а у кого души не было, у того ничего не можетъ остаться, кромѣ скучнаго чисто-физическаго существованія... Жалко мнѣ ее стало. Казалось, что вотъ она тонетъ, я бросаю ей спасательный кругъ, который купилъ дорогой цѣной, а она не хочетъ взять его въ руки...

Жаль мнѣ было и тѣхъ дураковъ, которые искали въ Танѣ чувства. Они мнѣ казались похожими на птицъ, принявшихъ нарисованные художникомъ Фидіемъ плоды за настоящіе, но когда птицы захотѣли ихъ клюнуть, то оказалось, что, вмѣсто плодовъ, тамъ одинъ холстъ и скверно пахнущія краски.

Глаза, личико, руки Тани имъ говорили, что эта прелестная женщина, созданная только для любви, но сама она любить никого не можетъ и не умѣетъ по тѣмъ же причинамъ, по которымъ ни одна кошка не умѣетъ читать.

И вотъ нужно было сознаться, что, въ числѣ этихъ дураковъ, первымъ былъ я и... до сихъ поръ пребываю въ этомъ званіи... И все-таки мнѣ было ее жаль. Я зналъ, что судьба рано или поздно страшно отомститъ ей за мои страданія и за страданія другихъ такихъ же господъ...

Я началъ хлопотать, чтобы меня назначили на Востокъ. Хотѣлось умереть. Я разсуждалъ такъ: „Женѣ я радостей дать не могу; если меня убьютъ, то пенсію ей назначатъ довольно сносную, и Люся безъ меня воспитаетъ Борю не хуже. Жить же и видѣть, какъ опускается на дно Таня, невыносимо тяжело. Если она уѣдетъ, я поѣду за ней“. Словомъ, безсрочная каторга... А на войнѣ (я никакъ не могъ себѣ представить, что эта война будетъ такою) цѣлый рядъ сильныхъ впечатлѣній потушитъ мою ненасытную жажду къ Танѣ. Если утону или убьютъ—каторгѣ конецъ...

Я не скрылъ отъ жены, что былъ у Тани.

Я всегда ненавидѣлъ ложь, и для меня всегда, чисто органически, очень тяжело было не только солгать близкому человѣку, котораго я уважаю, но даже скрыть отъ него правду, конечно, кромѣ мелочей, могущихъ оскорбить слухъ. А Люсю я такъ же уважаю, какъ искренно-вѣрующій мулла—Магомета...

Но уваженіе—это одно, а стихійная любовь—это совсѣмъ другое,—разсудокъ здѣсь мало значитъ.

Люся, повидимому, не огорчилась, она была только еще холоднѣе, хотя и старалась казаться привѣтливой.

Когда она узнала, что я уже назначенъ на Востокъ, то чуть поблѣднѣла, но совершенно спокойно отвѣтила:

— Ты самъ просилъ объ этомъ. Сомнѣваюсь, чтобы тебя влекло туда желаніе сражаться. Дѣлай, какъ знаешь. Если тебѣ будетъ легче—поѣзжай...

Сердце у меня сжалось. Почему-то хотѣлось, чтобы она заплакала или выбранила меня. Ну, да что объ этомъ говорить! Конечно, я понималъ, что сѣлъ между двухъ стульевъ, падаю, и уже ничто и никто не въ силахъ меня поднять...

XI.

Теперь разскажу, какъ я съ Таней прощался въ день отъѣзда.

Я очень боялся не застать ее дома, а еще больше мнѣ не хотѣлось встрѣтить у нея кого-нибудь изъ поклонниковъ. Поэтому я рѣшилъ пойти очень рано — въ одиннадцать часовъ утра.

Позвонилъ. Послѣ длинной паузы—быстрые шаги въ туфляхъ и вопросъ:

— Кто тамъ?

— Я.

— Мамы нѣтъ дома, она ушла въ городъ.

— Но я пришелъ не къ мамѣ, а именно къ вамъ—и въ послѣдній разъ. Я сегодня ѣду на Дальній Востокъ...

— Ммм... Я еще не поднялась съ постели.

— То-есть, какъ же это, если вы стоите у дверей?

— Но я еще совсѣмъ не одѣта... Вотъ что, я отопру и уйду въ спальную, а вы обождите меня въ большой комнатѣ.

— Хорошо,—отвѣтилъ я хриплымъ голосомъ. Отъ одной мысли, что меня и Таню, полуобнаженную, все еще прекрасную, раздѣляетъ только одна дверь, мнѣ стало трудно дышать.

Ключъ щелкнулъ. Я услыхалъ, какъ Таня пробѣжала и, стараясь владѣть собою, вошелъ въ первую комнату.

— Я не долго...—прозвенѣлъ довольно привѣтливо голосъ Тани.

— Хорошо, хорошо...

— Я позвоню горничную, она мнѣ поможетъ...

— Мнѣ кажется, что вы зовете ее не только для услугъ, а скорѣе на всякій случай...—сказалъ я.

— Вамъ всегда кажется... Я никого не боюсь, а тѣмъ

болѣе васъ,— отвѣтила Таня уже другимъ, холоднымъ тономъ, который всегда меня такъ мучилъ.

Не снимая кортика, я сѣлъ въ кресло и закурилъ папиросу.

„За то, что я произнесъ вслухъ настоящую причину вызова горничной, Таня сейчасъ захочетъ мнѣ отомстить"— подумалъ я. „Но какъ она это сдѣлаетъ?"

И вдругъ мнѣ стало до слезъ тяжело и досадно на самого себя, зачѣмъ я, почти умышленно, испортилъ послѣдній разговоръ съ Таней. Впрочемъ, я сейчасъ же утѣшился при мысли, что съ ней мнѣ все равно терять уже нечего.

Въ комнатѣ былъ порядокъ, только на одномъ изъ мягкихъ креселъ лежала голубая ночная кофточка.

Я взялъ ее и приложилъ тончайшій батистъ къ своей щекѣ. Повѣяло нѣжными духами, кажется, царскимъ верескомъ и тѣмъ неуловимымъ запахомъ дѣвичьяго тѣла, который способенъ одурманить самаго нравственнаго человѣка, если онъ изъ живого существа еще не обратился въ машину... Я чувствовалъ, что нѣсколько минутъ назадъ эта матерія прикасалась къ обнаженной груди и плечамъ Тани.

Дверь изъ корридора скрипнула и черезъ первую комнату быстро прошла въ спальню пожилая горничная. Вѣроятно, она даже и не замѣтила меня. Все-таки я ужасно взволновался, будто пойманный воръ, и, самъ не знаю почему, тщательно сложилъ и спряталъ кофточку у себя на груди. Черезъ не совсѣмъ притворенную дверь мнѣ было видно зеркало и всю фигуру Тани.

Мнѣ думалось, что какой-то невѣдомой силѣ извѣстно, что я вижу Таню въ послѣдній разъ и что именно поэтому она пожалѣла меня и устроила такъ, что горничная не притворила двери, а главное внушила Танѣ мысль оставить ее непритворенной.

Не знаю, переживалъ ли ты когда-нибудь такіе полчаса? Это ужасъ, что такое!..

Прекрасное, удивительное, полуобнаженное тѣло, которое ты когда-то цѣловалъ все—съ ногъ до головы,—движется отъ тебя въ нѣсколькихъ шагахъ, но прикоснуться къ нему ты не можешь. Хотѣла ли Таня меня мучить, или хотѣла въ послѣдній разъ побаловать,— только она возилась слишкомъ долго и дѣлала такія движенія, что я видѣлъ слишкомъ много... Во всякомъ случаѣ, спасибо ей вѣчное за эти моменты, хотя тогда у меня чуть не пошла горломъ кровь...

Таня вышла ко мнѣ свѣжая, шумящая легкимъ пеньюаромъ, съ высокой прежней прической, которую я такъ

любилъ, но съ холодными, равнодушными, какъ у жандарма, глазами и ни разу не улыбнулась.

— Хотите кофе?—спросила она.

— Нѣтъ, но если вы будете пить, то могу...

Я почему-то засмѣялся, но сейчасъ же опустилъ голову и больше не находилъ словъ.

Таня на минутку вышла въ корридоръ,—вѣроятно, сказала, чтобы дали кофе,—вернулась и опять сѣла въ кресло...

— Когда ѣдете?

— Сегодня...

— Должно быть, это будетъ очень интересное путешествіе. Какъ я вамъ завидую!..

— Право, не знаю...

Горничная принесла кофе и поставила его на маленькомъ столикѣ. Таня сама подала мнѣ стаканъ, но сдѣлала это какъ то особенно непривѣтливо. Глаза ея смотрѣли все такъ же холодно и жестоко. Я чувствовалъ, что, если бы я сейчасъ же началъ прощаться, Таня не стала бы меня удерживать. Впрочемъ, Тани уже не было,—былъ только портретъ дорогой покойницы, сдѣланный съ большимъ мастерствомъ, и я не могъ заставить себя не смотрѣть на него въ послѣдній разъ...

Сначала говорилось очень плохо, потомъ легче.

— Вы знаете, почему я туда ѣду?—спросилъ я.

— Нѣтъ, не знаю.

— Чтобы не видѣть васъ.

— Да... Значитъ, это будетъ вашимъ первымъ благоразумнымъ поступкомъ.

— Скажите, Таня, какъ вы думаете устроить свою дальнѣйшую жизнь?

— Ничего я не думаю...

— Но вѣдь, рано или поздно, вамъ придется выйти замужъ.

— Врядъ ли.

— Почему?

— Я не умѣю быть ни рабой, ни любовницей, ни товарищемъ... Затѣмъ дѣти,—я не люблю ихъ... Я сама по себѣ. Если я позволяю иногда многое съ мужчинами, то исключительно затѣмъ, чтобы посмотрѣть, какъ они себя въ это время ведутъ. Могу сказать, что всѣ на одинъ ладъ и очень смѣшно. Затѣмъ я не выношу ревности... Говорятъ, что у меня прекрасное тѣло,—это правда, но къ нему я бы могла позволить прикоснуться только тому, кто дѣйствительно поразилъ бы мой умъ и сердце—такихъ не находится... Вообще я слишкомъ требовательна, а разговоръ этотъ слишкомъ скученъ, а потому лучше прекратимъ его...

Нотки искренности, которыя я услыхалъ въ словахъ Тани, взволновали меня.

— Хорошо, прекратимъ; только отвѣтьте мнѣ еще на одинъ вопросъ и такъ же откровенно. Таня, вы любили меня когда-нибудь?

Она покраснѣла, но такъ же спокойно отвѣтила:

— Можетъ быть, но если и да, то всего нѣсколько дней. Вѣроятно, васъ одного... Теперь уже не люблю никого и буду дѣлать только то, что мнѣ пріятно. А затѣмъ объявляю, что на всѣ ваши вопросы объ этомъ не отвѣчу ни одного слова. Говорите о чемъ-нибудь другомъ.

— Хорошо, я не задамъ вамъ больше ни одного вопроса, но позвольте же и мнѣ высказаться. Я коротко... Я чувствовалъ себя счастливымъ съ вами только нѣсколько часовъ, но эти часы мнѣ дороже всей моей прошедшей, настоящей и будущей жизни...

Я замолчалъ и почувствовалъ, что у меня выступаютъ слезы. Таня тоже это замѣтила и коротко сказала:

— Выпейте воды. А затѣмъ, я сейчасъ ухожу, мнѣ нужно купить билетъ въ театръ...

Она снова позвонила горничную и стала надѣвать шляпу. Локти у нея чуть дрожали. На улицѣ я спросилъ:

— Мнѣ можно съ вами?

— Нѣтъ..

Настаивать я не умѣлъ, умолять не хотѣлъ.

Я прижался губами къ холодной кожѣ перчатки...

Дома время тянулось невыносимо. Ясно чувствовалось, какъ я и жена хотимъ заставить себя быть нѣжными, привѣтливыми, но, вмѣсто искренности, выходитъ комедія...

Оставшись одинъ у себя въ кабинетѣ, я вынулъ кофточку Тани и цѣловалъ ее. У меня слегка закружилась голова. Затѣмъ я сложилъ ее, завернулъ въ чистый платокъ и снова положилъ ее къ себѣ на грудь.

Вошла Люся. Я быстро вынулъ руку изъ-подъ сюртука,—она это замѣтила, но ничего не спросила, а только сказала:

— Иди пить чай.

Въ столовой было тихо. Мурлыкалъ потухающій самоваръ. Я взялъ на колѣни Борю, гладилъ его по головѣ и смотрѣлъ на жену. Ея глаза не выражали страданія,—они глядѣли въ одну точку. Я ничего ей не сказалъ, но былъ увѣренъ, что Люся чувствовала, гдѣ я сегодня былъ и также чувствовала, что это свиданье не дало мнѣ ничего, кромѣ тоски... Боря соскочилъ съ моихъ колѣнъ и побѣжалъ въ дѣтскую. Онъ еще не понималъ, куда и зачѣмъ я ѣду.

Молчаніе стало невыносимымъ.

— Все уложено?—спросилъ я.

— Все. Только послѣ чая надѣнь тужурку, вѣдь ты не поѣдешь въ сюртукѣ?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я и добавилъ,—тяжело мнѣ сегодня!..

— Новыя впечатлѣнія тебя развлекутъ. Вѣдь ты радъ, что ѣдешь?

— Радъ. Дамъ тебѣ отдохнуть отъ моей особы и самъ отдохну отъ себя. Хотѣлось бы мнѣ быть другимъ, но это не въ моей волѣ...

— Я понимаю.

Въ восемь часовъ вечера я расцѣловалъ Борю, и мы съ женой поѣхали на вокзалъ. Старались шутить, но шутки выходили неостроумными.

Послѣ второго звонка мы крѣпко поцѣловались, но какъ будто по чьему-то приказанію. Хохлы говорятъ о такихъ поцѣлуяхъ: „якъ мертваго у лобъ".

Въ вагонѣ мнѣ все время, дѣйствительно, было легко. А здѣсь! не дай Богъ! Вѣдь это же невыносимо: чувствовать себя интеллигентнымъ человѣкомъ, а не скотомъ, и въ то же время сознавать, что единственная радость для тебя заключается въ женщинѣ, чужой и холодной. Строить всѣ свои переспективы на единственной мысли: „увижу ее еще или не увижу?"

Теперь я немного понялъ свою жену. Знаешь, почему она не презираетъ меня? Потому что я для нее то же, что для меня Таня. Ей самой видно, какой это ужасъ, если любишь только одного и не принадлежащаго тебѣ душевно, а все остальное на свѣтѣ—на второмъ планѣ. У докторовъ это, кажется, называется „monomania".

Охотинъ замолчалъ, поднялъ голову и попробовалъ улыбнуться.

Стельчинскій съ любопытствомъ и жалостью глядѣлъ на него широко раскрытыми глазами, какъ смотрятъ на улицѣ на человѣка, котораго только что переѣхалъ трамвай. Въ каютѣ было накурено и душно отъ парового отопленія.

Охотинъ всталъ съ койки и зашатался.

— Ногу отлежалъ,—сказалъ онъ и снова хотѣлъ улыбнуться, но вмѣсто улыбки вышла гримаса. Потомъ онъ подошелъ къ зеркальцу, увидалъ свою всклокоченную голову, вынулъ изъ кармана гребенку и сталъ причесываться.

— Все пройдетъ, все обойдется, — сказалъ, наконецъ, Стельчинскій.

— На томъ свѣтѣ,—отвѣтилъ Охотинъ.—Однако, пора и на квартиру, а то мой вѣстовой спитъ, какъ зарѣзанный, и легко можно не достучаться и до самаго утра. Да, братъ... А всѣ вы ужасно плохіе психологи. Я чувствовалъ, какъ

каждый изъ васъ думалъ: „Напился человѣкъ пьянымъ, ушелъ въ каюту и заснулъ"... А дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе. Въ эту ночь я видѣлъ Таню, видѣлъ ее такою, какою она была, но уже быть не можетъ... Проснулся въ два часа и больше не могъ закрыть глазъ... И днемъ не въ силахъ былъ лечь. Оттого я сегодня и задремалъ у тебя въ каютѣ...

Охотинъ вдругъ покраснѣлъ, засунулъ руку за бортъ сюртука и съ полъ-минуты возился и пыхтѣлъ, поправляя сорочку, затѣмъ снялъ съ вѣшалки пальто и началъ его надѣвать.

— Стой, я тебѣ помогу,—сказалъ Стельчинскій.

— Ну, помоги.

Охотинъ застегнулся на всѣ пуговицы.

— Прощай! Спасибо, голубчикъ... Все-таки легче стало, когда разсказалъ тебѣ про свою бѣду...

— Года черезъ два ты о ней и забудешь...

— Въ томъ-то и дѣло, что не забуду!.. Можно себя заставить не дѣлать чего-нибудь, не говорить о чемъ-нибудь, но нельзя заставить себя не думать и не желать... Въ этомъ—весь ужасъ... Ну, прощай, братъ!..

Молча вышли на палубу. Трапъ освѣтился электрическими лампочками, и внизу стало еще чернѣе. Дулъ и свистѣлъ по вантамъ нордъ-остъ. Стельчинскій былъ въ одной тужуркѣ. Онъ заложилъ руки въ карманы брюкъ, дрожалъ и весь согнулся. Стоявшій рядомъ вахтенный матросъ, въ длинномъ тулупѣ и въ заиндевѣвшей оленьей шапкѣ, казался великаномъ.

Лицо Охотина было спокойно, только глаза сильно блестѣли. Онъ еще разъ кивнулъ головою, подвинулъ фуражку и, придерживаясь за поручни трапа, началъ опускаться въ темноту, въ которой сейчасъ и потерялся.

Когда Охотинъ шелъ по льду, то ему казалось, что на свѣтѣ нѣтъ и никогда не было—ни его жены Люси, ни сына Бори, ни Тани, а есть только непроглядная ночь, иней, тишина и холодъ.

Жизнь.

Безликая, она забыла счетъ обличій:
Подсказываетъ роль любовнику въ бреду,
И коршуна влечетъ надъ нивами къ добычѣ,
И гидрѣ маленькой даетъ дышать въ пруду.

Въ пустынѣ выжженной встаетъ былинкой смѣлой,
Въ ничтожной капелькѣ селитъ безмѣрный міръ,
Рождаетъ каждый мигъ, вплетаетъ тѣло въ тѣло
И сѣмена существъ проноситъ чрезъ эѳиръ!

Отъ грозныхъ пирамидъ и гордыхъ библіотекъ
До горъ, воздвигнутыхъ изъ ракушекъ морскихъ,
Отъ криковъ дикаря, метнувшаго свой дротикъ,
До чернаго червя, который мудро тихъ,—

Сверкаетъ жизнь вездѣ, грохочетъ жизнь повсюду!
Бросаюсь въ глубь вѣковъ, – она горитъ на днѣ.
Бѣгу на высь временъ,—она кричитъ мнѣ: буду!
Она надъ всѣмъ, что есть; она—во всемъ, во мнѣ!

О, братья: человѣкъ! бацилла! тигръ! гвоздика!
И жители иныхъ непознанныхъ планетъ!
И духи тайные, не кажущіе лика!
Мы всѣ—лишь бѣглый блескъ на вѣчномъ морѣ лѣтъ!

Валерій Брюсовъ.

Жаръ-Птица.

Народныя повѣрья—
Неполныя страницы,
Разрозненныя перья
Отъ улетѣвшей птицы.

Она вотъ тутъ сидѣла
На камнѣ самоцвѣтномъ,
И пѣла здѣсь такъ смѣло
О снѣ своемъ завѣтномъ.

О томъ заморскомъ краѣ,
Гдѣ Море съ Небомъ слито,
Гдѣ дума, въ вѣчномъ маѣ,
Цвѣтами перевита.

Гдѣ свѣтовъ зарожденье,
Гдѣ завершенье мраковъ,
Гдѣ видитъ умъ сплетенье
Всего, какъ вѣщихъ знаковъ.

Пропѣла, улетѣла,
Предъ взоромъ лишь зарница,
Лишь видишь—здѣсь блестѣла
Воистину Жаръ-Птица.

К. Бальмонтъ.

Въ монастырѣ.

Разсказъ **Ив. Наживина**

Трапеза кончилась и монахини, шелестя черными одѣяніями, разошлись по кельямъ...

Мать Серафима, чистая, полная монахиня, съ круглымъ, благообразнымъ лицомъ, въ сопровожденіи двухъ послушницъ—кругленькой, краснощекой Аннушки, съ веселыми ямочками по миловидному лицу и болѣзненно-блѣдной и грустной, похожей на тѣнь Кати,—обходила и запирала всѣ ворота:—Нынче время-то вѣдь какое,—дня не проходитъ, чтобы не было грабежа. „Руки вверхъ!"—и готово... Ужъ въ городѣ на двѣ обители покушались, злодѣи, а тутъ далеко ли—всего четыре версты...

Тяжелыя воротины подъ усиліями послушницъ тихо стронулись съ мѣста и, точно негодуя на то, что нарушили ихъ мертвый, чугунный сонъ, со скрежетомъ и визгомъ поползли навстрѣчу одна другой.

— Ну, ну, налягъ!..—улыбаясь, подбодрила мать Серафима блѣдную Катю.—Запирайте крѣпче, смотрите!..

— Не влѣзутъ теперь!—улыбнулась всѣми своими ямочками розовая Аннушка, опуская заскрежетавшій тяжелый засовъ.—А и влѣзутъ — не возрадуются: насъ тутъ эва сколько! Отъ одного крика убѣгутъ.

— А я боюсь...—тихо проговорила Катя, и въ ея темныхъ обложенныхъ тѣнью глазахъ въ самомъ дѣлѣ отразился страхъ.

— Бояться грѣхъ,—назидательно сказала мать Серафима.—Ежели Богъ не оставитъ, бояться нечего, а оставитъ, такъ бойся, не бойся—не спасешься.. Ну, заперли?.. Ну, и слава Богу! Пойдемте...

Она торопливо, маленькими крестиками перекрестила, что-то шепча, снова заснувшія своимъ тяжелымъ сномъ ворота, перекрестилась сама и всѣ направились къ кельямъ, въ окнахъ которыхъ, между стволами старыхъ деревьевъ парка, ярко отражалась горящая надъ тихими полями заря...

Все затихло...

Обнесенный своей высокой, красивой оградой по лицевой сторонѣ и высокимъ прочнымъ заборомъ съ натыканными наверху гвоздями—сзади и съ боковъ, монастырь этотъ, спрятавшійся въ тѣни огромнаго, вѣкового парка, казался какимъ-то прекраснымъ островкомъ среди мутно-сѣраго, безбрежнаго моря нужды, горя и безобразія, бурно плескавшагося за его высокой оградой. Все, что связывало его съ тѣмъ бурнымъ міромъ были, казалось, лишь ручейки золота и мѣдяковъ, лившіеся оттуда сюда и превращавшіеся здѣсь въ крѣпкіе, хрустящіе листы процентныхъ бумагъ, нѣжную семгу, золотыя ризы и малиновое, яркое, какъ рубинъ, душистое варенье: здѣсь очень много ѣли, а особенно сладкаго—благочестивые посѣтители никогда не забывали захватить сюда абрикосовскаго мармелада для матушекъ, маслянистой, вкусной халвы съ орѣхами, фруктоваго сахару, а лѣтомъ, когда наступалъ сезонъ ягодъ, всѣ окрестности были полны ароматомъ варенья и мужики принюхивались и говорили: „вотъ матушки варенье варятъ", а ребята—съ тонкими ножками, большими животами и блѣдными лицами,—прильнувъ къ щели въ высокомъ заборѣ, расширяли ноздри и облизывались... И, когда здѣсь ѣли... впрочемъ, здѣсь никогда не ѣли, а вкушали во славу Божію,—когда здѣсь вкушали во славу Божію бѣлорыбицу, то̀ души переполнялись умиленіемъ, ибо всѣ знали, что, вкушая бѣлорыбицу, онѣ творятъ волю Бога, запретившаго имъ солонину и разрѣшившаго бѣлорыбицу...

Тамъ, въ грѣшномъ мірѣ, за оградой, ревѣли, обагряя землю кровью людской, пушки,—здѣсь съ высокихъ хоръ лились чудные, чистые звуки на диво подобранныхъ дѣвичьихъ голосовъ; тамъ, подъ взъерошенными, соломенными кровлями разоренныхъ деревень люди гнили въ сифилисѣ и паршѣ, тонули въ водкѣ,—здѣсь, среди великолѣпныхъ, ароматныхъ клумбъ гордо цвѣли рѣдкой красоты георгины: пунцовыя, снѣжно-бѣлыя, золотистыя, пестрыя, темно-лиловыя; тамъ слышались пьяная остервенѣлая ругань, дикія пѣсни, отчаянный вой бабъ по запаснымъ,—здѣсь, чудно переплетаясь съ ароматомъ ландышей, розъ, резеды, въ горячемъ трепетѣ солнечнаго свѣта среди листвы слышались серебряныя, свѣжія, чистыя трели зябликовъ, рыдали звѣздными ночами отъ счастья соловьи въ дальнихъ, пустынныхъ углахъ парка, надъ рѣкой, пѣли въ лазурной вышинѣ колокола, то весело и побѣдно, то строго и величаво, то грустно и задумчиво-нѣжно... Въ высокомъ, полномъ солнечнаго свѣта куполѣ, окруженный сіяніемъ и славословящими херувимами, здѣсь царилъ великій Богъ, а по сторо-

намъ, въ голубыхъ пахучихъ облакахъ кадильнаго дыма, пестрыми нарядными вереницами стояли благообразные, то умиленные, то строгіе святые. А выйдешь на широкую, чистую паперть—видишь широкій заоградный міръ, но не безобразіе его, а только красоту: золотыя нивы, задумчивыя синія, лѣсныя дали, зори, жемчужныя облака, звѣзды, а надъ полями—высокія трубы кирпичныхъ заводовъ, похожія на огромные каменные пальцы, указывающіе въ вѣчное небо, куда, навкушавшись до-сыта бѣлорыбицы и абрикосовскаго мармелада, ты отправишься подъ грустно-величавый гулъ колоколовъ...

Изрѣдка бывали и здѣсь моменты скорби—тогда, когда постригали какую-нибудь новую инокиню. Въ эти минуты ей казалось, что она умираетъ для міра, вступаетъ на какой-то новый скорбный путь. Вся блѣдная, сдерживая боль души, она надѣвала черный клобукъ и—сразу попадала на счастливый островокъ, гдѣ такъ пышно цвѣтутъ гордыя георгины, такъ дивно поютъ колокола, такъ привольно дышится подъ высокими солнечными сводами вѣковыхъ липъ, гдѣ свѣжія просфоры такъ вкусны съ душистымъ чаемъ и сливки отъ своихъ коровокъ такъ густы и сладки. А садили эти георгины, и доили тѣхъ коровокъ и пекли тѣ просвирки наемныя бабы, отъ которыхъ требовалось, чтобы онѣ были одѣты чисто и не воняли пóтомъ, причесаны какъ слѣдуетъ, не пѣли бы своихъ безобразныхъ, визгливыхъ пѣсенъ и, разговаривая, не орали бы во все горло: матушка игуменья превыше всего цѣнитъ покой, тишину, благообразіе...

Она и совсѣмъ бы закрыла доступъ за ограду безобразію грѣшнаго міра, но этого было нельзя и, кромѣ бабъ, міръ посылалъ сюда еще богомольцевъ,—въ опредѣленные часы, когда звалъ колоколъ,—которые для этого случая надѣвали лучшія одежды и всячески старались скрыть свое убожество и нищету; если же какой-нибудь сынъ человѣческій не имѣлъ хорошихъ одеждъ, если онъ былъ нищъ, босъ, вшивъ, безпріютенъ, то въ лучшемъ случаѣ его пускали только до паперти, не забывая при этомъ указать ему на всю грѣховность водки... Иногда изъ того міра приносили сюда почившихъ „благодѣтелей"—въ дорогихъ гробахъ, подъ парчевыми тяжелыми покровами, съ сверкающими на бархатныхъ подушкахъ орденами и медалями и съ великимъ почетомъ и чуднымъ пѣніемъ опускали въ землю, воздвигали пышный памятникъ и золотыми буквами родные выписывали на немъ и свою печаль, и надежду на то, что и на будущемъ свѣтѣ ему будетъ такъ же хорошо, какъ было хорошо и здѣсь; обсаживали памятникъ благоухающими цвѣтами и усыпали чистыя дорожки вокругъ золотымъ пе-

скомъ... Тѣ же, другіе—изъѣденные сифилисомъ и распухшіе то отъ голода, то отъ пьянства мужики, чахоточные фабричные,—тѣ клали своихъ покойниковъ на своемъ отдѣльномъ кладбищѣ, верстахъ въ двухъ отсюда, на голомъ песчаномъ бугрѣ, гдѣ было такъ скучно и безпріютно и росло такъ много крапивы и бурьяна..

Но, разумѣется, кромѣ золотыхъ ручейковъ, почившихъ благодѣтелей, бѣлорыбицы и мармелада, грѣшный, безобразный міръ, случалось, перебрасывалъ сюда, какъ ни высока была ограда, и нѣчто другое. Такъ, въ позапрошломъ году мутныя, грязныя волны моря житейскаго вынесли темной ночью къ чугуннымъ, наглухо запертымъ, воротамъ трупикъ недоношеннаго ребеночка, а въ прошломъ году, ночью же, загорѣлась Разгильдяевка, крайнія избы которой подходятъ къ самому парку. Вѣтеръ былъ прямо на обитель, и искры золотистымъ роемъ сыпались и на храмъ, и на кельи, и на черно-багровый отъ пожара паркъ. Часть сестеръ всю ночь простояла на паперти съ иконой Владычицы въ рукахъ, а другая до разсвѣта, охая, таскала съ одного мѣста на другое сперва сундучки, а потомъ банки съ вареньемъ и маринадами... Мать Агнія, игуменья, долго отчитывала мужиковъ за неосторожность, когда они на другой вечеръ, грязные, усталые, закоптѣлые, немного пьяные—съ горя—пришли къ ней просить помощи, но все-таки дала имъ по рублю на дворъ... Случалось тоже иногда, что пьяный мужикъ заоретъ нарочно у самой ограды безобразную пѣсню или дѣти дачниковъ, съѣзжавшихся въ окрестности въ маѣ, попортятъ въ саду клумбу или сорвутъ цвѣтокъ, а то, не дай Богъ, противъ оконъ матери Агніи шумѣть начнутъ...

Но, чтобы ни случалось, взволновавшаяся обитель скоро снова замирала въ своемъ солнечномъ, полномъ цвѣтовъ и музыки, покоѣ, снова пышно цвѣли георгины, снова пѣли колокола, снова въ тихихъ келіяхъ, подъ самодовольное ворчанье ярко вычищеннаго самовара, плелись, пересыпаемыя набожными вздохами, именемъ Божіимъ и нравоучительными изреченіями, всякія сплетни, а на столѣ благоухалъ розовый съ янтарнымъ жиркомъ балыкъ, блестѣла жирнымъ блескомъ черная икра, лежали въ своей раздражающей красотѣ всякіе маринованные грибочки, ярко горѣло на солнцѣ всякое варенье въ красивыхъ хрустальныхъ вазочкахъ...

И такъ шелъ годъ за годомъ...

И вдругъ скорбный, грѣшный заоградный міръ зашумѣлъ—смутно, зловѣще, грозно... Земскій докторъ, безбожникъ, вдругъ пріѣхалъ на той недѣлѣ въ Разгильдяевку и, созвавъ мужиковъ, завелъ съ ними рѣчь на счетъ всякихъ

непорядковъ, но, слава Богу, старики на смѣхъ его подняли—„мало вы, дескать, нашего-то брата объегоривали, нѣтъ, будя!"—а Митька Камолый, пьяный, какъ всегда, такъ даже на чаекъ потомъ попросилъ „за то, что слушали весь вечеръ!" Они, подгородные-то, охальники вѣдь, да и дипломаты,—ни на кривой, ни на прямой не объѣдешь... Такъ докторъ, не солоно хлебавши, и уѣхалъ ни съ чѣмъ, а на утро, какъ разсвѣтало, на чугунныхъ воротахъ листокъ поганый нашли—про царя, про начальство, про поповъ. Мать Софія голову на отсѣченье давала, что это Андрейка Безпаловъ налѣпилъ. Да и правда, озорной парень: сестеръ все пчелками зоветъ, матушку-игуменью—мигуньей, архіерея—архаріемъ, архимандрита—хандримандритомъ... И гдѣ только набрался всего этого!.. А въ храмъ Божій и носу никогда не покажетъ...

Мать Софья—бой-баба, не гляди, что инокиня!—листковъ откуда-то добыла, въ которыхъ андрейкиному-то листку все вразрѣзъ, насупротивъ пропечатано было: на счетъ жидовъ, докторовъ, студентовъ и всякой иной прочей сволочи. Въ воскресенье, послѣ поздней обѣдни, она вышла съ листочками своими на паперть и стала собственноручно раздавать ихъ и мужикамъ, и расквартированнымъ для порядка по окрестнымъ деревнямъ казакамъ. Узнавъ объ этомъ, мать игуменья тотчасъ же потребовала ее къ себѣ въ покои и, прочитавъ ей суровую нотацію, положила на нее, въ видѣ наказанія, особое послушаніе,—развѣ можно инокинѣ въ мірскія дѣла мѣшаться?!. Про себя же матушка, читавшая газеты, думала такъ: кто перетянетъ, еще Богъ вѣдаетъ, такъ нечего сердить ни тѣхъ, ни другихъ.

Правда, тѣ, старые-то, всячески покровительствуютъ, пекутся объ обителяхъ Божіихъ, а эти съ перваго же абцугу на монастырскія земли воззрились.

Ну, пусть ихъ берутъ землю, ея и всего-то двѣсти шестнадцать десятинъ да и тѣ матушка успѣла заложить, какъ слѣдуетъ,—на постройку новаго храма, молъ, поистратились; онѣ, слава Богу, и безъ земли проживутъ, однѣми молитвами. А ежели супротивъ *ихъ* больно-то пойдешь, да какъ *они* верха возьмутъ, такъ того и гляди, что, какъ у французовъ, и поразгонятъ всѣ обители. Нѣтъ, Богъ съ ними, наше дѣло сторона: отреклись, и шабашъ, и крышка,—дѣлайте, какъ хотите!..

Мать Софія—истинно, премудрая!—смириться-то смирилась, но все-таки не утерпѣла: листочки, что у нея остались, передала сестрицѣ Аннушкѣ съ веселыми ямочками, чтобы та,—дѣвка она ловкая!—сплавила ихъ какъ поаккуратнѣе въ Разгильдяевку. Сестрица Аннушка не безъ лукаваго умысла

передала ихъ Андрейкѣ Безпалову,—ужъ очень онъ ловко на тальянкѣ громыхалъ да и кудрявый, какъ баранъ,—а тотъ взялъ ихъ да и бросилъ въ печку, оглашенный. Впрочемъ, мать Софія объ этомъ ничего не узнала и радовалась, что здорово она все-таки доктору насолила...

Огоньки въ окнахъ потухали одинъ за другимъ и сестры погружались въ тихій, безмятежный сонъ... Мать Серафима уже тяжело храпѣла... Уставшая за день отъ безконечнаго вышиванья золотомъ шелковыхъ и бархатныхъ туфель, которыми славилась обитель, сестрица Аннушка уже давно спала и ей грезилось, что Андрейка забористо громыхаетъ передъ ней на тальянкѣ и зоветъ ее будто бы въ монастырскій садъ—этотъ сонъ снился ей каждую ночь, можетъ быть, потому, что за годъ она не могла еще достаточно отвыкнуть отъ родной Разгильдяевки. Отца ея убили японцы, мать померла вскорѣ послѣ него и мать Агнія взяла сиротку въ монастырь. Та пошла съ радостью—ужъ очень наголодалась она дома. Здѣсь она скоро очень поправилась, но все-таки скучала, такъ какъ цѣлые дни приходилось, почти не вставая, корпѣть надъ вышиваньемъ разныхъ штучекъ для благодѣтелей, а отъ варенья ей, увы, доставались только пѣнки, да и то мало, отъ бѣлорыбицы—запахъ, а отъ приношеній—двугривенные... Поэтому ей и снился, вѣроятно, заоградный міръ во образѣ Андрейки... Подруга ея, завядшая надъ вышиваньемъ, блѣдная Катя не спала, не могла заснуть и все съ тревожно-бьющимся сердцемъ прислушивалась: не лѣзутъ ли?.. Но вокругъ все было тихо: спали старыя липы, спали георгины, спали разукрашенныя могилки благодѣтелей, только вверху, въ темномъ бархатномъ небѣ, трепетали яркія звѣзды, проносились стремительные метеоры да надъ чугунными воротами не спали два бѣлокрылыхъ ангела, голубой и розовый: какъ всегда, они держали съ боковъ широкое бѣлое полотенце съ изображеніемъ блѣднаго лика Христа, съ темными, строгими глазами и слегка приподнятыми тонкими бровями, придававшими Ему немного удивленное выраженіе,—точно Христосъ недоумѣвалъ, что это такое вокругъ Него дѣлается и зачѣмъ Онъ сюда попалъ...

Въ темной липовой аллеѣ послышался долгій, сочный звѣвокъ—то мать Софія, въ полуснѣ, шла отбивать часы. Наложенное на нее матушкой, послушаніе это, въ ея годы, при ея полнотѣ было не изъ легкихъ,—ей хотѣлось спать, она немного озябла, а подъ ложечкой нестерпимо сосало: пользуясь ея усталостью, врагъ рода человѣческаго искушалъ ее жирной вареной говядиной съ крѣпкимъ хрѣномъ и солеными огурцами, которую она, грѣшница, страшно лю-

била и которой изрѣдка баловала себя, посѣщая городскихъ благодѣтелей и поддаваясь ихъ уговариваньямъ, что „одинъ разокъ-то можно и согрѣшить"...

— Тьфу-ты!.. Отступись, сатана!—съ сердцемъ, совсѣмъ проснувшись, пробормотала она, когда искуситель пустилъ ей въ носъ любимый запахъ жирнаго, дымящагося мяса.— Да воскреснетъ Богъ...

Вотъ и колокольня... Она сразу нащупала въ темнотѣ веревку и... что такое?!.

Среди красивыхъ зубцовъ ограды, на фонѣ ярко-звѣзднаго неба вдругъ тихо поднялся круглый, черный шаръ...

Голова!.. Человѣкъ!..

У матери Софьи подкосились ноги...

Глядь—внизу, уже внутри ограды, стоятъ еще двое! Она схватилась за холодную каменную стѣну, чтобы не упасть. А тотъ, первый, уже тихонько спускался по стѣнѣ внизъ, а на его мѣстѣ, на оградѣ, стоялъ еще человѣкъ!

Пятый!.! Шестой!.. Седьмой!..

Восемь человѣкъ!..

Они постояли немного, должно быть, совѣщаясь, потомъ четверо направились прямикомъ къ покоямъ игуменьи, а четверо къ кельямъ, прямо на мать Софью—черные, тихіе, страшные, какъ смерть!..

Мать Софья справилась съ собою, ожила. Еще мгновенье— и, подобравъ подолъ, она безшумно понеслась вокругъ церкви, забывъ года, усталость и свой большой животъ... Вотъ она уже у ограды...

А—а, веревка!

Мать Софья осторожно дернула ее, разъ, два, а потомъ сильно размахнулась и веревка повисла на одномъ изъ зубцовъ, высоко надъ землей...

И вотъ она, осторожно притворивъ за собой дверь и придерживая одной рукой подолъ, другой—пляшущій животъ, мчится уже по каменной лѣстницѣ вверхъ, на колокольню. Съ страшно выкатившимися глазами, съ раскрытымъ сухимъ ртомъ, блѣдная, какъ смерть, она выросла вдругъ среди спящихъ колоколовъ. Дрожащія ноги ея подгибались, грудь разрывалась подъ ударами сердца и, почти теряя сознаніе, она прижалась лбомъ къ огромному, холодному колоколу... Но вдругъ она вспомнила, что́ теперь тамъ, внизу, и злоба и страхъ разомъ снова окрылили ее...

И вдругъ темная, душная ночь вздрогнула, и колокольня завыла, завыла дико, страшно. Слившись съ колоколомъ въ одно, мать Софья точно вдохнула въ его мощное, мѣдное тѣло свою полную страха, пылающую злобой, жаждой мщенія душу и, весь содрогаясь и трепеща,—колоколъ вылъ

страшнымъ, потрясающимъ душу воемъ. Казалось, кто-то огромный, какая-то огромная утроба металась и ревѣла тамъ, въ звѣздной вышинѣ, надъ темной землей, обиженная, растревоженная, злобная...

При первомъ звукѣ набата земля точно сжалась вся и на ней стало точно еще тише. Потомъ въ окнахъ келій испуганно замелькали, забѣгали огоньки, маленькіе, тревожные, жалкіе въ этомъ бездонномъ ревѣ. Слабо освѣтились окна игуменьи... На деревнѣ послышались сонные, хриплые голоса...

Черныя тѣни тамъ, внизу, бросились къ оградѣ и, жадно, судорожно шаря руками по шероховатой каменной стѣнѣ, тоскливо заметались изъ стороны въ сторону, но напрасно: веревки не было! Гдѣ-то вдали, въ темнотѣ, вдругъ рѣзко и возбужденно зачастилъ рожокъ горниста, ему отозвался другой, потомъ третій—точно перекликались какіе-то большіе, страшные пѣтухи; за стѣной послышались сонные, недовольные и тревожные голоса разгильдяевцевъ и чугунныя ворота глухо загудѣли подъ ихъ кулаками. А мать Софья не видѣла и не слышала ничего. Она совершенно утратила сознаніе самой себя и, слившись съ воемъ колокола, судорожно металась во мракѣ во всѣ стороны, полная страха и злобы, и снова взлетала на колокольню и, какъ рой вѣдьмъ, злобно, очертя голову, снова бросалась внизъ, и снова, дрожа и воя, неслась надъ черной землей...

У стѣны было уже только трое... Остальные, потерявъ голову отъ страха, перебѣгали по саду съ мѣста на мѣсто—слышно было, какъ съ сухимъ трескомъ ломались подъ ихъ ногами зеленыя, красиво выструганныя палочки, поддерживающія цвѣты, и сочно хрустѣли георгины,—но всюду предъ ними молчаливо вставалъ высокій, утыканный гвоздями заборъ... И вдругъ—калитка! Оттолкнувъ желѣзный засовъ, совсѣмъ безумные отъ радости, они, тѣсня одинъ другого, рванулись вонъ, но въ то же мгновеніе въ темнотѣ раздался дробный и глухой по пыльной дорогѣ топотъ лошадей, смутные голоса, бряцанье оружія... Они бросились назадъ и, торопливо замкнувъ калитку, замерли...

А тамъ, у чугунныхъ воротъ, одинъ влѣзъ на плечи къ другому и досталъ, наконецъ, веревку. И вотъ они уже на стѣнѣ, среди звѣздъ, надъ темной, тревожно галдѣвшей толпой.

— Гляди, гляди!..—раздались голоса.—Вотъ они!.. Держи... Не пущай!..

Слабо блеснувъ, на стѣнѣ жидко щелкнулъ револьверный выстрѣлъ, толпа шарахнулась назадъ, но въ то же мгновеніе темнымъ, быстро плывущимъ пятномъ въ темнотѣ

обрисовалась злая, какъ зубами лязгающая, дурно пригнаннымъ второпяхъ оружіемъ, лавина казаковъ. Но тѣ, наверху, еще не видѣли ихъ... Опять жидкій хлопокъ... другой... третій... И вдругъ, молніей разорвавъ темноту, полно и гулко грянулъ съ земли выстрѣлъ и тотчасъ же торопливо, безпорядочно затрещали казачьи винтовки... Со стѣны, внутрь ограды, глухо упало что-то, потомъ еще... Третій зашатался, судорожно схватился за зубецъ, но не удержался, съѣхалъ внизъ и, безсильно свѣсивъ голову и руки, повисъ на оградѣ... Казаки палили и никакъ не могли остановиться—слишкомъ много злобы накопилось въ нихъ отъ этихъ постоянныхъ тревогъ, сверхсильной, день и ночь, гоньбы, а тутъ еще все усиливающіеся слухи, что жиды своего царя хотятъ поставить и что мужики хотятъ оттягать у казаковъ землю...

И они палили...

Изъ темноты быстро выплылъ еще отрядъ казаковъ.

— Окружай!..—послышался энергичный, властный голосъ.—Живо!..

И казаки, по одному, черной лентой понеслись вдоль ограды, оцѣпляя обитель...

А утроба все выла, обиженная, перепуганная, злая,—мать Софья не видѣла и не слышала ничего...

И вдругъ черная, бѣгущая лента казаковъ стала, точно наткнулась на какую-то преграду, сгрудилась...

— Вотъ они!.. Держи!..

Быстро свалившись съ сѣделъ, нѣсколько казаковъ съ замирающими сердцами—вѣдь дома жены, дѣти остались, разореніе!—бросились на людей, выскочившихъ изъ калитки. Четверо были смяты въ одно мгновенье, а пятый снова юркнулъ въ темный паркъ и, захлопнувъ за собой калитку, жалко и тоскливо заметался въ темнотѣ, какъ заяцъ...

— Оцѣпляй!.. Живо!..

И, лязгая зубами, черная змѣя снова быстро поползла вдоль забора, замыкая кольцо смерти...

Плѣнныхъ, обжигая нагайками по плечамъ, по головѣ, по лицу, повели назадъ, къ воротамъ. Они шли несгибающимися, одеревенѣвшими ногами и души ихъ были мертвы: сзади мѣсяцы страшной безработицы, страданій, голодныя жены и дѣти, впереди—смерть, въ настоящемъ—нестерпимый огонь нагаекъ,—нѣтъ правды на землѣ, нѣтъ Бога въ небѣ!..

Чугунныя ворота гудѣли подъ нетерпѣливыми ударами кулаковъ и прикладовъ—казаки дрожали отъ бѣшенства при мысли, что врагъ уйдетъ... Разгильдяевцы не отставали отъ нихъ и изъ всѣхъ силъ дубасили въ ворота, орали и ругались. Не проходило недѣли, чтобы они не стянули чего-

нибудь у монахинь; они тащили все, что только могли, и не считали этого большимъ грѣхомъ: „у нихъ много!.. Еще намолятъ“... Но теперь, при видѣ покушенія на этотъ чужой каравай со стороны другихъ, они лѣзли изъ кожи вонъ—не столько, впрочемъ, отъ жадности, сколько отъ пріятнаго сознанія, что и имъ выпало на долю принять участіе въ такомъ замѣчательномъ событіи. Они бросились было доставать убитаго со стѣны шестомъ, но есаулъ—онъ съ вечера былъ вдрызгъ пьянъ и, разбуженный тревогой, всталъ весь разбитый и злой, какъ чортъ,—велѣлъ ихъ отогнать „къ матери въ...“. Увидѣвъ плѣнныхъ, въ тупомъ, безжалостномъ любопытствѣ, они обступили было ихъ, но и тутъ ихъ встрѣтилъ огонь нагаекъ...

Цѣпь казаковъ вокругъ монастыря замкнулась, но ворота все не отворялись.

— Да что же онѣ смѣются, что ли, надъ нами?—вскипѣлъ есаулъ, загнувъ невозможное ругательство.—Ребята, тащи сюда старосту!.. Гдѣ пожарная лѣстница?..

Перепуганныя на-смерть монахини, прижимаясь, какъ овцы, одна къ другой и плача отъ страха, съ фонарями нерѣшительно подошли къ гудѣвшимъ подъ ударами воротамъ. Да то разгильдяевцы. казаки, спасеніе!.. Всей толпой онѣ бросились отпирать...

— Ахъ, Господи-Батюшка... Что же это такое?!. А?..—раздавались, образуя какую-то скверную кашу радости и страха, голоса.—Ахъ, Владычица... Да что же это мать Софья-то все звонитъ? Просто оглушила, не слыхать ничего!.. Сейчасъ, сейчасъ, не стучите!.. Бѣгите скорѣй къ ней кто-нибудь... Всѣ цвѣты поломали... Слава Тебѣ, Господи-Батюшка!.. Вотъ до чего дожили!.. Истинно, свѣтопреставленіе...

Нѣсколько казаковъ, едва не сбивъ ихъ съ ногъ, съ винтовками въ рукахъ ринулись въ паркъ, а двѣ сестры уже летѣли на колокольню. Запыхавшіяся, онѣ едва оторвали отъ тяжелаго языка мать Софью. Она пришла въ себя, выпустила веревку и повалилась въ обморокъ. Вой разомъ оборвался, но въ темнотѣ еще стоялъ нѣкоторое время, замирая, послѣдній дрожащій звукъ возбужденной мѣди, похожій на тихое, удовлетворенное, жирное ржаніе: го-го-го-го-го...

А у чугунныхъ, настежь раскрытыхъ воротъ, въ тускломъ, желтомъ свѣтѣ фонарей, галдѣла возбужденная толпа—монахини, мужики, бабы, ребята, казаки... Монахини старались взглянуть на убитыхъ и въ глазахъ ихъ былъ и ужасъ, и удовлетвореніе... Вотъ изъ воротъ показалась блѣдная и ослабѣвшая мать Софья. Всѣ обступили ее, требуя объясне-

нiй, какъ и что, но она только устало замахала руками и прямо прошла къ оцѣпленнымъ казаками плѣннымъ. Чей-то фонарь услужливо поднялся въ уровень съ ихъ блѣдными, какъ у мертвецовъ, исхудалыми, исполосованными нагайками лицами, и мать Софья медленнымъ взглядомъ, отягченнымъ сдерживаемой злобой и полнымъ торжества, осмотрѣла ихъ всѣхъ, голодныхъ, оборванныхъ, жалкихъ.

— Обыскали ихъ?—громко спросилъ есаулъ, статный красавецъ въ ловко сидящемъ кафтанѣ и широчайшихъ штанахъ, съ жгучимъ румянцемъ на смугломъ лицѣ и черными кудрями подъ лихо заломленной фуражкой.

— Никакъ нѣтъ, вашескородiе...—послышались голоса и нѣсколько казаковъ бросились обыскивать плѣнныхъ.

Чрезъ минуту, двѣ есаулу поднесли трофеи: два плоскихъ, рыжихъ отъ старости, пустыхъ кошелька, старый, ржавый финскiй ножъ, ржавый бульдогъ всего съ одной гильзой.

— Поймали леща!—раздался молодой насмѣшливый голосъ.

Мать Софья,—точно кто ее шиломъ кольнулъ,—живо обернулась. Слабо освѣщенное фонаремъ, на нее улыбалось задорно-курносое, опушенное бѣлымъ пухомъ лицо Андрейки, молодого парня въ фуражкѣ съ узкимъ донышкомъ и крѣпко подержаномъ сѣромъ пиджакѣ, видимо, съ какого-то барскаго плеча.

— Напрасно надсмѣхаетесь, молодой человѣкъ!—свистящимъ, сдавленнымъ голосомъ проговорила она.—Ваше бы дѣло теперь помалкивать, да... Вишь, картузикъ-то вы какъ гдѣ-то вываляли,—вдругъ прибавила она.—Упали, что ли гдѣ? А?

Въ ея тонѣ было что-то такое, что заставило всѣхъ обратить глаза на Андрейку, который смутился и поблѣднѣлъ.

— Упалъ, какъ бѣжалъ... сюда... Вотъ у канавы...—отвѣчалъ онъ и улыбнулся кривой, жалкой улыбкой.

— Вишь-ты!..—отозвалась мать Софья.—Надо потише бѣгать, а то и совсѣмъ голову сломаешь...

Въ толпѣ что-то наростало,—мерзкое, липкое,— и Андрейка совсѣмъ растерялся.

— Взять его!—коротко сказалъ есаулъ, зорко всматривавшiйся въ Андрейку, и тотчасъ же по обѣимъ сторонамъ парня выросли два казака въ синихъ кафтанахъ, подстриженные въ скобку и съ серебряной серьгой въ ухѣ.

— Да что вы, очумѣли?!—воскликнулъ трясущимися губами бѣлый, какъ снѣгъ, Андрейка, отлично знавшiй, чѣмъ все это пахнетъ.—За что?.. Я тутъ... не причемъ...

— Это мы разберемъ потомъ...—насмѣшливо бросилъ есаулъ, пошептавшись о чемъ-то съ двумя другими офицерами.

— Грѣхъ тебѣ, мать Софья!..—сорвавшимся голосомъ проговорилъ Андрейка.—Помирать вѣдь будешь..

— Ну, и буду... Ну, и что жъ?..—вскипѣла вдругъ монахиня, точно ее плетью кто огрѣлъ.—Ну?.. Вишь, теперь, какъ запѣлъ! Пчелокъ-то забылъ, знать, да бумажки-то свои поганыя! То-то!..

Это вышло у нея такъ скверно, что симпатіи не только мужиковъ, но даже и всѣхъ казаковъ сразу перешли на сторону парня.

— Отпустите его...—прозвенѣлъ вдругъ молодой дѣвичій голосъ.—Я свидѣтельница, что его... тутъ не было...

Всѣ, какъ одинъ, обернулись къ Аннушкѣ. Лицо ея, подъ чернымъ платкомъ, было блѣдно, но ямочки все-таки смѣялись попрежнему.

— Какая хорошенькая, чертенокъ!.. — пробормоталъ есаулъ.—Ну, говори...

— Онъ... со мной въ саду былъ!..—торопливо бросила смущенная Аннушка, и въ глазахъ ея вдругъ задрожалъ смѣхъ и ямочки совсѣмъ расцвѣли.

Всѣ онѣмѣли. Монахини разинули рты, мать Софья ѣла дѣвушку горящими глазами... И вдругъ взорвался вихрь негодующихъ возгласовъ монахинь и сдержанный смѣхъ разгильдяевцевъ и казаковъ.

Всѣ немного повеселѣли—присутствіе трупа, висящаго головой внизъ на оградѣ, и блѣдныхъ плѣнниковъ не смущало: за годъ люди успѣли привыкнуть къ трупамъ и прекрасно могли продолжать кровавый фарсъ своей жизни даже среди висѣлицъ...

Есаулъ понялъ, въ чемъ дѣло, и восхитился,

— Ай да дѣвчонка, чортъ ее возьми совсѣмъ!—скаля свои бѣлыя зубы, засмѣялся онъ и громко сказалъ:—Ну, за это мы наказывать не имѣемъ права... Отпустить его!..

Казаки, смѣясь, отошли отъ пораженнаго Андрейки и онъ спрятался за спины разгильдяевцевъ.

Монахини продолжали негодовать... Другіе всѣ смѣялись, сдержанно и ехидно.

Вдругъ въ глубинѣ парка раздался страдальческій крикъ, и тотчасъ же коротко стукнула винтовка. Всѣ снова замерли, подавленные. Потомъ опять стали переговариваться вполголоса. За оградой послышались голоса и шаги и въ воротахъ показались казаки.

— Ну?—коротко спросилъ уже снова нахмурившійся есаулъ.

— Такъ что одного Хоменко убивъ, вашескородіе...— доложилъ высокій, рябой казакъ съ слегка косящимися глазами.— Полѣзъ было черезъ заборъ да за гвозди зацѣпився, Хоменко ударивъ и убивъ... А больше не оказалось...

Четыре убитыхъ и четыре плѣнныхъ—число вполнѣ согласовалось съ показаніемъ матери Софьи. Есаулъ рѣшилъ, однако, оставить у воротъ до утра часовыхъ, а вокругъ монастыря разъѣзды и звучно скомандовалъ:

— Садись!..

Казаки вскочили на сѣдла и вмѣстѣ съ плѣнниками отрядъ ушелъ. Разгильдяевцы и другіе прибѣжавшіе на шумъ мужики, возбужденно переговариваясь, довольные, что имъ пришлось быть свидѣтелями такого замѣчательнаго происшествія, расходились по домамъ. Аннушка пошла вмѣстѣ съ ними къ своей теткѣ,—мать Софія рѣшительно заявила, что безъ благословенія матушки пустить срамницу въ обитель нельзя, а матушку безпокоить теперь же не рѣшились—она захворала съ перепугу... Чугунныя ворота снова, скрежеща и визжа, тяжело затворились, точно радуясь, что послѣдняя—маленькая, блѣдная—искорка жизни ушла изъ за стѣнъ и тамъ, внутри, осталась только взволнованная, огромная утроба, полная варенья и тоски по вареной говядинѣ...

А на востокѣ уже черкнула нѣжной желтовато-зеленой полоской заря и изъ темноты все яснѣе и яснѣе выступали красивыя зубчатыя стѣны, сонныя фигуры казаковъ съ винтовками въ рукахъ внизу, черное, безжизненно перегнувшееся пополамъ тѣло вверху, и дряная узловатая веревка, тихо качавшаяся подъ легкимъ предразсвѣтнымъ вѣтеркомъ...

Сонъ и смерть.

(Колыбельная пѣсня).

Много бѣгалъ мальчикъ мой.
Ножки голыя въ пыли.
Ножки милыя помой,
Мои ножки. Задремли,
Я спою тебѣ, спою:
Баю-баюшки-баю.

Тихо стукнулъ въ двери сонъ.
Я шепнула:—Сонъ, войди.
Волоса его, какъ ленъ,
Ручки дремлютъ на груди...
И тихонько я пою:
Баю-баюшки-баю.

— Сонъ, ты гдѣ былъ?—За горой.
— Что ты видѣлъ?—Лунный свѣтъ.
— Съ кѣмъ ты былъ?—Съ моей сестрой.
— А сестра пришла къ намъ?—Нѣтъ.
Я тихонечко пою:
Баю-баюшки-баю.

Дремлетъ блѣдная луна.
Тихо въ полѣ и въ саду.
Кто-то ходитъ у окна,
Кто-то шепчетъ:—Я приду.
Я тихохонько пою:
Баю-баюшки-баю.

Кто-то шепчетъ у окна,
Точно вѣтки шелестятъ:
— Тяжело мнѣ. Я больна.
Помоги мнѣ, милый братъ!
Тихо-тихо я пою:
Баю-баюшки-баю.

— Я косила цѣлый день.
Я устала. Я больна.
За окномъ шатнулась тѣнь,
Притаилась у окна.
Я пою, пою, пою:
Баю-баюшки-баю.

Өедоръ Сологубъ.

ДВА МІРА.

Романъ Корнеліи Гюйгенсъ.

Переводъ съ нѣмецкаго В. Величкиной.

(Продолженіе).

Наступила весна. Іоганнъ сдалъ свой докторскій экзаменъ и долженъ былъ теперь получить степень доктора. Лихорадочное ожиданіе, въ которомъ жила Карла уже нѣсколько мѣсяцевъ, достигло теперь своей высшей точки. Пріѣзжая домой, Іоганнъ все еще велъ себя попрежнему. Карла съ томительнымъ ожиданіемъ пыталась разгадать тонъ его голоса и значеніе его взора... и она ждала и молилась, молилась и ждала, то полная надежды, то снова съ тревогой и сомнѣніемъ, съ возрастающей отъ нетерпѣнія страстью, которая особенно захватила ее съ тѣхъ поръ, какъ онъ окончилъ свои экзамены.

— Іоганнъ, не зайдешь ли ты ко мнѣ въ рабочій кабинетъ?—спросилъ его однажды въ воскресенье, послѣ завтрака, отецъ,—или ты, можетъ быть, занятъ сейчасъ?

— Нѣтъ, папа, я весь въ твоемъ распоряженіи,—отвѣтилъ съ шутливой торжественностью Іоганнъ и послѣдовалъ за нимъ въ ту комнату, куда ребенкомъ онъ входилъ съ такимъ страхомъ, такъ какъ его тамъ обыкновенно ждалъ или выговоръ, или строгое порицаніе.

Теперь это чувство, довольно долго сохранявшееся у него, почти совершенно уже исчезло. Такъ какъ онъ окончилъ курсъ своего ученія, жизнь его принимала довольно опредѣленныя рамки и онъ скоро могъ почти совершенно освободиться отъ отцовской власти, то онъ чувствовалъ теперь пріятное сознаніе независимости,—сознаніе, проникавшее всю его душу и проявлявшееся во всемъ его поведеніи; онъ старался какъ можно развязнѣе держать себя со своимъ прежнимъ строгимъ менторомъ и съ плохо скрытой улыбкой ждалъ, что онъ скажетъ.

— Іоганнъ!..—заговорилъ своимъ стальнымъ тономъ его отецъ, сѣвъ въ кресло передъ письменнымъ столомъ,—я хочу предложить тебѣ вопросъ, на который я прошу тебя отвѣтить мнѣ... Намѣренъ ли ты, какъ только сдѣлаешься самостоятельнымъ, сдѣлать предложеніе баронессѣ де-Мартиньель?

Іоганнъ улыбнулся, но ничуть не казался удивленнымъ; скорѣе онъ, какъ будто ожидалъ этого вопроса.

— Ни одной минуты я не думалъ объ этомъ,—отвѣтилъ онъ спокойнымъ, твердымъ тономъ.

— Такъ!..—Меріанъ на минуту остановился, весь блѣдный отъ негодованія на тотъ тонъ, какимъ отвѣтилъ ему его сынъ.—Итакъ, ты ни минуты не думалъ объ этомъ? Хорошо, тогда я запрещаю тебѣ, слышишь ли, запрещаю вести себя въ моемъ домѣ такъ... какъ будто ты намѣренъ это сдѣлать.

— Чѣмъ же я виноватъ, если дѣвушка, съ которой я болтаю и занимаюсь музыкой, воображаетъ себѣ такія вещи, которыя не существуютъ, — замѣтилъ молодой человѣкъ, пожимая плечами и пошло улыбаясь.

— Я очень прошу тебя не продолжать въ такомъ духѣ, такъ какъ я хотѣлъ бы сохранить иллюзію, что сынъ мой— порядочный человѣкъ.

Іоганнъ пересталъ улыбаться; слова отца задѣли его, какъ ударъ хлыстомъ. Онъ ясно почувствовалъ, что такъ онъ ничего не выиграетъ съ отцомъ. Поэтому онъ постарался овладѣть собой и спокойно замѣтилъ:

— Не будетъ ли совершенно излишнимъ для насъ обоихъ обмѣниваться подобными словами по поводу такой мелочи? Я вполнѣ согласенъ, что она необыкновенно хороша собой и что... если бы обстоятельства были иными, можетъ быть... Но во всякомъ случаѣ, я рѣшительно настаиваю, что мнѣ абсолютно не въ чемъ упрекать себя по отношенію къ ней.

— Тебѣ не въ чемъ больше упрекать себя, кромѣ того, что ты съ безконечнымъ эгоизмомъ и съ безконечнымъ тщеславіемъ злоупотребилъ своимъ положеніемъ, какъ сына хозяина дома, чтобы пріобрѣсть ея расположеніе. Мнѣ объ этомъ, конечно, нужно было позаботиться раньше, но я, дѣйствительно, нѣкоторое время думалъ, что намѣренія твои серьезны... и я съ своей стороны ничего не имѣлъ бы противъ этого брака.

Іоганнъ съ непритворнымъ удивленіемъ взглянулъ на отца.

Такой непрактичности онъ никакъ не ожидалъ отъ него. Итакъ, онъ ничего не будетъ имѣть противъ, если Іоганнъ

пойдетъ на такой неблагоразумный бракъ! Неужели онъ, въ самомъ дѣлѣ, вѣрилъ въ то, что говорилъ, или это была просто комедія, такъ какъ опасность уже миновала?

— Меня, во всякомъ случаѣ, въ высшей степени удивляетъ, что ты такъ объ этомъ думаешь,—сказалъ Іоганнъ послѣ нѣкотораго молчанія.—Признаюсь откровенно, что если бы я только могъ это предположить... то, можетъ быть, я бы...

— Ну, что же можетъ быть?

— Тогда я, можетъ быть, иными глазами смотрѣлъ бы на нее,—сказалъ Іоганнъ, нѣсколько наклонившись впередъ и играя пальцами на колѣняхъ.

— Мнѣ кажется, что еще ничего не потеряно; я даю тебѣ здѣсь полную свободу.

— Господи ты, Боже мой! Вѣдь онъ это говоритъ серьезно!—подумалъ съ удивленіемъ Іоганнъ и затѣмъ сказалъ вслухъ:—Но теперь это слишкомъ поздно... такъ какъ я уже рѣшился и скоро буду помолвленъ. Я какъ разъ собирался поговорить объ этомъ съ тобой.

— Кого же ты выбралъ себѣ?

— Алиду Мольтенъ.

Теперь пришла очередь удивиться Меріану.

— Алиду Мольтенъ... на которую ты до сихъ поръ не обращалъ никакого вниманія?

Іоганнъ самодовольно улыбнулся и ничего не отвѣтилъ.

— Ты думаешь, что она пойдетъ за тебя?

— Мы уже столковались между собой. Если ты даешь свое согласіе, то наша помолвка можетъ быть объявлена тотчасъ же послѣ того, какъ я получу степень доктора.

Наступило продолжительное молчаніе. Меріанъ былъ совершенно неподготовленъ къ этому извѣстію.

Негодованіе на холодную разсчетливость Іоганна и радость по поводу послѣдняго извѣстія настолько сильно потрясли его, что ему понадобилось нѣкоторое время для того, чтобы разобраться въ цѣломъ хаосѣ противорѣчивыхъ мыслей.

Іоганнъ, хорошо сообразившій, что происходило въ душѣ его отца, принялъ равнодушный видъ и внутренно торжествовалъ побѣду.

— Но еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ Алида въ высшей степени холодно и равнодушно относилась къ тебѣ. Я опредѣленно знаю, что твой примѣрный образъ жизни въ университетѣ не былъ тайной для ея семьи, и я сильно сомнѣваюсь, чтобы ея родители дали свое согласіе.

Іоганнъ снова улыбнулся. Отецъ казался ему на этотъ

разъ такимъ наивнымъ, что его уваженіе къ нему невольно стало падать.

— Я, право, не могу теперь припомнить, была ли она холодна со мной,—замѣтилъ онъ равнодушно.—Но во всякомъ случаѣ между нами теперь все улажено, а что касается до ея родителей... развѣ дѣло теперь въ нихъ, если сама Алида согласна?

Іоганну очень хотѣлось бы дать отцу урокъ въ знаніи людей, такъ какъ, очевидно, онъ очень мало былъ освѣдомленъ, особенно по отношенію къ женщинамъ. Ему очень хотѣлось разсказать ему, какъ онъ именно тѣмъ и завоевалъ Алиду съ ея страстной, индійской натурой, что на ея глазахъ ухаживалъ за Карлой и этимъ дразнилъ ее. Но въ концѣ концовъ все-таки было благоразумнѣе не высказывать ему этого, такъ какъ онъ показалъ себя слишкомъ дѣтски-наивнымъ, чтобы правильно взглянуть на дѣло.

— Какъ я уже раньше замѣтилъ,—продолжалъ Іоганнъ послѣ короткаго молчанія,—я считаю Карлу очень хорошенькой, но для брака нужно, конечно, гораздо больше. Алида,—совершенно независимо отъ ея состоянія,—представляетъ гораздо больше гарантіи для прочнаго счастія, особенно въ нашей строго-голландской обстановкѣ. Французскимъ же типомъ Карлы гораздо пріятнѣе любоваться на нѣкоторомъ разстояніи, но я считаю ее гораздо менѣе приспособленной, чтобы сдѣлаться хорошей хозяйкой и матерью моихъ дѣтей.

Іоганнъ сдѣлался разговорчивымъ и началъ самъ вѣрить тому, что говорилъ. Но такъ какъ онъ слишкомъ уже положился на добродушіе отца, то съ нимъ чуть опять не случилась бѣда.

Отецъ видѣлъ его насквозь, и Іоганну не удалось ни на минуту одурачить его. Однако, ради приличія, онъ счелъ за лучшее нѣсколько прикрасить отталкивающую правду событій.

Женитьба Іоганна на дѣвушкѣ, являвшейся единственной наслѣдницей милліоновъ, превосходила самыя смѣлыя его ожиданія, но, съ другой стороны, его мучило сознаніе моральной пропасти между нимъ и сыномъ. Поэтому онъ тщательно умолчалъ о томъ, что происходило въ его душѣ, и сказалъ ему усталымъ тономъ:

— Я не буду говорить съ тобой о томъ, что твоя помолвка съ Алидой Мольтенъ доставляетъ мнѣ истинное удовольствіе, но тѣмъ не менѣе, я попрежнему осуждаю твое поведеніе по отношенію къ баронессѣ де-Мартиньель. И я тебя очень серьезно прошу, пока твоя помолвка не объявлена, вести себя съ ней все-таки такъ... какъ человѣкъ, помолвленный съ другой. Ея несчастіе даетъ ей право

на большее вниманіе, и я настаиваю на томъ, чтобы его оказывали ей въ моемъ домѣ.

— Но вѣдь я же не могу сразу сдѣлаться невѣжливымъ съ ней,—возразилъ Іоганнъ, пожимая плечами.

— Ты достаточно развитъ, чтобы понять, что я хочу сказать,—возразилъ отецъ, вставая и давая этимъ понять, что онъ считаетъ разговоръ оконченнымъ.

Іоганнъ не сказалъ больше ни слова и удалился съ твердымъ рѣшеніемъ поступать теперь такъ, какъ этого отъ него требовали.

— Можетъ быть, и лучше будетъ, если вся исторія кончится теперь,—думалъ онъ. Онъ не могъ продолжать дольше своей пикантной забавы, и быстрая перемѣна красокъ въ хорошенькомъ личикѣ, и фосфорическій блескъ глазъ за тѣнью густыхъ рѣсницъ,—все это должно теперь сразу прекратиться, какъ только онъ измѣнитъ свое отношеніе.

Разумѣется, это было очень жаль.... тѣмъ болѣе, что, навѣрное, это долго еще не наскучило бы ему.

Былъ ли онъ когда-либо влюбленъ въ нее? Онъ не думалъ этого, такъ какъ побѣда слишкомъ ужъ легко далась ему въ данномъ случаѣ. Если бы она была изъ другого слоя общества, вродѣ какой-нибудь бонны или горничной, то онъ охотно сдѣлалъ бы ее своей любовницей.

Но жениться! Съ ума что ли сошелъ его отецъ! Для него всегда было непонятнымъ, какимъ образомъ экспансивные, сентиментальные люди такъ плохо понимали жизнь, что были способны на такую глупость. Онъ съ чувствомъ гордаго самодовольства вспоминалъ, что уже на шестнадцатомъ году рѣшилъ жениться на Алидѣ и никакія другія любовныя связи не могли отклонить его отъ принятаго имъ рѣшенія. Единственно, чего онъ боялся, это того, чтобы другой не предупредилъ его, но, къ счастью, этого не случилось. Кромѣ всего прочаго, Алида даже нравилась ему. Хорошенькой, конечно, ее нельзя было назвать, но она была добродушна, хотя и нѣсколько ревнива. Въ будущемъ она будетъ подчиняться его волѣ.

Изъ всѣхъ благоразумныхъ вещей на свѣтѣ, которыя только можетъ въ своей жизни сдѣлать мужчина, разумный бракъ, разумѣется, стоялъ на первомъ мѣстѣ.

Бѣдная Карла! Дѣйствительно ли она серьезно любила или новое положеніе вещей только слегка огорчитъ ее? И сколько простого разсчета можетъ присоединиться къ этому огорченію?

Во всякомъ случаѣ лучше, чтобы она сегодня же поняла, какъ обстоитъ дѣло, а затѣмъ, до своей оффиціальной помолвки, онъ не вернется больше домой.

За завтракомъ и за обѣдомъ отецъ изумлялся тому искусству, съ какимъ Іоганнъ измѣнилъ свое отношеніе къ Карлѣ, ничуть не нарушая обязательныхъ формъ учтивости. И такъ какъ Меріанъ былъ очень наблюдателенъ, то онъ сразу замѣтилъ болѣзненное изумленіе Карлы, съ какимъ она взглянула на Іоганна, сначала вопросительно, затѣмъ почти со страхомъ, когда на ея отказъ сыграть вмѣстѣ новую сонату для скрипки и рояля онъ замѣтилъ, что сегодня вечеромъ его ждутъ у Мольтеновъ. Ей стоило огромнаго труда скрыть свои чувства, но ея волненіе съ минуту все-таки было настолько очевидно, что Іоганнъ съ нетерпѣніемъ ждалъ конца обѣда.

Онъ не любилъ непосредственно доставлять кому-нибудь непріятности, и предпочиталъ видѣть кругомъ себя веселыя лица. Онъ держался возможно дальше отъ всего сентиментальнаго и ненавидѣлъ трагедію. Съ другой же стороны, онъ ничуть не опасался такихъ поступковъ, которые,—онъ впередъ зналъ,—должны вызвать неудовольствіе другихъ. Ему никогда не нравилась преувеличенная жизнь чувства. Вѣдь сама жизнь была такъ хороша и пріятна, если только умѣть устроиться и не заботиться о всевозможныхъ мелочахъ, которыя имѣютъ такъ мало значенія.

— Я думаю, что лучше будетъ ей тотчасъ же сообщить о помолвкѣ... Это—чистая пытка видѣть ея мученія,—думалъ Меріанъ, видя Карлу такой молчаливой и подавленной, но все-таки прилагающей всѣ усилія, чтобы казаться веселой. Она даже пыталась шутить съ Бэби, но выраженіе ея лица было такое страдальческое, что онъ все съ возрастающимъ участіемъ слѣдилъ за ней. Онъ не спрашивалъ себя, насколько далеко зашелъ Іоганнъ, чтобы оправдывать тѣ иллюзіи, которыя она, очевидно, питала. Она теперь невольно напоминала ему проколотую булавкой хорошенькую бабочку, осужденную на медленную смерть.

Въ этотъ вечеръ къ нему пришли нѣсколько пріятелей, чтобы сыграть съ нимъ партію въ вистъ. Хотя онъ былъ страстнымъ игрокомъ, но на этотъ разъ мысли его были далеко отъ игры; онъ все время обдумывалъ, какъ бы ему лучше всего передать ей свое печальное сообщеніе. Подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія онъ разсказалъ о помолвкѣ женѣ и, слѣдовательно, могъ разсказать и ей какъ бы по секрету.

Случай ему благопріятствовалъ. Когда она пришла проститься къ нему, они на минуту оказались одни въ коррндорѣ.

— Для васъ, навѣрное, было очень скучно провести вечеръ совершенно безъ музыки,—сказалъ онъ, стараясь ка-

заться веселымъ, чтобы избѣгнуть всякаго оттѣнка преднамѣренности.—И я очень опасаюсь, что мы на долгое время будемъ лишены нашихъ музыкальныхъ вечеровъ, такъ какъ... это, разумѣется, еще пока большая тайна, но вамъ, какъ члену семьи, я вполнѣ могу довѣрить ее: Іоганнъ почти окончательно помолвленъ съ другомъ своего дѣтства, Алидой Мольтенъ, и для искусства на нѣкоторое время будетъ, навѣрное, потерянъ. Затѣмъ, быстро пожавъ ей руку, онъ пожелалъ покойной ночи и спѣшными шагами прошелъ по коридору въ свою комнату, чувствуя, что съ него свалилась большая тяжесть и въ то же время напряженно ожидая слѣдующаго дня, когда выяснится, какъ, въ сущности, обстояло дѣло.

* * *

Карла пошла въ свою комнату и заперла за собой двери.

Съ минуту она стояла среди комнаты и безсознательно, съ выраженіемъ помѣшанной, смотрѣла кругомъ... Потомъ она бросилась на полъ и, какъ раненый звѣрь, стала метаться по ковру, рыдая подавленнымъ голосомъ и кусая дерево, желѣзо,—все, что попадалось ей въ руки, чтобы только не крикнуть громко отъ ярости, ненависти и безсильнаго бѣшенства. Она стискивала себѣ пальцы, такъ, что ногти врѣзались ей въ тѣло, и затѣмъ, въ безсмысленной жаждѣ разрушенія, рвала на себѣ платье. Золотыя волны ея волосъ безпорядочно разсыпались по ея плечамъ и по лицу, покрывшемуся ярко-красными пятнами. Минутами она дѣлалась неподвижной и съ дикой болью смотрѣла кругомъ, какъ будто ожидая защиты и помощи у окружавшихъ ее безжизненныхъ предметовъ.

Ненависть, охватившая ее, была ужасна... ненависть къ нему, къ ея покойному отцу, ко всѣмъ въ этомъ домѣ, ко всему, что носило имя Меріановъ.

Въ ней проснулось желаніе сдѣлать зло, причинить какое-нибудь несчастіе. Кому могло быть какое дѣло до нея? Чѣмъ инымъ была она, въ сущности, какъ не наемной машиной, накачивающей въ глупую дѣвчонку знаніе языковъ и музыки? Только потому онъ и посмѣлъ такъ играть ею, что она была вѣдь не что иное, какъ бонна или гувернантка!

Она не должна была разсчитывать сдѣлаться его женой... выйти за него замужъ, потому что она больше не была богата. Жениться могъ онъ только на этой безобразной, грубой Алидѣ, до которой ему нѣтъ никакого дѣла, рѣшительно никакого.

— Деньги... Деньги... Деньги...—какъ молотками сту-

чало въ ея мозгу, и въ припадкѣ безсильной ярости, она, какъ борющаяся со смертью змѣя, извивалась на полу. Да развѣ же нельзя украсть денегъ? Эта Алида съ коричневымъ лицомъ и ничего не говорящими, чернильными глазами, торжествовала теперь надъ Карлой, которая могла бы свести съ ума всѣхъ мужчинъ. И Іоганнъ, конечно, влюбленъ въ нее, а не въ Алиду.

Дикія, фантастическія мысли проносились въ ея головѣ. Она сначала подумала о томъ, нельзя ли какъ-нибудь помѣшать этому браку. Но это было невозможно безъ риска для нея самой и для ея положенія. Если же онъ обвѣнчается съ этой отвратительной, скучной женщиной, тогда то начнется ея мщеніе; тогда она еще разъ привлечетъ его къ себѣ и затѣмъ воспользуется всей своей властью, чтобы сдѣлать ее, а вмѣстѣ съ ней и его, несчастными.

Тогда она будетъ всѣми средствами мучить и пытать его, пока онъ окончательно не потеряетъ разсудка.

Но мщеніе все-таки оставитъ ее такой же бѣдной и безпомощной, какъ она и была. Мщеніе безъ денегъ, безъ власти, къ сожалѣнію, безполезно. Неужели же для нея все потеряно? Неужели же нигдѣ нѣтъ больше ни помощи, ни спасенія?

И она лежала такъ, измученная, неподвижная, вздрагивая только отъ нервнаго возбужденія, пока, наконецъ, послѣ нѣсколькихъ часовъ безумныхъ, бѣшеныхъ плановъ, мозгъ ея опять мало-по-малу прояснился. Она тогда приподнялась, отвела волосы съ разгоряченнаго лица и оглядѣлась. Затѣмъ, оправляясь понемногу и собираясь съ мыслями, она снова пришла въ сознаніе. Потомъ она встала окончательно на ноги и быстрыми шагами принялась ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Наконецъ, она остановилась передъ зеркаломъ, прямо подъ лампой и въ ужасѣ отскочила отъ своего собственнаго изображенія. Какія искаженныя черты! Какія отвратительныя пятна по всему лицу! Она едва могла узнать себя. Тутъ только взглянула она на часы... половина четвертаго.

По ея разсчетамъ, у нея оставалось еще достаточно времени, чтобы выспаться и явиться утромъ снова въ приличномъ видѣ, а все остальное какъ-нибудь уладится.

Она вынула изъ ящичка флаконъ хлорала, который прописалъ ей одинъ врачъ въ Лондонѣ, когда съ ней по такому же поводу случился нервный припадокъ, выпила довольно большую дозу, быстро раздѣлась, легла въ постель и такъ крѣпко заснула, что горничной, пришедшей будить ее утромъ, пришлось довольно долго стучаться, чтобы получить какой-нибудь отвѣтъ.

Она проснулась довольно освѣженной. Несмотря на свой хрупкій видъ, она обладала желѣзнымъ здоровьемъ, которое въ состояніи было выдерживать самыя сильныя потрясенія. Выкупавшись въ ледяной водѣ, она почувствовала себя совершенно оправившейся и, послѣ самаго внимательнаго изслѣдованія, съ удовольствіемъ убѣдилась, что за исключеніемъ темныхъ круговъ подъ глазами, не осталось ни малѣйшаго слѣда прожитой ночи. Ободрившись и даже почти утѣшившись, такъ какъ она составила себѣ новый планъ борьбы, Карла спустилась къ завтраку миловиднѣе, чѣмъ когда-либо и съ равнодушной улыбкой выслушала извѣстіе о томъ, что Іоганнъ уѣхалъ съ первымъ же поѣздомъ. Все это привело Меріана, ожидавшаго отъ нея хотя бы одинъ день „головной боли", въ такое смущеніе, что онъ невольно спрашивалъ себя, какимъ образомъ могъ онъ дойти до того, что при всемъ своемъ спокойствіи и разсудительности, при яркомъ, дневномъ свѣтѣ, сталъ видѣть привидѣнія.

* * *

Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ. Іоганнъ въ іюнѣ получилъ степень доктора и на блестящемъ праздникѣ, устроенномъ по этому поводу, была объявлена его помолвка съ Алидой Мольтенъ. Впрочемъ, этой помолвки всѣ давно уже ждали среди знакомыхъ Меріановъ. Вскорѣ вслѣдъ затѣмъ Меріаны переѣхали, по обыкновенію, въ свою лѣтнюю виллу около Гаарлема.

Теперь, по мнѣнію Карлы, наступило время начать приводить въ исполненіе ея планы. Только благодаря ея невѣроятной ненависти, поглотившей всѣ ея прежнія чувства и ощущенія, у ней хватило силъ такъ аккуратно выдержать съ самаго апрѣля свою тяжелую роль, что она ввела въ заблужденіе даже самого Іоганна. Она теперь уже не знала, любила ли она его когда-либо вообще. Въ настоящую минуту ей было ясно только одно, что она готова была мучить его всѣми орудіями пытки и собственноручно изрѣзать все его прекрасное лживое лицо, съ его влюбленными глазами и лживой улыбкой на губахъ, такъ нѣжно шептавшихъ теперь своей невѣстѣ... и даже больше... осмѣливавшихся безстыдно, по ея мнѣнію, ласкать Алиду въ ея присутствіи.

Ея бельгійско-французское воспитаніе возмущалось противъ этого безстыдства и вначалѣ она даже вообразила себѣ, что онъ намѣренно только передъ ней ведетъ себя... такъ неделикатно, пока, наконецъ, она не узнала, что это не только всѣми терпимо, но даже составляетъ обычай страны.

Она преслѣдовала Іоганна съ такой смертельной ненавистью, что не была способна ни на какое иное чувство. Горя и страха за будущее она теперь почти не чувствовала больше послѣ того, какъ первое страстное чувство ненависти подѣйствовало на нее, какъ впервые одурманивающій ядъ.

Молиться она окончательно перестала. Въ ея мозгу царило самое спутанное понятіе о религіи. Воспитанная ограниченной католичкой-матерью, Карла вѣрила въ силы ада и неба; и такъ какъ небесная сила осталась глуха къ ея мольбѣ, то подобно Фаусту, котораго она знала только изъ оперы Гуно, оно стала ввѣрять себя силѣ сатаны. Она была такъ же готова отдать свою душу чорту и затѣмъ пойти въ адъ, если это необходимо, лишь бы только быть въ состояніи отомстить въ этой жизни.

Ей, разумѣется, пріятнѣе было бы остаться доброй, чѣмъ поступать такимъ образомъ... и, вспоминая свое прежнее настроеніе, когда она любила Іоганна и всѣ обѣщанія, которыя она дѣлала Богу, она въ отчаяніи стискивала зубы. Но на этотъ разъ она рѣшила испробовать свои силы въ другомъ направленіи, и поэтому она призвала къ себѣ на помощь всѣ силы ада, о которыхъ ей такъ часто разсказывала мать.

Такъ дѣло шло до іюля мѣсяца, когда Меріаны переѣхали на дачу. На третій день послѣ ихъ переѣзда туда пріѣхалъ и Бертольдъ изъ Дельфта. Съ тѣхъ поръ, какъ Карла описывала въ одномъ изъ своихъ писемъ къ госпожѣ Кордуро меньшаго сына, она въ первый разъ снова съ нѣкоторымъ вниманіемъ отнеслась къ нему, и пришла къ тому выводу, что студенческая жизнь во многихъ отношеніяхъ благопріятно повліяла на него, но тѣмъ не менѣе, онъ все еще былъ некрасивымъ, неразговорчивымъ юношей, къ которому она могла питать только чувство отвращенія.

Отношеніе Карлы было вполнѣ понятно. Хотя Бертольдъ сталъ гораздо свободнѣе въ своихъ манерахъ, но онъ попрежнему держался очень тихо и сдержанно дома, гдѣ ему недоставало его обычныхъ развлеченій, а также и общества Роберта Конта, сдѣлавшагося для него почти необходимымъ.

Чувство возрастающаго недовольства самимъ собой было еще ново для Бертольда. Такъ какъ у него не было силъ приняться за работу, то онъ сталъ считать себя жалкимъ, никуда негоднымъ существомъ. Онъ не рѣшился даже сдать ни одного экзамена. Въ послѣдніе мѣсяцы онъ, правда, старался немного заняться химіей, но работа плохо клеилась у него.

— Тебѣ слѣдовало бы влюбиться въ кого-нибудь! —

какъ-то разъ сказалъ ему Робертъ.—Если тебѣ непремѣнно нужно работать для *чего-нибудь*, то это помогло бы тебѣ.

— Влюбиться и работать для женщины! Почему нѣтъ!— отвѣтилъ ему Бертольдъ.—Если ты не знаешь лучшей цѣли въ жизни, то дѣла человѣчества обстоятъ довольно плохо.

— Не преувеличивай, пожалуйста, такъ, Меріанъ! Неужели ты будешь судить о женщинахъ, когда ты только что началъ жить, по тѣмъ немногимъ экземплярамъ, которыхъ ты зналъ?

Бертольдъ пожалъ плечами.—Женщинъ я умѣлъ понимать, когда былъ еще въ школѣ. Это—или Офелія, или лэди Макбетъ, или Екатерина... и ни одинъ изъ этихъ типовъ не пользуется честью нравиться мнѣ. Они или скучны и ничтожны, или сводятъ съ ума умныхъ людей.

— Все это—глупости... незрѣлыя теоріи, отъ которыхъ у тебя не останется и слѣда, когда ты больше будешь знать жизнь.

— Можетъ быть, но пока у меня нѣтъ ни малѣйшаго желанія попасть въ Мееренбергъ [1]).

Въ такомъ настроеніи дожилъ онъ до средины лѣта. Онъ чувствовалъ себя невесело и неудовлетворенно и напрасно искалъ какой-нибудь поддержки, какой-нибудь вѣрной точки опоры для своихъ спутавшихся мыслей. Въ такомъ настроеніи встрѣтился онъ съ Карлой, о которой онъ совсѣмъ не думалъ больше въ институтѣ, среди дикаго разгула своей просыпающейся юности, въ путаницѣ новыхъ взглядовъ, впечатлѣній и ощущеній, которыя бросали его изъ стороны въ сторону, при его посвященіи въ жизнь, какъ выражался Робертъ.

О любовной исторіи между Іоганномъ и Карлой и о всемъ завлекающемъ поведеніи своего брата онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Пріѣзжая домой, онъ не обращалъ на это никакого вниманія. Въ однотонномъ же покоѣ лѣтнихъ дней, когда онъ почти ежечасно встрѣчался съ Карлой, а Іоганнъ былъ исключительно занятъ гостившей у нихъ невѣстой, ему пришлось посвятить нѣсколько болѣе вниманія той, въ которой воплотились его первыя юношескія мечты вмѣстѣ съ наступившимъ вскорѣ разочарованіемъ. Онъ былъ даже отчасти вынужденъ къ этому тѣмъ, что она и сама постоянно думала о немъ.

Когда за семейнымъ обѣдомъ разговоръ становился общимъ, она всегда втягивала его въ разговоръ, спрашивала его мнѣнія о томъ, чего онъ не слушалъ, и заставляла его такимъ образомъ заниматься ею.

---

[1]) Заведеніе для душевно-больныхъ около Гаарлема.

Вначалѣ ему это было скучно и непріятно, но мало-по-малу онъ привыкъ принимать участіе въ разговорѣ, тѣмъ болѣе, что въ виду исключительнаго положенія Карлы онъ считалъ, что долженъ быть съ ней возможно болѣе учтивымъ. Какого онъ самъ былъ мнѣнія о ней, онъ себѣ не давалъ, въ сущности, отчета. Онъ находилъ ее хорошенькой, интересной и привлекательнѣй всѣхъ другихъ дѣвушекъ, но чего-то высокаго и недоступнаго, что прежде такъ поразило его въ ней, онъ теперь совсѣмъ не замѣчалъ. Наоборотъ, онъ чувствовалъ въ ней что-то низшее, чего онъ не пытался выяснить себѣ, но что невольно дѣлало его снисходительнымъ по отношенію къ ней. Онъ всегда былъ склоненъ быть добрымъ и ласковымъ съ безвредными существами, которыхъ онъ почему-нибудь считалъ слабыми и безпомощными и потому достойными сожалѣнія.

Къ немалому удивленію его знакомыхъ, онъ иногда могъ цѣлыми часами заниматься съ какимъ-нибудь ребенкомъ. Дѣтей онъ считалъ такими слабыми и безпомощными, въ такой полной зависимости отъ непониманія или нравственной грубости и безсердечія людей, на отвѣтственности которыхъ они находятся. Ему казалось, что онъ въ каждой дѣтской душѣ снова видитъ то же, что онъ раньше думалъ и чувствовалъ самъ, и это очень интересовало его.

Кто знаетъ, если бы тому или другому ребенку выпало бы счастье имѣть такого же отца, какого имѣлъ онъ, отца, который,—какъ онъ это гораздо лучше понималъ теперь,—съ неистощимой любовью давалъ пищу его дѣтскимъ духовнымъ потребностямъ, который никогда не повредилъ нѣжныхъ ростковъ развивающейся дѣтской души. Какъ радъ былъ бы онъ доставить всѣмъ дѣтямъ на свѣтѣ то, чѣмъ въ такомъ изобиліи пользовался онъ самъ. Онъ интересовался также и другими созданіями, которыхъ онъ считалъ еще слабѣе и безпомощнѣе дѣтей. Какъ жаль, что мы не можемъ дать себѣ отчета о томъ, что думаютъ и чувствуютъ животныя, всѣ тѣ существа, которыя иногда очень близко подходятъ къ людямъ, которыя рождаются, страдаютъ, любятъ и умираютъ такъ же, какъ и онъ самъ, и которыя все-таки отдѣлены отъ насъ цѣлой пропастью, такъ какъ у насъ не существуетъ никакого духовнаго соприкосновенія съ ними. Они еще могутъ сдѣлать понятнымъ для насъ сильныя проявленія ихъ радости или горя, но вся непрерывная цѣпь ихъ идей оставалась скрытой для насъ. Какъ мечталъ онъ въ дѣтскіе годы сдѣлаться естествоиспытателемъ, чтобы посвятить себя наукамъ, которыя сдѣлали бы для него ближе весь этотъ таинственный міръ! Вліяніе его отца удержало его отъ этого, но въ немъ навсегда осталась симпатія ко

всему слабому и безпомощному. Можетъ быть, на этомъ же основаніи онъ сталъ обращать больше вниманія на Карлу, и онъ съ радостнымъ изумленіемъ приходилъ къ выводамъ, которые въ общихъ чертахъ согласовались съ его прежними взглядами на женщинъ.

— Кто бы повѣрилъ, что мы снова такъ встрѣтимся съ ней!—думалъ онъ въ то время, какъ она слушала каждое его слово, какъ оракула, и разъ послѣ одного его отвѣта на поставленный ею вопросъ замѣтила, что онъ кажется ей „живой экциклопедіей" и что онъ знаетъ буквально „все". Онъ громко разсмѣялся бы теперь при одномъ только воспоминаніи о своемъ дѣтскомъ негодованіи, которое казалось ему такимъ же комичнымъ, какъ и его прежнее представленіе объ ея необыкновенномъ величіи. Онъ открылъ въ ней теперь другія „чудныя, женскія" качества. Онъ любовался ея трогательной покорностью, умѣньемъ подчиниться своей судьбѣ и той почти неистощимой кротостью къ его сестрѣ, которая, послѣ того, какъ ея первая влюбленность въ свою новую подругу приняла болѣе спокойный характеръ, не разъ жестоко испытывала терпѣніе своей учительницы.

Въ одно чудное, теплое іюльское утро Бертольдъ вышелъ посидѣть на воздухѣ съ томикомъ Гейне, но не въ чудный тѣнистый паркъ передъ домомъ, а позади его, недалеко отъ огорода, напротивъ голубятни. Книга лежала еще нераскрытой на скамьѣ возлѣ него, а онъ заглядѣлся на парочку игравшихъ голубей. Одинъ изъ нихъ, невѣрный самецъ, всѣми средствами ухаживалъ за кокетливой самкой своего сосѣда, тогда какъ этотъ послѣдній казался такъ же взволнованнымъ, какъ обманутый супругъ.

Бертольдъ такъ погрузился въ свои наблюденія, что не слыхалъ приближенія шаговъ и только тогда поднялъ глаза, когда съ нимъ кто-то заговорилъ. Это была Карла съ сочиненіемъ Геккеля въ рукахъ. Онъ поспѣшно всталъ и извинился, что только теперь замѣтилъ ее.

— Я отнюдь не хотѣла бы вамъ мѣшать читать,—сказала она, бросая искоса взглядъ на его книгу.

— Я какъ разъ не читалъ,—отвѣтилъ онъ,—а просто наблюдалъ за этими прелестными созданіями, моими любимцами.

— Тогда вы мнѣ позволите присѣсть къ вамъ на минутку... я вѣдь тоже очень люблю голубей, а здѣсь я вижу такія красивыя породы, какихъ мнѣ никогда еще не приходилось встрѣчать раньше.

Чтобы освободить ей мѣсто, онъ взялъ свою книгу и затѣмъ снова сѣлъ.

— Развѣ вы вообще любите животныхъ? — спросилъ

онъ, нѣсколько смущенный ея присутствіемъ, которое помѣшало ему продолжать свои наблюденія. Онъ предложилъ ей этотъ вопросъ затѣмъ, чтобы завязать разговоръ, мало интересуясь ея отвѣтомъ.

— О, чрезвычайно люблю!..—съ жаромъ отвѣтила она,—особенно птичекъ, голубей, собакъ...

— И кошекъ!—добавилъ онъ, улыбаясь при воспоминаніи объ ея ужасѣ, когда въ комнату какъ-то забралась домашняя кошка и, по-кошачьи, приласкалась къ ней.

— Нѣтъ, кошекъ я, правда, не люблю.—Зная его симпатію къ этимъ отвратительнымъ животнымъ, она охотно сказала бы обратное, если бы слишкомъ часто не проявляла своего отвращенія къ нимъ.

— Я считаю кошекъ слишкомъ жестокими, потому что онѣ всегда охотятся за птичками,—сказала она, немного помолчавъ,—а птички—мои любимицы.

— Но онѣ охотятся также и на мышей... и за это ихъ очень хвалятъ.

— Разумѣется! Но вѣдь вы же не станете сравнивать птичекъ съ мышами?

— Нѣтъ, но кошки-то не понимаютъ этой разницы. Я боюсь, что имъ очень трудно понять, почему мышей имъ можно ѣсть, а птицъ нельзя.

— Какъ же глупы животныя! Мыши вѣдь на то и созданы, но пожирать хорошенькихъ пѣвчихъ птичекъ—это ужасно!

Бертольдъ улыбнулся. Когда она сидѣла такъ около него вся залитая золотыми лучами утренняго солнца и своимъ милымъ ротикомъ болтала глупости, онъ находилъ ее необыкновенно хорошенькой. Тѣмъ не менѣе она все-таки нѣсколько взволновала его.

— Вѣчное взаимное пожираніе въ природѣ представляетъ собой, дѣйствительно, ужасное зрѣлище. Но, къ сожалѣнію, всѣ животныя вынуждены удовлетворять свой голодъ, и мы, люди, должны, по крайней мѣрѣ, стараться стать выше животныхъ въ этомъ отношеніи.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Вѣдь мы тоже ѣдимъ птицъ... и притомъ не столько для того, чтобы удовлетворить свой голодъ, но скорѣе для того, чтобы пріятно пощекотать свое нёбо. Есть даже люди,—ихъ называютъ охотниками,—которые изъ одной страсти убиваютъ птицъ, ловятъ ихъ сѣтями и душатъ цѣлыми сотнями... чижей, куропатокъ, дикихъ голубей, жаворонковъ, перепелокъ и дроздовъ. Видали ли вы когда-нибудь дрозда? Это—прелестная птичка съ очень хорошенькой головкой и большими глазами... глаза у ней, какъ у соловья.

Она взглянула на него, не зная, шутитъ ли онъ или

говоритъ серьезно. Желая сначала позондировать почву, она улыбнулась и сказала:

— Неужели же это такъ!

Онъ ничего не отвѣтилъ ей и снова сталъ смотрѣть на голубей, какъ будто бы ея и не было съ нимъ. Она же, напротивъ, проклинала его въ глубинѣ души и спрашивала себя, не идіотъ ли онъ, въ сущности, со всѣми своими такъ называемыми талантами и всей своей ученостью? По крайней мѣрѣ, говорилъ онъ совершенно въ такомъ духѣ.

Вдругъ онъ снова повернулся къ ней, посмотрѣлъ не на нее, а куда-то сверхъ нея.

— Въ тысячу разъ хуже всѣхъ пожирающихъ птицъ кошекъ и людей я считаю дамскую моду украшать шляпы трупами убитыхъ обитателей лѣсовъ.

Она вся вспыхнула и сняла свою шляпу, на которой красовалась золотисто-зеленая птичка съ распростертыми крыльями.

Полуразсердившись, полусмутившись, она посмотрѣла на птичку, онъ тоже смотрѣлъ на нее и затѣмъ они оба взглянули другъ на друга.

— И вы еще утверждаете, что такъ любите птицъ?— спросилъ онъ такимъ тономъ, въ которомъ, несмотря на все его желаніе быть учтивымъ, ясно слышалось презрѣніе.

Она снова покраснѣла, но на этотъ разъ отъ гнѣва на его неделикатность.

— Развѣ такъ нехорошо носить на шляпѣ птичку?— спросила она, пожимая плечами.—Я вѣдь ношу ее только потому, что я очень люблю птичекъ.

— Женщины, однако, совершенно неправоспособныя существа,—подумалъ Бертольдъ.—Съ ними, дѣйствительно, никогда не будешь достаточно снисходительнымъ.

— Я хотѣлъ сказать что вы утверждаете, что чрезвычайно любите птицъ...—началъ онъ еще разъ, снова заинтересовавшись голубями и съ удовольствіемъ замѣтившій, что обманутый самецъ сильно побилъ свою самочку, когда отлетѣлъ ухаживатель, и потащилъ ее по землѣ за крыло.

Карла вдругъ догадалась, что онъ хотѣлъ сказать.

— Если вы считаете такимъ дурнымъ, что я ношу на шляпѣ птичку, то я сейчасъ же сниму.—И лихорадочными, сердитыми движеніями она стала срывать со шляпы украшеніе и затѣмъ бросила смарагдо-зеленую бездѣлушку на траву.—Съ этихъ поръ на моихъ шляпахъ никогда не будетъ больше птицъ!

Удивленно взглянулъ на нее Бертольдъ и встрѣтилъ взоръ ея глазъ, которые тотчасъ же затѣмъ смущенно опустились, какъ бы опасаясь, что онъ что-нибудь прочтетъ въ нихъ.

Онъ тоже отвернулся и затѣмъ наступило молчаніе.

— Вы совершили настоящій геройскій поступокъ,—проговорилъ онъ, наконецъ, взглянувъ на разоренную шляпу.— И я благодарю васъ отъ имени всѣхъ убитыхъ ради безсмысленной моды жертвъ. Но развѣ вамъ не будетъ трудно и на будущее время отказаться отъ этого украшенія?

Онъ спросилъ это съ такимъ же любопытствомъ, съ какимъ онъ изслѣдовалъ бы мысли и чувства незнакомаго ему насѣкомаго.

— Нѣтъ, мнѣ пріятно будетъ дѣлать то, что кажется хорошимъ въ вашихъ глазахъ.

Онъ испугался и снова взглянулъ на нее, но она смотрѣла въ сторону и водила кончикомъ своего лаковаго ботинка по песку.

— Я думалъ, что вы сами убѣдились, какое, въ сущности, грубое варварство представляетъ собой та мода, которая предписываетъ носить трупы въ видѣ украшенія. При этомъ невольно вспоминаются сѣверо-американскія племена, которыя обвѣшивали себя скальпами своихъ враговъ. Развѣ это не тоже самое?

Онъ спросилъ это такъ кротко и ласково, какъ будто бы говорилъ съ малымъ ребенкомъ.

— Но вѣдь животныя и люди—не одно и то же,—рѣшилась она, наконецъ, возразить. Бертольдъ показался ей такимъ смѣшнымъ, что она чуть громко не расхохоталась надъ нимъ.

— Если бы вы мнѣ сказали, что ненавидите птицъ, тогда, разумѣется, мнѣ не пришло бы и въ голову удивиться на вашу шляпу. Но вѣдь вы называли птицъ своими любимцами и говорили, что ненавидите кошекъ за то, что онѣ охотятся за птицами. Развѣ вы думаете, что для птицъ не все равно, попадаютъ ли онѣ въ желудокъ кошки или на какую-нибудь шляпу?

Она ничего не отвѣтила, но подумала объ Іоганнѣ, который всегда былъ такъ милъ и интересенъ, и возроптала на свою судьбу, заставляющую ее ловить теперь этого противнаго чудака. Онъ же принялъ молчаніе за доказательство того, что она поняла свою непослѣдовательность, и заговорилъ снова:

— Недавно я читалъ, что одинъ молодой англійскій лордъ бросилъ свою невѣсту послѣ того, какъ онъ узналъ, что она приказала убить всѣхъ бѣлыхъ голубей въ своихъ владѣніяхъ, чтобы украсить ими свое вѣнчальное платье. Ему стало ясно, что женщина, способная на такое варварство, не можетъ имѣть добраго сердца. И вы, навѣрное, согласитесь съ этимъ, не правда ли?

— Да, само собой разумѣется!—сказала она на этотъ разъ вполнѣ искренно.—Можно только представить себѣ, что всѣ бѣлые голуби въ той мѣстности должны были погибнуть изъ-за одного только платья! Какъ можно бы только выдумать такую вещь!

— Сердце у ней все-таки доброе!—подумалъ Бертольдъ съ радостнымъ чувствомъ.—Она только совершенно не умѣетъ логически связать двухъ мыслей.

Онъ всталъ и поднялъ брошенную птицу, блестѣвшую на солнцѣ, точно драгоцѣнный камень.—Взгляните,—сказалъ онъ, обращаясь къ ней,—какъ хороша эта птичка съ своей изящной головкой и нѣжнымъ клювикомъ, изъ котораго, навѣрное, когда-то раздавались самыя радостныя, весеннія пѣсни! Какъ ужасно, что десятки тысячъ этихъ крылатыхъ цвѣточковъ ежегодно умираютъ медленной мученической смертью въ сѣтяхъ и западняхъ только затѣмъ, чтобы служить модными украшеніями!—Говоря это, онъ гладилъ рукой чудныя перышки птички. Потомъ, повинуясь внезапному желанію, онъ взялъ кирку, стоявшую подъ голубятней и вырѣзалъ ею кусокъ дерна.

— Похоронимъ ее; это единственное, что мы еще можемъ для нея сдѣлать. Иначе она можетъ еще попасть на шляпу жены садовника.

Онъ осторожно положилъ ее въ сырую землю, покрылъ кускомъ дерна и плотно придавилъ землю.

Карлѣ казался онъ невѣроятно смѣшнымъ, и она съ невольнымъ огорченіемъ смотрѣла на свою обезображенную шляпу. Онъ замѣтилъ этотъ взглядъ и приблизительно догадался, что происходило внутри ея, но это нисколько не смущало его; онъ еще больше, чѣмъ прежде, чувствовалъ, что она удалила птицу не на основаніи логическаго вывода, а только ради него. Это чувство было для него такъ ново и чуждо, что онъ въ теченіе нѣсколькихъ секундъ не зналъ, что ему сказать. Она сидѣла съ обнаженной головой и съ разорванной шляпой на колѣняхъ, какъ наказанное дитя, которое даже не знаетъ, какое, въ сущности, преступленіе оно сдѣлало. Ему страшно хотѣлось снова встрѣтиться съ ней глазами, но она упорно отворачивалась.

— Вы сердитесь на меня за то, что я вамъ говорилъ?

Она кротко и печально покачала головой, не поднимая глазъ. Наконецъ-то, она услышала въ его тонѣ то... что она такъ надѣялась услышать.

— Я въ самомъ дѣлѣ очень жалѣю, что я въ такомъ тонѣ говорилъ съ вами.

Въ эту минуту ему вспомнился Робертъ. Какимъ смѣшнымъ показался бы онъ ему въ роли моралиста передъ

этой хорошенькой дѣвушкой! И развѣ онъ не былъ бы правъ? Онъ въ то же время ловилъ себя на всевозможныхъ нелѣпыхъ планахъ и желаніяхъ.

— Простите меня...—сказалъ онъ неувѣреннымъ тономъ.—Я хотѣлъ сказать нѣсколько иначе.

— Мнѣ не въ чемъ прощать васъ,—отвѣтила она, медленно вскидывая на него глаза, какъ бы желая на минуту приковать его взглядъ къ своему.—Я вамъ, напротивъ, очень благодарна за... ваше участіе, и я готова сдѣлать рѣшительно все, чтобы только заслужить у васъ лучшее мнѣніе обо мнѣ, чѣмъ вы, повидимому, имѣете.

При этихъ словахъ она быстро и пугливо отвернулась, какъ будто у ней нечаянно вырвалось то, чего она абсолютно не хотѣла говорить, затѣмъ она поспѣшно встала и сказала, что ее ждетъ Бэби... и въ ту же минуту скрылась, а Бертольдъ продолжалъ смотрѣть на голубей, не видя ихъ. Въ вискахъ у него стучало, и въ глазахъ стоялъ туманъ. Онъ видѣлъ передъ собой только чудные глаза съ золотистымъ блескомъ,—глаза, влившіе огонь въ его жилы. И снова ему слышался ея голосъ: „Я готова сдѣлать рѣшительно все, чтобы только заслужить у васъ лучшее мнѣніе обо мнѣ, чѣмъ то, которое вы, повидимому, имѣете“.

Эти слова повторялъ онъ еще и еще разъ, какъ мелодію, которую не хочется потерять.

И ихъ произнесла Карла... мимолетная мечта его ранней юности... та же самая Карла и между тѣмъ иная... въ теперешнемъ своемъ видѣ гораздо болѣе обольстительная, чѣмъ прежде.

Какъ, вѣроятно, грубо и невоспитанно поступилъ онъ, если она произнесла эти слова дрожащимъ, чуть не плачущимъ голосомъ! Грубо и невоспитанно по отношенію къ ней, когда она перенесла столько несчастій и когда къ ней нужно быть особенно внимательнымъ, въ виду ея зависимаго положенія.

Какъ удивительна ея кротость, вполнѣ отвѣчающая необыкновенной деликатности всей ея натуры! И какъ прекрасенъ былъ ея порывъ, съ которымъ она сорвала птицу со своей шляпы! Это было нѣчто... достойное глубокаго уваженія, предъ чѣмъ онъ готовъ былъ просто преклониться. Кто знаетъ, какія сокровища скрыты въ этой женской душѣ,—сокровища, которыя никто не попытался вызвать на свѣтъ Божій! Надо надѣяться, что рѣзкость его не оскорбила ее и не оттолкнула ее навсегда отъ всякой откровенности съ нимъ и всякаго сближенія!

Мысль эта стала вдругъ такъ сильно мучить его, что онъ всталъ и пошелъ по саду, надѣясь гдѣ-нибудь увидѣть

ее, чтобы еще разъ извиниться передъ ней. Не найдя ее, однако, нигдѣ, онъ пошелъ въ самую уединенную часть парка и сталъ размышлять, какъ бы ему лучше всего извиниться, когда онъ слѣдующій разъ встрѣтитъ ее одну.

* * *

Но подходящаго случая ему не представлялось. Скоро онъ замѣтилъ, что она систематически стала избѣгать его. И въ присутствіи другихъ она теперь уже не говорила съ нимъ, какъ прежде. Вообще, она стала тише и сдержаннѣе, какъ будто ее давило что-то, чего она не хотѣла показывать другимъ. Она все время была очень ласкова и предупредительна, какъ съ Бэби, такъ и съ Алидой Мольтенъ,— къ этой послѣдней она, казалось, чувствовала даже особенную симпатію; по отношенію же къ Бертольду, напротивъ, она держала себя строго и сдержанно, что ему было особенно чувствительно послѣ ея прежняго поведенія.

— Такъ и нужно было ожидать послѣ того, какъ я такъ оскорбилъ ее въ саду,—думалъ онъ про себя. Его это огорчало больше, чѣмъ онъ самъ хотѣлъ себѣ сознаться. Но въ присутствіи постороннихъ онъ не могъ заговорить о происшествіи въ саду.

Въ это время къ Бэби пріѣхали на нѣсколько недѣль погостить двѣ подруги, двѣ сестры Варна,—шумныя, веселыя, живыя дѣвушки, съ которыми Бертольдъ шутилъ и игралъ въ теннисъ, поскольку этого требовало гостепріимство, но которыхъ онъ считалъ глупыми и скучными и втайнѣ сравнивалъ съ спокойной и сдержанной Карлой.

Всѣ онѣ носили птицъ на шляпахъ... Алида даже цѣлыхъ три,—точно кладбище,—думалъ Бертольдъ. Ему это было прямо противно, хотя онъ и не высказывался ни ей, ни двумъ другимъ дѣвушкамъ. Къ будущей своей невѣсткѣ онъ, вообще, чувствовалъ очень мало симпатіи. Она была для него слишкомъ велика, и слишкомъ черна, и его раздражало ея слѣпое поклоненіе Іоганну, относительно характера котораго онъ уже не дѣлалъ себѣ иллюзій. Оба брата ясно сознавали, что разстояніе между ними все увеличивалось, и потому они все меньше интересовались другъ другомъ. Отчасти Бертольдъ былъ доволенъ его выборомъ. Ему въ высшей степени было бы непріятно видѣть кроткое, симпатичное существо связаннымъ съ такой натурой, какъ Іоганнъ, представить себѣ, напримѣръ, чтобы его любила Карла; такая женщина должна будетъ разбиться о холодный мраморъ его эгоизма. Нѣжное, бѣлокурое личико Карлы было для него символомъ ея души. Онъ все больше и больше любовался ею.

Все въ ней представляло для него особенную прелесть. Даже цвѣтъ ея чернаго платья, которое она попрежнему продолжала носить, казался ему самымъ лучшимъ цвѣтомъ на свѣтѣ. Все, что не было чернымъ, онъ началъ теперь считать некрасивымъ и безвкуснымъ. Прозрачныя кружева изящными складками облегали ее, какъ будто имъ было пріятно охватывать ея милую фигуру. Но больше всего у ней ему нравилась простенькая шляпа, которую она теперь носила,—та самая незабвенная шляпа, украшенная теперь однимъ букетикомъ полевыхъ цвѣтовъ. Чтобы показать, что она не въ траурѣ, а добровольно одѣвается въ черное, Карла носила большей частью что-нибудь цвѣтное на шляпахъ. Бертольду казалось, что эта шляпа составляетъ тайную связь между нимъ и ею,—связь, невидимую для всѣхъ остальныхъ, но тѣмъ не менѣе имѣющую для него большее значеніе, чѣмъ все видимое отчужденіе.

Однажды, въ жаркій лѣтній день, они всѣ вмѣстѣ играли въ теннисъ, какъ вдругъ стала надвигаться гроза. При первыхъ же капляхъ дождя Карла сняла свою шляпу и постаралась укрыть ее отъ непогоды. Бэби, демонстрировавшая окружающимъ, что большая, круглая шляпа можетъ служить прекраснымъ дождевымъ зонтикомъ, дразнила ее и спрашивала, не боится ли она, что дождь испортитъ ея „прекрасную шляпу".

— Эта шляпа прекраснѣе для меня всего на свѣтѣ,— вполголоса отвѣтила Карла, но стоявшій по близости Бертольдъ хорошо это слышалъ, и у него мелькнула мысль, отъ которой у него кровь бросилась въ голову. Однако, онъ продолжалъ играть дальше, какъ будто ничего не слыхалъ, но волненіе его все-таки было такъ сильно, что, будучи вообще хорошимъ игрокомъ, онъ теперь дѣлалъ промахъ за промахомъ. Къ его счастью, отдѣльныя капли дождя превратились въ настоящій ливень, такъ что молодыя дѣвушки, съ крикомъ и визгомъ, побѣжали черезъ большую лужайку по направленію къ дому.

Іоганнъ тоже спасся бѣгствомъ, и Бертольдъ остался совершенно одинъ.

Проливной дождь выручилъ его, такъ какъ онъ не въ состояніи былъ играть дольше. Нисколько не обращая вниманія на дождь и почти даже не замѣчая его, онъ пошелъ по густой аллеѣ, не отдавая себѣ отчета, куда онъ, собственно, направлялся, и такимъ образомъ дошелъ до конца ихъ владѣній, гдѣ на самой границѣ стояла маленькая бесѣдка, сплетенная изъ дубовыхъ вѣтвей, и маленькая канавка отдѣляла ихъ владѣніе отъ сосѣдняго участка.

Бесѣдка стояла на небольшомъ холмикѣ; онъ поднялся

на нѣсколько ступенекъ, вошелъ въ нее и машинально сталъ прислушиваться къ шуму дождя, который скоро затихъ и, наконецъ, окончательно прекратился. Солнце снова засіяло такъ же внезапно, какъ и скрылось передъ дождемъ, и въ густыхъ купахъ деревьевъ его радостнымъ и веселымъ пѣніемъ привѣтствовали тысячи птичьихъ горлышекъ.

Бертольдъ облокотился о перила и почувствовалъ въ себѣ какую-то странную, интенсивную впечатлительность ко всему окружающему.

Чувства его, казалось, удваивали его способности, какъ будто онъ видѣлъ, слышалъ и ощущалъ природу такъ, какъ еще никогда въ жизни.

Сквозь просвѣтъ деревьевъ, справа, онъ видѣлъ похожія на окаменѣлыя волны моря, морскія дюны, облитыя горячими лучами, которые, подобно солнечнымъ крыльямъ гигантской птицы, простирались надъ землею всякій разъ, какъ раздвигались облака. Эти горячіе лучи мірового свѣтила находили также себѣ отраженіе и въ его душѣ.

Какъ много удивительнаго и чуднаго на свѣтѣ! Каждый листокъ, каждая былинка такъ и сіяютъ радостью жизни, и въ его жилахъ эта радость жизни кипитъ, какъ никогда еще до сихъ поръ. Почему человѣкъ не можетъ жить только для того, чтобы во всей полнотѣ наслаждаться своими ощущеніями? Вѣдь вѣчно мыслящій, вѣчно вопрошающій и ищущій, человѣкъ, въ сущности, слѣпъ и глухъ къ прелестямъ жизни, какъ таковымъ,—къ наслажденію дыханіемъ и движеніемъ, къ созерцанію прекраснаго, къ ощущенію легкаго лѣтняго вѣтерка, а въ этомъ вѣдь и заключается сущность данной намъ природой жизни. Такъ живутъ вѣдь миріады видимыхъ и невидимыхъ существъ кругомъ насъ и такъ долженъ бы научиться жить и человѣкъ,—болѣе впечатлительнымъ къ міру чувствъ и менѣе замкнутымъ въ мірѣ мыслей. Ему казалось даже, что онъ достигнетъ этого въ будущемъ, какъ будто бы въ немъ просыпалось какое-то новое чувство жизни,—чувство, котораго ему такъ недоставало до сихъ поръ, и которое онъ съ благодарностью принималъ теперь и надѣялся удержать навсегда.

Сколько времени стоялъ онъ такъ, наблюдая игру облаковъ и свѣтлые ряды дюнъ, по которымъ безпрерывно скользили тѣни, онъ и самъ не зналъ. Кругомъ постепенно все стихло, только въ верхушкахъ деревьевъ еще шелестѣлъ вѣтеръ, и среди тишины до него долетѣлъ теперь новый шумъ, какой-то шорохъ... какъ будто кто-то подходилъ къ бесѣдкѣ. Онъ обернулся и... увидѣвъ, кто приближался

къ нему, сразу понялъ, что происходило въ его душѣ. Она, очевидно, не замѣтила его и, подойдя къ самой бесѣдкѣ, очутилась прямо передъ нимъ и испуганно посмотрѣла на него.

— Вы здѣсь?

Онъ видѣлъ, съ какимъ испугомъ она откинулась назадъ, слышалъ ея ускоренное дыханіе, и его вдругъ охватило такое чувство, котораго онъ не могъ бы описать словами. Онъ хотѣлъ сказать что-нибудь очень обыкновенное и не могъ. Но, замѣтивъ, что она отшатнулась, онъ сталъ такъ, что она не могла уйти.

— Я не ожидала, что вы здѣсь...—еще разъ повторила она въ сильномъ смущеніи.

— Сядьте, пожалуйста, здѣсь... на одну только минутку; здѣсь такъ хорошо!—Голосъ его звучалъ такъ странно, что онъ самъ не узналъ его.

Но она не садилась и непремѣнно хотѣла уйти.

— Итакъ, вы все еще сердитесь на меня?—спросилъ онъ, загораживая ей выходъ.

— Я... сержусь?—тихо сказала она и молча посмотрѣла вдаль. Затѣмъ она отрицательно покачала головой и снова попыталась уйти, но онъ рѣшительно загородилъ ей дорогу.

— Я не пущу васъ... Съ самаго того утра, какъ я васъ такъ обидѣлъ, вы не хотите ни слова сказать со мной. Повидимому, это—настоящій смертный приговоръ. Развѣ я ничего не могу сдѣлать, чтобы добиться вашего прощенія?

Говоря это, Бертольдъ вполнѣ сознавалъ всю безнадежность своей просьбы, такъ какъ во всей ея взволнованной фигурѣ выражались только ненависть и раздраженіе.

— Вы ошибаетесь...—сказала она, наконецъ, подавленнымъ голосомъ,—мнѣ нечего вамъ прощать. Но я знаю... я чувствую, что... О, нѣтъ, такъ не можетъ больше продолжаться!—внезапно вырвалось у ней.—Я уйду; я не могу дольше оставаться. Я должна уйти, я...

Она остановилась, сложила руки и умоляюще обратилась къ Бертольду:

— Г. Меріанъ, пустите же меня... я прошу васъ... я требую!

— Вы хотите уйти?—смущенно повторилъ онъ.—Почему же вы хотите уйти?

Она молчала.

— Развѣ вы хотите довести меня до отчаянія? Вы не должны уѣзжать отъ насъ... Я не хочу этого. Вы хотите разстаться съ нами изъ ненависти ко мнѣ?

Карла подняла глаза и пристально посмотрѣла на него.

— Вамъ не слѣдовало бы предлагать мнѣ этого вопроса,—медленно проговорила она и затѣмъ энергично добавила:—Да, я ненавижу васъ—въ этомъ все и дѣло!

Онъ съ жаромъ схватилъ ея руки.

— Что ты хочешь сказать этимъ? Карла... Карла!

Но она вырвалась и упала на скамейку, закрывъ обѣими руками лицо.

— Какъ вы можете поступать такъ! Пустите меня уйти! Вѣдь этого никогда не можетъ быть... никогда!

— Чего не можетъ быть?—страстно спросилъ онъ. И, совершенно потерявъ власть надъ собой, онъ увлекся до того, что самъ недавно счелъ бы безуміемъ со стороны всякаго мужчины.

Онъ опустился на колѣни и поцѣловалъ край ея платья, отъ котораго пахло легкими духами; они хорошо были знакомы ему, такъ какъ ароматъ ихъ всегда окружалъ Карлу и теперь совершенно отуманилъ ему голову.

— Скажи же мнѣ, чего не можетъ быть! Все вѣдь можетъ быть! О, Карла! Не уходи, скажи же!

Онъ отвелъ ея руку отъ лица и теперь эта теплая, круглая, просвѣчивающая сквозь кружева рука спокойно и послушно лежала въ его рукахъ. Совершенно внѣ себя, онъ прижималъ ее къ своему лицу, ко лбу, къ губамъ, забывая все на свѣтѣ, пока, наконецъ, ея голосъ не привелъ его снова въ сознаніе:

— Лучше, если я уйду отъ васъ... ты слишкомъ богатъ... а я слишкомъ бѣдна. Поэтому я никогда не могу быть твоей женой.

— Богатый... бѣдный... что все это значитъ?—спросилъ онъ, тяжело переводя дыханіе.—Развѣ это можетъ быть причиной нашей разлуки?

Когда онъ при этомъ поднялъ на нее глаза, она увидѣла передъ собой полное страсти лицо и глаза, въ темной глубинѣ которыхъ свѣтилось такое пламя, которое ей сразу дало понять всю полноту ея побѣды.

— Поговоримъ спокойно и серьезно!—сказала она убѣдительнымъ тономъ, освобождая изъ его объятій свою руку, которую онъ снова прижалъ къ лицу. Она мягко заставила его встать и сѣсть рядомъ съ ней.—Выслушай меня! Мы постараемся забыть эти минуты! Я позволила себѣ увлечься... и это было ошибкой. Я всегда опасалась этого и потому намѣренно избѣгала тебя. Ты вѣдь не можешь же жениться на такой бѣдной дѣвушкѣ, какъ я. Твой отецъ, навѣрное, будетъ противъ.

— Не говори такъ, Карла! Даже думать только такъ было бы безбожно!

Бертольдъ всталъ въ какомъ-то странномъ смущеніи, подошелъ къ периламъ, гдѣ онъ стоялъ раньше, и взглянулъ на нее, какъ будто бы она была сномъ или видѣніемъ, какъ будто онъ только въ первый разъ видѣлъ ее.

— Карла... Мнѣ все еще такъ странно, такъ непонятно. Увѣрена ли ты, что ты, дѣйствительно, меня любишь?.. Вѣдь я знаю, что я некрасивъ, неловокъ и скученъ для себя самого и для другихъ. Какъ можетъ такая дѣвушка, какъ ты, полюбить меня?.. Не самообманъ ли это? Навѣрно ли ты знаешь?

Она молчала и долго тревожно и испытующе смотрѣла на него своими золотисто-темными глазами, полускрытыми темной тѣнью густыхъ рѣсницъ. Затѣмъ она отвернулась, встала и сказала:

— Ты совершенно правъ. Такъ и продолжай думать!

Дѣвушка направилась къ выходу, но онъ удержалъ ее.

— Нѣтъ, я не люблю тебя... Ты совершенно правъ,— говорила она, вырываясь отъ него.—Пусти же меня!—Слезы заглушили ея голосъ, такъ что послѣднія слова она произнесла почти шопотомъ.

— Твой голосъ выдаетъ, что ты думаешь иначе, чѣмъ говоришь. Поэтому я тебѣ не вѣрю и ты останешься здѣсь! Но какъ странно!.. Я никогда не повѣрилъ бы, что меня кто-нибудь можетъ полюбить.

— Почему же ты этому не вѣрилъ?—спросила она съ такимъ взглядомъ и улыбкой, которые вполнѣ могли бы поколебать его невѣріе.

— Потому что... потому что... я, право, не знаю. Я совсѣмъ не могу теперь думать и даже не знаю, что я говорю.—Онъ обнялъ ее и наклонился къ ея губамъ. Она не отвернулась. Вдругъ она вырвалась отъ него и оттолкнула его отъ себя.

— Какъ только я могла дойти до такой слабости! Какъ бы я ни любила тебя, я все равно не могу выйти за тебя замужъ!

— Ты опять начинаешь повторять то же самое? Мнѣ, рѣшительно непонятно, какъ тебѣ могутъ придти въ голову такія мысли.

И снова она глубоко заглянула ему въ глаза, смотрѣвшіе на нее съ такой наивной искренностью и съ такимъ горестнымъ удивленіемъ, что въ эту минуту, чувствуя всю полноту своей власти надъ нимъ, она въ самомъ дѣлѣ почти готова была полюбить его.

— Эти мысли придутъ въ голову другимъ. Твой отецъ, навѣрное, разсчитываетъ, что ты составишь себѣ хорошую партію и...

— Мой отецъ...—прервалъ онъ ее.—Если ты такъ о немъ думаешь, то ты не знаешь его. Онъ слишкомъ добръ и благороденъ во всѣхъ отношеніяхъ, чтобы быть способнымъ на такія низменныя мысли.

Въ душѣ ея горѣлъ вопросъ, на который она все еще неустанно ждала отвѣта. Съ минуту она, впрочемъ, еще медлила... Но искушеніе было слишкомъ сильно.

— А Іоганнъ!.. Этотъ бракъ по разсудку съ... некрасивой дѣвушкой,—вѣдь это можетъ быть только его дѣломъ!

— Этотъ бракъ есть собственное дѣло Іоганна, и отецъ въ этомъ совершенно не причемъ,—это я тебѣ могу сказать навѣрное.

Бертольдъ говорилъ такимъ рѣшительнымъ тономъ, что Карла ему тотчасъ же повѣрила.

Она невольно закрыла глаза. Жажда мести наполнила ея душу. Но она постаралась овладѣть собой и снова вернулась къ дѣйствительности; и съ той же ловкостью, съ какой она дѣйствовала до сихъ поръ, она сумѣла заставить его вынудить у ней, послѣ долгаго сопротивленія, торжественное обѣщаніе. Она поставила ему непремѣннымъ условіемъ абсолютную тайну, пока онъ не окончитъ своего курса. Такъ какъ она все точно обдумала и разсчитала заранѣе, а онъ едва соображалъ, что съ нимъ творилось, то ей нетрудно было заставить его обѣщать все, чего она хотѣла. Она сумѣла привести ему самыя убѣдительныя основанія, что необходимо пока скрывать отъ всѣхъ ихъ отношенія.

Хотя, разумѣется, въ ея интересахъ скорѣе было бы оффиціально считаться невѣстой сына хозяина дома, но она слишкомъ боялась прямого запрещенія со стороны его родителей и безчисленныхъ другихъ обстоятельствъ, которыя могли бы повліять на „дѣтскую слабость“ Бертольда, какъ она сама выражалась, и поэтому помолвка ихъ должна была оставаться тайной до его совершеннолѣтія. Такъ какъ ему было еще только двадцать лѣтъ, то ждать имъ оставалось цѣлыхъ три года [1]), но она отнюдь не хотѣла такъ скоро пускать въ ходъ свой послѣдній козырь, чтобы преждевременно не повредить своему будущему.

Въ то же время она приняла во вниманіе и особенную прелесть тайной связи для характера Бертольда, которая еще болѣе прикуетъ его неувѣренностью въ обладаніи. Когда, послѣ многихъ нѣжныхъ обѣщаній и переговоровъ о тайныхъ свиданіяхъ, Карла вышла, наконецъ, изъ бесѣдки, на

[1]) Въ Голландіи совершеннолѣтіе считается съ двадцати трехъ лѣтъ.

губахъ ея играла торжествующая улыбка, и она сознавала, что разумно использовала этотъ день.

Освободится ли она, наконецъ, теперь отъ ужасной тревоги за свое будущее? Можетъ ли она теперь же посчитаться съ тѣми дамами, которыя, несмотря на то, что она была поставлена на равной ногѣ у Меріановъ, все-таки нѣсколько свысока относились къ ней? Можетъ ли она теперь снова, какъ прежде, наслаждаться необходимой для нея роскошью и пользоваться всѣми преимуществами своей молодости и красоты, не спрашивая себя постоянно со страхомъ, что будетъ съ ней, когда Бэби выйдетъ замужъ, когда умретъ ея пріятельница и сама она сдѣлается старой и некрасивой?

— Дѣвочка, дѣвочка, что ты все думаешь о будущемъ!— говорила ей тогда госпожа Кордуро.—Когда человѣкъ молодъ и красивъ, счастье можетъ придти каждый день.

Госпожѣ Кордуро хорошо такъ говорить, но сколько горькихъ разочарованій пережила уже Карла! Всѣ прекрасныя предсказанія до сихъ поръ абсолютно не оправдывались для нея.

— Но какой все-таки страстный и непріятный во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ этотъ Бертольдъ,—подумала она, поспѣшными шагами подходя къ дому и вспомнивъ, наконецъ, о главномъ дѣйствующемъ лицѣ ея плановъ—о будущемъ. Въ общемъ, онъ даже превзошелъ ея ожиданія. Повидимому, онъ былъ очень страннымъ. Въ такомъ случаѣ она можетъ впослѣдствіи вертѣть имъ, какъ хочетъ, и быть теперь еще болѣе увѣренной въ немъ.

Она уже почти совершенно успокоилась, когда, приближаясь къ дому, замѣтила Іоганна и Алиду, которые, обнявшись, гуляли по аллеѣ.

— Эта получила себѣ мужа за деньги!—подумала она, взглянувъ на Алиду съ сознаніемъ собственнаго превосходства.—Я сумѣла сдѣлать это и безъ денегъ! И неужели ты воображаешь, въ самомъ дѣлѣ, что онъ сколько-нибудь заинтересованъ тобой? Что за комедія? Какъ быстро онъ перемѣнится, какъ только твои деньги будутъ въ его рукахъ! А меня... хотя я и бѣдна, но передо мной будутъ стоять на колѣняхъ. Мужъ мой будетъ валяться въ моихъ ногахъ, когда мнѣ этого захочется. Будетъ ли это такъ съ тобой?

И, презрительно пожавъ плечами, она полными ненависти глазами еще разъ взглянула на свою соперницу и вошла въ домъ.

Между тѣмъ, женихъ и невѣста медленными шагами продолжали свою прогулку. Они тоже замѣтили вдали Карлу. И у Алиды вдругъ возникъ вопросъ... вопросъ, который ей

давно уже хотѣлось предложить, но она все еще не рѣшалась высказаться.

— Скажи мнѣ откровенно, Іоганнъ... не былъ ли ты раньше серьезно влюбленъ въ Карлу?—спросила она среди разговора о постороннихъ вещахъ.

— Я... въ Карлу? Какъ могла тебѣ придти въ голову такая идея, милочка? Можетъ быть, потому, что я раньше занимался съ ней музыкой?

— И потому еще, что она такая красивая.

— Красивая?—медленно проговорилъ онъ.—Она, правда, недурна, но не въ моемъ вкусѣ. Блѣдныя блондинки совсѣмъ не интересуютъ меня, и ты это давно знаешь.

Алида вся просіяла.—Какъ хорошо, что я рѣшительно спросила его!—подумала она.—Такъ пріятно знать опредѣленно, что я просто вообразила себѣ это.

* * *

— Ты былъ совершенно правъ! — писалъ Бертольдъ своему другу Конту, когда онъ, спустя нѣсколько дней, освоился съ своимъ положеніемъ.—Ты совершенно правильно угадалъ, чего мнѣ недоставало и что единственно только и могло заставить меня серьезно работать.

Итакъ, импульсъ найденъ. Въ послѣднее время я сдѣлался совершенно другимъ человѣкомъ и въ состояніи буду творить просто чудеса, когда мнѣ можно будетъ открыто назвать своей невѣстой ту дѣвушку, которую я люблю. Но пока все это должно остаться тайной для всѣхъ и особенно для моихъ родителей. Хотя положеніе ея и не особенно благопріятно и открытая помолвка внесла бы въ него существенное улучшеніе, но такъ какъ я еще очень молодъ, то она настоятельно потребовала сохраненія тайны и уже однимъ этимъ доказала свою прекрасную натуру. Она обладаетъ всѣми тѣми чудными свойствами, которыя Шекспиръ увѣковѣчилъ въ своей Дездемонѣ, — типъ этотъ, кстати сказать, мнѣ очень не нравился, пока я не познакомился съ *ней*. Въ истинномъ смыслѣ слова, она—живое воплощеніе его чуднаго образа, и такъ какъ ты—не Яго, а я—не Отелло, то эта Дездемона можетъ во всей полнотѣ одарить меня своими нѣжными женскими ласками.

Кротость и наивность являются преобладающими чертами ея характера. Она съ истинно-ангельскимъ терпѣніемъ позволяетъ „неисправимому моралисту“, котораго ты достаточно знаешь, бранить себя, оспаривать и читать цѣлые выговоры; и она слѣдуетъ моему совѣту не потому, чтобы

она умомъ поняла его справедливость, а только потому, что это—*мой* совѣтъ. Она мало думаетъ, но зато много чувствуетъ. А что можетъ быть божественнѣе въ женщинѣ, какъ эта неотразимая логика чувства, которая такъ часто умѣетъ найти правильный путь тамъ, гдѣ мы со всѣмъ нашимъ разумомъ стоимъ, какъ быки на горѣ...

Здѣсь онъ остановился, перечелъ еще разъ послѣднюю фразу, вспомнилъ разговоръ у голубятни и колебался, продолжать ли въ томъ же духѣ. То, что онъ написалъ, не вполнѣ совпадало съ фактами... Но онъ уже такъ написалъ и, навѣрное, ея чувство выведетъ ее на правильный путь. Онъ снова обмакнулъ перо и сталъ писать дальше:

— Объ ея наружности я лучше не буду ничего писать тебѣ. Вкусы вѣдь бываютъ различны. Да и что, въ концѣ концовъ, значитъ наружность? Если же тебѣ это будетъ очень интересно, то я какъ-нибудь покажу ея портретъ.

Бертольдъ, улыбаясь, закончилъ свое письмо. Рядомъ съ нимъ лежалъ маленькій, сдѣланный на эмали портретъ, который отецъ Карлы, продолжавшій вести роскошный образъ жизни только ради своей избалованной дочки, за годъ до своей смерти заказалъ у одного изъ лучшихъ бельгійскихъ художниковъ. Юноша взялъ въ руки портретъ, любовался хорошенькой головкой и цѣловалъ его, представляя себѣ въ то же время изумленіе Роберта, когда онъ увидитъ его.

Онъ не помнилъ, говорилъ ли онъ когда съ Робертомъ о Карлѣ и о ея положеніи у нихъ въ домѣ? Ему доставляло удовольствіе скрыть пока отъ него всѣ ближайшія подробности, чтобы немного помучить его любопытство.—Изъ того, что я написалъ ему объ ея положеніи, онъ, можетъ быть, выведетъ заключеніе о мезальянсѣ съ какой-нибудь крестьянской дѣвушкой изъ окрестностей города,—думалъ онъ улыбаясь. Съ какимъ удивленіемъ раскроетъ онъ глаза, прочитавъ его письмо, и, судя по тому, что Бертольдъ раньше говорилъ и защищалъ, составитъ себѣ совершенно неправильное представленіе о немъ. И будетъ имѣть всѣ основанія на это, такъ какъ Бертольдъ и самъ теперь плохо понималъ себя.

Развѣ онъ не жилъ, точно во снѣ, эти послѣднія недѣли? Считая съ напряженіемъ часы и минуты до ихъ ежедневнаго свиданія, которое они устраивали въ самой отдаленной части парка, чтобы никто не могъ видѣть ихъ, онъ иногда невольно спрашивалъ себя, Бертольдъ ли онъ? И подумать только, что это была Карла,—та самая Карла, которая когда-то вселила въ него отвращеніе, смѣшанное со страхомъ противъ всего женскаго пола... а теперь, въ

тѣ часы, которые онъ проводитъ съ ней наединѣ, заставляетъ его забывать все на свѣтѣ!

Онъ жилъ, въ сущности, только этими часами. Онъ выучился лицемѣрить, притворяться и даже, въ случаѣ необходимости, лгать, чтобы только оставить въ своемъ распоряженіи то время, которое было назначено для ихъ ежедневныхъ свиданій.

Однако, это лицемѣріе и эта неискренность все-таки набрасывали нѣкоторую тѣнь на его счастье. Его постоянно раздражало то обстоятельство, что онъ долженъ былъ обманывать своего отца, питавшаго безграничное довѣріе къ нему, но онъ уже обѣщалъ это Карлѣ. По здравомъ размышленіи, онъ и самъ долженъ былъ, конечно, сознаться, что открытая помолвка въ первый же годъ его студенчества была бы безтактностью. Его стремленіе энергично работать все возрастало.

Теперь онъ уже болѣе не колебался и не спрашивалъ: „почему" и „зачѣмъ", послѣ того, какъ всѣ эти вопросы онъ обсудилъ вмѣстѣ съ Карлой. Никакое недовольство на банальность человѣческаго существованія не должно больше смущать его, онъ весь теперь отдавался своей любви. И только она одна можетъ сгладить безцѣльность повседневной жизни, идеализовать ее и опоэтизировать.

Но несмотря на всѣ эти размышленія по поводу его новаго счастья, онъ все-таки иногда возвращался къ своимъ прежнимъ идеямъ. Развѣ онъ не мечталъ о высшемъ идеалѣ для нашего жалкаго человѣческаго существованія, объ идеалѣ мыслей, чувствъ и ощущеній и, вообще, о невидимомъ, воображаемомъ мірѣ? Неужели онъ найдетъ себѣ замѣну этого идеала, этого величія жизни, ощущаемаго въ минуты духовнаго подъема, въ женщинѣ, во взаимной любви?

Ему хотѣлось такъ думать, и въ тѣ минуты, когда на него смотрѣли глаза Карлы и губы ея заставляли его забывать весь свѣтъ, онъ нисколько не сомнѣвался въ этомъ. Затѣмъ онъ снова вспоминалъ Роберта, вспоминалъ ихъ разговоры и раздраженіе товарища на его постоянное исканіе и стремленіе къ недостижимому.

— Если ты ужъ непремѣнно хочешь быть идеалистомъ,— замѣтилъ ему разъ Робертъ,—то не ищи, по крайней мѣрѣ, твоего идеала въ пустыхъ мечтаніяхъ, не ищи его, подобно вѣрующимъ, строящимъ себѣ своего бога за предѣлами этой жизни, по своимъ мелкимъ, человѣческимъ представленіямъ; но ищи его на самой землѣ, въ сущности вещей, въ существующемъ и чувственно-воспріемлемомъ. Для людей, одаренныхъ разумомъ, знаніе должно было бы быть,—по-

скольку мы, вообще, можемъ знать,—единственнымъ идеаломъ. Если ты хочешь иногда помечтать,—хорошо, мечтай вмѣстѣ съ нашими великими поэтами и наслаждайся пѣснями и образами этихъ геніальныхъ, младенческихъ душъ, но не зѣвай своей собственной жизни. Когда ты окончишь свое воздушное путешествіе въ облакахъ, тогда вернись къ намъ на землю, отвяжи свои крылья и будь снова человѣкомъ, который принимаетъ жизнь, какъ она есть!

По его совѣту, онъ въ послѣднюю зиму углубился въ произведенія великихъ естествоиспытателей этого столѣтія,—Спенсера, Дарвина, Геккеля и Молешотта, которыя должны были, какъ увѣрялъ Робертъ, на всю жизнь закалить его противъ фантастическихъ мечтаній, съ которыми онъ возился. Эти книги онъ сначала прочелъ съ наслажденіемъ. На порогѣ новаго для него міра онъ съ восторгомъ увидѣлъ раскрывающійся передъ нимъ широкій горизонтъ и получилъ отвѣтъ на многіе мучившіе его вопросы. Но эти отвѣты не удовлетворили его. Послѣ анализа великихъ явленій природы онъ тщетно искалъ ихъ синтезъ.

— Синтезъ! Глупости!—невольно вырвалось у Роберта.—Неужели ты будешь требовать отъ естественныхъ наукъ, чтобы онѣ дѣйствовали подобно талантливому проповѣднику, который поднимаетъ сразу своихъ слушателей на высоту своей риторики и затѣмъ, потихоньку опуская ихъ на твердую почву, утѣшенными отсылаетъ ихъ домой? Неужели ты окончательно неисправимъ? Развѣ знаніе уже само по себѣ не стоитъ того, чтобы изъ-за него прожить нѣсколько лѣтъ на нашей планетѣ и затѣмъ спокойно разстаться съ ней, съ благодарностью за то, что пережилъ пріятнаго на ней?

— А что ты будешь дѣлать съ тѣми, которые ничѣмъ не наслаждались и ничего не знали?—спросилъ онъ его тогда.

— Ровно ничего! Это меня такъ же мало безпокоитъ, какъ природу и науку. Неужели же ты хочешь, чтобы я, какъ какой-нибудь архангелъ, взялъ на свои плечи весь земной шаръ со всей его скорбью и страданіями? Премного благодаренъ. И я очень не совѣтую этого тебѣ, потому что ты этимъ никому не поможешь. Во всякомъ случаѣ, тебѣ будетъ это страшно трудно сдѣлать, гораздо труднѣе, чѣмъ восемнадцать вѣковъ тому назадъ.

Этотъ разговоръ съ Робертомъ часто вспоминался ему, и особенно теперь, въ первые дни своего счастья. Чувствовать такъ, какъ онъ, казалось ему теперь легче. Да и кромѣ того, ему не нужно было уже жить только для самого себя. Онъ могъ теперь думать о *ней*, о томъ, чтобы охранять слабую дѣвушку и наслаждаться сознаніемъ, что онъ можетъ

вознаградить ее впослѣдствіи за то, что она потеряла, и даже своими собственными силами и своими научными работами поставить ее еще выше, такъ какъ отблескъ отъ него всегда будетъ падать на его жену. Для такой цѣли, разумѣется, стоило жить.

Такъ проходила недѣля за недѣлей и, наконецъ, подошелъ сентябрь, украсившій своими чудными, осенними красками лѣса, подъ шумъ которыхъ этимъ лѣтомъ шепталось столько словъ любви, а подъ ихъ густой листвой находили себѣ пріютъ тѣ, кто искалъ уединенныхъ мѣстечекъ.

Благодаря необыкновенному таланту Карлы притворяться, никто въ семьѣ и среди гостей не имѣлъ ни малѣйшаго представленія о разыгрывающемся на ихъ глазахъ романѣ. Молодая дѣвушка доходила до истинной виртуозности въ этомъ отношеніи, тѣмъ болѣе, что ей нерѣдко приходилось покрывать и промахи Бертольда. Ея слишкомъ большое искусство въ этомъ отношеніи даже стѣсняло иногда юношу, но затѣмъ онъ снова успокаивался, принимая въ соображеніе ея умственную неразвитость. Вѣдь ея недостатки были только особенностями ея характера. Все слабое, робкое и податливое ея женской натуры, конечно, несоединимо съ самонадѣянной гордостью сильнаго мужчины... и вотъ онъ теперь требовалъ отъ своей бѣдной Карлы чуть не такихъ добродѣтелей, которыя,—даже если бы Карла обладала ими,—могли бы быть слѣдствіемъ только того, что какъ разъ непріятно ему въ женщинахъ!

Всѣ эти ребяческіе недостатки только еще болѣе возбуждали его чувство къ ней. Какъ нуженъ, какъ почти безусловно необходимъ будетъ онъ для нея! Какое наслажденіе будетъ для него формировать ея покорную натуру совершенно по своему желанію, такъ что она сдѣлается полнымъ подобіемъ его самого, и онъ, какъ древній Пигмаліонъ, станетъ поклоняться своему творенію!

— Ты, конечно, намѣренъ теперь прилежно работать, не правда ли?—спросилъ его отецъ вечеромъ, нанакунѣ его отъѣзда въ Дельфтъ.

Въ теченіе цѣлаго года онъ тщательно избѣгалъ всякаго упрека сыну и всякаго принужденія его къ работѣ. Поэтому Бертольдъ былъ нѣсколько тронутъ тономъ его вопроса: въ немъ слышалась нѣкоторая озабоченность, но озабоченность, слишкомъ нѣжная и осторожная, чтобы выразиться въ словахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ прежнее, неизмѣнное довѣріе къ нему, которое съ ранней его юности всегда вызывало къ жизни все лучшее въ его натурѣ. Поэтому и его короткій отвѣтъ: „Да, папа!“—имѣлъ характеръ какого-то торжественнаго обѣщанія. Но особенно въ этотъ часъ, когда онъ въ послѣдній

разъ гулялъ со своимъ отцомъ по чуднымъ окрестностямъ, сознаніе того, что между ними лежала тайна и что тайна эта должна быть сохранена изъ чувства долга, причиняло ему острую душевную боль.

Между тѣмъ, быстро темнѣло, и они шли нѣкоторое время молча.

Размышляя о необыкновенныхъ обстоятельствахъ, заставлявшихъ его противъ его воли скрывать его внутреннюю душевную жизнь отъ единственнаго человѣка на свѣтѣ, котораго онъ любилъ съ самымъ глубокимъ уваженіемъ, онъ невольно спрашивалъ себя, почему же онъ не обсуждаетъ съ отцомъ, какъ, напримѣръ, съ Робертомъ тѣ многочисленныя задачи жизни, которыя за послѣдній годъ съ такимъ мучительнымъ упорствомъ осаждаютъ его? Онъ считалъ это явленіе неестественнымъ... но ему все-таки было совершенно невозможно измѣнить свое поведеніе въ этомъ отношеніи. Одна только возможность того, что отецъ приведетъ хотя бы одинъ изъ тѣхъ аргументовъ, которые онъ называлъ у Роберта эгоизмомъ, наводила на него страхъ.

Насмѣшки Конта надъ его „маніей морализировать" ничуть его не стѣсняли, но по отношенію къ отцу его природная чувствительность достигала своего высшаго пункта. Одна только мысль, что, можетъ быть, и отецъ недостаточно оцѣнитъ или даже вовсе станетъ отрицать то, что онъ въ глубинѣ своей души считалъ священнымъ, таинственнымъ огнемъ, составлявшимъ божественный элементъ въ его существованіи, безъ котораго онъ не могъ продолжать жить дальше,—одна эта мысль уже сковывала ему уста. Поэтому послѣ торжественнаго: „Да, папа!"—разговоръ принялъ обычный, будничный оборотъ. Бертольдъ съ притворной живостью болталъ о совершенно безразличныхъ для него вещахъ,—и въ то же время упрекалъ себя въ неискренности и въ неестественности. Во время этой продолжительной прогулки онъ въ первый разъ въ своей жизни почувствовалъ цѣлую пропасть между собой и своимъ отцомъ,—что-то холодное и чуждое, что вызвало въ немъ упреки совѣсти. Онъ поймалъ себя даже на томъ, что онъ тщательно обдумывалъ каждое слово, чтобы не высказать своихъ истинныхъ мыслей.

— Итакъ Бэби вообще не поступитъ въ пансіонъ?— не удержался онъ отъ вопроса, когда совсѣмъ стемнѣло.

— Нѣтъ, ни въ коемъ случаѣ. Теперь все устроилось хорошо, и особенно во французскомъ языкѣ Бэби дѣлаетъ быстрые успѣхи.

— Значитъ, и фрейлейнъ де-Мартиньель должна будетъ остаться у насъ?

— Разумѣется... а почему же нѣтъ? Я неохотно разстался бы съ ней теперь. Гдѣ бѣдной дѣвушкѣ будетъ лучше, чѣмъ у насъ, когда мы съ ней обращаемся, какъ съ дочерью? Я нахожу, что ее очень пріятно имѣть въ домѣ, и меня очень радуетъ, что мама теперь тоже отлично сошлась съ ней. Вначалѣ это было иначе... но въ маленькой кокеткѣ есть что-то такое, что подкупаетъ, наконецъ, даже и женщинъ.

— Развѣ ты считаешь ее кокеткой?—спросилъ Бертольдъ.

— Считаю ли я ее...—Меріанъ отъ души расхохотался.— Желаніе нравиться прямо въ крови у нея. Развѣ ты самъ еще не замѣтилъ этого?

Онъ, улыбаясь, шагалъ въ темнотѣ по большой дорогѣ.

— Однако, Бертольдъ, несмотря на бурно проведенный имъ студенческій годъ, все еще много сохранилъ своей прежней наивности,—думалъ онъ. Самъ онъ былъ вѣдь совершенно инымъ въ этомъ возрастѣ.

Такая дѣвушка, какъ Карла, тотчасъ же превратила бы его въ пламя.

Но въ данномъ случаѣ было хорошо, что такъ не случилось съ Бертольдомъ, такъ какъ влюбленность среди университетскаго курса только помѣшала бы ему и не привела бы ни къ чему хорошему. Къ тому же Бертольду нужна совсѣмъ другая жена... кромѣ того, Карла и слишкомъ стара для него.

Бертольдъ осторожно обошелъ предложенный ему вопросъ и перевелъ разговоръ на другую тему. На него мало произвело впечатлѣнія, что отецъ считалъ Карлу кокеткой, такъ какъ онъ не понималъ этого названія въ дурномъ смыслѣ. Къ тому же, онъ очень успокоился, узнавъ, что Карла на неопредѣленное время еще останется у нихъ и, слѣдовательно, въ этомъ отношеніи не произойдетъ никакого внезапнаго осложненія.

(Продолженіе слѣдуетъ).

* *
*

Я надѣлъ разноцвѣтныя перья,
Закалилъ мои крылья—и жду.
Надо мной, подо мной—недовѣрье.
Расплывается сумракъ. Я жду.

Вотъ сидятъ, погружаясь въ дремоту,
Птицы, спутники прежнихъ годовъ.
Все забыли, не вѣрятъ полету
И не видятъ, на что я готовъ.

Эти бѣдныя, сонныя птицы
Не взлетятъ онѣ стаей съ утра!
Не замѣтятъ мерцанья денницы!
Не поймутъ восклицанья: Пора!

Но сверкнутъ мои бѣлыя крылья,
И сомкнутся, сожмутся они,
Удрученныя снами безсилья,
Засыпая на долгіе дни.

Александръ Блокъ.

Безправная.

(„Una Donna").

Романъ Сибиллы Алерамо.

Переводъ съ итальянскаго Е. Лазаревской.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

X.

Я простилась съ жизнью просто и твердо, хотя и въ часъ страшнаго разстройства, какъ бы слушаясь какого-то издалека пришедшаго повелѣнія больше, чѣмъ властной настоятельности минуты. Моя жизнь должна была окончиться въ тотъ моментъ: женщина, которой я была до той ночи, должна была умереть. Бываютъ періоды жизни, которые не могутъ найти себѣ исхода и словно замыкаются внезапно могильнымъ камнемъ.

Съ какихъ поръ развивался во мнѣ безъ моего вѣдома роковой процессъ? Въ тотъ день, когда бездушное существо звѣрски-грубо прервало расцвѣтъ моей юности, во мнѣ начался процессъ разложенія. Работа губительныхъ вліяній медленно проникала въ меня, отравляя мнѣ тѣло и душу. Но ничто изъ этой внутренней трагедіи не проникало мнѣ въ сознаніе до самой катастрофы. Я чувствовала себя печальной, утомленной, напуганной... И пораженіе пришло неожиданно, но логично; его не встрѣтило ни запоздалое возмущеніе, ни недоумѣніе. Кругъ событій замыкался, порядокъ возстанавливался.

Съ другого берега... Какъ въ ту минуту, когда я искала смерти, такъ и возвращаясь къ жизни, я взглянула на міръ и на себя самое совершенно новыми глазами. Сперва я вновь пережила дѣтство, въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль была какъ бы ребенкомъ; младенчески отдавалась сладости „бытія", растроганно улыбалась солнцу, вершинамъ деревьевъ, которыя видѣла со своего кресла, красотѣ моего сына, всему,

что сверкало, цвѣло, что призывало чувства, внимательно подчинявшіяся воздѣйствію жизни. Разсудокъ же былъ неподвиженъ. Я знала, что пыталась умереть, знала, что все мѣнялось кругомъ меня, и что я еще должна дальше идти свой путь; видѣла быструю смѣну тѣней и свѣта, но не испытывала ни опасеній, ни надеждъ, ни непріязней, ни сомнѣній; развѣ только какое-то смутное упованіе на что-то, какъ бы тихое преданіе себя на волю судьбы. На губахъ у меня все чувствовался горьковатый вкусъ яда, и голова была необычайно слаба; каждый легкій шумъ наполнялъ ее дрожаніемъ, лишалъ меня ясности мысли. Впрочемъ, физическое потрясеніе было не тяжелое, я только нѣсколько дней принуждена была провести въ постели. Никто, въ томъ числѣ и отецъ мой, не зналъ о происшедшемъ. Съ внѣшней стороны жизнь продолжала идти обычнымъ ходомъ, я занималась даже кое-какими домашними работами, ничего не упуская, заботилась о ребенкѣ, подчасъ даже взглядывала въ зеркало и замѣчала у себя выраженіе выздоравливающей, придававшее обострившемуся лицу новую привлекательность.

Не помню ясно, что произошло между мною и мужемъ въ самые первые дни. При видѣ моей спокойной попытки уйти изъ жизни, онъ испыталъ, вѣроятно, необычайное потрясеніе въ умѣ и въ сердцѣ и былъ имъ совершенно уничтоженъ. Раскаяніе? Страхъ? Стыдъ? Ревность? Все сливалось въ немъ въ одномъ общемъ ощущеніи горя: настоящаго горя, бывшаго въ значительной степени физическимъ страданіемъ, толкавшимъ его отъ крайняго упадка духа къ крайнему возбужденію.

Возможно, что докторъ намекнулъ ему на существованіе для меня опасности сойти съ ума. Представленіемъ того распаденія, которое я оставила бы въ его домѣ, покинувъ его, онъ былъ, вѣроятно, наведенъ на сознаніе, что я занимала въ немъ до сихъ поръ главное мѣсто, что я была душою его, что я молчаливо запечатлѣла въ немъ неизгладимый слѣдъ. И мнѣ казалось, что въ немъ начиналась медленная работа мысли... Думалъ ли онъ о томъ, что мало, или, вѣрнѣе, что ничего не внесъ въ нашъ союзъ, думалъ ли о надеждахъ, утраченныхъ мною за четыре года, о требованіяхъ моего еще не развившагося существа, о неразуміи, съ какимъ пренебрегалъ всякими признаками моего дурного самочувствія? Прозрѣвалъ ли онъ, можетъ быть, мое превосходство именно въ то время, когда его охватывалъ гнѣвъ на то, что онъ представлялъ себѣ, быть можетъ, моимъ преступленіемъ? Его самолюбіе еще страдало, и въ то время онъ не могъ освободиться отъ страннаго, непреодолимаго обаянія, создававшагося въ немъ моей новой трагической и

рѣшительной личностью. Моя наружность,—я чувствовала это, содрогаясь,—пріобрѣтала для него болѣе острую, мучительную привлекательность. Воспоминаніе о моемъ непреодолимомъ отвращеніи къ супружеской близости не напоминало, можетъ быть, его совѣсти жестокость, совершенную надо мною, дѣвочкой, но, навѣрное, должно было вызывать у него смутное раскаяніе въ томъ, что онъ не проявилъ заботливо-чуткаго уваженія къ моему еще почти дѣтскому организму, что не сумѣлъ любовно пробудить во мнѣ женщину, окружить чистотой призывъ къ здоровымъ радостямъ. И онъ былъ одинъ со своей тревогой; онъ чувствовалъ, что никто не подозрѣвалъ глубины и обширности этой тревоги, что мать жалѣла его за гораздо болѣе простое страданіе, что докторъ судилъ о немъ со снисходительностью, не лишенной пренебреженія. И бывали минуты, что онъ рыдалъ, признавая себя достойнымъ осужденія.

Онъ уже больше не билъ меня. На колѣняхъ передо мною онъ просилъ у меня прощенья, что не былъ великодушенъ, что натолкнулъ меня на отчаянный шагъ. „Живи! Для нашего сына". Мольба на этихъ устахъ, столь неподатливыхъ для нѣжности, пріобрѣтала раздирающее душу выраженіе. И я соединяла съ его слезами мои, какъ ребенокъ плачетъ при видѣ чужихъ слезъ. Въ моей болѣзненной чувствительности я была расположена считать его собратомъ по несчастію, игрушкой и жертвой слѣпой судьбы, какъ и я; я говорила себѣ неопредѣленно, что мы нуждаемся одинъ въ другомъ, должны опираться другъ на друга, чтобы создать заново общую жизнь съ единственной цѣлью—благомъ нашего сына.

Потомъ случилась странная вещь. Однажды утромъ мужъ снова сталъ разспрашивать меня объ обстоятельствѣ, бывшемъ для обоихъ причиной столькихъ мукъ. Терпѣливо повторяя этотъ разсказъ съ мельчайшими подробностями, уже столько разъ изложенными ему, я увидѣла, что онъ былъ въ состояніи сохранить спокойствіе и размышлялъ, по долгу храня молчаніе послѣ моихъ отвѣтовъ. Наконецъ, грудь его поднялась глубокимъ вздохомъ, въ глазахъ засвѣтилась плохо сдерживаемая смѣсь радости и гордости. Значитъ, въ продолженіе всѣхъ терзаній, которымъ онъ подвергалъ меня, выпытывая, онъ ни разу не понялъ, ни разу, можетъ быть, не заставилъ себя выслушать до конца, сдержать приливъ звѣрской ревности?.. И теперь все происшедшее сводилось для н[illegible]къ незначительному эпизоду, которымъ можно прене-[illegible]Я поняла, что онъ чувствовалъ себя возвышающимся п[illegible]ъ тѣмъ человѣкомъ, наслаждаясь его посрамленіемъ; что онъ былъ благодаренъ мнѣ; что, наконецъ, къ нему воз-

вращались довѣріе, увѣренность, что я связана съ нимъ, что я его люблю, что я чувствую себя его собственностью.

Іюнь царилъ на позолотившихся поляхъ. Море было, должно быть,—одно сверканіе, ослѣпительный сонъ; я не видѣла этого, такъ какъ никогда не выходила изъ дому, изрѣдка только по вечерамъ: нѣсколько шаговъ съ мужемъ вдоль пустыннаго полотна желѣзной дороги. Несмотря ни на что, ревность его не исчезла; по утрамъ, благодаря присутствію прислуживавшей намъ женщины, я могла двигаться по дому, но не входить въ комнаты съ окнами на улицу. Послѣ завтрака, изъ опасенія, чтобы я не приняла кого-нибудь, я была запираема на ключъ до его возвращенія въ шесть часовъ, одна съ ребенкомъ въ жаркой и загроможденной спальнѣ, смотрѣвшей окнами въ запущенный садъ.

Ребенокъ спалъ часа два или три. Я вышивала около полуоткрытаго окна, забавляясь иногда движеніемъ моихъ худыхъ рукъ въ яркомъ лучѣ солнца, медленно тянувшихъ разноцвѣтныя нити. Это запиранье не оскорбляло меня: я испытывала словно какое-то наслажденіе въ этомъ полномъ уничтоженіи во мнѣ всякаго непокорнаго чувства, въ этомъ восточномъ рабствѣ. Въ сущности, это я еще отдыхала, еще возстанавливались мои силы. О тюремщикѣ моемъ я думала со все болѣе широкой жалостью, съ почти ясно-спокойной покорностью судьбѣ. Любовь? Я дала ему надежду на нее, и онъ сразу въ ней увѣрился. Въ объятіяхъ его я, правда, почувствовала себя каменѣющей; но это только побуждало меня вознаграждать инымъ образомъ того, кому я не могла полностью отдать своей личности. Несомнѣнно, я была рождена не для радостей, а для страданій любви...

Онъ казался удовлетвореннымъ моей спокойной покорностью. Если онъ вспоминалъ прошлое, то только для того, чтобы спрашивать меня, чего мнѣ не доставало, и откровенно упрекать себя за это. Мнѣ было тяжело отвѣчать ему, я хотѣла бы его щадить, но иногда желаніе высказаться становилось сильнѣе меня. Это служило провѣркой скорѣе для меня самой, чѣмъ для него. То были изліянія ума, нерѣшительно, колеблющимися шагами открывавшаго себѣ путь, медленно пріобрѣтая вновь свою силу и свою независимость. Тяжелыя, жалкія, отрывочныя воспоминанія о быломъ времени, уже затянувшемся туманомъ, о прошедшей и дѣйствительно законченной жизни. Говоря, я чувствовала, какъ мое лицо теряло постепенно выраженіе нѣжной кротости и складывалось въ холодную маску съ сухими глазами, устремленными въ одну неопредѣленную точку,—кто знаетъ, въ прошедшемъ, или въ будущемъ. И я должна была дѣлать усиліе, чтобы оторваться отъ этого минутнаго и самой

мнѣ невѣдомаго убѣжища, чтобы перевести на болѣе отрадныя мысли слушавшаго меня, видя, что онъ со своей стороны погруженъ въ видѣнія, вызывавшія у него на лбу горестную и наивную складку, какъ у человѣка, старающагося понять какое-нибудь значительное явленіе, и которому удается только усмотрѣть собственное недовѣрчивое безсиліе.

Сынъ нашъ растворялъ намъ сердца, заставлялъ насъ вѣрить во взаимныя обѣщанія поддерживать мирныя отношенія. Это именно сынъ мой, именно ощущеніе, что онъ еще есть у меня, маленькій и улыбающійся, непрестанное, хотя никогда и не высказанное воспоминаніе о томъ ночномъ прощаніи, когда я представила себѣ мое родное дитя однимъ на свѣтѣ, не знающимъ тайны матери,—а также, не менѣе того, сознаніе страстной заботливости, которой я никогда бы не отняла отъ него въ прежнее время,—несомнѣнно именно все это съ первыхъ же дней сдѣлало мнѣ отрадной возобновленную жизнь. Для него, для него, для него... Жить столько, чтобы создать себѣ вновь яркую душу, чтобы мочь быть матерью въ величайшемъ значеніи этого слова,—неужели это была только мечта? Я нагибалась надъ постелькой, смотрѣла на лицо спящаго сына съ очаровательными, чистыми и уже опредѣленными линіями, и покойная увѣренность проникала мнѣ въ душу. У него я только мысленно могла просить прощенья; я не чувствовала себя при этомъ приниженной; можетъ быть, это было отъ сознанія, что никогда не ослабѣвала моя любовь къ нему, что онъ всегда занималъ первое мѣсто въ моихъ мысляхъ, даже и въ часы безумія: это заставляло меня чувствовать себя всегда достойной его безсознательнаго благословенія. Можетъ быть, это былъ только законъ крови: я инстинктивно представляла себѣ эти рожденные мною члены оживляемыми и теперь, и всегда въ будущемъ однимъ и тѣмъ же общимъ со мною дыханіемъ; это *мое* дитя должно будетъ отражать въ жизни мои поступки, бороться вмѣстѣ со мною во имя стремленія къ высокому.

Въ первый разъ я вполнѣ сознала благодѣтельное вліяніе близости сына; моя любовь къ нему стала глубже и въ то же время проще, потерявъ то, что было въ ней дѣтскаго и болѣзненнаго. Его имя было мнѣ талисманомъ для настоящаго, девизомъ для будущаго; оно очерчивало новый горизонтъ своими немногими слогами.

Тѣмъ временемъ фактическая жизнь дома продолжала [illegible] нескладная и сѣрая. Сестры мои, ничего не знавшія [illegible]оисшедшемъ, отправились провести нѣсколько недѣль къ роднымъ въ Туринъ, и я сидѣла взаперти подъ предло-

гомъ избѣжанія докучливыхъ, лукавыхъ или любопытныхъ взглядовъ. Свекровь и золовка, по счастью, были далеко. Иногда по утрамъ приходилъ на нѣсколько минутъ докторъ. Онъ былъ менѣе разговорчивъ, чѣмъ прежде. Здоровье мое его озабочивало. Если я упоминала съ подобіемъ улыбки о продолжавшемся затворничествѣ, онъ опускалъ голову, и по лицу его пробѣгала быстрая тѣнь; потомъ онъ, съ неускользавшимъ отъ меня усиліемъ, превращалъ сказанное въ шутку. Онъ только побуждалъ меня не позволять себѣ падать духомъ, требовать какого-нибудь развлеченія, проѣхаться куда нибудь въ ожиданіи болѣе ясныхъ дней. Онъ игралъ съ ребенкомъ, радуясь, что находилъ его безукоризненно здоровымъ и оживленнымъ, несмотря на то, что онъ былъ лишенъ воздуха и движенія. И съ каждымъ посѣщеніемъ обращеніе доктора со мною становилось все болѣе сердечнымъ и въ то же время болѣе сдержаннымъ, какъ будто въ него проникало новое чувство уваженія ко мнѣ, удивляя его и согрѣвая ему душу. Я была ему за это благодарна; его присутствіе приносило мнѣ тихій звукъ изъ обширнаго міра, который я считала умершимъ для меня, заставляло меня невольно чувствовать, что меня влекло еще къ этому міру, хотя я и страдала въ немъ столько.

Отъ него я узнала, что послѣдствія моего приключенія еще не были исчерпаны. Обвиненію повѣрили въ городкѣ лишь немногіе; большинство представляло себѣ, что все было не болѣе, какъ увлеченіе, прерванное въ самомъ началѣ; но вопросомъ этимъ завладѣла враждебная партія. Моя честь была въ ея власти, поэтому надо было отстаивать ее.

По существовавшимъ понятіямъ, это надлежало дѣлать моему мужу. Но тотъ человѣкъ, который былъ всему виною, держалъ себя, какъ непосредственно затронутый въ этомъ дѣлѣ, и дѣлалъ все, чтобы получить вызовъ на дуэль, чтобы показать свое превосходство, какъ бреттера, и, безъ сомнѣнія, чтобы заставить думать, что имѣетъ личныя причины для защиты моей чести...

Всѣ эти чудовищныя извращенія всякаго нравственнаго чувства не поразили бы меня глубоко, настолько хорошо я знала развращенность и лицемѣріе окружавшей среды, еслибы онѣ не открыли мнѣ новой черты въ характерѣ мужа. Я замѣтила, что онъ находилъ дуэль необходимой, но для того, чтобы защитить не меня,—а себя самого; страдало только его самолюбіе. И въ то же время онъ боялся.

Докторъ приложилъ всѣ усилія, чтобы уладить [illegible] Послѣ многихъ переговоровъ „адвокатикъ“ кончилъ т[illegible] что выдалъ секундантамъ моего мужа напыщенное и вычур-

ное заявленіе, въ которомъ я была названа „заслуживающею совершеннѣйшсе уваженіе“.

Мужъ призналъ себя удовлетвореннымъ, и видимо были удовлетворены обѣ стороны, разбиравшія вопросъ о моемъ добромъ имени, какъ общественное дѣло.

Я не хотѣла признаться себѣ въ томъ,—но восторженность самоотверженія совершенно упала во мнѣ; исчезло наслажденіе покорностью, прекратилось молчаніе неудовлетворенной совѣсти.

Всѣ причиненныя мнѣ оскорбленія, вся низость, проползшая мимо меня, и компромиссы, и ложь, алчность тѣла и презрѣнность духа, чудовищныя и грустно-комичныя происшествія—вновь всплыли въ охваченной ужасомъ памяти, напрасно призывавшей миръ, забвеніе... То былъ самый напряженный часъ долгаго, полнаго ужаса дня: палящій полдень надъ опустошеннымъ полемъ. Ничто больше не скрывалось отъ меня обманчивыми завѣсами. Унижая себя, я не могла имѣть утѣшенія и въ оправданіи моего угнетателя. Ничто не стояло надо мною, обреченной приниженною идти своимъ путемъ. И мой сынъ,—мой сынъ былъ также жертвой при двухъ связанныхъ другъ съ другомъ осужденныхъ. Кто могъ бы спасти его, увести его далеко, гдѣ кто-нибудь передалъ бы ему качества, достойныя человѣка?

XI.

Съ прекращеніемъ этого отвратительнаго разбирательства мужъ сталъ спокойнѣе и совершенно оставилъ возвраты къ прошлому. Онъ поддерживалъ еще нѣсколько времени свои запреты, и я все еще не выходила, проводя дневные часы, запертая на ключъ, все еще были перенумерованы у меня листы почтовой бумаги, я все еще могла видѣть только родныхъ, доктора и служанку,—все это подъ внѣшностью широчайшей видимой свободы и съ наивными пріемами, которые забавляли бы меня, если бы мои двадцать лѣтъ не были непоправимо закрыты для смѣха. Я старалась устранять отъ него поводы къ озабоченности, даже предупреждать его требованія, но теперь уже болѣе изъ желанія охранять спокойствіе мое и моего сына, чѣмъ изъ состраданія къ нему. Онъ снова сталъ тупымъ, слѣпымъ и покойнымъ, какъ и прежде. Стремясь къ покойно-благополучной жизни, онъ въ концѣ концовъ поздравлялъ себя съ происществіемъ, отдавшимъ меня ему въ руки побѣжденной, сми[illegible]ся, пассивной. Я безъ негодованія наблюдала быстрое [illegible]новлевіе его нормальнаго облика. Я была теперь уже не въ силахъ что-либо сдѣлать ни для себя, ни для него.

Въ тѣ дни безконечнаго одиночества, въ молчаніи, куда не проникалъ никакой призывъ человѣка, дѣйствительно лишенная всякой надежды и всякой вѣры, я нашла точку опоры для своего спасенія въ одной книгѣ.

Это была первая книга, которую я брала въ руки послѣ многихъ мѣсяцевъ,—ее прислалъ мнѣ отецъ, съ которымъ мы видѣлись рѣдко, и который, вѣроятно, съ горечью считалъ меня молчаливой жертвой послѣ того, какъ я не приняла его предложенія перейти къ нему въ домъ въ тѣ критическіе дни.

Авторъ книги былъ молодой соціологъ, и это сочиненіе, недавно появившееся, разносило теперь его имя по всей Европѣ. Онъ говорилъ о своихъ путешествіяхъ въ молодыя страны и съ художественной живостью наводилъ незнающихъ и скептиковъ на размышленіе о важныхъ вопросахъ, вытекавшихъ изъ сопоставленія двухъ цивилизацій. Тонкая способность проникать въ смыслъ наблюдаемаго, положительная геніальность выводовъ придавали рѣдкую силу впечатлѣнія этому произведенію, нѣсколько поспѣшно написанному, но сильно и смѣло задуманному, каждая страница котораго оживлялась благороднымъ чувствомъ человѣчности.

Можетъ быть, если бы вмѣсто этой книги мнѣ въ руки попала въ ту минуту поэма, проникнутая духомъ языческаго міра, или какое-нибудь мистическое сочиненіе, моя судьба была бы иною, чѣмъ стала? А, можетъ быть, мнѣ не встрѣтилось бы и никакого подобнаго вліянія, и я погрузилась бы въ неисцѣлимое засыпаніе?

У меня не полились слезы, я не пришла въ восторженное возбужденіе, не почувствовала въ себѣ никакого переворота. Эти страницы своей сущностью соотвѣтствовали развивавшемуся во мнѣ съ дѣтства строю мыслей. Но именно потому, что онѣ не раскрывали передо мною невѣдомыхъ безднъ, именно потому, что онѣ съ осторожной, деликатной, почти незамѣтной силой вводили меня вновь въ области, заселенныя зарождающимися мыслями, словно нашептывая мнѣ о богатствѣ, слишкомъ долго бывшемъ въ пренебреженіи,—онѣ явились въ тотъ часъ рѣшающими мою судьбу.

Меня охватывало медленное очарованіе, когда я,—запертая въ комнатѣ, рядомъ съ занятымъ своими играми ребенкомъ,—размышляла о прочитанномъ, вспоминала давнишніе разговоры изъ дѣтскихъ еще временъ, добавляла прочитанное своими замѣчаніями и разсужденіями, уч[illegible]о-вала безсознательно въ идеальномъ строительствѣ [illegible] это очарованіе заставляло недавнія отчаянныя видѣні[illegible]чаливо отступать, дѣлало одиночество благотворнымъ, охра-

няло меня среди мелочей дѣйствительности, выдвигавшихъ на видъ свое неисцѣлимое ничтожество и свою горестность.

Когда здравый разсудокъ побѣждалъ ревнивость моего мужа, и ему приходило въ голову пойти со мной погулять, я испытывала невыразимо гнетущее непріятное чувство отъ взглядовъ людей и отъ страха встрѣтиться лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, могшимъ вновь зажечь въ душѣ моего спутника первоначальную звѣрскую грубость. Замѣтивъ иногда вдали знакомую фигуру, одну или въ группѣ другихъ, и уклоняясь отъ встрѣчи съ нею въ молчаливомъ согласіи съ мужемъ, тоже проницательно оглядывавшимъ улицу,—я признавала себя презрѣнно малодушной. Зачѣмъ я не смотрѣла на существованіе того человѣка, какъ на обстоятельство, меня не касавшееся? Развѣ не испытывала я къ нему ненависть и не дрожала, какъ дрожатъ при имени болѣзни, приведшей насъ или кого-нибудь намъ дорогого на край могилы? И этотъ ужасъ охватывалъ меня также, когда я бывала съ моими сестрами, ставшими теперь цвѣтущими молоденькими дѣвушками. Возникнетъ ли у нихъ когда-нибудь подозрѣніе? И дойдетъ ли до нихъ клевета, хотя бы черезъ нѣсколько лѣтъ?

Старшая изъ дѣвушекъ уже нѣсколько времени была любима однимъ молодымъ инженеромъ изъ сосѣдняго городка, человѣкомъ пылкаго ума, съ порывистымъ темпераментомъ, рожденнымъ для борьбы, съ головой, полной новыхъ идеаловъ. Я побудила сестру,—ей было семнадцать лѣтъ,—глубоко заглянуть въ себя прежде, чѣмъ отнимать надежду у молодого человѣка. И теперь послѣ долгаго періода неувѣренности, дѣвушка объявила отцу, что отвѣчаетъ на эту любовь и будетъ ждать, когда женихъ найдетъ возможность упрочить свою карьеру, чтобы выйти за него; и такъ какъ отецъ въ виду предстоящей еще отсрочки, не сталъ дѣлать препятствій, показавъ только, что мало доволенъ,—то они переписывались, видѣлись на прогулкахъ, изучали другъ друга, и пылкая любовь одного перерождалась въ покровительствующую привязанность, расположеніе другой—въ признательную преданность; въ нихъ создавалось чувство взаимнаго уваженія, благодаря которому будущее рисовалось все болѣе прочнымъ передъ ихъ полными вѣры взорами. Такимъ образомъ, въ домъ, долгое время лишенный всякаго свѣта, проникало силою любви вѣяніе новой, болѣе высокой и болѣе серьезной жизни, проникало постороннее вліяніе, которое скоро должно было стать могущественнымъ и благотворнымъ. Радуясь этому, я покровительствовала ихъ любви, пламя которой казалось мнѣ

пламенемъ моей мечты, едва намѣтившейся когда-то и не осуществившейся.

Къ концу лѣта мужъ рѣшилъ предпринять путешествіе, чтобы отдохнуть и развлечься, поправить мои истощенныя нервныя силы и укрѣпить здоровье ребенка.

Недѣля, проведенная нами въ Венеціи, была печальна, несмотря на волшебное очарованіе города, несмотря на сладчайшую нѣгу, вливаемую имъ даже и въ наиболѣе отчаявшихся. Ребенокъ мѣшалъ намъ аккуратно посѣщать музеи и церкви; сверхъ того, мужъ, при отсутствіи прирожденнаго вкуса и полномъ невѣдѣніи искусства, не былъ пріятнымъ спутникомъ, портя мнѣ часто даже и самыя непосредственныя впечатлѣнія. Уѣхавъ оттуда, мы почувствовали себя точно облегченными; но и въ отдаленномъ уголкѣ Тироля, выбранномъ нами для остановки, печальность не исчезла.

Мѣсто было чудесное: узкая долина, шумящая водопадами, покрытая зеленью сосенъ и елей, заключенная въ раму гигантскихъ бѣлоснѣжныхъ вершинъ. Мое дѣтство, мое дѣтство, возвращавшееся съ этими суровыми пейзажами, съ дикими ароматами, съ широкими и простыми звуками! Съ какихъ поръ было оно погребено у меня въ памяти? О, быть одной съ моимъ сыномъ среди этихъ лѣсовъ, учить его въ школѣ природы, сдѣлать такъ, чтобы въ далекомъ будущемъ волна дѣтскихъ воспоминаній никогда не прилила къ нему съ такимъ раздираніемъ сердца, какъ коснулась она меня въ эту минуту,—чтобы вся жизнь его развилась гармонически, какъ жизнь благороднаго въ благородной странѣ!

Какъ доволенъ былъ малютка, отважно дѣйствуя своими ножонками по поросшимъ травой тропинкамъ, привѣтствуя стада съ серебристо звучавшими колокольчиками! Въ маленькой гостинницѣ, гдѣ мы жили, онъ былъ улыбкой, изящнымъ цвѣткомъ, ароматъ котораго всѣ стремились вдохнуть въ себя поцѣлуемъ,—еще и прибывшій откуда-то издалека, изъ какой-то мѣстности Италіи, которую эти тоскующіе, задумчивые и молчаливые братья наши не знали, гдѣ и искать на картѣ...

И мужъ мой, впервые знакомившійся съ горами, былъ также доволенъ и расточалъ восторженныя восклицанія и наивныя замѣчанія, какъ всегда, увѣренный въ своемъ сужденіи, гордый, что такимъ утонченнымъ образомъ тратитъ свои сбереженія, желавшій видѣть, чтобы и я выражала свое удовольствіе. И когда онъ замѣчалъ во мнѣ грусть, то возмущался этимъ, какъ преступленіемъ. Что я за женщина? Ничто меня не удовлетворяетъ!

Раскаявшись, онъ стремился потомъ побудить меня составлять какіе-нибудь планы на время нашего возвращенія домой, попробовать снова развлечься писаньемъ... Отчего я не вдохновляюсь въ этомъ дивномъ мѣстѣ?

Я устало слушала его, какъ слушаютъ прохожаго, говорящаго вамъ о вашемъ здоровьи, ничего о васъ не зная. Я и сама не знала въ ту минуту, что было мнѣ нужно. Я чувствовала только, какъ безмѣрно растетъ мое одиночество, мое душевное уединеніе; хотя я и ставила себѣ въ обязанность выражать мужу воспринимавшіяся мною впечатлѣнія, быть для него какъ бы открытой книгой,—я хорошо понимала, что глубочайшая сторона моей жизни оставалась неприкосновенной, что я даже и при желаніи не смогла бы дать ему возможность помочь мнѣ въ продолжавшейся во мнѣ работѣ самоизслѣдованія. И словно какой-то внутренній трепетъ непрестанно владѣлъ мною. Какъ припомнить подобный періодъ жизни? Иногда по утрамъ мы испытываемъ отчетливое ощущеніе, что проведенная ночь была полна величественныхъ видѣній, и въ бѣглыя минуты полусна пережита была нами глубокая жизнь; но намъ не удается возстановить видѣнія, ни возсоздать жившія ночью мысли; а потомъ мы замѣчаемъ, что каждый нашъ новый поступокъ, идущій дѣйствительно изъ глубины, не изумляетъ насъ самихъ, такъ какъ внутренняя, глубочайшая часть нашего существа уже имѣла предвѣстіе объ этомъ.

Послѣдній день, проведенный нами въ горахъ, остался у меня страннымъ образомъ запечатлѣннымъ въ зрительной памяти,—страннымъ образомъ для меня, запоминающей почти исключительно, я бы сказала, психическія черты мѣстностей, гдѣ мнѣ случается бывать; то есть, въ воспоминаніи я придаю каждой мѣстности ту физіономію, которую дала ей моя душа въ то мгновеніе, когда воспринимала ее въ себя, когда почувствовала ее рамой, окружившей ея чувства. Вижу широкую дорогу, по которой мы должны были на слѣдующее утро часами спускаться къ желѣзной дорогѣ, по направленію къ Бенако. Воздухъ былъ сѣрый и сырой. Тѣмъ не менѣе всѣ звуки и всѣ предметы обладали необыкновенной отчетливостью. Все казалось какъ-то болѣе широкимъ, и значительнымъ, и опредѣленнымъ. Мы, медленно шедшіе среди такого громаднаго количества свинцово-сѣраго воздуха,—что были мы такое, если не маленькія, преходящія точки, съ суровой любовью хранимыя Землею? Впервые, можетъ быть, въ жизни я охватывала эту Землю почтительной сыновней мыслью. Время и пространство становились, казалось мнѣ, текущими и уносили меня своимъ

потокомъ: я была движущимся Человѣчествомъ, Человѣчествомъ, не видящимъ цѣли, но, однако, воспламененнымъ идеаломъ, Человѣчествомъ—рабомъ установленныхъ законовъ, но побуждаемымъ мятежной волей разбивать ихъ и создавать себѣ существованіе выше этихъ законовъ...

Какъ разъ въ этотъ день я кончила перечитывать книгу, такъ захватившую меня нѣсколько недѣль передъ тѣмъ и бывшую мнѣ скромнымъ и постояннымъ спутникомъ все время пребыванія въ горахъ. Во мнѣ сливались два послѣдовательныя ощущенія: впечатлѣніе, вызванное во мнѣ мыслями, развернувшимися въ мозгу по поводу прочтеннаго, съ впечатлѣніемъ, творцомъ котораго была окружавшая меня природа, которую я готовилась покинуть. И изъ этого исходило тайное пламененіе, знакомое только глубоко вѣрующимъ или глубоко влюбленнымъ: тѣмъ, которые горячо любятъ жизнь внѣ себя самихъ. *Я* съ моей ничтожностью и моимъ горемъ исчезала; передъ моими глазами стояла только красота этого человѣческаго усилія, вздымающагося среди обширности міра.

Душа жадно воспринимала и сберегала это зрѣлище. То не было великое откровеніе, то была медленная подземная работа всходовъ, уже чувствующихъ тепло близкаго солнца и боящихся, и жаждущихъ полнаго его блеска.

По возвращеніи нашемъ домой докторъ сообщилъ мнѣ, что жена того человѣка умерла, и что онъ, оставивъ маленькаго сына ея родителямъ, уѣхалъ въ Америку, тѣмъ искателемъ приключеній, какимъ былъ по существу,—безо всякихъ плановъ и съ твердымъ намѣреніемъ не возвращаться. Это былъ послѣдній разъ, что я слышала о немъ. Я заплакала послѣ ухода доктора. Я была свободна, теперь жизнь станетъ болѣе легкой и болѣе дѣятельной, на благо моего сына; съ возвращеніемъ чувства увѣренности человѣку, который обладалъ мною, я получала обратно и всѣ мои права; не имѣя больше передъ собою никакого образа изъ прошлаго, я сама могла теперь стать болѣе покойной и ясной, могла мало-по-малу снова пріобрѣсти вѣру въ свои силы... Откуда же эти слезы? Словно кусокъ живого мяса разрывался во мнѣ около раны, отъ которой я освобождалась. Значитъ, не умерла во мнѣ вѣра въ любовь, въ существованіе могучей и свѣтозарной любви, если я плакала, прощаясь навѣки съ тѣнью, обманувшей меня на мгновеніе? Человѣкъ, съ которымъ я обмѣнялась обѣщаніями счастья, удалялся, навсегда исчезалъ въ водоворотѣ. Зналъ ли онъ, что воспоминаніе о немъ не могло исчезнуть у меня, такъ какъ его мимолетное пребываніе на моемъ пути отмѣтило мое превращеніе? Несомнѣнно, нѣтъ; и мое

имя, произнесенное передъ нимъ когда-нибудь, черезъ много лѣтъ, не пробудитъ въ немъ ничего, кромѣ чувства досады.

Горечь не просилась мнѣ на уста, но сердце снова отдалось смертельной печали, болѣзненному удовлетворенію безутѣшнымъ мракомъ и пустотой. И такъ днями, недѣлями. Мой мужъ, все болѣе успокоивавшійся, все тверже намѣревавшійся жить въ мирѣ, былъ озабоченъ, однако, непреодолимымъ гнетомъ, пригибавшимъ меня до земли, и настаивалъ, чтобы я занялась образовательнымъ чтеніемъ, чтобы писала, хотя бы свои воспоминанія, исторію моего заблужденія. Да, онъ былъ покоенъ и любовался собою; его доброта казалась ему заслуживающей быть воспѣтой въ какой-нибудь поэмѣ. Онъ принесъ мнѣ большую пачку бѣлой чистой бумаги, при взглядѣ на которую я почувствовала, что краснѣю. До такой степени можетъ доходить безсознательность?.. Но нѣсколько дней спустя, въ теплый осенній день, послѣ полудня, когда ребенокъ былъ у моихъ сестеръ, я оказалась съ перомъ въ рукахъ надъ первыми строками первой страницы тетради. О, сказать, сказать кому-нибудь мое горе, сказать это хотя бы даже самой себѣ, только самой себѣ, въ новой, опредѣленной формѣ, которая открыла бы мнѣ какой-нибудь еще темный уголокъ моей судьбы!

И я писала,—часъ? два? – не знаю. Слова лились, строгія, почти торжественныя; переживаемый мною психологическій моментъ развертывался передо мною; я спрашивала, можетъ ли стать мое горе плодотворнымъ, опредѣляла, что чувствую какъ бы странное какое-то броженіе въ умѣ, какъ бы предвѣстіе далекаго расцвѣта. Никогда, въ самомъ дѣлѣ, я не ощущала въ себѣ такой рѣшительной силы выраженія и такой проницательной способности къ анализу. Что могло ждать меня? Должна ли я собрать всю свою энергію, стараться завоевать себѣ миръ, участвуя въ работѣ человѣчества, единственной облагораживающей жизнь? Или никогда, никогда больше счастливая улыбка не украситъ меня передъ глазами сына?

Перо мое остановилось, я побѣжала въ спальню, упала на колѣни на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ той—далекой уже теперь—ночью, шептала маленькому спящему существу о моемъ рѣшеніи умереть. Какъ случилось, что изъ устъ моихъ съ рыданіемъ вырвалось имя моей матери? Какъ случилось, что меня охватила пронизывающая потребность молиться, призывать ту тайную Силу, къ которой столько разъ прибѣгало, должно быть, сердце моей матери, когда его переполняло горе? Не знаю. То былъ единственный

разъ въ моей жизни, что я жаждала вѣры въ Божественную Волю, что я со сжатыми руками ожидала ея. И въ этомъ призывѣ было все отчаяніе души, чувствующей себя слабой, обезсиленной въ ту самую минуту, когда увидѣла передъ собою длинный предстоящій путь... Я неудержимо, но сознательно простиралась душою; была ли то боязнь новой, иной чѣмъ прежде и болѣе жестокой ошибки моего сердца, воспламененнаго идеаломъ? Можетъ быть... Призывая заступничество матери, моей безумной матери, я, казалось, хотѣла отречься отъ гордости моего прошлаго, не только гордости въ будущемъ; я напоминала себѣ ея роковое пораженіе и тщетность всякаго возмущенія въ людяхъ, отмѣченныхъ, какъ она, несчастіемъ. Она желала, чтобы, по крайней мѣрѣ, дѣти ея были спасены, а я, въ свою очередь, чего просила бы я у Бога, который явился бы мнѣ? Удалить отъ головы моего ребенка горе, сдѣлать такъ, чтобы я могла вести его по свѣтлымъ путямъ... А если я не буду услышана? Если цѣпь будетъ тянуться такъ въ глубь вѣковъ?

Мужъ, приходившій иногда въ теченіе дня удостовѣриться, что я не злоупотребляю данной мнѣ крупицей свободы, засталъ меня на колѣняхъ. Я быстро вскочила, охваченная чувствомъ стыда: я представляла для него картину слабости! И я поняла, что поддалась припадку нервовъ, все еще будучи жалкой больной.

Онъ тревожно сталъ спрашивать, что со мной,—я успокоила его жестомъ, между тѣмъ какъ у меня хлынули обильныя облегчающія слезы. Благословенныя! Наконецъ, я вновь пріобрѣтала себя, наконецъ, принимала себѣ въ душу тяжелую задачу идти свой путь одной, бороться одной, извлекать на свѣтъ все, что во мнѣ было сильнаго, хорошаго, красиваго; наконецъ, я краснѣла отъ своихъ безполезныхъ раскаяній, отъ своего долгаго безплоднаго страданія, отъ заброшенности, въ которой оставляла свою душу, почти ненавидя ее. Наконецъ я снова чувствовала привлекательность и ароматъ жизни, какъ въ пятнадцать лѣтъ.

XII.

Послѣдовалъ странный, напряженный періодъ, въ продолженіе котораго я жила только чтеніемъ, размышленіями и любовью моего сына. Все остальное стало для меня совершенно безразличнымъ. Я испытывала только чувство отдохновенія, доставлявшееся мнѣ такой жизнью, однообразной, безъ ухищреній и безъ страховъ.

Молчаливый инстинктъ заставлялъ меня отстранять отъ себя вопросы чувства, а также держалъ меня далеко отъ романическихъ чтеній, такъ нравившихся мнѣ въ отрочествѣ. Вопросы же соціальные не заключали въ себѣ ничего опаснаго для моего воображенія. Я шла до сихъ поръ въ жизни, неся съ собой невообразимую путаницу гуманитарныхъ принциповъ, причемъ во мнѣ никогда не возникало желанія дать имъ какое бы то ни было обоснованіе. Съ дѣтскихъ лѣтъ я втайнѣ питала любовь къ малымъ и несчастнымъ, хотя и слушая въ то же время самодержавныя теоріи отца. Мои школьныя сочиненія содержали по этому вопросу риторическія поправки, удивлявшія меня и льстившія мнѣ, и вызывавшія у отца добродушную улыбку. Въ моемъ воспитаніи была странная смѣсь. Во мнѣ не было развиваемо чувство гармоніи. Никакихъ безсмертныхъ страницъ не было мнѣ дано для прочтенія впродолженіе моего дѣтства. Прошлое почти не существовало для меня, не шло дальше моихъ дѣдовъ, упоминаніе о которыхъ мнѣ приходилось иногда слышать; и исторія, которой меня учили въ школѣ, не представлялась мнѣ, какъ мое собственное существованіе, до безконечности продолженное назадъ въ прошлое, но стояла въ моемъ воображеніи, какъ какая-то декорація, какъ туманныя картины. Такъ что я могла теперь обращаться только къ непосредственно-современной дѣйствительности. И все стало для меня предметомъ изслѣдованія. Съ исключительной напряженностью влекло меня разсматривать человѣка, и я создавала себѣ безсознательными усиліями культъ человѣчества и не только теоретическій. Если семейныя обстоятельства не наводили меня на мысль всмотрѣться глубже въ явленіе соціальныхъ неравенствъ,—то, что я случайно замѣчала въ школѣ и на улицахъ, вкладывало мнѣ въ душу смутное желаніе дѣятельности, направленной на возстановленіе попраннаго равенства.

Уѣхавъ изъ города и попавъ въ некультурную страну, я очень скоро, подъ исключительнымъ вліяніемъ отца, утратила это ощущеніе широкаго братства, властнаго и плодотворнаго въ большихъ центрахъ, и стала представлять себѣ міръ, какъ небольшое количество развитыхъ умовъ, которымъ служатъ роковымъ образомъ невѣжественныя и почти безчувственныя массы. Но и этотъ взглядъ не замедлилъ быть разбитымъ, и первой причиной того былъ, если не ошибаюсь, незначительный случай, происшедшій, когда мнѣ было около четырнадцати лѣтъ. Какъ-то разъ у насъ завтракалъ владѣлецъ фабрики, титулованный милліонеръ. Перелистывая одинъ выписываемый отцомъ журналъ, онъ замѣтилъ, что журналъ хорошъ, но „слишкомъ дорогъ". Это

подняло въ моихъ глазахъ мою семью передъ богачемъ, державшимъ два выѣзда и не имѣвшимъ ни одного журнала... Я слишковъ расхрабрилась въ болтовнѣ и, говоря о своей службѣ, выразилась: „Наша фабрика". И когда мать поправила меня, графъ замѣтилъ:

— Оставьте! Это какъ мой кучеръ, который говоритъ: „мои лошади".

Мгновенно охватившее меня негодованіе поколебало и мое представленіе объ общественномъ строѣ.

Затѣмъ, замужество создало какъ бы перерывъ въ моемъ умственномъ развитіи.

И вотъ, наконецъ, въ меня проникало ощущеніе болѣе широкой жизни, моя внутренняя задача становилась менѣе темной, озарялась отблескомъ другихъ, болѣе широкихъ задачъ, и до меня доносился отголосокъ живыхъ интересовъ и стремленій другихъ людей. Благодаря книгамъ, я не была больше одна, я была человѣкомъ, понимающимъ, сочувствующимъ и содѣйствующимъ соединенному усилію многихъ. Я чувствовала, что человѣчество страдаетъ отъ своего невѣжества и своей тревожности, и что избранные признаны страдать болѣе другихъ, чтобы двигать впередъ завоеваніе.

Однажды, въ дѣтствѣ моемъ, отецъ говорилъ мнѣ о Христѣ. Онъ сказалъ, что то былъ лучшій изъ людей, учитель правды и любви, мученикъ своей совѣсти. Я заключила въ свое сердце это имя, ставшее для меня тайнымъ символомъ совершенства, хотя и не боготворя его, счастливая просто знаніемъ, что существовалъ такой *высшій*, что человѣческое существо могло, при хотѣніи, подняться до представленія идеала божественности, до порыва къ вѣчному. Мнѣ казалась наивной христіанская миѳологія. Христосъ былъ бы ничто, если бы Онъ былъ Богъ; но, если Онъ былъ человѣкъ, Онъ становился красою человѣчества,—не уменьшенный Богъ, но человѣкъ въ высшей степени возможности его силы. И Іисусъ, Іисусъ изъ Назарета, улыбающійся дѣтямъ, Іисусъ, благой къ раскаивающейся, неспособный на вражду и ясно свѣтлый въ ученіи и въ пророчествахъ, всегда стоялъ передъ моей душой, и идеальный образъ, казавшійся мнѣ отуманивавшимся каждый разъ, что я уклонялась отъ добра и правды.

Послѣ мѣсяцевъ,—можетъ быть, послѣ лѣтъ заблужденія, я вновь видѣла улыбку Христа на моемъ пути и обращалась къ нему, какъ къ вдохновляющему источнику. Впродолженіе нѣкотораго времени я мечтала объ ученіи, которое объединило бы дивную кротость заповѣдей Галилеянина, рожденныхъ изъ нѣдръ природы, съ могуществомъ современныхъ теорій, извлеченныхъ изъ знанія и опыта,—

свободу съ волей, любовь со справедливостью. Это было какъ бы внимательное исканіе вѣрнаго пути, какъ бы увѣренность въ существованіи гармоніи.

Между тѣмъ многое кругомъ меня пріобрѣтало значеніе, привлекало мое вниманіе. Я съ медленнымъ недоумѣніемъ замѣчала, что никогда раньше не спрашивала себя, есть ли на мнѣ какая-нибудь отвѣтственность за то, что возмущало меня и наполняло меня жалостью въ окружающемъ мірѣ. Взглянула ли я когда-нибудь серьезно на положеніе этихъ сотенъ рабочихъ на фабрикѣ у отца, этихъ тысячъ рыбаковъ, жившихъ скученно въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моего дома, тѣхъ отдѣльныхъ представителей буржуазіи, духовенства, педагогическаго міра, правительства, знати, которыхъ знала вблизи? Вся эта человѣческая масса никогда не возбуждала во мнѣ ничего кромѣ поверхностнаго любопытства. Не будучи ни гордой, ни склонной къ раболѣпству, я проходила до сихъ поръ между двумя крайними полюсами общественнаго строя, чувствуя себя не имѣющей съ ними ничего общаго.

Мнѣ никогда не приходила мысль, что я нахожусь въ неправильномъ положеніи, что наблюденіе мною міра обставлено исключительно благопріятными условіями. Мое отдаленіе отъ научныхъ книгъ было гораздо менѣе тяжелой виной, чѣмъ то, что я пренебрегала смотрѣть въ великую книгу жизни.

А теперь? Я не могла ни проникнуть въ народъ, ни вернуться въ ту среду, соприкосновеніе съ которой было для меня роковымъ; мое затворничество стало теперь путемъ привычки настолько естественнымъ, что не могло бы быть нарушеннымъ, совершенно не взволновавъ снова жизнь нашего дома. Я должна была ограничиваться улавливаніемъ отголосковъ, доносившихся съ улицы въ мои комнаты.

Молодой человѣкъ, любимый моей сестрой, принялъ этой зимой участіе въ борьбѣ, окончательно отвратившей отъ него душу моего отца: онъ организовывалъ рабочихъ на фабрикѣ, объединялъ ихъ для сопротивленія; соціализмъ проникалъ черезъ его посредство въ страну. Отецъ запретилъ дѣвушкамъ принимать его въ домѣ. Невѣста была разстроена и растеряна. Несмотря на сопротивленіе моего мужа, я пригласила молодого человѣка къ себѣ въ домъ. Какъ сіяли глаза дѣвушки въ первый разъ, когда она встрѣтила у меня безъ предупрежденія любимаго человѣка! Для нея, для другой дѣвочки и для брата моего, уже шестнадцатилѣтняго юноши, я не могла, къ сожалѣнію, сдѣлать ничего другого, какъ только обезпечить имъ эту поддержку. Я совершала слишкомъ большое усиліе для своего возрожде-

нія, чтобы у меня оставалась еще энергія плодотворно посвятить себя этимъ бѣднымъ заброшеннымъ роднымъ моимъ.

Молодой инженеръ съ точностью освѣдомлялъ меня о движеніи, поднимавшемъ рабочія массы во всемъ мірѣ и грозно противоставившемъ ихъ классу, къ которому я принадлежала.

Онъ учился въ Германіи, путешествовалъ и, вернувшись два года тому назадъ въ свои мѣста, гдѣ получивъ руководство работами по постройкѣ новой желѣзнодорожной вѣтви, почувствовалъ настоятельную потребность попытаться сдѣлать что-нибудь для этого жалкаго населенія, откуда и самъ происходилъ.

Моя сестра принимала все на вѣру и безъ разсужденій; эти идеи жили, трепетали въ молодомъ человѣкѣ, и она не могла отдѣлять ихъ отъ него. Я спорила, воспламенялась. Медлительная въ выраженіи своихъ мыслей, изъ любви къ искренности и точности, неопытная въ спорѣ, я пыталась потомъ вернуть себѣ свободу мысли за моимъ письменнымъ столикомъ и писала,—въ той же самой тетрадкѣ, въ которой изливала и свое горе. Мнѣ было пріятно отдаваться этому порыву, хотя я и краснѣла иногда, охваченная опасеніемъ, не становлюсь ли я жертвой зарождающагося глупаго честолюбія, не „играю ли я роль", какъ въ давнія времена, когда я, маленькой дѣвочкой, воображала себя передъ зеркаломъ какой-нибудь очаровательной дамой. Но тѣмъ не менѣе я съ жаромъ продолжала.

Мыслить, мыслить! Какъ могла я такъ долго обходиться безъ этого? Люди и вещи, книги и картины природы,—все вызывало во мнѣ теперь безконечныя размышленія. Изъ нихъ нѣкоторыя удивляли меня, другія заставляли меня улыбаться ихъ наивности; нѣкоторыя, наконецъ, обладали такой дѣйствительной внутренней красотой, что мнѣ хотѣлось любоваться ими, какъ будто бы я видѣла ихъ выраженными благородными начертаніями, предназначенными на то, чтобы волновать множества людей. Разнообразіе ихъ было безконечно. Столько было во мнѣ богатства? Я говорила себѣ, что, должно быть, всѣ люди содержатъ подобное же богатство въ тайникахъ своего ума, и что только обстоятельства являются препятствіемъ тому, чтобы всѣ участвовали въ увеличеніи общаго достоянія. Но убѣждена въ этомъ предположеніи я не была. Столько было кругомъ безсознательности и безпечности!

Докторъ могъ бы дать мнѣ своей наукой основу для моихъ занятій, но онъ не заботился больше о пищѣ для своего ума: не терпящія отлагательства потребности его профессіи слишкомъ занимали его, а его скептицизмъ за-

ставлялъ его считать слишкомъ гадательнымъ измѣненіе вѣками созданныхъ условій, устраненіе наслѣдственнаго физіологическаго убожества. Онъ далъ мнѣ, впрочемъ, нѣсколько книгъ,—трактаты по біологіи, руководства по гигіенѣ, естественной исторіи,—и доброжелательно, хотя не безъ добродушной насмѣшливости улыбался, когда я показывала ему сдѣланныя изъ нихъ выписки и конспекты.

Онъ былъ для меня печально интереснымъ явленіемъ. Я все еще задавалась вопросомъ, дѣйствительно ли существовали и существуютъ ли между нимъ и моей золовкой близкія отношенія, и одно это подозрѣніе казалось мнѣ унизительнымъ. Но какъ онъ жилъ холостымъ? Случай съ моимъ отцомъ заставлялъ меня обращать вниманіе на физіологическую сторону жизни, и я извлекала изъ этого горькія размышленія. Вотъ и этотъ молодой человѣкъ, другъ, относившійся ко мнѣ съ такимъ уваженіемъ и признававшій существованіе возвышенныхъ истинъ, ведшій примѣрную жизнь въ смыслѣ установившихся соціальныхъ понятій,—и у него была скрываемая жизнь,быть можетъ, недопускающая признанія...

Кто смѣлъ сознать и принять ту или другую истину и сообразовывать съ ней свою жизнь? Бѣдная жизнь, мелкая и темная, но сохраненіемъ которой всѣ такъ дорожили! Всѣ угождали себѣ: мой мужъ, докторъ, отецъ мой, какъ соціалисты, такъ и священники, дѣвушки, какъ и продажныя женщины. Каждый покорно несъ свою ложь, примирившись съ ней. Возмущенія отдѣльныхъ личностей были безплодны или гибельны; возмущенія коллективныя еще слишкомъ слабы и почти смѣшны по сравненію съ устрашающей величиной чудовища, которое надо было свергнуть.

И я начала думать, не должна ли быть приписана женщинѣ не малая доля соціальнаго зла? Какъ можетъ человѣкъ, у котораго была добрая мать, стать жестокимъ къ слабымъ, вѣроломнымъ по отношенію къ женщинѣ, которой отдаетъ свою любовь, тираномъ своихъ дѣтей? Но добрая мать не должна быть, какъ была моя, простымъ самоотверженнымъ существомъ: она должна быть *женщиной*,—человѣческой личностью.

А какъ можетъ она стать личностью, если родители отдаютъ ее, невѣдущую, слабую, незавершенную мужчинѣ, принимающему ее не какъ равную себѣ, обращающемуся съ нею, какъ съ предметомъ собственности, дающему ей дѣтей, съ которыми оставляетъ ее одну, въ то время какъ самъ исполняетъ свои общественныя обязанности, чтобы она продолжала играть, какъ въ дѣтствѣ?

Послѣ того, какъ я прочла одинъ трудъ о феминистскомъ движеніи въ Англіи и Скандинавіи, эти размышленія

съ настойчивостью развивались въ моемъ мозгу. Я сразу почувствовала неудержимое влеченіе къ этимъ ожесточеннымъ созданіямъ, возстававшимъ во имя достоинства всѣхъ женщинъ до заглушенія въ себѣ глубочайшихъ инстинктовъ, любви, материнства, привлекательности. Почти незамѣтно мысль моя изо дня въ день на минуту дольше останавливалась на словѣ „эмансипація", о которомъ я помнила, что слышала его раза два въ дѣтствѣ серьезно произнесеннымъ моимъ отцомъ, а потомъ всегда съ издѣвательствомъ всѣми классами мужчинъ и женщинъ. Затѣмъ я сопоставила съ этими революціонерками огромную толпу несознательныхъ, неподвижныхъ, смирившихся,—типъ женщины, сложившійся столѣтіями путемъ подчиненности, образчиками котораго были я, сестры мои, моя мать, всѣ женщины, какихъ я знала. И словно какой то религіозный ужасъ охватилъ меня. Я почувствовала, что прикасаюсь къ порогу *моей* правды, почувствовала, что близка къ открытію самой себѣ тайны моего долгаго, трагическаго и безплоднаго, тревожнаго страданія...

Торжественные часы моей жизни, которые воспоминаніе никогда не сможетъ твердо установить, и которые все же остаются безсмертными передъ очами души моей. Часы, открывшіе мнѣ болѣе высокій удѣлъ человѣчества, кроющійся въ глубинѣ временъ, достижимый усиліями маленькихъ существъ, несовершенныхъ, но столь же благородныхъ, какъ и будущіе властители жизни!

XIII.

Одинъ случай, происшедшій въ главномъ городѣ нашей провинціи, изъ тѣхъ, которые попадаютъ въ газетныя хроники, вызвалъ у меня неудержимое желаніе написать о немъ замѣтку; я послала ее въ одну римскую газету, та ее напечатала. Въ этой замѣткѣ было слово „феминизмъ". И когда я увидѣла его напечатаннымъ, мнѣ показалось, что это рѣзко звучащее слово пріобрѣло внезапно свое полное значеніе, дѣйствительно обозначило для меня новый идеалъ.

Между тѣмъ объемъ исписанной мною бумаги возрасталъ; разрозненныя попытки слѣдовали одна за другой. Наряду съ зрительными впечатлѣніями, съ бѣглымъ изображеніемъ какого-нибудь типа развертывалась сотней обрывковъ нить размышленій о жизни, стремившихся разобраться между собою и пріобрѣсти связь, образоваться въ организмъ. Скрытая пламенность пробѣгала по этимъ листамъ бумаги, и я начинала любить ихъ, какъ нѣчто *лучшее, чѣмъ я*, какъ будто бы они передавали мнѣ мой образъ уже очищеннымъ и убѣждали меня, что я могу жить сильной и полезной

жизнью. Жить! Я теперь хотѣла этого, и уже не только для сына, но и для себя, для всѣхъ.

Я считала себя благополучной въ своемъ одиночествѣ. Суровый путь страданій разстилался, правда, попрежнему передъ моими глазами; но, когда я думала о немъ, меня захватывала мысль о безсчетномъ количествѣ людей, подымавшихся на подобную же Голгоѳу, не находя на вершинѣ и креста, съ котораго ждали бы справедливости въ будущемъ. Тѣсныя толпы женщинъ и мужчинъ,—и каждый все-таки до такой степени лишенъ поддержки! Это—человѣчество? Кто можетъ смѣть опредѣлить его одной формулой? Въ дѣйствительности женщина,—и по настоящее время раба,—совершенно незнаема, и всѣ самонадѣянныя психологическія построенія романистовъ и моралистовъ такъ хорошо показываютъ несостоятельность основныхъ положеній, служившихъ для этихъ произвольныхъ построеній! И мужчина тоже не знаетъ себя самого; безъ своего довершенія, одинъ въ жизни при развитіи, при наслажденіи, при борьбѣ, неразумно отрекшись отъ непринужденной и сознательной радости, которую могло бы дать ему глубокое пониманіе всей красоты міра, онъ остается слабымъ или жестокимъ, и всегда несовершеннымъ И та, и другой, хотя въ различной мѣрѣ, достойны сожалѣнія.

Никакая книга не могла бы поколебать моихъ новыхъ убѣжденій; и ни одна изъ книгъ, прочитанныхъ мною въ то время, не произвела на меня особеннаго впечатлѣнія. Я убѣдилась, что критическая способность моя послѣ своего долгаго онѣмѣнія какъ бы расширилась и стала сильнѣе; и въ то же время я обнаруживала у себя въ душѣ горестную тоску по всему тому, что мое воспитаніе оставило во мнѣ въ непоправимомъ пренебреженіи. Поэзія, музыка, искусства красокъ и формы оставались для меня вещами почти неизвѣстными, между тѣмъ какъ все мое существо жаждало вызываемыхъ ими вдохновеній: мысль, которою я жила, стремилась въ иныя минуты стать крылатой, слиться съ лучами и звуками. Когда я писала, неумѣнье передать въ лирической формѣ мой темный внутренній міръ часто причиняло мнѣ острое страданіе: каждая вещь, которой мнѣ не удавалось выразить, падала навсегда обратно въ невѣдомую бездну, откуда выглянула на мгновеніе.

Домашнія обязанности, раньше цѣликомъ лежавшія на мнѣ, исполнялись теперь старой женщиной, взятой нами въ качествѣ постоянной прислуги. Высокая и сгорбленная, съ необыкновенно некрасивымъ, но выразительнымъ костистымъ лицомъ, она показалась мнѣ въ первую минуту

отталкивающе непріятною, но потомъ сразу же завоевала меня своимъ умомъ и своимъ тактомъ. Ея исторія не отличалась отъ исторіи многихъ женщинъ изъ народа, сначала истощаемыхъ материнствомъ, потомъ брошенныхъ эмигрировавшимъ мужемъ, и подъ конецъ эксплуатируемыхъ собственными дѣтьми. Она разсказывала о ней со смиреніемъ и обнаруживая стоическую привязанность къ жизни. Мое вниманіе было ей пріятно и льстило ей; дѣтская наружность моя съ длинной косой и лицомъ, такъ похожимъ на лицо моего ребенка, была для нея съ первыхъ же дней предметомъ удивленія; потомъ мой уединенный образъ жизни, содержаніе разговоровъ съ мужемъ за столомъ, когда онъ бывалъ въ расположеніи меня слушать, внушили ей робкую почтительность, въ которой перемѣшивались гордость, преданность, странныя надежды для себя и для своихъ дѣтей.

Я стала смотрѣть на нее, какъ на смиренную и скромную подругу. Другой у меня не было! Какъ трогательны бывали ея усилія понять меня, когда я пробовала чему-нибудь ее научить! Если приходилось отказаться отъ надежды сообразить что-либо, она пожимала своими сгорбленными плечами: „Ахъ, барышня моя, еслибъ мнѣ на тридцать лѣтъ меньше! Что бы вы изъ меня сдѣлали!"

Вмѣстѣ съ моей свекровью и другой старушкой, приходившей иногда шить у меня на дому бѣлье, она олицетворяла для меня высшую степень покорности моего пола, покорности не только бѣдствіямъ, но также и эгоизму мужчины. Сѣдыя головы, постоянно трясшіяся легкой дрожью, какъ будто отъ безсознательнаго воспоминанія о выстраданномъ, усталыя головы, на которыхъ взглядъ часто не смѣлъ останавливаться,—сколько разъ я мысленно цѣловала васъ! Не за васъ, не по мимолетному состраданію къ вашей судьбѣ, но за горячую волну намѣреній, которыя вы, не зная того, роняли мнѣ въ сердце!

Моя мать тоже руководила моими думами изъ своего страшнаго убѣжища. Я была убѣждена, что еслибы несчастная встрѣтила въ молодости основаніе для дѣятельности внѣ семейнаго круга, она не была бы уничтожена своей бѣдою. Не считала ли я въ двадцать два года, что могу примириться съ жизнью безъ любви? Не находила ли даже извѣстное спокойствіе въ убѣжденіи, что любовь никогда больше не коснется меня?

Я не могла еще ясно сознать всѣхъ недостатковъ и неправильностей моей жизни, продолжавшихъ быть глубокими. Еслибы это удалось мнѣ, это подорвало бы всѣ мои наивныя вдохновенія. Горе было бы мнѣ, если бы я разобрала свою каждодневную жизнь! Но я до такой степени

рвалась изъ границъ того, что должно было бы быть моимъ кругомъ, до такой степени полна была представленіемъ, что совершаю необыкновенное усиліе, что противорѣчіе между тѣмъ, что я думала, и тѣмъ, что переживала, не причиняло боли моей душѣ, создавая во мнѣ только легкое физическое безпокойство.

Въ серединѣ лѣта у меня явилась прямо потребность исполнить одну работу, о которой я размышляла съ нѣкотораго времени, и, принявшись, я окончила ее въ нѣсколько дней; это была маленькая монографія, посвященная соціальнымъ условіямъ той мѣстности, гдѣ я жила, переплетенная личными наблюденіями, проникнутая живымъ чувствомъ и волненіемъ. Я попросила доктора просмотрѣть ее, и когда онъ принесъ ее обратно, почувствовала, что онъ призналъ во мнѣ наличность новой способности, и поняла также чутьемъ,—не задаваясь вопросомъ о томъ, пріятно мнѣ это, или грустно,—что онъ видѣлъ бы въ этомъ охватившемъ меня дѣятельномъ настроеніи новое препятствіе для чувства, которое, можетъ быть, втайнѣ испытывалъ ко мнѣ.. Такимъ образомъ, подымаясь нѣсколько выше, я становилась болѣе, чѣмъ когда-либо одинокой.

Что было мнѣ до того? Мое отдаленіе отъ міра было теперь искренно; несмотря на молодость и дарованную мнѣ судьбой красоту, я могла теперь, послѣ того, что пережила, считать себя навсегда свободной отъ всякаго желанія чувства. Мои отношенія съ мужемъ, съ которыми я примирялась съ тоскливой покорностью, не нарушали медленной работы моего сознанія. Когда при чтеніи или въ фантазіяхъ моихъ передо мною возникали древнія и современныя аскетическія фигуры женщинъ, сіяющія своей ледяной чистотой, я не могла не чувствовать себя на минуту ихъ сестрою.

Помню утро, когда я получила журналъ, гдѣ помѣщенъ былъ среди серьезныхъ статей мой очеркъ, въ окончательной отдѣлкѣ котораго докторъ помогъ мнѣ своими совѣтами и поправками. Мой сынъ тотчасъ же взялъ у меня номеръ, нашелъ мою подпись,—онъ не умѣлъ читать, но зналъ, какъ пишутся мои три имени,—и улыбнулся мнѣ умненькой и свѣтлой улыбкой. Эта улыбка была моей наградой, каждодневнымъ поощреніемъ моихъ усилій. Казалось, онъ говорилъ: „Я чувствую, что ты и для меня работаешь, мама, чувствую, что ты расцвѣтаешь, живешь и становишься поэтому доброй и сильной, и готовишь мнѣ сильную и добрую жизнь"...

Въ то утро я отвѣтила сыну такой же улыбкой. Я точно была на высотѣ, держа ребенка за руку и смотря на

безграничную дивную страну прежде чѣмъ вступить въ нее, увѣренная въ своихъ силахъ. Сзади и кругомъ—ничего. Въ смутномъ, но властномъ предчувствіи будущаго господствовали безусловный покой, забвеніе, дающее отдыхъ.

Нѣсколько недѣль спустя, мой мужъ пришелъ однажды домой крайне озабоченный. Какъ разъ въ этотъ день я получила письмо отъ одной извѣстной писательницы, приглашавшей меня сотрудничать въ женскомъ журналѣ, который она основывала по порученію одного новаго издательства. Мнѣ предлагалось скромное вознагражденіе. Я надѣялась, что это развеселитъ мужа; но вмѣсто того онъ сказалъ мнѣ, чтобы я молчала. Онъ узналъ, что у инженера, жениха моей сестры, былъ обыскъ. Въ ту минуту по Италіи катилась волна реакціи. Мужъ взялъ журналъ съ моей статьею и нѣсколько писемъ моихъ старыхъ и новыхъ корреспондентокъ, выражавшихъ мнѣ по поводу нея свое сочувствіе, и бросилъ все въ огонь, прибавилъ туда же кучку газетъ и журналовъ; затѣмъ сталъ рыться въ моихъ бумагахъ...

Тотъ часъ встаетъ въ моемъ воспоминаніи среди самыхъ горькихъ, и въ то же время наиболѣе глубокихъ часовъ моей жизни.

Когда прошла эта паника, я снова стала писать и печатать. Я начинала получать въ письмахъ и въ статьяхъ отзвуки моихъ мыслей. Одинъ итальянскій профессоръ, переселившійся недавно въ Швейцарію, сталъ вести со мной дѣятельную переписку. Черезъ него написала мнѣ также одна молодая венеціанка, женщина-врачъ, и у насъ съ нею путемъ переписки скоро завязалась дружба.

Мое воображеніе заселялось отдѣльными образами, имѣвшими своеобразныя физіономіи при всей неопредѣленности своихъ очертаній. Нѣкоторыхъ изъ моихъ корреспондентовъ, впрочемъ, я даже и не стремилась представить себѣ; одинъ генуэзскій ученый, напримѣръ, посвятившій себя нравственной пропагандѣ среди матросовъ, сталъ мнѣ дорогъ и сдѣлался для меня предметомъ поклоненія, причемъ мнѣ и не приходило въ голову желанія узнать что-либо изъ его частной жизни. У другихъ же, у нѣкоторыхъ молодыхъ людей, печатавшихъ статьи или стихи въ тѣхъ изданіяхъ, гдѣ сотрудничала и я,—я, наоборотъ, сразу представляла себѣ ихъ лица, иногда скромныя, иногда самоувѣренно тщеславныя. Женщины возбуждали во мнѣ больше любопытства: мнѣ хотѣлось, чтобы онѣ всѣ были прекрасны; нѣкоторыя прислали мнѣ свои фотографическія карточки и онѣ дѣйствительно, были привлекательны.

Сестры?

Кто знаетъ! Нѣсколько быстрыхъ разочарованій заставили меня быть осторожной. Мало-по-малу мнѣ начинало выясняться состояніе интеллигентныхъ женщинъ въ Италіи и мѣсто, занимаемсе въ ихъ умахъ феминистскими идеями. Съ изумленіемъ удостовѣрялась я, что оно было почти ничтожно; и примѣръ, надо сказать, шелъ сверху, отъ двухъ или трехъ извѣстныхъ писательницъ, открыто враждебныхъ — о иронія противорѣчій! — движенію въ пользу возвышенія женщины.

Впрочемъ, вообще вся женская литературная дѣятельность страны казалась мнѣ лишенной какихъ бы то ни было идеаловъ: пустыя громкія фразы безъ связи и безъ убѣжденія. И въ практической дѣятельности какъ тоже были рѣдки женщины! И изъ этихъ рѣдкихъ большая часть были иностранки.

Наиболѣе молодыя, обладавшія учеными степенями, относились почти съ презрѣніемъ къ завоеванію соціальныхъ правъ. Въ ихъ числѣ была моя новая пріятельница венеціанка, человѣкъ своеобразнаго критическаго ума. Изъ пожилыхъ не одна давала мнѣ понять, что жизнь много терзала ее; и онѣ открыто убѣждали меня не бросаться въ борьбу, умѣрить мою пылкость, преслѣдовать какую-нибудь чистую мечту искусствомъ, если ужъ дѣйствительно меня не удовлетворяла любовь къ моему ребенку и моему гнѣзду. Онѣ несомнѣнно были искренни, и письма ихъ поселяли во мнѣ неувѣренность.

Мой сынъ, маленькій безсознательный философъ, схватывалъ у меня на лицѣ оттѣнки печали и веселости, молчалъ, когда видѣлъ меня погруженной въ мысли, хмурилъ брови, когда замѣчалъ размолвки между отцомъ и мною... Я представляла для него все, что онъ зналъ въ людяхъ лучшаго — была всѣхъ умнѣе и всѣхъ добрѣе; даже мои минуты гнѣва, рѣдкія минуты, за которыя я упрекала себя, и которыя вызывались не оставлявшей меня физической неуравновѣшенностью, не вызывали ни малѣйшей укоризны въ его маленькомъ сердечкѣ; онъ говорилъ себѣ, должно быть, что мама всегда права, и почти всегда просилъ у меня прощенья, разстроенный не понесеннымъ наказаніемъ, но видомъ моего горя... Бѣдный мой мальчикъ, бѣдное обожаемое дитя мое!

Втеченіе двухъ лѣтъ его дѣтство, дѣйствительно, было лучезарнымъ: онъ имѣлъ возможность скопить за это время столько жизненной силы, сколько обыкновенно ребенку не удается пріобрѣсти. Точно какая-то невѣдомая сила предвидѣла будущее и заготовляла въ немъ въ предѣлахъ возможнаго запасъ выносливости.

Два года. Какъ возсоздать по отрывкамъ этотъ свое-

образный періодъ. Я часто гуляла съ сыномъ за руку по пустыннымъ большимъ дорогамъ, похожимъ одна на другую, окаймленнымъ боярышникомъ, весною благоухающимъ, пыльнымъ втеченіе лѣта. Вдали тянулась двойная цѣпь высотъ: впереди холмы, сзади Аппенины. На вершинахъ голыхъ холмовъ выступали старинные укрѣпленные городки, напоминая о среднихъ вѣкахъ своими зубчатыми стѣнами и коричневыми домиками, тѣснившимися вокругъ остроконечной колокольни. Равнина и море иногда ослѣпительно сверкали, иногда были сѣры; въ иные дни царила странная нѣжная тишина, въ другіе—казалось, что каждая травка, каждая капля воды заявляли о своей жизни, и населенный звуками воздухъ остановился словно чувствительнымъ. Линіи этого пейзажа были уже много лѣтъ хорошо знакомы мнѣ; я, какъ въ дѣтствѣ, не анализировала того, что разстилалось у меня передъ глазами, не искала тайны гармоніи, приводившей меня въ умиленное или восторженное состояніе, создававшей во мнѣ ощущеніе отдохновенія или ощущеніе силы, захватывавшей и меня въ свое цѣлое. Я подчинялась этому таинственному и простому очарованію, и въ сердцѣ у меня расцвѣтала горячая признательность. Ко мнѣ шли изъ глубины проявленія жизни земли, шли ко мнѣ, наконецъ, цѣльныя и ясныя, способныя обозначать слезы, радость, любовь, смерть. Было еще не поздно.

Мое прошлое казалось мнѣ теперь какъ бы предопредѣленнымъ какой-то безжалостно мудрой волей. Дѣйствительно, не казалось ли все въ немъ устроеннымъ для подготовленія будущаго?

Я, впрочемъ, не видѣла ясно этого будущаго. И безпорядочно шли впередъ мои попытки при отсутствіи опредѣленной цѣли. Чѣмъ я хотѣла стать? Не журналистомъ: я начинала чувствовать почти полную безполезность такого разбрасыванія недодуманныхъ мыслей. Художникомъ? Объ этомъ я даже не смѣла и думать, преувеличивая свое необразованіе, недостатокъ фантазіи, свое непониманіе красоты...

Книгу... Я не надѣялась написать ее, нѣтъ! Но я рвалась иногда всей душой, воображая себѣ эту книгу, необходимость которой чувствовала,—книгу любви и страданія, которая потрясала бы души и была бы плодотворна, неумолима и полна милосердія, которая показала бы впервые всему міру современную душу женщины и впервые заставила бы затрепетать раскаяніемъ и стремленіемъ душу мужчины, печальнаго брата... книгу, которая выразила бы всѣ мысли, въ безпорядкѣ волновавшіяся во мнѣ впродолженіе двухъ лѣтъ и была бы живою, носила бы отпечатокъ страсти. Неужели никто никогда не напишетъ ее? Неужели

нѣтъ на свѣтѣ женщины, которая выстрадала то, что выстрадала я, которая восприняла отъ одушевленнаго и неодушевленнаго окружающаго остереженія, которыя были получены мною, и сумѣла бы извлечь изъ этого чистую сущность, твореніе стоющее жизни?

XIV.

Однажды послѣ полудня мужъ неожиданно вернулся домой, съ искаженнымъ лицомъ, такъ что на него непріятно было смотрѣть, какимъ онъ становился каждый разъ, когда въ его душѣ разражались первобытныя страсти. Онъ поссорился съ моимъ отцомъ и ушелъ изъ конторы, заявивъ, что никогда больше туда не вернется.

Передо мной пронеслось далекое воспоминаніе: отецъ мой въ тотъ день, когда онъ отказался отъ своего мѣста въ Миланѣ. Какъ онъ былъ радъ, онъ почти смѣялся, оказавшись лицомъ къ лицу съ неизвѣстнымъ но свободнымъ будущимъ!

То же почти радостное спокойствіе почувствовала теперь и я, между тѣмъ какъ мужъ плохо скрывалъ свое сожалѣніе,—не о томъ, что оскорбилъ отца своей жены, человѣка, которому былъ всѣмъ обязанъ, но о томъ, что погубилъ свое положеніе.

Дѣло было непоправимо. Отецъ несомнѣнно не простилъ бы. Его видимое равнодушіе къ дѣтямъ казалось съ нѣкотораго времени превращавшимся въ чувство все болѣе и болѣе горькаго озлобленія, постоянно рвавшагося наружу.

Можетъ быть, это было вліяніе той женщины, съ которой онъ проводилъ большую часть времени, свободнаго отъ занятій на фабрикѣ. Можетъ быть, онъ подозрѣвалъ, не считаемъ ли мы, что это отъ насъ отнимаются тѣ деньги, которыя онъ широко тратилъ на то семейство. Я, въ сущности, еще не рѣшалась судить его: я говорила себѣ, что и онъ въ свою очередь долженъ страдать, утративъ навсегда сердца своихъ дѣтей, что онъ еще не достаточно далекъ отъ своего прошлаго, полнаго умственнаго рвенія и сердечности, чтобы не было въ немъ тоски по этому прошлому. Иногда, когда я бывала у него въ саду, если почему нибудь упоминалось о моихъ статьяхъ, онъ пускался въ споры, переходя отъ растенія къ растенію, и вызывалъ во мнѣ мгновеніями воспоминанія о дѣтскихъ лѣтахъ, объ увлекательныхъ урокахъ среди травъ и цвѣтовъ, Онъ взглядывалъ на меня своими маленькими глазами, блестѣвшими металлическимъ блескомъ и, казалось, спрашивалъ,—развѣ я не нахожу въ немъ что то высшее, чѣмъ все, что я знала;

и у меня тревожно сжималось сердце, являлся какой-то неопредѣлимый страхъ... Какое таинственное, непостижимое предостереженіе представляла изъ себя жизнь этого человѣка!

Когда мужъ увидѣлъ, что ни по собственному почину, ни послѣ того, какъ онъ заявилъ, что беретъ обратно свои слова, отецъ мой не принималъ его обратно, на него нахлынула волна отчаянія. Очевидно, онъ никогда не предполагалъ возможности подобнаго происшествія.

Итакъ, я стояла у поворота пути?

Вопросъ о существованіи не безпокоилъ меня: я съ дѣтства привыкла думать, что у кого есть воля, тотъ всегда найдетъ, чѣмъ жить, и что всякій трудъ достоенъ уваженія. Но мужемъ съ трудомъ усваивалась мысль уѣхать изъ мѣстечка: онъ былъ безъ дипломовъ, почти безъ денегъ, и уже не особенно молодъ; не смотря на обнаруживавшееся имъ всегда высокое представленіе о себѣ, онъ боялся...

Но во всякомъ случаѣ я чувствовала, что мое освобожденіе изъ этой среды неизбѣжно. Кончено было мое молчаливое согласіе на эксплоатированіе, которое отецъ совершалъ надъ рабочими, и которое мой мужъ оправдывалъ, согласіе, за которое я уже нѣсколько времени укоряла себя! Мнѣ казалось, что я теперь вновь пріобрѣтаю уваженіе къ самой себѣ; и особенно мнѣ свободнѣе дышалось при мысли о сынѣ. Вдаль отсюда! Ему можно будетъ забыть это мѣсто, бывшее такимъ злополучнымъ для его матери, гдѣ столько было вредныхъ примѣровъ, противорѣчившихъ моимъ словамъ!

Я высказала отчасти свою радость моему другу доктору. Онъ посмотрѣлъ на меня и промолчалъ. Это молчаніе кольнуло меня въ сердце.

Онъ казался усталымъ, ослабѣвшимъ. Въ мѣстечкѣ былъ тифъ, и онъ, слегка сгорбившись, съ утра до вечера переходилъ изъ одного дома бѣдняковъ въ другой; голосъ его, всегда немного подернутый печалью, долженъ былъ, вѣроятно, вселять больнымъ надежду, долженъ былъ сливаться со звуками, вѣящими вокругъ того, кто умираетъ, или боится умереть. Ко мнѣ онъ приходилъ рѣдко.

Нѣсколько недѣль жили мы такъ, въ неопредѣленности. Искать какой нибудь службы въ томъ или иномъ городѣ казалось моему мужу унизительнымъ. У насъ оставались деньги, выдаваемыя мнѣ отцомъ, но съ уходомъ мужа изъ фабрики прекращалась моя работа по отчетности и мое мѣсячное вознагражденіе за нее. Я старалась придумать, какимъ образомъ мнѣ работать, чтобы поддержать семейный бюджетъ?

Поступила я по внезапному вдохновенію минуты. Однажды утромъ сынъ, подавая мнѣ почту, вынулъ изъ нея книжку

одного журнала и протянулъ ее прежде другихъ съ видомъ маленькаго человѣка, знающаго мои вкусы.

Это былъ, дѣйствительно, мой любимый миланскій журналъ. Его издатель, старый борецъ за свободу, великодушно далъ ходъ не одному интеллигентному работнику,—и мнѣ онъ отъ времени до времени дружелюбно совѣтовалъ, чтобы я заявила себѣ какимъ нибудь болѣе солиднымъ трудомъ, чѣмъ короткія статьи, которыя онъ съ предупредительностью помѣщалъ въ своемъ журналѣ.

Я написала ему, излагая возникшую у меня нужду.

Онъ отвѣтилъ черезъ нѣсколько дней, что въ Миланѣ для меня не найти занятія, но что онъ сразу же написалъ въ Римъ одному издателю, основавшему недавно женскій журналъ. Дѣйствительно, я очень скоро получила новое письмо отъ романистки, писавшей мнѣ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ; она говорила въ немъ, что очень жалѣетъ, что я не получила перваго, такъ какъ тогда она предложила бы мнѣ мѣсто редакторши одного изъ отдѣловъ, теперь уже занятое. Тѣмъ не менѣе она могла назначить мнѣ небольшое постоянное вознагражденіе за второстепенную работу, требовавшую во всякомъ случаѣ моего присутствія въ Римѣ. Одновременно съ этимъ письмомъ были присланы и номера „Mulier“ [1]).

Журналъ производилъ симпатичное впечатлѣніе, но у него замѣтенъ былъ нѣкоторый отпечатокъ легкомыслія, и это меня огорчило. Въ программной статьѣ было нѣсколько прекрасныхъ мѣстъ:

„Пусть наконецъ и женщины скажутъ что-нибудь про себя. Мужчины или превозносятъ ихъ неумѣренно, или говорятъ противъ нихъ обвинительныя рѣчи. Одни, — и среди нихъ люди высокаго ума и глубокой души,—преисполнены невольной враждебности, благодаря тому, что женщина, въ настоящее время мало развитая, не ищетъ ихъ и не восхищается ими, другіе утверждаютъ, что знаютъ женщину, потому что у нихъ было много опыта и много жертвъ. У послѣднихъ не могло быть времени узнать хотя бы одну женщину: они знаютъ относительно многихъ, какъ завладѣвать ихъ чувствами, и какъ изъ нихъ можно извлечь наибольшее количество наслажденія. И только.

„Въ дѣйствительности, *женщина* есть нѣчто, существующее только въ воображеніи мужчинъ; но на свѣтѣ существуютъ *женщины*, вотъ и все.“

Статья была не подписана, но несомнѣнно принадлежала перу знаменитой романистки. Она хотя и не создала до

1) „Женщина“.

сихъ поръ ни одного дѣйствительно индивидуальнаго женскаго типа, но, вѣроятно, могла бы изобразить какой-либо изъ этихъ типовъ, начинающихъ теперь встрѣчаться нерѣдко. Кончалась статья такъ: „Мы не обѣщаемъ много, больше того, что вы всегда видѣли передъ собою,—не требуйте отъ насъ слишкомъ многаго. Вы не найдете въ этомъ журналѣ идеала женщины, выработаннаго въ большей степени, чѣмъ встрѣчаете его въ жизни. Мы хотимъ только помочь извлечь его изъ за облаковъ утопій и поставить его передъ современными женщинами".

Но въ дѣйствительности соотвѣтствующаго этому въ журналѣ было немного. Статья объ искусствѣ, профиль одной артистки въ различныхъ позахъ, портреты декольтированныхъ герцогинь, отчеты спортивныхъ событій, благотворительныхъ празднествъ, статья по гигіенѣ. Заграничный отдѣлъ былъ единственнымъ въ журналѣ, гдѣ шла рѣчь о женскомъ движеніи.

Я спокойно, безъ увлеченія, сообщила объ этомъ предложеніи мужу. Онъ тщательно перелисталъ номера и долго былъ въ сомнѣніи. Онъ не боялся окраски журнала, казавшагося ему достаточно умѣреннымъ, но думалъ, что мы будемъ чувствовать себя слишкомъ подавленными въ этой болѣе или менѣе свѣтской обстановкѣ. Онъ успокоился только, когда я обратила его вниманіе на то, что мнѣ можно будетъ работать дома и продолжать уединенный образъ жизни.

Рѣшать надо было немедленно. Что могъ бы онъ дѣлать въ Римѣ? Въ концѣ концовъ онъ остановился на рѣшеніи, казавшемся ему легко исполнимымъ. Онъ пошелъ къ нѣсколькимъ мѣстнымъ землевладѣльцамъ и предложилъ имъ проектъ устройства продажи ихъ продуктовъ въ Римѣ и за границей. Согласились многіе; для начала не надо было большого капитала, только нѣсколько тысячъ лиръ. Его мать, вздыхая и охая, пообѣщала ему ихъ.

Какъ разъ наканунѣ этого рѣшенія заболѣлъ и слегъ докторъ. Мы знали, что онъ изнуренъ усталостью; думали, что это, можетъ быть, у него разыгралось утомленіе, что это даже можетъ оказаться для него благотворнымъ, и никто не безпокоился. Я жалѣла только, что лишена его совѣта въ этотъ серьезный часъ, и думала о томъ, что кромѣ моихъ сестеръ, онъ былъ единственнымъ человѣкомъ, съ которымъ мнѣ будетъ больно разстаться при отъѣздѣ изъ городка.

Черезъ недѣлю онъ умеръ.

Внезапно обнаружившійся сильнѣйшій тифъ-менингитъ сломилъ некрѣпкаго человѣка, послѣднее время какъ-будто бы не разстававшагося съ мыслью о смерти. Съ сегодня на

завтра сознаніе померкло, и тѣло одно боролось нѣсколько дней противъ быстро шедшаго впередъ разрушенія... Никто не могъ повѣрить дѣйствительности. Агонія продолжалась сутки; при немъ была его семидесятилѣтняя мать, поспѣшившая пріѣхать, когда обнаружилась опасность болѣзни,— женщина, которой серебряные волосы придавали какое-то величіе, между тѣмъ какъ на губахъ ея часто появлялась простодушная дѣтская улыбка. Личность исключительнаго закала, она уже уложила въ послѣдній сонъ одного двадцатилѣтняго сына, солдата, постоянно ухаживала за мужемъ, которому грозилъ параличъ сердца, управляла сложными имущественными дѣлами разсѣянной по разнымъ мѣстамъ семьи; она была олицетвореніемъ дѣятельной и простой самоотверженности, не заботящейся о самооцѣнкѣ, довольствующейся твердой надеждой на загробную жизнь.

Какъ сейчасъ, вижу ее въ ту послѣднюю ночь моего бѣднаго друга; одной рукой она вытирала потъ съ прекраснаго, помертвѣвшаго теперь лба, другою отъ времени до времени подносила къ уже коченѣвшимъ устамъ, сквозь которыя едва можно было влить нѣсколько капель укрѣпляющаго лѣкарства, образокъ святого. Этотъ жестъ былъ такъ естественъ и спокоенъ, что казалось почти невозможнымъ и намъ не ждать чуда.

Зловѣщее хрипѣніе уже началось, когда пришелъ священникъ для соборованія. Я хотѣла присутствовать при немъ изъ уваженія къ несчастной, но отказалась отъ этого послѣ первыхъ же минутъ. Моя душа возставала противъ этого обряда, къ которому отсутствующій уже теперь духъ съ непріязненнымъ чувствомъ относился при жизни. Я ушла въ сосѣднюю комнату, гдѣ былъ мужъ, доктора, нѣсколько друзей. Къ намъ доносились негромкіе голоса женщинъ,— неясный хоръ, сопровождавшій монотонный голосъ священнослужителя. Это производило на меня впечатлѣніе насилія, злоупотребленія; я попросила мужа уйти со мной, проводить меня домой, прочь отсюда, потому что ничего уже больше не оставалось для меня въ этомъ мѣстѣ отъ близкаго человѣка.

На разсвѣтѣ пришли сказать, что онъ умеръ. Мужъ всталъ и тотчасъ вышелъ. Мнѣ хотѣлось заплакать, но я не могла; тайна, эта чудовищая и величественная тайна конца, подавляла меня. Только черезъ часъ или больше побѣдило непосредственное личное чувство, я подумала о постигшей меня утратѣ, и жалость къ себѣ и ко всѣмъ, которые уже никогда не услышатъ больше этого твердаго и доброжелательнаго голоса, разрѣшилась отчаянными слезами.

Плача, я думала о томъ, что онъ былъ подлѣ меня со времени моей свадьбы шесть лѣтъ. Мы оба были такъ отличны отъ окружающаго, такъ одиноки! Была минута, когда его душа влеклась ко мнѣ, — я это почувствовала. Могла ли бы я полюбить его? Почему ничто не толкнуло насъ другъ къ другу, не соединило двухъ нашихъ энергій, не бывшихъ, можетъ быть, въ глубинѣ своей чуждыми другъ другу? Можетъ быть, не доставало одного слова, порыва?

Судьба! Онъ исчезъ, думая, вѣроятно, что унесъ съ собой свою тайну. Я оставалась, болѣе, чѣмъ когда-либо, одинокая; куда велъ мой путь? ради какой высшей цѣли была я оберегаема отъ ненависти и отъ любви?

Не представляю себѣ ясно послѣднихъ дней передъ отъѣздомъ...

Помню, какъ расплакался мой мальчикъ, когда я ему сказала, чтобы онъ простился съ комнатой, гдѣ родился, откуда уже была увезена мебель. Не забыла я ощущенія того, какъ у меня сжалось горло, когда я пошла къ своимъ, чтобы проститься съ отцомъ и вырвать у него доброе слово, и получила нѣсколько сухихъ фразъ, которыя онъ внезапно круто оборвалъ, повернувшись ко мнѣ спиною... Какъ въ туманѣ, рисуется другая мучительная сцена: золовка, осыпающая бранью пораженныхъ ужасомъ сестеръ моихъ, пришедшихъ къ ней въ домъ обнять меня въ послѣдній день; и свекровь, не перестающая стонать и плакать...

Послѣднее посѣщеніе моей матери: тщетный призывъ къ прошлому, мука видѣть эти глаза безъ взгляда, слышать этотъ немного хриплый голосъ, смѣявшійся...

Море, равнины, улицы мѣстечка въ эти послѣдніе сентябрьскіе дни выглядѣли, вѣроятно, тихо усталыми, давали лучшее выраженіе своей души... Черезъ одиннадцать лѣтъ со дня, когда я увидѣла ихъ впервые, я покидала ихъ, отправляясь навстрѣчу неизвѣстному. Одиннадцать трагическихъ лѣтъ, втеченіе которыхъ создавалась изъ слезъ моя сущность,—изъ слезъ возмущенія, слезъ покорности, а также и изъ слезъ благодарности къ непобѣдимой Тайнѣ... Я покидала ихъ, не бросая на нихъ ни взгляда, словно бѣжала, словно боялась подмѣтить въ ихъ полутѣняхъ насмѣшливый смѣхъ, предупрежденіе, чтобы я не считала себя слишкомъ скоро освобожденной.

(Продолженіе слѣдуетъ).

„Коммунистическій Манифестъ“ и его судьба въ Россіи.

I.

„Манифестъ имѣлъ свою исторію“—писалъ Ф. Энгельсъ въ 1890 г., отмѣчая роль, значеніе и распространеніе „Коммунистическаго Манифеста“ въ Западной Европѣ. Если бы ветеранъ соціалъ-демократіи дожилъ до нашихъ дней, онъ могъ бы прибавить: „и одну изъ самыхъ замѣчательныхъ, но и самыхъ странныхъ страничекъ вписала въ эту исторію Россія“. И сердце старика радовалось бы, глядя, какъ сотни тысячъ рукъ протягиваются за духовной пищей научнаго соціализма; но оно вмѣстѣ съ тѣмъ обливалось бы кровью при видѣ той спекуляціи, жертвой которой стало идейное достояніе отцовъ современной соціалъ-демократіи.

Едва ли найдется другая книга, которая такъ полно и ярко отразила бы на себѣ всѣ сложныя перипетіи развитія соціалистической мысли въ Россіи.

Философія пролетарскаго движенія, плодъ долгаго развитія соціалистической мысли и конкретной борьбы рабочаго класса—„Коммунистическій Манифестъ“ не могъ быть понятъ и оцѣненъ обществомъ, покоившимся на полукрѣпостномъ крестьянскомъ трудѣ, обществомъ, едва поднимавшимся на борьбу противъ абсолютизма во имя политическихъ требованій капиталистическаго строя. Задача „превращенія пролетаріата въ классъ“ была чужда Россіи 60—70-хъ годовъ, когда настоящаго пролетаріата почти еще не было, когда самобытный соціализмъ строилъ свои теоріи на интересахъ мелкаго производителя—крестьянина, а на малочисленныхъ промышленныхъ рабочихъ смотрѣлъ, какъ на болѣзненное выдѣленіе прихварывающаго общества. Поэтому неудивительно, что первый русскій переводъ „Коммунистическаго Манифеста“, сдѣланный М. Бакунинимъ въ 60-годахъ, не оказалъ сколько-нибудь замѣтнаго вліянія на ходъ развитія соціалистической мысли въ Россіи. Онъ былъ понятъ и принятъ, какъ блестящій памфлетъ противъ общества эксплоататоровъ, какъ критика этого общества. Его творческое, созидающее значеніе программы

пролетаріата, борющагося за соціализмъ, осталось чуждымъ и непонятымъ.

Бакунинскій переводъ долженъ представлять безспорный историческій интересъ. Я говорю „долженъ", потому что, къ сожалѣнію, не могъ съ нимъ ознакомиться. Въ настоящее время это изданіе является библіографической рѣдкостью, недоступной, особенно въ Россіи, простымъ смертнымъ. Бакунинъ 60-хъ годовъ—это крайне характерный представитель ранняго полуанархическаго періода русскаго соціализма. Въ его головѣ Манифестъ не могъ не отразиться въ преломленномъ, субъективномъ видѣ, соотвѣтствующемъ всему пониманію общественныхъ отношеній, и въ частности, соціализма современной ему передовой интеллигенціей. Г. В. Плехановъ указывалъ въ 80-хъ годахъ, что въ переводъ Бакунина „закралось нѣсколько неточностей, мѣшавшихъ правильному пониманію мыслей автора". Вотъ эти именно „неточности" и представляютъ въ настоящее время самую цѣнную часть бакунинскаго перевода. Къ сожалѣнію, повторяю, приходится пока отказаться отъ ихъ разбора.

Насколько непонятенъ и чуждъ былъ Манифестъ русской интеллигенціи разсматриваемаго періода, видно уже по тому, что долгіе годы бакунинскій переводъ находился въ продажѣ, встрѣчая лишь ограниченный спросъ. И новый русскій переводъ Манифеста, появившійся въ Женевѣ въ 1882 г., былъ вызванъ не тѣмъ, что разошелся первый, а тѣмъ, что явилась потребность въ соціалъ-демократическомъ переводѣ, свободномъ отъ „неточностей, мѣшающихъ правильному пониманію мыслей автора". Этотъ новый переводъ принадлежалъ перу Г. Плеханова [1]). Онъ былъ снабженъ спеціально написаннымъ предисловіемъ Маркса и Энгельса.

Однако, и этотъ переводъ, при выходѣ въ свѣтъ, не встрѣтилъ богатой почвы, которая всосала бы сѣмена пролетарскаго ученія и дала обильные плоды. Рабочее движеніе въ Россіи 80-хъ годовъ еще только складывалось подъ спудомъ, въ подпольѣ, подобно скрытымъ подземнымъ силамъ. Оно прорвалось однажды съ дикой мощью въ знаменитой морозовской стачкѣ, въ 1885, вылившись въ примитивныя формы стихійной вспышки. И послѣ этого оно опять ушло въ подполье накоплять силы для будущаго грандіознаго выступленія. Въ свою очередь и интеллигентская мысль этой эпохи находилась всецѣло еще въ плѣну народническаго ученія. Народничество—но упадающее, разлагающееся народничество въ теоріи, народовольчество—но тоже упадающее, обезкровленное народовольчество въ практикѣ вотъ

[1]) Этотъ переводъ ошибочно приписывался, между прочимъ и Энгельсомъ, В. Засуличъ. Впослѣдствіи Г. Плехановъ разъяснилъ, что переводъ принадлежитъ ему.

пристанище передовой интеллигенціи 80-хъ годовъ. Только къ концу десятилѣтія начали появляться первые соціалъ-демократы, и только съ началомъ девяностыхъ годовъ число ихъ быстро увеличилось, придавъ соціалъ-демократизму (точнѣе, марксизму, ибо это было первоначально теоретическое интеллигентское движеніе) черты крупнаго общественнаго явленія.

„Коммунистическій Манифестъ" превратился изъ „курьеза"— употребляя выраженіе Энгельса — въ необходимое руководство. Правда, преобладающій интересъ къ теоріи и толстымъ книгамъ, свойственный этой, чисто-интеллигентской эпохѣ въ развитіи соціализма въ Россіи, вытѣснялъ въ значительной мѣрѣ Манифестъ „Капиталомъ" и другими болѣе пространными руководствами. Все-таки потребность въ Манифестѣ ощущалась весьма замѣтно. Въ это время (начало 90-хъ гг.) вышло въ Женевѣ второе изданіе плехановскаго перевода. Однако, невозможность переизданія его въ Россіи и трудность доставки изъ-за границы (въ то время „техника" стояла еще очень низко) создавали необходимость довольно широко пользоваться нѣмецкимъ подлинникомъ, а также переводить его заново и пускать по рукамъ въ рукописномъ видѣ. Между тѣмъ рабочее движеніе въ Россіи начало развиваться все ускоряющимся темпомъ, кружково-пропагандистскій періодъ смѣнялся болѣе или менѣе широкой агитаціей въ массахъ, старые пріемы распространенія рукописныхъ или гектографированныхъ брошюръ стали уже недостаточны. Спросъ не печатную литературу сильно возросъ, требовалось планомѣрное и болѣе широкое издательство, необходимъ былъ правильный транспортъ. Наряду съ прежней „Группой Освобожденія Труда", начали появляться новыя соціалъ-демократическія организаціи, и одной изъ главныхъ задачъ ихъ было изданіе и распространеніе литературы. Спросъ на „Коммунистическій Манифестъ" увеличился, старое изданіе его приходило къ концу. Но вотъ наступилъ 1898 г.— 50-ая годовщина выхода въ свѣтъ Манифеста, — и организація „Соціалъ-демократъ" пріурочила къ этому событію новое—третье— изданіе Манифеста въ переводѣ Г. Плеханова. Это изданіе было снабжено большимъ историческимъ предисловіемъ Г. Плеханова. Это изданіе отразило на себѣ всецѣло своеобразныя потребности движенія. Манифестъ не былъ еще настольной книгой рабочаго; онъ вообще былъ доступенъ только болѣе развитому, передовому рабочему. И по своему сильному, сжатому языку, и по той громадѣ мыслей, которая заключается въ двухъ листахъ маленькаго формата, Манифестъ требуетъ напряженной работы ума, другими словами, требуетъ извѣстной интеллектуальной подготовки. Въ силу этого, онъ по необходимости оставался главнымъ образомъ интеллигентской книжкой въ тотъ періодъ, когда изъ громадной волнующейся рабочей массы выдѣлялась только горсть сознательныхъ, читающихъ, развитыхъ личностей. Этой неподготовленностью мас-

соваго читателя слѣдуетъ объяснить самый характеръ изданія. Оно было отпечатано на хорошей бумагѣ (цѣна 1 фр. 50 сант.) и на простой бумагѣ (цѣна 1 фр.), т. е. разсчитано на платежеспособную интеллигентскую публику [1]). Правда, одновременно (или вскорѣ послѣ) вышло маленькое изданіе (безъ предисловія Г. Плеханова), но и оно по большей части разошлось среди учащейся молодежи. Для массоваго распространенія не было еще ни рынка, ни подходящаго издательскаго аппарата.

Вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ третьяго изданія „Манифеста" въ переводѣ Г. Плеханова, за границей былъ изданъ Г. Куклинымъ новый переводъ, сдѣланный В. Поссе. Необходимость заново перевести „Коммунистическій Манифестъ" мотивировалась г. Поссе тѣмъ, что въ переводъ Плеханова тоже „закралось много неточностей, мѣшавшихъ правильному пониманію мыслей коммунистической партіи". И переводъ свой В. Поссе снабдилъ цѣлымъ обвинительнымъ актомъ противъ Плеханова. Въ дальнѣйшемъ мы еще вернемся къ этому документу.

Ростъ читателей-рабочихъ и улучшенные способы транспорта, дающіе возможность болѣе правильно доставлять въ Россію заграничныя изданія, скоро исчерпываютъ имѣющееся партійное изданіе Манифеста и требуютъ его повторенія. Правда, существуетъ уже дешевое изданіе въ переводѣ В. Поссе, но оно не носитъ партійнаго характера, а полемическое предисловіе переводчика затрудняетъ распространеніе его партійными организаціями. Въ цѣляхъ удовлетворенія назрѣвшей потребности, женевское издательство „Впередъ" выпускаетъ, въ 1905 г., въ свѣтъ четвертое изданіе Манифеста въ переводѣ Г. Плеханова,— одинъ текстъ безъ предисловій авторовъ и переводчика. Однако, и эта маленькая брошюра еще стоитъ 50 сант. (18 коп.).

Весною 1905 г. появилось это—послѣднее „нелегальное"— изданіе, а лѣтомъ начали уже выходить въ Россіи „дозволенныя цензурой" изданія. Намъ удалось установить шесть такихъ изданій. Они распредѣляются по времени разрѣшенія цензурой въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) первое изданіе Е. М. Алексѣевой (время разрѣшенія не удалось установить—повидимому, конецъ мая). 2) Второе изданіе Е. М. Алексѣевой, разрѣшенное одесской цензурой 15-го іюня 1905 г., подъ заглавіемъ „Буржуазія, пролетаріатъ и коммунизмъ". Переводъ анонимный, къ изданію приложено извѣстное уже намъ историческое предисловіе Г. Плеханова. 3) 30-го іюня, тоже въ Одессѣ, разрѣшается изданіе „Молота", въ переводѣ Г. Таубмана, подъ заглавіемъ „Философія исторіи". 4) Въ Одессѣ же 23-го іюля „Буревѣстнику" дозволяется къ печатанію Манифестъ въ переводѣ и съ тѣмъ же историческимъ пре-

---

[1]) Теперь тотъ же Манифестъ съ предисловіемъ Плеханова стоитъ въ продажѣ 20 и даже 15 коп.

дисловіемъ Г. Плеханова, подъ заглавіемъ „О коммунизмѣ“ 5) У виленской цензуры фирма „Разсвѣтъ“ получаетъ 3-го августа разрѣшеніе на печатаніе Манифеста подъ заглавіемъ „Общественные классы и коммунизмъ“; авторъ перевода не обозначенъ, редакція Чапинскаго. 6) Наконецъ, издательство „Колоколъ“ выпускаетъ въ свѣтъ Манифестъ, подъ названіемъ „Капитализмъ и коммунизмъ“, разрѣшенный въ Ростовѣ-на-Дону 4-го сентября 1905 г.; переводъ тоже анонимный. Этимъ перечнемъ, насколько мнѣ извѣстно, исчерпывается списокъ переводовъ „Коммунистическаго Манифеста“, вышедшихъ съ разрѣшенія предварительной цензуры. Такимъ образомъ за нѣсколько мѣсяцевъ, предшествовавшихъ 17-му октября, на книжный рынокъ было выброшено шесть изданій Манифеста, во много разъ превышающихъ по количеству экземпляровъ все то, что дало въ этомъ отношеніи предыдущее сорокалѣтіе. Намъ неизвѣстно точно это число экземпляровъ, но о немъ можно судить косвенно, по продажнымъ цѣнамъ. Толстыя книжки, снабженныя предисловіемъ Г. Плеханова, (превосходящимъ самый Манифестъ болѣе, чѣмъ въ $1^1/_2$ раза), были выпушены по 15 коп. (Алексѣева) и по 20 коп. („Буревѣстникъ“). Маленькія же изданія (безъ предисловія Г. Плеханова) продавались по 6 коп. („Разсвѣтъ“), 5 коп. („Молотъ“) и даже по 3 коп. („Колоколъ“). Если къ этому прибавить, что издательства дѣлаютъ продавцамъ скидку въ 30—40%, тогда ясно станетъ, что количество экземпляровъ, выпущенныхъ этими пятью фирмами, должно исчисляться сотнями тысячъ.

Но на этомъ исторія издательства „Коммунистическаго Манифеста“ не остановилась.

Фактическое уничтоженіе цензуры, явившееся слѣдствіемъ октябрьскихъ событій, упростило и облегчило издательское дѣло. Появился первый полный переводъ Манифеста — перепечатка заграничнаго изданія перевода г. Поссе („Библіотека рабочаго“, № 1). Въ издательствѣ „Новый Міръ“ былъ еще разъ перепечатанъ Плехановскій переводъ Манифеста—одинъ разъ съ историческими предисловіемъ переводчика, другой разъ—безъ него. На этомъ временно новыя изданія пріостановились. Въ октябрѣ текущаго года выпущенъ въ свѣтъ товариществомъ „Знаніе“ Манифестъ въ моемъ переводѣ. Въ самомъ концѣ 1906 г. появился въ свѣтъ переводѣ Вл. Шаха, подъ редакціей П. Берлина, въ изданіи Г. Ѳ. Львовича. Наконецъ, еще одинъ переводъ обѣщанъ журналомъ „Популярно-научная библіотека“.

Такимъ образомъ за полтора года такъ называемой „свободы“. „Коммунистическій Манифестъ“ былъ изданъ не менѣе, какъ въ десяти изданіяхъ и восьми различныхъ переводахъ. Если же сюда прибавить и предыдущій, нелегальный періодъ, то число переводовъ будетъ девять, число изданій—шестнадцать. Можно съ увѣренностью сказать, что ни одна страна не поглотила за все сорокалѣтіе

такого количества экземпляровъ „Коммунистическаго Манифеста“. Ни на одномъ языкѣ, навѣрное, Манифестъ не продавался и по такой низкой цѣнѣ. Одно изъ самыхъ дешевыхъ (если не самое дешевое) изданій нѣмецкой партіи стоитъ все-таки 15 пфенниговъ (7 коп.). Между тѣмъ, какъ въ Россіи, какъ мы видѣли, ходовая цѣна—5 коп., а есть даже изданіе за три коп.

Но если Россія опередила другія страны дешевизной и количествомъ экземпляровъ Манифеста, она страшно отстала отъ нихъ въ дѣлѣ организаціи и характера издательства. Рѣзкій антагонизмъ между пролетаріатомъ и буржуазіей на Западѣ давно уже монополизовалъ всю соціалъ-демократическую литературу въ рукахъ партійныхъ издательствъ. Такимъ образомъ, и „Коммунистическій Манифестъ“ издается во всѣхъ европейскихъ странахъ партійными предпріятіями: поскольку онъ выходитъ въ переводѣ, этотъ переводъ является партійнымъ, утвержденнымъ, признаннымъ. Сама брошюра издается тогда, тамъ и такимъ образомъ, когда, гдѣ и какимъ образомъ это требуется интересами партіи. И переводъ, и издательство не служатъ цѣлямъ частной спекуляціи, не являются орудіемъ эксплоатаціи довѣрчиваго читателя рыночными воротилами. Къ сожалѣнію, у насъ дѣла обстоятъ какъ разъ наоборотъ. Партійный характеръ, гарантировавшій доброкачественность перевода, носили только заграничныя изданія. Съ тѣхъ поръ, какъ „свобода“ открыла громадный рынокъ, жадно поглощавшій все печатное, цѣлый рой предпринимателей бросился на издательство соціалъ-демократической литературы. Люди, торговавшіе прежде веревками и копытной мазью, начали издавать Маркса и Энгельса, Бебеля и Каутскаго, авторитетно заявляя, что они издаютъ только соціалъ-демократическую, только партійную литературу. Они двинули комми-вояжеровъ къ первоисточникамъ этой литературы, разыскивая авторовъ и переводчиковъ заграничныхъ, нелегальныхъ, изданій, рекомендуясь имъ „товарищами“, обѣщая отчисленія въ партійную кассу и пр., и пр. И дѣйствительно, цѣлый рядъ хорошихъ переводовъ и оригинальныхъ произведеній попалъ въ руки спекулянтовъ, успѣвшихъ сдѣлать быстрый и выгодный оборотъ. Одновременно съ этимъ въ Россіи засѣли за работу цѣлыя полчища переводчиковъ, сплошь да рядомъ неопытныхъ людей, которые чуть не въ 24 часа изготовляли переводы труднѣйшихъ вещей, шедшіе на рынокъ безъ тщательной редакціи, нерѣдко въ самомъ возмутительномъ внѣшнемъ видѣ. Эта издательская неурядица отразилась и на переводахъ „Коммунистическаго Манифеста“. Новые переводы, изданные во второй половинѣ 1905 года, носятъ на себѣ всѣ слѣды своего происхожденія. Разобраться въ этихъ переводахъ, отдѣлить лучшіе отъ худшихъ, дать имъ сравнительную оцѣнку—вотъ задача настоящей статьи. Но мы не ограничимся только послѣдними переводами, а разсмотримъ также и два предыдущихъ—переводы т. Плеханова и г. Поссе.

II.

Переводъ Плеханова подвергся, какъ мы указывали, рѣзкой критикѣ со стороны г. Поссе. Этой критикѣ посвящена часть предисловія г. Поссе къ его переводу. Правда, въ послѣднемъ легальномъ изданіи („Библіотека рабочаго“) это предисловіе сокращено, изъ него выброшены нѣкоторыя частности и нѣкоторыя рѣзкости. Въ заграничномъ изданіи г. Поссе обвинялъ Плеханова въ пристрастіи къ крупной буржуазіи и въ недооцѣнкѣ революціонности мелкой буржуазіи. Въ новомъ изданіи онъ воздерживается отъ подобной квалификаціи, приводя примѣры неправильностей въ плехановскомъ переводѣ, лишь какъ доказательство того, что новый переводъ вполнѣ оправдывается недостатками стараго.

Посмотримъ же, какого рода „неточности“ нашелъ г. Поссе у Плеханова. Въ „Библіотекѣ рабочаго“ онъ приводитъ пять цитатъ. Вотъ главнѣйшіи изъ нихъ. „Въ концѣ перваго отдѣла,— пишетъ г. Поссе,—Манифестъ говоритъ, что буржуазія является „безвольнымъ и неспособнымъ къ сопротивленію носителемъ прогресса крупной промышленности“ (Der Fortschritt der Industrie, dessen willenloser und widerstandloser Träger die Bourgeoisie ist...) Плехановъ же, *выпуская столь нелестные для буржуазіи эпитеты*, заявляетъ, что носителемъ прогресса промышленности „не можетъ не быть буржуазія“ [1]).

Къ этой же категоріи „неточностей“ относится и то, что Плехановъ замѣнилъ слова: „безсовѣстная свобода торговли“—словами: „чуждая идеальныхъ соображеній“. Г. Поссе умозаключаетъ отсюда, что Плехановъ неравнодушенъ къ крупной буржуазіи и старается какъ-нибудь загладить непріятное впечатлѣніе отъ грубости Маркса.

Другое дѣло—мелкая буржуазія. Ее Плехановъ не любитъ и старается отнять у ней и ту долю революціонности, которую признаетъ за нею „Коммунистическій Манифестъ“. Вотъ что говоритъ г. Поссе по поводу соотвѣтствующаго мѣста брошюры. „Въ точномъ переводѣ оно гласитъ: „Если они (среднія сословія) революціонны, то это въ виду предстоящаго имъ перехода въ пролетаріатъ; такимъ образомъ, они защищаютъ не свои современные,

---

[1]) Курсивъ здѣсь и въ дальнѣйшихъ цитатахъ мой. Кстати, нападая на Плеханова за извращеніе текста, г. Поссе самъ его извращаетъ. Слово willenlos не всегда значитъ *без*вольный, оно имѣетъ еще значеніе *не*вольный. И здѣсь оно употребляется какъ разъ въ этомъ смыслѣ. Марксъ никогда не считалъ буржуазію безвольной, т. е. безхарактерной, неспособной на борьбу. Напротивъ, и здѣсь онъ указываетъ лишь объективную необходимость быть носителемъ прогресса *помимо воли* и вдобавокъ быть *не въ силахъ* противиться этой необходимости. А г. Поссе придаетъ этому мѣсту смыслъ субъективный, смыслъ обвиненія буржуазіи въ моральной дряблости. Это извращеніе текста.

но свои будущіе интересы, такимъ образомъ они оставляютъ свою собственную точку зрѣнія, чтобы стать на точку зрѣнія пролетаріата"; въ переводѣ Плеханова: „Если они имѣютъ революціонное значеніе, то лишь постольку, поскольку имъ предстоитъ переходъ въ ряды пролетаріата, поскольку они защищаютъ не современные, но будущіе свои интересы, поскольку они покидаютъ свою точку зрѣнія и становятся на точку зрѣнія пролетаріата". Быть „революціоннымъ" и „имѣть революціонное значеніе",—прибавляетъ г. Поссе,—не одно и тоже, а, главное, замѣна словъ „въ виду" и „такимъ образомъ" словами „постольку, поскольку" совершенно измѣняетъ смыслъ положенія, выставленнаго Манифестомъ".

Дѣйствительно, указанныя мѣста переведены не точно. Но толковать ихъ въ томъ смыслѣ, что Плехановъ стремится обѣлить крупную буржуазію и очернить мелкую—болѣе, чѣмъ, наивно. У Плеханова есть, напримѣръ, и такая „неточность": слово Hintere переведено „спина"—можетъ, и это г. Поссе поставитъ въ счетъ подмѣны „нелестныхъ для буржуазіи (въ данномъ случаѣ для феодаловъ) эпитетовъ?" Если всмотрѣться внимательно въ приведенныя г. Поссе цитаты, мы увидимъ, что, несмотря на несомнѣнную неточность, онѣ вѣрно передаютъ основную мысль подлинника. И это характерная черта плехановскаго перевода вообще. За исключеніемъ нѣсколькихъ мѣстъ, переданныхъ имъ безусловно невѣрно, о которыхъ мы будемъ говорить дальше,—а къ числу ихъ мѣста, цитированныя г. Поссе, не относятся—переводъ Плеханова въ общемъ очень вѣрно передаетъ мысли Манифеста. И это несмотря на сравнительно вольное обращеніе съ подлинникомъ, дѣлающее переводъ, вообще говоря, неточнымъ. Для примѣра приведемъ, какъ образецъ перевода, отрывокъ, могущій характеризовать самый типъ перевода, степень его вольности.

У Плеханова.

„Чудеса ея искусства существенно отличаются отъ египетскихъ пирамидъ, римскихъ водопроводовъ и готическихъ соборовъ, ея завоеванія не имѣютъ ничего общаго съ переселеніями народовъ и крестовыми походами".

Въ подлинникѣ [1]).

„Она создала совершенно иного рода чудеса искусства, чѣмъ египетскія пирамиды, римскіе водопроводы и готическіе соборы; она совершила совсѣмъ иные походы, чѣмъ переселеніе народовъ и крестовые походы".

[1]) Ссылаясь на подлинникъ, я буду цитировать его по своему переводу (изданному „Знаніемъ"), въ которомъ я старался сочетать документальную точность съ литературной формой. Насколько удовлетворительно исполнилъ я эту задачу—судить читателю. Кстати, въ это изданіе закралась досадная описка: на стр. 50, строка 17 снизу, напечатано „чистаго разума", вмѣсто—„практическаго разума".

Форма подлинника совершенно измѣнена, предложеніе построено иначе. И, тѣмъ не менѣе, мысль передана совершенно правильно, гораздо правильнѣе, чѣмъ въ буквальномъ, а потому весьма неуклюжемъ, переводѣ г. Поссе, гдѣ „чудеса искусства“ превратились просто въ „чудеса“: „Она сотворила чудеса совсѣмъ иныя, чѣмъ египетскія пирамиды и т. п... Она совершила походы совсѣмъ другіе, чѣмъ переселенія и пр.“...

Отдавая должное правильности передачи мыслей Манифеста Плехановымъ, можно все же критически отнестись къ формѣ перевода. „Коммунистическій Манифестъ“ представляетъ документъ, нерѣдко ведутся споры изъ-за правильности толкованія того или другого его положенія, а потому переводъ долженъ быть точенъ и возможно близокъ къ тексту. Мѣрило, принимаемое для обыкновенныхъ переводовъ, здѣсь недостаточно. Тѣмъ не менѣе, не слѣдуетъ забывать, что переводъ Плеханова сдѣланъ еще въ 1882 г., что это былъ *первый* соціалъ-демократическій переводъ, что въ то время Манифестъ еще не имѣлъ такого живого практическаго значенія для русскихъ марксистовъ,—напротивъ, представлялъ скорѣе теоретическое оружіе борьбы съ не-марксистскими ученіями. Эти обстоятельства объясняютъ самый типъ перевода, его, такъ сказать, недокументальный характеръ. Правда, они не оправдываютъ его воспроизведенія въ наши дни безъ соотвѣтствующихъ поправокъ.

Г. Поссе правильно отмѣтилъ, что въ переводъ Плеханова закрались „неточности“, но комичнѣе всего, что дѣйствительныхъ неточностей онъ не замѣтилъ; мало того, онъ самъ перенялъ у Плеханова рядъ неточныхъ выраженій, перенеся ихъ живьемъ въ свой переводъ. Тѣ мѣста, которыя привелъ г. Поссе въ своей критикѣ, какъ примѣръ искаженія подлинника, представляютъ сравнительно незначительныя неточности; они свидѣтельствуютъ только о великомъ желаніи критика вывести на чистую воду козни „главы россійской соціалъ-демократіи“, обидѣвшаго мелкихъ буржуа и возвеличившаго крупныхъ. Существенныхъ же недочетовъ перевода, имѣющихъ болѣе серьезное и болѣе глубокое значеніе, г. Поссе въ своемъ рвеніи не замѣтилъ. Мы не будемъ останавливаться на мелкихъ, частныхъ неточностяхъ, вродѣ отмѣченныхъ г. Поссе—ими, надо отдать справедливость, кишитъ переводъ Плеханова—перечислять ихъ здѣсь было бы безполезно и скучно [1]). Мы перейдемъ къ неправильностямъ, имѣющимъ болѣе принципіальное значеніе.

[1]) Здѣсь укажемъ только нѣсколько выраженій, переведенныхъ Плехеновымъ неточно и—по какой-то странности—*совершенно такъ же* переведенныхъ г. Поссе. На стр. 15 нѣмецкаго подлинника (изд. 1904 г.) говорится, что рабочіе начинаютъ „Koalitionen gegen die Bourgeois zu bilden“, т. е. вступать въ соглашенія (союзы) противъ буржуа. Плехановъ переводитъ это неправильно: „устраивать стачки“. То же самое встрѣ-

Эти неправильности можно свести къ тремъ типамъ. Во-первыхъ, въ 1882 г., когда т. Плехановъ дѣлалъ свой переводъ, русская терминологія марксизма не была еще прочно установлена. Термины, выраженія, которыя въ наше время настолько прочно укоренились, что трудно сдѣлать ошибку, въ то время еще только складывались, отвоевывали себѣ право гражданства у расплывчатой терминологіи народническаго періода. Этимъ объясняется частое употребленіе Плехановымъ выраженій, теперь совершенно неупотребляющихся въ данномъ сочетаніи марксистами. Такъ, напримѣръ, вмѣсто вполнѣ установившагося термина „рабочій“, въ переводѣ Плеханова систематически употребляется расплывчатое выраженіе „работникъ“. Arbeiterklasse переводится какъ „рабочее *сословіе*“ а, вмѣсто „среднія сословія“ (Mittelstände) встрѣчаемъ „средніе слои“ и т. д. Сюда же относится и указанная передача слова Koalition словомъ „стачка“. Стачка—особенно въ первоначальномъ смыслѣ, отъ глагола „стакнуться“—является, конечно, однимъ изъ видовъ соглашеній, но понятіе коалиціи не покрывается болѣе узкимъ понятіемъ стачки. Всѣ эти неточности вполнѣ объясняются исторической обстановкой перевода, неразвитостью марксистской терминологіи.

Неправильности второго типа заключаются въ невѣрномъ переводѣ отдѣльныхъ выраженій, благодаря чему извращаются мысли подлинника. Сюда нужно отнести слѣдующее мѣсто (стр. 22 нѣмецкаго подлинника):

У Плеханова.	*Въ подлинникѣ.*
„Стремясь прежде всего завоевать политическое господство, организоваться въ одинъ національный классъ, *устроиться въ предѣлахъ націи*, пролетаріатъ еще остается національнымъ“.	„Будучи вынужденъ сначала завоевать себѣ политическую власть, подняться до положенія національнаго класса, превратить себя самого въ націю (буквально: конституировать себя, какъ націю), пролетаріатъ и т. д.“

чаемъ мы и у г. Поссе. На стр. 18 говорится, что коммунисты не образуютъ особой партіи „gegenüber den andern Arbeiterparteien“. Плехановъ неправильно переводитъ это—„противостоящей другимъ рабочимъ партіямъ“, понимая слово gegenüber въ его первоначальномъ смыслѣ „противоположности“. Между тѣмъ это слово значитъ „по отношенію къ...“ И ту же неправильность повторяетъ Поссе. На стр. 24 Плехановъ, а за нимъ и Поссе, совершенно невѣрно переводятъ слово Urbarmachung der Länderien—воздѣлываніе земель. Тамъ же слово öffentliche Gewalt—публичная (государственная) власть переводится Плехановымъ неточнымъ терминомъ „общественная власть“, и Поссе повторяетъ эту же неточность. Слово verschmähen въ концѣ брошюры, означающее отвергать, не считать нужнымъ, переводится обоими переводчиками буквально, но неправильно, словомъ „считаютъ позорнымъ“. И такихъ „совпаденій“ грѣховъ г. Поссе съ грѣхами т. Плеханова можно было бы отыскать еще немало.

Не говоря о томъ, что выраженіе „устроиться въ предѣлахъ націи“ вообще очень неопредѣленно, оно безусловно извращаетъ смыслъ цитаты, отклоняя читателя отъ основной мысли Маркса. Мысль эта слѣдующая. Завоеваніе власти пролетаріатомъ должно совершиться прежде всего въ національныхъ рамкахъ. „Пролетаріатъ каждой страны долженъ, конечно, прежде всего покончить съ своей собственной буржуазіей“,—говоритъ Манифестъ. Низвергая господство буржуазіи, пролетаріатъ сначала самъ превращается въ господствующій классъ, чтобы реорганизовать всю хозяйственную и общественную жизнь страны примѣнительно къ своимъ потребностямъ; являясь господствующимъ классомъ и притомъ господствующимъ большинствомъ, пролетаріатъ самъ становится выразителемъ и представителемъ націи, національныхъ интересовъ. Онъ конституируется, какъ нація, прежде чѣмъ уничтожить обособленное существованіе націй. Эта мысль совершенно затеряна въ переводѣ Плеханова. Рѣчь идетъ вовсе не о томъ, что пролетаріатъ „стремится... устроиться въ предѣлахъ націи“, а о томъ, что ходъ развитія вынуждаетъ его отождествить себя съ націей для того, чтобы перестроить общество на началахъ, отрицающихъ націи.

Другой ошибкой того же порядка является невѣрный переводъ слова Urbarmachung, который въ данномъ контекстѣ ведетъ къ грубому извращенію мысли авторовъ. Слово это встрѣчается въ Манифестѣ два раза. Первый разъ—на стр. 13 подлинника: перечисляя громадныя производительныя силы, созданныя буржуазіей, Манифестъ упоминаетъ и Urbarmachung ganzer Welttheile—расчистку подъ пашню, превращеніе въ пашню цѣлыхъ частей свѣта. Плехановъ переводитъ это мѣсто: „эксплоатація цѣлыхъ частей свѣта“. Это неточно. Манифестъ указываетъ, что капиталъ *сдѣлалъ возможной* эксплоатацію, въ этомъ его прогрессивная роль; онъ создалъ новыя производительныя силы, превративъ въ пашню лѣса, болота, дѣвственную почву, не подчинявшуюся усиліямъ мелкаго производителя. Эксплоатація не создаетъ новыхъ производительныхъ силъ,—она только пользуется уже существующими. Неточность перевода затемняетъ мысль подлинника, но она въ данномъ сочетаніи не создаетъ еще грубаго противорѣчія. Такое противорѣчіе встрѣчаемъ мы въ другомъ мѣстѣ, именно, въ перечнѣ тѣхъ практическихъ мѣропріятій, которыя долженъ осуществить пролетаріатъ, завоевавшій политическую власть. Въ пунктѣ 7-мъ говорится: „Увеличеніе числа національныхъ фабрикъ, орудій производства, расчистка подъ пашню и улучшеніе качества земель по общему плану“ (Vermehrung der Nationalfabriken, Produktionsinstrumente. Urbarmachung und Verbesserung der Ländereien nach einem gemeinschaftlichen Plan). Въ переводѣ Плеханова слова Urbarmachung и дальнѣйшія переведены: „воздѣлываніе и улучшеніе полей по общему плану“. Переводъ Плеханова придаетъ этому мѣсту тотъ смыслъ, что пролетаріатъ, по

достиженіи политической власти, долженъ приступить къ обработкѣ земель по общему плану, т. е. къ введенію соціалистическаго хозяйства въ земледѣліи. Между тѣмъ ничего подобнаго въ Манифестѣ нѣтъ. 10-ти пунктамъ практическихъ мѣропріятій предпосланы слѣдующія строки, выясняющія цѣль и значеніе этихъ мѣропріятій:

„*Первый шагъ* рабочей революціи—это возвышеніе пролетаріата до положенія *господствующаго класса*, завоеваніе *демократіи.*

„Пролетаріатъ воспользуется своей политической властью, чтобы *постепенно вырвать у буржуазіи капиталъ*, централизовать всѣ орудія производства въ рукахъ государства, т. е. *пролетаріата, организованнаго, какъ господствующій классъ*, и возможно скорѣе *увеличить массу производительныхъ силъ*".

Это еще не соціализмъ, это только первые шаги къ соціализму, предпринимаемые пролетаріатомъ, достигшимъ диктатуры. И самый характеръ мѣропріятій всецѣло опредѣляется упомянутой задачей постепеннаго обобществленія средствъ производства и умноженія суммы производительныхъ силъ Такъ, напримѣръ, рекомендуется конфискація имущества, но только у эмигрантовъ и бунтовщиковъ; увеличеніе числа національныхъ фабрикъ, но не экспропріація всѣхъ фабрикъ. Такъ и въ агрономической области Манифестъ имѣетъ въ виду тѣ меліоративныя мѣропріятія, которыя способствуютъ „увеличенію массы производительныхъ силъ". Этимъ Манифестъ пока ограничивается. Объ отмѣнѣ частнаго хозяйства въ промышленности или земледѣліи и замѣнѣ его соціалистическимъ хозяйствомъ эти мѣропріятія не говорятъ ни слова. Поэтому, характеризуя ихъ, Манифестъ говоритъ, что они „съ экономической точки зрѣнія кажутся недостаточными и несостоятельными, но... въ ходѣ развитія идутъ дальше поставленной имъ цѣли". Такимъ образомъ, невѣрный переводъ слова urbar machen, которое буквально значитъ „дѣлать способнымъ, рождать (хлѣбъ)", приводитъ къ извращенію всего хода мысли даннаго мѣста Манифеста; мѣропріятіе, долженствующее облегчить переходъ къ соціализму, принимается за самый соціализмъ.

Наконецъ, неправильности третьяго типа сводятся, собственно говоря, къ одной большой неправильности. Весь Манифестъ проникнутъ своеобразнымъ и весьма интереснымъ ученіемъ о превращеніи пролетаріата въ классъ. Эта мысль красной нитью проходитъ черезъ все изложеніе: въ первой главѣ—очеркѣ развитія буржуазнаго общества въ соціалистическое—эта идея выступаетъ, какъ содержаніе объективнаго историческаго процесса; во второй главѣ, трактующей объ отношеніи коммунистовъ къ пролетаріямъ, идеологовъ къ классу, эта идея формулируется, какъ задача коммунистовъ. Двѣ стороны единаго историческаго процесса—стихійное развитіе пролетаріата и эволюція коммунистическихъ идей — сходятся на этомъ положеніи: въ ходѣ разви-

тія капиталистическаго общества разрозненная масса пролетаріата организуется въ классъ, превращается въ общественную группу, связанную единствомъ матеріальныхъ интересовъ, типичной психологіи и политическихъ задачъ [1]).

Эта мысль „Коммунистическаго Манифеста“ совершенно ускользнула отъ вниманія т. Плеханова. Потому ли, что въ то время (1882 г.) т. Плехановъ еще не проникся тѣмъ специфическимъ діалектическимъ мышленіемъ, которое такъ характерно для авторовъ Манифеста, или, быть можетъ, благодаря отрывочной формулировкѣ, сводящейся къ разрозненнымъ штрихамъ, эта мысль ускользнула отъ вниманія переводчика,—фактъ тотъ, что т. Плехановъ систематически извращаетъ соотвѣтствующія мѣста Манифеста, изгоняя изъ нихъ глубокій соціологическій смыслъ, сводя ихъ къ простому констатированію конкретныхъ явленій. Этихъ мѣстъ не такъ ужъ много—ихъ всего четыре—и они формулированы такъ кратко, что мы приведемъ ихъ полностью, чтобы не быть голословными.

На стр. 16 „Коммунистическій Манифестъ“, отмѣчая, какимъ образомъ процессъ развитія промышленности и путей сообщенія сближаетъ и объединяетъ рабочихъ, говоритъ: „Эта организація пролетаріевъ въ классъ и тѣмъ самымъ въ политическую партію (Organisation der Proletarier Zur Klasse, und damit zur politischen Partei) ежеминутно опять разрушается конкурренціей между самими рабочими“. Плехановъ останавливается передъ выраженіемъ „организація въ классъ“. Оно ему неясно, онъ хочетъ придать ему болѣе понятный смыслъ и—прибавляетъ слово „отдѣльный“; „эта организація пролетаріевъ въ *отдѣльный* классъ, а *вмѣстѣ съ тѣмъ* и въ политическую партію“. Мысль Манифеста получаетъ совершенно другое, гораздо менѣе глубокое толкованіе. Марксу и Энгельсу важно, что масса пролетаріевъ вообще только на извѣстной ступени развитія превращается въ классъ—аморфная масса кристаллизуется, если позволительны аналогіи; тутъ не то важно, что это будетъ „отдѣльный“ классъ, ибо само понятіе класса предполагаетъ „отдѣльность“—т. е. существованіе другихъ классовъ и различіе ихъ интересовъ. Прибавляя словечко „отдѣльный“, Плехановъ, во-первыхъ, совершаетъ плеоназмъ, а, во-вторыхъ, придаетъ данному мѣсту тотъ смыслъ, будто рѣчь идетъ объ отдѣленіи, отграниченіи пролетаріевъ на извѣстной ступени развитія отъ остальныхъ слоевъ общества, а не о превращеніи ихъ изъ массы разрозненныхъ пролетаріевъ въ классъ—пролетаріатъ. Цитированное нами мѣсто, быть можетъ, еще не совсѣмъ ясно показываетъ

---

[1]) См. объ этой идеѣ Маркса мою статью въ „Правдѣ“. Май 1904 г. „Представляетъ ли интеллигенція общественный классъ?“

различіе между идеей Манифеста и идеей Плеханова; это различіе станетъ яснѣе изъ другихъ цитатъ.

Въ главѣ „Пролетаріи и коммунисты“ авторы Манифеста формулируютъ задачи коммунистовъ: „Организація пролетаріата въ классъ, низверженіе буржуазіи, завоеваніе политической власти пролетаріатомъ“. Первая изъ этихъ задачъ выражена въ подлинникѣ даже болѣе рѣзко: Bildung des Proletariats zur Klasse—развитіе пролетаріата въ классъ, превращеніе пролетаріата въ классъ. Рѣчь идетъ о задачахъ рабочихъ партій, и Манифестъ ставитъ первой задачей внесеніе въ пролетаріатъ сознательности, въ цѣляхъ превращенія его въ классъ. Выше мы видѣли, что стихійный процессъ создаетъ объективныя условія созданія класса—объединеніе и сплоченіе пролетаріевъ на почвѣ борьбы съ буржуа; теперь указываются и функціи сознательныхъ элементовъ—идеологовъ: внесеніе сознательности въ пролетаріатъ, развитіе его до уровня класса. Но въ переводѣ Плеханова все это исчезаетъ. „Ближайшая цѣль коммунистовъ,—пишетъ онъ,—та же, что и у другихъ рабочихъ партій: организація *рабочаго класса* и т. д.“ Организація рабочаго класса и превращеніе пролетаріевъ въ классъ—это двѣ совершенно различныя вещи. Манифестъ имѣетъ въ виду соціальную роль идеологовъ по отношенію къ классу, Плехановъ сводитъ вопросъ къ политической задачѣ организаціи рабочаго класса. Идея Манифеста мельчаетъ.

И эта подмѣна глубокаго внутренняго процесса превращенія пролетаріевъ въ классъ, внѣшней организаціонной дѣятельностью, проводится т. Плехановымъ съ поразительной послѣдовательностью, чтобы не сказать, съ упорствомъ. Въ концѣ той же главы Манифестъ, резюмируя задачи пролетаріата въ его развитіи отъ зачаточнаго состоянія до диктатуры, говоритъ: „Когда пролетаріатъ въ борьбѣ противъ буржуазіи, по необходимости, объединяется въ классъ и т. д...“ И здѣсь опять мы встрѣчаемъ у Плеханова то же отрицаніе діалектики: „Пролетаріатъ,—пишетъ онъ,—въ борьбѣ своей противъ буржуазіи объединяется, *какъ классъ*“... Тамъ—объединеніе пролетаріевъ, дѣлающее изъ нихъ классъ; здѣсь—объединеніе пролетаріевъ внутри уже сложившагося класса. И еще разъ встрѣчаемъ мы ту же ошибку въ главѣ о „Критико-утопическомъ соціализмѣ и коммунизмѣ“. „Мѣсто постепенно складывающейся организація пролетаріата въ классъ,—говоритъ Манифестъ,—(должна занять) изобрѣтенная ими самими организація общества“. Плехановъ переводитъ: „Мѣсто постепенно подвигающейся впередъ *классовой организаціи* пролетаріата...“ Но классовая организація пролетаріата—это пролетарская партія, политическій союзъ, представляющій интересы пролетаріата, какъ класса, стремящійся къ завоеванію его диктатуры. Классовая организація, слѣдова-

тельно, предполагаетъ уже наличность сложившагося класса. Манифестъ же говоритъ о процессѣ образованія класса, создающемъ основу и для образованія партіи. Подмѣна одной идеи другою означаетъ лишь Verflachung мыслей Манифеста.

Итакъ, въ переводѣ Плеханова, дѣйствительно, имѣются „неточности, мѣшающія правильному пониманію мыслей автора“, но эти неточности вовсе не тамъ находятся, гдѣ ихъ искалъ г. Поссе. Строгій критикъ повылавливалъ изъ перевода всѣхъ букашекъ, мошекъ, таракашекъ, а слона—глубокихъ, серьезныхъ теоретическихъ промаховъ—онъ не примѣтилъ.

III.

Мы остановились подробнѣе на переводѣ т. Плеханова по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, это самый распространенный переводъ и притомъ считающійся, благодаря авторитету т. Плеханова, самымъ авторитетнымъ. Во-вторыхъ, ошибки переводчика такого свойства, что даютъ возможность затронуть нѣкоторые изъ интереснѣйшихъ вопросовъ теоріи. И разборъ этого перевода показалъ намъ его существеннѣйшіе недостатки; въ смыслѣ точности передачи подлинника, а также въ смыслѣ правильности передачи нѣкоторыхъ мѣстъ его, переводъ Плеханова оставляетъ желать многаго. Правда, зато онъ обладаетъ хорошей литературной формой; въ смыслѣ литературности это безспорно лучшій переводъ.

Прямымъ антиподомъ его является переводъ г. Поссе. Авторъ задался цѣлью дать возможно точный, даже буквальный, переводъ „Коммунистическаго Манифеста“. Онъ совершенно отстранилъ соображенія литературности и переводъ, дѣйствительно, мѣстами кажется какимъ-то чудовищемъ. Стремленіе возможно близко держаться буквы подлинника приводитъ иногда къ самому плачевному результату—къ безграмотному набору словъ. Если въ переводъ Плеханова „закралось много неточностей, мѣшавшихъ правильному пониманію мыслей коммунистической партіи“, то въ переводѣ г. Поссе есть мѣста, мѣшающія, по своей неуклюжести, вообще какому бы то ни было пониманію мыслей Манифеста. Какъ примѣръ переводнаго стиля г. Поссе, приведемъ слѣдующее мѣсто:

Подлинникъ.	*Переводъ.*	*Переводъ г. Поссе.*
„Sie bereitete so die Genugthuung vor, Schmählieder auf ihren neuen Herrscher singen und mehr	„Она подготовила себѣ такимъ образомъ то удовлетвореніе, что могла осыпать насмѣшками	„Она такимъ образомъ подготовила себѣ удовлетвореніе имѣть смѣлость распѣвать оскорбитель-

Подлинникъ.	*Переводъ.*	*Переводъ г. Поссе.*
oder minder unheilschwangere Prophezeiungen ihm ins Ohr raunen zu dürfen“.	своего новаго властителя и шептать ему на ухо пророчества, грозящія большими или меньшими бѣдствіями“.	ныя пѣсни на своего новаго владыку и нашептывать ему на ухо пророчества, чреватыя болѣе или менѣе тяжелыми злополучіями“.

Переводъ у Поссе дословный, но извольте выговорить однимъ духомъ это „удовлетвореніе имѣть смѣлость распѣвать!“ А приведенный отрывокъ весьма характеренъ для перевода г. Поссе и въ смыслѣ его буквальной точности, и въ смыслѣ тяжеловѣсности стиля. Но, какъ мы уже указывали, эта погоня за буквальной точностью не ограничивается неуклюжестью языка, а приводитъ нерѣдко къ затемненію смысла. Какъ позволите, напримѣръ, понять такое мѣсто: „Собственность, при ея современной формѣ, движется въ противоположности капитала и наемнаго труда“. Это буквальный переводъ съ нѣмецкаго, а нѣмецкій оригиналъ хочетъ сказать, что собственность въ ея современной формѣ движется, вращается въ рамкахъ противоположности между трудомъ и капиталомъ, что она ограничена этими рамками, не можетъ изъ нихъ выйти. То же затемненіе мыслей подлинника встрѣчаемъ мы и въ томъ мѣстѣ, гдѣ Манифестъ отмѣчаетъ общественный характеръ капитала. Указавъ, что капиталъ является продуктомъ труда всего общества и можетъ быть приведенъ въ движеніе только этимъ коллективнымъ трудомъ, Манифестъ говоритъ: „Итакъ, капиталъ общественная, а не личная, сила. Слѣдовательно, если капиталъ будетъ превращенъ въ общую, всѣмъ членамъ общества принадлежащую собственность, то при этомъ не произойдетъ превращенія личной собственности въ общественную“. Смыслъ этото предложенія тотъ, что, прежде чѣмъ орудія производства станутъ собственностью соціалистическаго общества, они, еще въ качествѣ частнаго капитала, пріобрѣтаютъ свойства общественной силы. Такимъ образомъ, обобществленіе капитала сводится лишь къ измѣненію общественнаго характера собственности, къ превращенію ея изъ орудія классоваго господства въ средство освобожденія общества и личности. А г. Поссе, переводя и здѣсь не смыслъ, а букву, пишетъ: „Капиталъ, такимъ образомъ, не личная сила, онъ сила общественная. Если, *такимъ образомъ*, капиталъ *превращается* въ общественную, всѣмъ членамъ общества принадлежащую собственность, то здѣсь нѣтъ превращенія личной собственности въ общественную“. Получается такой смыслъ, будто капиталъ, уже въ силу того, что онъ общественный продуктъ и приводится въ

движеніе обществомъ, представляетъ и общественную собственность. Между тѣмъ рѣчь идетъ о томъ измѣненіи, которое произойдетъ, когда капиталъ *будетъ превращенъ* въ общественную собственность, т. е. будетъ экспропріированъ. Въ связи съ этимъ мѣстомъ стоитъ другое, которое въ Манифестѣ гласитъ: „Съ того мгновенья, когда трудъ не сможетъ болѣе быть превращенъ въ капиталъ, деньги, земельную ренту, короче говоря,—въ общественную силу, могущую быть монополизированной, т. е. съ того мгновенья, когда личная собственность не сможетъ болѣе превращаться въ буржуазную—съ этого мгновенья, заявляете вы, личность уничтожена“. Г. Поссе переводитъ это мѣсто слѣдующимъ образомъ: „Съ того момента, какъ работа (?) *не можетъ* болѣе превращаться въ капиталъ, деньги, поземельную ренту..., когда личная собственность *не можетъ* болѣе перевернуться (umschlagen) въ буржуазную, *съ этого момента вы заявляете, будто* личность уничтожена“. Различіе совершенно ясно: въ Манифестѣ говорится, что буржуазія уже теперь, въ борьбѣ съ коммунизмомъ, кричитъ, что, когда личная собственность утратитъ возможность превращаться въ буржуазную, а вмѣсто этого будетъ превращаться въ соціалистическую, личность погибнетъ. У г. Поссе эта мысль „перевернулась“, и получилось такое толкованіе, будто буржуазія начинаетъ вопить объ уничтоженіи личности *послѣ того*, какъ личная собственность утратила указанное свойство. Если сопоставить два разобранныхъ нами только что мѣста, то получается своеобразное толкованіе одной изъ идей Манифеста. Превращеніе капитала въ общественную собственность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и воображаемое уничтоженіе личности, по поводу котораго плачетъ буржуазія,—не пріурочиваются къ моменту переворота, сверженія господства буржуазіи и установленія диктатуры пролетаріата, какъ это имѣетъ въ виду Манифестъ, а изображаются, какъ одинъ изъ моментовъ нормальнаго, эволюціоннаго развитія капиталистическаго общества. Получается какъ бы иллюстрація къ ученію о постепенномъ вростаніи буржуазнаго общества въ соціалистическое—ученію, совершенно чуждому „Коммунистическому Манифесту“.

Погоня г. Поссе за буквальной точностью соединяется нерѣдко съ недостаточной внимательностью, и тогда получается просто безсмыслица. „Буржуазія,—говорится въ переводѣ г. Поссе,—создала болѣе громадныя, болѣе колоссальныя производительныя силы“. Читатель въ недоумѣніи: въ чемъ же тутъ разница—громадныя и колоссальныя; все различіе только въ томъ, что одно слово русское, а другое иностранное. Суть въ томъ, что Манифестъ говоритъ о „болѣе многочисленныхъ и болѣе могущественныхъ производительныхъ силахъ“ (massenhaftere und kolossalere — буквально: „болѣе массовыя и колоссальныя“). Точно также тамъ, гдѣ Манифестъ говоритъ, что положе-

нія коммунистовъ основываются не на „идеяхъ, изобрѣтенныхъ или открытыхъ (erfunden oder entdeckt)“ исцѣлителями міра, у г. Поссе говорится объ идеяхъ, „выдуманныхъ или изобрѣтенныхъ“. Выдуманныя и изобрѣтенныя—это ненужное повтореніе одного и того же понятія; изобрѣтенныя и открытыя—это два пути образованія идей. Не обходится и безъ курьезовъ. Такъ слова „profane französische Litteratur“ (свѣтская французская литература) г. Поссе переводитъ „литература французскихъ *профановъ*“. Это тѣмъ нелѣпѣе, что въ началѣ главы совершенно ясно говорится о „соціалистической и коммунистической литературѣ Франціи“, а „свѣтской“ называетъ ее Манифестъ потому, что проводитъ параллель съ духовной литературой—жизнеописаніями католическихъ святыхъ. Откуда тутъ взялись профаны и что это за профаны—остается тайной г. Поссе. Совсѣмъ ужъ пикантно вышло у г. Поссе то мѣсто, гдѣ говорится о разложеніи буржуазной семьи. „Наши буржуа, — говоритъ Манифестъ, — находятъ величайшее удовольствіе въ томъ, чтобы соблазнять женъ другъ у друга“. Г. Поссе переводитъ: „Наши буржуа находятъ главное удовольствіе въ томъ, чтобы попеременно соблазнять своихъ законныхъ женъ“. Не говоря уже о томъ, что довольно трудно соблазнить *свою* жену, да еще „законную“, интересно знать, что значитъ „попеременно?“ По очереди, что ли? Въ оригиналѣ стоитъ wechselseitig—взаимно, т. е. другъ у друга; но г. Поссе думаетъ: wechseln—мѣнять, значитъ—попеременно [1]).

Мы, конечно, не исчерпали всѣхъ ошибокъ и промаховъ разсматриваемаго перевода. Но и не въ этомъ суть. Намъ важно было показать на примѣрахъ, что цѣль, которой задался г. Поссе, недостигнута. Онъ имѣлъ въ виду дать документально точный переводъ „Коммунистическаго Манифеста“. Но въ погонѣ за буквальной точностью перевода онъ перешелъ ту грань, за которой кончается переводъ мыслей и начинается переводъ словъ. Къ тому же и переводъ словъ у него нерѣдко сводится чуть не къ переводу слоговъ, да и тотъ подчасъ дѣлался прямо невѣрно. Съ другой стороны, онъ тоже не избѣжалъ своеобразнаго извращенія мыслей Манифеста, не говоря уже о томъ, что многія ошибки плехановскаго перевода (Koalition — стачка; Urbarmachung—воздѣлываніе, öffentlich—общественный и т. п.) цѣликомъ

---

[1]) Такого рода курьезы, являющіеся слѣдствіемъ буквальнаго перевода отдѣльныхъ словъ, встрѣчаются довольно часто. Такъ, слово gleichmässig—въ равной мѣрѣ, г. Поссе переводитъ „равномѣрно“, и получается такая нелѣпость: „рабочіе.. *равномѣрно* подвержены... колебаніямъ рынка“. Der eintönigste Handgriff—самое однообразное (монотонное) движеніе руки, переводится „самое *однотонное* движеніе“. Durch den gewaltsamen Sturz der Bourgeoisie—путемъ насильственнаго низверженія буржуазіи—переведено: „могуче низвергнувъ буржуазію“. И такихъ примѣровъ множество.

перешли и въ переводъ г. Поссе. Полное игнорированіе литературной формы мы уже отмѣчали.

Изъ шести переводовъ, отмѣченныхъ нами въ началѣ статьи, только два указанныхъ—переводы Плеханова и Поссе—заслуживаютъ серьезнаго вниманія. Несмотря на всѣ ихъ ошибки и недочеты, въ нихъ видно знаніе предмета, видны пониманіе и старательная работа; у Плеханова, пожалуй, больше пониманія, у Поссе—старательности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это безспорно оригинальная работа. Конечно, г. Поссе не могъ не пользоваться переводомъ Плеханова, и нѣкоторыя мѣста переведены имъ въ плехановскомъ духѣ. Но не въ этомъ дѣло; для оригинальности важно самостоятельно продумать переводимую вещь, и эта самостоятельность пониманія весьма рельефно сказывается на особо трудныхъ мѣстахъ. Переводъ „Коммунистическаго Манифеста“— не малая работа. Масса глубочайшихъ идей, вложенныхъ въ эту маленькую брошюрку, сжатая, строго логическая форма изложенія, наконецъ, своеобразный, сильный и образный языкъ—характерный языкъ Маркса 40 хъ годовъ—все это требуетъ большой вдумчивости и усидчивости отъ переводчика. Идеальнымъ переводомъ былъ бы тотъ, который соединялъ бы съ документальной точностью острый и сильный языкъ подлинника. Два разсмотрѣнныхъ нами перевода не достигаютъ этого совершенства. Не достигаетъ его и переводъ, изданный г. Львовичемъ. Еще дальше отстоятъ отъ него остальные изъ перечисленныхъ переводовъ: именно переводы, вышедшіе въ изданіи Алексѣевой, „Молота“, „Разсвѣта“ и „Колокола“.

Эти послѣднія изданія Манифеста—особенно три послѣднихъ— и по характеру переводовъ, и по внѣшнему виду относятся къ изданіямъ „средней руки“. Среди нихъ сравнительно выдѣляется по тщательности и самостоятельности переводъ, изданный Е. М. Алексѣевой [1]), но и онъ остается посредственнымъ. Правда, полнотѣ и точности этихъ переводовъ сильно мѣшали цензурныя условія—они всѣ вышли еще съ предварительной цензурой. Такъ, напримѣръ, ни одинъ изъ нихъ не носитъ подлиннаго названія: „Манифестъ Коммунистической Партіи“. Всѣ они изданы также безъ вступительной странички (введенія), начинающейся словами: „Призракъ бродитъ по Европѣ...“ Наконецъ, всѣ они—или почти всѣ— страдаютъ тѣми или другими пропусками. Однако, сличивъ эти переводы,—а всѣ они выходили при одинаково скверныхъ условіяхъ,—мы увидимъ, что ихъ внѣшніе недостатки въ значительной мѣрѣ происходятъ также отъ небрежности переводчиковъ или издателей. И здѣсь изданіе Алексѣевой стоитъ выше другихъ. Въ немъ выпущено нѣсколько предложеній въ самомъ концѣ Манифеста и введеніе („Призракъ бродитъ...“). Сокращенію и пере-

---

[1]) Такой же отзывъ можно было бы дать и о переводѣ г. Таубмана, если бы его не испортилъ издатель. Объ этомъ ниже.

дѣлкѣ подверглось также 3-ье предисловіе авторовъ. Изъ него выброшена вся часть, касающаяся Россіи (предисловіе къ русскому изданію 1882 г.) и кромѣ того сдѣланы „поправки", назначеніе которыхъ не совсѣмъ понятно. Самое названіе Манифеста изъ этого перевода вытравлено, фамиліи В. Засуличъ и Г. Плеханова обозначены только иниціалами, хотя въ то же время Плехановъ полностью проставленъ на обложкѣ; слово соціализмъ замѣнено словомъ коллективизмъ, хотя дальше, въ текстѣ, соціализмъ упоминается неоднократно; выброшены и заключительныя слова этого предисловія. Эти купюры тѣмъ страннѣе, что самый текстъ Манифеста напечатанъ почти безъ измѣненій—только слово революціонный замѣнено словомъ прогрессивный. Получается впечатлѣніе, будто это предисловіе взято изъ какого-то другого, еще болѣе „легальнаго", изданія. Тѣмъ не менѣе данный переводъ Манифеста самый полный и самый тщательный изъ четырехъ указанныхъ.

Хуже обстоитъ дѣло съ переводомъ г. Таубмана въ изданіи „Молота". Онъ изданъ вообще безъ всякихъ предисловій и безъ введенія. Заключительныя слова тоже выброшены. Это, конечно, можетъ быть объяснено желаніемъ дать дешевое агитаціонное изданіе, а также цензурными соображеніями. Но дальше идутъ уже пробѣлы, которые всецѣло должны быть отнесены насчетъ неряшливости изданія. Такъ, въ концѣ 2-й главы выпущенъ цѣлый абзацъ; на стр. 29 подстрочное примѣчаніе попало въ текстъ и притомъ въ текстъ не той главы, къ которой относится; на послѣдней же страницѣ прямо какой-то хаосъ. Глава III неожиданно прерывается передъ абзацомъ, начинающимся словами: „Значеніе критико-утопическаго соціализма..." Тутъ же вплотную, безъ всякихъ указаній, слѣдуетъ глава IV и притомъ сразу съ 3-го абзаца. Послѣ словъ „коммунисты поддерживаютъ повсюду всякое революціонное движеніе" вдругъ ставится точка, а продолженіе этого предложенія попадаетъ въ слѣдующій абзацъ, уже совершенно ни къ селу, ни къ городу. Послѣ предложенія: „Наконецъ, коммунисты стремятся повсюду къ соединенію и соглашенію между демократическими партіями всѣхъ странъ", въ которомъ „демократическія партіи" замѣняются почему-то „рабочими партіями", Манифестъ заканчивается. Чѣмъ объясняется подобное, болѣе чѣмъ странное, обращеніе съ историческимъ документомъ, понять трудно. Можетъ быть, съ коммерческой точки зрѣнія и выгоднѣе выбросить нѣсколько гранокъ, чтобы умѣстить брошюру на 32-хъ страницахъ, но выпускать Манифестъ въ подобномъ видѣ на рынокъ, значитъ—давать публикѣ завѣдомо негодный товаръ.

Переводъ, изданный „Разсвѣтомъ" подъ редакціей Чапинскаго, представляетъ еще одну ступень упрощенія. Кромѣ предисловій, введенія и заключительныхъ словъ, здѣсь выброшены между

прочимъ и всѣ примѣчанія. Къ чему, молъ, лишнія слова? Насчетъ терминологіи редакція г. Чапинскаго хромаетъ. На обложкѣ написано: „Общественные классы и коммунизмъ“. Во II главѣ слово коммунизмъ замѣняется словомъ коллективизмъ; въ III опять воскресаетъ коммунизмъ. Повидимому, брошюру редактировало, по крайней мѣрѣ, три гг. Чапинскихъ.

Буквально то же самое нужно сказать и объ анонимномъ переводѣ, изданномъ „Колоколомъ“. Онъ тоже освободился отъ всякихъ предисловій и примѣчаній и тоже не знаетъ, что выбрать: коммунизмъ или коллективизмъ.

Такимъ образомъ издательская и редакціонная внѣшность этихъ четырехъ переводовъ, особенно трехъ послѣднихъ, представляетъ очень печальную картину. Посмотримъ же, какова внутренняя цѣнность самихъ переводовъ.

IV.

Мы уже упоминали, что всѣ эти переводы болѣе или менѣе средней руки. Но изъ нихъ мы должны выдѣлить, какъ самостоятельные, переводъ въ изданіи Алексѣевой и переводъ г. Таубмана.

Переводъ, изданный Алексѣевой (для краткости будемъ называть его переводомъ Алексѣевой), передаетъ мысли подлинника довольно свободно, не придерживаясь близко текста, совершенно не отражая своеобразнаго языка оригинала. Въ самыхъ трудныхъ мѣстахъ онъ по большей части слѣдуетъ переводу Плеханова. Но это не мѣшаетъ ему вносить въ свой переводъ и совершенно самостоятельныя ошибки. Приведемъ нѣсколько образцовъ, характеризующихъ самый типъ перевода.

Переводъ Алексѣевой.	*Подлинникъ.*
„Старый способъ производства не могъ уже удовлетворять потребностямъ, которыя съ открытіемъ новыхъ рынковъ стали возрастать. Ремесло, опутанное феодальными привилегіями, уступило свое мѣсто мануфактурѣ. Мелкая промышленная буржуазія вытѣснила цеховыхъ мастеровъ. Раздѣленіе труда между отдѣльными цехами исчезло и замѣнилось раздѣленіемъ труда внутри мастерской“.	„Существовавшій до тѣхъ поръ въ промышленности феодальный или цеховой способъ производства былъ не въ силахъ удовлетворить потребности, растущія вмѣстѣ съ новыми рынками. Его мѣсто заняла мануфактура. Цеховые мастера были вытѣснены промышленнымъ среднимъ сословіемъ; раздѣленіе труда между различными корпораціями исчезло передъ раздѣленіемъ труда внутри одной мастерской“.

Этотъ вольный переводъ мѣстами переходитъ въ простое переложеніе своими словами мыслей Манифеста. Напримѣръ:

Переводъ Алексѣевой.

„Французскій оригиналъ служилъ у нихъ надстройкой на фундаментѣ ихъ собственныхъ философскихъ безсмыслицъ".

Подлинникъ.

„Они вписали свой философскій вздоръ подъ французскій оригиналъ".

Эти примѣры показываютъ общій типъ перевода. Изъ нихъ ясно, что напрасно искали бы мы въ немъ документальной точности, а тѣмъ болѣе языка и настроенія оригинала. Подобный переводъ годится для популяризаціи идей Манифеста, но онъ совершенно не пригоденъ для основательнаго изученія ихъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что переводъ сдѣланъ вполнѣ самостоятельно—нерѣдко даже, къ сожалѣнію, самостоятельно, такъ какъ въ ущербъ вѣрности. Однако, нѣкоторыя трудныя мѣста взяты у Плеханова или переведены по Плеханову. Сюда относится, прежде всего, та характеристика революціонности мелкой буржуазіи (среднихъ сословій), изъ-за которой ополчился на Плеханова г. Поссе. Читатель помнитъ еще, въ чемъ заключалась неправильность перевода Плеханова. Повторить ту же неправильность, не имѣя передъ глазами этого перевода, невозможно. А, между тѣмъ, въ переводѣ Алексѣевой онъ повторенъ полностью, несмотря на измѣненіе отдѣльныхъ выраженій.

Переводъ Алексѣевой.

„Если ихъ дѣятельность иногда получаетъ *прогрессивное* [1]) *значеніе*, то лишь *постольку, поскольку* имъ угрожаетъ переходъ въ ряды пролетаріата, т. е. *поскольку* они защищаютъ свои будущіе интересы, а не настоящіе, *поскольку* они оставляютъ свою собственную точку зрѣнія и становятся на точку зрѣнія пролетаріата".

Переводъ Плеханова.

„Если они имѣютъ *революціонное значеніе*, то лишь *постольку, поскольку* имъ предстоитъ переходъ въ ряды пролетаріата, *поскольку* они защищаютъ не современные, но будущіе свои интересы, *поскольку* они покидаютъ свою точку зрѣнія и становятся на точку зрѣнія пролетаріата [2])".

Хотя здѣсь измѣнено очень много отдѣльныхъ выраженій, но конструкція періода цѣликомъ плехановская. Слѣдуетъ замѣтить, что въ подлинникѣ предложеніе построено иначе (см. выше кри-

---

[1]) Читай: революціонное. Слово „прогрессивное" поставлено въ утѣшеніе цензора.

[2]) Подчеркнуты мѣста, отмѣченныя г. Поссе у Плеханова, какъ неправильныя.

тику г. Поссе). Другое затруднительное мѣсто, представляющее особенныя стилистическія трудности, слѣдующее: „Die Proletarier haben nichts von dem Ihrigen zu sichern, sie haben alle bisherigen Privatsicherheiten und Privatversicherungen zu zerstören“. Перевести это мѣсто такой же сильной и сжатой фразой крайне трудно. Оно значитъ: „У пролетаріевъ нѣтъ своей собственности для обезпеченія, они должны разрушить всякую существовавшую до сихъ поръ частную обезпеченность и всѣ прежніе способы частнаго обезпеченія“. Вотъ какъ переведено это мѣсто:

Переводъ Алексѣевой.

„Пролетаріямъ нечего упрочивать; они должны, напротивъ, разрушить всѣ упрочившіеся способы частнаго обогащенія и частнаго обезпеченія“.

Переводъ Плеханова.

„Пролетаріямъ нечего упрочивать, они должны, напротивъ, разрушить всѣ упрочившіеся способы частнаго обогащенія и частнаго обезпеченія“.

Случайное совпаденіе переводовъ такого труднаго мѣста, конечно, немыслимо.

Мы не будемъ останавливаться на отдѣльныхъ неточностяхъ и неправильностяхъ этого перевода; пришлось бы писать объ этомъ цѣлую брошюру [1]). Да это и не нужно. Мѣстами отдѣльныя выраженія, которыя у Плеханова переведены неточно, встрѣчаются здѣсь въ лучшей передачѣ. Такъ, напримѣръ, слово Urbarmachung въ первомъ случаѣ переводится „вовлеченіе въ обработку“ цѣлыхъ частей свѣта. Это еще не совсѣмъ точно, но гораздо вѣрнѣе, чѣмъ „эксплоатація“. Но зато въ другомъ случаѣ этотъ терминъ переводится вслѣдъ за Плехановымъ словомъ „обработка“, и это доказываетъ, что переводчикъ не вдумался въ идею „мѣропріятій“ побѣдившаго пролетаріата. То же самое происходитъ и съ пресловутой „организаціей пролетаріата въ классъ“. Одинъ разъ соотвѣтствующее мѣсто переведено вѣрно, но зато во второмъ случаѣ фигурируетъ уже „организація пролетаріевъ въ *классовую партію*“, т. е. ясно, что переводчикъ не усвоилъ этой идеи, а поскольку переводилъ вѣрно, дѣлалъ это случайно, исключительно благодаря тому, что строго придерживался въ данномъ мѣстѣ оригинала. Если переводчикъ мѣстами переводилъ неправильно или слишкомъ вольно, то въ одномъ онъ неповиненъ — онъ не присочинялъ ничего къ подлиннику. Но въ концѣ онъ все же не удержался и отъ этого грѣха. Въ

[1]) Отмѣчу только одинъ стилистическій цвѣтокъ; „нѣмецкіе соціалисты нарядили *пару* своихъ вѣчныхъ истинъ“. Пора бы переводчикамъ усвоить себѣ, что по-русски пара означаетъ *ровно два*, а не нѣсколько, какъ на нѣмецкомъ или польскомъ языкѣ. Можно говорить, поэтому, о парѣ лошадей, о парѣ сапогъ, но не о парѣ истинъ.

послѣднемъ абзацѣ онъ выбросилъ ради цензуры слѣдующее мѣсто: „Они (коммунисты) открыто заявляютъ, что ихъ цѣли могутъ быть достигнуты лишь путемъ насильственнаго низверженія всего существующаго общественнаго строя. Пусть господствующіе классы дрожатъ передъ коммунистической революціей". Но когда онъ вычеркнулъ эти строки, ему стало жалко. И, ничто-же сумняшеся, онъ присочинилъ вмѣсто нихъ: „Они обращаются съ своимъ призывомъ къ пролетаріату"... Получилась холщевая заплата на бархатномъ кафтанѣ. Это уже отъ лукаваго.

Переводъ г. Таубмана, изданный „Молотомъ", въ общемъ подходитъ по типу къ переводу Алексѣевой. Если отвлечься отъ операціи, продѣланной издателемъ надъ концомъ перевода,—переводчикъ, вѣроятно, въ этомъ мало повиненъ, — то придется признать самый переводъ не ниже средняго. Взятый въ цѣломъ, онъ, пожалуй, даже точнѣе алексѣевскаго, но съ отдѣльными, болѣе трудными, мѣстами онъ справляется хуже. Вотъ, для примѣра, отрывокъ, характеризующій степень точности и литературности перевода:

Переводъ Таубмана.	*Подлинникъ.*
„Современное буржуазное общество съ его буржуазной формой производства и международныхъ отношеній, съ его буржуазными имущественными отношеніями, общество, которое, словно по волшебству, создало столь грандіозныя средства производства и сообщенія, похоже на чародѣя, не могущаго болѣе справиться съ тѣми подземными силами, которыя онъ самъ вызвалъ своими заклинаніями".	„Буржуазныя отношенія производства и обращенія, буржуазныя имущественныя отношенія, короче, современное буржуазное общество, создавшее, какъ бы по волшебству, такія могучія средства производства и обращенія, уподобляется тому волшебнику, который не въ силахъ болѣе заворожить вызванныя имъ подземныя силы".

Такой переводъ, конечно, нельзя назвать документально точнымъ, но онъ въ общемъ правильно передаетъ мысль оригинала и притомъ въ вполнѣ удовлетворительной литературной формѣ. Но въ отдѣльныхъ мѣстахъ встрѣчаются грубыя неправильности. „Открытіе Америки... предоставило въ распоряженіе буржуазіи *новыя земли*"—пишетъ переводчикъ. Между тѣмъ рѣчь идетъ о созданіи новаго поля дѣятельности (neues Terrain). Знакомая намъ уже Urbarmachung переводится—вслѣдъ за Плехановымъ—то „эксплоатаціей", то „обработкой", что, какъ мы видѣли уже, совершенно не вѣрно. Весьма грубую ошибку дѣлаетъ г. Таубманъ также въ слѣдующемъ мѣстѣ: на стр. 13 нѣмецкаго оригинала

говорится: „На извѣстной ступени развитія этихъ средствъ производства и обращенія, условія, въ которыхъ производило и обмѣнивало феодальное общество, феодальная организація земледѣлія и мануфактуры, однимъ словомъ — феодальныя имущественныя отношенія перестали соотвѣтствовать развившимся производительнымъ силамъ“. Г. Таубманъ переставляетъ ходъ мысли авторовъ, и у него получается такое положеніе: „На извѣстной ступени развитія этихъ средствъ производства и сообщенія, окрѣпшія уже производительныя силы не соотвѣтствовали болѣе тѣмъ условіямъ, въ рамкахъ которыхъ совершался процессъ производства и обмѣна въ феодальномъ обществѣ, феодальной организаціи земледѣлія и мануфактуры,—словомъ, всѣмъ феодальнымъ имущественнымъ отношеніямъ“.

Здѣсь все перевернуто вверхъ ногами. Марксизмъ учитъ, что развивающіяся производительныя силы создаютъ опредѣленныя производительныя и имущественныя отношенія; въ дальнѣйшемъ развитіи онѣ перерастаютъ эти отношенія, „рынки“ перестаютъ соотвѣтствовать производительнымъ силамъ. По Таубману же происходитъ совершенно наоборотъ: развитіе средствъ производства и обращенія приводитъ къ тому, что „окрѣпшія“ (?) производительныя силы не соотвѣтствуютъ „болѣе“ (!!) имущественнымъ отношеніямъ. Получается марксизмъ наизнанку. Весьма упрощенно переведено въ изданіи „Молота“ уже знакомое намъ мѣсто, касающееся революціонности мелкой буржуазіи. Вотъ переводъ его: „Революціонны изъ нихъ только тѣ, которые прониклись сознаніемъ, что имъ предстоитъ переходъ въ ряды пролетаріата, и въ такомъ случаѣ они защищаютъ не свои настоящіе, а свои будущіе интересы, они оставляютъ свою собственную точку зрѣнія и становятся на точку зрѣнія пролетаріата“. Это совершенно невѣрно. Во-первыхъ, Манифестъ одинаково говоритъ о всѣхъ „среднихъ сословіяхъ“, не раздѣляя ихъ на „тѣхъ“ и „не тѣхъ“; во-вторыхъ, г. Таубманъ подмѣниваетъ объективный, стихійный процессъ—субъективнымъ, сознательнымъ. Манифестъ вовсе не говоритъ, что они революціонны, *ибо* прониклись сознаніемъ и т. д.; напротивъ, онъ утверждаетъ, что они консервативны и даже реакціонны. Но *если* они становятся на революціонный путь, то это возможно лишь потому, что развитіе капитализма толкаетъ ихъ къ пролетаризаціи; они не сознаютъ — по крайней мѣрѣ не сознаютъ, какъ классъ (или группа)—неизбѣжности гибели, но въ нихъ стихійно побѣждаютъ элементы разложенія, пролетаризаціи надъ элементами самосохраненія, консерватизма, и они становятся революціонерами. Слѣдовательно, вся сложная задача сводится къ тому, чтобы объяснить источникъ революціонности консервативнаго по существу класса. Г. Таубманъ слишкомъ упростилъ задачу, и никакого объясненія не получилось. Вѣдь мелкіе буржуа, *сознав-*

шіе необходимость перехода въ пролетаріатъ, теряютъ тѣмъ самымъ характерныя черты мелкобуржуазной психологіи и приближаются къ психологіи пролетарской.

Что касается интересующаго насъ вопроса объ „организаціи пролетаріата въ классъ“, то соотвѣтствующія мѣста перевода правильны, хотя въ началѣ II главы употреблено неопредѣленное выраженіе: „сплоченіе пролетаріата въ классъ“. Оно позволяетъ думать, что переводчикъ самой идеи все-таки не усвоилъ. Вѣдь „организація въ классъ“ имѣетъ въ виду не одно механическое объединеніе, сплоченіе, не количественный моментъ, а моментъ качественный, преобразованіе суммы разрозненныхъ единицъ въ высшую коллективную единицу. Превращеніе некласса въ классъ — это одна изъ иллюстрацій діалектическаго превращенія количества въ качество.

Встрѣчаются у г. Таубмана и курьезы. Такъ, напримѣръ, онъ пишетъ: „Они (реакціонеры) размахивали, какъ знаменемъ, пролетарской сумой въ надеждѣ привлечь на свою сторону народъ. Но при каждой попыткѣ послѣдовать за ними, онъ, увидѣвъ *на оборотной сторонѣ этого знамени* старый феодальный гербъ, разбѣгался съ громкимъ и непочтительнымъ хохотомъ“. На самомъ же дѣлѣ гербъ, оказывается, „на оборотной сторонѣ“ не знамени, а самихъ феодаловъ—такъ-таки и сказано: auf ihrem Hintern.

Переводъ, изданный „Разсвѣтомъ“ подъ редакціей г. Чапинскаго, производитъ сначала какое-то странное впечатлѣніе. Его „вольность“ доходитъ до простого пересказа. Напримѣръ, то мѣсто, которое мы приводили, какъ образецъ перевода г. Таубмана, переведено, или, правильнѣе, изложено такъ: „Буржуазныя условія производства и обращенія, создавшія такія могучія средства производства и обращенія, походятъ на волшебника, который не можетъ справиться съ вызванными имъ самимъ подземными силами“. И этотъ упрощенный переводъ кишитъ кромѣ того ошибками и пропусками. Однако, самостоятельное творчество г. Чапинскаго продолжается не долго. Убѣдившись, повидимому, на первой главѣ въ безуспѣшности своего труда, переводчикъ предпочелъ въ дальнѣйшемъ прямо обратиться за помощью къ существующимъ уже переводамъ. Но взять, напримѣръ, переводъ г. Поссе и просто переписать его переводчикъ и редакторъ считали, повидимому, неудобнымъ. Поэтому они берутъ отдѣльныя мѣста изъ двухъ переводовъ—Поссе и Алексѣевой, переплетая ихъ собственнымъ творчествомъ. Получается довольно забавная смѣсь. Вотъ для примѣра отрывокъ:

„Она (аристократія) такимъ образомъ находила себѣ удовлетвореніе въ томъ, что сочиняла *оскорбительные* куплеты *на* своего новаго господина, нашептывала ему на ухо пророчества о великихъ бѣдствіяхъ“.

Алексѣева.

„Такъ *возникъ* феодальный соціализмъ, эта смѣсь *жалобъ* съ пасквилями, отголосковъ прошлаго съ лепетомъ будущаго.“

Алексѣева въ редакціи Чапинскаго.

„Если *онъ иногда поражалъ* буржуазію въ самое сердце ѣдкой критикой, то всегда вызывалъ комическое впечатлѣніе своей полной неспособностью понять ходъ новѣйшей исторіи.“

Смѣсь Алексѣевой, Поссе и Чапинскаго.

„Чтобы привлечь къ себѣ народъ, они выбирали себѣ знаменемъ нищенскую суму. Но какъ только народъ собирался слѣдовать за ними, онъ замѣчалъ, что у этихъ знаменосцевъ спины украшены старыми феодальными гербами, и онъ тотчасъ же разбѣгался съ громкимъ и непочтительнымъ смѣхомъ.“

Алексѣева.

„Лучше всего разыграли эту комедію часть французскихъ легитимистовъ и Молодая Англія“.

Поссе.

Мы отмѣтили курсивомъ тѣ мѣста, которыя г. Чапинскій измѣнилъ въ текстѣ Алексѣевой и Поссе. Какъ видитъ читатель, редакторская работа не была очень обременительной. Впрочемъ, справедливость требуетъ признать, что г. Чапинскій внесъ и кое-какую отсебятину, „углубивъ“ Алексѣеву и Поссе, а тѣмъ самымъ и Манифестъ. Тамъ, гдѣ говорится, что феодалы „умѣютъ мѣнять свои рыцарскія доблести, честь, любовь и вѣрность на овечью шерсть, свекловицу и *водку*“, г. Чапинскій скромно замѣняетъ „водку“—„сахаромъ“. Причина этого непостижима: ужъ не принадлежитъ ли г. Чапинскій къ обществу трезвости? [1])

Если на разборъ перевода „Коммунистическаго Манифеста“ въ изданіи „Разсвѣта“ потребовалось немного словъ, то еще меньше нужно ихъ для характеристики изданія „Колокола“. Ибо этотъ переводъ представляетъ не что иное, какъ перепечатку перевода Алексѣевой. Добро бы еще была это простая, точная перепечатка. Времена были тогда свирѣпыя, захватныя. Считаться съ правами литературной собственности не приходилось—дай Богъ живу остаться, а собственность вообще уже упразднять собирались. Захватить чужой переводъ и перепечатать было вполнѣ въ по-

[1]) Совершенно то же продѣлываетъ и анонимъ изъ „Колокола“. Это наводитъ на мысль, что г. Чапинскій пользовался не прямо переводомъ Алексѣевой, а лишь его извращеннымъ колоколовскимъ изданіемъ (объ этомъ смотри ниже). Но тогда непонятна одна хронологическая подробность: изданіе „Разсвѣта“ „дозволено“ 3-го августа, изданіе „Колокола“ только 4-го сентября, т. е. на мѣсяцъ позже. Или Чапинскіе изъ „Разсвѣта“ сносятся съ Чапинскими изъ „Колокола“ путемъ внушенія на разстояніи?

рядкѣ вещей; экспропріированному переводчику оставалось хоть то моральное утѣшеніе, что полезная книжка въ его переводѣ двинется въ количествѣ нѣсколькихъ десятковъ или сотенъ тысячъ экземпляровъ на завоеваніе умовъ. Но переводчику алексѣевскаго изданія Манифеста „Колоколъ“ не оставилъ и этого утѣшенія. Онъ подыскалъ себѣ тоже Чапинскаго, хотя и не рѣшившагося выставить свою фамилію, и поручилъ ему „исправить“ алексѣевскій переводъ, И дѣйствительно, послѣ каждыхъ 4—5 страницъ буквальной перепечатки вы натыкаетесь вдругъ на усердную и неуклюжую руку „редактора“. Начинается чистка. Слово „сноровка“ замѣняется „ловкостью“, „заработная плата“—„фабричной (?) платой“, „рантье“—„мелкимъ рантье“ и т. д. Иногда переставляются цѣлыя фразы: „Они направляютъ свою борьбу не только противъ буржуазныхъ отношеній производства, но и противъ самихъ орудій производства“—совершенно правильно переводитъ Алексѣева. Нѣтъ, думаетъ себѣ „редакторъ“ изъ „Колокола“, не такъ надо сказать; надо сказать „стриганулся“. И онъ пишетъ: „Они *не довольствуются* борьбою противъ *одного только* буржуазнаго способа производства, но и направляютъ свою борьбу противъ орудій производства“. Неправда ли, углубилъ? Борьба противъ способа производства слишкомъ узкая задача, рабочіе расширяютъ ее и начинаютъ громить машины! И „выправивъ“ такимъ образомъ переводъ въ одномъ мѣстѣ, „редакторъ“ жаритъ дальше нѣсколько страницъ дословно изъ „оригинала“— оригиналомъ для него является переводъ Алексѣевой, ибо нѣмецкаго подлинника онъ, повидимому, и въ глаза не видалъ,— и такъ до новой остановки, до новой „редакторской работы“. Нечего прибавлять, что въ результатѣ средній по качеству переводъ Алексѣевой превращается въ скверный переводъ анонима изъ „Колокола“.

Нѣсколько особое мѣсто занимаетъ переводъ г. Шаха, изданный г. Львовичемъ. Это послѣдній изъ вышедшихъ переводовъ; онъ изданъ безъ помощи предварительной цензуры, а потому и принадлежитъ къ числу немногихъ безусловно полныхъ переводовъ (пока, кромѣ него, полнымъ является только изданіе „Знанія“, ибо переводъ г. Поссе все-таки имѣетъ одинъ пропускъ). По своему характеру переводъ этотъ стоитъ выше средняго, онъ ближе къ переводамъ Плеханова и Поссе, чѣмъ къ остальнымъ. Онъ могъ бы быть даже лучшимъ изъ переводовъ, если бы онъ не повторялъ ряда неточностей, ставшихъ, повидимому, традиціонными, и если бы авторъ его не страдалъ потребностью комментировать текстъ, добавляя къ нему отдѣльные пояснительные или усиливающіе эпитеты. А эти мелочные придатки разсѣяны такъ густо, что придаютъ всему переводу нежелательный колоритъ.

Такъ „призракъ“, появившійся въ Европѣ, кажется г. Шаху

„страшнымъ“, хотя Манифестъ объ этомъ умалчиваетъ (впрочемъ, честь изобрѣтенія этого „страха“ принадлежитъ еще Плеханову). „Естественные“ начальники, о которыхъ говоритъ Манифестъ (стр. 28 изд. „Знанія“), превращаются въ людей, поставленныхъ „волей Божіей“—хотя это ужъ совсѣмъ противоестественно. Переводчикъ вообще страдаетъ богословскими наклонностями; такъ знакомыя намъ уже „чудеса искусства“, созданныя буржуазіей, у него выступаютъ въ качествѣ „много чудесъ“, причемъ это „много“—полнѣйшая отсебятина. Вмѣсто словъ „безконечнымъ облегченіемъ сношеній“ (стр. 29) г. Шахъ вставляетъ „пояснительный“ текстъ — „созданіемъ чрезвычайно удобныхъ и доступныхъ путей сообщенія“. „Лишь только заканчивается эксплоатація рабочаго фабрикантомъ“,—пишетъ Манифестъ, а г. Шахъ прибавляетъ: „совершенная этимъ послѣднимъ по мѣрѣ силъ и умѣнія“. Эту безспорную истину переводчикъ нашелъ во всякомъ случаѣ не въ подлинникѣ, а въ самомъ себѣ. То, что вамъ понятно,—обращается, Манифестъ къ буржуазіи—относительно античной и феодальной собственности, „становится вамъ уже непонятнымъ“, когда рѣчь идетъ о собственности буржуазной. Переводчику кажется слишкомъ слабымъ это „становится непонятнымъ“, и онъ замѣняетъ его страстнымъ выкрикомъ: „вы не смѣете, не рѣшаетесь понять“. Нечего прибавлять, что это совершенно извращаетъ смыслъ Манифеста: тамъ говорится объ объективной неспособности буржуазіи приложить то же мѣрило къ ея строю, какое она прилагаетъ къ отжившему обществу. А г. Шахъ вкладываетъ чисто-субъективный смыслъ нежеланія, боязни понять. Тамъ, гдѣ выдвигается требованіе „конфискаціи имуществъ всѣхъ эмигрантовъ и мятежниковъ“, переводчикъ почему-то прибавляетъ: „возставшихъ противъ переворота“. Ужъ не опасается ли г. Шахъ, что безъ его добавленія конфискуютъ имущество революціонеровъ, эмигрировавшихъ до переворота?

Все это мелочи—частью курьезныя, частью досадныя,—но онѣ крайне характерны для даннаго перевода: онѣ неотъемлемая индивидуальная особенность переводчика. Ихъ такая масса, онѣ такъ густо разсѣяны по всей книгѣ, что нѣтъ страницы безъ такихъ „добавленій“, „разъясненій“ и „углубленій“. И это значительно понижаетъ цѣнность перевода.

Но, наряду съ этими особенностями, г. Шахъ перенесъ въ свой переводъ цѣлый рядъ традиціонныхъ извращеній, настолько, повидимому, укоренившихся въ передовой литературѣ Коммунистическаго Манифеста, что переводчикамъ даже въ голову не приходитъ возможность усомниться въ правильности этой традиціи. Такъ мы встрѣчаемъ здѣсь уже знакомую намъ Urbarmachung. Одинъ разъ она переводится, какъ вовлеченіе „въ промышленный оборотъ цѣлыхъ частей свѣта“, что, конечно, не имѣетъ никакого отношенія къ *созданію* производительныхъ

силъ въ земледѣліи. Другой разъ это слово переводится—„разработка пахотныхъ земель“; это, какъ мы уже указывали, совершенно невѣрно. Извѣстный абзацъ съ революціонностью мелкой буржуазіи переведенъ—съ внѣшней стороны—какъ у Плеханова, но по содержанію совершенно невѣрно: „Если же они и революціонны,—переводитъ г. Шахъ,—то лишь постольку, поскольку они понимаютъ предстоящій имъ переходъ въ ряды пролетаріата, поскольку они защищаютъ не нынѣшніе, а будущіе свои интересы, поскольку они оставляютъ свою точку зрѣнія, чтобы стать на точку зрѣнія пролетаріата“. Здѣсь революціонность мелкой буржуазіи изображена, какъ субъективное настроеніе, создающееся благодаря пониманію неизбѣжнаго перехода въ ряды пролетаріата. Это чистѣйшій вымыселъ переводчика. Мы уже отмѣчали выше, при разборѣ перевода г. Таубмана, что Манифестъ говоритъ объ объективныхъ, общественныхъ условіяхъ революціонизированія мелкой буржуазіи, а не о субъективномъ психологическомъ моментѣ.

Мы не будемъ останавливаться на многочисленныхъ мелкихъ неточностяхъ, которыми пестритъ этотъ переводъ. Эти мелочи тѣмъ и досадны, что портятъ работу, которая безъ нихъ могла бы быть поставлена на одно изъ первыхъ мѣстъ. Въ литературномъ отношеніи это одинъ изъ лучшихъ переводовъ; серьезныхъ, крупныхъ ошибокъ въ немъ меньше, чѣмъ въ любомъ изъ остальныхъ; но всѣ эти мелкія вольности лишаютъ переводъ характера точнаго документа, на который можно положиться и на который можно ссылаться, не опасаясь попасть въ просакъ.

Итоги нашего разбора получились довольно плачевные. Изъ семи разсмотрѣнныхъ переводовъ два приходится совершенно отстранить, какъ рыночную макулатуру. Два другихъ—переводы, изданные Алексѣевой и „Молотомъ“—представляются средними по достоинству [1]); они были бы вполнѣ удовлетворительны, если бы рѣчь шла о средней, обыкновенной брошюрѣ. Но мы имѣемъ дѣло съ выдающимся произведеніемъ соціалистической литературы, историческимъ документомъ, отдѣльныя выраженія котораго цитируются въ спорахъ, разбираются, комментируются. И средній типъ перевода здѣсь неумѣстенъ. По той же причинѣ приходится признать неудовлетворительными и два лучшіе изъ перечисленныхъ переводовъ—переводъ Плеханова и Поссе, а также переводъ Вл. Шаха. Литературность перваго, его глубокая, мѣткая передача отдѣльныхъ мѣстъ не можетъ искупить грубыхъ и крайне серьезныхъ ошибокъ. Недостатки второго—отдѣльныя не-

---

[1]) Къ тому же переводъ г. Таубмана превращенъ издателемъ въ никуда негодную вещь, а потому тоже долженъ быть отнесенъ въ разрядъ макулатуры. Критика его имѣетъ только литературный интересъ.

правильности и передача мѣстами не смысла, а буквы подлинника—дѣлаютъ и его мало пригоднымъ для пользованія при серьезномъ изученіи вопроса. Масса мелкихъ неточностей заставляетъ признать неудовлетворительнымъ и третій переводъ. Только тщательная выправка переводовъ Поссе и Шаха, да основательная передѣлка перевода Плеханова могли бы сдѣлать изъ нихъ переводы, достойные подлинника.

П. Орловскій.

Карлъ Марксъ и его время.

Очерки.

II.

Политическое положеніе Германіи въ началѣ сороковыхъ годовъ.—Окончаніе Марксомъ университетскаго курса и мечты о профессорской дѣятельности. — Первыя литературныя произведенія Маркса и ихъ характеръ. — Сотрудничество въ „Рейнской Газетѣ" и увлеченіе Гегелемъ. — Закрытіе „Рейнской Газеты". — Увлеченіе Маркса Фейербахомъ. — Пессимистическое настроеніе нѣмецкой интеллигенціи и оптимизмъ Маркса. — „Нѣмецко-Французскіе Ежегодники" и сотрудничество въ нихъ К. Маркса.

Царствованіе Фридриха-Вильгельма III († 1840 г.) было эпохой глухой реакціи. Мрачный король защищалъ неограниченный режимъ съ непримиримостью и неутомимостью своей ограниченной натуры. И, чѣмъ больше разгоралось оппозиціонное движеніе, тѣмъ мрачнѣе и суровѣе становилась реакція. Въ пылу національнаго увлеченія, вызваннаго освободительной войной съ французами, Фридрихъ-Вильгельмъ III торжественно обѣщалъ даровать нѣмецкому народу конституцію; онъ въ двадцатыхъ годахъ, въ виду стѣсненнаго финансоваго положенія государства, вновь повторилъ это обѣщаніе, но затѣмъ; онъ не только не приводилъ его въ исполненіе, но принялся ожесточенно преслѣдовать всякіе разговоры о конституціи; все конституціонное движеніе онъ принималъ чуть ли не за личное оскорбленіе и высказывалъ твердую увѣренность, что ему удастся арестовать все освободительное движеніе и засадить его въ тюрьму. Подобная надежда была, конечно, наивной утопіей, но, при мрачномъ реакціонномъ правительствѣ Фридриха-Вильгельма III, освободительное движеніе не получило въ Германіи особенно широкаго развитія. Имъ былъ охваченъ собственно лишь только тонкій верхній слой общественной пирамиды. Въ широкой массѣ народа уже началось глухое броженіе, но оно еще не получило сознательнаго политическаго характера. Рабочій классъ былъ еще очень малочисленъ и никакой самостоятельной политической роли еще не игралъ. Все освободительное движеніе выносили на своихъ сла-

быхъ плечахъ лишь малочисленная либеральная буржуазія и, главнымъ образомъ, студенчество, да еще, конечно, литераторы.

И при Фридрихѣ-Вильгельмѣ III освободительное движеніе разросталось и углублялось въ широкую народную массу, но суровыми реакціонными мѣрами этому правительству удавалось тормазить его и, главное, замкнуть въ тѣсныя рамки волненій интеллигенціи.

Въ 1840 году Фридрихъ-Вильгельмъ III умеръ, и вздохъ облегченія вырвался изъ тысячи грудей. Еще при жизни Фридриха - Вильгельма III либеральные слои общества, отчасти изъ трусости, а отчасти изъ-за реальнаго безсилія отказавшіеся отъ открытой борьбы съ правительствомъ, всѣ свои надежды и упованія перенесли съ короля на кронпринца. Съ наслажденіемъ передавались изъ устъ въ уста разсказы о либерализмѣ кронпринца, о его сочувствіи конституціонному движенію, о его просвѣщенномъ умѣ и мягкомъ характерѣ. И смирные бюргеры съ нетерпѣніемъ ждали смерти стараго мрачнаго короля, съ ожесточеніемъ топтавшаго всѣ полезные ростки жизни.

И когда умеръ Фридрихъ-Вильгельмъ III и 7-го іюня 1840 г. на престолъ вступилъ Фридрихъ-Вильгельмъ IV, то все общество предалось необузданной радости, въ его настроеніи произошелъ рѣзкій переломъ отъ тяжелаго отчаянія къ бурной радости. Одинъ изъ тогдашнихъ нѣмецкихъ публицистовъ такъ характеризуетъ эту перемѣну въ настроеніи тогдашняго общества. „До 1840 года,—говоритъ онъ,—настроеніе общества становилось все мрачнѣе, безнадежнѣе, не вѣря ни въ самое себя, ни въ свое время, ни въ свое призваніе, разочаровалось въ возможности свободы и высшаго человѣческаго счастья; безконечное число разбитыхъ сердецъ, испорченныхъ характеровъ, разбитыхъ стремленій, исковерканныхъ жизней наполняло наше отечество". Но съ восшествіемъ на престолъ Фридриха-Вильгельма IV все измѣнилось. „Весна въ каждомъ сердцѣ, давно похороненныя стремленія вновь оживаютъ, погибшія надежды возрождаются. Люди начинаютъ глядѣть бодрѣе, живѣе, опущенныя головы подымаются... Все, все измѣнилось, даже сами люди стали иными, походка ихъ стала быстрѣе, живѣе, заря надежды заблистала у всѣхъ на лицахъ; кажется, что вотъ-вотъ изъ груди всѣхъ вырвется крикъ неизмѣримой радости" [1]).

На первыхъ порахъ все шло гладко, и именинное настроеніе нѣмецкаго либеральнаго общества расло. Правда, когда нѣкоторые изъ собравшихся ландтаговъ, принеся новому королю присягу, въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ напомнили ему о давнишнемъ обѣщаніи его отца дать народу конституцію и вы-

[1]) B. Bauer. Vollständige Geschichte der Parteikämpfe in Deutschland während der Jahre 1842—1846. Charlottenburg, 1847. Bd. I. Стр. 4—5.

разили глубокую увѣренность, что сынъ, конечно, не замедлитъ исполнить торжественное обѣщаніе отца, то Фридрихъ-Вильгельмъ IV отнюдь не отвѣтилъ утвердительно. Но въ то же время онъ и не разсердился и не закричалъ на депутатовъ за ихъ безсмысленныя мечтанія, а по тогдашнимъ жестокимъ временамъ и это уже было не мало. Король отвѣтилъ очень туманной рѣчью, никакихъ конституціонныхъ обѣщаній не содержавшей, но либеральное общество предпочло истолковать эту витіеватую рѣчь въ смыслѣ симпатій короля къ конституціонализму. Но король самъ поспѣшилъ разсѣять эти иллюзіи либераловъ. Опубликовавъ рѣчи депутатовъ отъ земствъ и отвѣтную рѣчь короля, правительственный органъ при этомъ выразительно присовокупилъ, что онъ предаетъ гласности эти оффиціальные документы съ тѣмъ, „чтобы положить конецъ превратнымъ толкамъ о томъ, будто король въ своей отвѣтной рѣчи высказалъ одобреніе петиціи депутатовъ о провозглашеніи конституціи на основаніи указа 22-го мая 1815 года“.

Наконецъ, въ своей рѣчи, обращенной къ нѣмецкому дворянству, Фридрихъ-Вильгельмъ IV ясно и громогласно заявилъ во всеуслышаніе, что ни о какой конституціи онъ и не помышляетъ. „Я твердо помню,—сказалъ король въ этой рѣчи,—что получилъ свою корону отъ Всевышняго Господа и передъ нимъ я отвѣтственъ за каждый день и каждый часъ своего правленія. И кто требуетъ отъ меня гарантій на будущее, тому я адресую эти слова. Лучшей гарантіи ни я и никакой иной человѣкъ дать не могутъ. И эта гарантія прочнѣе, чѣмъ всѣ присяги, чѣмъ всѣ обѣщанія, закрѣпленныя на пергаментѣ, ибо она вытекаетъ изъ самой жизни и коренится въ ней... И кто хочетъ довольствоваться простымъ, отеческимъ, древне-христіанскимъ правленіемъ, тотъ пусть съ довѣріемъ взираетъ на меня“.

Эти непосредственныя заявленія короля и правительства, а еще пуще репрессивныя мѣры, которыя оно энергично принимало противъ всякихъ, даже самыхъ умѣренныхъ и лояльныхъ проявленій оппозиціоннаго движенія, очень скоро убѣдили передовое нѣмецкое общество, что нѣмецкое правительство было слишкомъ ограничено для того, чтобы догадаться самому ограничить себя и что, поэтому, даже самая умѣренная конституція не будетъ дарована добровольно, а будетъ взята съ бою.

За какихъ-нибудь 2—3 года со временъ восшествія на престолъ Фридриха-Вильгельма IV оппозиціонное движеніе сдѣлало въ Германіи значительные шаги впередъ. Фридрихъ-Вильгельмъ IV своими постоянными колебаніями между либеральными уступками и реакціонными гоненіями какъ нельзя лучше служилъ росту оппозиціоннаго движенія, которое всегда выигрывало отъ подобныхъ растерянныхъ колебаній правительственнаго курса. Броженіе во всей странѣ росло и вширь, и вглубь, оно

все лучше политически организовывалось, оно захватывало все болѣе и болѣе широкіе слои. Отношенія между правительствомъ и народомъ благодаря этому все болѣе обострялись. Еще недавно провозглашенная новая эра взаимнаго довѣрія быстро отходила въ прошлое, а борьба между правительствомъ и народомъ ярко разгоралась. Уступки, которыя время отъ времени съ злобой правительство бросало въ угоду ненасытному времени, конечно, не только не останавливали, но еще усиливали оппозиціонное движеніе.

Фридрихъ-Вильгельмъ IV былъ серьезно увѣренъ въ божественности своей власти, а между тѣмъ въ странѣ „божественный авторитетъ" королевской власти находилъ все менѣе и менѣе вѣрующихъ. Народъ начиналъ все болѣе и болѣе скептически относиться къ увѣреніямъ правительства. „Самой характерной чертой переживаемой эпохи,—говоритъ одинъ изъ современниковъ,—является упадокъ вѣры въ правдивость правительства. Даже дѣлались всѣ усилія, чтобы открыто заявить объ этомъ недовѣріи. Такъ, напр., въ Берлинѣ появилась книга „Рѣчи и тосты короля", представляющая простое сопоставленіе различныхъ рѣчей короля и на этомъ примѣрѣ иллюстрирующая, насколько оффиціальныя рѣчи не отвѣчаютъ истинѣ. Ореолъ власти Божьей Милостью уже не ослѣплялъ глазъ, пурпуръ уже не скрывалъ человѣка" [1]).

Какъ глубоко понимало правительство характеръ оппозиціоннаго движенія, хорошо показываетъ заявленіе кёнигсбергскаго оберъ-президента, увѣрявшаго, что онъ „вполнѣ точно знаетъ, что кенигсбергскіе либералы находятся *на жалованіи у русскаго правительства*" (er, der Königliche Oberpräsident ganz genau wisse, dass die königsberger Liberalen im *russischen Sold* Ständen. Курсивъ подлинника [2]).

Такова была общая атмосфера политической жизни Германіи той эпохи, когда Карлъ Марксъ, сдавъ свой государственный экзаменъ, собирался вступить на поприще профессорской дѣятельности. Мы уже видѣли, что реакціонныя гоненія, предпринятыя нѣмецкимъ правительствомъ противъ ближайшаго друга Маркса, Бруно Бауера, и лишеніе послѣдняго каѳедры, ясно показали Марксу, что съ каѳедръ тогдашней Германіи свободная наука не могла преподаваться. Оставивъ окончательно мысль о профессорской дѣятельности, Марксъ рѣшилъ отдаться публицистикѣ.

Къ публицистикѣ его давно тянуло, и еще на университетской скамьѣ онъ уже дѣлалъ—неудавшіяся—попытки литературной дѣятельности. Переписываясь съ Бруно Бауеромъ о своей преподавательской дѣятельности по каѳедрѣ философіи, Карлъ Марксъ

[1]) Cp. Ernst Dronke. Berlin. Erster Bd. Frankfurt am Main. 1846. 252 стр.
[2]) Ibid. 356 стр.

въ то же время планируетъ со своимъ другомъ изданіе радикальнаго журнала. И какъ только при первомъ же столкновеніи съ суровою жизнью разбились его мечты объ университетской каѳедрѣ, Марксъ принялся за литературу.

Въ то время литература служила вообще единственнымъ проводникомъ общественнаго мнѣнія и неудивительно, что литературное поприще стягивало къ себѣ всѣ наиболѣе яркія и боевыя силы страны. Конечно, правительство, въ виду этого, свирѣпствовало на литературномъ поприщѣ больше, чѣмъ гдѣ-либо. Писателей штрафовали, засаживали въ тюрьмы, высылали, запрещали имъ литературную дѣятельность, закрывали газеты, журналы и цѣлыя издательскія фирмы, но толку отъ этого выходило мало, такъ какъ разъ проснувшуюся вольную человѣческую мысль такъ же нельзя задушить, какъ нельзя задушить воздухъ.

Съ восшествіемъ на престолъ Фридриха-Вильгельма IV у либеральнаго общества появилась надежда, что теперь печать, наконецъ, вздохнетъ свободно, и дѣйствительно новый король не скупился на комплименты по адресу печати, а черезъ нѣкоторое время появились новыя инструкціи цензорамъ, обѣщавшія въ „разумныхъ предѣлахъ“ водворить свободу печати. Въ высочайшемъ посланіи по поводу подготовляемыхъ новыхъ законовъ о печати говорилось: „Для того, чтобы уже теперь избавить прессу отъ неумѣстныхъ, не соотвѣтствующихъ Высочайшимъ видамъ ограниченій, Его Величество въ Высочайшемъ посланіи къ государственному министерству твердо высказалъ свое неудовольствіе неумѣстными притѣсненіями литературной дѣятельности и призналъ значеніе и необходимость свободной и приличной публицистики“.

По поводу этихъ-то сборовъ правительства соединить цензуру со свободою прессы и напечаталъ свою первую статью Карлъ Марксъ.

Обѣщаніе дать свободу печати нисколько, конечно, не мѣшало правительству Фридриха-Вильгельма IV на дѣлѣ продолжать все ту же старую политику свирѣпаго преслѣдованія малѣйшаго намека на дѣйствительно свободное слово.

Марксъ предназначалъ свою статью для журнала „Deutsche Jahrbücher“, но статья эта еще не была закончена, когда свирѣпствующая цензура сдѣлала невозможнымъ ея появленіе въ этомъ журналѣ. Редакторъ этого журнала Руге по поводу цензурныхъ преслѣдованій писалъ Марксу отъ 25-го февраля 1842 г.: „Дорогой другъ, одновременно съ Вашей критикой цензуры прусская тенденціозная цензура активно принялась за нашъ „Ежегодникъ“. Вотъ уже цѣлая недѣля, какъ цензоръ вычеркиваетъ нашу „вредную тенденцію“. Можете себѣ представить, что изъ этого выходитъ. Ваша статья не можетъ появиться; все, что напоминаетъ о Бауерѣ, Фейербахѣ и обо мнѣ, не пропускается.

Благодаря этому въ моемъ распоряженіи оказался подборъ прекрасныхъ и пикантныхъ вещей, уготовляющихъ цензурѣ оглушительную пощечину. Не согласитесь ли Вы, чтобы и Ваша статья вмѣстѣ съ другими запрещенными статьями была напечатана въ Швейцаріи въ сборникѣ „Anecdota philosophica“ Фейербаха, Бауера, Руге и др., если Вы не захотите, чтобы было названо Ваше имя“ [1]).

Марксъ, конечно, согласился. Въ началѣ марта появились два тома сборника „Anekdota“, въ которыхъ была помѣщена статья Карла Маркса. Сборникъ носилъ названіе „Anekdota zur neuesten deutschen Philosophie und Publicistik“ Herausgegeben von Arnold Ruge“. Въ первомъ томѣ напечатаны были прежде всего любопытные документы по исторіи борьбы между „Нѣмецкими Ежегодниками“ и цензурой. Въ одномъ изъ своихъ отношеній королевскій цензоръ сообщаетъ, что до сихъ поръ начальство кое какъ терпѣло вольнодумство этого журнала, имѣя въ виду, что онъ распространяется среди узкаго круга ученыхъ людей. „Но теперь мы убѣдились,—говоритъ цензоръ,—что этотъ журналъ завоевываетъ все болѣе широкій кругъ читателей и притомъ читателей не изъ чисто-ученаго круга, что этотъ журналъ, далѣе, стоитъ на чисто-революціонной почвѣ отрицанія, въ особенности въ области религіи и политики... Безусловно разсчитывая на круги читателей, не получившихъ настоящаго образованія, этотъ журналъ идетъ впередъ, безъ мѣры и удержу ведетъ свою войну со всѣмъ существующимъ“ [2]).

Вслѣдъ за этими документами идетъ статья Карла Маркса (подписанная псевдонимомъ „Житель Рейна“): „Замѣчанія по поводу новѣйшей прусской инструкціи о цензурѣ“.

Статья эта тогда же обратила вниманіе на начинающаго литератора. И дѣйствительно, чуждая всякой декламаціи и фразы, эта статья мастерски разбираетъ по косточкѣ всю цензурную инструкцію прусскаго правительства, спокойною и твердою рукой вскрываетъ всѣ ея замаскированныя внутреннія противорѣчія и доказываетъ, что нѣмецкимъ писателямъ не приходится надѣяться, что подобныя инструкціи могутъ улучшить ихъ положеніе. Обнаруживая въ авторѣ глубокій, анализирующій умъ, эта статья, однако, еще не носитъ ни малѣйшихъ слѣдовъ чего-либо специфически-марксистскаго.

Въ этой статьѣ, по всѣмъ видимостямъ, Карлъ Марксъ еще не стоялъ не только на соціалистической, но и на крайней радикальной точкѣ зрѣнія. Онъ начинаетъ свою статью съ заявленія: „Мы не принадлежимъ къ числу тѣхъ недовольныхъ, которые еще до выхода новаго цензурнаго эдикта восклицали:

---

[1]) Ср. Aus dem literarischen Nachlass. I Bd. Stuttgart. 1902. Стр. 140.

[2]) Anekdota zur neusten deutschen Philosophie und Publicistik. Heraus von A. Ruge. Zürich und Winterthur, 1843. 12 стр.

Timeo Danaos et dona ferentes“ [1]). Но по отношенію къ прусскому самодержавному правительству подобное авансированное недовѣріе было, конечно, какъ нельзя болѣе умѣстно.

Заканчиваетъ свою статью Марксъ тоже слѣдующими скромными словами: „Единственнымъ радикальнымъ излеченіемъ цензуры является ея устраненіе. Самое учрежденіе плохо, а учрежденія сильнѣе людей. Но окажется ли нашъ взглядъ правильнымъ или ошибочнымъ, во всякомъ случаѣ прусскіе писатели выиграютъ благодаря новой цензурной инструкціи, выиграютъ,— получивъ или реальную свободу или идеальную: сознаніе“ [2]).

Сотрудничество Маркса въ „Anekdota“ ограничилось всего вышеупомянутой статьею о цензурѣ, да и сами „Anekdota“ вышли всего въ двухъ выпускахъ, а затѣмъ прекратились. Въ это время для Маркса открылось уже въ его родной Рейнской провинціи новое, болѣе широкое и болѣе отвѣтственное поприще литературной дѣятельности: сотрудничество во вліятельной „Рейнской Газетѣ“, а затѣмъ и редактированіе ея.

И въ экономическомъ, и въ политическомъ отношеніяхъ Рейнская провинція была наиболѣе передовою частью Германіи. Въ то время, какъ въ остальной Германіи лишь начинала развиваться крупная промышленность, въ Рейнской провинціи она уже сдѣлала крупныя завоеванія.

Въ политическомъ же отношеніи Рейнская провинція обогнала всю Германію благодаря тому, что со временъ наполеоновскаго завоеванія въ ней остался кодексъ Наполеона, который, по сравненію съ политическими порядками остальной Германіи, казался „революціоннымъ“.

Вслѣдствіе этого въ Рейнской провинціи оппозиціонное движеніе противъ абсолютизма развилось сильнѣе, чѣмъ во всей остальной Германіи, и нашло себѣ вліятельную и внушительную опору въ лицѣ богатой и довольно многочисленной либеральной буржуазіи. Ея руководителями являлись два крупныхъ промышленныхъ дѣятеля Кампгаузенъ и Ганземаннъ. Ганземаннъ для проведенія въ жизнь либеральной политической программы крупной буржуазіи испробовалъ раньше излюбленный тогдашними нѣмецкими либералами и радикалами путь — черезъ голову бюрократіи обращаться непосредственно къ королю. Въ своемъ докладѣ королю Ганземаннъ очень краснорѣчиво и убѣдительно доказывалъ нѣмецкому самодержцу необходимость введенія хотя бы умѣреннѣйшей конституціи. Изъ этой записки ничего, конечно, не вышло, кромѣ непріятностей для самого Ганземанна, который былъ немедленно внесенъ въ списки неблагонадежныхъ и постоянно привлекалъ къ себѣ немилостивое вниманіе администраціи.

---

1) Aus dem literarischen Nachlass. Stuttgart. 1902. I Bd. Стр. 142.

2) Ibid. Стр. 166.

Ганземманъ и Кампгаузенъ рѣшили тогда для борьбы съ абсолютизмомъ и проведенія конституціонныхъ идей основать ежедневный органъ „Рейнскую Газету".

Если въ соціально-политическомъ смыслѣ „Рейнская Газета" была органомъ либеральной крупной буржуазіи, то въ обще-идейномъ отношеніи она явилась органомъ радикальныхъ лѣвыхъ гегельянцевъ. Лѣвые гегельянцы—въ противоположность правымъ—выводили изъ ученія Гегеля чрезвычайно радикальные соціально-политическіе взгляды, и въ первой половинѣ сороковыхъ годовъ лѣвые гегельянцы стояли въ передовыхъ рядахъ освободительнаго движенія.

Нѣмецкое правительство первое время возвело гегелевскую философію въ придворный санъ, признало ее философіей предержащихъ властей, но когда молодые лѣвые гегельянцы, завоевывая все болѣе широкія симпатіи, стали доказывать революціонный смыслъ гегелевской философіи, то правительство начало смотрѣть на гегельянство совершенно иными глазами. Когда, напр., старые профессора гегельянцы Ото, Фатке и Бенари обратились къ министру Эйхгорну съ просьбою о разрѣшеніи имъ издавать газету, то они получили отказъ, мотивированный тѣмъ, что, „не располагая практическими, жизненными знаніями церковныхъ и государственныхъ вопросовъ, они будутъ руководить газетой съ точки зрѣнія гегелевской философіи, которая, по мнѣнію министра и всѣхъ высшихъ прусскихъ государственныхъ людей, находится въ непримиримомъ противорѣчіи съ церковью и государствомъ" [1]).

Но понятно, что если прусское правительство запрещало изданіе органа старыхъ гегельянцевъ, ссылаясь на неблагонадежный характеръ Гегелевской философіи, то рейнская радикальная буржуазія, основывая радикальный политическій органъ, постаралась привлечь къ участію въ немъ всѣхъ выдающихся лѣвыхъ гегельянцевъ. Къ сотрудничеству въ „Рейнской Газетѣ" были привлечены Бауеръ, Максъ Штирнеръ, Рутенбергъ, Кöппенъ, Гессъ и др.

Въ то время, когда была въ Кельнѣ основана „Рейнская Газета" (въ январѣ 1842 г.), Марксъ съ Бауеромъ жили въ Боннѣ, куда ему была послана просьба о сотрудничествѣ, и онъ принялъ это приглашеніе съ радостью.

Программа „Рейнской Газеты" сводилась къ требованію введенія всеобщаго избирательнаго права, свободы печати, совѣсти и т. д., словомъ, къ обычнымъ конституціонно-демократическимъ требованіямъ. Въ соціальной области „Рейнская Газета" выдвигала требованіе прогрессивнаго подоходнаго налога,—отмѣны налога на предметы первой необходимости и т. д. Наконецъ, га-

---

[1]) Ср. Er. Dronke. Berlin. Frankfurt am Main. Erster Band. 1846. Стр. 281.

зета требовала роспуска постояннаго войска. „Если бы не постоянная армія,—говоритъ „Рейнская Газета“,—то насколько бы выше и шире распространено было бы благосостояніе, настолько бы больше можно сдѣлать добраго и хорошаго. Ссылка на то, что одно государство не можетъ разоружиться, пока не разоружится другое, не можетъ быть признана состоятельной. Если только какое-либо государство строго рѣшитъ ограничить свои предѣлы лишь политическою организаціей своихъ членовъ, если оно рѣшитъ опираться на своихъ свободныхъ и сильныхъ гражданъ, то оно спокойно можетъ ввѣрить свою прочность сердцу и рукамъ всѣхъ своихъ гражданъ“.

Марксъ принялъ самое дѣятельное сотрудничество въ „Рейнской Газетѣ“. Его первыя же статьи (о преніяхъ рейнскаго ландтага по поводу свободы печати) обратили на него вниманіе и выдвинули его въ первые ряды тогдашнихъ нѣмецкихъ публицистовъ. „Ваши статьи о свободѣ печати,—писалъ ему Юнгъ,—необыкновенно хороши“. „Никогда еще не было написано ничего болѣе глубокаго и не можетъ быть написано ничего болѣе глубокаго о свободѣ печати“, писалъ Арнольдъ Руге по поводу этихъ первыхъ статей Маркса въ „Рейнской Газетѣ“ [1]). Неудивительно, что Марксъ быстро занялъ первое мѣсто среди блестящаго состава сотрудниковъ новой газеты, и съ осени 1842 года онъ былъ приглашенъ редактировать „Рейнскую Газету“.

Статьи Маркса въ „Рейнской Газетѣ“, обнаруживая въ авторѣ блестящаго и глубокаго публициста, показываютъ, однако, что Марксъ въ то время еще совсѣмъ не былъ марксистомъ, и его мысль еще всецѣло находилась подъ вліяніемъ чаръ гегелевской философіи. Это сказалось прежде всего въ манерѣ изложенія, характерѣ аргументаціи, всемъ ходѣ мышленія. На каждомъ шагу въ этихъ публицистическихъ статьяхъ мы наталкиваемся на чисто-гегелевское „развертываніе“ понятій. Перечитывая статьи Маркса изъ „Рейнской Газеты“, невольно каждый разъ вспоминаешь слова Герцена о московскихъ лѣвыхъ гегельянцахъ.

Наши московскіе философы, разсказываетъ Герценъ, шли гулять въ Сокольники „для того, чтобы отдаваться пантеистическому чувству своего единства съ космосомъ“, и если имъ попадался по дорогѣ какой-нибудь солдатъ подъ хмѣлькомъ или баба, вступавшая въ разговоръ, то философъ не просто говорилъ съ ними, но опредѣлялъ субстанцію народности въ ея непосредственномъ и случайномъ явленіи. Самая слеза, навертывавшаяся на вѣкахъ, была строго отнесена къ своему порядку, къ „гемюту“ „или къ трагическому въ сердцѣ“.

Этою же перегонкой живыхъ общественныхъ явленій въ безплотныя абстракціи и категоріи страдаютъ въ значительной

[1]) Aus dem literar. Nachlass. 1 Bd. Стр. 182.

степени первыя статьи Карла Маркса. Напримѣръ, въ статьѣ по поводу преній ландтага о правѣ крестьянъ на сборъ хвороста въ лѣсахъ—вопросѣ, очень волновавшемъ, какъ мы ниже увидимъ, всю Рейнскую провинцію,—Марксъ, между прочимъ, пишетъ, защищая крестьянъ: „Разумъ, такимъ образомъ, путемъ примѣненія существующихъ категорій абстрактнаго частнаго права, вскрываетъ переходный колеблющійся характеръ формъ собственности. А законодательствующій разумъ чувствуетъ себя тѣмъ болѣе вправѣ отмѣнить обязательства этой колеблющейся собственности по отношенію къ бѣдному классу... но при этомъ онъ забываетъ, что передъ нами здѣсь, даже съ чисто частноправовой точки зрѣнія, двойственное частное право,—частное право владѣнія и частное право невладѣнія и что, далѣе, законодательство не уничтожаетъ государственно-правовыхъ привилегій собственности, а только лишаетъ ихъ авантюристскаго характера и придаетъ имъ буржуазный характеръ“ и т. д Наконецъ, переходя къ доказательству права крестьянъ на сборъ хвороста въ лѣсу, Марксъ пишетъ: „Хворостъ такъ же мало органически связанъ съ живымъ деревомъ, какъ сброшенная кожа со змѣею. Сама природа здѣсь представляетъ контрастъ между бѣдностью и богатствомъ въ видѣ контраста между сухими, отдѣленными отъ органической жизни, согнутыми вѣтками и сучьями, съ одной стороны, и крѣпкими, сочными, органически перерабатывающими въ свою сущность воздухъ, свѣтъ, воду и землю, деревьями и стволами—съ другой стороны. Мы имѣемъ здѣсь передъ собою физическое представленіе о бѣдности и богатствѣ. Человѣческая бѣдность чувствуетъ свое родство съ этою физическою бѣдностью и изъ этого чувства родства выводитъ свое право собственности и если поэтому физически органическое богатство она виндицируетъ собственнику, то физическую бѣдность она виндицируетъ своей потребности и всѣмъ ея случайностямъ“ [1]).

Такъ защищалъ Марксъ на страницахъ ежедневной газеты право крестьянъ на сборъ хвороста! Тогда всѣ гегельянцы не успокаивались до тѣхъ поръ, пока изъ живого явленія не были высосаны плоть и кровь и безплотныя абстракціи не были насажены на соотвѣтствующую философическую булавку.

Но гегельянство Маркса въ его первыхъ статьяхъ не ограничивалось этою внѣшнею „гегельянскою“ аргументаціей, оно шло гораздо глубже и опредѣлило собою основную исходную точку зрѣнія Маркса на государство и право.

Гегель, какъ извѣстно, смотрѣлъ на государство, какъ на высшій нравственный организмъ, воплощающій въ себѣ полноту добра и истины. Государство проникнуто единой и нераздѣльной великой идеей, растворяющей эгоизмъ отдѣльныхъ людей въ

---

1) Ср. „Aus dem literar. Nachlass“. Bd. I. Стр. 290.

единый „духъ государства“. Въ государствѣ находятъ свое примиреніе тѣ разнородныя начала, которыя борются въ человѣкѣ и человѣческихъ группахъ. Государство стоитъ надъ этой борьбой, выше ея.

На этомъ отвлеченно-идеалистическомъ взглядѣ на государство стоитъ въ своихъ первыхъ статьяхъ Карлъ Марксъ. Въ уже знакомой намъ статьѣ о цензурѣ, напечатанной въ „Anecdota“, Марксъ доказываетъ, что новый прусскій законъ о цензурѣ различаетъ между лицами тѣхъ или иныхъ убѣжденій, а подобнаго рода законы „опираются на безсовѣстность, на безнравственное, матеріальное представленіе о государствѣ“ [1]). И въ своихъ первыхъ статьяхъ Марксъ выступаетъ противникомъ „безнравственнаго, матеріальнаго представленія о государствѣ“ [2]).

Въ своей полемической противъ „Кельнской Газеты“ статьѣ Карлъ Марксъ подробно излагаетъ свой взглядъ на государство. Этотъ взглядъ оказывается всецѣло проникнутымъ ученіемъ Гегеля.

Марксъ доказываетъ здѣсь ненужность религіозной санкціи государства. „Одно изъ двухъ,—говоритъ онъ,—или христіанское государство соотвѣтствуетъ понятію государства: *быть воплощеніемъ разумной свободы*, тогда достаточно *обосновать государство на разумѣ человѣческихъ отношеній*, а это и дѣлаетъ философія. Или же государство, какъ разумная свобода, не можетъ быть выведено изъ христіанства, а тогда вы сами должны признать, что государство не можетъ быть обосновано на тенденціи христіанства, ибо христіанство, конечно, не желаетъ имѣть дурное государство. Государство же, которое не является воплощеніемъ разумной свободы, есть дурное государство.

Вы можете какъ угодно разрѣшать эту дилемму, но вы должны признать, что государство должно быть конструировано не изъ религіи, а изъ разума свободы“ [3]).

Новѣйшая философія, говоритъ Марксъ въ заключеніи этой статьи, „разсматриваетъ государство, какъ цѣльный организмъ, въ которомъ воплотились правовая, нравственная и политическая свобода, и отдѣльный гражданинъ, подчиняясь государственнымъ законамъ, подчиняется этимъ самымъ лишь естественнымъ законамъ своего собственнаго разума“ [4]).

Изъ этихъ словъ Маркса ясно видно, что въ своихъ первыхъ статьяхъ онъ всецѣло стоялъ на гегелевской теоріи государства, какъ „воплощеніи разумной свободы“, какъ нравственномъ организмѣ, въ себѣ поглощающемъ и примиряющемъ всѣ расхожденія и столкновенія частныхъ интересовъ. Такой идеалистическій взглядъ на государство мѣшалъ Марксу на первыхъ шагахъ его

[1—2]) Ср. Aus dem literarischen Nachlass. Bd. I. Стр. 290.
[3—4]) Ibid.

литературной дѣятельности дать широкую и обобщающую картину борьбы общественныхъ силъ въ тогдашней Германіи. Въ этомъ отношеніи особенно любопытна его статья о правѣ крестьянъ на сбираніе хвороста въ частновладѣльческихъ лѣсахъ. Марксъ съ самаго начала выступилъ убѣжденнымъ и краснорѣчивымъ защитникомъ крестьянъ и блестящимъ обличителемъ каннибальскихъ инстинктовъ лѣсовладѣльцевъ. Но въ то время, какъ эти лѣсовладѣльцы, руководимые вѣрнымъ соціальнымъ инстинктомъ, увѣренно обращались къ государству и просили его законодательнымъ и административнымъ путемъ преградить крестьянамъ возможность собирать въ лѣсахъ сучья, хворостъ, ягоды и т. д., въ это самое время миражи гегелевской философіи государства застилали лѣвымъ гегельянцамъ глаза и заставляли ихъ вмѣстѣ съ Карломъ Марксомъ доказывать, что государство не можетъ и не должно стать на сторону лѣсовладѣльцевъ, ибо государству чужды какія бы то ни было эгоистическія цѣли.

„Истинный законодатель,—говоритъ по этому поводу Марксъ,—долженъ бояться безправія, въ противоположность этому, законодательствующій интересъ боится послѣдствій, вытекающихъ изъ права, боится тѣхъ злыхъ силъ, противъ которыхъ существуютъ законы“. Въ противоположность частнымъ лицамъ и группамъ, для государства „и собственникъ лѣса, и крестьянинъ, таскающій изъ лѣса хворостъ, являются гражданами. Если мелкій и крупный собственникъ лѣса имѣютъ одинаковое право на защиту со стороны государства, то развѣ не располагаютъ въ еще большей степени этимъ же правомъ всѣ крупные и мелкіе граждане?“ Государство должно отнестись къ тяжбѣ между крестьянами и помѣщиками, какъ учрежденіе, стоящее надъ этою борьбою. Помѣщики, не могущіе подняться до государственной точки зрѣнія, добиваются того, чтобы государство упало до частновладѣльческой точки зрѣнія. По отношенію ко всѣмъ домогательствамъ превратить государство въ представительство частныхъ, сословныхъ интересовъ „всякое современное государство, если оно хотя сколько-нибудь соотвѣтствуетъ своему понятію, должно при первой же практической попыткѣ подобнаго рода громко заявить: вашъ путь не мой путь и ваши намѣренія не мои намѣренія“ [1]).

Эти слова Маркса непререкаемо показываютъ, что въ своихъ первыхъ литературныхъ произведеніяхъ онъ еще всецѣло стоялъ на чисто-идеалистической, гегельянской точкѣ зрѣнія на государство и право. Но работа въ „Рейнской Газетѣ“, поставившая его лицомъ къ лицу съ практическими вопросами государственной дѣятельности, заставила Маркса признать, что изъ одной гегелевской философіи нельзя „выводить“ рѣшеніе все острѣе становившихся на очередь дня соціально-политическихъ вопросовъ.

---

[1]) Ср. Aus dem literarischen Nachláss. Bd. I. Стр. 293—299.

Марксъ по мѣрѣ своей редакторской и публицистической дѣятельности все осязательнѣе чувствовалъ необходимость заняться серьезнымъ изученіемъ соціально-политическихъ вопросовъ и выработкой соціально-политическаго міросозерцанія. Въ частности, во время работы въ „Рейнской Газетѣ“ Марксъ столкнулся впервые съ необходимостью внимательно изучить соціализмъ и занять къ нему опредѣленную позицію. Въ „Рейнской Газетѣ“ сотрудничало, правда, въ качествѣ второстепенныхъ сотрудниковъ, нѣсколько соціалистовъ, за что умѣренныя охранительныя газеты еще больше на нее косились, а когда „Рейнская Газета“ перепечатала одну статью изъ „Юнаго Поколѣнія“ Вейтлинга, то охранительная „Аугсбургская Всеобщая Газета“ воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы обвинить ненавистную ей „Рейнскую Газету“ въ сочувствіи коммунизму. Марксъ на страницахъ „Рейнской Газеты“ отвѣтилъ на это „обвиненіе“ и въ своемъ отвѣтѣ открыто призналъ и заявилъ, что редакція „Рейнской Газеты“ (а ея редакторомъ былъ Марксъ) еще не выяснила своего отношенія къ коммунизму, она еще недостаточно его изучила, и только послѣ основательнаго ознакомленія съ нимъ она сумѣетъ занять по отношенію къ нему ту или иную позицію.

„Рейнская Газета“,—писалъ Марксъ въ 1843 г.,—никогда не заявляла сочувствія теоретической истинности коммунистическихъ идей въ ихъ современной формѣ, и, конечно, еще менѣе стремилась къ ихъ практическому осуществленію и даже не считаетъ его возможнымъ. Она подвергнетъ эти идеи основательной критикѣ. Но если бы „Аугсбургская Газета“ способна была бы къ чему-нибудь большему, чѣмъ вылощенныя фразы, то она бы тогда поняла, что сочиненія такихъ людей, какъ Леру, Консидеранъ и прежде всего такія глубокія сочиненія, какъ книги Прудона, могутъ подвергаться критикѣ не на основаніи поверхностныхъ скоропалительныхъ сужденій, а только послѣ продолжительныхъ и глубокихъ изслѣдованій“ [1]).

Такимъ образомъ въ 1843 г. Марксъ, какъ онъ это открыто заявилъ, только началъ знакомиться съ соціализмомъ и только уяснять самому себѣ отношеніе къ коммунизму. Еще на студенческой скамьѣ Марксъ, какъ мы уже видѣли въ первомъ очеркѣ, никогда не высказывалъ опредѣленныхъ сужденій по тому или другому вопросу общаго міросозерцанія, не занявшись предварительно долгимъ, основательнымъ и всестороннимъ изученіемъ этого вопроса. И теперь, когда полемика съ „Аугсбургской Газетой“ еще разъ показала ему необходимость отдаться серьезному изученію соціально-политическихъ вопросовъ, его вновь потянуло съ поприща публицистики въ тишь кабинета.

Въ это же время въ „Рейнской Газетѣ“ начались оживленныя

---

[1]) Aus dem literarischen Nachlass. Bd. I. Стр. 278.

пренія по уже знакомому намъ вопросу о правѣ крестьянъ на сборъ хворосту въ лѣсахъ. Пользуясь сохранившимся съ далекихъ временъ общиннаго землевладѣнія правомъ, крестьяне всегда безпрепятственно собирали въ лѣсахъ мелкія упавшія деревья, хворостъ, ягоды и т. д. Но теперь лѣсовладѣльцы увидѣли въ этомъ нарушеніе своего священнаго права собственности и потребовали отъ государства самыхъ жестокихъ мѣръ по отношенію крестьянъ.

Вопросъ этотъ очень волновалъ общественное мнѣніе, и „Рейнская Газета“ должна была занять по отношенію къ нему опредѣленное положеніе. Марксъ написалъ по поводу этого вопроса длинную статью въ „Рейнской Газетѣ“, но здѣсь онъ снова почувствовалъ недостаточность своихъ соціально-политическихъ познаній и невозможность разрѣшать сложные соціальные вопросы съ помощью „разворачиванія“ основныхъ понятій гегелевской философіи [1]).

Въ то время, какъ Марксъ разрѣшалъ текущіе вопросы на основаніи анализа „понятія“ частной собственности, „понятія“ государства, „понятія“ права, помѣщики и чиновники, не имѣя никакого понятія обо всѣхъ этихъ „понятіяхъ“, успѣшно практически разрѣшали вопросъ въ свою пользу. Помѣщики проявили при этомъ чисто каннибальскую жестокость, рѣшивъ „разъ навсегда“ уничтожить у крестьянъ „коммунистическія замашки“. Лѣсничимъ былъ отданъ приказъ стрѣлять во всѣхъ безъ позволенія охотящяхся въ помѣщичьихъ лѣсахъ; лѣсничіи усердно

---

[1]) Марксъ самъ разсказываетъ объ этомъ въ предисловіи „Къ критикѣ политической экономіи“. „Моею спеціальностью,—говоритъ онъ,—была юриспруденція, которую, однако, я проходилъ, какъ подчиненную науку, наряду съ изученіемъ философіи и исторіи. Въ 1842—1843 году, состоя редакторомъ „Rheinische Zeitung“, я впервые поставленъ былъ въ затрудненіе, такъ какъ долженъ былъ высказывать сужденія о такъ называемыхъ матеріальныхъ интересахъ. Постановленія рейнскаго ландтага по поводу лѣсныхъ порубокъ и дробленія земельной собственности, оффиціальная полемика, въ которую г. фонъ-Шаперъ, тогдашній оберъ-президентъ Рейнской провинціи, вступилъ съ „Rheinische Zeitung“ по вопросу о положеніи мозельскихъ крестьянъ, наконецъ, дебаты о свободной торговлѣ и покровительственныхъ пошлинахъ—послужили первымъ толчкомъ для моихъ занятій экономическими вопросами. Съ другой стороны, въ то время, когда благое желаніе „идти впередъ“ во много разъ превышало пониманіе вещей, въ „Rheinische Zeitung“ отражалось эхо французскаго соціализма и коммунизма со слабой философской окраской. Я высказался противъ этого кропанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ полемикѣ съ „Allgemeine Augsburger Zeitung“ откровенно признался, что мои тогдашнія знанія не позволяли мнѣ составить самому себѣ опредѣленное сужденіе о французскихъ направленіяхъ. Я охотно поспѣшилъ воспользоваться иллюзіей руководителей „Rheinische Zeitung“, которые думали, что болѣе умѣреннымъ веденіемъ газеты они смогутъ отклонить висѣвшій надъ ней смертный приговоръ, чтобы удалиться съ публичной арены для научныхъ занятій“ (К. Марксъ. „Къ критикѣ политической экономіи“. Пер. П. Румянцева. Спб. 1907. Стр. 12.

исполняли это приказаніе и чтобы избѣгать судебной волокиты, предавали сожженію трупы убитыхъ порубщиковъ лѣса и браконьеровъ.

Марксъ изъ гегелевскаго понятія о государствѣ, какъ о „нравственномъ организмѣ", „выводилъ", что государство не можетъ стать на сторону помѣщиковъ, но на самомъ дѣлѣ государство изъ своихъ интересовъ „вывело", что оно должно стать на защиту помѣщиковъ и рѣшительно стало.

Это еще разъ убѣдило Маркса въ необходимости заняться внимательнымъ изученіемъ реальныхъ соціальныхъ отношеній существующаго общества, его еще сильнѣе начинало тянуть изъ редакторской комнаты въ библіотеку.

Нѣмецкое правительство превратило это желаніе Маркса въ необходимость,—„Рейнская Газета" была закрыта.

Яркій радикальный тонъ этой газеты, ея большой успѣхъ, ея сильное вліяніе уже давно обратили на себя тревожное вниманіе нѣмецкаго правительства. Раньше оно пробовало усмирить газету внушеніями, совѣтами, предостереженіями, но ничего не помогало. Тогда правительство назначило для газеты спеціальнаго цензора, двойную цензуру, но и цензура оказывалась безсильной, такъ какъ ловко переодѣтыя въ гегелевскія абстракціи неблагонамѣренныя мысли проходили черезъ цензурныя рогатки. Тогда правительство 1-го января 1843 г. постановило, что къ 1-му апрѣля 1843 г. газета должна прекратить свое существованіе. Правительство при этомъ заявило, что оно до сихъ поръ не прекращало газеты и теперь оттягиваетъ смертный приговоръ до 1-го апрѣля, имѣя при этомъ въ виду матеріальные интересы акціонеровъ и подписчиковъ; а пока, до наступленія 1-го апрѣля, къ газетѣ былъ приставленъ спеціально выдрессированный цензоръ. Давленіе со стороны акціонеровъ, умиленныхъ заявленіемъ правительства, и гоненія со стороны цензора заставили редакцію „Рейнской Газеты" прекратить свое участіе раньше назначеннаго газетѣ срока запрещенія. Въ номерѣ отъ 18-го марта 1843 г. появилось заявленіе Карла Маркса: „Нижеподписавшійся заявляетъ, что *наступившія цензурныя условія* заставляютъ его выйти изъ состава редакціи".

Въ лицѣ „Рейнской Газеты" Марксъ сумѣлъ создать самый замѣчательный органъ той эпохи.

Эта газета сыграла, несмотря на свое очень кратковременное существованіе, значительную роль въ дѣлѣ политическаго развитія нѣмецкаго общества. Объ этомъ свидѣтельствуютъ отзывы о ней ея современниковъ. Одинъ изъ самыхъ проницательныхъ ея современниковъ, Эрнстъ Дронке, въ своей интересной хроникѣ той эпохи (съ 1840—1845 г.) „Берлинъ", нѣсколько разъ отмѣчаетъ глубокое вліяніе этой газеты.

„Новый годъ,—говоритъ Дронке о 1842 г.,—ознаменовался вы-

ходомъ новаго органа общественнаго мнѣнія, одной основанной на акціяхъ „Рейнской Газеты" въ Кельнѣ. По своей рѣшительности эта газета скоро перегнала всѣ другія и безусловно заслужила въ исторіи нѣмецкой прессы первое, самое выдающееся мѣсто" [1]). Нѣсколькими страницами далѣе онъ отмѣчаетъ „общія симпатіи страны, завоеванныя этою газетою въ самое короткое время".

Во второмъ томѣ Дронке, говоря о зарожденіи соціалистическаго движенія въ Германіи, отмѣчаетъ, что этому движенію предшествовала борьба за свободныя права человѣка, а эта борьба нашла своего перваго выразителя въ „Рейнской Газетѣ", „этомъ метеорѣ, который внезапно такъ высоко и ярко вспыхнулъ во тьмѣ нѣмецкой жалкой прессы и такъ же внезапно исчезъ" [2]).

Когда „Рейнская Газета" была закрыта, то значительное количество кельнскихъ гражданъ обратилось къ королю съ петиціей о снятіи запрещенія. Къ королю даже была отправлена для этого спеціальная депутація, но, конечно, изъ этого ровно ничего не вышло, а адвокаты и нотаріусы, подписавшіе эту петицію, получили черезъ министра юстиціи высочайшій выговоръ и имъ было внушительно предложено „озаботиться пріобрѣтеніемъ болѣе зрѣлыхъ воззрѣній"...

Марксъ воспользовался прекращеніемъ „Рейнской Газеты" для того, чтобы исполнить свое настойчивое желаніе — погрузиться въ изученіе соціально политическихъ вопросовъ и выясненіемъ своего соціально-политическаго міровоззрѣнія. Эта глубокая внутренняя работа, прерываемая лишь личными дѣлами и переговорами объ основаніи новаго журнала, длилась цѣлый годъ и Марксъ вышелъ изъ нея съ значительно обновленнымъ міровоззрѣніемъ—онъ сдѣлался горячимъ послѣдователемъ философіи Людвига Фейербаха.

Философія Фейербаха какъ нельзя лучше шла навстрѣчу затаеннымъ желаніямъ передовой нѣмецкой интеллигенціи, стосковавшейся на холодныхъ высотахъ гегелевскихъ абстракцій по живомъ и дѣйствующемъ человѣкѣ. Марксъ, какъ мы видѣли, во время своей публицистической дѣятельности въ „Рейнской Газетѣ" освѣщеніе соціально-политическихъ вопросовъ „выводилъ" изъ гегелевскихъ понятій, но очень скоро убѣдился, что многообразная и все усложнявшаяся соціальная жизнь не укладывается въ эти понятія. Марксъ былъ слишкомъ глубоко проникнутъ вѣрою во всесильную власть философіи, прошелъ слишкомъ основательную философскую школу, чтобы, убѣдившись въ недостаточности гегелевской философіи, отбросить вообще всякую философію и отдаться соціально-политической дѣятельности, не освѣ-

---

[1]) Ср. Er. Dronke. Berlin. Frankfurt am Main. 1846. Erster Band. 216 стр.
[2]) Ср. Ibid. Zweiter Band, 113 стр.

щенной, не осмысленной общимъ философскимъ міровоззрѣніемъ. Такое стремленіе къ живой, жизненной философіи испытывала тогда вообще радикальная нѣмецкая интеллигенція. И когда Л. Фейербахъ выступилъ съ проповѣдью этой живой, жизненной философіи, когда, на мѣсто гегелевской абстракціи, Фейербахъ торжественно воздвигъ въ центрѣ философской системы живого и дѣйствующаго человѣка, то понятенъ былъ тотъ неописуемый энтузіазмъ, съ которымъ нѣмецкая передовая интеллигенція и въ ея числѣ Марксъ встрѣтили ученіе Фейербаха.

Еще въ своемъ сочиненіи „Критика гегелевской философіи" (1839 г.) Фейербахъ говоритъ: „Если прежняя философія учила: лишь разумное—истинно и дѣйствительно, то новая философія говоритъ: лишь человѣческое—истинно и разумно, ибо разумно только человѣческое, человѣкъ есть мѣра разума".

Въ 1841 г. вышло знаменитое сочиненіе Фейербаха „Сущность христіанства", въ которомъ авторъ не только разрушалъ теологическіе предразсудки, но и провозгласилъ свою гуманитарную философію, какъ нельзя болѣе отвѣчавшею настроенію тогдашней радикальной интеллигенціи Германіи.

Въ 1841 г. вышло главное сочиненіе Фейербаха „Сущность христіанства". Въ предисловіи къ этому сочиненію (ко второму изд.) Фейербахъ такъ характеризовалъ сущность развитаго въ ней обще-философскаго міровоззрѣнія: „Я совершенно не похожъ на тѣхъ философовъ, которые умышленно закрываютъ свои глаза, чтобы легче было мыслить, напротивъ, въ процессѣ мышленія я прибѣгаю къ помощи всѣхъ чувствъ и, прежде всего, глазъ. я строю свои мысли и идеи на такомъ *матеріалѣ*, который мы усваиваемъ себѣ только посредствомъ дѣятельности чувствъ, я создаю не предметы изъ идей, а, наоборотъ, идеи *изъ предметовъ*, а предметомъ я считаю только то, что существуетъ *внѣ моей головы*. Я идеалистъ лишь въ области *практической* философіи, т. е. грани настоящаго и прошедшаго я не дѣлаю гранью для будущаго, для человѣчества, а, напротивъ, я вѣрую непоколебимо, что многое и даже очень многое изъ того, что близорукіе, малодушные практики нынѣ считаютъ фантазіей, неосуществимою идеею или химерою, завтра, т. е. въ слѣдующемъ столѣтіи, предстанетъ передъ нами во всей своей реальности. Однимъ словомъ, идея для меня есть вѣра въ историческую будущность, въ торжество истины и добра, и она имѣетъ для меня лишь *политическое* и *моральное* значеніе, но въ области собственно теоретической философіи я, въ противоположность гегелевской философіи, высказываюсь за реализмъ и матеріализмъ" [1]).

„Моя книга,—говоритъ далѣе Фейербахъ,—представляетъ обра-

[1]) Людвигъ Фейербахъ. „Сущность христіанства". Пер. съ нѣм. Спб. 1906 г. Стр. 20.

зецъ именно такой философіи, которая признаетъ своимъ началомъ не субстанцію Спинозы, не „я" Фихте, не абсолютное тождество Шеллинга, не абсолютный духъ Гегеля,—словомъ не что-нибудь абстрактное, измышленное или воображаемое, а существо дѣйствительное, истинное ens realissimum *человѣка*, слѣдовательно, начало положительное и вполнѣ *реальное*, и которая выводитъ мысль изъ ея противоположности, изъ матеріи, изъ сущности, изъ чувствъ" [1]).

Въ томъ самомъ журналѣ, въ которомъ началъ свою литературную дѣятельность Карлъ Марксъ, другъ Маркса и редакторъ журнала, Арнольдъ Руге, помѣстилъ восторженную статью о „Сущности христіанства" Фейербаха.

Разсужденія Фейербаха, говоритъ А. Руге, изъ гегельянца сразу превратившись въ фейербахіанца, „столь же новы и неожиданны, сколь неопровержимо-истинны и просты. Фейербахъ смѣло идетъ навстрѣчу будущему, и, благодаря отрицанію всего прежняго воззрѣнія, передъ нимъ выростаетъ все разнообразіе новыхъ и положительныхъ взглядовъ на религію, образованіе и исторію. Онъ поступаетъ при этомъ вполнѣ въ духѣ исторіи; корабль, который провелъ его къ новымъ берегамъ, онъ не тащитъ за собою внутрь страны; онъ сбросилъ со своихъ рукъ и своей памяти цѣпи Прометея: онъ сжигаетъ злые духи прошлаго въ чистомъ эфирѣ современнаго самосознанія" [2]).

Руге дальше показываетъ, что философія Фейербаха есть не что иное, какъ философское благословленіе на смѣлую политическую борьбу съ реакціей. Философія, говоритъ онъ, теперь „втянута въ практическую борьбу, въ текущую исторію; поднимаются крики о ея „неблагонамѣренности", объ ея „разрушительныхъ стремленіяхъ", пытаются поднять противъ нея всю массу человѣческой глупости и ограниченности, и почему? Потому, что эта философія завоевываетъ теперь въ наукѣ то, что уже отвоевала исторія, потому что она является послѣдней и высшей санкціей новой эпохи; потому что она не шутитъ съ такими вещами, какъ свобода духа и жизни, и потому, что это серьезное отношеніе, хотя бы оно и носило чисто-теоретическій характеръ и не сходило съ высотъ науки, по необходимости является *фактическимъ* отрицаніемъ господствующаго практическаго направленія, или, скажемъ прямо, *реакціонной партіи*, въ принципѣ отрицающей реформацію и французскую революцію и низвергающей духовную и политическую свободу" [3]).

---

[1]) Людвигъ Фейербахъ. „Сущность христіанства". Пер. съ нѣм. Спб. 1906 г. Стр. 21.

[2]) Ср. Ar. Ruge. „Neue Wendung der deutschen Philosophie". „Anekdota zur neuste deutschen Philosophie und Publicistik." Her. von Arnold Ruge. Zweiter Band. Zurich und Winterthur. 1843. Стр. 20.

[3]) Ibid. Стр. 50.

И Фейербахъ помѣстилъ въ этомъ журналѣ статью, въ которой онъ въ афористической формѣ излагаетъ основные принципы своей философіи. „Философія,—говоритъ онъ,—есть познаніе того, что существуетъ. Познавать вещи и ихъ сущность таковы, каковы они суть,—таковъ высшій законъ, такова высшая задача философіи“ [1]).

Ниже, говоря о соціалистическихъ теоріяхъ нѣмецкой интеллигенціи, намъ придется еще говорить о томъ, какъ сильно и прочно философія Фейербаха окрасила собою все міросозерцаніе нѣмецкихъ передовыхъ писателей, а здѣсь мы отмѣтимъ лишь, что и Марксъ беззавѣтно увлекся этою философіею, очевидно, послѣ того, какъ, поневолѣ прекративъ свою публицистическую дѣятельность (въ виду запрещенія „Рейнской Газеты“), онъ погрузился въ разработку вопросовъ соціально-философскаго міровоззрѣнія. И Марксъ съ увлеченіемъ воспринялъ гуманистическую философію Фейербаха, какъ превосходное духовное орудіе въ жестокой практической борьбѣ со старымъ порядкомъ. Если изъ гегелевской философіи нѣмецкая интеллигенція въ лицѣ лѣвыхъ гегельянцевъ дѣлала самые радикальные соціально-политическіе выводы, то по отношенію къ философіи Фейербаха подобные выводы не только сами собою напрашивались, но и указывались самимъ же Фейербахомъ. Въ лицѣ Фейербаха жизнь и философія нашли себѣ полное и гармоничное объединеніе. „Намъ говорятъ,—писалъ Фейербахъ,—что наука не разрѣшаетъ загадки жизни, но что же изъ этого слѣдуетъ? Необходимость обратиться къ вѣрѣ? Но это бы значило—бросаться изъ огня да въ полымя. Нѣтъ, изъ этого слѣдуетъ лишь то, что ты долженъ перейти къ жизни, къ практикѣ. Сомнѣніе, котораго не разрѣшаетъ теорія, разрѣшитъ тебѣ практика“.

И мы видѣли изъ приведенныхъ выше словъ Арнольда Руге, что передовая нѣмецкая интеллигенція съ самаго начала поняла систему Фейербаха, какъ философское благословленіе, какъ философскій апоѳеозъ смѣлой политической борьбы съ реакціей во всѣхъ ея видахъ и проявленіяхъ.

Въ своей извѣстной книжкѣ „Людвигъ Фейербахъ“ Энгельсъ разсказываетъ о томъ, какое глубокое впечатлѣніе произвела на него и Маркса книга Фейербаха „Сущность христіанства“: „Кто не пережилъ,—говоритъ Энгельсъ,—освободительнаго вліянія этой книги, тотъ не можетъ представить его себѣ. Мы всѣ были въ восторгѣ, и всѣ мы стали на время послѣдователями Фейербаха“ [2]).

---

[1]) Ср. L. Feuerbach. „Vorläufige Thesen zu einer Reform der Philosophie“ „Anekdota zur neuesten deutschen Philosophie und Publicistik“. Zürich und Winterthur. 1843. 2 Bd.. стр. 72.

[2]) Фр. Энгельсъ. „Людвигъ Фейербахъ“. Пер. съ предисл. Г. Плеханова. Спб. 1906. Стр. 39.

Но если міросозерцаніе Фейербаха и примиряло практическую политическую борьбу съ философскою совѣстью, если оно звало на эту борьбу, то, однако, само по себѣ оно не давало сколько-нибудь надежнаго практическаго руководства для этой борьбы. Соціально-политическія воззрѣнія самого Фейербаха отличались большою путанностью и въ частности по своему воззрѣнію на государство онъ еще твердо стоялъ на идеалистической точкѣ зрѣнія. А между тѣмъ соціально-политическая жизнь Германіи все усложнялась и приходилось, вмѣсто отвлеченныхъ философскихъ формулъ, обратиться къ изученію соціальной дѣйствительности, ея силъ и отношеній. Прежде всего, къ половинѣ сороковыхъ годовъ уже и для умѣренныхъ нѣмецкихъ либераловъ выяснилась необходимость сбросить со своихъ политическихъ счетовъ надежду на то, что абсолютизмъ самъ себя ограничитъ, добровольно дастъ конституцію. Для тѣхъ умѣренныхъ либераловъ, вся политическая платформа которыхъ исчерпывалась подобнымъ упованіемъ, крушеніе этой надежды означало политическое банкротство и не удивительно, что они впали въ глубокую апатію, тоскливое уныніе. Но и болѣе радикальные слои чувствовали себя въ эту эпоху не весело. Они знали, что добровольное самоубійство нѣмецкій абсолютизмъ, въ лицѣ такого короля, каковымъ былъ Фридрихъ-Вильгельмъ, не совершитъ, но гдѣ тѣ реальныя силы, которыя бы заставили его это сдѣлать? Какъ ни сильно негодовала, волновалась и рвалась въ бой нѣмецкая интеллигенція, но все-таки было ясно, что ей одной не по плечу историческій переворотъ, что всѣ ея волненія представляютъ собой лишь легкую рябь на тихомъ океанѣ тогдашней народной жизни, что эта рябь безсильна вынести освободительное движеніе въ обѣтованную гавань конституціонализма. И только тогда, когда грозно всколыхнулся до сель тихій океанъ народной массы, только тогда могущественно ожили надежды, а въ эпоху закрытія „Рейнской Газеты" народъ, за рѣдкими исключеніями, еще политически безмолвствовалъ и уныніе и апатія охватывали ряды либеральной и радикальной интеллигенціи.

Берлинскій корреспондентъ „Кельнской Газеты" сообщаетъ въ № 61 за 1843 г., что „наша публика, повидимому, снова постепенно перестаетъ интересоваться текущими вопросами отечественной жизни. Повидимому, безплодность стремленій породила какое то безразличное настроеніе и заставила отказатся отъ всякихъ дальнѣйшихъ стремленій... И не только Берлинъ, но и другія мѣстности, обнаруживавшія прежде интересъ къ политической жизни, по словамъ мѣстныхъ наблюдателей и судя по внѣшнимъ проявленіямъ, снова впадаютъ въ прежнюю бездѣятельность и апатію" [1]). „„Мангаймская Вечерняя Газета" отъ 22-го

[1]) Ср. B. Bauer. „Vollständige Geschichte der Parteikämpfe in Deutschland während der Jahre 1842—1846". Bd. I. Charlottenburg. 1847. Стр. 284.

октября 1843 г. отмѣчаетъ тотъ же ростъ апатіи и политическаго индифферентизма среди либераловъ и прибавляетъ, что теперь всѣ пришли къ заключенію, что „нѣмцы совершенно не пригодны для политики“ [1]).

Что эта политическая апатія и разочарованіе охватили собою не только умѣренныхъ либераловъ, но и крайнихъ радикаловъ, свидѣтельствуетъ относящаяся къ этому времени переписка между Марксомъ и Руге, напечатанная впослѣдствіи въ „Deutsch-Französische Jahrbücher“ [2]).

Отвѣчая на письмо Маркса, Руге пишетъ въ мартѣ 1843 г.: „Мы переживемъ политическую революцію? Мы, современники этихъ нѣмцевъ? Мой другъ, вы вѣрите въ то, что желаете. Мнѣ знакомо это состояніе! Очень сладко питать надежды и очень горько отказаться отъ всякихъ иллюзій. Надо обладать бо̀льшимъ мужествомъ для того, чтобы разочароваться, чѣмъ для того, что бы подняться“... „Нѣмцевъ надо считать не по числу борцовъ, а по количеству душъ, которыхъ продаютъ“. Правда, говоритъ Руге, „нѣмцы раздражены и обозлены, друзья и знакомые разговаривая другъ съ другомъ, постоянно поминаютъ о судьбѣ Стюартовъ... Но все это только разговоры .. Существуетъ ли такой глупецъ, который бы не позналъ нашихъ мѣщанъ и ихъ безграничнаго овечьяго терпѣнія? Прошло пятьдесятъ лѣтъ послѣ французской революціи и мы дожили только до возобновленія всѣхъ безстыдствъ стараго деспотизма. И не говорите, что XIX вѣкъ не перенесетъ его. Нѣмцы разрѣшили эту задачу. Они не только переносятъ его, но переносятъ съ патріотизмомъ и мы, краснѣющіе за нихъ, именно мы знаемъ, что они его заслуживаютъ“ [3]).

И Руге заканчиваетъ свое письмо словами: „Нашъ народъ не имѣетъ никакой будущности“. К. Марксъ изъ кратковременнаго періода своего редакторства „Рейнской Газеты“ вынесъ жгучую ненависть къ нѣмецкому правительству, но эта ненависть только содѣйствовала разрушенію его иллюзій насчетъ государства, какъ „нравственнаго организма“, но не привела его къ пессимизму.

[1]) Ibid. Стр. 285—286.

[2]) Подлинность этихъ писемъ была подвергнута рѣшительному отрицанію со стороны Трейчке, утверждающему, что ихъ выдумала редакція „Нѣмецко-французскихъ Ежегодниковъ“. Редакторъ этихъ „Ежегодниковъ“, Ар. Руге, въ своихъ воспоминаніяхъ тоже говоритъ, что всю эту переписку между нимъ, Марксомъ и Бакунинымъ, онъ, Руге, самъ „придумалъ“. Но Руге при этомъ очень неясно выражается и во всякомъ случаѣ прибавляетъ, что въ основѣ напечатанныхъ писемъ лежатъ подлинныя письма. По всей вѣроятности, Руге нѣсколько „отдѣлалъ“ эти подлинныя письма, прежде чѣмъ ихъ печатать. Основныя идеи этихъ писемъ, во всякомъ случаѣ—что признаетъ и Руге,—взяты изъ подлинной переписки.

[3]) Ср. Aus dem literarischen Nachlass Bd. I. Стр. 361—365.

Жгучая ненависть къ реакціи сплелась у него съ горячей вѣрой въ близкое освобожденіе Германіи.

Прусское самодержавное правительство, писалъ Марксъ, отвѣчая Руге, „наглядно показало необходимость для деспотизма всего свѣта жестокости и невозможность для него быть гуманнымъ... Вы говорите, что я слишкомъ высоко оцѣниваю дѣйствительность, но если я не отчаиваюсь въ ней, то только благодаря тому, что ея собственное безнадежное состояніе наполняетъ меня надеждой. Я не говорю уже о неспособности господъ и о филистерствѣ слугъ и подданныхъ, предоставляющихъ всему идти такъ, какъ Господь велѣлъ, хотя и этихъ двухъ явленій достаточно, чтобы вызвать катастрофу. Я уже обращаю ваше вниманіе на то, что враги филистерства, т. е. всѣ думающіе и страдающіе люди, пришли теперь ко взаимному соглашенію, тогда какъ прежде они это сдѣлать не могли, и что даже простой процессъ размноженія старыхъ подданныхъ съ каждымъ днемъ создаетъ новыхъ рекрутъ на службу новому человѣчеству. Система промышленности и торговли, владѣнія и эксплоатаціи еще быстрѣе, чѣмъ ростъ населенія, ведетъ къ разрушенію современнаго общества, которое не можетъ спасти старая система, ибо эта система вообще ничего не излечиваетъ и ничего не творитъ,—она лишь существуетъ и потребляетъ. Существованіе страдающаго человѣчества, которое мыслитъ, и мыслящаго человѣчества, которое угнетаютъ, и необходимости должно сдѣлать для пассивнаго и безсознательно потребляющаго зоологическаго міра филистеровъ непотребимымъ и неперевариммымъ“ [1]).

Погрузившись въ изученіе вопросовъ соціально философскаго міровоззрѣнія, Карлъ Марксъ въ то же время не оставлялъ и мыслей о дальнѣйшей публицистической пропагандѣ своихъ идей. Опытъ съ „Рейнской Газетой“ показалъ ему, что подцензурный органъ въ тогдашней Германіи обреченъ, какимъ бы темнымъ и рабскимъ языкомъ онъ ни говорилъ, или на насильственную смерть, или же на безсиліе, если онъ согласится подчиниться. Да и, кромѣ того, душная атмосфера тогдашней Германіи и годъ мелкой, изнуряющей, ежедневной борьбы съ цензурой утомили Маркса и раздергали его нервы. Онъ поэтому и лично мечталъ о поѣздкѣ за границу и, кромѣ того, въ интересахъ дѣла считалъ необходимымъ перенести печатный станокъ за границу.

Въ письмѣ къ Руге (отъ 25-го января 1843 г.), опубликованномъ впервые Бернштейномъ въ „Dokumente des Socialismus“, Марксъ пишетъ, что онъ больше не въ силахъ работать подъ цензурнымъ надзоромъ. „Скверно, — говоритъ онъ, — даже для свободы выполнять службу батрака и вести борьбу, вмѣсто ду-

[1]) Aus dem literarischen Nachlass. Bd. I. Стр. 370.

бинъ, булавками. Я усталъ отъ лицемѣрія, глупости и грубаго авторитета, я усталъ отъ нашего подлаживанія, приспособленія, выворачиванія, пустословія". И въ другомъ письмѣ онъ рѣшительно заявляетъ: „Я не могу писать подъ прусской цензурой и жить въ прусской атмосферѣ".

Это настроеніе раздѣлялъ и Руге, рѣшивъ основать за границей радикальный журналъ. Послѣ долгихъ совѣтовъ и колебаній было рѣшено остановиться на Парижѣ.

Марксъ получилъ, наконецъ, свободное время, чтобы жениться. Въ 1843 г. онъ женился на Женни Вестфаленъ, оффиціальнымъ женихомъ которой онъ состоялъ въ теченіе семи лѣтъ. Тотчасъ же послѣ женитьбы Марксъ уѣхалъ съ женою за границу, а въ ноябрѣ 1843 года поселился въ Парижѣ, гдѣ первое время съ головою ушелъ въ работу для новаго журнала.

Роль, которую призванъ былъ выполнить этотъ журналъ, рисовалась Руге въ чрезвычайно увлекательныхъ краскахъ; онъ мечталъ, ни болѣе ни менѣе, какъ о томъ, что журналъ этотъ создастъ духовный союзъ между Франціей и Германіей. Руге собирался привлечь къ ближайшему участію въ журналѣ тогдашнихъ выдающихся французскихъ писателей—Леру, Прудона, Луи Блана. Руге предполагалъ придать журналу интернаціональный характеръ, но при этомъ дѣло шло не о соціалистическомъ, а о радикальномъ журналѣ, и вначалѣ Руге далъ ему названіе „Радикальнаго Обозрѣнія". И въ письмѣ къ Фейербаху Руге пишетъ, что его журналъ будетъ органомъ интернаціональнаго *радикализма* [1]).

Въ 1844 г. появилась первая (двойная) книжка новаго журнала подъ заглавіемъ „Нѣмецко-Французскій Ежегодникъ" („Deutsch-Französische Jahrbücher"). Составъ сотрудниковъ былъ блестящъ. Ни одинъ изъ французскихъ писателей, правда, не принялъ участія въ журналѣ, но зато нѣмецкіе писатели были представлены блестяще. Въ первой двойной книжкѣ журнала были напечатаны статьи Гейне, Гервега, Бакунина, Фейербаха, Якоби, Энгельса, Гесса и Карла Маркса.

Изъ произведеній Маркса здѣсь были напечатаны его три письма къ Руге, о которыхъ намъ выше уже приходилось говорить и двѣ статьи: „Къ критикѣ гегелевской философіи права" и „Къ еврейскому вопросу".

Эти статьи Маркса представляютъ громадную цѣнность для изученія хода его умственнаго развитія, для изученія вопроса: какъ Марксъ сдѣлался марксистомъ. Три письма Маркса написаны раньше, чѣмъ его статьи, и въ нихъ онъ еще всецѣло стоитъ на точкѣ зрѣнія Фейербаха. Онъ твердо вѣритъ, что не

1) Ср. Grüuk. „Ludwig Feuerbach in seinem Briefwechsel und Nachlass". Bd. I. Стр. 357.

за горами освобожденіе Германіи, но еще ждетъ это освобожденіе отъ „страдающаго человѣчества, которое мыслитъ, и отъ мыслящаго человѣчества, которое угнетено". Онъ ждетъ переворота отъ чувства глубокаго *стыда*, охватившаго нѣмецкую интеллигенцію, стыда за свое правительство, за свою отсталость. Онъ пишетъ Руге: „Стыдъ есть уже революція, благодаря ему французская революція побѣдила нѣмецкій патріотизмъ, и, наоборотъ, нѣмецкій патріотизмъ въ 1813. г. побѣдилъ французскую революцію. Стыдъ есть своего рода гнѣвъ, обращенный внутрь себя. И если вся нація истинно стыдится, то она является львомъ, готовящимся къ прыжку".

Особенный интересъ для интеллектуальной біографіи Маркса представляетъ его третье письмо къ Руге. Какъ мы уже знаемъ, на страницахъ „Рейнской Газеты" Марксъ заявилъ въ отвѣтъ на вызывающій запросъ „Всеобщей Газеты", что онъ еще не выяснилъ своего отношенія къ соціализму. Но то свободное время, которое оказалось въ его распоряженіи послѣ закрытія „Рейнской Газеты", Марксъ употребилъ, между прочимъ, и на ознакомленіе съ тогдашними соціалистическими ученіями. Но эти ученія въ ихъ тогдашней утопически-догматической формѣ его не удовлетворили. Его критическій и творческій умъ не могъ увлечься догматическими ученіями, и въ своемъ третьемъ письмѣ къ Руге Марксъ рѣзко возстаетъ противъ догматизма тогдашнихъ соціалистовъ. „Мы не провозглашаемъ догматически,—пишетъ Карлъ Марксъ,—новый міръ, а выводимъ его изъ критики стараго. До сихъ поръ философы разрѣшеніе всѣхъ задачъ оставляли подъ спудомъ, и глупому экзотерическому міру оставалось только раскрывать ротъ, чтобы жареные рябчики абсолютной науки летѣли ему туда. Философія стала свѣтской, и самымъ яркимъ доказательствомъ этого является то, что философское сознаніе не только внѣшне, но и внутренне втянулось въ мученія борьбы. Если построеніе будущаго и разъ навсегда изготовленныя формулы не являются нашимъ дѣломъ, то тѣмъ яснѣе вырисовывается наша нынѣшняя задача: безпощадная критика всего существующаго, безпощадная, какъ въ томъ смыслѣ, что она не боится ни своихъ результатовъ, ни конфликтовъ съ существующими властями.

Я не стою поэтому за то, чтобы мы выставили какое-либо догматическое знамя. Наоборотъ, мы должны стараться, чтобы догматики уяснили себѣ свои собственныя основныя положенія. Такъ коммунизмъ является догматической абстракціей, причемъ я говорю здѣсь не о какомъ-либо воображаемомъ или мыслимомъ коммунизмѣ, а о коммунизмѣ, дѣйствительно существующемъ, какъ его излагаютъ Кобе, Дозами, Вейтлингъ и т. д. Подобный коммунизмъ является лишь особымъ видомъ, порожденнымъ его противоположностью—частною собственностью,—проявленія гума-

нистическаго принципа. Однако, отмѣна частной собственности отнюдь не означаетъ коммунизма и на ряду съ коммунизмомъ по необходимости должны возникнуть другія соціалистическія ученія, напримѣръ, Фурье, Прудона и т. д." [1]).

Такимъ образомъ, уже съ самаго начала своего занятія изученіемъ соціалистическихъ системъ Марксъ рѣшительно возсталъ противъ догматическаго соціализма. Большинство тогдашнихъ соціалистическихъ системъ было насквозь проникнуто догматическимъ утопизмомъ. Творцы этихъ системъ наивно полагали, что все человѣчество до сихъ поръ заблуждалось, бродило по ложному пути, но теперь, когда „придумана" новая увлекательная общественная организація, всему человѣчеству остается только съ восторгомъ протереть глаза, сбросить съ себя старый обветшалый міръ, какъ сбрасываютъ старое, изношенное платье, и забыть о немъ.

Противъ подобнаго наивнаго утопизма большинства тогдашнихъ соціалистовъ Марксъ долженъ былъ рѣшительно возстать не только какъ „марксистъ",—онъ таковымъ еще тогда не былъ,— но какъ вѣрный и послѣдовательный сторонникъ Гегеля и Фейербаха. Школа Гегеля-Фейербаха научила Маркса понимать всѣ явленія, проникнувъ во внутреннюю логику ихъ объективнаго развитія, а не противопоставляя имъ свои субъективныя пожеланія. „Выведенная" изъ философіи Гегеля-Фейербаха, программа общественной дѣятельности только и могла опираться на изученіе внутренней закономѣрности объективнаго развитія, а это заранѣе отвергало догматизмъ и доктринерство.

И на первыхъ порахъ дѣятельность Маркса была ничѣмъ инымъ, какъ мастерскимъ переложеніемъ философіи Гегеля-Фейербаха на соціально-политическій языкъ. „Мы не выступаемъ доктринерами передъ міромъ, — писалъ Марксъ въ этомъ же письмѣ,—съ новымъ принципомъ: вотъ тебѣ истина, преклони колѣни... Мы не говоримъ: брось свою борьбу, все это глупыя затѣи, мы провозгласимъ тебѣ истинный пароль борьбы. Мы лишь разъяснимъ, въ чемъ состоитъ сущность этой борьбы, и мы лишь покажемъ, что міръ долженъ, хотя бы онъ и не хотѣлъ этого, выработать самосознаніе".

Программа Маркса, развиваемая въ этомъ письмѣ, сводится къ требованію критики „мистическаго" сознанія людей, выясненія „самосознанія", разрушающаго „самообманъ", т. е. это та же программа, которую ставилъ въ своей критикѣ религіи Фейербахъ. Марксъ самъ заявляетъ, что „вся наша цѣль представляетъ то же самое, что и фейербаховская критика религіи, т. е. она

---

[1]) Ср. Aus dem literarischen Nachlass. Bd. I. Стр. 378—383.

приводитъ къ сознательной человѣческой формѣ религіозные и политическіе вопросы" [1]).

Изъ приведенныхъ нами выдержекъ и изъ заявленія самого Маркса ясно, что въ 1843 году Марксъ еще не стоялъ на „марксистской" точкѣ зрѣнія, а всецѣло раздѣлялъ воззрѣнія Фейербаха и давалъ имъ широкое соціальное примѣненіе. Эти чисто специфически-марксистскія ноты впервые зазвучали у Маркса въ статьѣ „Къ критикѣ гегелевской философіи права", напечатанной въ 1844 г. въ „Deutsch-Französische-Jahrbücher". Въ этой статьѣ у Маркса впервые сквозь волнистые туманы гегелевской и фейербаховской философіи начинаетъ проглядывать соціальный реализмъ. Въ этой же статьѣ впервые мы встрѣчаемъ у Маркса слово „пролетаріатъ" и въ этой же статьѣ впервые у Маркса ярко вспыхнула идея о великой исторической миссіи пролетаріата, о томъ, что пролетаріатъ призванъ совершить коренной общественный переворотъ. До сихъ поръ въ своихъ статьяхъ Марксъ никогда не употреблялъ слова пролетаріатъ, онъ говорилъ о бѣдныхъ классахъ населенія, онъ говорилъ о страдающемъ человѣчествѣ, которое мыслитъ, и о мыслящемъ человѣчествѣ, которое угнетаютъ, но не о пролетаріатѣ. Марксъ впервые заговорилъ о пролетаріатѣ и съ самаго начала заговорилъ съ энтузіазмомъ въ статьѣ „Къ критикѣ гегелевской философіи права".

Въ этой статьѣ причудливо смѣшиваются уже умирающіе, но еще мощные отзвуки увлеченія Гегелемъ и Фейербахомъ съ еще слабыми, но крѣпнущими нотами рождающагося реализма.

Марксъ уже заявляетъ въ этой статьѣ, что „главною проблемою настоящаго времени является вопросъ объ отношеніи промышленности и вообще міра богатства къ политическому міру".

„Орудіе критики,—говоритъ далѣе Марксъ,—не можетъ замѣнить критики орудія, матеріальная власть можетъ быть низвергнута только съ помощью матеріальной же власти, а теорія становится матеріальною властью, когда она охватываетъ массы".

Въ духѣ же реализма Марксъ говоритъ здѣсь: „Революціи нуждаются въ пассивномъ элементѣ, матеріальной основѣ. Всякая теорія воплотится въ народѣ лишь постольку, поскольку она является воплощеніемъ его потребностей... Недостаточно, чтобы мысль стремилась къ воплощенію, необходимо, чтобы и самая дѣйствительность стремилась навстрѣчу этой мысли" [2]).

Блестяще рисуетъ здѣсь Марксъ величавое историческое призваніе пролетаріата и его союзъ съ новой философіей. „Какъ философія,—говоритъ онъ,—находитъ въ пролетаріатѣ свое матеріальное орудіе, такъ пролетаріатъ находитъ въ философіи свое

---

1) Ibid. Стр. 382.
2) Aus dem liter. Nachlass. 1. Bd. Стр. 393.

духовное орудіе. И когда молнія мысли основательно ударитъ въ эту наивную народную почву, то совершится освобожденіе нѣмцевъ въ человѣка“ [1]).

Головою эмансипаціи человѣка является философія, а ея сердцемъ—пролетаріатъ, говоритъ Марксъ, заканчивая свою блестящую статью.

Ниже, въ главѣ о нѣмецкихъ „истинныхъ соціалистахъ“, мы еще увидимъ, что въ этой статьѣ Марксъ уплатилъ извѣстную дань соціальному утопизму, но здѣсь мы отмѣтимъ, что, даже перейдя на точку зрѣнія реализма, Марксъ, однако, не измѣнилъ Фейербаху, а лишь углубилъ, расширилъ и пополнилъ его ученіе.

Заключительный аккордъ статьи Маркса: философія явится головой, а пролетаріатъ сердцемъ человѣческаго освобожденія, звучитъ совершенно въ духѣ фейербаховской философіи. Противопоставленіе между сердцемъ и головой и тщательная формулировка соотносительной роли перваго и второй играли очень важную роль въ философской теоріи Фейербаха.

Сердце, доказываетъ Фейербахъ, есть женское начало конечнаго, средоточіе матеріализма, оно настроено на французскій духъ, а голова есть мужское начало, средоточіе идеализма, оно настроено на нѣмецкій ладъ. Голова создаетъ вещи, а сердце приводитъ ихъ въ движеніе [2]).

И Фейербахъ призываетъ къ объединенію сердца и головы, къ галло-германскому принципу, какъ онъ выражается.

Этимъ ученіемъ Фейербаха о „сердцѣ“ и „головѣ“ всецѣло проникнута статья Маркса; его восклицаніе: „философія есть голова освобожденія человѣка, а пролетаріатъ—его сердце“, представляетъ собою соціальное примѣненіе обще-философскаго ученія Фейербаха. И заключительныя слова Маркса: „Когда всѣ внутреннія условія будутъ выполнены, наступленіе дня германскаго воскрешенія будетъ возвѣщено громкимъ крикомъ галльскаго пѣтуха“, отлично показываютъ, какъ сильно здѣсь вліяніе ученія Фейербаха. У Фейербаха „нѣмецкое начало“, „голова“ („философія“) создаетъ условія, а „сердце“, „французское начало“, приводитъ ихъ въ движеніе. И у Маркса въ полномъ согласіи съ этимъ, философія („голова“) нѣмцевъ создаетъ въ Германіи внутреннія условія воскрешенія, а крикъ „галльскаго пѣтуха“ („французское начало“, „сердце“, „пролетаріатъ“) приводитъ въ исполненіе. Такимъ образомъ, роли между нѣмецкимъ и французскимъ началомъ, между головой и сердцемъ, Марксъ располагаетъ въ полномъ соотвѣтствіи съ ученіемъ Фейербаха.

---

[1]) Aus dem literarischen Nachlass. B. I. Стр. 398.

[2]) Cp. L. Feuerbach. „Vorläufige Thesen zur Reformation der Philosophie“ въ „Anekdota zur neuesten deutschen Philosophie und Publicistik“. Herausg. von A. Ruge. Zürich und Winterthur. 1843. 2 Bd. Стр. 76—77.

Въ этомъ же „Нѣмецко-французскомъ Ежегодникѣ“ началъ свою литературную дѣятельность и Фридрихъ Энгельсъ, напечатавъ „Очеркъ критики политической экономіи“. Этотъ очеркъ показываетъ, что Энгельсъ раньше Маркса занялся экономическими вопросами, хотя и ему еще въ то время были незнакомы труды Рикардо и онъ еще въ значительной степени стоялъ на морализирующей точкѣ зрѣнія. Трудовая теорія цѣнности носитъ у него здѣсь еще совершенно зачаточный характеръ; онъ опредѣляетъ еще цѣнность, какъ „отношеніе между издержками производства и полезностью“ и горячо протестуетъ противъ игнорованія „духовнаго элемента цѣнности“ („духа изобрѣтеній“) и т. д.

П. Берлинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Коллективный договоръ

и тарифныя соглашенія между предпринимателями и рабочими въ Европѣ, Америкѣ и Австраліи.

Несмотря на всѣ злобныя преслѣдованія, которымъ подвергается еще очень молодое профессіональное движеніе въ Россіи, оно все-таки развивается. Борьба между трудомъ и капиталомъ въ Россіи, конечно, не новость—она имѣетъ свою уже 35-ти лѣтнюю исторію. Характерной чертой настоящаго времени является лишь широкое стремленіе къ организаціи силъ. Сознаніе необходимости этого и завоеваніе—хотя еще очень жалкой—„свободы“ стачекъ и союзовъ является однимъ изъ важнѣйшихъ пріобрѣтеній рабочаго класса за время революціи, которыя не отдаются обратно. Профессіональные союзы уже и теперь составляютъ у насъ извѣстную силу, въ ближайшемъ же будущемъ ростъ ихъ будетъ совершаться ускореннымъ темпомъ. А тамъ, гдѣ крѣпнутъ профессіональные союзы, самъ собою возникаетъ вопросъ о коллективномъ договорѣ и о тѣхъ учрежденіяхъ, которыя существуютъ для разрѣшенія *организованныхъ* столкновеній труда и капитала. Въ виду этого для русской соціалъ-демократіи очень важно съ самаго же начала занять правильную позицію по отношенію къ этому вопросу, а для дѣятелей профессіональнаго движенія—ознакомиться съ тѣмъ, что сдѣлано въ другихъ странахъ [1]).

Коллективный договоръ и тарифныя соглашенія суть продукты новаго времени съ его свободою конкурренціи, развитіемъ крупнаго производства и обостреніемъ классовой борьбы между трудомъ и капиталомъ.

Послѣ паденія цехового строя въ Западной Европѣ и крѣпостного права въ такихъ странахъ, какъ Россія, всѣ условія найма

---

[1]) Богатый матеріалъ въ этомъ отношеніи собранъ отдѣленіемъ рабочей статистики при королевск. статистическомъ бюро въ Германіи— Der Tarifvertrag im Deutschen Reich. 3. B. 1906.

стали опредѣляться взаимнымъ соглашеніемъ сторонъ, т. е. на основаніи такъ называемаго свободнаго договора. Но этотъ договоръ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ индивидуальнымъ, т. е. заключался каждымъ рабочимъ отдѣльно. Сталкиваясь же съ капиталистомъ одинъ на одинъ, рабочій всегда оказывается стороной слабѣйшей, слѣдовательно всегда и безусловно проигрываетъ. Существуя лишь продажей своей рабочей силы и находясь подъ постояннымъ страхомъ, что его мѣсто будетъ занято другимъ такимъ же, какъ и онъ, пролетаріемъ, онъ не можетъ выставлять своихъ условій найма, а вынужденъ принимать тѣ, которыя ему предлагаетъ хозяинъ-предприниматель. О „свободномъ" соглашеніи сторонъ при такомъ положеніи дѣлъ не можетъ быть и рѣчи: одна сторона диктуетъ условія, а другая молча, затаивъ въ себѣ безсильный гнѣвъ, принимаетъ ихъ. Такое подневольное положеніе рабочихъ измѣняется нѣсколько лишь тогда, когда развиваются профессіональные союзы, объединяющіе ихъ разрозненныя силы; тогда индивидуальный договоръ замѣняется коллективнымъ: капиталисту противопоставляется не отдѣльный рабочій, а совмѣстныя усилія всѣхъ.

Не всѣ, конечно, отрасли промышленности одинаково благопріятны для широкаго примѣненія коллективнаго договора и тарифныхъ соглашеній; въ этомъ отношеніи требуются, чтобы условія производства не подвергались слишкомъ рѣзкимъ колебаніямъ въ зависимости отъ мѣста и времени, т. е. чтобы они предоставляли возможность общаго урегулированія условій труда. Это наблюдается прежде всего, конечно, въ современныхъ крупныхъ индустріяхъ съ ихъ нивеллирующей тенденціей; поэтому, напр., въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ методъ коллективнаго договора наиболѣе развитъ именно здѣсь—въ текстильной, желѣзодѣлательной, машиностроительной и каменноугольной промышленности. Наоборотъ, въ Германіи мы видимъ, что тарифныя соглашенія ранѣе всего появляются и получаютъ наибольшее распространеніе въ тѣхъ отрасляхъ, которыя носятъ болѣе или менѣе рѣзко выраженный *ремесленный* характеръ. Точно также въ Россіи наибольшее участіе въ профессіональномъ движеніи принимаютъ пока именно ремесленники. Это объясняется тѣмъ, что въ ремеслѣ техника производства отличается болѣе консервативнымъ характеромъ и, слѣдовательно, здѣсь легче подвергнуть условія труда общему урегулированію; кромѣ того, сопротивленіе предпринимателей тутъ значительно слабѣе, чѣмъ тамъ, гдѣ господствуютъ „короли" капитала.

Въ какомъ отношеніи стоитъ коллективный договоръ къ классовой борьбѣ пролетаріата и какъ должна соціалъ-демократія относиться къ разнымъ видамъ его,—объ этомъ будетъ сказано въ заключеніи, теперь же познакомимся съ положеніемъ дѣлъ въ разныхъ странахъ.

Англія.

Какъ извѣстно, въ Англіи раньше всѣхъ другихъ странъ Европы развился капитализмъ, поэтому неудивительно, что именно здѣсь мы встрѣчаемъ наиболѣе раннія попытки со стороны правительства и буржуазныхъ круговъ какъ-нибудь помирить двѣ враждующія стороны—трудъ и капиталъ—или разрѣдить нѣсколько насыщенную электричествомъ атмосферу общественной жизни. Для странъ молодыхъ небезполезно будетъ узнать, какъ мало результатовъ имѣли эти попытки затушевать фактъ антагонизма между этими классами и вытекающую отсюда необходимость особаго рабочаго движенія, проникнутаго идеей соціализма.

Еще въ 1824 г. издается законъ, согласно которому при возникновеніи разногласія между рабочими и предпринимателями стороны могли требовать образованія при мировомъ судѣ особой камеры соглашенія или третейскаго суда. Эти учрежденія имѣли своей задачей не окончательное разрѣшеніе споровъ, а главнымъ образомъ предварительные переговоры; третейскому суду было даже запрещено касаться въ своемъ постановленіи самаго существеннаго пункта—высоты заработной платы. Стремленіе къ устройству примирительныхъ учрежденій не для каждаго случая въ отдѣльности, а въ качествѣ постояннаго института—нашло себѣ практическое осуществленіе въ 1849 г. въ промышленности по обработкѣ шелка, но и этотъ опытъ оказался недолговѣчнымъ: черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ своего основанія камера соглашенія (board of conciliation) распалась. Затѣмъ въ 60-хъ годахъ судья Кеттле и членъ парламента Мунделла предприняли систематическую кампанію въ пользу учрежденія камеръ соглашенія. Эти послѣднія состояли, по системѣ Мунделла, изъ 10 членовъ, поровну отъ рабочихъ и капиталистовъ, которые выбирали предсѣдателя изъ своей среды съ правомъ перевѣшивающаго голоса въ тѣхъ случаяхъ, когда мнѣнія раздѣляются поровну. По системѣ же Кеттле, камеры состояли изъ 6 членовъ, и избирали предсѣдателя не изъ своей среды, а изъ посторонней: мировыхъ судей, чиновниковъ, духовенства и др. Обращеніе къ этимъ третейскимъ судьямъ было необязательно, но рабочіе и предприниматели должны были заключать договоры о томъ, чтобы передавать на ихъ разрѣшеніе споры, вытекающіе изъ существующихъ условій найма, а также урегулированіе будущихъ. Въ 1867 г. англійское правительство назначаетъ королевскую комиссію для изысканія средствъ къ улучшенію отношеній между предпринимателями и рабочими, и результатомъ дѣятельности ея было изданіе двухъ законовъ: 1867 г.—о камерахъ соглашенія и 1872 г.—о третейскомъ судѣ. Однако, и на долю этихъ оффиціальныхъ попытокъ выпалъ не лучшій успѣхъ; законы не получили широкаго практическаго примѣненія и въ 80-хъ и 90-хъ гг. подвергались

измѣненію. Актъ 1867 г. былъ замѣненъ новымъ закономъ 1889 г., а актъ 1872 г.—закономъ 1896 г. Правда, и теперь, какъ и раньше, обращеніе къ камерамъ соглашенія и третейскому суду остается необязательнымъ для сторонъ: онѣ могутъ лишь включать въ условія найма пунктъ о передачѣ возникающихъ между ними разногласій на разрѣшеніе этихъ учрежденій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ законъ создаетъ въ составѣ министерства торговли особое центральное учрежденіе (board of trade), на которое возложена задача содѣйствовать и поощрять образованіе камеръ соглашенія и третейскихъ судовъ. При немъ ведется регистрація существующихъ примирительныхъ учрежденій, и оно обязано при возникновеніи коллективныхъ споровъ предпринимать первые шаги къ ихъ улаживанію,—напр., изслѣдовать причины разногласія, назначить по просьбѣ рабочихъ или предпринимателей одно или нѣсколько лицъ въ качествѣ посредниковъ, а по просьбѣ обѣихъ сторонъ—третейскаго судью. Число камеръ соглашенія, основанрыхъ въ силу закона, равнялось въ 1900 г. 54, въ 1901 г.—58, въ 1902 г.—67 и въ 1903 г.—73. О дѣятельности ихъ можно судить по слѣдующей таблицѣ:

	1900 г.	1901 г.	1902 г.	1903 г,	1904 г.
Число конфликтовъ . .	648	642	442	3873	34
Число камеръ соглашенія	32	41	29	26	23
На 100 конфликтовъ приходится улаженныхъ при помощи камеръ	4,9	6,4	6,6	6,7	6.9

Какъ видно отсюда, дѣятельность этихъ примирительныхъ учрежденій, несмотря на поощреніе закона и продолжительность существованія, остается очень и очень скромной.

Но независимо отъ этихъ оффиціальныхъ установленій, въ Англіи существуютъ другія, которыя развились, такъ сказать, сами собой, въ силу потребностей промышленной жизни, ибо являются естественнымъ послѣдствіемъ коллективнаго договора. Этотъ же послѣдній пользуется здѣсь широкимъ распространеніемъ и имѣетъ уже свою исторію, причемъ коллективныя соглашенія охватываютъ иногда всю промышленность страны или же опредѣленный округъ.

Что касается самаго механизма, который выработанъ съ цѣлью урегулированія заработной платы и другихъ условій найма, примѣненія заключеннаго договора къ отдѣльнымъ случаямъ жизни и улаживанія возникающихъ при этомъ разногласій, то онъ представляетъ большое разнообразіе, смотря по особенностямъ и степени развитія той или другой отрасли промышленности. Наиболѣе простой случай—это тотъ, когда отдѣльный предприниматель ведетъ переговоры съ депутаціей представите-

лей отъ своихъ собственныхъ рабочихъ. На слѣдующей ступени переговоры ведутся уже между предпринимателемъ и секретаремъ профессіональнаго союза, а третью ступень представляетъ тотъ случай, когда въ сношенія вступаютъ представители рабочаго союза и организаціи предпринимателей. Наконецъ,—и это представляетъ наиболѣе сложную форму,—устраиваются постоянные такъ называемые „соединенные комитеты" (joint committees), состоящіе при профессіональныхъ союзахъ и организаціяхъ предпринимателей, причемъ собранія ихъ происходятъ въ однихъ случаяхъ систематически, а въ другихъ—по тому или иному вопросу.

Отдѣльныя отрасли промышленности переходятъ даже къ тому, что изъ своей среды образовываютъ палаты соглашенія поровну изъ представителей той и другой стороны, которыя собираются черезъ извѣстные промежутки времени. Если такимъ путемъ соглашеніе не достигается, то нерѣдко дѣло передается на разрѣшеніе „безпартійнаго" третейскаго судьи. Если мы возьмемъ такія, напр., важнѣйшія отрасли, какъ текстильная, желѣзная и каменноугольная промышленность, то увидимъ, что здѣсь общій уровень заработной платы устанавливается національными (т. е. охватывающими данную промышленность *всей* страны) организаціями рабочихъ и предпринимателей. При этомъ здѣсь устанавливаются только общія основныя положенія, а ихъ затѣмъ приспособляютъ къ отдѣльнымъ округамъ и предпріятіямъ низшіе подчиненные органы. Существенныя же измѣненія въ этихъ основныхъ положеніяхъ могутъ производить только крупныя организаціи, которыя ихъ вырабатывали.

Для улаживанія столкновеній, которыя возникаютъ при истолкованіи указанныхъ соглашеній, здѣсь выработанъ цѣлый рядъ учрежденій. Такъ, напр., въ желѣзной промышленности наиболѣе характерными являются камера соглашенія для сталепрокатныхъ заводовъ сѣверной Англіи и камера для урегулированія платы въ сталелитейной и желѣзодѣлательной промышленности центральнаго района. Оба учрежденія обладаютъ „постоянными комитетами" для разрѣшенія всѣхъ случаевъ, кромѣ общихъ измѣненій уровня заработной платы; сами же камеры вмѣшиваются въ дѣло въ качествѣ второй инстанціи, а третьей является третейскій судья.

Урегулированіе заработной платы какъ въ томъ, такъ и въ другомъ учрежденіи основывается на примѣненіи такъ называемой „скользящей скалы" [1]). Въ хлопчатобумажной промышленности Ланкашира заработная плата почти исключительно по-

[1]) Сущность „скользящей скалы" заключается въ томъ, что заработная плата повышается или понижается предпринимателями въ зависимости отъ рыночныхъ цѣнъ на данный продуктъ. Этотъ методъ противорѣчитъ интересамъ рабочаго класса, и въ заключеніи мы остановимся еще на немъ.

штучная и опредѣляется особыми списками или листами, которые представляютъ не что иное, какъ разработанный до мельчайшихъ подробностей тарифъ. Наибольшей извѣстностью и распространенностью пользуются списки Oldham'а и Bolton'а съ окрестностями—для прядильщиковъ и списки ткачей сѣвернаго и сѣверо-восточнаго Ланкашира. Высота заработной платы выражается здѣсь въ процентной надбавкѣ или скидкѣ съ тѣхъ ставокъ, которыя обозначены въ этихъ листахъ. Сбавка и надбавка, а равно и самые списки устанавливаются соглашеніемъ между союзами рабочихъ и предпринимателей. При этомъ принимается во вниманіе количество веретенъ и быстрота станка для каждой отдѣльной фабрики, и вычисленіе производятъ особые, такъ сказать, чиновники отъ этихъ союзовъ. При обсужденіи разногласій относительно платы они являются первой инстанціей, потомъ собирается мѣстный „соединенный комитетъ" и, наконецъ, если все-таки соглашеніе не достигается, то прибѣгаютъ къ стачкѣ. Такимъ образомъ, всѣ эти учрежденія возможности и необходимости стачекъ вовсе не исключаютъ, но все же сокращаютъ и упорядочиваютъ ихъ и тѣмъ предотвращаютъ стороны отъ напрасной траты силъ и средствъ. Общую картину стачечнаго движенія въ Англіи рисуетъ намъ слѣдующая таблица:

	Число стачекъ.	Число затронут. рабочихъ.	Число потерян. дней.
Въ 1901 г. . . .	642	179,546	4,142,287
„ 1902 „ . . .	442	256,667	3,479,255
„ 1903 „ . . .	387	116,901	2,338,668
„ 1904 „ . . .	355	87,208	1,484,220
„ 1905 „ . . .	358	93,503	2,470,189

Интересно отмѣтить, что самыя большія стачки имѣли мѣсто въ угольной промышленности, гдѣ методъ коллективнаго договора и тарифныхъ соглашеній, какъ уже указано было раньше, разработанъ наиболѣе совершеннымъ образомъ. Этотъ фактъ разрушаетъ, конечно, иллюзіи теоретиковъ соціальнаго мира, но нисколько не опровергаетъ того положенія, что методъ коллективнаго договора составляетъ прогрессивное явленіе, устраняя множество безпорядочныхъ и случайныхъ стачекъ.

Подавляющая часть всѣхъ конфликтовъ разрѣшается посредствомъ переговоровъ между представителями рабочихъ и предпринимателей, не прибѣгая къ помощи какихъ-либо правительственныхъ учрежденій.

Въ 1905 г. такимъ образомъ было улажено 220 стачекъ, что составляетъ 61% всего ихъ числа и 71% по отношенію къ числу заинтересованныхъ рабочихъ. Что касается третейскаго суда, то

при помощи его было окончено всего лишь 3% изъ общаго количества стачекъ.

Въ общемъ надо признать, что идея коллективнаго договора широко распространена въ Англіи, но только аппаратъ для приведенія выработанныхъ соглашеній въ исполненіе далеко не совершененъ и страдаетъ тяжеловѣсностью.

Исключеніе составляютъ лишь немногія крупнѣйшія организаціи, каковы, напр., союзы углекоповъ, прядильщиковъ и ткачей въ хлопчато-бумажной промышленности, котельщиковъ и др.

Что касается юридической стороны вопроса, то она урегулирована крайне недостаточно.

Законъ о промышленныхъ союзахъ 1871 г. признаетъ право коалицій, но дѣлаетъ тутъ же оговорку, что соглашенія членовъ относительно, напр., вступительныхъ взносовъ, штрафовъ, поручительства, а также соглашенія союзовъ между собою не имѣютъ юридически обязательной силы: жаловаться въ судѣ на неисполненіе всѣхъ этихъ постановленій нельзя.

Ненормальность такого положенія вещей признается въ самой Англіи. Такъ, напр., герцогъ Девонширскій, предсѣдатель королевской комиссіи по рабочему вопросу 1893 г., представилъ ей докладъ, въ которомъ указывалъ на необходимость дать союзамъ рабочихъ и предпринимателей права юридической личности и возможность вступать въ соглашенія, имѣющія строго обязательный характеръ. Точно также и комиссія 1906 г. въ своемъ послѣднемъ отчетѣ рекомендуетъ отмѣну ограничительныхъ постановленій закона 1871 г., дабы облегчить профессіональнымъ союзамъ возможность заключать какъ со своими членами, такъ и съ третьими лицами такія соглашенія, которыя имѣли бы юридически законную силу. Однако, нужно замѣтить, что пристрастныя рѣшенія судей отбивали охоту у англійскихъ трэдъ-юніоновъ добиваться пріобрѣтенія правъ юридической личности. Такъ, напр., по случаю стачки въ долинѣ Таффъ 1901 г. судья постановилъ, что профессіональный союзъ отвѣчаетъ своимъ имуществомъ за дѣйствія своихъ агентовъ, и на этомъ основаніи желѣзнодорожная кампанія получила съ трэдъ-юніона, объявившаго стачку, 50,000 ф. ст., т. е. болѣе 450,000 руб. „за убытки" и т. д. Лишь въ 1906 г., благодаря давленію рабочей партіи, парламентъ принялъ законъ, согласно которому нельзя взыскивать съ трэдъ-юніона убытки, причиненные предпринимателю дѣйствіями секретаря или членовъ союза.

Соединенные Штаты.

По распространенности коллективнаго договора Соединенные Штаты Америки занимаютъ второе мѣсто послѣ Англіи. Правда, соглашеній, которыя распространялись бы на всю страну, существуетъ пока не особенно много, всего въ 10—12 отрасляхъ

промышленности, и развились они лишь за послѣднія 20 лѣтъ, но зато мѣстное урегулированіе условій труда путемъ коллективнаго договора широко распространено здѣсь. Сюда относятся, главнымъ образомъ, такія отрасли, какъ строительное дѣло, сапожное, хлѣбопекарное, металлическая промышленность, транспортъ, промышленность по обработкѣ дерева и отчасти по изготовленію одежды.

Писаные договоры, постоянные комитеты (joint committees) или совѣты для этихъ мѣстныхъ соглашеній встрѣчаются въ Америкѣ рѣже, чѣмъ въ Англіи, гдѣ все дѣло успѣло уже сложиться въ болѣе прочныя и опредѣленныя формы. Впрочемъ, какъ исключеніе, они попадаются и сдѣсь, напр., постояные комитеты въ строительномъ дѣлѣ Бостона.

Отличительной чертой американскихъ учрежденій является проведеніе того принципа, что при коллективномъ договорѣ дѣло идетъ не о соглашеніи или третейскомъ судѣ, а только о простыхъ переговорахъ. Вслѣдствіе этого, принципъ большинства голосовъ, какъ общее правило, здѣсь не примѣняется. Стороны ведутъ переговоры до тѣхъ поръ, пока не придутъ къ соглашенію, и всѣ рѣшенія принимаются единогласно. Поэтому также при заключеніи новыхъ договоровъ участіе постороннихъ „безпартійныхъ" лицъ обычно не допускается. Конечно, бываютъ исключенія, какъ, напр., въ строительномъ дѣлѣ Бостона. Здѣсь существуютъ постоянные комитеты изъ представителей отъ рабочихъ и предпринимателей въ равномъ числѣ, дѣла рѣшаются большинствомъ голосовъ, а при заключеніи новаго договора спорные вопросы могутъ быть переданы на разрѣшеніе „безпартійнаго" лица... Но обычно въ Америкѣ прибѣгаютъ къ третейскому суду только для изъясненія существующаго договора, а не при заключеніи новыхъ.

За послѣднія 15 лѣтъ въ Америкѣ стали усиленно развиваться такія коллективныя соглашенія, которыя регулируютъ условія труда на пространствѣ всего Союза или нѣсколькихъ Штатовъ.

На первомъ мѣстѣ въ этомъ отношеніи стоитъ стальная и желѣзная промышленность, гдѣ начало соглашенія въ формѣ „скользящей скалы" между предпринимателями и амальгамированной (т. е. объединенной) ассоціаціей рабочихъ по обработкѣ желѣза, стали и жести относится къ 1865 г. Затѣмъ идетъ стеклянная и керамическая промышленность.

Но въ наиболѣе широкихъ размѣрахъ эта система примѣняется, получивъ при этомъ самую совершенную разработку, въ каменноугольной промышленности.

Здѣсь предприниматели и рабочіе 4 конкуррирующихъ Штатовъ—Пенсильванія, Огіо, Индіана и Иллинойсъ — заключили между собою тарифъ, дѣйствующій на всемъ этомъ пространствѣ.

Послѣ стачки 1902 г. въ антрацитныхъ копяхъ коллективное

урегулированіе условій труда было распространено и на остальныхъ углекоповъ.

Далѣе слѣдуетъ назвать печниковъ, формовщиковъ и типографщиковъ, но здѣсь, впрочемъ, мы встрѣчаемъ уже черты „соглашенія и третейскаго суда“ въ собственномъ смыслѣ слова; принципъ переговоровъ въ чистомъ видѣ утрачиваетъ здѣсь свое значеніе, тогда какъ въ другихъ отрасляхъ онъ выступаетъ на первый планъ. Вообще въ американскомъ коллективномъ договорѣ можно отмѣтить пять характерныхъ чертъ, которыя придаютъ ему, такъ сказать, національный характеръ и отличаютъ отъ англійскаго. Во-первыхъ, все производство носитъ въ общемъ менѣе формальный характеръ. Организаціи, создаваемыя для переговоровъ,—но не для соглашенія или третейскаго суда,—не всегда принимаютъ форму постоянныхъ учрежденій. Одинаково ли число представителей отъ той и другой стороны, или нѣтъ—на это не обращается большого вниманія, ибо рѣшенія принимаются не большинствомъ голосовъ, а единогласно. Какъ уже было указано относительно мѣстныхъ соглашеній, при заключеніи или возобновленіи договора здѣсь не любятъ обращаться къ внѣпартійнымъ лицамъ, исходя изъ того воззрѣнія, что для того, чтобы условія соблюдались въ точности, они должны устанавливаться самими заинтересованными сторонами, а не навязываться извнѣ кѣмъ-то постороннимъ. Соглашенія въ Америкѣ заключаются, далѣе, почти исключительно на одинъ годъ и ежегодно должны возобновляться. Полномочія представителей обыкновенно довольно ограничены, и заключаемыя соглашенія должны быть прежде всего одобрены союзами, что увеличиваетъ срокъ продолжительности переговоровъ и затрудняетъ заключеніе договора.

Число представителей бываетъ отчасти больше, чѣмъ въ Англіи, и спеціальные вопросы затѣмъ передаются въ комиссію.

На каменноугольной промышленности Пенсильваніи, Огіо, Индіаны и Иллинойсъ мы остановимся нѣсколько подольше.

Коллективныя соглашенія заключались здѣсь еще 30 лѣтъ тому назадъ, хотя, впрочемъ, сомнительно, насколько тутъ существуетъ связь между прошлымъ временемъ и настоящимъ. Послѣ стачки 1894 г. положеніе рабочихъ ухудшилось, заработная плата настолько упала и организація рабочихъ такъ пострадала, что въ 1897 г. вспыхнула всеобщая стачка углекоповъ. Во время ея число членовъ союза сильно возросло. Въ виду большого значенія этой стачки и ея вліянія на народное хозяйство, третейскіе суды указанныхъ 4 штатовъ рѣшили совмѣстно уладить вопросъ; при этомъ оказалось, что главное затрудненіе состоитъ въ различіи платъ и способовъ вознагражденія по разнымъ округамъ, которые конкуррировали другъ съ другомъ. Наконецъ, даже собраніе шахтовладѣльцевъ въ Питсбургѣ высказалось за третей-

скій судъ и выработало основныя положенія для соглашенія, которое и было заключено въ сентябрѣ 1897 г.

Въ концѣ же этого года состоялась конференція изъ представителей союза углекоповъ и союза предпринимателей, на основаніи рѣшенія которой было созвано 17-го января 1898 г. первое общее собраніе уполномоченныхъ обѣихъ сторонъ. Съ тѣхъ поръ эти ежегодныя собранія регулируютъ взаимныя отношенія между рабочими и предпринимателями въ каменноугольной промышленности. Каждый изъ участвующихъ Штатовъ имѣетъ одинаковое число голосовъ—именно 4 со стороны рабочихъ и 4 со стороны предпринимателей. Указанное собраніе передаетъ работу особому „соединенному комитету", который въ свою очередь опредѣленіе ставокъ заработной платы поручаетъ комиссіи изъ 16 членовъ. Соединенный комитетъ время отъ времени дѣлаетъ доклады общему собранію, и если вопросы послѣ дискуссіи остаются спорными, то ихъ опять передаютъ въ комиссію. Когда въ концѣ концовъ соединенный комитетъ представитъ общему собранію свое окончательное мнѣніе, то его доклады обыкновенно принимаются единогласно, безъ измѣненій. Такимъ образомъ, эта система построена всецѣло на принципѣ обсужденія (переговоровъ), третейскій же судъ постороннихъ лицъ исключается.

Со времени возникновенія указаннаго соглашенія дѣйствіе ея успѣло распространиться на цѣлый рядъ сосѣднихъ Штатовъ. Такъ, подобные договоры заключены теперь въ Алабамѣ, Контукахъ, Тенессѣ, Миссури, Канзасѣ, Іовѣ, Мичиганѣ, Центральной Пенсильваніи, причемъ рабочій день удалось сократить въ общемъ до 8 часовъ въ сутки при одновременномъ повышеніи заработной платы. Въ виду того, что совмѣстныя соглашенія между Штатами Пенсильванія, Огіо, Индіана и Иллинойсъ ограничиваются только нѣкоторыми, наиболѣе важными пунктами, то рядомъ съ этимъ существуютъ частныя соглашенія по отдѣльнымъ штатамъ или округамъ, касающіяся подробностей условій труда. Въ наиболѣе развитомъ видѣ подобное урегулированіе существуетъ въ Иллинойсѣ, гдѣ оно распространяется на 40,000 рабочихъ. Что касается желѣзной и стальной промышленности, то, какъ уже было указано, методъ коллективнаго договора здѣсь началъ примѣняться съ 1865 г., когда была введена въ Пенсильваніи „скользящая скáла" между рабочими желѣзодѣлательныхъ и сталелитейныхъ заводовъ, организованными въ союзъ подъ названіемъ „Сыны Вулкана", и ихъ хозяевами. Въ 1875 г. разрозненные союзы объединились въ „амальгамированную ассоціацію рабочихъ желѣзодѣлательнаго, сталелитейнаго и жестяного производства". И въ настоящее время заработная плата почти всѣхъ обученныхъ рабочихъ (поскольку дѣло касается членовъ амальгамированной ассоціаціи) опредѣляется письменными тарифами, заключаемыми или съ отдѣльными предпринимателями, или съ

союзами ихъ. Правда, до сихъ поръ еще существуетъ не малочисленная группа предпринимателей, которые не признають указанной ассоціаціи и по принципу не даютъ работы ея членамъ. Но тамъ, гдѣ союзъ признается, всюду примѣняется коллективный договоръ и „скользящая скáла". Въ отдѣльныхъ отрасляхъ, какъ, напр., по выдѣлкѣ бѣлой жести, почти всѣ рабочіе принадлежатъ къ союзу. Впрочемъ, нужно замѣтить, что среди совершенно *необученныхъ рабочихъ* вся эта система ни въ одной отрасли желѣзодѣлательной и сталелитейной промышленности не находитъ примѣненія. Переходя къ самому производству дѣла, нельзя не поражаться его сложностью. Предложенія относительно измѣненія скáлы только тогда представляются рабочими на конференцію, когда получатъ $^2/_3$ голособъ на ихъ собственномъ ежегодномъ собраніи. Разъ это большинство получено, то тогда образуются различные комитеты, гдѣ ведутъ между собою переговоры представители рабочихъ и предпринимательскихъ союзовъ. Если хозяева безусловно отвергаютъ какой-нибудь пунктъ требованій, то представители рабочихъ должны еще разъ предложить его своимъ союзамъ на референдумъ. Въ этомъ случаѣ опять-таки получить $^2/_3$ всѣхъ голосовъ. Если рабочіе продолжаютъ настаивать, а соглашеніе не достигается, тогда слѣдуетъ всеобщая забастовка. Обыкновенно сторонамъ удается прійти къ соглашенію, однако, крупная стачка „амальгамированной ассоціаціи" въ 1900 г. доказываетъ, что такимъ образомъ далеко не всегда можно достигнуть примиренія противоположныхъ интересовъ.

Кромѣ этихъ учрежденій, которыя выросли, такъ сказать, изнутри самой промышленности, въ Соединенныхъ Штатахъ существуютъ и государственныя учрежденія, преслѣдующія цѣли соглашенія или третейскаго суда. Впрочемъ, въ Америкѣ они имѣютъ еще меньшее значеніе, чѣмъ въ Англіи, и на нихъ не стоитъ много останавливаться, тѣмъ болѣе, что къ коллективному договору они имѣютъ лишь косвенное отношеніе. На пространствѣ всей страны дѣйствуетъ только одинъ третейскій судъ, именно въ транспортной промышленности. Но зато въ отдѣльныхъ Штатахъ существуетъ не мало постоянныхъ или случайныхъ учрежденій для улаживанія столкновеній. Въ Массачузетсѣ и Нью-Іоркѣ они существуютъ съ 1886 г. и пользуются наибольшимъ успѣхомъ. Въ настоящее время семнадцать штатовъ учредили у себя постоянныя камеры соглашенія или третейскіе суды. Кромѣ того, по своей частной инціативѣ „національная гражданская федерація" распространяетъ свою примирительную дѣятельность на всю страну. Впрочемъ, и при всемъ томъ знатоки американской жизни очень сомнѣваются въ томъ, удалось ли указаннымъ путемъ улучшить взаимныя отношенія между трудомъ и капиталомъ...

Въ заключеніе коснемся нѣсколько правовой стороны дѣла. Здѣсь

нужно отмѣтить, что рѣшенія третейскихъ судовъ въ Америкѣ,— все равно государственныхъ или частныхъ, — не имѣютъ принудительной силы. Проведеніе ихъ въ жизнь зависитъ отъ доброй воли или экономической силы сторонъ. Выйти за эти предѣлы американское законодательство до сихъ поръ не рѣшалось. Что касается гражданско-правового значенія и силы тѣхъ коллективныхъ соглашеній, которыя устанавливаются путемъ переговоровъ, то оно стоитъ въ самой тѣсной связи съ вопросомъ о регулированіи юридическаго положенія профессіональныхъ союзовъ. Въ этомъ отношеніи въ Соединенныхъ Штатахъ дѣло обстоитъ такъ: согласно закону 29-го мая 1886 г., каждый національный профессіональный союзъ можетъ требовать занесенія себя въ регистръ и тогда получаетъ право приносить жалобы и отвѣчать на судѣ. Если же этого нѣтъ, то по законамъ федераціи и большинства отдѣльныхъ Штатовъ, профессіональный союзъ разсматривается тогда, какъ простое соединеніе лицъ, преслѣдующее опредѣленныя цѣли: за дѣйствія членовъ отвѣчаютъ только сами они. Впрочемъ, и для союза, не занесеннаго въ регистръ, статутами иногда устанавливается отвѣтственность, какъ, напр., въ штатѣ Нью-Іоркъ. Въ такомъ случаѣ можно приносить жалобы на союзъ въ лицѣ его президента; отвѣчаетъ тутъ фактически союзъ. Подобныя постановленія существуютъ такъ же въ Коннектикутѣ, Мичиганѣ и Нью-Джерсеѣ. Впрочемъ, жалобы на нарушеніе договоровъ встрѣчаются въ Америкѣ рѣдко, ибо послѣдніе, какъ мы уже видѣли, заключаются обыкновенно не большинствомъ голосовъ, а единогласно.

К. Пажитновъ.

Новый Финляндскій Парламентъ.

Сеймовый Уставъ 1906 года.

Выборы въ Финляндіи закончены. Блестящая побѣда „лѣвыхъ“ элементовъ общества—соціалъ-демократіи—превзошла всѣ наиболѣе радужныя ожиданія. Изъ 200 депутатскихъ мѣстъ 72 оказываются въ рукахъ соціалъ-демократической рабочей партіи. Побѣду „лѣвыхъ“ создала атмосфера повышеннаго интереса къ политикѣ и жажда поспѣшнаго строительства жизни послѣ только что пережитыхъ годовъ тяжелой, вынужденной бездѣятельности. Наглядному проявленію истиннаго настроенія массъ способствовала новая демократическая избирательная система, смѣнившая собою несовершенную, устарѣлую форму народнаго представительства.

Политическій моментъ, переживаемый сейчасъ Финляндіей, представляетъ несомнѣнный интересъ съ различныхъ точекъ зрѣнія: острая классовая борьба, не прикрытая болѣе идеалистическими туманами и не затушевываемая общностью ближайшихъ „національныхъ цѣлей“, новая группировка общественныхъ элементовъ, выпуклое обрисовываніе истинныхъ вожделѣній той или иной партіи,—все это служитъ цѣннымъ матеріаломъ для теоретическихъ выводовъ.

Но событія въ Финляндіи имѣютъ не только самодовлѣющій интересъ,—судьба финляндскаго народа тѣснѣйшимъ образомъ связана съ жизнью и будущимъ народа русскаго; его задачи, его стремленія неотдѣлимы отъ желаній и цѣлей той части русскаго общества, которая борется за освобожденіе своей родины, за утвержденіе въ ней дѣйствительныхъ началъ народнаго представительства. Если финляндцамъ удалось вернуть утраченную было самостоятельность, если они вышли побѣдителями изъ пережитаго остраго политическаго кризиса, то обязаны они этимъ въ значительной мѣрѣ той мощной борьбѣ, какую уже не первый годъ ведетъ со старымъ режимомъ русскій рабочій, крестьянинъ, интеллигентъ...

Да и для исхода русской революціи далеко не безразлично, какое направленіе приметъ политика Финляндіи и какіе общественные элементы очутятся у руля ея общественной жизни. Политическая атмосфера Финляндіи не можетъ не оказывать давленія на ходъ событій въ Россіи. Отъ твердости и послѣдовательности поведенія новоизбраннаго Сейма въ значительной мѣрѣ будетъ зависѣть не только утвержденіе и укрѣпленіе завоеванныхъ самой Финляндіей началъ конституціонныхъ свободъ, но и поддержка обще-освободительнаго движенія Россіи. Обѣимъ сторонамъ слѣдуетъ постоянно помнить о той связи, о томъ взаимоотношеніи, какое неоспоримо существуетъ между Имперіей и ея „автономной" окраиной.

Но крупныя, захватывающія все русское общество событія, начало новаго думскаго періода, заслонили собою и отодвинули на задній планъ всѣ остальныя историческія явленія. Финляндія, занимавшая умы въ періодъ господства надъ ней „русскаго режима", перестала привлекать къ себѣ участіе русскаго общества послѣ пережитаго ею октябрьскаго переворота. Даже столь существенный фактъ, какъ утвержденіе въ Финляндіи новой конституціи и введеніе въ высшей степени демократическаго народнаго представительства, былъ отмѣченъ лишь бѣглыми частными замѣтками; самый же законъ, утвердившій новую финляндскую конституцію, до сихъ поръ не подвергался внимательному разбору.

Критики новый Сеймовый Уставъ $^{20}/_{7}$ іюля 1906 г. удостоился лишь со стороны проф. Сергѣевскаго, предпославшаго спеціальному изданію основного конституціоннаго закона Финляндіи свой краткій обзоръ въ видѣ предисловія. Критика эта носитъ, однако, специфическій характеръ: ея задача—не научная оцѣнка новаго конституціоннаго уложенія страны съ точки зрѣнія государствовѣда, а подчеркнутое желаніе еще разъ отличить зловредность сепаратическихъ стремленій „коварной" Финляндіи, столь ненавистной „Новому Времени" и его приспѣшникамъ.

Вслѣдствіе поверхностнаго знакомства съ финляндской конституціей 1906 г. сложилось неправильное представленіе о ея широкомъ демократизмѣ и о послѣдовательно проведенномъ въ ней началѣ истиннаго народовластія, т. е. томъ началѣ, которое одно только и можетъ гарантировать незыблемость обѣщаній, брошенныхъ имперскими властями въ минуту ихъ вынужденнаго отступленія. Когда въ октябрьскіе дни финляндскій народъ показалъ свою готовность помѣряться силами съ незаконными вершителями его судебъ и бюрократія бросила взволнованному краю свои широковѣщательныя обѣщанія, финляндскій народъ молча отложилъ оружіе въ сторону. Онъ рѣшилъ выжидать. Но вотъ все ближе и ближе тотъ моментъ, когда передъ новыми избранниками финляндской земли встанетъ трудная и отвѣтственная

задача: расширить и укрѣпить за народомъ его конституціонныя права. Послѣднее рѣшающее слово въ Финляндіи еще не сказано. Истиннаго народовластія здѣсь еще не существуетъ, такъ какъ предѣлы вмѣшательства монархической власти во внутреннее управленіе края весьма и весьма растяжимы...

Въ томъ видѣ, въ какомъ основные законы Финляндіи сейчасъ установлены, они едва ли отвѣчаютъ даже относительно скромнымъ демократическимъ требованіямъ. Бьющимъ въ глаза диссонансомъ является, съ одной стороны, широкое демократическое представительство съ одно-палатной системой, всеобщей „безъ различія пола", равной, тайной и прямой подачей голосовъ, съ другой— урѣзанность и половинчатость полномочій парламента. Духъ „лойяльности", присущій финляндской буржуазіи, приверженность къ монархическому началу, витали надъ составителями новаго уложенія и заставляли ихъ съ большой осторожностью заносить руку надъ испытанными положеніями стараго конституціоннаго кодекса.

Новый Сеймовый Уставъ 1906 г. по общему своему духу, по ширинѣ полномочій, даваемыхъ народному представительству, мало разнится отъ прежнихъ законоположеній 1869 г., съ дополненіями 1879, 1886 и 1897 гг. Внесенныя поправки носятъ преимущественно частичный характеръ и не касаются въ большинствѣ случаевъ кардинальныхъ пунктовъ конституціи, а если и измѣняютъ ихъ, то въ крайне осторожной, неполной формѣ. Единственнымъ существеннымъ нововведеніемъ Устава 1906 г. слѣдуетъ считать коренную реформу представительной системы. Въ этомъ пунктѣ составители новыхъ законовъ, подталкиваемые радикальными требованіями „низовъ", въ самомъ дѣлѣ рискнули посягнуть на завѣтные устои финляндскаго представительства: сословность, множественность голосовъ и цензовое право. Быть можетъ, гг. сенаторы, творцы новаго устава, надѣялись тогда, что трезвый, не увлекающійся „пустыми бреднями" умъ финляндскаго „простолюдина" всегда сумѣетъ обезпечить численный перевѣсъ въ Сеймѣ умѣреннымъ и „благоразумнымъ" элементамъ. Теперь же, когда на самыхъ первыхъ порахъ эта сладкая надежда безжалостнымъ образомъ разбилась, смѣлыхъ реформаторовъ, вѣроятно, охватываетъ позднее раскаяніе, что и въ этомъ вопросѣ они не дѣйствовали съ той же осмотрительностью, съ какой позволяли себѣ измѣнять остальныя части конституціонныхъ законоположеній.

Сеймовый Уставъ 1906 г. формально дѣлится на двѣ части: во-первыхъ, положенія, опредѣляющія конституціонныя основы государственнаго строя,—собственно „Сеймовый Уставъ"; во-вторыхъ, основанія для проведенія въ жизнь новой избирательной системы—„законъ о выборахъ".

Остановимся прежде всего на „Сеймовомъ Уставѣ" и посмо-

тримъ, насколько рѣзко отличается онъ отъ конституціонныхъ принциповъ, ведущихъ свое начало отъ исторической эпохи, не знававшей еще революціонныхъ бурь конца XVIII столѣтія. Въ основу Сеймоваго Устава 1869 г. положенъ былъ законъ о „Формѣ Правленія“ шведскаго государства 1772 г. и служившій къ нему дополненіемъ „Актъ соединенія и безопасности“ 1789 г. Новый Уставъ 1906 г., измѣнивъ лишь частности основного положенія 1869 г., унаслѣдовалъ отъ него „духъ законовъ“, умилявшій, быть можетъ, передовыя свободолюбивыя головы XVIII вѣка, но едва ли могущій отвѣчать въ XX вѣкѣ требованіямъ даже умѣренныхъ демократовъ.

Основой новой финляндской конституціи служитъ признаніе верховной власти за Императоромъ Русскимъ и Великимъ Княземъ Финляндскимъ. Верховенство это сказывается, какъ въ предоставленіи Монарху исключительнаго права иниціативы по нѣкоторымъ вопросамъ, такъ и въ правѣ *утвержденія*, *обнародованія* и *отклоненія* законовъ, въ снабженіи его особыми полномочіями по вопросамъ, касающимся финансоваго хозяйства страны, наконецъ, въ правѣ созыва или распущенія народнаго представительства. Правда, власть Монарха подвергается ограниченіямъ, и высочайшая воля приводится въ нѣкоторое соотвѣтствіе съ волей народныхъ представителей, но эти ограниченія носятъ боязливый, половинчатый характеръ. Предполагается, что во всѣхъ случаяхъ изданія, отмѣны, поясненія или дополненія законовъ воля Монарха и мнѣніе народныхъ представителей должны приходить къ соглашенію (см. § 29 и 80 Сеймоваго Устава 1906 г.). Этотъ принципъ „согласнаго рѣшенія“ двухъ властей—монархической и парламентской—не является новостью для Финляндіи. Мы находимъ его въ § 75 Сеймоваго Устава 1869 г. и даже въ „Формѣ Правленія“ 1772 г. (статьи 40 и 41), утверждавшей, что „Монархъ не можетъ издавать закона, ниже стараго уничтожить безъ вѣдома и согласія государственныхъ чиновъ“, но и эти послѣднія не могутъ „издавать новый законъ, ниже старый уничтожить безъ вѣдома и согласія Монарха“.

Хотя Сеймъ, какъ по новой, такъ и по старымъ конституціямъ признается учрежденіемъ законодательнымъ, тѣмъ не менѣе всякій, касающійся общихъ узаконеній, законопроектъ, внесенный на основаніи правительственнаго предложенія или возбужденный путемъ моцій самими депутатами, „подвергается на Высочайшее его Государя Императора и Великаго Князя благовоззрѣніе, на предметъ утвержденія и изданія закона“. Если Монархъ не признаетъ возможнымъ утвердить проектъ „безъ измѣненій“, онъ остается цѣликомъ „безъ послѣдствій“, и въ такомъ случаѣ объ этомъ, „по воспослѣдованіи повелѣнія“ Государя, сообщается на слѣдующемъ ближайшемъ Сеймѣ. Этотъ существенный параграфъ, дающій въ руки верховной власти такое серьезное оружіе, какъ

право налагать свое veto, всецѣло перенесенъ изъ стараго Устава 1869 г. [1]).

На благовоззрѣніе Монарха подвергаются, въ видѣ представленій, не только законопроекты, но и всѣ прочія „рѣшенія и заключенія, содержащія отвѣты на переданные Сейму предложенія и запросы Государя Императора, равно какъ и тѣ ходатайства на Высочайшее Имя, относительно которыхъ состоялось опредѣленіе Сейма“ (см. § 75).

Но что всего характернѣе для новаго Сеймоваго Устава, это—намѣренное облеченіе основныхъ законовъ въ форму „неподатливой“, застывшей конституціи. Вмѣсто того, чтобы придать новому уставу форму „растяжимости“ и измѣняемости при помощи чисто-парламентской процедуры, составители новой конституціи поспѣшили признать ея незыблемость и пресѣчь заранѣе всякія попытки ее измѣнить, хотя бы ради приведенія въ большее соотвѣтствіе съ жизненными потребностями самого народа. По § 80, Сеймовый Уставъ 1906 г. почитается основой государственнаго строя и „во всѣхъ частяхъ своихъ остается въ силѣ, какъ незыблемый основной законъ, впредь до измѣненія или отмѣны его по согласному рѣшенію Монарха и Сейма Финляндіи“. Но для того, чтобы проектъ объ изданіи, отмѣнѣ или поясненіи основного закона почитался принятымъ Сеймомъ, онъ долженъ подвергнуться троекратному обсужденію въ парламентѣ въ установленномъ § 57 порядкѣ: законопроектъ считается принятымъ въ томъ случаѣ, если послѣ третьяго чтенія рѣшено будетъ простымъ большинствомъ голосовъ перенести его на слѣдующій очередной Сеймъ и если тамъ онъ будетъ одобренъ „безъ измѣненія“ большинствомъ двухъ третей поданныхъ голосовъ (см. § 60). Утвердить проектъ основного закона безъ отстрочки до слѣдующаго Сейма возможно лишь въ томъ случаѣ, если при второмъ чтеніи пять шестыхъ голосовъ признаютъ его не терпящимъ отлагательства и если при третьемъ обсужденіи онъ получитъ одобреніе двухъ третей голосовъ. Само собою разумѣется, что при сложности партійной группировки, разнородности политическихъ теченій добиться такого единодушія, какого требуетъ этотъ параграфъ устава, является задачей едва ли выполнимой. Прохожденіе законопроекта, посягающаго на измѣненіе или даже „поясненіе“ основного закона, не только поставлено въ двойную зависимость отъ согласованной воли Монарха и народнаго представительства, но и затруднено еще относительно высокой численностью одобряющихъ его голосовъ.

Однако, самымъ существеннымъ недостаткомъ этой части новой конституціи Финляндіи является предоставленіе исключительно одной лишь монархической власти права *иниціативы* въ

[1]) См. § 51.

вопросахъ пересмотра конституціи. Параграфомъ 29 признается за сеймовыми депутатами право вносить моціи, касающіяся измѣненій, изданія или отмѣны всѣхъ тѣхъ общихъ законовъ, какіе зависятъ отъ согласнаго рѣшенія Монарха и парламента. „Не разрѣшается, однако, вносить на Сеймъ моціи, касающіяся *основныхъ законовъ* или *законовъ* объ *организаціи сухопутной* или *морской обороны*". О значеніи этого двоякаго ограниченія для политической жизни страны распространяться не приходится: право возбуждать вопросъ о пересмотрѣ основныхъ положеній вставлено для народныхъ представителей въ узкія стѣснительныя рамки; наоборотъ, то же право принадлежитъ Монарху въ полной и неограниченной мѣрѣ. Именно сейчасъ, при наличности текущаго политическаго момента, право возбужденія вопроса о пересмотрѣ „основныхъ законовъ" явилось бы неоцѣнимымъ оружіемъ въ рукахъ наиболѣе передовыхъ элементовъ финляндскаго общества. Весьма существеннымъ является и второе ограниченіе—лишеніе Сейма иниціативы въ вопросахъ организаціи вооруженныхъ силъ страны, что равносильно отнятію у него половины его реальнаго значенія; не одна держава отстаивала прочность своего верховнаго монархическаго начала лишь благодаря существованію аналогичныхъ пунктовъ конституціи. Оставить неограниченную законодательную власть въ области военнаго дѣла въ рукахъ монархическаго правительства—значитъ добровольно признать себя обязаннымъ повиноваться власти штыковъ...

Всѣ указанныя ограниченія полномочій парламента ни болѣе, ни менѣе, какъ пережитокъ древности, заботливо перенесенный со столбцовъ отмѣненной конституціи 1869 г. Въ § 71 стараго Сеймоваго Устава сказано, что „изданіе, измѣненіе, поясненіе или отмѣна основного закона можетъ послѣдовать не иначе, какъ *по предложенію* Государя Императора и Великаго Князя и съ согласія всѣхъ сословій. Положеніе это дополнилось измѣненіемъ § 51 [1]), по которому опредѣлялось, что Сейму разрѣшается вносить моціи по вопросамъ общаго законодательства, но что право это не принадлежитъ ему въ области основныхъ законовъ, законовъ, касающихся сухопутной и морской обороны и законоположеній, относящихся къ прессѣ. По сравненію со старымъ Уставомъ, полномочія, предоставляемыя сейчасъ народному представительству, расширены, слѣдовательно, лишь по вопросу о печати.

Не измѣненъ и порядокъ внесенія моцій на разсмотрѣніе Сейма. Впрочемъ, техника этой процедуры относительно простая: моціи вносятся депутатами въ парламентъ въ четырнадцатиднев-

---

[1]) Въ § 51 Устава 1869 г. Манифестомъ 1886 г. внесено было измѣненіе, расширявшее полномочія Сейма и допускавшее внесеніе моцій со стороны народныхъ представителей; до того времени право иниціативы принадлежало исключительно Монарху.

ный срокъ по открытіи Сейма въ формѣ законопроектовъ съ приложеніемъ соотвѣтствующихъ соображеній. По истеченіи этого срока разрѣшается вносить только тѣ моціи, которыя „вызываются непосредственно состоящимся рѣшеніемъ Сейма или другимъ происшедшимъ во время Сейма случаемъ" (§ 30).

Одно изъ древнѣйшихъ правъ народнаго представительства Финляндіи—право петицій—подтверждено новымъ Уставомъ. Петиціи, представляемыя Государю, Сеймомъ принимаются имъ, однако, въ уваженіе „лишь настолько, насколько онъ находитъ ихъ для края полезными" (§ 28). Отмѣненнымъ уставомъ право петицій опредѣлялось нѣсколько шире. Сейму или сословіямъ предоставлялось право возбуждать въ видѣ петицій всѣ тѣ вопросы, по которымъ земскіе чины не могли вносить соотвѣтствующихъ моцій (§ 51, измѣненіе 1886 г.). Давать ли дальнѣйшій ходъ петиціи предоставлялось, какъ и теперь, благоусмотрѣнію Монарха. Въ свое время финляндскій народъ не разъ пользовался этимъ правомъ подачи петицій съ многочисленными подписями, возбуждая вниманіе къ тому или иному неустройству соціальной и политической жизни родины и вынуждая правительство рано или поздно проявлять свою иниціативу въ разрѣшеніи волнующихъ общество вопросовъ. Неясно, чѣмъ руководствовались составители нынѣшняго Сеймоваго Устава, пропуская прежнее, во всякомъ случаѣ полезное и широкое, опредѣленіе петиціоннаго права.

Русскому Монарху, по конституціоннымъ уложеніямъ Финляндіи, какъ старому, такъ и новому, предоставлено еще одно существенное право: распускать Сеймъ и назначать новые выборы до истеченія законнаго трехлѣтія (§§ 3 и 18). Сессіи Сейма длятся по уставу 90 дней, но если Монархъ по личному своему усмотрѣнію постановитъ, то Сеймъ имѣетъ быть закрытымъ раньше или позже означеннаго срока. Впрочемъ, и Сейму предоставляется право „ходатайствовать" передъ Императоромъ о продленіи или сокращеніи срока засѣданій. Созваніе чрезвычайнаго Сейма принадлежитъ почину исключительно Монарха; на этотъ Сеймъ поступаютъ лишь тѣ дѣла, какія послужили поводомъ для его созыва.

Прерогативы монархической власти относительно изданій, рѣшеній и постановленій по цѣлому ряду вопросовъ, не подлежавшихъ въ прежней конституціи одобренію Сейма, повидимому, сохранены и новымъ уставомъ; по крайней мѣрѣ, никакихъ указаній на ограниченіе власти Монарха въ этой области законъ 7-го іюля 1906 г. не отмѣчаетъ. По конституціоннымъ актамъ еще 1772 г. рядомъ съ предоставленными законодательному вліянію Сейма областями гражданскаго и уголовнаго правъ и судопроизводства существовала весьма обширная область такъ называемаго *экономическаго законодательства*, въ которой воля Монарха не стѣснялась никакими ограниченіями. Самыя разнообразныя по-

становленія и распоряженія, фактически касавшіяся не только экономической жизни страны, но и ея административнаго строя, подводились подъ растяжимую рубрику „экономическаго законодательства“ и получали силу, равную съ остальными законами. Съ 1809 г. по 1863 г., за финляндскій междусеймовый періодъ, насчитывается 235 постановленій подобнаго рода, имѣвшихъ цѣлью отвѣтить на растущіе запросы края, не прибѣгая къ законодательной санкціи земскихъ чиновъ. Само собою разумѣется, что съ созывомъ Сейма въ 1863 г. практика изданія распоряженій, исходящихъ отъ исполнительныхъ органовъ и приравниваемыхъ по значенію къ законамъ, значительно сократилась; тѣмъ не менѣе, уставъ 1869 г. не ставитъ никакихъ новыхъ границъ законодательной иниціативѣ правительства. Также глухо обходитъ этотъ существенный вопросъ и современный уставъ, заново устанавливающій компетенцію правительственной власти и ставящій опредѣленныя границы ея законодательнаго права. Въ § 31 сказано лишь, что „если Государемъ Императоромъ и Великимъ Княземъ затребовано заключеніе Сейма по дѣлу, о которомъ Государь Императоръ и Великій Князь можетъ постановить безъ согласія Сейма, то Сейму надлежитъ въ таковыхъ видахъ разсмотрѣть дѣло и представить по оному заключеніе“, т. е. еще разъ подтверждено право Монарха по нѣкоторымъ вопросамъ выносить единоличныя рѣшенія, не входя въ соглашеніе съ Сеймомъ. Насколько широка сфера дѣятельности правительственной власти, опредѣляемая этимъ параграфомъ, можно судить по тому толкованію, какое даетъ ей знатокъ финляндской конституціи—сенаторъ Мехелинъ: „Административное законодательство обнимаетъ тѣ постановленія, какія Монархъ найдетъ нужнымъ выработать, чтобы обезпечить точное выполненіе и соблюденіе законовъ, надзоръ за правильностью дѣйствій общественной власти и вообще добросовѣстное исполненіе своихъ обязанностей со стороны правительства. Постановленія и распоряженія, относимыя къ этой категоріи законодательства, не должны противорѣчить ни тексту, ни духу законовъ, одобренныхъ Сеймомъ“. Новый Уставъ ни единымъ словомъ не посягнулъ на возможность такого рода толкованій и такимъ образомъ сохранилъ цѣликомъ унаслѣдованный отъ прежняго законодательства принципъ смѣшенія двухъ властей—законодательной и исполнительной.

Исполнительная власть въ Финляндіи сосредоточена въ рукахъ финляндскаго Сената, члены котораго назначаются Монархомъ на трехлѣтній періодъ; срокъ этотъ, впрочемъ, можетъ быть продленъ по произволенію. Сенатъ дѣлится на 2 основныхъ департамента: *юстиціи*, являющейся высшей судебной инстанціей края, и *администраціи*, вѣдающей всѣ дѣла по управленію государствомъ. Административный департаментъ состоитъ изъ 9 отдѣловъ, соотвѣтствующихъ различнымъ отраслямъ хозяйственной и

политической жизни страны, председатели которыхъ—сенаторы—собственно говоря исполняютъ министерскія функціи. Но хотя по своему назначенію Сенатъ является учрежденіемъ исполнительной власти, мы видѣли, что старо-шведская конституція предоставляла ему относительно широкія законодательныя полномочія, которыя новый Уставъ не позаботился хотя-бы отчасти нормировать и ограничить, избавивъ такимъ образомъ народъ отъ тягостныхъ и вредныхъ для жизни націи столкновеній между двумя властями: народныхъ представителей и правительства.

Въ тѣсной связи съ указаннымъ крупнымъ недостаткомъ Сеймоваго Устава существуетъ еще другой чувствительный пробѣлъ въ финляндской конституціи, низводящій широкое демократическое представительство страны до роли безсильнаго свидѣтеля административнаго произвола. Фактически отвѣтственности исполнительной власти въ Финляндіи еще *не существуетъ*. Старая конституція даже съ принципіальной точки зрѣнія не допускала подсудности администраціи народному представительству. Закономѣрность дѣйствій исполнительной власти Сената и генералъ-губернаторовъ контролировалась не народными представителями, а высшимъ судебнымъ чиномъ—генеральнымъ прокуроромъ; ему, этому ставленнику бюрократіи, плоть отъ плоти ея, поручалось наблюдать за исполненіемъ законовъ со стороны чиновъ администраціи и предоставлялось дѣлать имъ запросы въ случаѣ правонарушеній или отклоненій ихъ отъ прямыхъ обязанностей. Въ Уставѣ 1906 г. несомнѣнно заключается шагъ впередъ въ постановкѣ этого важнаго для правильнаго теченія государственной жизни вопроса. Въ *принципѣ* новая конституція Финляндіи признаетъ отвѣтственность исполнительныхъ властей передъ народнымъ представительствомъ. § 33 предоставляетъ депутатамъ право обращаться съ соотвѣтствующимъ запросомъ къ подлежащимъ административнымъ властямъ и разрѣшаетъ Сейму входить въ обсужденіе „закономѣрности служебныхъ дѣйствій членовъ правительства“, причемъ порядокъ разсмотрѣнія этихъ дѣлъ опредѣляется особымъ закономъ. Но такъ какъ пока еще не выработанъ законъ, опредѣляющій порядокъ разсмотрѣнія подобныхъ дѣлъ, то самое право запроса, предоставляемое членамъ Сейма, пока не имѣетъ ничего общаго съ формой интерпелляціи, принятой во Франціи, и обращается въ пустую формальность.

Въ § 32 говорится, что „Сеймовый депутатъ, желающій сдѣлать запросъ члену Сената по дѣламъ его вѣдомства, съ цѣлью разсмотрѣнія его, въ видѣ отдѣльнаго вопроса, въ общемъ собраніи, долженъ представить тальману точно формулированный запросъ въ письменномъ изложеніи. Отложивъ слушаніе запроса до одного изъ слѣдующихъ засѣданій, Сеймъ постановляетъ, безъ предварительнаго обсужденія, можетъ ли быть сдѣланъ данный

запросъ или нѣтъ. Въ утвердительномъ случаѣ запросъ сообщается распоряженіемъ тальмана подлежащему члену сената, который, *буде онъ не признаетъ запросъ подлежащимъ отклоненію*, входитъ въ соглашеніе съ тальманомъ относительно времени сообщенія разъясненій по этому запросу". Этой послѣдней оговоркой торжественно даруемое право запроса обращается по существу въ простое *„освѣдомленіе"* депутатовъ Сейма относительно извѣстныхъ обстоятельствъ или намѣреній правительства и не влечетъ за собой тѣхъ послѣдствій для административной власти, которыя только и дѣлаютъ цѣннымъ право интерпелляціи, предоставляемое народному представительству. Въ этомъ случаѣ демократическіе элементы финляндскаго общества могутъ сочувственно пожать руку своимъ русскимъ товарищамъ, борцамъ за освобожденіе всего россійскаго государства: положеніе ихъ одинаково, и безсиліе ихъ передъ произволомъ исполнительныхъ властей— мало чѣмъ разнятся между собою.

По сравненію съ прежнимъ Сеймовымъ Уставомъ 1869 г., новый законъ имѣетъ въ данномъ вопросѣ лишь преимущество *принципіальнаго* признанія *контроля народнаго представительства* надъ администраціей.

Но внесенная въ основной законъ оговорка, что административный чинъ можетъ „признать запросъ подлежащимъ отклоненію", даетъ исполнительной власти полную возможность избѣжать, въ случаѣ необходимости, народнаго суда. Конечно, новый Сеймъ будетъ имѣть возможность до нѣкоторой степени исправить этотъ пробѣлъ, занявшись прежде всего разработкой „особаго закона", регламентирующаго во всѣхъ деталяхъ дѣятельность администраціи и опредѣляющаго степень подсудности ея передъ лицомъ народныхъ представителей. Но внести коррективъ въ основной законъ, уничтоживъ зловредную оговорку, можно лишь тогда, когда весь уставъ подвергнется пересмотру, что потребуетъ, во всякомъ случаѣ, наличности совершенно особой политической атмосферы.

Въ данномъ случаѣ мы снова наталкиваемся на то громадное значеніе, какое имѣетъ право иниціативы, дарованное исключительно Монарху въ столь кардинальномъ вопросѣ, какъ пересмотръ конституціонныхъ основъ края. Достаточно было бы сдѣлать хотя бы этотъ единственный пунктъ болѣе растяжимымъ, чтобы дать финляндскому народу возможность постепенно, исподволь привести и все сложное конституціонное зданіе въ большее соотвѣтствіе, какъ съ запросами края, такъ и съ новой демократической системой представительства.

Однако, всѣ перечисленныя „упущенія" не должны насъ удивлять. Достаточно вспомнить, кто собственно являлся составителемъ законопроекта современной конституціи. Новый Сеймовый Уставъ это—дѣло рукъ „почтенныхъ" сенаторовъ, ставлен-

никовъ все той же бюрократической власти, ограничить которую они были призваны. Правда, высоко-справедливые и нелицепріятные господа-сенаторы пригласили на свои совѣщанія, въ качествѣ „свѣдующихъ лицъ", трехъ соціалъ-демократовъ; но голосъ этихъ людей иного политическаго склада и соціальнаго міровоззрѣнія естественно заглушался авторитетнымъ мнѣніемъ заслуженныхъ и опытныхъ сенаторовъ. Послѣдній, сословно-классовый, чрезвычайный Сеймъ, созванный со спеціальной цѣлью „одобрить" работу почтенныхъ сенаторовъ, являлся наиболѣе подходящей инстанціей для возложенной на него миссіи; законопроектъ половинчатой конституціи былъ признанъ „подходящимъ" и получилъ одобреніе всѣхъ сословій... Отсутствовалъ на Сеймѣ лишь пролетаріатъ—тотъ самый пролетаріатъ, который вызвалъ новую конституцію въ жизнь и своими усиліями создалъ необходимыя условія для осуществленія новыхъ основныхъ законоположеній. Отсутствіе этихъ „буйныхъ" общественныхъ элементовъ принималось, однако, сеймовыми представителями, какъ явленіе, не только нормальное, но и благопріятное для „мирнаго теченія" государственныхъ дѣлъ.

Многіе изъ депутатовъ послѣдняго Сейма, конечно, съ прискорбіемъ соображали, что новая конституція, съ ея демократическимъ представительствомъ, является и безъ того слишкомъ крупной, слишкомъ великодушной уступкой ненасытнымъ требованіямъ „низовъ", и, что уступая въ этомъ пунктѣ, слѣдуетъ тѣмъ тверже отстаивать классовыя прерогативы, такъ или иначе заботливо охранявшіяся старыми конституціонными уложеніями. Составители новаго Устава тщательно переливали старое вино въ новые мѣха, боясь расплескать малѣйшую часть драгоцѣннѣйшей влаги—классоваго господства. Съ одной стороны—широко распахнуть двери парламента для всѣхъ общественныхъ слоевъ, показавъ себя радикалами „dernier cri", съ другой—по возможности лишить народное представительство его широко организаторской и законодательной роли, подчинивъ его мудрому руководительству бюрократіи, такова была вожделѣнная задача правящихъ классовъ, страшившихся упустить изъ своихъ рукъ цѣпко ухваченныя ею бразды правленія. Отсюда—половинчатость въ вопросахъ отвѣтственности исполнительной власти, отсюда—неполнота, урѣзанность и бюджетнаго права.

Финансовое хозяйство Финляндіи только частью находится подъ контролемъ парламента, и полномочія, даваемыя монархической власти въ этомъ отношеніи, остаются въ новыхъ законахъ столь же широкими, какими они являлись и въ старой конституціи края. Бюджетное право Финляндіи имѣетъ черты, общія съ германскимъ: въ обоихъ государствахъ существуетъ болѣе или менѣе постоянная часть бюджета, которая не поступаетъ на ежегодное утвержденіе народныхъ представителей,

чѣмъ ограничивается вмѣшательство Сейма въ сферу финансоваго хозяйства страны. Правда, еще по ст. 45 „Формы правленія" Монархъ не имѣлъ права налагать на подданныхъ „какіе-либо военные налоги, новые поборы и подати безъ вѣдома и добровольнаго государственныхъ чиновъ согласія, исключая только тѣхъ несчастныхъ случаевъ, когда нечаянное нападеніе непріятеля на государство учинено будетъ; тогда онъ имѣетъ право принимать мѣры, съ пользою и безопасностью государства соглаcующіяся, также и съ выгодами его подданныхъ". Но это ограниченіе по существу касается лишь чрезвычайныхъ налоговъ и поборовъ съ населенія и не опредѣляетъ предѣловъ власти Монарха въ вопросѣ, касающемся постоянныхъ государственныхъ поступленій. Дѣло въ томъ, что государственный бюджетъ распадается на двѣ части: бюджетъ общихъ, ординарныхъ доходовъ и расходовъ и бюджетъ поступленій и расходовъ чрезвычайныхъ. Къ бюджету ординарныхъ фондовъ и доходовъ относятся всѣ изъ года въ годъ повторяющіяся поступленія отъ казенныхъ имуществъ, пошлинъ, таможенныхъ сборовъ и т. п.; въ ординарные расходы включаются, какъ обычныя государственныя издержки управленія краемъ, такъ и расходы, вызываемые требованіями общественнаго благоустройства. Эта постоянная часть бюджета устанавливается самимъ Монархомъ, безъ участія народныхъ представителей, и лишь другая часть бюджета, подвижная, опредѣляемая чрезвычайными поступленіями и расходами, подлежитъ одобренію и утвержденію Сейма [1]). Въ § 26 устава 1906 г. сказано: „Въ началѣ каждаго очередного Сейма ему передается предложеніе о доставленіи средствъ на тѣ потребности, для покрытія которыхъ ординарные статные доходы являются недостаточными; для разъясненія сего къ предложенію прилагается расчетъ ординарныхъ средствъ и потребностей казны на слѣдующій финансовый годъ".

Открытіе государственнаго кредита, разрѣшеніе государственныхъ займовъ, назначеніе чрезвычайныхъ налоговъ и утвержденіе предметовъ расходованія чрезвычайныхъ поступленій, такова, область финансоваго хозяйства Финляндіи, подлежащая вотуму Сейма. Всякія измѣненія существующей системы, уменьшеніе или повышеніе размѣра обыкновенныхъ налоговъ, назначаемыхъ на срокъ или взимаемыхъ постоянно, также подлежитъ компетенціи народнаго правительства (см. §§ 61 и 43). Однако,

[1]) Соотношеніе между обѣими частями бюджета таково: ординарные доходы казны составляли по росписи 1904 г. 103.130.620 ф. мар., чрезвычайные 27.357.442 ф. м. Обыкновенные расходы въ томъ же году равнялись 86.494.644 ф. м., чрезвычайные же, вмѣстѣ съ перечисленіемъ между фондами, достигали 57.654.272 ф. м. (см. Статистическій Ежегодникъ Финляндіи, 1905 г., изд. Центр. Статист. Бюро).

и въ этой области допускается весьма серьезное исключенie: правительственной властью не только устанавливаются, но и измѣняются *таможенныя пошлины*, безъ испрашиванiя на то согласiя Сейма. Чтобы уяснить себѣ, каково значенie этого косвеннаго налога для экономической жизни Финляндiи, достаточно указать, что поступленiя съ таможенныхъ сборовъ составляютъ самую крупную статью ординарныхъ доходовъ казны, равнявшуюся въ 1904 г. 36.443.593 ф. м., что при общей суммѣ государственныхъ ординарныхъ доходовъ въ 103.130.620 ф. м. составляетъ $35^1/_3\%$ всѣхъ казенныхъ сборовъ, и что каждое измѣненie таможеннаго тарифа отражается самымъ чувствительнымъ образомъ на хозяйственныхъ отношенiяхъ всей страны. Нельзя забывать при этомъ, что Финляндiя обладаетъ весьма скромнымъ количествомъ естественныхъ богатствъ и что вся ея быстро развивающаяся промышленность зиждется на ввозномъ сырьѣ. Повышенie таможеннаго тарифа, съ цѣлью пополнить опустѣвшую государственную казну, отражается въ высшей степени неблагопрiятнымъ образомъ на карманѣ потребителей и задерживаетъ дальнѣйшее развитie промышленности, отчего страдаетъ несомнѣнно въ первую голову рабочiй классъ,—и въ качествѣ производителя, лишеннаго заработка, и въ качествѣ потребителя, при повысившихся цѣнахъ на предметы необходимости.

По новой конституцiи, бюджетное право народныхъ представителей въ Финляндiи совершенно не подвергалось расширенiю. Параграфъ 36 устава 1869 г., опредѣлявшiй бюджетныя права Сейма, по существу заключаетъ тѣ же полномочiя, какiя мы встрѣчаемъ и въ новомъ уставѣ. Сейму, въ лицѣ статной комиссiи, вмѣнялось въ обязанность „давать отзывы о способѣ доставленiя средствъ на покрытie потребностей края, въ случаѣ недостаточности ординарныхъ статей доходовъ, и въ особенности разсматривать, какимъ образомъ были употреблены ассигновки для опредѣленныхъ цѣлей на послѣднемъ Сеймѣ". Комиссiя же чрезвычайныхъ податей должна была разсматривать „всѣ переданныя ей отъ сословiй дѣла, касающiяся измѣненiя постановленiй объ отбыванiи чрезвычайныхъ податей, составлять примѣрныя исчисленiя доходовъ отъ отдѣльныхъ чрезвычайныхъ податей и, по опредѣленiи количества сихъ податей, представлять объ основанiяхъ и способѣ раскладки оныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ заготовлять для Земскихъ Чиновъ проекты Уставовъ о чрезвычайныхъ податяхъ" (§ 37). Эти оба параграфа стараго устава исчерпываютъ полномочiя, даваемыя и новымъ Уставомъ народному представительству.

Старый уставъ отличается отъ новаго въ бюджетномъ вопросѣ лишь техникою разсмотрѣнiя этого вопроса, порядкомъ и способомъ внесенiя предложенiй и обсужденiя дѣлъ. Прежнее раздѣленie бюджетнаго вопроса на двѣ части, подлежащiя каждая раз-

смотрѣнію особой комиссіи (статной и чрезвычайныхъ налоговъ) [1]), въ новомъ уставѣ отсутствуетъ, и всѣ относящіеся къ области государственныхъ финансовъ вопросы отнесены въ одну общую бюджетную комиссію, за исключеніемъ дѣлъ, касающихся непосредственно государственнаго банка. Правительственныя предложенія о назначеніи чрезвычайныхъ налоговъ, равно какъ и всякія иныя предложенія, относящіяся къ области государственныхъ финансовъ, передаются непосредственно въ эту бюджетную комиссію [2]). Принятыми Сеймомъ считаются тѣ узаконенія объ отбываніи временныхъ или постоянныхъ налоговъ, о заключеніи государственныхъ займовъ и т. п., которые послѣ троекратнаго чтенія одобрены общимъ собраніемъ народныхъ представителей. Для проектовъ финансоваго характера, однако, не допускается отсрочки ихъ до слѣдующаго ближайшаго Сейма, какъ это принято для остальныхъ дѣлъ, и, если законопроекты о „новыхъ или увеличенныхъ временныхъ налогахъ, о новыхъ постоянныхъ налогахъ или о заключеніи статнаго займа“ не приняты большинствомъ двухъ третей голосовъ при третьемъ чтеніи, то эти предложенія или проекты считаются оставленными безъ послѣдствій (§ 61).

По сравненію съ фактическимъ отсутствіемъ бюджетнаго права въ нашемъ русскомъ уложеніи о Государственной Думѣ и съ правилами порядка разсмотрѣнія бюджетной росписи, бюджетное право, предоставляемое новымъ Сеймовымъ Уставомъ финляндцамъ, обладаетъ нѣкоторыми несомнѣнными преимуществами. Какъ-никакъ, финляндскому народному представительству даровано право контроля надъ государственными доходами и расходами [3]); государственные займы, наложеніе временныхъ и постоянныхъ налоговъ, сверхъ существующихъ (за указанными выше

---

[1]) Статная комиссія, съ одной стороны — провѣряла ассигновки, отпущенныя предыдущимъ Сеймомъ, съ другой — изыскивала способы полученія чрезвычайныхъ средствъ на покрытіе экстраординарныхъ расходовъ; комиссія чрезвычайныхъ налоговъ вѣдала раскладкой налоговъ и способомъ ихъ взиманія.

[2]) Въ бюджетную комиссію передаются также упомянутое въ пунктѣ 2 § 26 предложеніе Государя Императора и Великаго Князя и предложенія о чрезвычайныхъ налогахъ, а равно и прочія предложенія и возбужденные на Сеймѣ проекты, касающіеся финансовыхъ вопросовъ, подлежащихъ разрѣшенію Сейма. Въ заключеніи комиссіи по первопомянутому предложенію сводятся всѣ вопросы объ ассигнованіяхъ, подлежащихъ разсмотрѣнію и одобренію Сейма, въ томъ числѣ и такія, по коимъ представлены особыя заключенія. Въ томъ же заключеніи комиссія представляетъ предположенія относительно изысканія средствъ на покрытіе расходовъ, поскольку ординарные доходы казны оказываются для сего недостаточными (§ 43 Сейм. Уст. 1906 г.).

[3]) „Немедленно послѣ открытія очередного Сейма ему должно быть сообщено о состояніи статнаго вѣдомства, дабы Сеймъ могъ удостовѣриться, какимъ образомъ доходы казны употреблены на пользу и благо Края“ (§ 27).

исключеніями), открытіе государственнаго кредита—все это подлежитъ вѣдѣнію и санкціи Сейма. Управленіе фондами Государственнаго Банка также подлежитъ контролю народныхъ представителей, которые сами же и назначаютъ банковыхъ уполномоченныхъ для надзора и завѣдыванія дѣлами банка, избирая ихъ на каждомъ очередномъ Сеймѣ въ числѣ шести человѣкъ. Тѣмъ же порядкомъ избираются четыре ревизора для ревизіи банковыхъ дѣлъ за истекшій отчетный годъ (§ 74). Наконецъ, законодательная инициатива въ вопросахъ народнаго хозяйства и государственныхъ финансовъ принадлежитъ въ Финляндіи не только Монарху, но и народному представительству,—право, незнакомое нашей Государственной Думѣ...

Въ виду непрерывнаго экономическаго роста страны, расширенія ея потребностей, какъ культурныхъ, такъ и хозяйственныхъ, съ каждымъ годомъ повышаются чрезвычайные расходы, требующіе и чрезвычайныхъ поступленій. Такимъ образомъ, та область бюджета, которая обнимаетъ подвижную его часть, постепенно разрастается на счетъ консолидированной, ставя все большую часть государственныхъ финансовъ въ зависимость отъ одобренія или неодобренія народныхъ представителей. Благодаря этому явленію, рамки бюджетнаго права Финляндіи фактически расширяются, независимо отъ застывшихъ уставныхъ формъ, облюбованныхъ осторожными буржуазными „конституціоналистами“ края.

Для полноты картины конституціоннаго уклада Финляндіи намъ придется еще бросить хотя бы бѣглый взглядъ на внѣшнее устройство народнаго представительства.

Парламентъ Великаго Княжества относится къ типу представительныхъ учрежденій съ „комитетской системой“; дѣлопроизводство сосредоточивается преимущественно не въ общемъ собраніи, а въ 5 комиссіяхъ, избираемыхъ на очередномъ Сеймѣ въ пятидневный срокъ по его открытіи. Въ каждую изъ комиссій: *основныхъ законовъ, общихъ законовъ, хозяйственную, бюджетную и банковую*, входятъ: въ первыя четыре—не менѣе какъ по шестнадцати, въ послѣднюю—не менѣе двадцати человѣкъ. Разрѣшается, въ случаѣ надобности, назначать и другія комиссіи. Кромѣ того, существуютъ еще двѣ малыя комиссіи, такъ называемыя—*экспедиціонная* и *повѣрочная*, вѣдающія исходящими бумагами Сейма и кодифицирующія его опредѣленія, а также „большая комиссія“ изъ шестидесяти членовъ, предназначенная для обсужденія особыхъ дѣлъ. Сенаторы и лица, служебная дѣятельность которыхъ можетъ подлежать повѣркѣ данной комиссіей, не имѣютъ права состоять ихъ членами (§ 38).

Къ вѣдѣнію комиссіи основныхъ зановонъ относятся: подготовка переданныхъ въ нее законопроектовъ объ изданіи, измѣненіи, поясненіи или отмѣнѣ основныхъ законовъ. Этой же комиссіи предоставлено подготовлять вопросы, „возникающіе вслѣд-

ствіе права Сейма провѣрять закономѣрность служебныхъ распоряженій чиновъ правительства“ (§ 40).

Комиссія общихъ законовъ вырабатываетъ заключенія по переданнымъ въ нее проектамъ относительно измѣненія, отмѣны изданія или поясненій законовъ общаго характера; эти заключенія поступаютъ на утвержденіе общаго собранія Сейма (§ 41).

Задачей хозяйственной (экономической) комиссіи является подготовка законопроектовъ, касающихся промысловой дѣятельности и другихъ сторонъ народнаго хозяйства страны (§ 42).

Бюджетная комиссія собираетъ свѣдѣнія о состояніи государственныхъ финансовъ и требуетъ представленія ей на разсмотрѣніе всѣхъ дѣлъ и счетовъ, относящихся къ этой области. Комиссіи вмѣняется въ спеціальную обязанность высказываться объ употребленіи ассигновокъ, назначенныхъ прошлымъ Сеймомъ на опредѣленныя цѣли; по этому поводу Сейму предлагается входить съ обстоятельнымъ представленіемъ къ Великому Князю. Въ бюджетную комиссію на разсмотрѣніе передаются всѣ предложенія, какъ исходящія отъ правительства, такъ и возбужденныя Сеймомъ; точно также на заключеніе бюджетной комиссіи поступаютъ всѣ вопросы объ ассигнованіяхъ, подлежащихъ одобренію Сейма, включая и тѣ, „по коимъ представлены особыя заключенія“. Способъ изысканія средствъ для покрытія расходовъ, не могущихъ быть удовлетворенными ординарными поступленіями, также предоставляется этой отвѣтственной комиссіи. При наложеніи новыхъ временныхъ чрезвычайныхъ налоговъ комиссія обязана представить о нихъ свои заключенія съ исчисленіемъ ожидаемыхъ отъ нихъ поступленій (§ 43).

Банковая комиссія производитъ повѣрку управленія дѣлами Финляндскаго Банка и фондами, состоящими подъ гарантіей и въ вѣдѣніи Сейма; она представляетъ Сейму отчетъ объ истекшемъ срокѣ дѣятельности банка и проектъ намѣченныхъ измѣненій въ завѣдываніи банковыми фондами.

Порядокъ поступленія дѣлъ на разсмотрѣніе Сейма остается въ новомъ Сеймовомъ Уставѣ почти безъ измѣненій: предложенія, вносимыя правительствомъ, и моціи, возбуждаемыя самими депутатами, не могутъ быть принимаемы къ окончательному рѣшенію, пока по нимъ не поступятъ заключенія соотвѣтствующихъ комиссій (§§ 54 и 55). Всѣ заключенія комиссій подлежатъ двукратному, а если о необходимости отсрочки будетъ заявлено хотя бы двумя членами, то и троекратному обсужденію. Послѣ третьяго чтенія заключенія комиссіи не подлежатъ дальнѣйшей отсрочкѣ. Когда заключеніе комиссіи касается законодательнаго вопроса, возбужденнаго предложеніемъ Государя Императора и Великаго Князя или внесенною на сеймъ моціею, то дѣло подлежитъ троекратному чтенію въ общемъ собраніи народныхъ представителей (§ 57). При первомъ чтеніи докладывается заклю-

ченіе соотвѣтствующей комиссіи и предоставляется членамъ Сейма право высказать свое мнѣніе; при второмъ обсужденіи сообщаются заключенія, а также предположенія большой комиссіи, куда дѣло переносится послѣ перваго чтенія въ общемъ собраніи. Чтеніе законопроекта при второмъ обсужденіи производится по статьямъ. Если проектъ большой комиссіи не подвергается измѣненію, второе чтеніе считается законченнымъ; если же общимъ собраніемъ вносятся поправки, то законопроектъ снова передается въ общую комиссію для новыхъ обсужденій и измѣненій и для новаго поступленія на второе чтеніе. При третьемъ чтеніи законопроектъ подлежитъ либо утвержденію, либо отклоненію, если до поступленія его на третье обсужденіе не было заявлено требованіе объ отсрочкѣ дѣла; если это требованіе поддержано $^1/_3$ всѣхъ сеймовыхъ депутатовъ, то законопроектъ откладывается до ближайшаго Сейма новаго состава. Отклоненію не подлежатъ лишь вопросы, переданные Монархомъ на разсмотрѣніе чрезвычайнаго Сейма. Отсроченный проектъ какъ-бы заново поступаетъ на слѣдующій Сеймъ, но уже не подлежитъ вторичной отсрочкѣ (§ 58).

Вопросы на Сеймѣ должны быть формулированы такъ, чтобы можно было отвѣтить на нихъ однимъ словомъ: положительнымъ или отрицательнымъ. Закрытое голосованіе производится билетами, на которыхъ напечатано слово „да" или „нѣтъ", вопросы рѣшаются простымъ большинствомъ (за исключеніемъ указанныхъ выше случаевъ); чтобы избѣжать раздѣленія голосовъ поровну, одинъ билетъ откладывается тальманомъ (предсѣдателемъ) до подсчета и вскрывается только въ случаѣ равенства голосовъ, причемъ рѣшаетъ дѣло.

Закрытое голосованіе возбуждаетъ рѣзкое осужденіе со стороны наиболѣе сознательной части финляндскаго общества, такъ какъ лишаетъ избирателей непосредственнаго контроля надъ дѣйствіями своихъ уполномоченныхъ; но и этотъ пунктъ вошелъ въ составъ „основныхъ законовъ" и, слѣдовательно, можетъ быть измѣненъ лишь по почину его Императорскаго Величества...

Преніями на общемъ собраніи руководитъ тальманъ, избираемый на второй день открытія Сейма; онъ же созываетъ общее собраніе, слѣдитъ за тѣмъ, чтобы „не поступало на обсужденіе ничего такого, что противорѣчитъ законамъ". Въ помощники ему избираются два вицетальмана [1]).

Депутатскихъ мѣстъ имѣется на Сеймѣ 200. Каждый депутатъ получаетъ за время парламентскихъ сессій жалованье въ размѣрѣ

---

[1]) Всѣ трое при вступленіи въ исполненіе своихъ обязанностей даютъ слѣдующее обѣщаніе: „охранять права, какъ Государя Императора и Великаго Князя, такъ и Сейма и финскаго народа, согласно основнымъ законамъ".

тысячи четырехсотъ марокъ за каждую сессію съ продолжительностью въ 90 дней и, кромѣ того, вознагражденіе за проѣздъ на Сеймъ и обратно (§ 14). Личность депутата неприкосновенна: онъ не можетъ быть привлеченъ къ судебной отвѣтственности или лишенъ свободы за выраженное мнѣніе или вообще за его поведеніе во время преній, если, однако, на то не послѣдуетъ изъявленіе согласія пяти шестыхъ присутствующихъ членовъ. Депутатъ во время Сейма не можетъ быть заключенъ подъ стражу, кромѣ случаевъ, когда о задержкѣ его состоялось опредѣленіе суда или же когда онъ застигнутъ при самомъ совершеніи преступленія, влекущаго за собою тюремное заключеніе, не менѣе чѣмъ на шесть мѣсяцевъ (§ 12).

Сеймовому депутату вмѣняется въ обязанность „соблюдать серьезное и достойное поведеніе, не позволять себѣ оскорбительныхъ, насмѣшливыхъ или иныхъ непристойныхъ выраженій о правительствѣ или частныхъ лицахъ". За нарушеніе этого постановленія депутатъ можетъ получить выговоръ отъ тальмана, быть устраненъ отъ участія въ засѣданіяхъ въ Сеймѣ срокомъ не свыше 2-хъ недѣль или привлеченъ къ судебной отвѣтственности (§ 48). Такимъ образомъ, и въ новомъ уставѣ депутатъ подвергается „административному" взысканію въ установленномъ закономъ порядкѣ. Точно также подвергается депутатъ и денежному штрафу, если не прибудетъ своевременно на Сеймъ или не явится на засѣданіе, не имѣя на то причины, признаваемой Сеймомъ уважительной. „При неявкѣ, несмотря на денежное взысканіе, Сеймъ можетъ объявить сеймоваго депутата лишеннымъ его званія" (§ 15).

Такова техническая сторона парламентской дѣятельности, установленная новымъ Сеймовымъ уставомъ. Какъ видно, даже и въ этой области надъ составителями новой конституціи виталъ духъ буржуазной аккуратности и взыскательности, опирающейся на „строго-законную" почву. Буржуазные творцы финляндскаго Сеймоваго Устава сдѣлали свое дѣло: они сумѣли и при широко-демократическомъ представительствѣ обезпечить главенство имущихъ классовъ, предоставивъ широкія полномочія исполнительной власти, которая еще на долгіе годы будетъ служить оплотомъ буржуазіи.

На первомъ же новоизбранномъ Сеймѣ предстоитъ жестокая схватка двухъ міровъ: буржуазнаго и пролетарскаго, „лѣвыхъ" и „правыхъ"; правые, съ надеждой скашивая взоръ въ сторону русской столицы, будутъ отстаивать свои привычныя привилегіи; лѣвые станутъ бороться за расширеніе и укрѣпленіе представительныхъ началъ въ странѣ и за проведеніе въ жизнь длиннаго ряда намѣченныхъ соціальныхъ реформъ. Залогомъ побѣды „лѣвыхъ" элементовъ несомнѣнно служитъ исходъ только что закончившихся выборовъ, обезпечившихъ соціалъ-демократіи треть де-

путатскихъ мѣстъ. Но не слѣдуетъ закрывать глаза и на то, что современный Сеймовый Уставъ поставитъ не одну преграду проведенію желательныхъ преобразованій и не разъ послужитъ наиболѣе удобнымъ способомъ наложить узду на слишкомъ „пылкіе“ лѣвые элементы... Буквою современнаго „основного закона“ съ одинаковой охотой воспользуются и финляндская буржуазія, и имперская бюрократія. Только въ корнѣ преобразованный на началахъ широкаго демократизма „основной законъ“ вырветъ изъ рукъ исполнительной власти право распоряжаться судьбою народа, и только дѣйствительное укрѣпленіе конституціонныхъ основъ въ предѣлахъ русскаго государства сможетъ предотвратить вмѣшательство русской бюрократіи въ дѣла внутренняго управленія „автономной“ окраины. Пока же абсолютизмъ пользуется всѣми преимуществами въ самомъ сердцѣ Россіи, до тѣхъ поръ никакой законъ, какимъ бы „основнымъ“ его ни почитали, не обезопаситъ лойяльныхъ финляндцевъ отъ неожиданныхъ и прискорбныхъ полицейско-чиновничьихъ набѣговъ съ „востока“... Дальнѣйшая судьба финляндскаго народа—въ рукахъ всероссійскаго освободительнаго движенія...

А. Коллонтай.

Строители будущаго.

I.

Къ веснѣ 1902 года въ нашей соціалъ-демократической партіи взяло рѣшительный перевѣсъ теченіе, выразителемъ котораго была группа, издававшая газету „Искра“. Я былъ въ это время членомъ Союза Русскихъ Соціалъ-Демократовъ заграницей, органомъ каторага было „Рабочее Дѣло“. Въ теченіе всего 1901 года между „Искрою“ и „Рабочимъ Дѣломъ“ велась литературная полемика и словесная борьба на митингахъ въ Женевѣ, Бернѣ и Парижѣ; книжка Ленина „Что дѣлать“, вышедшая въ мартѣ 1902 г., ярко и опредѣленно формулировала „новую методу“ и доставила „искризму“ побѣду въ его борьбѣ противъ такъ называемаго экономизма.

Критикуя всѣ позиціи „рабочедѣльцевъ“, „искристы“ обобщали свои доводы и высказывали взглядъ, что ихъ фракціонные противники отступають отъ самыхъ основъ марксизма и являются буржуазнымъ крыломъ соціалъ-демократіи, демократами, примкнувшими къ соціалъ-демократіи лишь въ силу особенностей момента русской политической жизни. „Рабочедѣльцы“—по словамъ „искристовъ“—являлись оппортюнистами соціалъ-демократіи, такъ какъ въ качествѣ демократовъ вынуждены въ своей дѣятельности постоянно отступать отъ принциповъ марксизма и приспособлять ихъ къ своему буржуазному пониманію задачъ рабочаго движенія. Ихъ тактикѣ и программѣ „искристы“ противополагали свою тактику и свою программу, которыя они называли революціонными и ортодоксально-марксистскими.

Я относился рѣзко отрицательно къ программѣ и тактикѣ „Искры“ съ самыхъ первыхъ ея шаговъ. Мнѣ казалась глубоко-ошибочной позиція „Искры“, потому что она отрывала соціалъ-демократію отъ широкихъ круговъ рабочаго класса, превращала ее изъ партіи въ секту. Кромѣ того, „революціонная“ тактика „искристовъ“ по отношенію къ ихъ фракціоннымъ и партійнымъ

противникамъ мнѣ была ненавистна и казалась позорною. Эти взгляды раздѣлялись всѣми моими товарищами по организаціи.

Однако, фактъ былъ на-лицо: то, что намъ казалось позорнымъ и было ненавистно, принималось огромнымъ большинствомъ товарищей по партіи, какъ вполнѣ допустимое или даже необходимое для соціалъ-демократа, „истинно“ революціонное; а то, что казалось мнѣ обязательнымъ и самымъ дорогимъ въ нашемъ движеніи, осмѣивалось, какъ оппортюнизмъ, какъ буржуазные предразсудки; къ намъ относились наши товарищи по партіи въ лучшемъ случаѣ снисходительно, къ нашимъ противникамъ—восторженно. Тѣ самые товарищи, которые еще недавно были участниками нашей работы, которые признавали нашъ органъ выразителемъ ихъ взглядовъ, теперь отшатнулись отъ насъ и спѣшили демонстративно отречься отъ своихъ прежнихъ „заблужденій“ или дѣлали видъ, что никогда не одобряли ихъ. И то, что намъ казалось пагубнымъ и дурнымъ, было принято партіей съ энтузіазмомъ, точно панацея отъ всѣхъ бѣдъ.

Предъ этимъ фактомъ преклонились многіе изъ моихъ ближайшихъ товарищей по работѣ и рѣшились, хотя съ оговорками, съ резервами, но примкнуть къ рядамъ побѣдителей. Насъ осталось, непримиримыхъ, маленькая горсточка.

Тогда предо мною всталъ вопросъ, не правы ли мои противники, называя мои идеи буржуазнымъ демократизмомъ? Вопросъ этотъ былъ тѣмъ болѣе естественнымъ, что мелочная черная работа отрывала меня уже много лѣтъ отъ собственныхъ занятій и теоретическаго самообразованія; только въ тюрьмѣ я могъ заниматься, но этого было недостаточно, да къ тому времени я уже нѣсколько лѣтъ не сидѣлъ въ тюрьмѣ. Можетъ быть, я и дѣйствительно ошибался, называя себя соціалъ-демократомъ и революціонеромъ?

Теченіе „искризма“ было мнѣ настолько противно, что мнѣ и въ голову не приходило спрашивать себя, не долженъ ли я примкнуть къ нему? Мои собственныя инстинктивныя убѣжденія были настолько прочны во мнѣ, что я сомнѣвался только въ одномъ,—въ правѣ называться тѣмъ именемъ, которымъ я до тѣхъ поръ очень дорожилъ.

Это было самое тяжелое время въ моей жизни; болѣе тяжелое, чѣмъ когда мнѣ пришлось отказаться отъ религіозныхъ вѣрованій. Неужели же, думалось мнѣ, соціализмъ и революціонное движеніе есть совсѣмъ не то, что я въ нихъ видѣлъ, и моя десятилѣтняя работа была лишь „ошибкой молодости?“ Въ такомъ случаѣ мнѣ хотѣлось выяснить это себѣ до конца и, если это окажется такъ, открыто и рѣзко порвать со всѣмъ прошлымъ. Явилось даже какое-то болѣзненное желаніе безжалостно уничтожить въ себѣ все, чему поклонялся, разъ оно оказалось заблужденіемъ.

Съ этимъ чувствомъ приступилъ я къ пересмотру моего теоретическаго багажа. Казалось, я искалъ и желалъ найти подтвержденіе мысли, что мои фракціонные противники правы съ точки зрѣнія научнаго соціализма, а я неправъ и, расходясь съ ними, я тѣмъ самымъ расхожусь со всѣмъ международнымъ соціалъ-демократическимъ движеніемъ и долженъ это чистосердечно признать и объявить.

Я принялся за работу, которая взяла три года. Это было потому возможно, что, въ силу указанныхъ обстоятельствъ, я все равно былъ вынужденъ отстраниться отъ непосредственной революціонной дѣятельности.

Прежде всего я изучилъ западно-европейскія соціалъ-демократическія программы и тщательно сличилъ ихъ между собой и съ программою „Искры". Я убѣдился при этомъ, что программа „Искры" отступаетъ отъ всѣхъ программъ въ цѣломъ рядѣ очень важныхъ пунктовъ, которыхъ я насчиталъ болѣе двадцати въ одной только принципіальной части программы, въ такъ называемой программѣ-максимумъ. Тогда я обратился къ комментаріямъ западно-европейскихъ программъ, къ теоретическимъ сочиненіямъ наиболѣе авторитетныхъ товарищей нашей международной партіи и убѣдился, что программа „Искры" есть выраженіе соціалистическихъ идей, уже четверть вѣка тому назадъ изжитыхъ западно-европейскимъ соціализмомъ. Сравнивая далѣе эту программу съ программою Народной Воли, я пришелъ къ заключенію, что недостатки русской соціалъ-демократической программы являются лишь историческимъ пережиткомъ прошлаго русскаго соціалистическаго движенія.

Одновременно съ этимъ я изучалъ исторію развитія соціалъ-демократіи въ Россіи. Я былъ самъ участникомъ этого движенія, и въ моемъ распоряженіи имѣлся довольно богатый—по тому времени—матеріалъ, прокламаціи и письма, поступавшія со всѣхъ концовъ Россіи въ Союзъ Русскихъ Соціалъ-Демократовъ, членомъ администраціи котораго я состоялъ. Многихъ товарищей просилъ я разсказывать мнѣ объ ихъ дѣятельности и записывалъ тутъ же при нихъ ихъ слова. У меня составился такимъ образомъ рядъ разсказовъ; сгруппировавъ весь этотъ матеріалъ, я нашелъ, что отсталость принциповъ и тактики русской соціалъ-демократіи, ясно видимая въ ея программѣ, становится еще болѣе понятной изъ исторіи ея развитія.

При такихъ условіяхъ я рѣшилъ, что „искризмъ" есть стадія въ развитіи нашего отсталаго движенія, и что бороться противъ него можно и должно, не отступая отъ основъ научнаго соціализма. Поэтому весною 1903 года я прочиталъ рефераты въ Женевѣ, Лозаннѣ, Бернѣ, Цюрихѣ, Фрейбургѣ, Карлсруэ, Гейдельбергѣ и Мюнхенѣ, излагая исторію нашего движенія и критикуя программу „Искры", бывшую тогда проектомъ программы

партіи. Авторы и сторонники программы нигдѣ не выступали противъ меня—они бойкотировали мои рефераты. Такъ какъ на нихъ всегда присутствовало много молодежи, то я считалъ, что представители господствующаго въ нашей партіи теченія *обязаны* были явиться и раскритиковать мои мнѣнія, если они считали ихъ ошибочными. Но на этотъ разъ ихъ отношеніе къ критикѣ лишь утвердило во мнѣ отрицательный взглядъ на дѣятелей этой школы соціалъ-демократіи.

Осенью того же года состоялся второй съѣздъ нашей партіи, организованный группою „Искры". Въ нашей литературѣ твердо установленъ фактъ, никѣмъ даже неоспариваемый, что съѣздъ этотъ былъ грубымъ искаженіемъ партійнаго представительства въ интересахъ господствовавшей фракціи. Я былъ тамъ, какъ делегатъ Союза Русскихъ Соціалъ-Демократовъ, и пытался внести поправки въ программу, но мнѣ не дали возможности защищать ихъ, какъ это видно изъ протоколовъ съѣзда.

Въ виду этого я приступилъ къ обработкѣ собраннаго мною матеріала для защиты въ печати того теченія соціалъ-демократіи, къ которому я принадлежалъ и которое считалъ наиболѣе правильнымъ. Въ разультатѣ этой работы явилась сначала моя книжка о программѣ, вышедшая лѣтомъ 1904 г. подъ заглавіемъ „Къ вопросу о работахъ второго съѣзда Россійской Соціалъ-Демократической Рабочей Партіи", а затѣмъ, въ февралѣ 1905 г., „Матеріалы для характеристики развитія Россійской Соціалъ-Демократической Рабочей Партіи" [1]). Обѣ книжки изданы подъ заголовкомъ партіи и приняты въ партійный складъ, однако же, совершенно не были распространяемы.

Въ тотъ самый день, какъ вышла изъ печати моя вторая книжка, я выѣхалъ изъ Женевы, направляясь въ Россію, желая испытать на практикѣ, какимъ образомъ мои взгляды могли бы быть проведены въ жизнь. Я посѣтилъ двѣнадцать аванпостовъ революціоннаго движенія: Петербургъ, Москву, Кіевъ, Харьковъ, Екатеринославъ, деревню Области Войска Донского, деревни двухъ уѣздовъ Воронежской губерніи, Лодзь, Варшаву, Гродно, Ригу. Впечатлѣнія этой поѣздки и работы въ Петербургѣ съ сентября по февраль 1906 года въ профессіональныхъ союзахъ и Совѣтѣ Рабочихъ Депутатовъ заставили меня существенно измѣнить мои выводы, сдѣлавши дальнѣйшее логическое ихъ развитіе.

Въ настоящей статьѣ я постараюсь подвести итоги этимъ впечатлѣніямъ и этимъ выводамъ; думается, что они являются лишь моими субъективными и диктуются всѣмъ ходомъ развитія нашего движенія.

---

[1]) Переиздана въ Россіи въ томъ же году въ издательствѣ О. Н. Поповой подъ именемъ „Очеркъ развитія с.-д. въ Россіи", но конфискована полиціей.

II.

Переѣхавъ съ чужимъ паспортомъ границу, я направился въ Кіевъ къ моему бывшему товарищу по организаціи инженеру Б. Когда мы работали съ нимъ вмѣстѣ, мы всегда были солидарны; но съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ, мы жили въ совершенно различной обстановкѣ, и я не зналъ, какъ теперь онъ отнесется къ моимъ взглядамъ.

Когда я пріѣхалъ, онъ былъ занятъ дѣлами союза инженеровъ. Его очень затрудняла позиція, которую заняли его товарищи по профессіи и по партіи: онъ ее находилъ ошибочной, но не могъ идти противъ нея въ силу партійной дисциплины. Мы подѣлились нашими соображеніями о тактикѣ нашей партіи, и оказалось, что мы исходимъ изъ одной точки зрѣнія при рѣшеніи совершенно различныхъ вопросовъ тактики: онъ—въ вопросѣ объ отношеніи соціалъ-демократіи къ интеллигентскимъ профессіональнымъ союзамъ, я — объ отношеніи къ стихійному массовому рабочему движенію. То обстоятельство, что мы, противники группы „Искра", будучи совершенно обособленными, все же остались солидарными, утвердило во мнѣ увѣренность, что мы являлись выразителями особаго теченія русской соціалъ-демократіи. То же случилось и при встрѣчахъ съ другими моими товарищами въ другихъ городахъ.

Затрудненія тов. Б. заключались въ слѣдующемъ. Возникшіе за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, послѣ „періода банкетовъ", интеллигентскіе союзы быстро разрослись и охватили собою до 40 тысячъ человѣкъ. Будучи организаціями лишь одной профессіи, они по существу своему были, однако, политическими клубами, пріобрѣтшими сразу огромное значеніе.

„Создалось положеніе,—писала впослѣдствіи „Искра" [1]),—которое еще два-три года тому назадъ многимъ показалось бы немыслимымъ: „половинчатая" демократія не только организуетъ безъ нашего благосклоннаго содѣйствія свой интеллигентный авангардъ, но собирается еще оспаривать у насъ нашу исконную политическую вотчину — народныя массы и, въ частности, пролетаріатъ. На нашихъ глазахъ происходитъ небывалый по своей интенсивности процессъ сплоченія либерализма и демократіи, быстро обгоняющихъ насъ въ дѣлѣ организаціи". Неизбѣжно возникалъ вопросъ, какъ должна отнестись къ этому явленію соціалъ-демократія, тѣмъ болѣе, что значительная часть ея сторонниковъ и даже дѣятелей по своему происхожденію и общественному положенію принадлежала къ этой организующейся демократіи.

---

1) „Искра", № 103, 21-го іюня 1905 г. „Организація буржуазной демократіи".

Группа „Искра“ выступала въ борьбу противъ такъ называемаго экономизма съ лозунгомъ, что социалъ-демократія должна являться арангардомъ „всей и всяческой оппозиціи“, что она должна „посылать отряды въ всѣ слои общества“. Мы—„рабочедѣльцы“—возражали, что роль эту не можетъ взять на себя соціалъ-демократія, но что авангардомъ она будетъ являться лишь въ томъ смыслѣ, что въ освободительной борьбѣ она сама будетъ всюду впереди. Поэтому можно было ожидать, что господствующее въ партіи теченіе—обѣ фракціи „искризма“—отнесутся активно сочувственно къ этому явленію. Но этого не случилось.

„Меньшевики“ рѣшили не вступать въ эти союзы. „Очередная задача профессіональныхъ союзовъ,—писала „Искра“ въ той же статьѣ,—политическая организація и мобилизація народныхъ массъ подъ знаменемъ буржуазной демократіи. Мы не должны принимать участіе въ этомъ дѣлѣ, мы не должны вступать въ „Союзы“. Вступленіе въ политическую организацію—это полное раствореніе въ ней. Правда, это — раствореніе не цѣлыхъ соціалъ-демократическихъ организацій, а отдѣльныхъ соціалъ-демократовъ; но тѣмъ хуже, ибо такой индивидуальный отборъ могъ бы только внести полное разложеніе въ среду нашихъ организацій, развращая политически отдѣльныхъ членовъ ихъ“.

„Большевики“ не примирились на этомъ пассивномъ отношеніи и организаціи буржуазной демократіи. Они соглашались вступить въ „Союзы“, но требовали, чтобы эти послѣдніе отказались отъ всякой политической роли. Выразителемъ этого взгляда явился тов. Рожковъ, написавшій въ отвѣтъ г. Милюкову статью въ № 60 „Сына Отечества“. „Необходимо, —говоритъ онъ,— чтобы эти профессіональные союзы были не политическими въ широкомъ смыслѣ, а дѣйствительно профессіональными, т. е. преслѣдующими интересы юридической, нравственной и матеріальной взаимопомощи лицъ, принадлежащихъ къ составу данной профессіи, равно какъ и интересы того профессіональнаго дѣла, которому члены даннаго союза служатъ“. Такимъ образомъ соціалъ-демократіи рекомендовалось пропагандировать политическій индифферентизмъ интеллигентскихъ союзовъ!

Эти взгляды не остались лишь теоретическими разсужденіями. Такъ, напримѣръ, когда Петербургскій Союзъ Учителей заявилъ въ своемъ уставѣ, что его цѣлью является „борьба за политическое освобожденіе Россіи и за широкія соціально-экономическія реформы“, то учителя-соціалъ-демократы сочли эту цѣль непріемлемой и вышли изъ союза.

Какъ инженеръ, какъ интеллигентъ, такъ гражданинъ, мой товарищъ такъ же хорошо, какъ и всѣ, сознавалъ всю огромную важность этихъ союзовъ. Какъ человѣкъ съ виднымъ общественнымъ положеніемъ, онъ могъ оказать имъ существенное содѣйствіе, но... именно то, что онъ былъ соціалъ-демократомъ, мѣшало

ему быть прогрессивнымъ дѣятелемъ, мало того, заставляло его быть реакціоннымъ, настаивать, чтобы союзы отказались отъ своихъ политическихъ задачъ!

Мой товарищъ не поступилъ такъ и продолжалъ свою работу въ союзѣ. „Его, навѣрное, за это выключили бы изъ партіи,—подумалъ я,—если бы партія не была теперь внутренне-безсильною поддерживать дисциплину въ средѣ своихъ членовъ изъ-за царящей въ ней фракціонной борьбы"... И новый, такой же тяжелый, вопросъ выдвигался: какъ можетъ быть, что безсиліе соціалъ-демократической партіи имѣло для прогрессивнаго движенія положительное значеніе? Развѣ соціалъ-демократія не есть партія прогресса прежде всего? Значитъ, ея сила не всегда есть сила прогрессивнаго движенія, и ея слабость не всегда—слабость революціонныхъ элементовъ народа?

Это—абсурдъ! Но наша партія стояла передъ этимъ абсурдомъ, и это ясно доказывало, что она стоитъ на ложномъ пути.

Конечно, не одинъ только мой товарищъ вынужденъ былъ отступить отъ лозунговъ нашей партіи въ этомъ вопросѣ; но всѣ поступившіе такъ должны были раздвоиться: казалось, что они дѣйствовали въ качествѣ гражданъ и бездѣйствовали въ качествѣ соціалъ-демократовъ, были въ отпуску у ихъ партіи!

Между тѣмъ, соціалъ-демократы, какъ крайніе демократы-республиканцы, могли имѣть, и на самомъ дѣлѣ имѣли очень важное значеніе въ этихъ союзахъ; отстоявъ лозунги, настолько общіе, чтобы они не могли стѣснять республиканцевъ, наши товарищи составили лѣвое крыло союзовъ въ политическомъ отношеніи и, кромѣ того, поддерживали и защищали значеніе профессіональныхъ союзовъ, какъ таковыхъ.

Для кадетовъ эти союзы были лишь суррогатомъ партіи. „Форма союзовъ наиболѣе подходитъ для временной группировки пробуждающихся политически элементовъ", говоритъ г. Милюковъ 5-го мая въ „Сынѣ Отечества" и еще раньше, 21-го апрѣля, въ той же газетѣ заявлялъ: „Союзы мы сами признали за временныя и случайныя соединенія, вызванныя къ существованію лишь ненормальными условіями современной политической жизни. Расколоться эти союзы рано или поздно все равно должны". Имѣя въ виду „такого рода союзы, которые были бы болѣе или менѣе близки къ понятію партія", г. Милюковъ и его единомышленники стремились централизировать эти ячейки будущей партіи и при этомъ, дѣйствуя отъ центра, развивали центробѣжную силу, которая должна была отбросить въ концѣ концовъ отъ союзовъ ихъ лѣвые элементы и „выдѣлить и сгруппировать въ болѣе широкія партіи элементы однородные".

Приступая къ строительству партіи „сверху", черезъ посредство союзовъ, руководители будущей кадетской партіи естественно приняли архитектурный планъ, въ значительной степени

соотвѣтствовавшій планамъ строительства „Искрою" нашей соціалъ-демократической партіи. Г. Милюковъ говорилъ, что „союзы образовались немногочисленными группами очень опредѣленныхъ людей" и „при спокойной и систематической работѣ могутъ дать матеріалы для созданія кадровъ, могутъ покрыть всю страну сѣтью организованныхъ группъ". И такъ какъ въ центрѣ всего этого движенія стояли элементы однородные съ г. Милюковымъ, то всѣ выгоды отъ этой тактики доставались на пользу партіи, впослѣдствіи назвавшейся конституціонно-демократической.

Мой товарищъ и его единомышленники противоставляли этому плану другой планъ, строительство „снизу", на строго демократическихъ началахъ. При такихъ условіяхъ союзы, оставаясь „политическими по цѣли и профессіональными по формѣ организаціи", какъ того хотѣлъ и г. Милюковъ, могли бы развиваться „не въ сторону программнаго и тактическаго уплотненія, потому что союзъ не является суррогатомъ партіи, а въ сторону освобожденія отъ всякой программы, признаніе которой являлось бы условіемъ вступленія въ союзъ, потому что союзъ есть суррогатъ свободнаго общества" (Ландау. „Сынъ Отечества", № 61).

Въ этихъ тактическихъ принципахъ мы вполнѣ сошлись съ товарищемъ Б., и мнѣ было странно, что я, „рабочедѣлецъ", оказался болѣе сочувствующимъ и болѣе готовымъ поддержать радикальные союзы, чѣмъ тѣ, кто стремился быть вожаками „всей и всяческой оппозиціи". Невольно напрашивалась мысль, что, можетъ быть, и я, и мои фракціонные противники оказались непослѣдовательными, въ конкретной обстановкѣ отступили отъ нашихъ абстрактныхъ принциповъ и помѣнялись мѣстами. Я старался найти мою логическую ошибку и не находилъ ее; кромѣ того, я видѣлъ, что правильнымъ или неправильнымъ логическимъ путемъ, но я обошелъ тотъ, очевидно, абсурдный выводъ, къ которому пришли обѣ фракціи „искризма".

Вопросъ объ отношеніи къ интеллигентскимъ союзамъ былъ первымъ, который поставила предъ мною жизнь по пріѣздѣ моемъ въ Россію. Послѣдніе мѣсяцы и даже годы мысль моя работала надъ совершенно другими вопросами, а потому эта задача встала совершенно неожиданно, и хотя я разрѣшилъ ее для себя въ согласіи съ товарищемъ Б., однако же, это рѣшеніе не было ничѣмъ связано съ общимъ моимъ міровоззрѣніемъ, кромѣ развѣ того общаго положенія, что соціалъ-демократъ вездѣ и при всѣхъ обстоятельствахъ долженъ быть и оставаться самымъ передовымъ и активнымъ борцомъ за прогрессъ, и если онъ при какихъ-нибудь условіяхъ отступаетъ отъ этой борьбы, то этимъ обнаруживается, что онъ отступилъ также и отъ своего міровоззрѣнія. Связать это рѣшеніе теоретически съ остальными моими взглядами такъ, чтобы оно и логически непосредственно выте-

кало изъ общихъ принциповъ, мнѣ удалось лишь позже, порвавши ту единственную нитку, которая еще меня связывала съ моими фракціонными противниками.

III.

Въ серединѣ апрѣля я пріѣхалъ въ Москву со спеціальною цѣлью познакомиться лично съ „Союзомъ Московскихъ Типографскихъ Рабочихъ“. Мнѣ представлялось, что дѣло нашей партіи можетъ быть поставлено на путь правильнаго развитія, если къ партіи примкнутъ новые элементы, чисто рабочія организаціи. Ихъ присоединеніе къ партіи и ихъ вліяніе на ея дѣятельность могли бы быть обезпечены, какъ мнѣ казалось, широко-демократическими принципами организаціи. Уже на второмъ съѣздѣ партіи я защищалъ эти принципы по порученію моей организаціи и требовалъ „республиканской организаціи для нашей республиканской партіи“. Въ „Матеріалахъ для характеристики развитія Россійской Соціалъ-Демократической Рабочей Партіи“ я изложилъ въ заключеніе планъ организаціи, который, какъ мнѣ думается, намѣчался всѣмъ ходомъ развитія нашей партіи и выполненіе котораго было очередною задачею.

„Союзъ Московскихъ Типографскихъ Рабочихъ“ представлялъ для меня въ этомъ отношеніи крайній интересъ. Онъ являлся чисто-пролетарскою организаціей и признавалъ основныя положенія международной соціалъ-демократіи; мнѣ хотѣлось поэтому именно на немъ испытать правильность и примѣнимость моихъ взглядовъ, попытаться убѣдить Союзъ объявить себя партійной организаціей и добиваться реорганизаціи партіи.

Я имѣлъ три бесѣды съ товарищами изъ „Центра“ Союза, но встрѣтилъ упорное сопротивленіе. Товарищи настаивали на томъ, что, не вступая въ партію, принципы которой они, однако, вполнѣ раздѣляютъ, они лучше смогутъ содѣйствовать дѣлу пролетаріата. Мнѣ показалось это вопіющимъ противорѣчіемъ, и я старался убѣдить ихъ въ обратномъ. Они обѣщали снова обсудить этотъ вопросъ со своей организаціей и просили меня для этой цѣли письменно изложить то, что я имъ говорилъ. Я это сдѣлалъ недѣли черезъ двѣ въ письмѣ къ Союзу. Такъ какъ въ немъ отмѣчена отправная точка всѣхъ моихъ тогдашнихъ разсужденій, то я приведу его здѣсь въ томъ видѣ, какъ по памяти записалъ его, когда мой черновикъ попалъ въ руки полиціи и погибъ.

„Товарищи! Я выѣхалъ изъ Петербурга, направляясь на югъ Россіи, какъ разъ въ тотъ день, когда были получены первыя вѣсти о положеніи русскаго флота при Цусимѣ. Я ѣхалъ нѣсколько дней; въ вагонъ входили и выходили десятки людей; около меня и противъ меня сидѣли сначала какая-то старая дама и студентъ, затѣмъ смѣняли другъ друга купецъ, офицеръ, кур-

систка, священникъ, помѣщикъ, опять студентъ, опять дамы, молодыя и старыя; всѣ они только и говорили, что о бѣдствіяхъ войны, бранили тѣхъ, кто затѣялъ ее, тѣхъ, кто неумѣло руководилъ ею, кто вводилъ въ заблужденіе русскій народъ относительно состоянія нашихъ вооруженій.

„Только я одинъ молчалъ и непріязненно смотрѣлъ на говорившихъ. Можетъ быть, они считали меня отчаяннымъ реакціонеромъ, неспособнымъ понять негодность стараго строя и возмущеннымъ ихъ прогрессивными взглядами. Я дѣйствительно возмущался въ душѣ ихъ рѣчами. Мнѣ хотѣлось крикнуть имъ: это вы виноваты въ томъ, что случилось! вашей инертностью, вашимъ постыднымъ равнодушіемъ къ судьбамъ вашего народа держалось и крѣпло самодержавіе, разорявшее нашу родину!

„Я, впрочемъ, не сказалъ имъ этого и молчалъ. Это потому, что я сознавалъ, что и на мнѣ лежитъ отвѣтственность за совершавшееся въ Россіи. Правда, я не служилъ старому режиму, и вмѣстѣ съ моими товарищами уже много лѣтъ боролся противъ него. Но мы оказались такими же неумѣлыми русскими революціонерами, какъ были неумѣлы русскіе солдаты, матросы, офицеры, полководцы, строители крѣпостей и дорогъ. Мы не только не умѣли разбудить нашъ народъ къ борьбѣ за свободу и народоправство,—это мы могли объяснять хоть отчасти трудностью дѣла, непропорціональною нашимъ силамъ,—но мы не умѣли даже сохранить въ собственной своей средѣ единство дѣйствій и единство нашей организаціи; это безсиліе наше было также одною изъ причинъ, приведшихъ къ бѣдствіямъ войны.

„У меня въ карманѣ лежали ваши изданія, товарищи, „Вѣстникъ Союза Московскихъ Типографскихъ рабочихъ“ и письмо ваше въ редакцію „Искры“; я вспомнилъ наши съ вами бесѣды, мое обѣщаніе вамъ изложить письменно соображенія относительно вашего невступленія въ партію и сталъ обдумывать снова этотъ вопросъ.

„Въ номерѣ пятомъ вашей газеты вы объявляете себя солидарными съ программою партіи, но признаете присоединеніе свое и организаціи преждевременнымъ, вы подтверждаете это въ номерѣ седьмомъ газеты, упоминаете объ этомъ и въ письмѣ въ „Искру“. Въ этомъ рѣшеніи вашемъ я не согласенъ съ вами и первое, на чемъ я настаивалъ въ нашихъ бесѣдахъ, было: вашъ Союзъ долженъ признать себя частью партіи.

„Въ защиту этой мысли я прежде всего приводилъ то соображеніе, что мы являемся членами соціалъ-демократической партіи, независимо отъ формальнаго присоединенія нашего къ ея организаціи. Вы раздѣляете соціалъ демократическіе принципы, вы ведете среди московскихъ типографщиковъ ту самую работу, которую ведетъ Московскій Комитетъ и Московская Группа меньшевиковъ среди рабочихъ другихъ профессій, а потому вы являе-

тесь такими же членами нашей партіи, какъ и всѣ активные соціалъ-демократы. Но только вы уклоняетесь отъ одной очень трудной, но важной обязанности: разобраться въ сложномъ организаціонномъ вопросѣ и содѣйствовать его разрѣшенію въ интересахъ всей партіи. Вы называете „высшими дрязгами" разногласія, терзающія теперь нашу партію. Но вѣдь эти „дрязги" созданы дѣйствительно существующими разногласіями, и вашъ Союзъ, какъ организація чисто-пролетарская, можетъ и долженъ оказать содѣйствіе разрѣшенію этихъ разногласій именно въ пролетарскомъ духѣ. Для этого недостаточно высказывать добрыя пожеланія товарищамъ, какъ вы это дѣлаете въ вашемъ письмѣ „Искрѣ",—для этого необходимо активное участіе въ общей работѣ, какъ бы она ни была тяжела.

„Вы возражали мнѣ на это, что, примкнувъ къ партіи и обязуясь подчиняться ея уставу и Центральному Комитету, Союзъ рискуетъ поставить себя въ невозможность существовать. Вы ссылались на то, что партія закрыла существовавшіе долго и пользовавшіеся популярностью соціалъ-демократическіе органы—Рабочее Дѣло, Южный Рабочій—и что, быть можетъ, она закроетъ также Вѣстникъ вашего Союза; что партія разрушила своимъ вмѣшательствомъ цѣлый рядъ самостоятельныхъ рабочихъ организацій, перетащивъ въ организацію „профессіональныхъ революціонеровъ" небольшое число участниковъ старыхъ рабочихъ союзовъ и оттолкнувъ отъ себя остальныхъ; что, наконецъ, руководящіе центры партіи, какъ органы совершенно изолированные отъ рабочихъ массъ, не могутъ быть популярны среди рабочихъ, составляющихъ вашъ Союзъ.

„Соглашаюсь съ вами, что организація нашей партіи является въ высшей степени неудачной и совершенно не приспособленной къ задачамъ рабочей партіи. Но, добиваясь формальнаго организаціоннаго объясненія съ партіей, къ которой фактически вы уже принадлежите, вы, конечно, должны добиваться такихъ условій, которыя бы не ослабили, а, наоборотъ, усилили вашу организацію.

„Для этого, на мой взглядъ, было бы достаточно, если бы, съ одной стороны, вы требовали отъ партіи, чтобы она допустила вашего делегата въ составъ ея мѣстнаго Московскаго Комитета и, съ другой стороны, отстаивали автономныя права вашего Союза внутри партіи. Черезъ посредство вашего делегата вы будете вліять на общее направленіе дѣятельности партіи и отстаивать ваши взгляды, при автономности же вашей организаціи Мѣстный Комитетъ и даже Центральный Комитетъ партіи не будетъ вмѣшиваться во внутреннюю работу вашей организаціи; наоборотъ, они будутъ приходить вамъ на помощь въ вашихъ задачахъ. Это—второе, что я вамъ доказывалъ въ нашихъ бесѣдахъ.

„Но—возражали вы мнѣ—Мѣстный и Центральный Комитеты

партіи будутъ принимать рѣшенія, относящіяся къ дѣятельности нашей партіи, во всей данной мѣстности или во всей нашей странѣ. Въ этихъ общихъ рѣшеніяхъ, имѣющихъ огромное практическое значеніе, кромѣ нашего делегата, будутъ принимать участіе такъ же, и даже, главнымъ образомъ, и даже почти исключительно—не делегаты такихъ же рабочихъ Союзовъ, какъ Союзъ Московскихъ Типографскихъ Рабочихъ, а „профессіональные революціонеры", которые уже доказали свою неспособность руководить борьбою рабочаго класса.

„Товарищи, пока это будетъ такъ, до тѣхъ поръ Московскій Комитетъ и Центральный Комитетъ не согласятся допустить вашего делегата въ центральный органъ дѣятельности соціалъ-демократіи вашей мѣстности, не согласятся дать вамъ автономныя права внутри нашей партіи. Поэтому третье мое вамъ предложеніе состояло въ томъ, чтобы вашъ союзъ добивался для себя этихъ правъ, не какъ привилегіи, а какъ проведенія въ жизнь этого демократическаго принципа; это же можетъ сдѣлать вашъ Союзъ, лишь признавъ себя частью единой соціалъ-демократической рабочей партіи. Если бы вы поступили такъ, то тотчасъ же вашему примѣру послѣдовалъ бы цѣлый рядъ другихъ рабочихъ организацій и намъ удалось бы построить нашу партію такъ, чтобы она дѣйствительно была партіей рабочаго класса.

„Въ этомъ заключается насущная задача не только рабочаго движенія, но и всего освободительнаго движенія въ Россіи, авангардомъ котораго является пролетаріатъ. Если мы, соціалъ-демократы, не сумѣемъ исполнить эту нашу задачу, то долго еще не удастся нашей странѣ освободиться отъ ига самодержавія, а горе и позоръ Цусимы, ложащійся на весь народъ Россіи, будутъ прежде всего ложиться на насъ, взявшихъ на себя великія задачи, но безсильныхъ ихъ осуществить".

Въ этомъ письмѣ къ Союзу я упустилъ одинъ доводъ членовъ „Центра" Союза: „если бы мы рѣшили присоединиться къ партіи, говорили они, масса типографскихъ рабочихъ не приняла бы этого нашего рѣшенія". Если бы мое предложенію было бы тогда принято, то Союзъ Московскихъ Типографскихъ Рабочихъ превратился бы въ Союзъ Типографовъ-Соціалъ-Демократовъ; организація лицъ по признаку ихъ принадлежности къ опредѣленному соціальному подклассу превратилась бы въ организацію людей опредѣленныхъ политическихъ воззрѣній; изъ ячейки организаціи класса Союзъ сталъ бы группою сектантовъ. Я не замѣчалъ этой моей ошибки и, борясь съ господствующимъ въ нашей партіи теченіемъ—обѣими фракціями „искризма"—въ сущности стоялъ на одной съ ними почвѣ. И дѣйствительно, организаціонные планы такъ называемыхъ экономистовъ выдержали не только всѣ насмѣшки противниковъ, но и суровую критику жизни; „искризму" пришлось отказаться отъ своего плана организаціи и цѣликомъ

принять планъ своихъ противниковъ; сначала это сдѣлали „меньшевики“ на своей апрѣльской конференціи 1905 г., а затѣмъ и большевики. Въ настоящее время въ нашей партіи безусловно принятъ демократическій принципъ организаціи, бывшій основнымъ требованіемъ „Рабочаго Дѣла“; но этого оказалось далеко недостаточнымъ для того, чтобы наша партія изъ заговорщицкой стала дѣйствительно-классовой. Мы ошибались, надѣясь, что измѣненіе формы организаціи обезпечитъ измѣненіе содержанія старой тактики отъ бланкизма къ организованной массовой классовой борьбѣ. Оказывается, что для достиженія этой цѣли нужны болѣе глубокія перемѣны въ самомъ существѣ веденія нашего дѣла.

Эта ошибка выяснилась для меня постепенно въ теченіе моего полугодового путешествія и я постараюсь здѣсь изложить этотъ процессъ работы мысли и его итоги.

Въ Москвѣ я сдѣлалъ первую попытку убѣдить стоящую внѣ партіи рабочую организацію примкнуть къ партіи на демократическихъ началахъ и потерпѣлъ неудачу. Я видѣлся такъ же съ меньшевистскою группою. Группа предложила мнѣ написать прокламацію по поводу событій на театрѣ войны; я отказывался тѣмъ, что моя манера писать не можетъ быть принята „искровской“ организаціей. Товарищи не согласились съ этимъ и упрекали въ нежеланіи помочь имъ. Поэтому я остался спеціально для этой цѣли еще на два дня въ Москвѣ и составилъ прокламацію, но она, какъ я это зналъ, не была принята группою. Мнѣ было грустно снова убѣдиться, что я не могу быть полезнымъ партійнымъ организаціямъ.

Въ Москвѣ я провелъ такъ же первое мая и былъ въ Сокольникахъ. Событія этого дня произвели на меня самое тяжелое впечатлѣніе. Но этого я коснусь сообщая о видѣнномъ мною въ Петербургѣ, тѣмъ болѣе, что характеръ и значеніе маевки 1905 г. въ Россіи подробно изученъ и описанъ мною въ статьѣ „Первое Мая въ Россіи, въ „Быломъ“ за октябрь—декабрь прошлаго года.

IV.

Въ Петербургъ я пріѣхалъ 5-го мая, когда тамошніе товарищи были подъ сильнымъ впечатлѣніемъ полной неудачи майской демонстраціи и горячо обсуждали ея причины. Однако, тѣ вопросы, которые теперь ставились на очередь, тѣ рѣшенія, которыя теперь напрашивались сами собою, отнюдь не являлись случайными, какъ не являлось случайностью разрушеніе „майскихъ“ надеждъ. Наоборотъ, хотя новые планы и были выдвинуты событіями перваго мая, все же они самымъ тѣснымъ образомъ связаны со всѣмъ ходомъ развитія движенія въ Петербургѣ

и, въ частности, съ фактами зимы 1904—1905 года и составляютъ лишь дальнѣйшее законосообразное движеніе партійной жизни въ Петербургѣ. Я постараюсь вкратцѣ напомнить здѣсь ходъ этого движенія.

Въ моихъ „Очеркахъ" я изложилъ событія до весны 1901 года, до начала стадіи „искризма" въ Петербургѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ во всей Россіи, потому что къ этому времени соціалистическое рабочее движеніе въ различныхъ городахъ приняло единообразный характеръ и стало всероссійскимъ. Послѣ того, какъ на второмъ съѣздѣ партіи появились первые симптомы наступленія новой стадіи, массовое петербургское движеніе по инерціи еще въ теченіе года продолжало развиваться въ прежнемъ направленіи и во главѣ его стоялъ „большевистскій" комитетъ, хотя уже и создались въ Петербургѣ элементы для новаго теченія. Здѣсь было бы неумѣста описывать эту уже изжитую стадію движенія, и я ограничусь тѣмъ, что отмѣчу ея конецъ.

Условною границею между этой стадіей и тою, которую переживаетъ движеніе въ настоящее время, можетъ быть 28-ое ноября 1904 г.: назначенная Комитетомъ на этотъ день манифестація не удалась и окончательно подорвала вліяніе „твердаго" Комитета, обнаруживъ полную оторванность его отъ рабочаго класса. Но если у оффиціальнаго Комитета порвались всѣ связи, то революціонная работа все же очень напряженно велась цѣлой серіей маленькихъ группъ въ два-три человѣка. Комитетъ посылалъ къ нимъ своихъ „оффиціальныхъ организаторовъ", но ихъ никто не хотѣлъ признавать. Къ началу декабря между многими изъ этихъ группъ установились сношенія, и было устроено общее собраніе тайно отъ Комитета. Это собраніе основало объединенную группу подъ именемъ „собранія организаторовъ районовъ", Комитету пришлось помириться съ этимъ уже совершившимся фактомъ, но онъ не признавалъ за группой никакихъ формальныхъ правъ, по этому между Комитетомъ и группою скоро возникъ конфликтъ.

Пріѣхалъ членъ Центральнаго Комитета, тов. М-нъ, и старался помирить спорящихъ; Группа настаивала на томъ, чтобы ей было предоставлено право выпускать прокламаціи, Комитетъ на это не соглашался; тогда Группа потребовала отъ Центральнаго Комитета, чтобы онъ призналъ за нею право на самостоятельное существованіе, иначе угрожала начать свою дѣятельность на свой собственный страхъ и рискъ. Центральный Комитетъ колебался. Группѣ помогъ самъ Комитетъ: онъ заявилъ, что намѣренъ давать работу только „настоящимъ" соціалъ-демократамъ, иначе говоря, только „твердымъ". При такихъ условіяхъ члены Группы должны были выбирать одно изъ двухъ: или отказаться отъ революціонной работы, или отдѣлиться отъ Комитета и создать новую организацію; они избрали, конечно, послѣднее, и Централь-

ный Комитетъ санкціонировалъ ихъ существованіе подъ именемъ „Петербургской Группы при Центральномъ Комитетѣ“. Изъ шести районовъ Петербурга (за Невской заставой, за Нарвской заставой, на Петербургской Сторонѣ, на Выборгской Сторонѣ, на Васильевскомъ Островѣ и Городской) четыре цѣликомъ перешли на сторону Группы, въ пятомъ силы раздѣлились пополамъ между Комитетомъ и Группою.

Такимъ образомъ, во главѣ движенія стала „меньшевистская“ группа и ея побѣда обозначала этапъ въ цѣломъ движеніи. Группѣ представлялся случай радикально измѣнить тактику и организацію, несостоятельность которыхъ уже достаточно обнаружилась; но она на это не рѣшалась и ограничилась палліативами.

Тов. С. И. предложилъ внести выборное начало въ организаціонную систему, но это предложеніе было отклонено: противъ него высказались не только члены группы, но и рабочіе кружки. Впрочемъ, въ Группу вошли товарищи изъ всѣхъ районовъ. На каждомъ заводѣ, гдѣ только имѣлись связи, былъ устроенъ „Заводской Комитетъ“, на которомъ лежала вся работа; его составъ опредѣлялся „сверху“. Представители „Заводскихъ Комитетовъ“ (не выбранные, а отобранные Группою) составляли „Районное Собраніе“. Построивши такимъ образомъ „сверху“ всю организацію, Группа, однако, положила въ основу своей дѣятельности принципъ полнѣйшей освѣдомленности всѣхъ организованныхъ товарищей во всѣхъ дѣлахъ партіи, т. е. всѣ партійныя дѣла и всѣ дѣла Группы передавались на обсужденіе въ „Районныя Собранія“ и „Заводскіе Комитеты“. Это былъ—хотя и очень робкій—поворотъ въ сторону демократизма, который до тѣхъ поръ, со временъ такъ называемаго экономизма, подвергался рѣзкимъ насмѣшкамъ, но который впослѣдствіи получилъ санкцію на „меньшивистской“ конференціи въ Женевѣ въ апрѣлѣ слѣдующаго года.

Представители „Заводскихъ Комитетовъ“ въ Районныхъ собраніяхъ въ моментъ построенія новой организаціи фактически были выразителями взглядовъ своихъ комитетовъ, ими самими составленныхъ; поэтому въ организаціи установилось равновѣсіе, доставившее ей вліяніе, котораго не было у „большевистскаго“ комитета. Но это было неустойчивое равновѣсіе: новая система должна была рано или поздно привести къ новому конфликту между Центральною Группою и заводскими комитетами.

Кромѣ того, скоро обнаружилось, что и „меньшевистская“ группа не смогла отвѣтить на запросы массы. Неудовлетворенные соціалъ-демократіей, петербургскіе рабочіе искали себѣ помощи внѣ ея и встрѣтились съ Гапоновской организаціей. Къ концу декабря 1904 г. Гапонъ стоялъ во главѣ петербургскаго рабочаго движенія. Сознавая это, Группа начала прилагать усилія, чтобы пріобрѣсти вліяніе на Гапоновскихъ собраніяхъ. Долго ея усилія были безу-

спѣшными, и самъ Гапонъ рѣшительно выступалъ противъ с.-д. на публичныхъ собраніяхъ.

2-го января вспыхнула стачка на Путиловскомъ заводѣ, казалось, самомъ отсталомъ къ Петербургѣ. 3-го января за Нарвской заставой произошло огромное собраніе въ 2.000 чел. рабочихъ. Гапонъ произнесъ первую рѣчь, выставляя очень умѣренныя экономическія требованія. Тогда выступилъ с.-д., тов. X.; онъ говорилъ о 8-ми-часовомъ днѣ, объ уничтоженіи штрафовъ и сверхурочныхъ работъ, о повышеніи платы чернорабочимъ до одного рубля въ день; рѣчь его была встрѣчена очень сочувственно: „наконецъ-то, и о насъ вспомнили!“ крикнулъ кто-то изъ толпы, очевидно, чернорабочій. Далѣе говорилъ второй с.-д. о правахъ личной и общественной свободы, которыхъ надо добиваться рабочимъ; его слушали сочувственно. Но когда третій товарищъ заговорилъ о низверженіи самодержавія, его стали перебивать крики: „довольно!“, „долой!“, „жидъ!“.

Часто и послѣ въ отвѣтъ на рѣчи нашихъ товарищей слышались возгласы: „въ пропасть ты насъ тащишь!“, „повѣсить тебя надо!“ С.-д. ораторовъ стали окружать кольцомъ товарищи-рабочіе, чтобы защитить ихъ отъ нападенія со стороны слушателей, и они продолжали говорить; успѣхъ ихъ рѣчей замѣтно росъ. Во многихъ районахъ вліяніе с.-д. настолько возросло, что Гапону приходилось заранѣе совѣтоваться съ нашими товарищами и дѣлать имъ уступки, чтобы заручиться ихъ поддержкою.

Организованные рабочіе противились желанію Группы поддержать гапоновское движеніе, но „Группѣ удалось убѣдить ихъ, что было бы вредно для дѣла, если бы рабочіе-с.-д. оказались въ сторонѣ отъ массоваго движенія; и дѣйствительно, какъ только движеніе вывело рабочихъ на улицу, преобладающее вліяніе на толпу пріобрѣла именно с.-д.

Послѣ 9-го января Группа при Центральномъ Комитетѣ организовала цѣлый рядъ массовокъ по поводу пріема государемъ „делегаціи“ отъ рабочихъ; затѣмъ началась кампанія противъ комиссіи Шидловскаго; она была проведена очень успѣшно, и вліяніе с.-д. на широкіе слои рабочихъ невѣроятно возросло. Казалось, что масса готова идти по указаніямъ с.-д.; казалось, что масса возбуждена и готова къ возстанію. Это настроеніе охватило нашихъ товарищей и увлекло ихъ; была сдѣлана ошибка въ разсчетѣ силъ; было бы необходимо прекратить вовремя побѣдоносную стачку и беречь силы, иначе стачка грозила тянуться безконечно, безрезультатно, и она дѣйствительно довела рабочихъ до изнеможенія. На Путиловскомъ заводѣ, съ его 13.000 рабочихъ, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ бастовали 6 недѣль! Неудивительно, что въ концѣ концовъ сказалось утомленіе, поэтому

кампанія по поводу комиссіи Коковцова и Булыгина прошла уже гораздо болѣе вяло.

Наряду съ этимъ шли приготовленія къ празднованію перваго мая: пропаганда идеи возстанія и, отчасти, приготовленія къ возможному возстанію. Къ этому времени и „большевистскій" Комитетъ ожилъ и усилено велъ свою работу. Мнѣнія раздѣлились по вопросу, выставить ли исключительно очередныя политическія требованія или же формулировать ихъ лишь, какъ частность программы международной рабочей партіи. Группа стала на эту послѣднюю точку зрѣнія и дала слѣдующій лозунгъ: мы зовемъ петербургскихъ рабочихъ на митинги, которые въ случаѣ удачи превратятся въ рабочую демонстрацію и, можетъ быть, въ возстаніе. Такимъ образомъ, и принципіально, во взглядѣ на характеръ и значеніе демонстраціи перваго мая, и практически „меньшевики" въ сущности, стояли на иной же позиціи, что и, большевики", хотя они и подходили къ этому вопросу съ другой стороны—я это показалъ въ статьѣ „Первое Мая въ Россіи". Инстинктивно они избрали новую тактику, но принципіально не смогли ее себѣ обосновать и потому сбивались на старый путь.

Уже во время подготовительныхъ къ маевкѣ работъ становилось очевиднымъ, что существующая организація партіи совершенно недостаточна, чтобы вызвать массовое рабочее движеніе; но товарищи преувеличивали подъемъ настроенія массы и надѣялись на успѣхъ. Было назначено 7 митинговъ, роздано оружіе, распространено 8 прокламацій въ количествѣ около 100.000 экземпляровъ, въ легальныхъ газетахъ помѣщенъ рядъ статей о могущемъ быть избіеніи манифестантовъ: интеллигенція призывалась оказать содѣйствіе пострадавшимъ, организовать медицинскую помощь, предавать гласности акты насилія...

Первое мая приноситъ страшное разочарованіе! На улицу вышли только организованные рабочіе, да и то не всѣ. Организованныхъ было въ это время въ Петербургѣ около трехъ тысячъ; тѣ, которые вышли на демонстрацію, раздѣленные на 7 митинговъ, не произвели никакого впечатлѣнія и создали демонстрацію безсилія!

Эта неудача показала, что въ настоящей своей формѣ организація не только не способна вызвать массовое рабочее выступленіе, но не даетъ даже возможности ознакомиться съ истиннымъ настроеніемъ массы. Уже во время предмайской агитаціи, на собраніяхъ лучшихъ рабочихъ отдѣльныхъ заводовъ проявлялось сильное недовольство с.-д., стало ясно, что всѣ споры Группы съ Комитетомъ — „меньшинства" съ „большинствомъ" — были и оставались совершенно безплодными: на практикѣ Группа очень мало внесла новаго въ тактическомъ и организаціонномъ отношеніи. Принципъ, который Группа считала основнымъ въ своей организаціонной дѣятельности—передавать на обсужденіе

всѣхъ организованныхъ рабочихъ предположенія руководящей группы—оставался пустою фразою и будетъ оставаться ею до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ обусловленъ формальными правами периферійныхъ организацій вліять на рѣшенія центральной группы. Обнаружилось, что значительная часть партійныхъ работниковъ живетъ внѣ партійныхъ организацій и недовольна ими.

Точно также и тактическіе принципы остались не проведенными въ жизнь: массовая агитація, которую Группа желала сдѣлать исходнымъ пунктомъ своей дѣятельности, осталась не осуществленной и агитація Группы не вышла изъ подполья.

Повторяю: усиленные толки шли объ этомъ уже и до перваго мая. Первое мая только демонстрировало вѣрность этихъ соображеній. Послѣ этого началась рѣзкая нервная самокритика, явилось настойчивое желаніе немедленно провести въ жизнь тѣ измѣненія, которыя уже раньше намѣчались; они были формулированы въ резолюціи, предложенной тов. С. И., принятой городскимъ райономъ и затѣмъ очень сочувственно встрѣченной въ другихъ районахъ. Привожу здѣсь ея текстъ:

„Неудача празднованія перваго мая въ нынѣшнемъ году показала разобщенность между партійной организаціей и рабочей массой. Этотъ печальный фактъ заставилъ собраніе агитаторовъ Городского района болѣе подробно остановиться на методахъ нашей работы. Обсудивъ этотъ вопросъ, собраніе пришло къ слѣдующимъ выводамъ.

„1. До сего времени борьба пролетаріата за свои непосредственныя нужды велась при слабомъ участіи с.-д., отрывавшейся благодаря этому отъ жизни широкихъ массъ.

„2. Въ виду того, что въ настоящее время одна подпольная работа не обезпечиваетъ массѣ достаточнаго участія ея въ партійной жизни и отчасти ведетъ къ противопоставленію массы, какъ таковой—партіи, какъ нелегальной организаціи, необходимо послѣдней взять въ свои руки веденіе рабочими профессіональной борьбы на легальной почвѣ, строго связывая эту борьбу съ соціалъ-демократическими задачами.

„3. Для этой цѣли партіи необходимо не только принимать самое дѣятельное непосредственное участіе въ существующихъ уже профессіональныхъ рабочихъ союзахъ, кассахъ и тому под., но и брать на себя иниціативу въ дѣлѣ созданія такихъ организацій, дающихъ возможность объединять болѣе широкія массы на почвѣ ихъ классовыхъ интересовъ.

„4. Въ связи съ этимъ собраніе считаетъ нужнымъ подчеркнуть настоятельную необходимость сдѣлать новые дальнѣйшіе шаги на пути демократизаціи нашей партіи, обезпечивающей большую самостоятельность ея членовъ“.

Эта резолюція была принята 3-го мая, причемъ изъ одиннадцати членовъ собранія за нее вотировали девять и двое воз-

держались отъ голосованія. Уже было сказано, что другіе районы поддержали ее. Она была тотчасъ же напечатана въ „Искрѣ“, въ номерѣ отъ 15-го мая (№ 100). „Петербургскіе товарищи переварили свою неудачу,—говорилось въ длинной передовой статьѣ, посвященной этому вопросу,—они изслѣдовали ея причины и извлекли изъ нея въ высшей степени важный для всей партіи урокъ“.

Въ чемъ же заключалось значеніе этого урока-резолюціи? Вѣрно ли были поняты причины неудачи и вѣрно ли намѣченъ путь къ ихъ устраненію?

V.

Значеніе резолюціи товарища С. И. заключалось въ томъ, что она, разбирая причины майской неудачи, дѣлала выводы, характеризующіе точку зрѣнія, на которую становилось все „меньшевистское“ теченіе нашей партіи; иначе говоря, въ томъ, что она характеризуетъ новую стадію въ развитіи соціалъ-демократіи въ Россіи.

Это не было первымъ проявленіемъ новаго теченія, возникшаго въ партіи осенью 1903 г., во время второго съѣзда, и, въ частности, въ Петербургѣ осенью 1904 г., ко времени ноябрьской демонстраціи. Въ описываемое время эта точка зрѣнія уже ясно сознавалась и лишь была выражена въ резолюціи товарища С. И. Это подтверждаетъ и цитированная уже передовая статья „Искры“ отъ 15-го мая.

„Въ ноябрѣ 1904 г.,—сказано тамъ,—Комитетъ „впередовцевъ“ назначилъ демонстрацію, а „искровцы“—будущая Группа—воспротивились противъ нея и—оказались правы: рабочія массы не пришли на демонстрацію... а въ январѣ 1905 года сотни тысячъ петербургскихъ пролетаріевъ показали, что ихъ можно „поднять“ на демонстрацію“.

„Предмайскую агитацію 1905 года,—продолжаетъ статья,—въ Петербургѣ партія вела съ невиданнымъ до тѣхъ поръ размахомъ; эта агитація, опираясь на предыдущую работу соціалъ-демократіи наполнила собою всю общественную жизнь столицы за время, предшествующее пролетарскому празднику“. На этотъ разъ къ демонстраціи призывали искровцы, но „на сборные пункты явились почти только организованные рабочіе. Сотни тысячъ политически возбужденныхъ рабочихъ, десятки тысячъ вчера еще рукоплескавшихъ нашимъ ораторамъ на предмайскихъ митингахъ и—всего полторы-двѣ тысячи явившихся на призывъ организаціи демонстрировать свои чувства!“

Эти два событія, въ связи съ фактомъ гигантскаго выступленія петербургскаго пролетаріата 9-го января, привели „Искру“ къ совершенно правильному, на мой взглядъ, заключенію.

„Фактъ на-лицо: и до 9-го января, и послѣ него соціалъ-демократія въ Петербургѣ терпитъ неудачу, когда самостоятельно призываетъ пролетаріатъ къ активнымъ дѣйствіямъ. Она терпитъ неудачу, когда пытается это сдѣлать, опираясь на одинъ голый фактъ охватившаго массы политическаго возбужденія; и она снова терпитъ неудачу, когда, приступая къ организаціи новаго массоваго выступленія, опирается уже на энергичную агитаціонную работу нѣсколькихъ мѣсяцевъ, ознаменовавшуюся такими успѣхами, какъ провалъ комиссіи Шидловскаго“.

Такъ какъ это случилось не въ одномъ только Петербургѣ, но и „въ Москвѣ, Харьковѣ, Екатеринославѣ, Ростовѣ, Кіевѣ—почти вездѣ, гдѣ были устроены майскія манифестаціи“, то „Искра“ обобщила петербургскія неудачи и признала, что „мы плохо умѣемъ привлекать массы къ дѣйствіямъ: массы слушаютъ насъ очень сочувственно, онѣ учатся очень охотно, но онѣ не идутъ за нами по нашему призыву“.

Итакъ, фактъ былъ констатированъ. Его признала также и конференція меньшевистскихъ комитетовъ и организацій, собравшаяся совсѣмъ незадолго до 1-го мая и заявившая: „Растущее политическое вліяніе соціалъ-демократіи не находитъ своего отчетливаго выраженія въ соотвѣтствующемъ развитіи партіи“ [1]).

Что же было дѣлать, чтобы измѣнить это печальное положеніе вещей? „Широкая организація—въ этомъ спасенье!“, писалъ одинъ изъ петербургскихъ товарищей въ „Искру“ и редакція находила, что, выдвигая этотъ лозунгъ, „Петербургская группа пришла къ выводамъ, подтверждающимъ ту точку зрѣнія, на которую стала первая общерусская (меньшевистская) конференція. Въ резолюціяхъ конференціи о возстаніи, о профессіональныхъ союзахъ, о неоформленныхъ организаціяхъ, и другихъ рѣзко сказалась эта точка зрѣнія общая всей меньшевистской части партіи“.

Слѣдовательно, не только въ діагнозѣ, но и въ прогнозѣ резолюція тов. С. И. характерна для современной стадіи развитія нашего движенія. Разсмотримъ же ближе, какія мѣры считались раціональными меньшевистскимъ теченіемъ вообще и резолюціей тов. С. И. въ частности.

Въ резолюціяхъ конференціи мы находимъ слѣдующія строки:

„Руководящіе органы партіи, мѣстные и центральные, при настоящемъ положеніи дѣлъ съ большимъ трудомъ и въ очень несовершенной степени могутъ поддерживать необходимую постоянную политическую связь съ передовыми слоями рабочихъ. Это обстоятельство само по себѣ является тормазомъ дальнѣйшаго развитія с.-д., какъ признанной пролетаріатомъ выразительницы его классовыхъ интересовъ. Съ одной стороны, с.-д. не

---

[1]) См. Особое прилож. къ № 100 „Искры.“ „Первая общерусская конференція партійныхъ работниковъ“. Женева. 1905.

можетъ всегда въ своихъ боевыхъ дѣйствіяхъ увѣренно разсчитывать на то, что пролетарскія массы за нею пойдутъ, съ другой стороны, она лишается возможности провѣрять свою политику отношеніемъ къ ней передовой части пролетаріата".

„Въ нынѣшній моментъ общаго революціоннаго подъема въ массахъ пролетаріата сильнѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ классахъ, проявляется характерное для этого момента стремленіе къ организаціи на почвѣ защиты своихъ политическихъ и профессіональныхъ интересовъ. Необходимо, чтобы с.-д. овладѣла этимъ могучимъ движеніемъ, чтобы она включила въ себя и политически воспитывала въ своихъ рядахъ всѣ выдѣляемые пролетаріатомъ сознательные элементы".

Точно также смотрѣла на дѣло и Петербургская меньшевистская организація. Въ письмѣ, приводимомъ въ передовицѣ „Искры", петербургскій товарищъ говоритъ: „Серьезной постановкой руководства профессіональной борьбой, необходимость объединенія для которой уже сознана рабочими массами, создадимъ прочную основу для роста вліянія нашей партіи; на собраніяхъ обществъ, обсуждающихъ всѣ вопросы, интересующіе рабочаго, будемъ отбирать элементы, выдвигающіеся и годящіеся въ нашу боевую партійную политическую организацію, которая пусть представляетъ собою не хаотическое сборище полусознательныхъ, просто революціонно-настроенныхъ рабочихъ, а сплоченіе рабочихъ соціалъ-демократовъ, организовавшихся для подобной агитаціи, руководящихъ профессіональными союзами и заводскими кассами и опирающихся на нихъ".

Цитируя это письмо, „Искра" отъ себя добавляетъ: „Можно съ увѣренностью сказать, что только работа въ направленіи, намѣченномъ въ этомъ письмѣ, позволитъ соціалъ-демократіи справиться съ той стихіей, которая до сихъ поръ порабощала ее себѣ".

Какъ видно изъ всѣхъ этихъ цитатъ, резолюція тов. С. И. дѣйствительно выражала въ формѣ инструкціи очередную задачу „меньшевиковъ": создать широко-демократическую организацію и приноровить свою тактику къ запросамъ стихійнаго массоваго рабочаго движенія.

Оно и не удивительно: эти принципы были основными лозунгами „Рабочаго Дѣла"; тов. С. И. былъ однимъ изъ основателей и однимъ изъ самыхъ упорныхъ сторонниковъ „Рабочаго Дѣла", а слѣдовательно и этихъ принциповъ, онъ ихъ и выразилъ въ своей резолюціи; новая стадія соціалъ-демократическаго движенія, какъ всякій синтезисъ, явилась отрицаніемъ отрицанія „рабочедѣльчества" и въ этомъ смыслѣ есть возвратъ къ нему, обогащенный всѣмъ сложнымъ опытомъ организованной политической борьбы періода „искризма".

Резолюція тов. С. И. формулировала очередную задачу „мень-

шевиковъ". Но выражала ли она *всѣ* тѣ взгляды, которые характерны для „меньшевистскаго" теченія, и которые такъ ярко выражены въ вышеприведенныхъ цитатахъ изъ резолюцій конференціи и изъ „Искры"? Конечно, нѣтъ. Она не является типично „меньшевистской", напротивъ, она таитъ въ себѣ тенденціи, рѣзко расходящіяся съ тенденціями „Искры".

Прочитавши мою послѣднюю книжку, тов. С. И. вполнѣ согласился съ тѣмъ освѣщеніемъ, которое я придалъ борьбѣ теченій въ нашей партіи, но замѣтилъ, что не можетъ присоединиться къ моимъ надеждамъ на демократизацію организаціи партіи. Сначала это меня очень удивило, но онъ пояснилъ, что такая демократизація теперь уже запоздала: „Партія слишкомъ долго вывяливала, какъ воблу, своихъ членовъ и теперь въ нашихъ кружкахъ собраны далеко не лучшіе элементы рабочаго класса [1]); для того, чтобы передать „демосу" партіи самоуправленіе, надо бы было, чтобы къ ней примкнули тѣ, кто отъ нея ушелъ. Конечно, если бы къ нашей партіи могъ примкнуть каждый желающій служить дѣлу освобожденія своего класса рабочій, то широкій демократизмъ организаціи былъ бы необходимъ... Если бы внѣ нашей партіи сорганизовалась партія, охватывающая широкіе круги рабочаго класса, для меня не было бы вопроса, въ какихъ рядахъ быть!"

Странное дѣло! Тогда я не отнесся съ должнымъ вниманіемъ къ этимъ словамъ. Я очень цѣнилъ мнѣнія тов. С. И., кромѣ того, онъ уже болѣе полугода работалъ тогда нелегально въ Петербургѣ, соприкасаясь съ самыми широкими слоями рабочаго класса; но такъ какъ у меня не было никакого представленія о томъ, какимъ образомъ могла бы быть осуществлена его мысль, то я только запомнилъ, но не вдумался въ его слова; впослѣдствіи же мнѣ часто приходилось ихъ вспоминать.

Мои соображенія были направлены исключительно на то, какимъ образомъ обезпечить присоединеніе къ существующей теперь организаціи нашей партіи всѣ сознательные элементы рабочаго класса; самые крайніе представители „меньшевизма" [2]) и теперь цѣликомъ стоятъ на этой точкѣ зрѣнія. Мнѣ кажется, теперь, послѣ моей

[1]) Этотъ пессимистическій взглядъ тов. С. И. на составъ нашей партіи отнюдь не принадлежитъ ему одному. „Искра" помѣстила въ цитируемой статьѣ безъ всякихъ оговорокъ такой же отзывъ ея петербургскаго корреспондента; „хорошіе рабочіе гапоновцы-соціалъ-демократы говорятъ: зачѣмъ я къ вамъ пойду? я и такъ все это знаю"; въ итогѣ—у насъ самый молодой, самый невліятельный элементъ среди рабочихъ. „У васъ все молодяшникъ,—говорилъ рабочій-гапоновецъ,—вы его раскаляете, а онъ васъ; масса же на рабочую партію, которая ея должна быть, смотритъ, какъ на чужую".

[2]) Напр., тов. Ю. Ларинъ; см. его брошюру „Широкая Рабочая партія и рабочій Съѣздъ". Позиція П. Б. Аксельрода въ этомъ вопросѣ остается неясною.

поѣздки, что никакія реформы организаціи не помогутъ дѣлу нашей партіи. Если бы 4 года тому назадъ интеллигентская организація соціалъ-демократовъ не задушила первые, тогда еще молодые побѣги пролетарской партіи, первыя, еще не развитыя формы пролетарскихъ организацій, онѣ были бы теперь сильными, крѣпкими и соотвѣтствовали бы гигантскому развитію стихійнаго пролетарскаго движенія; если бы *тогда* былъ принятъ демократическій принципъ организаціи, ей былъ бы обезпеченъ путь непрерывнаго развитія въ полномъ соотвѣтствіи съ ходомъ развитія самаго движенія. Но этого не случилось. Пролетарское движеніе не умѣстилось въ узкихъ рамкахъ интеллигентской соціалъ-демократіи и прокладываетъ себѣ русло въ сторонѣ отъ нея. Теперь уже недостаточны реформы внутри партіи,—необходимо измѣнить самое нутро ея.

Эти мысли не были выражены въ резолюціи тов. С. И., но онѣ потенціально заключались въ ней, тогда какъ резолюціи конференціи и передовица „Искры" противорѣчили имъ. Въ самомъ дѣлѣ, резолюція т. С. И. желала „обезпечить участіе массы въ партійной жизни", а „Искра" смотрѣла на эту массу, какъ на „хаотическое сборище полусознательныхъ, просто революціонно настроенныхъ рабочихъ". Естественно поэтому, что „Искра" стремилась *„отбирать"* „элементы, выдвигающіеся на собраніяхъ обществъ, обсуждающихъ всѣ вопросы, интересующіе рабочаго", отбирать ихъ „въ боевую политическую партійную организацію, руководящую профессіональными союзами и опирающуюся на нихъ", а резолюція тов. С. И. видитъ зло „въ противопоставленіи массы, какъ таковой, партіи, какъ нелегальной организаціи". У „Искры" рабочая масса для партіи, а у тов. С. И.—партія для рабочей массы!

Это противорѣчіе должно явиться исходнымъ пунктомъ для возникновенія новаго теченія въ нашей партіи, когда стадія неоискризма будетъ изжита. До сихъ поръ въ „меньшевистскомъ" лагерѣ еще не сознано это.

VI.

Далѣе я направился въ Ригу и на западную границу съ цѣлью получить контрабанднымъ путемъ изъ-за границы мои книжки. Я торопился на югъ Россіи и въ мои цѣли не входило изучать еврейское и латышское движеніе; но хлопоты о транспортѣ задержали меня здѣсь на цѣлый мѣсяцъ и я побывалъ, кромѣ Риги, въ Гроднѣ, Лодзи и Варшавѣ. Я могъ бы поэтому поучиться на опытѣ латышскихъ и еврейскихъ товарищей, но одно обстоятельство лишило меня критеріума для изученія ихъ дѣлъ.

Я писалъ въ моей книжкѣ, что Бундъ подобенъ сердцу въ

единомъ соціальномъ организмѣ еврейскаго пролетаріата. Побывавши въ районѣ дѣятельности Бунда, я вынесъ впечатлѣніе, что такое сравненіе совершенно правильно; я не ошибался въ оцѣнкѣ вліянія Бунда на всю общественную жизнь Западнаго Края. Въ чемъ же заключается тайна силы Бунда? Такъ какъ для меня былъ тогда центральнымъ вопросъ организаціонный, то я объяснялъ это демократизмомъ организаціи Бунда.

Однако, какъ оказалось, это было ошибочно. Я убѣдился, что за послѣдніе годы избирательныя права периферійныхъ организацій Бунда окончательно исчезли, и вся организація строится „сверху".

Это обстоятельство настолько меня удивило, что я не могъ оріентироваться въ томъ механизмѣ, который приводилъ въ движеніе все вокругъ меня. Я бесѣдовалъ съ членами комитетовъ Бунда и самъ прочиталъ три реферата объ очередныхъ задачахъ и о ходѣ развитія нашего движенія. Товарищи изъ Бунда не указали мнѣ, въ чемъ ошибка моихъ сужденій, а ошибка, очевидно, была: то, что вытекало логически изъ моихъ сужденій, не соотвѣтствовало реальной дѣйствительности.

Я уѣхалъ изъ Западнаго Края, не разрѣшивъ себѣ моего недоумѣнія; только теперь оно мнѣ разъяснилось.

Уѣзжая, я замѣтилъ, что вопреки обыкновенію почти ничего не записалъ ни о Ригѣ, ни о Лодзи, ни о Варшавѣ; только о гродненскихъ событіяхъ были сдѣланы небольшія наброски. Мнѣ кинулись въ глаза нѣкоторые факты, и я записалъ ихъ, не думая, каково ихъ значеніе. Но теперь мнѣ кажется, что это дѣйствительно характерные факты, и характерно, что ихъ вспомнили мои разсказчики, и именно ихъ я записалъ, хотя вокругъ меня ежедневно совершались несравненно болѣе эффектныя событія: буквально каждый день приходили вѣсти о террористическихъ убійствахъ и однажды въ Варшавѣ убили околоточнаго у воротъ сосѣдняго дома съ тѣмъ, гдѣ я жилъ; въ Лодзи я былъ за два дня до революціонной вспышки, можно сказать возстанія, 5-го іюня; въ Гроднѣ я провелъ время всеобщей забастовки, организованной съ цѣлью протеста противъ варварскаго усмиренія Лодзи. А между тѣмъ только нижеслѣдующее сохранилось въ моихъ запискахъ изъ всѣхъ этихъ воспоминаній.

Гродно представляетъ собою типичный непромышленный городъ. Тѣмъ не менѣе въ числѣ 57 тысячъ жителей онъ насчитываетъ около 5 тысячъ рабочихъ; вотъ главнѣйшія ихъ группы и распредѣленіе по фабрикамъ и мастерскимъ: фабрика Шерешевскаго—1.800; переплетная Харина—200; переплетная Лангборша—80; чугунно-литейная мастерская Фаингольда—75; слесарная мастерская Шерешевскаго — 40; мельница Ландау—50; лѣсопильня—60; портныхъ—250; столяровъ—150; портнихъ и бѣлошвеекъ—250; пекарей—120; приказчиковъ—350; прислуги—350;

типографскихъ рабочихъ—300; строительныхъ рабочихъ—150; кожевниковъ—50; сапожниковъ—110. Всего—4.475; сверхъ того, имѣются въ небольшомъ числѣ слесаря, извозчики, мясники, шапочники и др.

Уже въ серединѣ 90-хъ годовъ въ Гродно существовала соціалъ-демократическая группа, которая вела пропаганду среди рабочихъ. Когда, осенью 1897 г., создался Всеобщій Еврейскій Рабочій Союзъ, въ Гродненской соціалъ-демократической группѣ возникъ вопросъ о присоединеніи къ Союзу. Послѣ долгихъ обсужденій программы и тактики Бунда часть членовъ соціалъ-демократической группы объявила себя Комитетомъ Бунда, другая же часть находила Бундъ „экономической“ организаціей и потому отдѣлилась отъ Комитета и основала „Еврейскій Рабочій Союзъ“. О взглядахъ этого союза трудно судить, потому что онъ не оставилъ никакихъ программныхъ заявленій; сначала онъ призналъ свою солидарность съ Петербургскою Группою „Рабочаго Знамени“, съ которой соединилась тогда и Бѣлостокская группа оппозиціи Бунда, носившая имя „Группы Рабочихъ-Революціонеровъ“, а затѣмъ примкнулъ къ „Польской Соціалистической Партіи“ (P. P. S.).

Комитетъ Бунда занялся распространеніемъ бундовскихъ изданій и изданіемъ собственныхъ прокламацій преимущественно экономическаго характера. Майское празднество впервые организовано въ Гродно въ 99 г., когда собралось человѣкъ 60, было поднято красное знамя и произнесены рѣчи, между прочими и о низверженіи самодержавія. Въ 1900 г. на майскомъ собраніи было уже около 200 человѣкъ.

Среди рабочихъ Камитетъ организовалъ около десятка фаховыхъ кассъ, состоявшихъ изъ 10—20 человѣкъ каждая. Фаховыя сходки пополнялись кооптаціей, но объявляли себя дѣйствующими именемъ всего фаха, а потому всѣ, даже и неорганизованные рабочіе, обсуждали ихъ дѣйствія и иногда подъ давленіемъ ихъ критики дѣйствій кассы приходилось измѣнять ея составъ. Каждая фаховая сходка избирала своего представителя въ „Центральную Кассу“, которая имѣла значеніе теперешней Агитаторской сходки. Въ нее же входили, какъ полноправные члены ея, и члены Комитета Бунда. Послѣ четвертаго съѣзда Бунда эти организаціонныя начала были постепенно вытѣснены и теперь во главѣ всего движенія стоитъ невыборная Агитаторская сходка и невыборный Комитетъ.

Въ тактическомъ отношеніи переходъ отъ кружковой пропаганды къ агитаціи совершился въ Гродно въ 98 г., когда началось массовое стачечное движеніе. Первую стачку въ Гродно устроили въ 98 г. столяры. Сюда пріѣхалъ одинъ сознательный столяръ изъ Бѣлостока и велъ очень усиленно пропаганду въ своемъ фахѣ: вспыхнувшая стачка нашла сознательныхъ руково-

дителей и прошла удачно. Требовали сокращенія рабочаго дня до 12 ч. (въ томъ числѣ двухчасового перерыва), увеличенія заработной платы и вѣжливаго обращенія. Въ стачкѣ участвовало 200 человѣкъ, успѣхъ былъ полный. Были ли арестованные и сколько длилась стачка—мнѣ неизвѣстно. Объ этомъ успѣхѣ заговорили рабочіе всѣхъ фаховъ и стачки стали возникать одна за другою, причемъ требованіе 12-ти часового рабочаго дня было общимъ лозунгомъ.

Этотъ стачечный періодъ закончился съ 1900 годомъ. Послѣ этого стачки были сравнительно рѣдко. Слѣдуетъ, впрочемъ, отмѣтить стачки на табачной фабрикѣ Шерешевскаго, описанные въ свое время въ „Послѣднихъ Извѣстіяхъ“.

Новое стачечное движеніе проявилось послѣ 9-го января 1905 г. Повсюду было выставлено требованіе 11-ти часового рабочаго дня (въ томъ числѣ 2 часа на отдыхъ), кромѣ приказчиковъ и булочниковъ, которые требовали 12-ти часового дня. Бастовали заготовщики-кожевники („валкеры“), сапожники, типографщики, портные, папиросники, паковщики, ломовые и легковые извозчики, фонарщики, пожарные; булочники закончили эту кампанію: ихъ стачка началась 8-го іюня и кончилась 17-го того же мѣсяца.

Такимъ образомъ за эти два стачечныхъ періода продолжительность рабочаго дня сократилась съ 12—13-ти часовъ эффективной работы до 9—10-ти часовъ, т. е. на 25%. Высота заработной платы колеблется въ гораздо большей степени по ремесламъ, чѣмъ продолжительность рабочаго дня; особенно низка она у женщины: подростки-портнихи получаютъ по 50 коп. въ недѣлю; средній заработокъ портнихи и бѣлошвейки можно принять за 6—8 руб. въ мѣсяцъ; на папиросной фабрикѣ Шерешевскаго плата сдѣльная: вырабатываютъ въ ручномъ папиросномъ отдѣленіи отъ 90 к. въ недѣлю до 3 р. 50 к., тамъ работаютъ 320 папиросницъ; въ машинно-папиросномъ отдѣленіи вырабатываютъ отъ 1 до 4 руб. въ недѣлю; до введенія машинъ заработокъ былъ выше; мужчины получаютъ отъ 4 до 8 руб. въ недѣлю. Типографы, переплетчики и слесаря зарабатываютъ 30—40 руб. въ мѣсяцъ, кожевники столько же. Стачечное движеніе 1905 г. повсюду подняло плату на 25%, въ отдѣльныхъ случаяхъ завоеванія колебались отъ 10 до 60%; точно также отозвалось на заработной платѣ и прошлое стачечное движеніе 1898—1900 гг., впрочемъ, движеніе 1905 г. принесло, пожалуй, даже большіе результаты. Слѣдовательно, съ 98 г. заработная плата въ среднемъ уполуторилась; у кожевниковъ она удвоилась!

Итакъ, заработокъ и продолжительность работы за эти семь лѣтъ очень значительно измѣнились въ пользу рабочаго, экономическая борьба принесла существенные результаты: движеніе, свя-

ванное съ событіемъ 9-го января, подняло на 25% уровень благосостоянія гродненскихъ рабочихъ!

И точно такъ же, какъ въ Гродно повсюду у Бунда базою борьбы въ организаціонномъ и политическомъ отношеніи были экономическіе интересы пролетаріата. Революціонная энергія еврейскихъ соціалъ-демократовъ выливалась въ формы борьбы, доступныя широкимъ кругамъ рабочаго класса. По какимъ-то причинамъ организованные и сознательные соціалъ-демократы жили и дѣйствовали въ униссонъ со стихійнымъ рабочимъ движеніемъ и поэтому масса признавала ихъ своими вожаками.

Не можетъ подлежать сомнѣнію, что еврейская с.-д. интеллигенція стоитъ гораздо ближе по своему соціальному происхожденію и положенію къ рабочей массѣ, чѣмъ въ русскомъ движеніи. Кромѣ того, у Бунда нерѣдко цѣлые комитеты были составлены исключительно изъ рабочихъ. Бундъ не выдвинулъ своихъ теоретиковъ; всѣ его споры съ Польской Соціалистической Партіей, съ соціалистами-революціонерами, съ Россійской Соціалъ-Демократической Рабочей Партіей носили чисто практическій характеръ. Глубоко интересенъ фактъ, что эта старѣйшая и сильнѣйшая въ Россіи соціалъ-демократическая организація до сихъ поръ ни разу не попыталась формулировать свою программу или хотя бы въ отдѣльныхъ теоретическихъ резолюціяхъ обосновать свою практическую дѣятельность.

Это отнюдь не можетъ быть объяснено національными чертами еврейскаго характера, давшаго человѣчеству столько глубокихъ мыслителей. Еврейскіе соціалисты въ Россіи (не говоря уже о Западной Европѣ) выдвинули изъ своей среды не мало теоретиковъ научнаго соціализма и въ частности нашей тактики; но эти товарищи не были въ организаціи Бунда, или, если даже получали въ его рядахъ политическое воспитаніе, удалялись въ другія организаціи.

Само собою разумѣется, что это составляетъ крупный недостатокъ Бунда, который я уже неоднократно отмѣчалъ въ другихъ моихъ статьяхъ и книжкахъ; но цѣною этого опрощенія с.-д. стала всего на одинъ шагъ впереди еврейской рабочей массы и была признана массою. Равновѣсіе с.-д. было неустойчивымъ, безъ теоретическихъ основъ, но она эмпирически находила всегда своевременно, благодаря своимъ связямъ съ массою, какъ надо перемѣстить свой центръ тяжести, чтобы снова быть впереди. Бундъ представляетъ въ международномъ движеніи рѣдкій примѣръ организаціи рабочихъ *массъ*, построенной „сверху". Такую гармоничную, цѣльную, всестороннюю организацію рабочаго класса создала лишь одна Бельгійская Рабочая Партія, но она вся вплоть до Центральнаго Комитета построена на строго-демократическихъ началахъ, снизу вверхъ.

Указывая на экономическіе интересы пролетаріата, какъ на

основу дѣятельности Бунда, я вовсе этимъ не говорю, что сфера вліянія Бунда была ограничена экономической борьбой рабочихъ; въ моихъ очеркахъ по исторіи соціалъ-демократіи въ Россіи и въ изслѣдованіи о первоемъ мая я достаточно уже отмѣтилъ, что Бундъ былъ и остается выразителемъ лучшихъ тенденцій пролетарскаго движенія; въ борьбѣ поднялась, сдѣлалась выше самая личность еврейскаго рабочаго; мало того, организованный еврейскій рабочій классъ или—что то же—Всеобщій Еврейскій Рабочій Союзъ безусловно были авангардомъ въ дѣлѣ національнаго возрожденія и обновленія еврейскаго народа...

Но я спрашивалъ себя: что если бы наше русское движеніе стало бы, какъ двѣ капли воды, похоже на дѣятельность Бунда, чувствовалъ ли бы я себя удовлетвореннымъ? И каждый разъ, не колеблясь ни минуты, я отвѣчалъ себѣ: нѣтъ!

Какъ агитаторъ, какъ пропагандистъ, какъ дающій, я бы имѣлъ полный просторъ моей дѣятельности; но какъ личность, какъ участникъ движенія, какъ ищущій, я былъ бы въ гораздо худшей обстановкѣ, чѣмъ теперь. Тогда у насъ внѣ дѣйствующихъ соціалистовъ возникъ бы особый кругъ соціалистовъ ищущихъ и снова исканіе отдѣлилось бы отъ дѣйствія, теорія, философія, этика и эстетика опять должны были бы уйти и ушли бы изъ жизни, потому что жизнь игнорировала бы ихъ, чуралась бы, какъ докучливаго ментора.

Мы дѣлали бы свое дѣло въ народной жизни, организуя разрушительную силу пролетаріата, но творческихъ силъ не было бы въ насъ и они искали бы себѣ пріюта внѣ нашей партіи.

Но это—отчасти въ значительной степени—уже и случилось теперь, отсюда—историческое оправданіе существованія прогрессивныхъ партій, иныхъ, чѣмъ наша партія. Если бы наша партія побѣдила всѣ другія при данныхъ условіяхъ и стала бы у власти, она не смогла бы исполнить своей миссіи и потому она, при данныхъ условіяхъ, не побѣдитъ или, побѣдивъ, приведетъ страну къ катастрофѣ и вернетъ ее снова въ эпоху политической и общественной реакціи. Отсюда—объективная необходимость борьбы противъ насъ со стороны этихъ по существу своему прогрессивныхъ силъ и возможность или даже неизбѣжность нашего временнаго пораженія.

Вл. Акимовъ-Махновецъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Неурожаи въ Россіи и ихъ соціально-экономическія причины.

I.

За послѣднее время значительная часть крестьянскаго населенія въ Россіи изъ года въ годъ переживаетъ состояніе хронической голодовки благодаря „недородамъ“, „недоборамъ“ и т. д. Еще большая часть живетъ на границѣ голода и все чаще и чаще принуждена бываетъ выходить изъ этого неустойчиваго равновѣсія. Теперь не подлежитъ уже никакому сомнѣнію, что „недороды“ эти и сопряженныя съ ними голодовки милліоновъ населенія отнюдь не представляютъ мѣстнаго, а тѣмъ болѣе случайнаго явленія; они коренятся во всемъ строѣ нашей жизни. Въ хроническихъ голодовкахъ значительной массы населенія, какъ въ зеркалѣ, отражаются соціально-политическія условія страны, развитію производительныхъ силъ которой поставлены преграды въ видѣ пережитковъ крѣпостничества.

Исторія даетъ намъ много примѣровъ того, какъ временами въ жизни той или другой страны наступали потрясенія, сопровождавшіяся учащенными неурожаями, голодовками и т. п. Такъ было, напр., во Франціи въ періодъ, предшествовавшій Великой революціи; такъ было, затѣмъ, въ XIII в. въ Англіи, въ XIV в. въ Германіи и т. д. Это же явленіе имѣетъ мѣсто въ настоящее время и въ Россіи.

Неурожаевъ и голодовокъ и раньше бывало у насъ не мало,—среднимъ числомъ около 8 болѣе или менѣе крупныхъ неурожаевъ въ столѣтіе. Низкій уровень техники натуральнаго хозяйства не могъ предохранить населеніе отъ разрушительнаго дѣйствія періодически повторявшихся засухъ и т. под. неблагопріятныхъ метеорологическихъ условій. Населеніе каждой отдѣльной мѣстности, изолированное отъ населенія сосѣднихъ об-

ластей, подвергалось въ такихъ случаяхъ всѣмъ ужаснымъ послѣдствіямъ неурожая, голодало, вымирало и т. д. [1]).

Наши предки менѣе всего были склонны искать объясненія періодическихъ голодовокъ въ соціальныхъ отношеніяхъ и обращали свои взоры на небо, оттуда ожидали себѣ всего хорошаго и всего плохого. Благодаря низкому уровню техники, отъ нихъ ускользалъ самый фактъ основной зависимости тогдашнихъ голодовокъ отъ низкой степени развитія производительныхъ силъ. Въ настоящее время эта зависимость никѣмъ давно уже не оспаривается, но, съ другой стороны, нельзя и сказать, чтобы ей давалась въ большинствѣ случаевъ болѣе или менѣе полная оцѣнка. Вспомнимъ, напримѣръ, тѣ толки, которые возникли и въ печати, и въ ученыхъ обществахъ, и въ земскихъ собраніяхъ по поводу неурожая 1891 г. Одни винили тогда нашу податную систему, другіе корень зла усматривали въ общинѣ или въ семейныхъ раздѣлахъ, третьи ставили на видъ низкій уровень техники крестьянскаго хозяйства и т. д., и т. д., но *общую оцѣнку* явленія, какъ продукта всего строя соціальныхъ отношеній того времени, мы нигдѣ почти не встрѣчаемъ тогда. Такимъ образомъ, сплошь и рядомъ изъ-за деревьевъ не видѣли лѣса и, пытаясь свести все къ тому или другому отдѣльному фактору (обременительности налоговъ, низкому уровню техники сельскаго хозяйства и пр.), упускали изъ виду общую зависимость между участившимися неурожаями, голодовками и всѣмъ строемъ отношеній, порождавшихъ ихъ. Въ настоящее время, когда „недороды" и обусловленныя ими голодовки на пространствѣ многихъ губерній до крайности обострились и приняли прямо-таки разрушительный характеръ, связь ихъ съ общими соціальными условіями, переживаемыми страной, стала слишкомъ очевидной, чтобы можно было ограничиваться ссылкой на ту или другую частную причину, сколь бы важна сама по себѣ она ни была.

Если бы мы проанализировали „недороды" въ различныхъ странахъ, въ разныя эпохи, мы увидѣли бы тогда, какой своеобразный характеръ получаетъ это явленіе при различныхъ историческихъ условіяхъ. Будучи всегда и вездѣ симптомомъ задержки, а иногда и регресса въ ростѣ производительныхъ силъ страны, „недороды", а затѣмъ и массовыя го-

---

[1]) Чтобы составить понятіе о томъ, въ какія условія попадало населеніе при этихъ мѣстныхъ неурожаяхъ въ сравнительно недавнее еще время, достаточно указать, напр., на такой фактъ. Во время сильнаго неурожая 1833 г. цѣны на рожь колебались отъ 3 р. 70 к. (весной) до 31 р., а мѣстами и до 61 р. за четверть (зимой). (См. П. Л. Корфъ. По поводу неурожая нынѣшняго года. „Труды вольно-экономическаго общества", 1891 г., № 6, стр. 205). Чтобы оцѣнить значеніе этихъ колебаній, укажемъ, напр., что въ 1891 году, т. е. въ наиболѣе тяжелый за последнее время, цѣна ржи колебалась лишь въ предѣлахъ отъ 60 к. до 1 р. 70 к. за пудъ.

лодовки земледѣльческаго населенія неизмѣнно носятъ на себѣ печать эпохи, служатъ отраженіемъ экономическихъ и политическихъ отношеній, господствующихъ въ данной странѣ. Не вдаваясь глубоко въ исторію, мы остановимся въ настоящей статьѣ на неурожаяхъ и голодовкахъ пореформеннаго времени въ Россіи и прослѣдимъ на нихъ процессъ отмиранія стараго крѣпостническаго строя, не закончившійся, къ сожалѣнію, и нынѣ.

II.

Въ 60-ые годы, вскорѣ же послѣ отмѣны крѣпостного права, многія губерніи были охвачены крупными неурожаями. Наиболѣе значительные изъ нихъ были въ 1863, 1865 и 1867 гг. То обстоятельство, что Россія порядочное время до этого не знала серьезныхъ неурожаевъ [1]), давало крѣпостникамъ поводъ къ разсужденіямъ на тему о „добромъ старомъ времени“ и къ обвиненіямъ реформы 19-го февраля. Это указаніе связи между актомъ 1861 г. и послѣдовавшей хозяйственной дезорганизаціей деревни, однимъ изъ первыхъ симптомовъ которой явились участившіеся неурожаи, по существу своему было справедливо, но въ иномъ смыслѣ, чѣмъ думали крѣпостники. Именно, незаконченность реформы явилась одной изъ основныхъ причинъ, дезорганизовавшихъ жизнь русской деревни и продолжающей тяготѣть надъ страной до сихъ поръ.

Неурожаи 1863, 65 и 67 гг. въ общемъ не привлекли къ себѣ такого вниманія, какого они въ дѣйствительности заслуживали. Угаръ „великихъ реформъ“ разсѣивался лишь постепенно, по мѣрѣ того, какъ голодовки, неурожаи и т. п. явленія наглядно демонстрировали шаткость экономической основы освободительной реформы и ея недодѣланный характеръ.

Особенно рѣзко выдвинулся этотъ вопросъ по поводу самарскаго голода 1873 г., явившагося хорошимъ предостереженіемъ пореформенной Россіи и показавшимъ настоятельную необходимость дальнѣйшаго развитія реформъ. Констатируя это, извѣстный самарскій земецъ А. Хардинъ писалъ тогда, между прочимъ, слѣдующее: „Разореніе и голодъ почти половины Самарской губерніи не есть вовсе случайный результатъ 2—3-хъ послѣдовательныхъ неурожаевъ, какъ думаютъ многіе“. Причина его кроется въ томъ, что „даже въ годы, вполнѣ благопріятные, крестьянинъ имѣетъ весьма слабую возможность сводить концы съ концами въ своемъ скудномъ бюджетѣ“, — и вообще, какъ полагалъ г. Хардинъ, неурожай 1873 г. „не произвелъ особенно существеннаго ухудшенія въ положеніи крестьянъ“ по той простой причинѣ, что ухудшить его значительно уже нельзя было [2]).

---

[1]) Послѣдніе изъ нихъ были въ 1833, 1839—40 гг.

[2]) „Голосъ“, 1873 г., № 258.

Предостереженіе, данное неурожаями 60-хъ и 70-хъ годовъ, прошло для правящихъ сферъ совершенно безслѣдно. Правда, въ 1872 г. была учреждена такъ называемая Валуевская комиссія, имѣвшая цѣлью „разъяснить вопросъ объ увеличеніи или уменьшеніи въ общемъ итогѣ производительнаго труда населенія Россіи", но комиссія эта болѣе стремилась не къ объективному изслѣдованію, а лишь къ тому, чтобы опровергнуть „неопровергаемые изъ среды правительственныхъ учрежденій толки печати и общества о бѣдственномъ положеніи народа", и никакихъ практическихъ результатовъ она не имѣла. Наоборотъ, съ этого именно времени крѣпостническая реакція поднимаетъ голову выше и стремится отнять у крестьянъ даже и то, что было оставлено за ними „великой реформой" 1861 г.: непомѣрно увеличивается тягость обложенія, санкціонируются невыгодныя для крестьянъ выкупныя сдѣлки и т. д., и т. д.

Неурожаи 70-хъ годовъ, прошедшіе безслѣдно для правительства, дали толчокъ къ разработкѣ вопроса въ литературѣ, причемъ былъ произведенъ рядъ цѣнныхъ работъ, имѣвшихъ въ виду разобраться въ причинахъ разоренія деревенскихъ массъ.

Высказывавшіеся по этому поводу взгляды сводились, въ сущности, къ двумъ основнымъ: одни, во главѣ съ проф. Янсономъ, видѣли главную причину обнищанія массъ въ недостаточности надѣловъ, въ несоотвѣтствіи ихъ основнымъ потребностямъ крестьянина,—а другіе, вмѣстѣ съ кн. А. И. Васильчиковымъ, подчеркивали обременительность крестьянскихъ платежей. Оставляя въ сторонѣ этотъ споръ о первопричинѣ, мы должны констатировать, что обѣ названныя точки зрѣнія дополняли одна другую и въ то же время онѣ, вмѣстѣ взятыя, лишь отчасти объясняли кризисъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Крестьянство, снабженное сильно уменьшенными надѣлами и лишенное достаточныхъ матеріальныхъ средствъ, было запряжено везти колесницу помѣщичьяго государства. Условія, при которыхъ совершалось ликвидированіе натуральнаго хозяйства и форсированное водруженіе буржуазно-крѣпостническаго строя подъ эгидой самовластной бюрократіи, тяжело отзывались на массахъ и являлись непосредственной причиной дезорганизаціи экономической жизни деревни, а также и участившихся въ то время „недородовъ", голодовокъ и т. п.

Въ теченіе послѣдующихъ лѣтъ, послѣ самарскаго голода, болѣе или менѣе сильные неурожаи повторялись въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, преимущественно тамъ, гдѣ по естественнымъ условіямъ производительность земли должна была бы быть наилучшей, именно въ среднемъ Поволжьѣ, въ восточныхъ и центрально-черноземныхъ губерніяхъ. Изъ данныхъ, приводимыхъ, между прочимъ, комиссіей „объ оскудѣніи центра", видно, что за сорокъ лѣтъ со времени освобожденія крестьянъ, т. е. съ 1861 по 1900 г.,—только въ 10 губерніяхъ (Архангельской, Волынской, Калужской, Оренбургской, Уфимской, Ярославской и др.) число урожаевъ „выше

средняго" преобладало надъ неурожаями „ниже средняго". Въ четырехъ губерніяхъ число тѣхъ и другихъ уравновѣшивается, а въ остальныхъ 33— неурожайные годы болѣе или менѣе значительно преобладаютъ надъ урожайными. Такъ, изъ сорока лѣтъ приходится на урожаи:

Черноземъ. полоса.	Ниже средн.	Выше средн.	Нечерноземъ. полоса.	Ниже средн.	Выше средн.
Въ Донской Области . .	26	11	Въ Вятской губ.	18	9
„ Казанской губ. . .	24	10	„ Вологодской „	18	9
„ Воронежской „ . .	23	16	„ Московской „	18	15
„ Тамбовской „ . .	22	14	„ Псковской „	17	15
„ Таврической „ . .	21	10	„ Владимірской „	15	9
„ Пензенской „ . .	20	10	„ Смоленской „	14	12
„ Подольской „ . .	19	15	„ Костромской „	13	10
„ Бессарабской „ . .	18	13	„ Минской „	12	4
„ Харьковской „ . .	18	15	„ Олонецкой „	12	9
„ Симбирской „ . .	18	14	„ Пермской „	12	8
„ Самарской „ . .	17	15	„ Могилевской „	11	8
„ Кіевской „ . .	17	10	„ Витебской „	10	6
„ Херсонской „ . .	16	12	„ Петербургской „	10	8
„ Рязанской „ . .	16	12			
„ Полтавской „ . .	15	11			
„ Курской „ . .	15	13			
„ Орловской „ . .	15	14			
„ Тульской „ . .	14	13			

Разсмотрѣніе этой таблицы [1]) хорошо подчеркиваетъ экономическую подкладку нашихъ неурожаевъ. Мы видимъ отсюда прежде всего, что урожаи ниже средняго значительно чаще бываютъ въ черноземней полосѣ, чѣмъ въ нечерноземной. Больше тамъ, хоть и въ небольшой степени, число урожаевъ выше средняго. Ясно, такимъ образомъ, что крестьянское хозяйство нечерноземной полосы является болѣе устойчивымъ, чѣмъ въ черноземныхъ губерніяхъ, т. е. въ тѣхъ, которыя производятъ хлѣбъ на рынокъ. Крестьяне нечерноземной полосы располагаютъ, несмотря на большіе относительно платежи (выкупные и т. п.), большими средствами для веденія хозяйства и поэтому ихъ хозяйство болѣе интенсивно, чѣмъ у крестьянъ черноземной полосы [2]). Къ нимъ судьба была снисходительнѣе и вмѣстѣ съ дорогими надѣлами плохой земли „великая реформа" открыла имъ возможность болѣе широкаго приложенія своего труда въ сферѣ не-

[1]) Данныя этой таблицы, равно какъ и двухъ послѣдующихъ, объединяютъ и помѣщичье, и крестьянское хозяйство. Если расчленить то и другое и взять крестьянское хозяйство, то картина получится еще болѣе рельефной. Въ слѣдующей главѣ мы увидимъ, насколько крестьянское хозяйство страдаетъ отъ неурожаевъ больше помѣщичьяго.

[2]) „Матеріалы высоч. учрежд. 16 ноября 1901 г. комиссіи", стр. 272. Вып. III.

земледѣльческихъ промысловъ. Объ этихъ неодинаковыхъ условіяхъ веденія крестьянскаго хозяйства въ черноземной и нечерноземной полосѣ намъ придется далѣе говорить подробнѣе; здѣсь же мы хотѣли лишь отмѣтить самый фактъ большей устойчивости хозяйствъ въ послѣднемъ случаѣ.

Дальше мы увидимъ, что и въ другомъ отношеніи преимущество находится на сторонѣ нечерноземной полосы: производительность крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства въ ней прогрессируетъ относительно быстрѣе. Подъ вліяніемъ этихъ двухъ слагаемыхъ оказывается, что средній урожай, вычисленный для продолжительнаго періода времени, въ общемъ не меньше въ нечерноземной полосѣ, чѣмъ въ черноземной „хлѣбородной". Дѣйствительно, урожайность одной десятины составляетъ въ среднемъ столько (въ пудахъ) [1]:

Черноземная полоса:		Озимь.	Ярь.	Нечерноземная полоса:		Озимь.	Ярь.
Самарская	губ. . .	37	34	Владимірская	губ. .	39	39
Орловская	„ . .	37	36	Новгородская	„ .	39	43
Саратовская	„ . .	39	37	Тверская	„ .	41	42
Тульская	„ . .	39	47	Калужская	„ .	42	38
Курская	„ . .	42	40	Костромская	„ .	42	42
Рязанская	„ . .	44	49	Московская	„ .	45	44
Харьковская	„ . .	46	45	Олонецкая	„ .	43	47
Воронежская	„ . .	47	47	Псковская	„ .	41	43
Пензенская	„ . .	48	43	Вологодская	„ .	44	43
Тамбовская	„ . .	48	45	Нижегородск.	„ .	47	43
Полтавская	„ . .	48	47	Смоленская	„ .	47	51
Черниговская	„ . .	49	46	Ярославская	„ .	55	49

Предыдущая таблица показываетъ намъ, что неурожаи для огромнаго большинства губерній давно уже стали, въ сущности, нормой. Къ такому заключенію приходитъ, между прочимъ, г. Лохтинъ, анализируя урожайность за 1883—1898 гг. по отдѣльнымъ категоріямъ хлѣбовъ. Изъ его данныхъ видно, что въ теченіе 16 лѣтъ „недородъ" всѣхъ хлѣбовъ (въ 50 губерніяхъ) имѣлъ мѣсто 9 разъ,—„недородъ" ржи—7 разъ, озимой пшеницы—6, яровой—8, овса—9, проса 9, ячменя 7, картофеля 9 разъ и т. д. [2]).

Не входя пока въ подробности относительно степени колебаній неурожаевъ, приведемъ для иллюстраціи одну весьма характерную таблицу. Если принять средній сборъ хлѣбовъ, за вычетомъ сѣмянъ, за 100, то урожаи отдѣльныхъ годовъ выразятся въ слѣдующихъ цифрахъ (по 50 губерніямъ) [3]):

---

1) „Матеріалы комиссіи 16 ноября 1906 г."
2) Лохтинъ. „Состояніе сельскаго хозяйства въ Россіи", стр. 164.
3) Тамъ же, стр. 168—169.

Годы.	Проц.	Годы.	Проц.	Годы.	Проц.
1880	83,7	1887	109,9	1894	147,8
1881	103,7	1888	110,7	1895	129,6
1882	96,6	1889	84,1	1896	126,9
1883	90,7	1890	95,2	1897	81,1
1884	97,7	1891	73,6	1898	110,9
1885	82,4	1892	99,4		
1886	96,2	1893	146,1	въ среднемъ	100

Изъ этой таблицы мы видимъ, что за исключеніемъ 3—4 лѣтъ весь періодъ 1880—1892 гг. отличается сплошь болѣе или менѣе крупными неурожаями, сильно подорвавшими и безъ того расшатанное крестьянское хозяйство. Наиболѣе сильными неурожаями за это время были неурожаи 1880, 1885 и 1891 гг.

Пониженіе числа урожайныхъ годовъ (въ 80-ые гг.) совпало съ рѣзкимъ пониженіемъ хлѣбныхъ цѣнъ, и это обстоятельство еще болѣе усугубило тяжесть кризиса, переживавшагося крестьянскимъ хозяйствомъ со времени „освобожденія". Несомнѣнно, что отъ кризиса страдало также и дворянское землевладѣніе, но оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, находило сильную поддержку со стороны правящихъ сферъ, со стороны казны. Въ 1885 г. былъ учрежденъ Дворянскій Банкъ, замедлившій ликвидацію дворянскаго землевладѣнія; затѣмъ были изданы законы 12 іюня 1886 г. о наймѣ на сельскія работы и законъ 1886 г. объ ограниченіи переселенія,—оба имѣвшіе цѣлью удешевить для помѣщиковъ рабочую силу. Мѣропріятія въ пользу крестьянъ носили болѣе показной характеръ. Таковымъ было, напр., пониженіе въ 1881 г. выкупныхъ платежей на 12 мил. р. за счетъ чистой прибыли государства отъ выкупной операціи; затѣмъ отмѣна 28 мая 1885 г. подушной подати, съ переложеніемъ ея, подъ видомъ выкупныхъ платежей, на бывшихъ государственныхъ крестьянъ и повышеніемъ акциза на спиртъ. Не болѣе этого въ интересахъ широкихъ слоевъ крестьянства дѣйствовалъ и Крестьянскій Банкъ, учрежденный въ 1883 г. [1]) и т. д. Словомъ, „народная политика" правительство 80-хъ гг., прилагавшаго всѣ усилія къ тому, чтобы повернуть колесо исторіи обратно, къ временамъ крѣпостного права, — окончательно подрывала благосостояніе массъ, дѣлала хозяйство ихъ въ высшей степени неустойчивымъ и открывала, такимъ образомъ, просторъ для опустошительнаго дѣйствія неблагопріятныхъ метеорологическихъ условій.

И дѣйствительно, „народная политика" запечатлѣлась участившимися неурожаями, отъ которыхъ болѣе всего страдали крестьяне центрально-черноземныхъ и особено средне-приволжскихъ губерній. Голодъ 1891 г.

[1]) См. нашу статью „Соціально-политическая роль Крестьянскаго Банка". „Образованіе", 1907 г., № 2.

явился достойнымъ завершеніемъ всей крѣпостнической политики пореформеннаго времени. Мы видѣли уже, что неурожай этого года былъ въ общемъ на 26% ниже средняго [1]). Неурожай слѣдующаго года былъ также ниже средняго; затѣмъ урожаи 1893—96 гг. должны были бы, казалось, поправить крестьянское хозяйство, если бы причины предшествовавшихъ „недородовъ" были случайны и крылись въ неблагопріятныхъ условіяхъ погоды. Въ дѣйствительности, однако, было не такъ: засухи, мглы и т. п. напастей не было въ эти годы, а между тѣмъ крестьянское хозяйство подтачивалось все болѣе и такимъ образомъ подготавливалась почва для новаго „недорода".

Голодъ 1891 г., какъ и предыдущія предостереженія, прошли для правительства безслѣдно. Поговорили, образовали бюрократическія комиссіи, передали на обсужденіе земскихъ собраній вопросъ о нуждахъ сельскаго хозяйства и на этомъ успокоились.

Но мало того, что ничего не было сдѣлано для облегченія общаго положенія крестьянъ. Молохъ „отечественной промышленности" требовалъ себѣ на алтарь все новыхъ и новыхъ жертвъ, и крѣпостническое государство приносило ему ихъ въ изобиліи,—именно съ начала 90-хъ гг. начинается особенно усиленный ростъ государственнаго бюджета, питаемаго главнымъ образомъ на счетъ обложенія предметовъ потребленія массъ. Нечего удивляться поэтому, что голодъ 1897 г. засталъ насъ опять врасплохъ. Неурожай этого года въ общемъ приближается къ сбору голоднаго 1891 г., превышая его не болѣе, чѣмъ на 5%. При этомъ особенно пострадали какъ разъ тѣ губерніи, гдѣ и тогда неурожай былъ сильнѣе,—приволжскія и черноземный центръ [2]).

Тяжесть неурожая попрежнему легла на плечи малосостоятельнаго крестьянства, а помѣщики и болѣе зажиточная часть населенія не только не остались въ убыткѣ, но, благодаря повышенію хлѣбныхъ цѣнъ, даже выиграли [3]). Въ дальнѣйшемъ намъ придется остановиться на этомъ вопросѣ подробнѣе и тамъ мы увидимъ, насколько тяжело „недороды" отзываются именно на низшихъ слояхъ населенія и въ какой мѣрѣ голодовки, обусловленныя неурожаями, имѣютъ подъ собой соціальную почву.

---

[1]) Особенно великъ неурожай былъ въ слѣдующихъ гоберніяхъ: Воронежской—ниже средняго на 75%; Казанской—67%; Тамбовской—65%, Симбирской—64; Оренбургской—58; Пензенской, Рязанской и Тульской 50—55; Нижегородской, Самарской, Донской области 40—45; Саратовской—34; Курской 29 и т. д. (См. А. С. Ермоловъ. „Неурожай и народное бѣдствіе". 1892 г., стр. 16).

[2]) Н. Г. Кулябко-Корецкій. Къ исторіи продовольственнаго дѣла въ Россіи. „Труды вольно-экономич. общества", 1897 г., V.

[3]) А. Е. Лосицкій. Размѣры неурожая 1897 г. „Труды вольно-экон. общества", 1898 г., III.

Оцѣнивая общіе итоги голода 1891 г., И. Красноперовъ писалъ, между прочимъ, что необходимо „не менѣе четверти столѣтія, прежде чѣмъ населеніе оправится отъ такого потрясенія“ [1]). Какъ извѣстно, населенію оправиться не пришлось, потому что „недороды“ не только не прекратились, но, начиная съ 1897 г., даже участились, по крайней мѣрѣ для крестьянскихъ земель. Такъ, въ 1898 г. сильный неурожай имѣлъ мѣсто въ губерніяхъ: Казанской, Симбирской, Пензенской, Саратовской, Оренбургской, Нижегородской, Уфимской, Самарской и въ Области Войска Донского [2]). Въ 1899 г. многія мѣстности снова были постигнуты огромнымъ неурожаемъ, такъ что въ общемъ этотъ годъ „можетъ быть отнесенъ лишь къ числу среднихъ“ [3]). Въ 1900 г. урожай былъ „болѣе или менѣе удовлетворительнымъ“, и министерство земледѣлія утѣшало себя тѣмъ, что этотъ годъ „не понизитъ по крайней мѣрѣ благосостоянія населенія“ [4]). Урожаи 1901—03 гг. характеризуются, какъ „въ лучшемъ смыслѣ посредственные“ и „вполнѣ благопріятные“. Урожай 1904 г. былъ выше средняго; наконецъ, годы 1905 и 1906 характеризуются сильнѣйшимъ неурожаемъ, не уступающимъ во многихъ мѣстахъ неурожаю 1891 г. [5]).

Характеризуя неурожай того или другого года, офиціозъ министерства земледѣлія неизмѣнно прибавляетъ: „урожай пестрый“, „неодинаковый въ предѣлахъ не только одной и той же губерніи, но нерѣдко въ районѣ одного и того же уѣзда и даже волости“ и т. д.

Указаніе это чрезвычайно характерно для нашихъ „недородовъ“, являющихся симптомомъ разложенія крестьянскаго хозяйства.

Изъ этого бѣглаго обзора мы видимъ, что неурожаи за послѣднія десятилѣтія стали у насъ нормой, а урожаи—лишь счастливымъ исключеніемъ. Государству изъ года въ годъ приходится расплачиваться все большими и большими ассигновками на кормленіе голодающихъ крестьянъ, на поддержанія населеніе на границѣ вымиранія. Такъ, лишь изъ средствъ

---

[1]) „Юридическій Вѣстникъ“, 1892 г., стр. 465.

[2]) „Въ очерченномъ районѣ нужда въ продовольственномъ хлѣбѣ стала ощущаться въ началѣ осени“ (См. „1898 годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи“, вып. V, стр. XI).

[3]) „1899 годъ“, вып. 4, стр. XII.

[4]) „1900 годъ“, вып. 5, стр. IX.

[5]) Въ 1890 г. полнымъ неурожаемъ охвачено въ общемъ 130 уѣздовъ въ 29 губерніяхъ, при этомъ для 88 уѣздовъ онъ является повторнымъ. Затѣмъ въ 23 губерніяхъ неурожай хотя и не такъ великъ, но все-таки ниже средняго, и лишь въ 19 губерніяхъ урожай нѣсколько выше средняго. Особенно пострадали губерніи: Самарская (ниже средняго на 93%); Казанская (88%); Симбирская (86); Уфимская (79); Пензенская (73); Саратовская (70); Оренбургская (69); Нижегородская (66); Астраханская (64); Тургайская обл. (63); Донская обл. (56); Тульская (55); Калужская и Костромская (51).

имперскаго продовольственнаго капитала на помощь голодающимъ было израсходовано [1]):

	Всего	Въ среднемъ ежегодно.
1868— 70 гг.	2.391.672 р.	800.000 р.
1871— 80 гг.	17.803.775 р.	1.780.000 р.
1881— 90 гг.	9.966.230 р.	996.000 р.
1891— 900 гг.	195.569.606 р.	19.670.000 р.
1901—1906 гг.	251.629.831 р. [2])	41.938.305 р.

Слишкомъ рѣзко бросается въ глаза основная связь нашихъ прогрессирующихъ и все болѣе опустошительныхъ „недородовъ" съ соціальной структурой, чтобы можно было ее не замѣтить, въ общихъ хотя бы чертахъ. И предыдущее бѣглое изложеніе, надъ думается, оттѣнило эту связь въ общихъ чертахъ. Теперь мы должны перейти къ болѣе детальному анализу „неурожаевъ", чтобы убѣдиться, *въ какой мѣрѣ отражаются* тѣ или другіе *соціально-экономическіе факторы.*

III.

Сами по себѣ колебанія урожаевъ неизбѣжны всегда и вездѣ. Наивно думать, что какіе-то заморозки, засухи, вымачиванія хлѣба созданы только для Россіи, дѣйствуютъ губительно въ одной Россіи. Климатическія условія Россіи не представляютъ рѣшительно ничего, рѣзко отличающаго ее отъ многихъ другихъ странъ. Дѣло вовсе не въ значительныхъ колебаніяхъ урожаевъ подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ условій погоды, а въ томъ, что эти *рѣзкія колебанія всецѣло обусловлены экономическими факторами.*

Въ этомъ намъ не трудно будетъ убѣдиться.

Какъ ни странно можетъ показаться на первый разъ, но приходится считаться съ тѣмъ фактомъ, что урожайность какъ на крестьянскихъ такъ въ особенности и на частныхъ земляхъ непрерывно возрастаетъ. Проф. Фортунатовъ, однимъ изъ первыхъ произведшій обстоятельное изслѣдованіе движенія урожаевъ въ Европейской Россіи, пришелъ къ тому выводу, что съ отмѣной крѣпостного права урожайность не только не понизилась, но все время возрастала, причемъ этотъ ростъ былъ значительнѣе въ нечерноземной полосѣ и въ періодъ до 1880 г. [3])

Позднѣйшія изслѣдованія вполнѣ подтвердили указанный выводъ. Общее повышеніе средней урожайности хлѣбовъ по десятилѣтіямъ (для 50 губерній

---

[1]) С. С. Бехтѣевъ. „Хозяйственные итоги истекшаго 45-лѣтія". Томъ II, стр. 169, а также „Извѣстія общеземской организаціи". 1906 г., № 6.

[2]) Сюда включены 36 м. р., еще неассигнованные въ 1907 г., но потребные, по разсчету правительства, для ликвидаціи кампаніи 1906/7 г.

[3]) „Урожаи ржи въ Европейской Россіи". 1893 г., стр. 80—89.

Европейской Россіи) можно выразить въ слѣдующихъ цифрахъ („самъ сколько") [1]):

Годы.	Частное хозяйство. Озимь.	Ярь.	Всѣ хлѣба.	Крестьянское хозяйство. Озимь.	Ярь.	Всѣ хлѣба.
1861— 70	4,0	3,6	3,8	3,5	3,3	3,4
1871— 80	4,5	4,1	4,8	3,9	3.5	3,7
1881— 90	5,5	4,6	5,0	4,3	3,7	3.9
1891—900	6,0	5,7	5,8	4,8	4,4	4,6

Мы видимъ, такимъ образомъ, что урожаи, какъ на помѣщичьихъ, такъ и на крестьянскихъ земляхъ все время возрастали, причемъ въ первомъ случаѣ это возрастаніе было больше. Особенно насъ должны интересовать два послѣднихъ десятилѣтія, которыя, несмотря на постоянныя „засухи" и т. п. напасти, отличаются, какъ показываетъ таблица, замѣтнымъ повышеніемъ урожайности. Детальное изслѣдованіе урожайности за это именно время провелъ, между прочимъ, саратовскій статистикъ В. М. Обуховъ, и намъ не безполезно остановиться на его данныхъ [2]). Оказывается, что за время съ 1881 г. по 1900 г. средніе урожаи повысились на столько процентовъ:

	Рожь.	Овесъ.	Пшеница.	Ячмень.
На частныхъ земляхъ . . .	10.0	10.0	20.7	14.4
„ крестьянскихъ „ . . .	7.1	6.8	10.6	9.3

Несмотря на сильные, часто повторявшіеся „недороды", общая урожайность, какъ видимъ, возросла для надѣльныхъ земель на 7—10%, а для частныхъ на 10—20%.

Общее превышеніе владѣльческихъ урожаевъ надъ крестьянскими составляетъ для 80-хъ годовъ отъ 16 до 20% (по различнымъ вычисленіямъ); въ 90-ые годы эта разница значительно увеличилась. Въ наиболѣе плохой, напр., 1891-й годъ соотношеніе между помѣщичьими и крестьянскими урожаями выразилось цифрами 100:182; затѣмъ въ годъ наивысшаго урожая (1893 г.) они относились, какъ 100:125; въ 1897 г.—100:151; въ 1898 г.—100:140 и т. д. Такимъ образомъ, сборы хлѣба (чистый остатокъ) съ единицы площади у владѣльцевъ лучше на 20—25% въ урожайные годы и на 40—80% въ неурожайные. „Поэтому,—какъ справедливо говоритъ г. Лохтинъ,—утвержденіе, что владѣльцы одинаково страдаютъ отъ неурожаевъ, какъ и крестьяне, рѣшительно опровергается цифрами. Напротивъ, получая въ неурожайные годы значительно болѣе хлѣбнаго остатка и соломы, чѣмъ крестьяне, и пользуясь болѣе высокими

[1]) „Матеріалы комиссіи 16 ноября 1901 года".

[2]) См. „Саратовская Земская Недѣля". 1903 г., №№ 2 и 6—7.

цѣнами голодающихъ мѣстностей, *владѣльцы въ большинствѣ случаевъ получаютъ выгоду и въ неурожайные годы*" [1]).

Рѣзкая разница въ сборѣ хлѣба въ неурожайные и урожайные годы у владѣльцевъ и крестьянъ доказываетъ полную несостоятельность утвержденія о якобы гибельномъ засушливомъ климатѣ Россіи. Ясно, что существуютъ какія-то особыя причины, заставляющія крестьянскій хлѣбъ гибнуть при такихъ метеорологическихъ условіяхъ, при которыхъ владѣльцы получаютъ еще сносные урожаи. Объясненіе этого факта надо искать во всемъ строѣ хозяйственныхъ отношеній, и нельзя приписывать его тому или другому отдѣльному фактору. Часто, напр., указываютъ на то, что качество земель у помѣщиковъ и крестьянъ не одинаково, чѣмъ будто бы и объясняется различіе въ урожаяхъ. Отрицать вліяніе этого обстоятельства, конечно, не приходится, но нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ и переоцѣнивать его значеніе. Въ пользу того, что въ данномъ случаѣ первенствующую роль играютъ не физическія причины (въ томъ числѣ и качество почвы), а экономическія,— особенно рельефно говоритъ тотъ фактъ, что и надѣльныя земли отличаются далеко не одинаковой урожайностью: *сборы хлѣба съ десятины тѣмъ выше въ крестьянскомъ хозяйствѣ, чѣмъ хозяйство зажиточнѣе.*

Вопросъ о степени урожайности надѣльныхъ земель, въ зависимости отъ той или иной состоятельности хозяйства, не подвергался такому изученію, какого онъ по праву заслуживаетъ. Проф. Фортунатовъ, если мы не ошибаемся, затронулъ этотъ вопросъ и попытался разобраться въ немъ. Онъ полагалъ, какъ извѣстно, что „крестьянскія надѣльныя земли показываютъ обратное вліяніе размѣровъ надѣла на урожаи" [2]). Мы не можемъ признать, однако, этотъ выводъ правильнымъ и сколько-нибудь обоснованнымъ, да и самъ проф. Фортунатовъ не претендовалъ, въ сущности, на точность, такъ какъ оперировалъ съ матеріаломъ слишкомъ недостаточнымъ. Удивительнѣе то, что къ подобному же выводу пришелъ А. В. Пѣшехоновъ при изслѣдованіи крестьянскаго хозяйства въ Калужской губерніи [3]). По даннымъ его изслѣдованія оказывается, что въ 1895 г. было собрано крестьянами названнаго уѣзда столько мѣръ съ каждой десятины:

Группы хоз.	Рожь.	Овесъ.	Ячмень.	Картофель.	Конопля.	Гречиха.
Мелкія	37,0	58,2	52,0	472	54,1	24,9
Среднія	32,6	52,4	49,5	428	49,6	27,2
Крупныя . . .	29,8	48,0	48,3	402	43,7	31,8

1) Лохтинъ. „Состояніе сельскаго хозяйства въ Россіи", стр. 186.

2) „Урожаи ржи", стр. 156.

3) „Труды вольно-экономическаго общества", 1898 г., № 5.

Какъ видимъ отсюда, по всѣмъ категоріямъ хлѣбовъ (кромѣ гречихи) замѣчается обратная зависимость между размѣрами надѣла и урожайностью. По поводу этого слѣдуетъ, однако, замѣтить слѣдующее. Группировка хозяйствъ *только* по количеству засѣваемой земли является механической и потому недостаточной. Урожайность въ томъ или другомъ хозяйствѣ не зависитъ лишь отъ одного фактора,—большаго или меньшаго пространства посѣвной площади. Гораздо важнѣе въ данномъ случаѣ общая мощь хозяйства, и, чтобы ее учесть хотя бы отчасти, необходимо ввести еще другіе признаки или хотя бы одинъ изъ нихъ, напр., степень обезпеченія хозяйства скотомъ. Особенно важно принять это во вниманіе въ нечерноземной полосѣ, къ какой принадлежитъ, между прочимъ, и Козельскій у. Здѣсь *особенную роль* играетъ удобреніе земли, а, слѣдовательно, и то или иное количество скота въ хозяйствѣ. Наконецъ, въ нечерноземной полосѣ, какъ это говоритъ и А. В. Пѣшехоновъ, зажиточныя хозяйства отпускаютъ на сторонніе заработки болѣе значительную часть своихъ членовъ, чѣмъ менѣе зажиточные. И въ результатѣ этого здѣсь „чѣмъ меньше крестьянское хозяйство, тѣмъ больше труда вкладываетъ оно въ свою землю".

Если бы г. Пѣшехоновъ учелъ роль этихъ двухъ факторовъ, то мы увѣрены, что выводы его получились бы иные. Что это такъ, мы можемъ видѣть, напр., изъ анализа, произведеннаго г. Я. Бляхеромъ для Вологодской губерніи, т. е. тоже нечерноземной. Обработавъ данныя 3191 записи добровольныхъ корреспондентовъ, онъ составилъ слѣдующую таблицу урожаевъ ржи (самъ сколько):

Группы хоз. по посѣву.	По скоту. I безъ скота.	II до 3-хъ штукъ	III до 6 штукъ,	IV свыше 6 штукъ.	V итого по губ.
I Съ посѣвомъ до 2 дес. . . .	5,5	5,[illegible]	5,9	7,2	5,9
II „ „ 3 дес. . . .	—	4,6	5,3	6,2	5,6
III „ „ 6 дес. . . .	—	2,9	4,5	5,4	5,1
IV „ „ 9 дес. . . .	—	—	3,8	4,8	4,7
V „ свыше 9 дес. . . .	—	—	—	3,9	5,[illegible]
	5,5	4,[illegible]	5,2	5,4	5,3

Изъ этой таблицы мы видимъ, что увеличеніемъ посѣвной площади урожайность понижается. Пока, такимъ образомъ, заключеніе г. Пѣшехонова подтверждается. Но стоитъ только всмотрѣться въ приведенную таблицу внимательнѣе, чтобы пріити къ иному выводу. Такъ, совершенно ясно бросается въ глаза ростъ урожайности съ повышеніемъ группы по количеству скота, и если мы разсмотримъ наши данныя объ урожаѣ не

но посѣвнымъ только и не по скотнымъ только, а по комбинаціоннымъ граппамъ хозяйствъ, то найдемъ слѣдующее:

Группы хозяйствъ. По посѣву.	По скоту.	На 1000 пуд. посѣва навознаго скота.	Урожай „самъ-сколько".
I	II	480	5,0
II	III	511	5,3
III	IV	567	5,4
I	III	811	5,9
II	IV	856	6,2
III	III	347	4,5
IV	IV	425	4,8

Эти цифры говорятъ, что при извѣстной пропорціональности между размѣромъ посѣва и количествомъ скота, урожай ржи тѣмъ выше, тѣмъ хозяйства крупнѣе, какъ по величинѣ посѣвной площади, такъ и по богатству скотомъ [1]).

Сказанное относится къ урожаямъ ржи, но примѣнимо также и къ урожаямъ остальныхъ хлѣбовъ. Вообще необходимо признать, что „чѣмъ выше экономическая мощь хозяйства, тѣмъ лучшихъ результатовъ достигаетъ оно, т. е. тѣмъ выше у него урожай хлѣбовъ, и наоборотъ" [2]).

Такъ обстоитъ дѣло не только въ нечерноземной полосѣ, но и въ черноземной,—причемъ въ этой послѣдней связь между размѣрами хозяйства и урожайностью болѣе непосредственна, такъ сказать, въ силу того, что удобреніе и т. п. играютъ здѣсь меньшую роль, а, слѣдовательно, и количество скота не представляетъ такого рѣшающаго значенія. Мощь хозяйства, какъ правило, можно измѣрять тутъ размѣрами запашки. Посмотримъ же, что говорятъ намъ цифры урожайности въ черноземной полосѣ.

Для выясненія интересующей насъ зависимости, мы находимъ любопытныя данныя, между прочимъ, въ матеріалахъ по Курской и Саратовской губерніямъ.

По даннымъ курскаго статистическаго бюро (для 1896 г.) оказывается, что средній сборъ ржи, за вычетомъ сѣмянъ, колеблется такимъ образомъ (въ пудахъ на десятину):

У частн. влад. [3])	Зажит. крест.	Сред. крест.	Бѣд. кр.
40,6	34,0	31,7	28,4

---

[1]) „Саратовская Земская Недѣля", 1904 г., № 8, стр. 69.

[2]) Тамъ же, стр. 72.

[3]) При 50—200 дес. запашки урожай ржи 52,2 пуда, при 200—400 дес.—60,8 пуда и свыше 400 дес.—65,4 пуда. См. „Курская губернія. Статистическій обзоръ 1896 г."

Урожаи въ зажиточныхъ крестьянскихъ хозяйствахъ, а также въ частновладѣльческихъ, являются не только выше, но и болѣе устойчивыми по отдѣльнымъ годамъ,—по территоріи губерніи и при разныхъ качествахъ почвы.

Соотвѣтствующее изслѣдованіе для Балашовскаго у. Саратовской губ. произвелъ въ 1903 г. В. М. Обуховъ, причемъ оказалось, что средняя урожайность главныхъ хлѣбовъ въ каждой отдѣльной группѣ хозяйствъ выражается слѣдующими цифрами (въ пудахъ на десятину посѣва [1]):

Группы по посѣву.	Сѣв.	Районы. средн.	Уѣзды. южн.
25 и болѣе десятинъ	—	62,4	49,8
15—25 „	66,3	52,8	41,4
5—15 „	56,8	50,2	38,0
менѣе 5 „	56,1	49,6	33,6

Можно было бы привести еще и другія данныя, подтверждающія непосредственную зависимость между урожайностью и зажиточностью крестьянскаго хозяйства [2]), но и сказаннаго, полагаемъ, достаточно, чтобы видѣть, насколько затемняется экономическая подкладка всѣхъ этихъ „недородовъ", „недоборовъ" и т. д., благодаря обычному сваливанію въ одну кучу всѣхъ крестьянскихъ хозяйствъ. Мы видѣли, что въ предѣлахъ крестьянскаго хозяйства существуютъ чрезвычайно крупныя различія въ урожайности, въ зависимости отъ степени общей обезпеченности хозяйствъ. Если бы было

---

[1]) См. „Саратовская Земская Недѣля", 1904 г., № 1.

[2]) Интересное изслѣдованіе, напр., было произведено Херсонской казенной палатой для 1897—1900 гг. Оказывается, что средніе урожаи страшно сильно колеблются по отдѣльнымъ обществамъ. Такъ, напр., предѣльныя колебанія сбора хлѣба по селеніямъ выражаются въ слѣдующихъ цифрахъ (въ пудахъ на десятину):

Уѣзды.	1897 г.	1898 г.	1899 г.	1900 г.
Александрійскій	37,5— 9,5	57,7—13,1	47,7—6,8	52,8—3,1
Ананьевскій	38,4— 6,5	53,4—12,7	22,9—0,4	18,8—2,9
Елисаветградскій	77,0—10,9	66,5—11,8	29,0—0	35,4—2,9
Одесскій	71,9— 9,2	74,2—25,1	25,2—0	36,1—6,6
Тираспольскій	86,1—19,5	94,2—23,0	21,4—3,3	51,5—6,4
Херсонскій	50,0— 9,3	51,2— 6,1	37,4—0,1	50,9—5,3

Аналогичныя данныя мы имѣемъ и по др. губерніямъ. См., напр., „Таблицы урожая главныхъ хлѣбовъ въ 1899 г. на земляхъ крестьянскихъ обществъ въ Тамбовской губерніи". Выключая чрезвычайныя обстоятельства (градобитіе и т. п.), можно подмѣтить и тутъ несомнѣнную связь между степенью урожая въ томъ или другомъ селеніи, съ одной стороны, и размѣрами земельнаго обезпеченія—съ другой.

Интересное изслѣдованіе было произведено также рязанскимъ земствомъ (См. „Результаты обслѣдованія", изд. 1899 года).

произведено массовое обслѣдованіе урожаевъ въ указанномъ выше направленіи, мы несомнѣнно увидѣли бы конкретно, какъ „неурожаи“ выносятся, въ сущности, на плечахъ малосостоятельной, малоземельной части населенія, „дарственниковъ“ и т. п. категорій крестьянъ, а также и то, насколько расширеніе крестьянскаго землевладѣнія въ настоящее время составляетъ необходимое условіе для устраненія „неурожаевъ“ и голодовокъ.

Все сказанное нами въ этой главѣ наглядно свидѣтельствуетъ, въ какой мѣрѣ наши неурожаи стоятъ въ связи съ обнищаніемъ деревни. Частновладѣльческое хозяйство страдаетъ отъ неблагопріятныхъ условій погоды несравненно меньше, чѣмъ крестьянское; въ свою очередь, зажиточное крестьянское — значительно менѣе, чѣмъ малосостоятельное. Притомъ для частновладѣльческаго и зажиточнаго крестьянскаго хозяйствъ недоборъ хлѣбовъ въ неурожайные годы въ значительной мѣрѣ компенсируется высокими цѣнами на хлѣбъ; малосостоятельное же населеніе страдаетъ отъ неурожаевъ вдвойнѣ: не добирая хлѣбъ и затѣмъ покупая его по сильно повышенной цѣнѣ.

Чѣмъ зажиточнѣе хозяйство, тѣмъ болѣе стойко выдерживаетъ оно неблагопріятное стеченіе метеорологическихъ условій, и въ этомъ смыслѣ обнищаніе, малоземелье и пр. являются несомнѣнно одной изъ существенныхъ причинъ „недородовъ“, все чаще и чаще посѣщающихъ нашу страну, точнѣе, крестьянское населеніе ея.

Мы видѣли выше, что увеличеніе урожайности наблюдается не только на помѣщичьихъ, но и на надѣльныхъ земляхъ. Необходимо, однако, имѣть въ виду, что повышеніе это, какъ и вообще ростъ другихъ составныхъ элементовъ крестьянскаго хозяйства (количества скота, пашни и т. п.), не шло въ уровень съ ростомъ населенія и увеличенія налоговъ. Такъ, за время 1870—1900 гг. различные элементы возросли въ такой пропорціи (въ %% [1]):

Крестьянское землевлад. (Въ томъ числѣ и купчее)	+ 20,5
Пашня	+ 40,5
Населеніе	+ 56,9
Число хозяйствъ	+ 57,8
Урожайность	+ 24,3
Количество скота	+ 9,5

Еще быстрѣе, внѣ всякаго соотвѣтствія съ ростомъ доходности земли, возрастали всевозможные платежи, падающіе на крестьянскую землю.

---

[1]) „Матеріалы комиссии 16 ноября 1901 г.“

Уже однѣ вышеприведенныя цифры показываютъ намъ, въ какихъ ненормальныхъ условіяхъ находится крестьянское хозяйство. Обремененное различными платежами, лишенное необходимаго капитала для интенсификаціи земледѣлія, крестьянство жадно набрасывается на покупку земель черезъ Банкъ, на кабальную аренду помѣщичьихъ земель, до крайности распахиваетъ свои земли, и все-таки повышеніе урожайности и сборы хлѣба, достигаемые такими неимовѣрными усиліями, слишкомъ незначительны по сравненію съ ростомъ всевозможныхъ поборовъ, съ ростомъ, наконецъ, земледѣльческаго населенія. Благодаря такому хищническому подрыванію благосостоянія массъ земледѣльческаго населенія, промышленное развитіе страны крайне затрудняется и получаетъ уродливыя, паразитическія формы, сводясь больше всего и прежде всего къ безшабашному высасыванію изъ населенія соковъ кучкой „отечественныхъ“ промышленниковъ и заграничныхъ; дивиденды ихъ растутъ, но не въ такой мѣрѣ расширяется промышленность, а, слѣдовательно, и производительныя силы страны. Благодаря этому избыточное земледѣльческое населеніе не находитъ приложенія для своего труда внѣ сельскаго хозяйства.

Совокупность всѣхъ этихъ условій до крайности обостряетъ положеніе крестьянскаго хозяйства и является основной причиной русскихъ „недородовъ“, „неурожаевъ“ и т. д. Пора признать, что *наши* неурожаи—это вопросъ не метеорологическій, а соціальный. Конечно, колебанія урожаевъ, какъ извѣстно, бываютъ всегда и вездѣ, независимо отъ уровня развитія производительныхъ силъ страны, но амплитуда этихъ колебаній, размѣръ ихъ всегда находится въ тѣсной связи съ той или другой соціальной структурой [1]). Въ этомъ именно смыслѣ и можно утверждать, что наши „неурожаи“ порождены соціальными причинами, по сравненію съ которыми метеорологическіе факторы играютъ болѣе, чѣмъ второстепенную роль.

Установивъ это основное положеніе, мы должны попытаться теперь разобраться *конкретнѣе* въ тѣхъ соціально-экономическихъ причинахъ, совокупность которыхъ и порождаетъ наши неурожаи, а затѣмъ и голодовки громадныхъ массъ крестьянскаго населенія.

IV.

Выше мнѣ приходилось уже отмѣчать, что обнаружившееся вскорѣ же послѣ „великой реформы“ 19-го февраля разореніе значительныхъ слоевъ крестьянства, однимъ изъ симптомовъ чего явились участившіеся неурожаи, привлекло къ себѣ вниманіе изслѣдователей и общества. Всякій на свой ладъ стремился объяснить явленіе, выдвигая то обременительность

---

[1]) Само собой разумѣется, что о чрезвычайныхъ метеорологическихъ условіяхъ тутъ нѣтъ и рѣчи. Я говорю лишь о длительныхъ, хроническихъ колебаніяхъ урожаевъ.

налоговъ, то недостаточность надѣловъ и пр. и пр. Во всѣхъ подобныхъ сужденіяхъ было много истины, но все же ни одно изъ нихъ не освѣщало *всего* вопроса. Чтобы обнять все явленіе, въ цѣломъ, необходимо освѣтить тѣ условія, при которыхъ совершалась тогда перестройка крѣпостническаго натуральнаго хозяйства на европейско-азіатскій ладъ. Однимъ изъ основныхъ условій, опредѣлившихъ собой характеръ процесса этой перестройки, являлась, безъ сомнѣнія, реформа 1861 г., которая снабдила крестьянъ недостаточными надѣлами и огромными выкупными платежами, поставивъ ихъ тѣмъ самымъ въ необходимость вступать въ кабальныя отношенія къ помѣщикамъ. Мы не станемъ указывать тутъ на частности, усиливавшія эту кабальную зависимость и обострявшія до крайности положеніе вещей (отрѣзки и т. п.). Для насъ важно отмѣтить тотъ основной фактъ, что въ недостаточности надѣловъ съ самаго начала лежала одна изъ основныхъ причинъ быстраго упадка крестьянскаго хозяйства, особенно въ черноземной полосѣ Россіи. Переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному былъ, благодаря этому, особенно тяжелъ для крестьянъ черноземной полосы, въ которой благосостояніе массъ опиралось почти исключительно на земледѣльческіе промыслы. Крестьяне нечерноземной полосы, несмотря на то, что они были сравнительно сильнѣе обременены выкупными и т. н. платежами, легче приспосабливались къ новымъ условіямъ жизни благодаря побочнымъ, неземледѣльческимъ заработкамъ. Доходами отъ нихъ они восполняли дефицитъ въ своемъ земельномъ хозяйствѣ. Обстоятельная работа проф. Янсона („Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ" 1877 г.), а затѣмъ и цѣлый рядъ земскихъ статистическихъ изслѣдованій наглядно обнаружилъ, въ какія неблагопріятныя условія былъ поставленъ русскій крестьянинъ при происходившей въ то время ломкѣ хозяйственныхъ отношеній. „Великая реформа" не только не помогла ему справиться съ этой трудной задачей, но еще значительно усложнила ее, понизивъ уровень зажиточности, по крайней мѣрѣ, большинства бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. На это послѣднее обстоятельство, какъ на одну изъ ближайшихъ причинъ „неурожаевъ", указалъ, между прочимъ, г. Хардинъ по поводу самарскаго голода 1873 г.

Причина этого голода, а также и „неурожая та,—писалъ онъ,—что даже въ годы вполнѣ благопріятные крестьянинъ имѣетъ весьма слабую возможность сводить концы съ концами въ своемъ скромномъ бюджетѣ". Въ сравненіи съ этой основной причиной, „вліянія физическія, независящія отъ воли человѣка", имѣли очень малое вліяніе на неурожай [1]).

Несомнѣнно, такимъ образомъ, что недостаточность надѣловъ (принимая во вниманіе тогдашній уровень техники сельскаго хозяйства) для удовле-

[1]) „Голосъ", 1873 г., № 258.

творенія привычныхъ насущныхъ потребностей массы населенія явилась съ самаго начала основной причиной, которая дезорганизовала хозяйственную жизнь деревни и повлекла за собой хроническіе „недороды" на земляхъ обезсиленнаго крестьянства. Тяжесть налоговъ и несоотвѣтствіе ихъ съ доходностью земли усугубляла, конечно, кризисъ еще болѣе. Государство, высасывая изъ населенія все, что только можно было высосать, подъ видомъ выкупныхъ и пр. платежей,—производило это вдобавокъ еще такъ, что крестьянское хозяйство теряло значительно больше, чѣмъ собирала казна. На способъ собиранія или, точнѣе, „выколачиванія" податей указывалось уже давно, какъ на одинъ изъ факторовъ разоренія деревни. Были даже попытки учесть размѣры ущерба, наносимаго такимъ путемъ населенію. По разсчетамъ, напр., П. А. Голубева (для 1885 г.) крестьяне ежегодно теряютъ около 115 мил. р., продавая хлѣбъ осенью для уплаты податей и потомъ покупая его весной по дорогой цѣнѣ [1]). „Происходитъ,—говоритъ онъ,—собственно не торговля, а заемъ денегъ подъ залогъ хлѣба". Чтобы оцѣнить значеніе этихъ потерь, слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ томъ же 1885 году всѣ выкупные платежи, оброчная и подушная подать равнялись 116 м. р., т. е. составляли почти столько же, сколько теряли крестьяне въ видѣ уплаты „процентовъ" при продажѣ и покупкѣ хлѣба.

Указывая на это, П. А. Голубевъ вполнѣ основательно замѣчаетъ, что „даже высокій урожай всѣхъ хлѣбовъ у крестьянъ, даже одинаковый съ помѣщичьими землями, не можетъ вывести крестьянское хозяйство изъ фатальнаго положенія убыточности. Отъ степени урожая зависитъ лишь колебаніе потерь".

Мы не будемъ здѣсь говорить о другихъ пріемахъ, съ помощью которыхъ бюрократія, собирая съ населенія рубли, косвенно вырывала у него десятки рублей и окончательно подрывала, такимъ образомъ, благосостояніе. Чѣмъ неблагопріятнѣе складывались для сельскаго хозяйства метеорологическія условія и чѣмъ выше былъ неурожай *вслѣдствіе этого*, тѣмъ ожесточеннѣе взыскивались недоимки, шла распродажа скота и проч. имущества и т. д. Такимъ образомъ одинъ неурожай, вызванный, быть можетъ, тѣми или другими неблагопріятными атмосферическими условіями, неизбѣжно сопровождался другими „недородами", на возникновеніе которыхъ вліяли уже прежде всего экономическіе факторы.

Мы указали на малоземелье и финансовую систему пореформеннаго времени, какъ на основныя причины крестьянскаго разоренія, и eo ipse россійскихъ неурожаевъ, принявшихъ съ теченіемъ времени хроническій характеръ. Эти обстоятельства—и крестьянское малоземелье, и финансовая система—являлись крупнымъ тормазомъ для развитія производительныхъ

[1]) „Къ вопросу о причинахъ упадка сельскаго населенія и помѣщичьяго хозяйства". „Юридическій Вѣстникъ", 1892 г., стр. 219, 228 и др. См. также. „Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ". Т. I, стр. 52.

силъ въ земледѣліи и вообще въ странѣ. Они задерживали ростъ капитализма, развитіе городской и земледѣльческой промышленности и порождали ростовщическія формы эксплоатаціи населенія, какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ.

Непрекращавшіеся неурожаи и угрожающій характеръ разоренія крестьянскихъ массъ вызвали въ 80-хъ гг. снова многочисленные толки по поводу оцѣнки этого явленія, для освѣщенія котораго накапливалось съ теченіемъ времени все больше и больше матеріала благодаря земскимъ статистическимъ изслѣдованіямъ, подворнымъ переписямъ, производившимся въ 80-хъ гг. во многихъ губерніяхъ, и т. д. Въ свою очередь правительство, побуждаемое фискальными и политическими соображеніями, сочло необходимымъ, какъ мы уже говорили, пойти какъ бы навстрѣчу интересамъ страны. Но крѣпостническая клика не могла, да и не хотѣла, порвать рѣшительно крѣпостныя путы, тяготѣвшія надъ народомъ, и вмѣсто облегченія получилось еще большее закабаленіе. Мы указывали уже, какое значеніе имѣло пониженіе выкупныхъ платежей въ 1881 году, затѣмъ учрежденіе Крестьянскаго Банка, законъ о сельскихъ рабочихъ, переселеніяхъ, семейныхъ раздѣлахъ, введеніе института земскихъ начальниковъ и пр. „реформы“ 80-хъ годовъ.

Однимъ словомъ, весь арсеналъ правительственныхъ мѣропріятій былъ направленъ въ сторону закрѣпленія и упроченія пережитковъ крѣпостничества, а отнюдь не къ ликвидаціи устарѣвшихъ формъ жизни, чего такъ настоятельно требовали интересы всего хозяйственнаго развитія страны. Огромный неурожай 1891 г., равно какъ и сильные неурожаи 1885, 1886 и 1889 гг. являлись хорошимъ показателемъ того, насколько вся эта „народная политика“ подрывала благосостояніе массъ. Въ этомъ смыслѣ про названные неурожаи съ полнымъ правомъ можно сказать, что они были порождены прежде всего и главнымъ образомъ крѣпостническими эксцессами власть имущихъ. Эти неурожаи были расплатой и за „великую реформу“ и за послѣдующіе шаги въ сторону реставраціи крѣпостного строя. Чтобы учесть роль этого политическаго фактора въ явленіи, именуемомъ россійскими „недородами“, достаточно, напр., указать на разницу въ урожаѣ у владѣльцевъ и крестьянъ въ наиболѣе пострадавшихъ въ 1891 г. губерніяхъ. Оказывается, что сборъ чистаго остатка ржи выразился въ такихъ цифрахъ (въ пудахъ на десятину [1]). (См. слѣд. стр.).

Комментаріи, какъ говорятъ въ такихъ случаяхъ, излишни. Грянулъ громъ, и снова началось усиленное обсужденіе вопроса о причинахъ неурожая въ различныхъ обществахъ, земскихъ собраніяхъ и т. д. Одни корень зла усматривали въ метеорологическихъ условіяхъ, рѣзко якобы ухудшившихся въ Россіи, другіе винили общину, третьи нападали на косность

[1]) См. Лохтинъ. „Состояніе сельскаго хозяйства въ Россіи“, стр. 178.

Губерніи.	Влад.	Крест.	Губерніи.	Влад.	Крест.
Тамбовская	30,9	2,1	Уфимская	34,4	19,0
Казанская	15,1	2,9	Тульская	19,9	12,9
Воронежская	6,4	1,0	Вятская	19,3	13,2
Самарская.	21,0	5,6	Рязанская	15,2	10,4
Симбирская.	14,8	5,8	Харьковская	20,3	15,0
Пензенская	13,5	5,9			
Саратовская	21,6	10,9	въ среднемъ .	20,0	9,3
Курская	27,6	15,5	отношеніе . . .	215 : 100	

крестьянъ, не удобряющихъ даже своихъ полей навозомъ и пр. и пр. [1]). Въ той или другой комбинаціи трепались всѣ эти частности, а общая картина въ большинствѣ случаевъ ускользала изъ виду [2]). А между тѣмъ вопросъ все болѣе обострялся и настоятельно нуждался въ разрѣшеніи. Пора уже было перестать валить все на отсталость крестьянскаго хозяйства, на инертность населенія и т. п.; надо было вникнуть въ суть дѣла и разобраться въ совокупности условій, поддерживающихъ крестьянское хозяйство на уровнѣ, несоотвѣтствующемъ тѣмъ требованіямъ, которыя предъявлялись къ крестьянству новымъ укладомъ жизни. Требованія эти сильно росли, росли несравненно быстрѣе, чѣмъ средства для удовлетворенія ихъ. И вотъ, послѣ многолѣтняго затяжного кризиса приходилось констатировать, что крестьянская масса живетъ на границѣ голода и что это именно обстоятельство и вызываетъ „недороды", повторяющіеся изъ году въ годъ на крестьянскихъ земляхъ, „недороды" съ ихъ разрушительными для всего народнаго организма послѣдствіями и въ особенности для крестьянина, такъ какъ „бюджетъ нашего крестьянина настолько низокъ, что... малѣйшая брешь, произведенная въ этомъ бюджетѣ неурожаемъ, ...неизбѣжно

[1]) См. „Труды вольно-экономическаго общества", 1892 г., № 1, стр. 45—103.

[2]) Чтобы имѣть понятіе о распространенныхъ въ то время въ широкихъ кругахъ взглядахъ, можно указать, напр., на работу А. С. Ермолова „Неурожаи и народное бѣдствіе". Причину „бѣдствія авторъ видитъ, конечно, въ засушливомъ климатѣ и т. п., затѣмъ виновата, по его мнѣнію также и косность населенія, низкій уровень техники крестьянскаго хозяйства, передѣлы, семейные раздѣлы, наконецъ, пожары и пьянство. Для предотвращенія на будущее время подобныхъ явленій имъ предлагались, между прочимъ, переселенія и разселенія, образованіе крестьянами хуторскихъ хозяйствъ, усиленіе власти земскихъ начальниковъ и т. п. каша. Земскія собранія, на обсужденіе которыхъ былъ переданъ вопросъ о „нуждахъ сельскаго хозяйства" (1894 г.), взглянули въ общемъ не съ такой казенной точки зрѣнія на дѣло и отмѣтили нѣкоторые существенные факторы крестьянскаго обнищанія (напр., финансовую систему), но и они вращались лишь въ сферѣ частностей и не охватывали вопроса въ его цѣломъ.

вызываетъ сначала недоѣданіе, а затѣмъ и настоящій голодъ со всѣми его ужасами“ [1]).

Брешь, произведенная въ бюджетѣ рядового крестьянина неурожаемъ 1891 г., была, какъ мы видѣли, очень велика. Во многихъ мѣстахъ урожаи на надѣльныхъ земляхъ были ниже средняго на 60—70%. Вполнѣ естественно, что такой годъ сильно подорвалъ крестьянское хозяйство. „Можетъ пройти не менѣе четверти столѣтія,—писалъ тогда г. Краснопѣровъ,—прежде чѣмъ населеніе оправится отъ такого экономическаго потрясенія“ [2]).

Однако, оправиться ему не пришлось, такъ какъ продолжали дѣйствовать все тѣ же причины, которыя и вызвали неурожай 1891 г. такъ же, какъ и предшествовавшіе. Незыблемымъ оставался весь полукрѣпостническій укладъ жизни,—попрежнему выколачивались подати съ обнищавшихъ, пользующихся продовольственными пайками крестьянъ [3]), и выколачивались такъ, что это выколачиваніе по своимъ послѣдствіямъ можетъ быть приравнено къ той же засухѣ и другимъ вещественнымъ невзгодамъ [4]); такъ же, какъ и прежде, усиленно выколачивались гроши изъ народнаго кармана во славу гг. промышленниковъ. Отъ страны брали все, но взамѣнъ ничего положительнаго не давали ей. Все рѣзче и рѣзче, такимъ образомъ, обострялся конфликтъ между запросами страны, ея потребностью въ развитіи производительныхъ силъ и тѣми формами, въ которыя усиленно втискивалась „пореформенная“ Россія. Въ этомъ смыслѣ неурожаи, особенно участившіеся съ 90-хъ гг., являются мѣриломъ того, насколько крѣпостническій укладъ политической надстройки пересталъ соотвѣтствовать нуждамъ страны.

Неурожай 1891 г. сильно подорвалъ устойчивость крестьянскаго хозяйства, обезсилилъ его еще больше и открылъ путь для разрушительнаго дѣйствія „засухъ“, „заморозковъ“ и т. п. невзгодъ [5]). Колебанія урожаевъ

---

1) Н. Е. Кулябко-Корецкій. „Къ исторіи продов. дѣла въ Россіи“. „Труды в.-эк. общества“, 1897 г., V, стр. 91.

2) „Юридическій Вѣстникъ“, 1892 г., стр. 465.

3) См., напр., А. С. Ермоловъ. „Неурожаи и народное бѣдствіе“, стр. 167.

4) Статья Н. В. Верещагина въ „Трудахъ вольн.-эк. общества“ за 1891 г., № 5, стр. 184.

5) „Если,—писалъ М. А. Энгельгардтъ,—непріятныя метеорологическія условія все чаще и чаще начинаютъ обижать наше земледѣліе, если опустошительная дѣятельность паразитовъ усиливается до того, что грозитъ гибелью цѣлымъ культурамъ, то значитъ хозяйство ухудшается“ („Письмо о земледѣліи“, стр. 20). „Благодаря низкой производительности земли у насъ колебанія урожаевъ,—говоритъ г. Лохтинъ,—происходятъ на минимальныхъ сборахъ, въ другихъ странахъ—на максимальныхъ, и въ

стали больше, больше сдѣлалась также и разница между крестьянскими и помѣщичьми неурожаями.

Самаго бѣглаго взгляда на происшедшія пертурбаціи въ крестьянскомъ хозяйствѣ (со времени 1861 г.) достаточно, чтобы оцѣнить „неурожаи". Однимъ изъ наиболѣе существенныхъ показателей крестьянскаго благосостоянія является, какъ извѣстно, степень обезпеченія хозяйства скотомъ. Что же мы имѣемъ въ данномъ случаѣ?

Оказывается, что количество скота у крестьянъ все время сильно и непрерывно сокращалось, и наиболѣе значительнымъ это сокращеніе было послѣ неурожайныхъ годовъ. Въ 1870 г., напр., на каждые 1000 дворовъ приходилось 9,329 головъ скота, а въ 1900 г. уже только 6474. Особенно значительное сокращеніе было: въ Новороссіи, Малороссіи, на юго-востокѣ, юго-западѣ, въ среднеземледѣльческой и среднеприволжской полосѣ. По отдѣльнымъ категоріямъ скота сокращеніе представляется въ слѣдующемъ видѣ:

	На 1000 хозяйствъ.		
	1870 г.	1900 г.	Менѣе на ск. %%
Крупнаго скота вообще .	3.860	3.015	21,9
Рабочихъ людей	1.329	920	30,8
Мелкаго скота	5.469	3.459	36,8

Разсматривая ближе измѣненія въ количествѣ рабочихъ лошадей, мы видимъ, какъ съ теченіемъ времени прогрессировало это пониженіе. Такъ, въ 1870 г. на 1000 дворовъ (въ 50 губерніяхъ Европ. Россіи) приходилось рабочихъ лошадей 1329; въ 1880 г.—1220; въ 1890 г.—1180 и въ 1900 г.—920. Каждый новый неурожай давалъ сильный толчокъ къ сокращенію количества лошадей въ крестьянскомъ хозяйствѣ къ соотвѣтственному росту числа безлошадныхъ дворовъ. Дѣйствительно, по даннымъ военно-конскихъ переписей средній % безлошадныхъ дворовъ составлялъ: въ 1882 г. — 26,9%; въ 1888 — 1891 гг. 28% и въ 1893—96 гг.—32%. Какъ видимъ, особенно сильное возрастаніе безлошадныхъ дворовъ приходится на время послѣдняго неурожая 1891 г. Наибольшее возрастаніе безлошадныхъ дворовъ наблюдается за все время въ средне-приволжской и средне-черноземной полосѣ [1]).

Въ какой мѣрѣ означенное явленіе отражается на крестьянскихъ хозяйствахъ различнаго типа, различной зажиточности? Для отвѣта на этотъ вопросъ въ земской статистической литературѣ имѣется немало весьма краснорѣчиваго матеріала. Чтобы не загромождать чрезмѣрно статьи, мы

этомъ вся разница нашихъ неурожаевъ отъ неурожаевъ въ странахъ съ болѣе высокой техникой и культурой хозяйства" (Состояніе сельскаго хозяйства, стр, 172).

[1]) „Матеріалы комиссіи 16 ноября 1901 г.", т. I, стр. 216.

приведемъ лишь немногія, но типичныя данныя, относящіяся къ Херсонской губерніи. Херсонское земство произвело обслѣдованіе вліянія неурожаевъ 1899 — 1900 гг. на благосостояніе населенія, опросивъ свыше 19,000 хозяйствъ или около 5,5% общаго ихъ числа по губерніи [1]).

Согласно этому изслѣдованію, измѣненіе въ количествѣ рабочаго скота въ 1901 г. уменьшилось по сравненію съ 1900 г. настолько %% и настолько головъ:

	Рабоч. скота.	Кор.	Гулевого скота.	Десят. посѣ-ва.
Въ среднемъ въ 1900 г. . . .	2,3	1,1	1,1	9,1
На 1 хозяйство 1901 г. . . .	1,8	0,9	0,8	8,9
	17,5%	20%	20,8%	1,3%

По отдѣльнымъ категоріямъ хозяйствъ происшедшая перемѣна выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

I—имѣющія до 5 десятинъ:

Число описан. хозяйствъ		6354
Рабочаго скота на 1 хоз. въ 1900		1,0
Уменьшилось въ 1901 г.		28,7%
Коровъ на 1 хозяина въ 1900 г.		0,5
Уменьшилось въ 1901 г.	на	27,3%
Гулевого въ 1900 г.		0,4
Уменьшилось въ 1901 г.	на	20,7%

II—имѣющія 5—15 десятинъ:

Число описан. хозяйствъ		6541
Рабоч. скота на 1 хоз. въ 1900 г.		2,6
Уменьшилось въ 1901 г.	на	20,8%
Коровъ на 1 хоз. въ 1900 г.		1,2
Уменьшилось въ 1901 г.	на	22,4%
Гулевого въ 1900 г.		1,2
Уменьшилось въ 1901 г.	на	29,7%

III—свыше 15 десятинъ:

Число описан. хозяйствъ		2291
Рабочаго скота на 1 хоз. въ 1900 г.		5,1
Уменьшилось въ 1901 г.	на	14,6%
Коровъ на 1 хоз. въ 1900 г.		2,[illegible]

---

[1]) Число богатыхъ и среднихъ хозяйствъ среди описанныхъ больше средняго по губерніи. Надо замѣтить при этомъ, что 1896 годъ былъ для губерніи неурожайнымъ; 1897 г. — почти среднимъ; 1898 г. — выше средняго; 1899 и 1900 гг. неурожайными.

См. „Опытъ изученія вліянія неурожая на благосостояніе населенія“. Приложеніе къ отчету Херсонской губ. управы о продов. операціяхъ 1900—1901 гг.

Уменьшилось въ 1901 г.	на	17,6%
Гулевого въ 1900 г.		2,4
Уменьшилось въ 1901 г.	на	17,5%

Отсюда ясно, что „чѣмъ богаче хозяйство и чѣмъ больше у него гулевого скота, тѣмъ меньше оно вынуждено уменьшать число рабочаго скота“ и тѣмъ основы его меньше подкашиваются неурожаемъ.

То же самое слѣдуетъ сказать и о другихъ элементахъ крестьянскаго благосостоянія.

Можно было бы привести массу данныхъ, свидѣтельствующихъ о томъ, насколько гибельно отражаются неурожаи именно на менѣе зажиточныхъ слояхъ населенія: растутъ недоимки, распродается все, что только можно продать, закладываются надѣльныя земли и т. д. и т. д. Каждый неурожай давалъ сильный толчокъ къ дальнѣйшему разоренію деревни, къ пауперизаціи низовъ и выдѣленію зажиточныхъ кулаковъ, къ росту числа безземельныхъ, распродавшихъ или заложившихъ свои надѣлы болѣе зажиточнымъ односельчанамъ. Весь процессъ этотъ совершался и совершается въ условіяхъ, наименѣе выгодныхъ для пролетаризирующейся части населенія, порождаетъ страшное ростовщичество и кулацкую эксплоатацію массъ. Въ результатѣ—благосостояніе широкихъ слоевъ земледѣльческаго населенія, особенно въ мѣстахъ слабаго развитія побочныхъ промысловъ, быстро понижается и такимъ образомъ подготовляется почва для новыхъ и новыхъ неурожаевъ. Сильнѣе всего страдаютъ, конечно, малоземельные низы населенія, затѣмъ значительно теряютъ также относительно многоземельныя хозяйства, но не обладающія достаточнымъ капиталомъ, и наконецъ, выигрываютъ состоятельные многоземельные верхи [1]).

[1]) Для иллюстраціи этого процесса приведемъ такую характерную таблицу. По упоминавшемуся уже нами статистическому обслѣдованію въ Херсонской губерніи, оказывается, что среднее количество наемныхъ рабочихъ на одно крестьянское хозяйство (наиболѣе характерный признакъ зажиточности хозяйства) послѣ неурожайнаго 1900 года измѣнилось такъ:

	У крестьянъ вообще	У крестьянъ богатыхъ.	У нѣмцевъ-колонистовъ
Въ 1900 г. на 1 хоз.	0,04	0,17	0,52
Наемн. рабочихъ + или — въ 1901 г. .	9,8%	8%	+12,5%

„Неурожаи двухъ лѣтъ, — говорится по этому поводу въ докладѣ управы,—не нарушили въ хозяйствахъ нѣмцевъ-колонистовъ общаго нормальнаго теченія. Циклъ работъ у нихъ не сократился, а, напротивъ, явилась потребность въ новыхъ работахъ“. Это обстоятельство свидѣтельствуетъ о томъ, что хозяйственная устойчивость есть результатъ не одного только богатства, выражающагося размѣромъ запашки (какъ у „богатыхъ“ крестьянъ), а всей совокупности условій, отличающихъ нѣмцевъ-колони-

„Недородъ", вызванный первоначально неблагопріятнымъ стеченіемъ условій погоды, вырастаетъ на этой почвѣ въ голодовку массъ населенія, голодъ порождаетъ новое и новое разореніе низовъ населенія, и подорванное такимъ образомъ хозяйственное благосостояніе по инерціи несетъ въ себѣ залогъ новаго и болѣе крупнаго неурожая. Въ такомъ круговоротѣ вращается, все болѣе и болѣе ускореннымъ темпомъ, колесо экономическаго развитія деревни. Крестьянство, въ массѣ своей, обезсилено все повышающимися требованіями, которыя предъявляетъ къ нему крѣпостническое государство, налоги непомѣрно и прогрессивно растутъ, капиталъ для крестьянина обходится все дороже и дороже. Стоитъ указать, напр., на то, что за послѣдніе 25 лѣтъ государственный бюджетъ утроился а за послѣднія 10 лѣтъ—удвоился. Особенно значителенъ ростъ государственнаго бюджета былъ въ то именно время, когда деревня усиленно голодала, подвергалась „недородамъ" и т. п. Дѣйствительно, возрастаніе расходнаго (обыкновеннаго) бюджета было въ %% таковымъ:

съ 1974	по 1882 г.	онъ	увеличился	на	$32{,}2\%$
„ 1883	„ 1891 г.	„	„	„	$25{,}8\%$
„ 1892	„ 1901 г.	„	„	„	$82{,}8\%$

Параллельно съ этимъ отъ населенія требовались все большія и большія жертвы для поддержанія паразитическаго существованія „отечественныхъ" промышленниковъ. Огромныя переплаты въ пользу сахарозаводчиковъ, желѣзопромышленниковъ и пр. отвлекали всякую копейку, ускользнувшую отъ бдительнаго фиска, изъ деревни. Росли также мірскіе и земскіе сборы; жизнь становилась дороже по мѣрѣ того, какъ натуральное хозяйство отмирало. Усиленныя денежныя требованія, предъявлявшіяся къ крестьянскому хозяйству, какъ въ видѣ всевозможныхъ налоговъ, такъ и въ видѣ покупки того, что производилось прежде въ собственномъ хозяйствѣ,—не стояли ни въ какомъ соотвѣтствіи съ ростомъ доходнаго бюджета рядового крестьянина. Особенно это слѣдуетъ сказать, какъ мы видѣли, о крестьянствѣ черноземной полосы, почти совсѣмъ лишенномъ

стовъ отъ крестьянъ, хотя бы и богатыхъ (стр. 16—18). Это, а также цѣлый рядъ другихъ изслѣдованій, относящихся къ различнымъ мѣстностямъ и періодамъ, показываетъ, что болѣе зажиточныя крестьянскія хозяйства, а также частновладѣльческія, въ большинствѣ случаевъ увеличиваютъ въ годы послѣ неурожая и число скота, и размѣры запашки. Такъ, напр., голодный 1891 г., заставившій крестьянъ распродать массу лошадей, сразу поднялъ частновладѣльческое коневодство на $6{,}6\%$ для Саратовской губерніи (Сборникъ Саратовскаго земства, 1893 г., № 12, стр. 311). Какъ отразился вообще голодъ 1891 г. на крестьянскомъ хозяйствѣ, хорошо иллюстрируютъ данныя, приводимыя Н. А. Карышевымъ— „Матеріалы по русскому народному хозяйству", А. И. Скворцовымъ— „Экономическіе этюды" и мн. др.

побочныхъ неземледѣльческихъ заработковъ. Крестьянское хозяйство нечерноземной полосы поставлено въ этомъ отношеніи въ болѣе благопріятныя условія: населеніе имѣетъ здѣсь не только большее поле для приложенія своего труда, но и больше средствъ, благодаря стороннимъ заработкамъ, для интенсификации своего сельскаго хозяйства. Въ черноземной же полосѣ съ теченіемъ времени обстоятельства складывались все болѣе и болѣе невыгодно: меньшее повышеніе заработной платы [1]); затѣмъ непомѣрное увеличеніе арендныхъ цѣнъ, особенно съ середины 90-хъ годовъ [2]); пониженіе хлѣбныхъ цѣнъ, сказавшееся особенно сильно съ середины 80-хъ гг. и тяжело отразившееся на „житницѣ" Россіи, вывозящей хлѣбъ [3]), и т. д. и т. д.

---

[1]) Не вдаваясь въ подробности, я приведу для иллюстраціи этого слѣдующее характерное сопоставленіе изъ цѣнной работы г. Челинцева „Заработная плата поденщику въ Европейской Россіи" (См. „Саратовская Земская Недѣля", 1903 г., № 4.).

Оказывается, что средняя плата поденщику (на хозяйскихъ харчахъ) измѣнилась за 20 лѣтъ слѣдующимъ образомъ:

Районъ.	1882—1891 гг.	1892—1901 гг.	+ въ %
Черноземный . .	42,1 коп.	43,4	3,09
Нечерноземный .	42,4 „	46,7	10,14
	42,3 коп.	44,9	6,14

Въ цѣломъ рядѣ черноземныхъ губерній (Таврической, Бессарабской, Херсонской, Воронежской, Подольской, Волынской, Самарской и Донской Области) плата понизилась, изъ нечерноземныхъ губерній пониженіе наблюдается лишь въ Псковской губерніи.

[2]) По данымъ земскихъ статистическихъ обслѣдованій мы имѣемъ въ среднемъ такое соотношеніе между размѣромъ арендной платы и чистой доходностью земли (для конца 90-хъ гг.):

Районы.	Ар. плата въ %% къ доходн.	Районы.	Ар. плата въ %% къ доходн.
Сѣв.-восточный .	55,1	Средн.-приволжск.	108,8
Восточный	57,6	Новороссійскій . .	128,3
Средн.-промыш. .	75,8	Малороссійскій . .	121,6
Сѣверный	96,4		
Сред.-землед. . .	89,8	Въ средн. по 27 губ.	81,1

[3]) Цѣны на главный хлѣбъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ—рожь—измѣнялись съ 1871 по 1900 г. такимъ образомъ (коп. за пудъ):

Районы.	1871—1885 г.	1886—1900 г.
Сѣверный	97	81
Прибалтійскій . .	91	78
Сред.-промыш . .	84	68
Сѣв.-западный. .	84	66
Юго-восточный .	71	61

Мы указали тутъ, что всѣ условія особенно неблагопріятно складывались для крестьянства черноземной полосы Европейской Россіи, но это отнюдь не значитъ, что населеніе и остальныхъ мѣстностей находится въ сколько-нибудь сносныхъ условіяхъ [1]). Своимъ сравненіемъ мы хотѣли *лишь оттѣнить* роль соціально-экономическихъ факторовъ въ томъ явленіи, которое именуется на казенномъ языкѣ „недородами" и т. п. Несомнѣнно, что и тамъ, и тутъ дѣйствуютъ общія причины, которыя дезорганизуютъ хозяйственную жизнь, однимъ изъ симптомовъ чего являются хроническія голодовки массъ населенія. Все наше изслѣдованіе и преслѣдовало именно эту цѣль: мы стремились показать, въ какой мѣрѣ наши „неурожаи" являются прямымъ порожденіемъ не одного какого-нибудь фактора, сколь бы значителенъ самъ по себѣ онъ ни былъ (напр., ненормальность нашей финансовой системы, или малоземелье, или отсутствіе у крестьянъ капитала для веденія хозяйства и слабое развитіе неземледѣльческихъ промысловъ и т. д.),—а всей совокупности указанныхъ условій:— и политическаго строя, давно переставшаго соотвѣтствовать хозяйственнымъ интересамъ страны, и пережитковъ крѣпостничества въ деревенскомъ укладѣ жизни, и уродливаго хищническаго развитія „отечественной промышленности", и нашей общей хозяйственной (и, конечно, культурной) отсталости, что неминуемо отражается во всемъ экономическомъ строѣ страны. Благодаря совокупному дѣйствію всѣхъ этихъ причинъ, низы крестьянскаго населенія должны считаться съ тѣмъ, что „недороды" все болѣе входятъ въ обиходъ нашей жизни. Всякому теперь ясно, что мы

Районы.	1871—1885 г.	1886—1900 г.
Новороссійскій . .	71	59
Юго-западный . .	67	56
Ср.-приволжскій .	65	57
Ср.-землед.	59	52
Малороссійскій . .	58	52
Сѣв.-восточный .	56	50
Въ средн. по 50 г.	75	63

Колебаніе по годамъ перваго 15-лѣтія выражается въ копейкахъ 61—111, а во второе 45—104.

[1]) Особое „оскудѣніе" черноземной полосы привлекло въ серединѣ 90-хъ гг. вниманіе правительственныхъ сферъ и частныхъ изслѣдователей. Дѣлались попытки признать это „оскудѣніе" лишь привилегіей черноземнаго центра и доказать процвѣтаніе проч. мѣстностей.

Назначенная по этому поводу комиссія 16 ноября 1901 г. выполнила большую работу и въ результатѣ пришла къ такому заключенію, что „не вполнѣ благопріятное положеніе нашего крестьянства" кроется въ „относительномъ малоземельѣ" и что оно присуще не только „центру", но и прочимъ мѣстностямъ Европейской Россіи,—особенно же центру, востоку и части юга (См. матеріалы, вып. III, стр. 279).

не избавимся отъ „недородовъ“, нашихъ русскихъ недородовъ и голодовокъ, до тѣхъ поръ, пока крестьянское хозяйство не перейдетъ на высшую ступень, не станетъ болѣе интенсивнымъ. Точно также и то обстоятельство, что „интенсированіе хозяйства слѣдуетъ за подъемомъ благосостоянія, а не предшествуетъ ему“ [1]), пользуется теперь, кажется, всеобщимъ признаніемъ. Разногласія начинаются лишь съ того момента, когда рѣчь заходитъ о томъ, какимъ именно путемъ можетъ быть осуществленъ этотъ „подъемъ благосостоянія“.

Когда предлагаютъ увеличеніе крестьянскаго землевладѣнія или облегченіе налоговаго бремени, падающаго на массы, или пониженіе таможенныхъ пошлинъ и т. д. въ качествѣ мѣръ, которыя должны, что называется, поставить крестьянское хозяйство на рельсы и толкнуть его по пути интенсификаціи, въ соотвѣтствіи съ растущими потребностями страны,—то сплошь и рядомъ упускаютъ изъ виду, что въ данномъ случаѣ передъ нами вопросъ не того или другого частичнаго реформаторства,—аграрнаго, финансоваго и т. д.,—а вопросъ перехода *къ новому строю хозяйства*, къ иной стадіи экономическаго развитія, къ новымъ формамъ жизни. Этотъ переходъ находится въ самой тѣсной связи съ перестройкой всего соціально-политическаго уклада страны. Чтобы оживить истощенныя силы земли, чтобы парализовать пагубное вліяніе неблагопріятныхъ метеорологическихъ и т. п. условій, писалъ 15 лѣтъ тому назадъ Г. В. Плехановъ,—„надо поставить русское земледѣліе въ новыя общественныя условія, а это будетъ возможно только тогда, *когда измѣнятся экономическія отношенія Россіи*“ [2]). Само же по себѣ измѣненіе налоговой системы, или дополнительная нарѣзка крестьянамъ земли и т. п. не мѣняетъ еще „экономическихъ отношеній“. Нужно, чтобы и увеличеніе крестьянскаго надѣла, и измѣненіе финансовой системы и пр. совершилось *такимъ* именно образомъ, чтобы эти измѣненія послужили базисомъ для коренного переустройства хозяйства и политическихъ отношеній, давно уже переставшихъ удовлетворять потребностямъ страны. Передъ нами—вопросъ не техническій, а вопросъ экономическій и притомъ *непосредственно* касающійся не только крестьянскаго хозяйства, но и всей соціальной структуры страны, и должны быть приложены всѣ усилія, чтобы сбросить, наконецъ, тяготѣющія надъ ней крѣпостныя путы.

Б. Веселовскій.

[1]) М. А. Энгельгардтъ. „Письма о земледѣліи“, стр. 41.

[2]) Г. В. Плехановъ. „О задачахъ соціалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ въ Россіи“, стр. 19.

Кадеты, буржуазная и соціальная демократія.

По поводу одной моей газетной статьи по вопросу о бюджетной тактикѣ разныхъ партій возгорѣлась полемика, которую, къ сожалѣнію, пришлось оборвать какъ разъ въ тотъ моментъ, когда она была перенесена на весьма интересную почву: на почву отношеній между кадетами, буржуазной и соціальной демократіей. Эта полемика показала мнѣ, насколько важно сейчасъ фиксировать тѣ новые моменты, которые внесены въ отношенія между различными флангами нашей оппозиціи новымъ „курсомъ“ конституціонно-демократической партіи. Это я и хочу попытаться сдѣлать въ предлагаемой замѣткѣ.

Можно сказать, что, начиная съ момента созыва первой Думы вплоть до Гельсингфорскаго съѣзда кадетовъ, у соціалъ-демократовъ (я говорю, конечно, о „меньшевикахъ“) было вполнѣ опредѣленное отношеніе къ конституціонно-демократической партіи. Сознавая, что до поры до времени имъ по пути, соціалъ-демократы постоянно поддерживали кадетовъ, хотя порою и рѣзко критиковали ихъ отдѣльные шаги. Гельсингфорскій съѣздъ нѣкоторыхъ изъ насъ заставилъ серьезно призадуматься о томъ, возможно ли будетъ дальше вести ту же политическую линію. И произошло это не потому, что кадеты отказались отъ практическаго проведенія лозунговъ выборгскаго воззванія. Всѣ, серьезно взвѣшивающіе факты окружающей политической жизни, понимающіе, насколько безплодна и вредна политика фразъ и самообольщенія, насколько необходимо приспособленіе политическихъ дѣйствій къ дѣйствительному соотношенію силъ,—словомъ, всѣ стоящіе на почвѣ *реалистической* политики, не могли не отдавать себѣ отчета въ томъ, что выборгское воззваніе было выраженіемъ настроенія политическихъ „верховъ“ въ опредѣленный моментъ, настроенія, нашедшаго лишь очень слабый, до ужаса слабый откликъ въ населеніи страны. Поэтому одинъ только отказъ отъ практическаго проведенія лозунговъ выборгскаго воззванія не свидѣтельствовалъ еще о радикальной перемѣнѣ

курса к.-д. партіи. Фактически всѣ партіи и группы, вплоть до наиболѣе склонныхъ тѣшить себя иллюзіями и отвѣчать ничего не говорящими отписками на властныя требованія жизни, вынуждены были занять ту же позицію. Выборгское воззваніе предполагало наличность настроенія, котораго фактически не существовало.

Но Гельсингфорскій съѣздъ, если не своими резолюціями, то рѣчами и настроеніемъ довольно значительной группы вліятельныхъ ораторовъ показалъ, что правый флангъ кадетской партіи поднимаетъ голову, пріобрѣтаетъ вѣсъ, что, быть можетъ, наступаетъ моментъ, когда кадеты, во время первой думской сессіи шедшіе, въ общемъ, въ ногу со всей демократіей, направятся по пути, который ихъ отъ демократіи отдѣлитъ и приведетъ къ союзу съ мирнообновленцами и октябристами.

Но это было только предположеніе. Твердыхъ, опредѣленныхъ данныхъ, на которыхъ можно было бы построить опредѣленные выводы, а, слѣдовательно, опредѣленную тактику по отношенію къ к.-д. партіи, не было.

Дальнѣйшій ходъ событій принесъ новыя, нѣсколько болѣе опредѣленныя данныя. Кадеты заговорили о томъ, что „героическій періодъ"— періодъ первой Думы—прошелъ, что нужно отказаться отъ политики „штурма" и перейти къ политикѣ „правильной осады". Эта „осада" должна была выражаться въ томъ, что Дума, какъ учрежденіе законодательное, должна, избѣгая конфликтовъ во что бы то ни стало, заниматься исключительно лишь законодательной работой. Такая позиція, сама по себѣ, какъ бы ложна она ни была по существу, еще тоже не могла служить опредѣленнымъ даннымъ для сужденія о политикѣ, которую поведетъ к.-д. партія въ Думѣ. Невѣрно было, конечно, утвержденіе, что Дума является уже нормальнымъ законодательнымъ учрежденіемъ—при существованіи основныхъ законовъ, сковывающихъ ее желѣзнымъ кольцомъ предупредительныхъ и исправительныхъ ограниченій, при той „конституціонной" практикѣ, которая установилась въ періодъ междудумья. Легкомысленно и ошибочно было увѣрять въ этомъ населеніе, ибо такимъ образомъ рисковали дискредитировать въ его глазахъ не только Думу, но даже и самую идею народнаго представительства.

Но—повторяю—это еще тоже не могло служить достаточнымъ основаніемъ къ тому, чтобы соціалъ-демократія радикально измѣнила свое отношеніе къ к.-д. партіи. Прежде всего, всѣ помнятъ, что и передъ открытіемъ первой думской сессіи кадетскій съѣздъ принялъ, по предложенію г. Милюкова, очень умѣренную тактическую „платформу", въ основу которой легло то же стремленіе всѣми силами избѣгать конфликтовъ, что не помѣшало тому, что всѣ семьдесятъ два дня первой думской сессіи были сплошнымъ конфликтомъ съ правительствомъ. А затѣмъ—въ излишне крикливомъ возвѣщеніи новаго „курса" можно было видѣть черезчуръ сильное подчеркиванье самой необходимости измѣнить тактику въ виду

новаго, несомнѣнно гораздо болѣе неблагопріятнаго для народнаго представительства, положенія.

А что тактика первой Думы не годится для второй, что ее нужно сильно „смягчить“ и приспособить къ новой политической конъюнктурѣ, что сейчасъ не приходится разсчитывать на активное вмѣшательство народа и на то, что онъ своимъ активнымъ вмѣшательствомъ разрѣшитъ конфликтъ между народнымъ представительствомъ и самодержавной бюрократіей, если бы такой конфликтъ возникъ,—что небходимо, словомъ употребляя кадетскій терминъ, замѣнить „штурмъ“ „правильной осадой“ это одинаково признавалось всѣми флангами крайней лѣвой оппозиціи, Одни изъ нихъ открыто и недвусмысленно признавали эту необходимость. другіе окутывали свое признаніе въ болѣе или менѣе „революціонныя“ фразы, но ихъ готовность приспособляться къ новой политической конъюнктурѣ стояла внѣ сомнѣнія. Только слѣпой или нарочно представляющійся слѣпымъ могъ этого не видѣть.

Тѣмъ болѣе обращало на себя вниманіе то обстоятельство, что какъ разъ въ это время кадеты, по крайней мѣрѣ въ лицѣ ихъ оффиціоза, усиленно нападали на крайнихъ лѣвыхъ, главнымъ образомъ—соціалъ-демократовъ. Они не только взваливали на нихъ вину въ разгонѣ первой Думы, но приписывали имъ намѣреніе идти во вторую Думу съ одной лишь цѣлью—„взорвать ее извнутри“. Свой лозунгъ—заниматься въ Думѣ исключительно законодательной работой—они толковали такъ широко, что малѣйшій намекъ на то, что Дума должна видѣть свою главную опору во все болѣе и болѣе сознательной поддержкѣ населенія, что, поэтому, и черезъ представленныя въ ней партіи, и какъ учрежденіе въ цѣломъ, она должна связывать себя съ населеніемъ—кадеты объявляли преступленіемъ, актомъ, въ корнѣ противорѣчащимъ самымъ основамъ парламентаризма. Преувеличенныя нападки на лѣвыхъ, излишнее, совершенно несоотвѣтствующее дѣйствительному характеру Думы и, казалось даже, дѣйствительно намѣчаемой кадетами новой тактикѣ, подчеркиванье законодательнаго характера учрежденія, которое фактически законодательными правами еще не пользовалось, свидѣтельствовали только объ одномъ, а именно, что кадетамъ нужно, въ цѣляхъ укрѣпленія своей новой позиціи, возможно рѣзче отмежеваться отъ крайней лѣвой.

Не менѣе ярко свидѣтельствовала о томъ же и позиція, занятая кадетами по вопросу объ избирательныхъ соглашеніяхъ. Несмотри на все свое отрицательное отношеніе къ проявленіямъ новаго „курса“ кадетовъ, соціалъ-демократы - меньшевики высказались за необходимость избирательныхъ соглашеній съ кадетами на мѣстахъ—повсюду, гдѣ предполагалась наличность „черносотенной опасности“, т. е. въ огромномъ большинствѣ избирательныхъ округовъ. Извѣстно, что постепенно меньшевикамъ удалось склонить къ такому же рѣшенію и всѣ фракціи крайней лѣвой, за

исключеніемъ лишь „большевиковъ", которые, впрочемъ, въ провинціи во многихъ мѣстахъ слѣдовали той же дерективѣ, принятой общерусской конференціей соціалъ-демократической партіи. Какое же положеніе заняли въ этомъ вопросѣ кадеты? Они шли на соглашенія лишь въ крайнихъ случаяхъ, à contre coeur, и, въ общемъ, вели свою избирательную кампанію въ такомъ агрессивномъ тонѣ, что, казалось порою, главнѣйшею ихъ цѣлью является возможно больше дискредитировать крайнихъ лѣвыхъ, даже съ рискомъ лишить себя и лишить будущую Думу всякой моральной связи съ массами населенія. Бросалось въ глаза, что если бы мирнообновленцы оказались нѣсколько сильнѣе, или если бы у октябристовъ хватило политическаго такта не дискредитировать себя союзомъ съ правыми и сдѣлать попытку хотя бы нѣсколько вернуться къ манифесту 17-го октября, то кадеты охотно вступили бы съ ними въ союзъ противъ крайней лѣвой и на борьбѣ съ послѣднею сосредоточили бы всѣ усилія, не считаясь съ правыми, которые тогда представляли бы собою въ полномъ смыслѣ слова quantité négligeable.

Кульминаціоннымъ пунктомъ въ этомъ стремленіи рѣзко, демонстративно отдѣлить себя отъ крайнихъ лѣвыхъ былъ умышленный, обдуманно-разсчитанный вызовъ, брошенный г. Милюковымъ, когда онъ въ надѣлавшемъ шума письмѣ, обращенномъ къ московскимъ избирателямъ, сталъ издѣваться надъ „красной тряпкой".

Кадетскіе лидеры—люди осторожные и разсчетливые. И ихъ систематическое стремленіе показать, кому слѣдуетъ, что они ничего общаго не имѣютъ съ этими „революціонерами" изъ крайней лѣвой, показывало, что они подготовляютъ рѣзкую перемѣну фронта. И это предположеніе становилось тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что, какъ выясняли заканчивавшіеся выборы, кадеты лишились своего большинства первой Думы и должны были себѣ искать поддержки—направо или налѣво.

Предъ лицомъ выясняющагося, такимъ образомъ, новаго „курса" кадетовъ—какую позицію должны были занять по отношенію къ нимъ соціалъ-демократы и внѣ Думы, и въ самой Думѣ?

Политическое положеніе было чрезвычайно сложно, неизмѣримо сложнѣе, чѣмъ оно было передъ открытіемъ первой думской сессіи. Мы теперь уже не переоцѣнивали своихъ силъ и не недооцѣнивали силы правительства. Активное вмѣшательство народныхъ массъ уже не учитывалось нами, какъ факторъ, могущій въ каждый данный моментъ измѣнить соотношеніе силъ борющихся сторонъ. Наоборотъ, наша дѣятельность и внѣ Думы, и, главнымъ образомъ, въ Думѣ должна была имѣть своей главной цѣлью содѣйствовать пробужденію массъ, вызывать въ нихъ интересъ къ политической жизни страны, будить въ нихъ активность. Съ этой точки зрѣнія, лозунгъ *беречь Думу* былъ и нашимъ лозунгомъ. Самый фактъ существованія народнаго представительства послѣ семимѣсяч-

ной безграничной диктатуры и безмѣрнаго произвола былъ огромной важности явленіемъ, которое необходимо было использовать въ полномъ объемѣ,—но использовать для укрѣпленія въ народныхъ массахъ идеи народнаго представительства. Ни въ какомъ случаѣ формулу „беречь Думу“ нельзя было развертывать въ формулу „беречь Думу для Думы“. Чѣмъ меньше Дума была дѣйствительнымъ, нормальнымъ законодательнымъ учрежденіемъ, чѣмъ больше мы должны были дорожить ею, какъ орудіемъ для завоеванія властнаго народнаго представительства, тѣмъ больше мы должны были настаивать, чтобы Дума сочетала въ своей дѣятельности осторожность съ твердостью, чтобы она, „не зарываясь“, не устраивая ненужныхъ демонстрацій, использовала во всемъ объемѣ всѣ принадлежащія ей права. Мы не должны были пренебрегать ни одной изъ сторонъ дѣятельности Думы—ни въ области „законодательной“ работы, ни въ области контроля надъ „закономѣрностью“ дѣйствій администраціи, ни въ области бюджетныхъ „правъ“ Думы. Больше всего мы должны были бояться довести Думу до такого состоянія, при которомъ самодержавная бюрократія могла бы или совсѣмъ поработить ее, превративъ ее въ совѣщательный департаментъ при чиновничьемъ министерствѣ, или разогнать ее, когда для населенія обнаружится ея полная безполезность, когда она лишится, слѣдовательно, всякаго довѣрія со стороны народныхъ массъ.

Очевидно, что наши отношенія къ разнымъ партіямъ и теченіямъ оппозиціи должны были, прежде всего, опредѣляться позиціею, которую каждая изъ этихъ партій займетъ въ этомъ основномъ для даннаго момента вопросѣ.

Что представляли собою эти разныя партіи и группы оппозиціи?

Прежде всего нужно замѣтить, что всѣ онѣ далеко еще не опредѣлились окончательно, что онѣ находятся еще въ процессѣ образованія. Вообще говоря, если въ нашемъ „парламентѣ“ исключить два крайніе полюса,—крайнюю правую, представляющую воинствующихъ аграріевъ, и крайнюю соціалъ-демократическую лѣвую, представительницу пролетаріата (впрочемъ, и относительно избирателей этихъ крайнихъ фланговъ намъ придется ниже сдѣлать нѣкоторыя существенныя оговорки),—то остальныя группы и по составу своихъ избирателей, и по своимъ программамъ указываютъ лишь тенденцію, по которой идетъ у насъ распредѣленіе общественно-политическихъ силъ, вырисовываютъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ тотъ путь, по которому направляются у насъ различные слои населенія. Даже и въ странахъ съ долгимъ политическимъ опытомъ, гдѣ политическія партіи опредѣлились довольно отчетливо и точно, гдѣ можно ясно опредѣлить, интересы какихъ соціальныхъ слоевъ каждая изъ нихъ отстаиваетъ, это можно дѣлать не столько на основаніи анализа состава избирателей каждой партіи, сколько на основаніи ея программы и реальныхъ проявленій ея дѣятельности, по тому мѣсту, которое она занимаетъ

на аренѣ соціально-политической борьбы. Да это и понятно. Если бы классовое самосознаніе и политическое воспитаніе зашли уже такъ далеко, что каждый общественный классъ группировался бы вокругъ своей партіи, то были бы уничтожены уже самыя основы классоваго дѣленія общества.

Но если это вѣрно даже по отношенію къ странамъ, гораздо раньше насъ начавшимъ жить болѣе или менѣе сознательной политической жизнью, то тѣмъ болѣе это приходится признать по отношенію къ нашей родинѣ, еще только выходящей изъ состоянія политическаго рабства. Мы живемъ, правда, въ періодъ ломки „стараго порядка“, процессъ расчлененія „единой оппозиціи“ идетъ у насъ поразительно быстро, въ исторіи трудно указать примѣръ такого быстраго политическаго самоопредѣленія разныхъ группъ населенія. Но не забудемъ, что съ октябрьскихъ дней, когда мы стали дѣлать первые шаги по пути національной политической жизни, прошло всего полтора года, что это слишкомъ малый срокъ для того, чтобы наши политическія партіи вполнѣ опредѣлились, тѣмъ болѣе, что политическія партіи, вообще говоря, опредѣляются, главнымъ образомъ, въ процессѣ приспособленія ихъ стремленій къ условіямъ ихъ осуществимости въ данный періодъ.

Но, при всемъ томъ, нужно признать, что общая тенденція распредѣленія политическихъ силъ вырисовывается у насъ довольно опредѣленно— и только объ этой тенденціи мы сейчасъ будемъ говорить.

Если съ этой точки зрѣнія прослѣдить эволюцію конституціонно-демократической партіи, напр., съ момента передъ открытіемъ первой думской сессіи до настоящаго времени, то можно замѣтить очень любопытную картину. Благодаря разнымъ причинамъ (охотно признаемъ, что среди нихъ были и причины временнаго, преходящаго характера), передъ открытіемъ первой думской сессіи кадеты представляли почти все, что было дѣйствительно оппозиціоннаго въ странѣ,—за исключеніемъ развѣ пролетаріата, который они дѣлали тщетныя попытки, если не привлечь на свою сторону, то, по крайней мѣрѣ, примирить съ собою. Съ тѣхъ поръ они почти потеряли крестьянство, которое имъ удается иногда улавливать только въ свои парламентскія сѣти, какъ это, повидимому, случилось передъ самымъ разгономъ первой Думы, когда, по увѣренію г. Петрункевича, нѣсколько десятковъ крестьянъ рѣшили перейти отъ трудовой группы къ кадетамъ, какъ это можетъ случиться и во второй Думѣ. Они потеряли весь такъ назыв. „третій элементъ“ и, вообще, более или менѣе опредѣленно-демократическую интеллигенцію, т. е. какъ разъ тотъ классъ населенія, который могъ бы ихъ связывать съ народными массами. Они лишились поддержки значительной доли мелкой и даже средней буржуазіи.

Г-нъ М., полемизируя съ пишущимъ эти строки въ „Рѣчи“ (№ 76) и доказывая, что кадеты и представляютъ собою „буржуазную демократію“, указывалъ, между прочимъ, съ торжествомъ на то, что въ Думѣ засѣ-

даетъ 112 соціалистовъ (64 с.-д., 34 с.-р. и 14 н.-с.). Допустимъ на минуту, что все это, дѣйствительно, „соціалисты". Но неужели, г. М. не понимаетъ, какой злой насмѣшкой надъ самимъ собою звучитъ въ его устахъ это „торжествующее" указаніе? Кто голосовалъ за всѣхъ этихъ соціалистовъ? Пролетаріатъ? Но г. М. прекрасно знаетъ, что едва пятая часть изъ нихъ избрана пролетаріатомъ. Остальные посланы въ Думу крестьянами, интеллигенціей, мелкой и средней буржуазіей. Но почему же всѣ эти избиратели голосовали не за буржуазно-демократическую" партію—кадетовъ, которые, казалось бы, болѣе призваны при настоящихъ условіяхъ выступать защитниками ихъ интересовъ, а за „соціалистовъ"? Да потому, что они потеряли вѣру въ „конституціонность" и „демократичность" нашей конституціонно-демократической партіи, потому что кадетскіе кандидаты во многихъ мѣстахъ мало, чѣмъ отличались отъ мирнообновленцевъ и болѣе или менѣе порядочныхъ октябристовъ.

Ну, а, помимо соціалистовъ, что представляютъ собою крестьянскій союзъ, часть трудовиковъ, часть „безпартійныхъ лѣвыхъ", что представляетъ собою часть лѣвыхъ кадетовъ, частенько голосующихъ съ крайней лѣвой противъ к.-д.?

Г-нъ Милюковъ говорилъ въ Калашниковской биржѣ, объясняя успѣхъ на выборахъ элементовъ, стоящихъ влѣво отъ кадетовъ, что избиратели были обмануты крайними лѣвыми, ихъ лживыми обѣщаніями и пр. Но вѣдь это объясненіе имѣетъ такую же силу, когда г. Милюковъ выставляетъ его противъ крайнихъ лѣвыхъ, какъ когда „Новое Время", „Московскія Вѣдомости" или „Русское Знамя" выдвигаютъ его противъ собственной партіи г. Милюкова.

Фактъ тотъ, что по мѣрѣ того, какъ одинъ слой буржуазной демократіи за другимъ начинаютъ политически самоопредѣляться, они складываются въ самостоятельныя группировки или пристаютъ къ уже существующимъ партіямъ и группамъ, но не только не остаются у кадетовъ или не только не присоединяются къ нимъ, но становятся по отношенію къ нимъ въ болѣе или менѣе антагонистическія отношенія. Но чѣмъ же объясняется этотъ фактъ? Долженъ же онъ имѣть свои причины?

Кадеты охотно утверждали,—да и теперь продолжаютъ это дѣлать, хотя и рѣже,—что они партія надклассовая, что имъ одинаково дороги интересы всѣхъ классовъ, что они ихъ съ одинаковымъ рвеніемъ и усердіемъ защищаютъ. Но вѣдь мы знаемъ, что даже при самомъ искреннемъ желаніи,—допустимъ, что у кадетовъ такое желаніе было и есть,—удержаться на такой позиціи невозможно. Ибо—говоря словами Каутскаго—„понятіе класса необходимо включаетъ въ себѣ понятіе классовой противоположности. Но если это такъ, то утвержденіе партіи, что она блюдетъ интересы всѣхъ классовъ, является пустой фразой, хуже того—демагогическимъ обманомъ. Оно равносильно утвержденію, что эта партія

одновременно охраняетъ интересы жильцовъ, стараясь понизить квартирную плату, и интересы домохозяевъ, стараясь поднять квартирную плату; что она желаетъ для рабочихъ добиться высокой заработной платы, для капиталистовъ—дешевыхъ рабочихъ рукъ; что она для потребителей стремится къ низкимъ цѣнамъ на жизненные припасы, для производителей—къ высокимъ и т. д. [1]).

Извѣстно, что именно это желаніе объять необъятное, собрать подъ своей сѣнью всѣ классы и группы населенія и привело кадетовъ къ тому, что ихъ стали покидать, одинъ за другимъ, тѣ классы, интересы которыхъ сильнѣе всего страдали отъ этого стремленія примирить непримиримое. Компромиссъ долженъ являться результатомъ борьбы разныхъ партій. Но партія, желающая олицетворять компромиссъ, устраняя борьбу партій, политически невозможна. Она заранѣе осуждена на то, чтобы потерпѣть крахъ. Она или совсѣмъ исчезнетъ, или станетъ партіей какого-нибудь опредѣленнаго класса.

Политическое положеніе имѣетъ свою логику. Когда кадетскую партію, одинъ за другимъ, покидаютъ разные слои буржуазной демократіи и становятся къ ней въ болѣе или менѣе антагонистическія отношенія, то ее лишь по недоразумѣнію можно называть еще буржуазно-демократической партіей: она или уже перестала ею быть, или очень близка къ тому, чтобы перестать ею быть.

Но кого же представляютъ кадеты? Кто за ними идетъ, кто ихъ выбираетъ? Я отвѣчу на этотъ вопросъ тѣмъ, на что уже указывалъ въ другомъ мѣстѣ: такой же вопросъ можно поставить и по отношенію къ либерально-буржуазнымъ партіямъ любой другой страны, гдѣ соціально-политическая дифференціація гораздо глубже и рѣзче, чѣмъ у насъ. Развѣ о германской національно-либеральной партіи, этой типичнѣйшей партіи крупнаго промышленнаго капитала, можно сказать, что за нею идутъ только крупные промышленные капиталисты? Развѣ могла бы существовать и пользоваться хоть какимъ-нибудь вліяніемъ въ странѣ со всеобщимъ избирательнымъ правомъ партія, за которую голосовала бы ничтожная, по сравненію съ общимъ числомъ избирателей, кучка крупныхъ капиталистовъ? Развѣ мы не знаемъ, что за націоналъ-либераловъ голосуютъ и крупная, и средняя, и мелкая буржуазія, и даже часть пролетаріата,—вѣдь насчитываютъ же они въ своихъ рабочихъ профессіональныхъ союзахъ свыше ста тысячъ пролетаріевъ? Развѣ могла бы существовать во Франціи и даже править страной (избранная на то всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ голосованіемъ) въ теченіе ряда лѣтъ аграрно-крупно-капиталистическая мелинистская партія, если бы за нее голосовали только аграріи и крупные промышленные капиталисты?

---

[1]) К. Каутскій. „Классовые интересы“, стр. 6.

Нѣтъ, и за нее голосовали крупная, средняя и мелкая буржуазія и пролетаріатъ. И, однако, не подлежитъ сомнѣнію, что германскіе національ-либералы являются партіей крупнаго капитала, а мелинисты—партіею объединившихся на почвѣ защиты общихъ интересовъ аграріевъ и крупныхъ капиталистовъ.

Гдѣ же „буржуазная демократія", если это не мы? — восклицаетъ г. М. Буржуазно-демократическіе слои населенія представляютъ собою наиболѣе туго поддающіеся опредѣленной политической группировкѣ элементы даже въ странахъ съ гораздо болѣе обширнымъ политическимъ опытомъ, политическимъ воспитаніемъ и традиціями, чѣмъ у насъ. Всѣмъ извѣстно, какую жалкую политическую роль играютъ они въ Германіи; извѣстно также, что даже въ демократическо-республиканской Франціи, захваченной въ свои руки представителями аграрно-капиталистической коалиціи, нагло цинично подавлявшей интересы наиболѣе многочисленнаго во Франціи мелкобуржуазнаго класса, понадобились десятки лѣтъ, чтобы появилась, наконецъ, огранизованная буржуазно-демократическая партія; въ Италіи можно и теперь наблюдать мучительный процессъ зарожденія и первоначальной организаціи такой партіи; въ Англіи буржуазная демократія почти даже не пытается освободиться отъ политической гегемоніи либеральной буржуазіи. А вы хотите, чтобы у насъ, только вчера начавшихъ жить политической жизнью—да еще при какихъ условіяхъ!—уже была обособленная, вполнѣ организованная буржуазно-демократическая партія?

Нѣтъ, у насъ ея еще нѣтъ. Но элементы ея, и притомъ находящіеся внѣ рядовъ конституціонно-демократической партіи, на лицо. Прежде всего, что представляетъ собою часть безпартійныхъ лѣвыхъ, что представляютъ собою трудовики? Я хорошо знаю, что трудовики второй Думы сильно отличаются отъ трудовиковъ первой Думы. Ослабленіе вѣры въ близкое, революціонное или мирное, общегосударственное разрѣшеніе аграрнаго вопроса, очевидность затяжного характера нашего политическаго кризиса не остаются безъ вліянія на настроенія крестьянства. Вслѣдъ за городской оппозиціей дифференцируется и деревенская. Но даже если часть трудовиковъ, по настроенію своему, примыкаетъ, повидимому, къ кадетамъ,—иные говорятъ, что она стоитъ даже правѣе кадетовъ,—то все же значительная часть ихъ стоитъ, несомнѣнно, лѣвѣе кадетовъ и въ важныхъ случаяхъ, рѣзко отмѣчающихъ новую тактику к.-д. партіи, голосуетъ противъ нея. Но вѣдь это не соціальная демократія, надѣюсь, а буржуазная, руководимая буржуазно-демократической интеллигенціей. И при этомъ чрезвычайно характерно, что и всѣ видные вожачи трудовиковъ, и рядъ другихъ членовъ этой группы посланы въ Думу городскими буржуазно-демократическими элементами.

Перейдемъ къ „соціалистамъ". Я уже указалъ выше, что едва пятая

часть изъ нихъ избрана пролетаріатомъ,—остальные получили свои полномочія отъ буржуазно-демократическихъ слоевъ населенія. Что касается народныхъ соціалистовъ, то это утвержденіе не подлежитъ даже оспариванію. Несмотря на ихъ симпатіи къ соціализму, народные соціалисты, меньше всѣхъ другихъ народниковъ, кажется, повинные въ приверженности къ народническимъ утопіямъ, являются объективно теченіемъ чисто буржуазно-демократическимъ; такимъ являются они и по своей программѣ, и по составу своихъ избирателей, и по своей тактикѣ. Если не сейчасъ уже, то черезъ нѣкоторое время наши н.-с ы займутъ въ партійныхъ группировкахъ въ Россіи мѣсто, которое во Франціи занимаютъ такъ назыв. „радикалы-соціалисты". Если они утвердятся въ своихъ реалистическихъ взглядахъ и меньше будутъ вспоминать о своемъ недавнемъ народническомъ прошломъ, они могутъ стать центромъ большой буржуазно-демократической партіи, которой въ Россіи, въ виду выясняющейся эволюціи кадетовъ, принадлежитъ блестящая будущность.

Соціалисты-революціонеры? Но меньше всего, думается мнѣ, сами вожаки этой „партіи" тѣшатъ себя иллюзіями и насчетъ теперешняго положенія, и насчетъ неизбѣжнаго будущаго своей „партіи". Едва родившись на свѣтъ, они выдвинули универсальную программу и еще болѣе универсальную тактику. Не было, кажется, того слоя населенія, за исключеніемъ развѣ аграріевъ и крупныхъ капиталистовъ, представителями интересовъ котораго они не желали бы выступать. Эта „универсальность" не даетъ и не дастъ имъ никогда стать дѣйствительной политической партіею. Не создавая себѣ никакихъ глубокихъ корней ни въ одномъ слоѣ населенія, они въ разное время стремятся присосаться къ движенію различныхъ классовъ, и иногда, пользуясь замѣшательствомъ, временными затрудненіями и внутренними кризисами, они имѣютъ нѣкоторый успѣхъ то тамъ, то въ другомъ мѣстѣ, всегда и всюду оставаясь, однако, не больше, какъ пришельцами, отъ которыхъ безслѣдно отдѣлываются при благопріятныхъ условіяхъ.

Къ кому только не присасывались они въ теченіе своего короткаго существованія? Присасывались они и къ освобожденскому либерально-демократическому движенію, какъ только послѣднее стало пользоваться нѣкоторымъ вліяніемъ; извѣстно, какъ скоро и легко отдѣлались здѣсь отъ нихъ, отдѣлались безслѣдно, потому что даже самый типъ наиболѣе антипатичнаго либерала, либерала „эсерствующаго", вызванъ къ жизни не эс-эрами, а стар й симпатіей либераловъ къ сильно дѣйствующимъ средствамъ народовольческой тактики. Пробовали наши „универсалисты" примоститься и къ гапоновскому движенію, но ничего, кромѣ „конфуза", изъ этого не вышло.

Пытаются они теперь примоститься и къ пролетарскому движенію, и кое-гдѣ имѣли нѣкоторый успѣхъ. Но что *своего*, кромѣ демагогическихъ

пріемовъ агитаціи, внесли они въ это движеніе? Отмѣчено ли ихъ гастролированіе здѣсь какой-нибудь новой чертой въ движеніи, какимъ-нибудь новымъ типомъ организаціи, какой-нибудь оригинальной идеей? Нѣтъ, и отсюда они исчезнутъ безслѣдно и такъ же уйдутъ, какъ и пришли, оставаясь чужими, поскольку часть составляющихъ ихъ элементовъ не растворится цѣликомъ въ пролетарскомъ движеніи. Былъ, однако, слой населенія, гдѣ они могли, если бы способны были къ органической работѣ, пустить глубокіе корни: мы говоримъ о крестьянствѣ. Но для этого нужно было стать открыто крестьянской партіей, стать на почву реалистической политики, основательно отдѣлаться отъ своихъ утопій и предразсудковъ. На такую упорную органическую работу ихъ не хватило. И вотъ, мы видимъ, что по мѣрѣ того, какъ крестьянство опредѣляется, оно слагается въ особыя отъ эс-эровъ группировки: крестьянскій союзъ, трудовую группу. И не подлежитъ сомнѣнію, что предстоящее разрѣшеніе аграрнаго вопроса, которое ни въ какомъ случаѣ не можетъ пойти по намѣченной эс-эрами линіи, отмѣтитъ собою крахъ этой „партіи", которая разложится на сожительствующіе рядомъ, но нисколько не слившіеся въ органическое цѣлое элементы.

Кто ихъ выбиралъ? Отчасти крестьяне, вѣрящіе въ таинственную незнакомку, называемую „соціализаціею", отчасти „эс-эрствующіе" элементы буржуазной демократіи. Ни одинъ депутатъ этой „соціалистической" партіи не посланъ въ Думу пролетаріатомъ.

Перейдемъ, наконецъ, къ соціалъ-демократіи. Какъ соціалъ-демократъ, я, конечно, горжусь тѣмъ, что моя партія одержала на первыхъ же выборахъ, въ которыхъ она принимала участіе, такую блестящую побѣду. Но я думаю, что ни одинъ серьезный соціалъ-демократъ не тѣшитъ себя на этотъ счетъ иллюзіями. Добрая половина нашихъ депутатскихъ мѣстъ получена нами не потому, что мы соціалъ-демократы, а потому, что мы—послѣдовательные демократы. И если бы у насъ существовала во время выборовъ пользующаяся довѣріемъ населенія буржуазно-демократическая партія, мы бы, навѣрное, не одержали такой побѣды.

Такимъ образомъ, произведенный анализъ приводитъ насъ къ тому выводу, что буржуазно-демократическіе элементы разсѣяны по всѣмъ партіямъ и группамъ крайней оппозиціи. Буржуазная демократія не имѣетъ еще своей партіи. Она во всѣхъ странахъ крайне туго слагается въ *свою* опредѣленную политическую партію. У насъ намѣчается уже центръ, вокругъ котораго она можетъ группироваться. Конституціонно-демократическую партію она постепенно покидаетъ, по мѣрѣ того, какъ различные слои ея начинаютъ политически самоопредѣляться,—и не только покидаетъ, но часто ей себя противопоставляетъ.

Теперь мы можемъ вернуться къ поставленному выше вопросу о томъ, какія отношенія могутъ установиться въ настоящее время между соціальной и буржуазной демократіей и кадетами.

Еще задолго до октябрьскихъ дней соціалъ-демократы-меньшевики заняли въ своемъ органѣ „Искра" вполнѣ опредѣленную позицію по отношенію къ слагавшейся у насъ либерально-демократической партіи. Исходя изъ того положенія, то у насъ предстоитъ буржуазная революція, они предлагали пролетаріату, сохраняя свою политическую самостоятельность, поддерживать, въ борьбѣ за свободу, оппозиціонное и революціонное движеніе буржуазной демократіи, стараясь использовать каждую побѣду на предстоявшемъ пути, какъ опору для дальнѣйшей борьбы, для привлеченія въ свои ряды все новыхъ и новыхъ элементовъ, для организаціи дѣйствительно пролетарской партіи, которая способна была бы заставлять („толкать") буржуазную демократію расширять и углублять свою борьбу со старой властью. Предвидѣлось, конечно, что неизбѣжно наступитъ моментъ, когда либерально-демократическая партія остановится, пути разойдутся, но до наступленія этого момента надлежало „врозь идти, но вмѣстѣ бить".

Съ этой, вполнѣ правильной по существу, позиціи соціалъ-демократы, въ томъ числѣ и меньшевики, сошли въ періодъ, непосредственно послѣдовавшій за октябрьскими днями. Пораженія, понесенныя въ ноябрѣ и декабрѣ, вернули ихъ на прежнюю позицію, правильность которой была блестяще, хотя и слишкомъ дорогой цѣной, подтверждена опытомъ. Для всѣхъ, способныхъ анализировать дѣйствительное положеніе вещей, отдавать себѣ ясный отчетъ въ реальномъ соотношеніи силъ, было очевидно, что отнынѣ, въ теченіе всего періода ломки стараго строя, пролетаріатъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ выставлять такихъ лозунговъ непосредственной борьбы, которые бы его оставляли изолированнымъ, что до тѣхъ поръ, пока существуетъ революціонное и оппозиціонное движеніе другихъ общественныхъ классовъ, онъ долженъ его поддерживать, что только такая тактика можетъ обезпечить ему осуществленіе его демократическихъ требованій.

Съ тѣхъ поръ меньшевики неуклонно проводили эту тактику. Критикуя—иной разъ очень рѣзко—отдѣльные шаги нашей единственной либерально-демократической партіи, они постоянно ее поддерживали и не выставляли такихъ непосредственныхъ лозунговъ, которые прорывали бы пропасть между различными флангами оппозиціоннаго и революціоннаго движенія. Были, конечно, ошибки, но вѣдь ихъ не дѣлаетъ только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. Бывали и моменты, когда кадеты своей слишкомъ большой „трезвенностью", слишкомъ практическимъ оппортюнизмомъ чрезвычайно затрудняли для меньшевиковъ неуклонное проведеніе ихъ тактики. Но послѣ рѣзкихъ нападокъ они все же возвращались на свою твердо

установленную позицію, тѣмъ болѣе, что до поры до времени кадеты, противъ своей воли, вынужденные необходимостью не утерять связи съ широкими слоями демократіи, въ общемъ, вели настолько опредѣленную демократическую политику, что поддерживать ихъ можно и необходимо было.

Такая позиція устанавливалась соціалъ-демократами, конечно, совершенно независимо отъ того, какъ относятся кадеты къ „поддержкѣ" со стороны соціалъ-демократіи, которая, къ тому же, нисколько не обманывалась насчетъ истинной природы либерально-демократическихъ кадетовъ. Кадеты рѣзко отмежевывали себя отъ соціалъ-демократовъ и принципіально, и тактически,—это было ихъ право, даже ихъ обязанность, какъ опредѣленной политической партіи; они порою очень рѣзко критиковали позиціи соціалъ-демократіи,—и это было въ порядкѣ вещей: обѣ партіи оставались принципіально враждебными другъ другу, и если соціалъ-демократы поддерживали кадетовъ, то только потому, что они считали это выгоднымъ съ точки зрѣнія интересовъ пролетаріата. И они оставались на этой позиціи даже тогда, когда кадетовъ, желавшихъ показать свою лойяльность, свою полную готовность пользоваться исключительно парламентскимъ путемъ, даже въ тѣхъ рамкахъ, которыя отведены россійскому „парламенту", явно шокировала поддержка такой „революціонной партіи"; они не сходили съ этой позиціи даже и тогда, когда кадеты прямо и открыто отталкивали ихъ поддержку. Ибо цѣною такой „поддержки" соціалъ-демократія, иногда вмѣстѣ съ другими элементами крайней демократіи, заставляла кадетовъ переходить, даже противъ своей воли, границы того, что они себѣ заранѣе намѣчали.

Бываютъ моменты въ политической жизни, когда поддержка демократовъ со стороны соціалъ-демократіи можетъ, главнымъ образомъ, выражаться въ безпощадной, послѣдовательной критикѣ; бываютъ моменты,—и такой моментъ переживали мы,—когда *одна только* критика, безъ положительной поддержки, можетъ дать результаты, какъ разъ противоположные тѣмъ, которыхъ отъ нея ждутъ.

Соціалъ-демократы поддерживали кадетовъ только потому, что они это считали выгоднымъ для себя. И то же соображеніе разсчета должно было опредѣлить моментъ, когда соціалъ-демократы отъ этой поддержки откажутся. Какъ обстоитъ въ этомъ отношеніи дѣло *въ настоящій моментъ?*

Прежде чѣмъ перейти къ этому вопросу, я считаю нужнымъ выяснить одно недоразумѣніе, вызванное указанною выше моей газетной статьею, совсѣмъ неправильно истолкованною г-номъ М. изъ „Рѣчи" и не совсѣмъ правильно толкуемой нѣкоторыми другими моими оппонентами. Впрочемъ, быть можетъ, я неудачно выразился.

Рѣчь идетъ объ опредѣленіи роли соціальной и буржуазной демократіи

въ Думѣ, какъ роли „безотвѣтственнаго меньшинства". Я говорилъ въ этой статьѣ: „Кадеты охотно опредѣляютъ роль соціалъ-демократовъ и даже истинныхъ демократовъ въ Думѣ, какъ роль „безотвѣтственнаго меньшинства". *Въ извѣстномъ степени* это вѣрно. Ни соціальная, ни болѣе или менѣе послѣдовательная буржуазная демократія не можетъ, не должна брать на себя отвѣтственность за то „положительное государственное строительство", которое *сейчасъ объективно возможно.* Они обязаны напрягать всѣ свои усилія къ тому, чтобы тѣ компромиссы, которые сейчасъ могутъ быть достигнуты, были наиболѣе выгодны для демократіи; они обязаны использовать въ цѣляхъ дальнѣйшей борьбы за демократическій строй каждый компромиссъ, который, такимъ образомъ, будетъ достигнутъ. Они обязаны, слѣдовательно, принимать самое дѣятельное участіе во всѣхъ стадіяхъ борьбы, форма и содержаніе которой не ими выбираются, а повелительно диктуются имъ исторіей. Но они не могутъ, не должны, отъ имени демократіи, по своей инициативѣ, выставлять тѣ слишкомъ недостаточные, покупаемые слишкомъ дорогою цѣною, ничтожные компромиссы, которые, при данномъ соотношеніи силъ, одни только имѣютъ шансы на практическое осуществленіе".

Повторяю, охотно готовъ признать, что я, быть можетъ, не совсѣмъ удачно подобралъ пущенный кадетами съ полемическими цѣлями терминъ, но мысль, развитую здѣсь, я отстаиваю цѣликомъ. Не только соціальная, но и послѣдовательная буржуазная демократія *не должна брать на себя инициативу* тѣхъ компромиссовъ, которые одни, при данномъ соотношеніи силъ, могутъ быть достигнуты. Но значитъ ли это, что я предлагаю демократіи *умыть руки* и „ждать" болѣе благопріятныхъ условій? Ограничиваю ли я хотя бы въ одномъ какомъ-нибудь отношеніи всю ту разнообразную плодотворную работу, которую демократія может теперь дѣлать? Нѣтъ, я предлагаю только демократіи помнить, что она находится въ непримиримой оппозиціи къ существующему режиму, что она ни въ какомъ случаѣ не должна вступать съ нимъ въ торгъ, а вести постоянную борьбу, пользуясь каждой побѣдой или полупобѣдой для дальнѣйшей борьбы съ нимъ. Пусть, въ области основныхъ вопросовъ, стоящихъ теперь на очереди, врагъ, отступая, даетъ тѣ или другіе, хотя бы самые недостаточные, ничтожные компромиссы,—берите ихъ и продолжайте борьбу дальше, но не берите вы на себя инициативу такихъ компромиссовъ. Не учитывайте заранѣе равнодѣйствующую: дайте борьбѣ общественныхъ силъ опредѣлять и прокладывать ее. Ибо иначе вы до крайности ослабляете свою позицію, суживаете свой размахъ, ослабляете и деморализуете свою армію.

Поясню это примѣромъ. По вопросу объ отношеніи къ проекту бюджета были выдвинуты, если оставить частности, три различныя тактики: 1) отказъ отъ голосованія бюджета, съ предварительною всестороннею критикою государственнаго хозяйства и правительственной политики и по-

пыткою внести въ бюджетъ всѣ необходимыя поправки; 2) согласиться на голосованіе бюджета, если отмѣнятъ правила 8-го марта 1906 г., фактически лишающія Думу почти всякихъ бюджетныхъ правъ; 3) заранѣе обязаться голосовать бюджетъ, попытавшись внести въ него нѣкоторыя поправки.

Первая тактика была предложена соціалъ-демократами, къ которымъ присоединились соціалисты-революціонеры. Это есть тактика *борьбы*, разсчитанная на то, что, *быть можетъ*, въ ходѣ борьбы будутъ достигнуты тѣ или другіе компромиссы, которые—это заранѣе извѣстно—будутъ, при данномъ соотношеніи силъ, слишкомъ ничтожны сами по себѣ, и которыми необходимо будетъ воспользоваться, какъ опорными пунктами, для дальнѣйшей борьбы. Это тактика непримиримой съ настоящимъ режимомъ *оппозиціи*, которая заранѣе знаетъ, повторяю, что достижимые въ настоящій моментъ компромиссы ее ни въ какомъ случаѣ удовлетворить не могутъ, которая не можетъ и не желаетъ брать на себя за нихъ *отвѣтственность*. Она, какъ всякая непримиримая съ даннымъ режимомъ оппозиція, *безотвѣтственна за то „положительное государственное строительство"*, которое сейчасъ возможно, не можетъ и не желаетъ быть отвѣтственной. Значитъ ли это, что она „умываетъ руки", „отходитъ въ сторонку", „ждетъ" болѣе благопріятныхъ для себя временъ, отказывается отъ всякаго вліянія на *текущій* моментъ, на *текущую* борьбу? Ни въ какомъ случаѣ. Больше того—совсѣмъ наоборотъ. Давно уже было замѣчено, что самая принципіальная тактика бываетъ обыкновенно и самой практической, самой плодотворной результатами. И это положеніе блестяще оправдалось въ разбираемомъ нами случаѣ. Никто не станетъ отрицать теперь, что принципіально-непримиримая, самостоятельная тактика соціалъ-демократовъ въ бюджетномъ вопросѣ одна лишь вырвала у г. Коковцова, по крайней мѣрѣ, тѣнь объясненія правительственной политики и болѣе ясное признаніе за Думою хотя бы нѣкоторыхъ бюджетныхъ правъ, признаніе, котораго не было въ отвѣтныхъ рѣчахъ министра, когда онъ возражалъ гг. Кутлеру и Струве. Соціалъ-демократы принимаютъ, такимъ образомъ, самое дѣятельное *участіе* въ „государственномъ строительствѣ", оказываютъ на него самое активное вліяніе, но никогда они, *по своей иниціативѣ*, не могутъ вырабатывать и предлагать демократіи тѣ компромиссы, которыхъ они добиваются въ борьбѣ. Всѣмъ извѣстно,—и это было признано самимъ канцлеромъ,—что все современное германское соціальное законодательство обязано своимъ существованіемъ борьбѣ соціалъ-демократической партіи. Конкретные законодательные акты явились компромиссомъ, достигнутымъ въ процессѣ борьбы, но никогда соціалъ-демократы не выдвинули бы такой тактики, которая, заранѣе учтя достижимый при данныхъ условіяхъ компромиссъ, брала бы на себя иниціативу и отвѣтственность за его предложеніе. Г-нъ М. видитъ теперь,

что меньше всего я предлагалъ соціальной и буржуазной демократіи отойти въ сторону и ждать, меньше всего я предлагалъ имъ отказаться отъ борьбы въ Думѣ и перенести ее всецѣло за предѣлы Думы. Я предостерегалъ ихъ только отъ тактики *соглашеній* со старымъ режимомъ, которая неизбѣжно предполагается объективно возможнымъ, при настоящихъ условіяхъ, „положительнымъ государственнымъ строительствомъ".

Вторая тактика, выдвинутая по бюджетному вопросу и предлагавшая демократіи согласиться на голосованіе бюджета при условіи отмѣны бюджетныхъ правилъ 8-го марта въ той ихъ части, которая не включена въ основные законы, была предложена газетою „Товарищъ". Это, въ лучшемъ случаѣ, тактика фикціи и самообмана („демократія соглашается на голосованіе бюджета, *если* всѣ ея поправки будутъ приняты"), въ худшемъ— тактика торга и соглашеній, тактика, въ сущности, тоже построенная на фикціи, потому что соглашеніе предполагаетъ, по крайней мѣрѣ, *двѣ* договаривающіяся стороны, между тѣмъ, какъ въ данномъ случаѣ одна сторона „предлагала", а другая и слушать не хотѣла. Лишенная, такимъ образомъ, всякаго реальнаго содержанія, эта тактика никакихъ результатовъ не дала и дать не могла. Это, въ полномъ смыслѣ слова, тактика безсилія. И на такую тактику безсилія демократія осуждена до тѣхъ поръ, пока она захочетъ вести свою политику чисто-кадетскими методами, т. е. пока она будетъ стремиться *сейчасъ же, только* парламентскимъ путемъ разрѣшить стоящіе на очереди политическіе вопросы. Соціальная демократія, думается мнѣ, обязана предостерегать демократію буржуазную отъ такой тактики.

Наконецъ, третья тактика была предложена кадетами. Въ этой тактикѣ, какъ солнце въ каплѣ воды, отразилась вся теперешняя политика кадетовъ. Она состояла въ томъ, чтобы *пока* голосовать бюджетъ на 1907 годъ, оставаясь на почвѣ правилъ 8-го марта и стараясь провести тѣ нѣкоторыя поправки, проведеніе которыхъ этими правилами допускается, одновременно внести законопроектъ объ измѣненіи той части этихъ правилъ, которая не включена въ основные законы, и, если законопроектъ успѣетъ до осенней сессіи Думы пройти черезъ всѣ законодательныя инстанціи и стать закономъ, сосредоточить всю бюджетную борьбу при разсмотрѣніи росписи на 1908 годъ. Эта тактика была тѣмъ болѣе неожиданна со стороны кадетовъ, что и во время избирательной кампаніи, и передъ самымъ открытіемъ думской сессіи они развивали ту мысль, что бюджетъ представляетъ собою главную почву, на которой борьба возможна и необходима.

Тактика эта, какъ и вся, вообще, теперешняя политика кадетовъ, характеризуется одной общей чертой. Заранѣе учтя возможный въ данномъ случаѣ компромиссъ, они выдвигаютъ его, какъ свое рѣшеніе вопроса. Этимъ, правда, устраняется возможность конфликтовъ, но, вмѣстѣ

съ конфликтами, устраняется и всякая борьба народнаго представительства со старой властью [1]). Это тактика партіи, которая во что бы то ни стало стремится къ соглашенію со старой властью, которая непремѣнно желаетъ раздѣлить съ этой властью отвѣтственность за его политику. Стремленію сохранить представительное учрежденіе она подчиняетъ все, рискуя дискредитировать въ глазахъ народныхъ массъ самую идею народнаго представительства.

Такова и, вообще, тактика кадетовъ въ настоящее время. Мы видѣли, какова была ихъ политика по отношенію къ крайнимъ лѣвымъ до открытія думской сессіи. Какъ же они вели себя по отношенію къ нимъ въ самой Думѣ? „Парламентское" положеніе характеризовалось тѣмъ, что изъ господствующаго большинства въ первой Думѣ кадеты превратились въ меньшинство—во второй. Мирнообновленцевъ и октябристовъ было слишкомъ мало, чтобы ихъ поддержка оказалась достаточной, даже при тѣсномъ союзѣ кадетовъ съ національными группами (польскимъ коло и мусульманами). Необходимо было, слѣдовательно, искать поддержки со стороны крайнихъ лѣвыхъ группъ, и это было тѣмъ легче, что, какъ мы уже выше отмѣтили, эти группы сейчасъ тоже отказывались отъ тактики „штурма" и готовы были принять тактику „правильной осады", что онѣ, слѣдовательно, склонны были, сохраняя полную самостоятельность каждой изъ нихъ, поддерживать кадетовъ, пока они будутъ вести дѣйствительно конституціонную и дѣйствительно демократическую политику. Но они, зная это, стремились, однако, прежде всего, возможно болѣе рѣзко отмеже-

---

[1]) Г-нъ М. изъ „Рѣчи" приводитъ еще одинъ „убійственный" аргументъ въ пользу такой тактики. Вслѣдъ за г. Фридманомъ онъ увѣряетъ, что тѣ, кто отказывается отъ голосованія бюджета, молчаливо санкціонируютъ заключеніе „займа въ прошлогодней цифрѣ"—и дѣлаютъ они это „по невѣжеству или непониманію". Mes compliments, г. М., за такой блестящій аргументъ! Я еще понимаю, когда г. Фридманъ, „спеціально занимающійся финансами", заслоняющими передъ нимъ политическую сторону вопроса, приводитъ такіе аргументы, но когда г. М. повторяетъ ихъ вслѣдъ за нимъ, то мнѣ остается только приписать это—онъ мнѣ позволитъ употребить его элегантное выраженіе благовоспитаннаго кадета? — его „непониманію или невѣжеству". Почему онъ остановился на займѣ? Почему онъ не пошелъ дальше и не прибавилъ, что мы санкціонируемъ кредиты на всѣ военно-полицейскія репрессіи, на все, что творитъ существующее правительство на выколачиваемыя изъ народа деньги? Онъ такъ скоро освоился со своей новой „тактикой", что забываетъ такую простую вещь, что народное представительство, лишенное бюджетныхъ правъ, только отказомъ отъ голосованія бюджета и можетъ сложить съ себя всякую отвѣтственность за правительственную политику. А еще такъ недавно онъ, казалось, такъ твердо это зналъ...

ваться отъ крайней лѣвой, демонстративно противопоставляя свою позицію позиціи крайней лѣвой (вспомнимъ дебаты по вопросу о помощи безработнымъ). Зачѣмъ?

Формально они ставили вопросъ такъ: „Мы ведемъ *свою* политику,—присоединяется къ ней, кто хочетъ". Это знаменитая формула Бисмарка, который „ставилъ свое знамя посреди рейхстага" и звалъ группироваться вокругъ него, кому это желательно и выгодно. Но если на такой позиціи могъ удерживаться Бисмаркъ, обладавшій „всею полнотою власти", въ полуабсолютистской Германіи, то партія, еще властью не обладающая, на такой позиціи устоять не можетъ. Политическое положеніе имѣетъ свою логику, и между крайней лѣвой и кадетами постепенно начали устанавливаться враждебныя отношенія.

Въ сущности, кадеты противъ этого ничего не имѣли. У нихъ былъ свой „планъ". Усиленно нападая на соціальную демократію и стараясь искусственно ее изолировать (полемика по вопросу объ отвѣтѣ на декларацію Столыпина и пр.), они хотѣли постепенно привлечь къ себѣ элементы, стоящіе между ними и соціальной демократіей. Осуществленіе этого „плана" встрѣчало затрудненія,—крайнія лѣвыя группы не „зарывались" и на „штурмъ" не переходили. Но, въ общемъ, надо сказать, что нѣкоторыхъ успѣховъ кадеты достигли. Трудовая группа, насчитывающая около сотни членовъ, представляетъ собою тотъ слишкомъ неопредѣленный, слишкомъ неустойчивый резервъ, изъ котораго кадеты перетягиваютъ къ себѣ новыхъ сторонниковъ.

Для чего имъ нужно было самостоятельное большинство? Если бы они хотѣли вести борьбу, хотя бы самую умѣренную, самую осторожную,—они знали, что въ большинствѣ случаевъ они будутъ поддержаны крайними лѣвыми: не разъ могли они убѣдиться въ этомъ на практикѣ. Но они хотѣли не борьбы, а соглашенія со старой властью. Какъ намъ нужно отнестись къ этому?

Если бы мы могли этому воспрепятствовать, мы обязаны были бы это сдѣлать. Но сейчасъ, при данномъ настроеніи страны, мы этого сдѣлать не можемъ. Мы обязаны считаться съ этимъ, какъ съ объективнымъ даннымъ, и учитывать политику кадетовъ цѣликомъ при выработкѣ нашей тактики, при рѣшеніи вопроса о нашемъ дальнѣйшемъ отношеніи къ кадетамъ.

Даже политику соглашенія кадеты могли бы вести двоякимъ путемъ. Они могли бы, умѣряя свои требованія, но продолжая борьбу и не стремясь сейчасъ же, какою угодно цѣною, стать руководителями судебъ Россіи, выжидать послѣдовательныхъ шаговъ къ себѣ со стороны старой власти. Въ этомъ случаѣ они могли бы, хотя и съ трудомъ, сохранить контактъ, если не съ соціальной, то, по крайней мѣрѣ, съ частью буржуазной демократіи. Но этому пути они, очевидно, предпочитаютъ путь непосред-

ственнаго соглашенія—и возможно скорѣе. При такихъ условіяхъ соціальная демократія, которая должна смотрѣть гораздо дальше и глубже, чѣмъ кадеты, которая знаетъ, что судьбы русской демократіи вовсе не обязательно связаны съ судьбами второй Госуд. Думы, должна напречь всѣ усилія, чтобы не дать кадетамъ увлечь за собою колеблющуюся часть буржуазной демократіи по избранному ими для себя пути.

Значитъ ли это, что мы сами будемъ, такимъ образомъ, толкать кадетовъ въ объятія старой власти? Нѣтъ. Но мы должны имъ сказать: не меньше васъ мы дорожимъ Думою, самимъ фактомъ существованія представительнаго учрежденія. Но Дума есть для насъ только средство. Мы хотимъ избѣгать преждевременныхъ конфликтовъ, которые могли бы дать самодержавной бюрократіи предлогъ разогнать Думу, но Дума есть для насъ, должна быть въ глазахъ народныхъ массъ учрежденіемъ, гдѣ ведется борьба между безправнымъ народомъ и полновластной бюрократіей. Въ тотъ день, когда эта борьба прекратится, Дума потеряетъ всякій интересъ въ глазахъ народа. И тогда будетъ дискредитирована въ его глазахъ самая идея народнаго представительства. И этотъ день будетъ крахомъ демократіи на долгое время. Угодно вамъ пойти по этому пути? Ступайте. Если вы чего-нибудь достигнете, мы используемъ это въ цѣляхъ дальнѣйшей борьбы за демократическій строй. Наша армія останется съ нами.

Но для того, чтобы она осталась съ нами, чтобы демократія не была ослаблена и деморализирована, мы должны, если только выяснится, что кадеты, дѣйствительно, направляются по этому пути, круто порвать съ ними. Пусть идутъ одни. Съ ними, въ странѣ, пойдутъ сознательно только крупная и часть средней буржуазіи. Пусть они открыто станутъ политическими выразителями этихъ общественныхъ слоевъ.

Поскольку это зависитъ отъ насъ, мы должны сдѣлать все, чтобы не дать демократическимъ элементамъ слѣпо плестись за ними. Борьба за демократическій строй будетъ вестись противъ кадетовъ, если они идутъ на соглашеніе *сейчасъ*, при возможныхъ въ настоящій моментъ условіяхъ. Не дадимъ же деморализировать часть той арміи, вмѣстѣ съ которой намъ, по необходимости, придется вести эту борьбу.

Е. Смирновъ.

Купринъ, какъ выразитель эпохи.

(Соч., т. I, II и III [1]).

А. И. Купринъ—самый крупный писатель нашего времени. Онъ является лучшимъ украшеніемъ новой литературы, и она, по справедливости, можетъ имъ гордиться. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это—ея надежда, такъ какъ, несмотря на уже сдѣланный этимъ яркимъ художникомъ значительный вкладъ въ литературу, онъ, несомнѣнно, еще писатель будущаго: талантъ его обѣщаетъ дать гораздо больше, чѣмъ далъ до сихъ поръ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и богатое содержаніе его творчества, и быстрый, могучій, какой-то стихійный ростъ его художественнаго развитія. Въ его сочной и смѣлой, но не всегда одинаково выдержанной и не всегда одинаково сильной, кисти чувствуются здоровье и мощь великана, который еще не вполнѣ выразилъ себя,—можетъ быть, даже не вполнѣ нашелъ себя, хотя и опредѣлился.

О произведеніяхъ Куприна — немногочисленныхъ, собранныхъ въ трехъ небольшихъ томикахъ—уже выросла цѣлая литература; въ ней есть одна своеобразная черта: это—противорѣчивое разнообразіе отзывовъ о Купринѣ, при общемъ признаніи его таланта. Одни, какъ основное свойство, отмѣчаютъ въ немъ „реализмъ", другіе называютъ его идеалистомъ и романтикомъ, третьи обсуждаютъ вопросъ: бытописатель ли Купринъ, или по призванію чистый лирикъ? Одинъ молодой критикъ недавно назвалъ его „анархистомъ" и, горячась, доказывалъ, что иначе и быть не могло... Подобная пестрота и разноголосица объясняется основнымъ свойствомъ Куприна—удивительнымъ узорчатымъ разнообразіемъ письма и богатствомъ его тоновъ. Очевидно, каждый черпаетъ изъ его сокровищъ то, что ему наиболѣе сродственно, и по-своему правъ въ его оцѣнкѣ. Все, написанное о Купринѣ, очень субъективно и отличается необычнымъ лиризмомъ. Чувствуется, что каждому, говорящему о немъ, хочется говорить и о себѣ, найти для этого убѣдительныя, вну-

---

[1]) Томы I и II изданы „Знаніемъ", а III—книгоизд. „Міръ Бож.".

треннія слова и вложить въ нихъ *свое*, самое сокровенное и цѣнное. Это лучшая похвала художнику—его чуткости, искренности и силѣ, признаніе за нимъ способности каждаго разбудить и заставить быть самимъ собою...

Когда читаешь Куприна, почти всегда ощущаешь приливъ странной—безотчетной и непонятной жизнерадостности; обыкновенно испытываешь двойной, даже тройной токъ мыслей: читаешь его внимательно и въ то же время незамѣтно мечтаешь о чемъ-то неуловимо-пріятномъ, что трудно даже опредѣлить словами—о яркомъ морѣ, залитомъ солнцемъ, о душистыхъ южныхъ ночахъ, о таинственныхъ звѣздахъ, въ которыхъ свѣтятся загадочные міры... И всѣ эти смутныя грезы постоянно тонутъ въ одномъ всепоглощающемъ чувствѣ: радостной увѣренности въ силѣ, значеніи и красотѣ жизни.

Куприна больше всего цѣнятъ—и въ этомъ сходятся всѣ—за необыкновенную, почти классическую красоту языка и выпуклую яркость описаній и изображеній жизни. Дѣйствительно, онъ большой мастеръ слова, онъ удивительно описываетъ. Но это—совершенно особенныя описанія. Въ нихъ нѣтъ прозаической точности и утомительнаго протоколизма, встрѣчающихся у самыхъ выдающихся изъ старыхъ писателей. Отъ нихъ уже вѣетъ гибкостью, легкой подвижностью и синтетическою законченностью модернистскихъ пріемовъ. Авторъ не дѣлаетъ детальныхъ систематическихъ описаній, не анализируетъ вмѣстѣ съ нами явленій (эти процессы совершаются въ немъ внутренно), а даетъ намъ уже готовый синтезъ. Двумя, тремя, иногда даже однимъ штрихомъ, онъ вскрываетъ передъ читателемъ сокровенную сущность вещи, и она становится ему совершенно понятной. Сравненія его мѣтки, образы свѣжи и выразительны. „*Согнутая, узкая, жосткая* спина“ землемѣра („Болото“) „безъ словъ, но съ *мрачною* выразительностью говорила о *нелѣпо* и *жалко* проволоченной жизни, о нескончаемомъ рядѣ *пошлыхъ* обидъ судьбы, объ *упрямомъ* и озлобленномъ самолюбіи“... Развѣ такой, какъ будто нечаянно - брошенный, штрихъ не болѣе значителенъ, чѣмъ была бы обстоятельная повѣсть о разныхъ лишеніяхъ и щелчкахъ судьбы, выпадающихъ на долю неудачника? А „странная, *скромная, нѣжная* и въ то же время *сладострастная* улыбка“ подростка Алички („Рѣка жизни“)—не создаетъ развѣ для нея вполнѣ опредѣленную физіономію, говорящую и о средѣ, и о воспитаніи, и о натурѣ? Вотъ такъ же рельефно выступающія фигуры ея братьевъ, *здоровыхъ* мальчугановъ „со щеками, *пестрыми* отъ грязи, отъ лишаевъ, отъ размазанныхъ слезъ и ранняго весенняго загара“... (тамъ же). Или: „вода и небо“, похожія на „*игру перламутра*, съ его неуловимыми розовыми и голубыми оттѣнками“ („Бѣлыя ночи“); „голубой свѣтъ“, который „лился снопами“ изъ глазъ молодой дѣвушки („Пустыя дачи“) и т. д.

Примѣровъ можно бы привести множество, но и этихъ достаточно, чтобы признать за Купринымъ право на первое мѣсто среди молодыхъ писателей, ищущихъ для литературы новыхъ путей. Всякое исканіе законно, но не всегда плодотворно; и на результатахъ его иногда лежитъ такая рѣзкая печать искусственности, что мы, теоретически примиряясь съ ними, не способны принять ихъ сердцемъ. Таковъ грѣхъ большинства новѣйшихъ писателей. У Куприна, напротивъ, совсѣмъ не чувствуется процесса исканій, но его творчество дѣйствительно проникнуто новою жизнью: она сверкаетъ въ немъ радугой цвѣтовъ, какъ струи фонтана въ солнечный день. Отсюда—свѣжесть, законченность и убѣдительность его образовъ и символовъ. Также выгодно для Куприна сравненіе его языка—красиваго, точнаго и свободнаго, съ тѣмъ вычурнымъ, оригинальничающимъ и какимъ-то худосочнымъ языкомъ, которымъ написано большинство произведеній этой переходной, „ищущей“ литературы.

Говоря о новыхъ пріемахъ Куприна, слѣдуетъ замѣтить, что они у него встрѣчаются не вездѣ, а иногда чередуются со старыми, особенно въ болѣе ранній періодъ творчества. Между ранними и позднѣйшими его произведеніями вообще замѣтна такая громадная разница, какъ будто они написаны двумя разными авторами, что особенно подчеркиваетъ быстроту, съ которой совершается художественное развитіе Куприна. Вѣдь между появленіемъ блѣднаго и растянутаго разсказа „Молохъ“ и такого законченнаго шедевра, какъ „Конокрады“, прошло всего 2—3 года!

Формы творчества стоятъ въ тѣсной связи съ его содержаніемъ, съ индивидуальностью автора и его философіей. Послѣдняя является самымъ важнымъ, опредѣляющимъ то новое слово, которое ему суждено повѣдать міру. Я говорю, конечно, не о міровоззрѣніи въ теоретическомъ смыслѣ, которое можетъ и не быть опредѣленнымъ, а именно о философіи—объ отношеніи автора къ жизни, о его жизненной правдѣ. Ея у писателя не можетъ не быть; и чѣмъ онъ крупнѣе, тѣмъ она опредѣленнѣе, тѣмъ прочнѣе его связь съ жизнью и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сильнѣе его зависимость отъ своей эпохи; воплотить въ художественные образы онъ можетъ только то, чѣмъ она его кормила и поила въ главную пору жизни, когда формировались и крѣпли его душевныя силы.

Въ отсутствіи такой внутренней, всеобъединяющей философіи и жизненной правды когда-то обвиняли покойнаго Чехова. А между тѣмъ именно Чеховъ необыкновенно вѣрно и тонко передалъ намъ правду о своемъ поколѣніи—да иначе и быть не могло съ такимъ чуткимъ, искреннимъ наблюдателемъ, съ такимъ вѣрнымъ сыномъ своей эпохи. Не у Чехова не было своей художественной правды, а у всего его поколѣнія, которое онъ такъ ярко изобразилъ, не было „правды жизни“—въ широкомъ смыслѣ; не было цѣльности и опредѣленности ни въ чувствахъ, ни въ идеяхъ.

Чтобъ представить себѣ безнадежное уныніе той эпохи и понять больныхъ, безвольныхъ, изломанныхъ людей, которыхъ она породила, нужно вчитаться въ Чехова. Ни общественная хроника, ни другіе историческіе документы болѣе близкаго знакомства съ ними не дадутъ. Чеховскіе герои, всѣ эти безчисленные „хмурые“ и „тяжелые“ люди,— истинные герои своего времени. По большей части, это лучшіе люди, умѣющіе особенно тонко чувствовать и разбираться въ окружающемъ, наиболѣе тяготившіеся жизненнымъ гнетомъ, мракомъ и пошлостью. Но у нихъ словно кѣмъ-то невидимымъ подрѣзаны крылья. Они неизлечимо отравлены гнилыми міазмами своего времени. У нихъ нѣтъ никакого аппетита къ жизни, никакого желанія ее устраивать, словно они только случайные и непрочные постояльцы на землѣ. Въ области общественной— они безнадежные пессимисты. Они не только не вѣрятъ въ близость разсвѣта, они не могутъ себѣ его представить своимъ больнымъ воображеніемъ; у нихъ нѣтъ ни руководящей идеи въ міросозерцаніи, ни стихійнаго чувства, которое оправдывало бы жизнь. Не ушелъ отъ общей заразы и Чеховъ, несмотря на свой богатый талантъ и исключительную многогранную натуру. Напомню вскользь только его характерную „Скучную исторію“ и ея героя, талантливаго профессора Николая Степаныча, такъ томившагося въ жизни, несмотря на то, что внѣшнимъ образомъ она сложилась вполнѣ благопріятно и принесла ему больше, чѣмъ онъ ожидалъ.

„...Сколько бы я ни думалъ, и куда бы ни разбрасывались мои мысли, для меня ясно, что въ моихъ желаніяхъ нѣтъ чего-то главнаго, чего-то очень важнаго. Въ моемъ пристрастіи къ наукѣ, въ моемъ желаніи жить и стремленіи познать самого себя, во всѣхъ мысляхъ, чувствахъ и понятіяхъ, какія я составляю обо всемъ, нѣтъ чего-то общаго, что связывало бы все это въ одно цѣлое. Каждое чувство и каждая мысль живутъ во мнѣ особнякомъ, и во всѣхъ моихъ сужденіяхъ о наукѣ, театрѣ, литературѣ, ученикахъ, и во всѣхъ картинахъ, которыя рисуетъ мое воображеніе, даже самый искусный аналитикъ не найдетъ того, что называется общей идеей или Богомъ живого человѣка.

„*А коли нѣтъ этого, то, значитъ, нѣтъ и ничего*“.

Воспитанница профессора, Катя, долго и безсильно изнемогавшая отъ такой же рефлексіи и апатіи, вдругъ загорается бурнымъ протестомъ противъ нея и настойчиво, неотступно требуетъ у своего воспитателя отвѣта на явившійся у нея вопросъ: что дѣлать?

— Что же я могу сказать?—недоумѣваетъ профессоръ.—Ничего я не могу.

— Говорите же, умоляю васъ!—продолжаетъ она, задыхаясь и дрожа всѣмъ тѣломъ.—Клянусь вамъ, что я не могу дольше такъ жить!

Но у профессора одинъ только отвѣтъ, который онъ можетъ ей дать по совѣсти—„*не знаю*“.

Какова судьба тѣхъ молодыхъ силъ, которыя пытались бунтовать противъ безсилія своей эпохи и ея бездорожья, мы у Чехова нигдѣ не видимъ. Онъ намѣтилъ ихъ, онѣ не ускользнули отъ его наблюдательнаго взора, но онѣ чужды его собственному настроенію. Въ его творческихъ глубинахъ отразилось только то старшее поколѣніе, надъ головой котораго непосредственно разразилась гроза реакціи. Нужно было быть совсѣмъ *одинокими* интеллигентами среди безпробудно-спавшей снѣжной русской равнины, чтобъ такъ пасть духомъ подъ вражескими ударами и позволить ненавистному вампиру до дна изсушить ихъ сердце!

Эпоха, хоть на мигъ озаренная солнцемъ, не могла бы создать такихъ людей. Вотъ, молодое поколѣніе, вырастающее на нашихъ глазахъ, не сдѣлается пессимистическимъ, какія бы пораженія ему ни пришлось вынести. Эти молодые люди, почти дѣти, были свидѣтелями самаго величаваго общественнаго момента, какой только можно себѣ вообразить,—почти внезапнаго пробужденія цѣлаго народа; они уже испытали минуту вѣры и полнаго нравственнаго удовлетворенія. Пусть потомъ были ошибки, разочарованія, это не можетъ уничтожить тѣхъ чувствъ, отъ которыхъ у нихъ выросли крылья! Можетъ быть, эти бурные, слишкомъ бурные люди ничего не сумѣютъ создать, но они сами будутъ жить и бороться. Они не боятся ни жизни, ни борьбы и, во всякомъ случаѣ, далеко разгонятъ отъ себя атмосферу унынія и скуки.

Имъ, этимъ вступающимъ теперь въ жизнь юношамъ, чеховская эпоха бездорожья, вѣроятно, совсѣмъ чужда. У насъ же, людей средняго возраста, младшихъ сестеръ и братьевъ чеховскихъ героевъ, несомнѣнно большая съ ней связь. Мы ею воспитаны и до извѣстной степени отравлены. Но мы росли и крѣпли при другихъ, болѣе благопріятныхъ, условіяхъ и потому мы не культивируемъ въ себѣ полученныхъ отъ нея свойствъ, а проклинаемъ, объявляемъ имъ войну. Мы жадно протягиваемъ руки къ молодой манящей насъ жизни, стараемся связать себя съ нею, но часто у насъ недостаетъ для этого силъ. Мы постоянно колеблемся между экзальтированнымъ порывомъ къ жизни и мрачнымъ скептицизмомъ.

Куприну суждено было стать пѣвцомъ этой странной переходной эпохи, непосредственно примыкающей къ чеховской. Въ литературѣ было мелькомъ отмѣчено „вліяніе“ Чехова на ранніе купринскіе разсказы. Мнѣ кажется, что это даже не вліяніе, а нѣчто большее—глубокое сродство. Сродство, конечно, не индивидуальное,—и писательскіе облики и свойства письма у нихъ совсѣмъ различны, даже противоположны,—а сходство общественное, являющееся результатомъ близости эпохъ. По содержанію творчество Куприна непосредственно примыкаетъ къ чеховскому. Въ нѣкоторыхъ его разсказахъ фигурируютъ герои почти чеховскаго облика, съ едва уловимыми новыми чертами. И тѣ, и другіе схожи, дѣйствительно,

какъ члены одной семьи. Въ другихъ разсказахъ это новое звучитъ болѣе явственно и дѣлается болѣе сознательнымъ и опредѣленнымъ. Но борьба двухъ эпохъ чувствуется въ любомъ изъ произведеній Куприна.

Вотъ вамъ характерный герой красиваго, сочнаго разсказа „Жидовка“, врачъ Кашинцевъ, въ которомъ больше всего чеховскаго. Это типичный, рефлектирующій интеллигентъ, у котораго впереди „ничего нѣтъ“, который тонко разбирается во всемъ окружающемъ, но не знаетъ, куда себя дѣть. Однако, это незнаніе носитъ у него гораздо болѣе теоретическій характеръ, чѣмъ у чеховскихъ героевъ: въ немъ сразу звучатъ иныя ноты, отъ него вѣетъ здоровьемъ, и кажется, что вотъ-вотъ этотъ здоровякъ отодвинетъ отъ себя прочь какую-то душную завѣсу, и передъ нимъ откроется вольный просторъ жизни. Вспомните, какое властное обаяніе производитъ на него красота еврейки на постояломъ дворѣ, какъ отъ нея вспыхиваетъ, а затѣмъ „въ священномъ трепетѣ“ замираетъ все его впечатлительное существо. „Когда Кашинцевъ повернулся къ ней лицомъ, ему показалось что какая-то невидимая сила внезапно толкнула его въ грудь и чья-то холодная рука сжала его затрепыхавшееся сердце“. А въ томъ, какъ этотъ герой у Куприна описываетъ удивительную красоту еврейки, нѣтъ ничего чеховскаго,—нѣтъ его стыдливой сдержанности, мягкости и задумчивой грусти; изъ-подъ яркой, увѣренной, мѣстами грубоватой кисти словно рвется жизнь, властная и торжествующая. „Глаза огромные, черные, до того огромные и черные, что кажутся подрисованными, и въ нихъ, около зрачковъ, сіяютъ живыя, прозрачныя золотыя точечки, точно свѣтлые блики въ желтомъ топазѣ... Губы полныя, красныя и хотя въ настоящую минуту сомкнуты, но кажутся раскрытыми, отдающимися“...

— Въ чемъ же счастье?—спрашиваетъ себя герой Куприна, любуясь красавицей, и тотчасъ отвѣчаетъ себѣ:—Единственное счастье—обладать такой женщиной, знать, что эта божественная красота—твоя“...

— „Почемъ знать,—продолжаетъ спустя немного, уже рефлектируя онъ,—не заключается ли весь смыслъ, вся радость моей жизни въ томъ, чтобы всѣмя правдами и неправдами завладѣть вотъ такой женщиной, какъ эта, украсть, отнять, соблазнить—не все ли равно?“

Но Кашинцевъ не только не дѣлаетъ никакихъ попытокъ для знакомства съ красавицей, а не даетъ себѣ насладиться созерцаніемъ ея и торопливо уѣзжаетъ, раньше чѣмъ предполагалъ.

Такъ любопытно чередуются Купринъ и Чеховъ въ этомъ разсказѣ.

Въ заключеніе еще одинъ характерный штрихъ.

Какъ и свойственно всего боящимся, во всемъ сомнѣвающимся и на что-то смутно надѣящимся чеховскимъ героямъ, Кашинцевъ, уѣзжая, задумываетъ: если она (красавица-еврейка) еще разъ поглядитъ, то что-то исполнится... Но „что должно было исполниться, онъ самъ не зналъ,

такъ же, какъ не зналъ имени той скуки, усталости и чувства неопредѣленнаго разочарованія, которыя его угнетали"...

Красавица не оглянулась. И Кашинцевъ съ грустью отправился въ ожидавшую его неопредѣленную даль.

Такую же борьбу двухъ противоположныхъ настроеній мы встрѣчаемъ въ превосходномъ разсказѣ „Болото". Здоровякъ-студентъ Сердюковъ, сопровождавшій землемѣра при межеваніи, тоже въ сильной степени склоненъ къ интеллигентскому рефлектированію и недовѣрію къ жизни; но эти черты ему еще менѣе свойственны, чѣмъ Кашинцеву. Удручающія впечатлѣнія въ избѣ лѣсника, обреченнаго съ семьей на медленное умираніе среди болота, глубоко волнуютъ его впечатлительную душу. Ему кажется, что разъ на свѣтѣ существуетъ такое безвыходное, незаслуженное страданіе, ничто не имѣетъ смысла. Онъ плачетъ и бредитъ во снѣ. Ему снится, будто бы онъ съ жаромъ допрашиваетъ неуязвимаго, прозаическаго землемѣра:—Къ чему эта жизнь? Кому нужно это жалкое, нечеловѣческое прозябаніе? Какой смыслъ въ болѣзняхъ и смерти милыхъ, ни въ чемъ неповинныхъ дѣтей, у которыхъ высасываетъ кровь болотный вампиръ? Какой отвѣтъ, какое оправданіе можетъ дать судьба въ ихъ страданіяхъ?"

Но утромъ отъ этихъ страшныхъ грезъ не остается и слѣда. Нашего героя охватываетъ одно неудержимое желаніе поскорѣе выбраться изъ удушливаго тумана. Ему вдругъ „жадно, до страданія, захотѣлось увидѣть солнце и вздохнуть яснымъ, чистымъ воздухомъ лѣтняго утра". И когда онъ, выкарабкавшись изъ болота, наконецъ, добрался до высокаго песчанаго бугра, онъ едва не задохнулся отъ „прилива невыразимой радости".

„*Туманъ лежалъ бѣлой, колыхающейся безконечной гладью у его ногъ, но надъ нимъ сіяло голубое небо, шептались душистыя зеленыя вѣтви, а золотые лучи солнца звенѣли ликующимъ торжествомъ побѣды*".

Эта заключительная полусимволическая картина могла бы служить хорошимъ эпиграфомъ ко всему творчеству Куприна. Какъ выразитель нашей переходной эпохи, онъ тоже стоитъ на рубежѣ... Позади него туманъ, окутавшій всѣ дороги, и общее уныніе, а передъ нимъ яркій солнечный путь, ослѣпительная панорама надеждъ, способныхъ согрѣть даже сердца тѣхъ, кому не суждено видѣть ихъ осуществленіе...

Чувство жизнерадостности, озарившее младшихъ современниковъ Чехова, далеко не носило чисто-стихійнаго, безсознательнаго характера, а нашло себѣ идейное обоснованіе. Чеховскіе герои страдали отъ отсутствія основной нити, объединяющей міросозерцаніе и „живого Бога". Людямъ послѣдующей эпохи удалось обрѣсти такую руководящую нить. Это была идея индивидуализма, идея самосознанія пробудившейся человѣческой личности. Временно она затмила и оттѣснила все другое. Всѣ по-

мнять, какимъ индивидуалистическимъ настроеніемъ ознаменовался конецъ 90-хъ годовъ. Оно прежде всего выразилось въ увлеченіи ницшеанствомъ. Увлеченіе потомъ нѣсколько стихло и улеглось, но Ницше все-таки вошелъ въ общественное сознаніе и незамѣтно очень многое въ немъ измѣнилъ, отчасти сыгралъ роль оздоровляющаго душа для больной расслабленной психики интеллигентовъ. Его знаменитая поэма о Заратустрѣ для многихъ даже сдѣлалась настольною книгою — впрочемъ, главнымъ образомъ, для тѣхъ, кто нуждается въ поддержкѣ для своего неокрѣпшаго, воскресшаго духа... Для того же, кто самъ внутренно увѣренъ въ своей правотѣ, Ницше слишкомъ *свой* и потому *постоянно* ненуженъ; пріятно только помнить, что онъ былъ и не побоялся одиноко встать во весь свой ростъ передъ чужими, могущими не понять людьми...

Другимъ проявленіемъ индивидуализма было яркое, сверкнувшее, какъ метеоръ, творчество Горькаго. Но Горькій пришелъ къ намъ изъ чужого міра—свободныхъ, особенныхъ людей, ничѣмъ не связанныхъ съ нашимъ интеллигентскимъ прошлымъ и не знакомыхъ съ нашими отравленными муками. Романтическій индивидуализмъ его анархическихъ героевъ волновалъ и восхищалъ, какъ все новое, прекрасное и свободное, но не воспринимался, какъ нѣчто родственное, близкое и вполнѣ возможное. Въ обывательско-интеллигентской средѣ они внушали чувство, близкое къ зависти и восторженному поклоненію, но все-таки оставались чужими. Казалось, что между смѣлыми, зовущими къ свободѣ босяками и чахлыми интеллигентами лежитъ бездна. Горькій словно приходилъ лишь затѣмъ, чтобъ насмѣшливо и гнѣвно сказать интеллигентамъ:—Какъ вы живете!—и показать волшебное царство своихъ грезъ.

Купринъ же впервые отмѣтилъ пробужденіе той самой индивидуалистической идеи въ средѣ обыденныхъ, среднихъ, понятныхъ людей, главнымъ образомъ, въ психологіи интеллигентовъ, почему его творчество своимъ содержаніемъ и примыкаетъ непосредственно къ чеховскому.

Наиболѣе полное воплощеніе индивидуалистическая идея нашла себѣ въ самомъ крупномъ произведеніи Куприна „Поединкѣ". Объ этой талантливой повѣсти въ свое время много писали, но, главнымъ образомъ, объ одной ея сторонѣ—общественной. По своему сюжету, взятому изъ военной среды и затрагивающему одинъ изъ острыхъ наболѣвшихъ вопросовъ, она глубоко соотвѣтствовала тому моменту, въ который появилась,—въ разгаръ несчастной русско-японской войны. Но въ ней не менѣе интересна и сторона другая—чисто внутренняя, такъ сказать, авторская. Она весьма характерна для творчества Куприна и для той эпохи, которая дала ему пищу. Это сплошной гимнъ проснувшейся человѣческой личности, гимнъ величію и красотѣ жизни и, вмѣстѣ съ тѣмъ, глубокая трагедія тѣхъ „прошлыхъ" людей безсильной переходной эпохи, въ уста которыхъ авторъ вложилъ этотъ гимнъ.

И молоденькій, наивный подпоручикъ Ромашевъ, имѣвшій привычку думать о себѣ въ третьемъ лицѣ, и страдавшій запоемъ офицеръ Назанскій—оба крайніе индивидуалисты: одинъ робкій, ощупью идущій по пути къ новой вѣрѣ, другой—убѣжденный ея фанатикъ. Для нихъ нѣтъ ничего дороже и значительнѣе своего „я", имъ все опредѣляется и заканчивается.

Въ Ромашевѣ это гордое сознаніе своей личности впервые является, когда онъ сидитъ подъ арестомъ за нарушеніе военной дисциплины и удивленно прислушивается къ своему собственному, несмѣлому, внутреннему голосу.

„— ...Дверь открыта, мнѣ хочется идти, куда хочу, дѣлать, что хочу говорить, смѣяться, а я сижу... Это *я* сижу. Я. Вѣдь это—Я!..

„...Я!—Ромашевъ остановился среди комнаты и съ разставленными врозь ногами, опустивъ голову внизъ, крѣпко задумался.—Я! Я! Я!—вдругъ воскликнулъ онъ громко, съ удивленіемъ, точно въ первый разъ понявъ это короткое слово.—Кто же это стоитъ здѣсь и смотритъ внизъ на черную щель въ полу? Это—Я! О, какъ странно! Я—а,—протянулъ онъ медленно,—вникая всѣмъ сознаніемъ въ этотъ звукъ.

Радуясь своему открытію, Ромашевъ старается разграничить все, что есть „я", отъ того, что—„не я"; впервые взвѣшиваетъ и сравниваетъ эти два міра. Зачѣмъ ему подчинять себя чужой волѣ, дѣлать сотню ненужныхъ вещей, нести ненавистную военную службу, когда все внѣшнее существуетъ лишь въ связи съ его внутреннимъ „Я"? И родина, которую будто бы нужно защищать, и честь, и враги... „Они живутъ, пока живетъ мое сознаніе. Но исчезни родина и честь, и мундиръ, и всѣ великія слова,—мое Я останется неприкосновеннымъ. *Стало быть, все таки, мое „я" важнѣе всѣхъ этихъ понятій о долгѣ, о чести, о любви...*"

Вслушайтесь въ послѣднія слова. Какая глубокая противоположность съ лозунгомъ предшествующей идейной эпохи—60-хъ—70-хъ годовъ, требовавшимъ отъ личности полнаго подчиненія интересамъ общества, полнаго отреченія и самозакланія! (Въ гуманномъ, но больномъ творчествѣ Гаршина личность съ своимъ „я" приравнивается къ „пальцу отъ ноги"...) Какой протестъ противъ всякаго посягательства на личность и ея возвеличеніе!

Тѣмъ, что индивидуализмъ былъ именно протестомъ, реакціей на крайности прошлаго, и объясняется слишкомъ рѣзкая и сухая его формулировка на первыхъ порахъ. Мы встрѣчаемъ ее у того же Ромашева въ послѣдней бесѣдѣ его съ Назанскимъ.

— *Когда меня не станетъ, то и весь міръ погибнетъ?* Вѣдь вы это говорите?—спрашиваетъ онъ своего учителя.

Въ отвѣтъ проповѣдникъ индивидуализма произноситъ одну изъ характернѣйшихъ своихъ рѣчей.

„— Это самое. И вотъ, говорю я, любовь къ человѣчеству выгорѣла и вычадилась изъ человѣческихъ сердецъ. На смѣну ей идетъ новая божественная вѣра, которая пребудетъ безсмертной до конца міра. Это любовь къ себѣ, къ своему прекрасному тѣлу, къ своему всесильному уму, къ безконечному запасу своихъ чувствъ. Нѣтъ, подумайте, подумайте, Ромашевъ: кто вамъ дороже и ближе себя?—Никто. Вы—царь міра, гордость и украшеніе. Вы—богъ всего живущаго. Все, что вы видите, слышите, чувствуете, принадлежитъ только вамъ. Дѣлайте, что хотите. Берите все, что вамъ нравится. Не страшитесь никого во всей вселенной, потому что надъ вами никого нѣтъ“...—И т. д. въ такомъ же родѣ—много красивыхъ и интересныхъ, но неполныхъ и одностороннихъ мыслей.

Кто помнитъ всѣ утрированные и прямолинейные выводы, которые въ свое время дѣлались изъ философіи Ницше, и въ литературѣ, и въ практической жизни, тотъ согласится, что Купринъ не погрѣшилъ противъ художественной правды. Въ голомъ видѣ формула примитивнаго индивидуализма именно такова. Она вполнѣ соотвѣтствуетъ штирнеровской—этой холодной вершинѣ индивидуализма. „Ничего нѣтъ выше моего „я“... ...„Все, что я дѣлаю,—дѣлаю не изъ любви къ Богу, не изъ любви къ человѣчеству, а изъ любви къ себѣ“ [1])...

Но человѣчество не склонно довольствоваться сухими формулами, а стремится вдохнуть въ нихъ свое живое содержаніе, приблизить ихъ къ жизни.

Человѣкъ не можетъ помириться на ограниченной мысли: „Когда меня не станетъ, то и весь міръ погибнетъ“—и вытекающемъ отсюда выводѣ о пользованіи жизнью во всю, не задумываясь надъ ея смысломъ. Напротивъ, ему свойственно вѣрить въ то, что міръ и все прекрасное въ мірѣ будетъ существовать и тогда, когда его, временнаго и конечнаго, не станетъ; свойственно желать включить себя въ звенья вѣчности, оставить послѣ себя какой-нибудь слѣдъ. Въ этомъ—высшая красота человѣка! Это для него насущная потребность, составляющая неотъемлемую часть того священнаго внутренняго „я“, которое такъ дорого всѣмъ индивидуалистамъ.

Все сказанное, въ особенности, примѣнимо къ намъ, русскимъ славянамъ, въ исторіи которыхъ эта идеалистическая струя проходитъ яркой огненной нитью и для которыхъ индивидуализмъ со всѣми плюсами и минусами все же является чужеземнымъ растеніемъ.

Повидимому, не довольствуется сухой формулой и Купринъ, быть мо-

---

[1]) M. Stirner. Der Einzige und sein Eigentum.

жетъ, потому, именно, особенно щедро надѣлившій обоихъ своихъ героевъ идеалистическими вкусами и склонностями. Оба они люди не только мягкосердные, но и въ высшей степени чуткіе и чистые, съ громадными душевными запросами. Ихъ сокровенную индивидуальную сущность можно передать совершенно обратною формулой:—Пусть погибну я, лишь бы существовало прекрасное въ мірѣ, лишь бы не было осквернено мое понятіе о немъ!—И они дѣйствительно готовы всѣмъ ради него жертвовать, а Назанскій склоненъ даже предпочитать состояніе запоя трезвости, потому что оно удаляетъ его отъ обыденной пошлости и открываетъ ему новые, свѣтлые міры...

Фигура Ромашева—болѣе живая и естественная, болѣе одухотворена авторомъ, но для характеристики авторскаго міросозерцанія Назанскій еще интереснѣе. Вслушайтесь въ восторженныя рѣчи Назанскаго объ идеальной любви, о грандіозной красотѣ міра, о приближающейся переоцѣнкѣ всѣхъ цѣнностей, о будущей прекрасной, свободной жизни человѣчества, когда люди отрѣшатся отъ всего вульгарнаго, пошлаго и научатся свято чтить другъ въ другѣ свѣтлаго бога,—въ этихъ рѣчахъ звучатъ аналогичныя ноты, что и вездѣ въ творчествѣ Куприна. Жизнь, жизнь, прежде всего и важнѣе всего жизнь! И самое цѣнное въ жизни это—человѣкъ, новый—гордый, свободный, прекрасный человѣкъ,—вотъ его ликующій девизъ!

Это послѣднее—высокое понятіе о человѣкѣ—еще разъ выгодно выдѣляетъ Куприна изъ среды новѣйшихъ писателей.

Отличительной чертой молодой литературы является проникновенное и чуткое отношеніе къ природѣ. Въ этомъ ея несомнѣнное достоинство и большая заслуга. Спящую волшебницу, такъ щедро одарявшую древній міръ, давно пора разбудить. Современные люди такъ далеко ушли отъ природы, такъ охладѣли къ ней, такъ долго заглушали въ себѣ ея голосъ и мудрили надъ жизнью! Но всякій большой шагъ впередъ, всякое откровеніе неизбѣжно связано съ односторонностью и преувеличеніемъ. Поэтому-то новое широкое пантеистическое отношеніе къ природѣ у большинства новыхъ авторовъ носитъ характеръ расплывчатости и ограниченности. Среди одухотворенныхъ травокъ и букашекъ у нихъ какъ-то совсѣмъ теряется человѣкъ. Когда я читаю поэтичные, но однообразные этюды Бориса Зайцева, я тоскую, потому что не нахожу у него человѣка. Я испытываю такое чувство, какъ будто попала на какую-то планету, гдѣ выродился настоящій человѣкъ или, вѣрнѣе, еще не народился, не выдѣлился изъ общаго міра природы.

У Куприна вѣнецъ природы, человѣкъ, стоитъ во весь свой ростъ...

Новое индивидуально-идеалистическое сознаніе купринскихъ героевъ не было для нихъ пустыми словами. Одни слова ровно ничего бы не значили! Оно у нихъ опиралось на новыя чувства, на свѣжій запасъ жизненной энергіи. Бѣда только въ томъ, что этотъ запасъ невеликъ и новыя

чувства въ нихъ неустойчивы, не могутъ измѣнить ихъ жизни по существу. Потому и новое сознаніе даетъ имъ мощь только мгновеньями, какъ, напр., у Ромашева во время разговора съ командиромъ, подъ вліяніемъ остраго оскорбленія. Но вѣдь это было только настроеніе, изъ котораго въ повседневную жизнь не переходило ничего. Въ жизни это былъ безвольный, слабый человѣкъ, о чемъ такъ жалѣла его героиня, Шурочка Николаева.

— Зачѣмъ вы такой слабый... Зачѣмъ вы такой жалкій! Вѣдь жалость—сестра презрѣнія. Подумайте: я не могу уважать васъ...

Это была не просто слабость, а какая-то наслѣдственная надорванность и глубокая раздвоенность. Ромашевъ недаромъ имѣлъ привычку думать о себѣ въ третьемъ лицѣ. Между его мечтами и дѣйствительностью была бездна. Онъ воображалъ себя сильнымъ, властнымъ, изящнымъ и обаятельнымъ, а на дѣлѣ это былъ совсѣмъ незамѣтный человѣкъ, болѣзненно-самолюбивый и робкій передъ жизнью, даже внѣшнимъ образомъ неловкій и неуклюжій, не умѣвшій себя въ отношеніяхъ съ людьми поставить,—вообще, человѣкъ „съ куцымъ хвостомъ", по мѣткому выраженію Тургенева. И вина въ томъ была не его, а той эпохи, которая его создала. Усвоить новыя мысли, развить въ себѣ новое сознаніе еще можно искусственно. Но что подѣлать съ наслѣдственной хронической нервностью и дряблостью, съ дрожащими отъ трусливой робости колѣнями (какъ у Ромашева во время разговора съ командиромъ), съ тоскливой безсонницей по ночамъ, требующей брома... съ роковымъ влеченіемъ къ алкоголю, какъ у Назанскаго?.. Борьба неравная!

Какой грустной, трогающей иронiей звучитъ проникновенное (и вполнѣ искреннее) славословіе жизни въ устахъ алкоголика Назанскаго! По словамъ его, если бъ даже онъ, въ концѣ концовъ, очутился подъ колесами поѣзда, и его въ послѣдній моментъ сознанія спросили: „Ну, что, и теперь жизнь прекрасна?"—онъ сказалъ бы съ благодарнымъ восторгомъ: „Ахъ, какъ она прекрасна! Сколько радости даетъ намъ одно только зрѣніе! А есть еще музыка, запахъ цвѣтовъ, сладкая женская любовь! А есть безмѣрнѣйшее наслажденіе—золотое солнце жизни—человѣческая мысль!"..

Тутъ нѣтъ ни преувеличенія, ни противорѣчія. Это новое чувство, обожаніе жизни, почти влюбленность въ нее, очень цѣнно и знаменательно въ людяхъ. Оно—признакъ воскресенія человѣчества и залогъ его торжества въ жизни; безъ него невозможны ни прогрессъ, ни культура, ни творчество. И оно такъ естественно въ герояхъ Куприна! Присутствіе меланхолика всегда пробуждаетъ въ его сосѣдѣ весь запасъ его жизнерадостности. Младшіе современники Чехова были измучены безнадежнымъ пессимизмомъ своихъ старшихъ братьевъ, и, какъ реакція, въ нихъ родилось это новое гордое самосознаніе и жажда жизни. И они ухватились

за него, какъ утопающій за соломинку. Но новое бурное вино нельзя вливать въ старые мѣхи! Новые люди, вмѣстѣ съ старшими братьями, унаслѣдовали, какъ проклятье, обезсиливающіе недуги бездорожной эпохи, и потому не призваны *творить* новую жизнь, не призваны воплотить въ конкретныя формы свои новыя стремленія и мысли... Герои Куприна искренно проникнуты сознаніемъ значенія и красоты жизни, искренно поютъ ей гимнъ, но сами отъ нея мучительно страдаютъ и едва ли способны доплачить ее благополучно до конца—даже при помощи брома и алкоголя... У нихъ есть признаніе жизни, есть любовь къ ней, но нѣтъ таланта жить, нѣтъ никакой выносливости и гибкости... Между теоріей и практикой—постоянный, непримиримый разладъ; большія идеальныя требованія, предъявляемыя къ жизни,—и никакихъ силъ для ихъ осуществленія.

Возьмемъ хотя бы военную службу. И Ромашевъ, и Назанскій—горячіе противники ея и критики. Они ненавидятъ ея сухой формализмъ, безжизненность и безсмысленность и сильно тяготятся пустотой и грубостью военной среды. Они сознаютъ, что первое условіе ихъ спасенія—уходъ оттуда, куда угодно, хоть въ босяки, если они ни на что больше негодны. Назанскій настойчиво совѣтуетъ это своему младшему товарищу.

— Въ васъ есть какой-то свѣтъ... въ нашей берлогѣ его погасятъ...

Но исполнимъ ли этотъ совѣтъ? Вѣдь и Назанскій пробовалъ „уходить", но затѣмъ опять вернулся въ свою „загаженную клѣтку". Въ словахъ его есть намекъ, что къ этому привела его несчастная любовь, подрѣзавшая его крылья. Великая и свѣтлая любовь, которая, по его словамъ, даже безъ взаимности должна открывать новые горизонты!.. Можно ли было ждать чего-нибудь другого отъ Ромашева? Сдѣлалъ ли бы онъ что-нибудь для своего обновленія, если бъ не погибъ на дуэли? Можно усомниться. Вспомните, какъ и почему онъ погибъ. Онъ погибъ изъ-за коварства любимой женщины Шурочки, которая послѣ точнаго подсчета рѣшила, что для ея карьеристическихъ плановъ нелюбимый мужъ будетъ полезнѣе Ромашева и упросила послѣдняго выстрѣлить въ воздухъ... Ромашевъ своимъ тонкимъ чутьемъ даже почти угадалъ жестокій смыслъ ея просьбы, отъ которой его обдало холодомъ. Почему жъ онъ не запротестовалъ? Гдѣ въ это время было его гордое „я", и жадная любовь къ жизни, и свѣтлые планы на будущее?..

Нѣтъ, Шурочка была права въ своихъ грустныхъ приговорахъ надъ Ромашевымъ:—Вы только хотите... вы ничего не сдѣлаете...

Полную противоположность нашимъ героямъ представляетъ сильная, стильная, словно выкованная изъ стали, Шурочка Николаева, въ которую оба они влюблены. Эта странная и сложная натура, съ ея двойственностью—„сухимъ, разсудочнымъ умомъ и страстнымъ, нѣжнымъ сердцемъ" съ ея удивительною гибкостью и смѣлостью—самый интересный образъ,

въ повѣсти. Авторъ очертилъ его немногими, но очень яркими штрихами и какъ будто внесъ въ него самыя интенсивныя ноты своего настроенія. И образъ получился совсѣмъ живой, пугающій своимъ дерзкимъ эгоизмомъ, почти отталкивающій и въ то же время обаятельный. Это—одно изъ наиболѣе любопытныхъ воплощеній индивидуализма, примитивнаго, лишеннаго всякой идеалистической окраски, но рѣзко выраженнаго. Съ моральной точки зрѣнія, это типъ, разумѣется, отрицательный, даже „преступный“. Но чтобъ понять его, чтобъ оцѣнить то *новое*, что въ немъ дѣйствительно заключается, нужно отрѣшиться отъ односторонней оцѣнки и умѣть отличать форму отъ содержанія. Шурочка узка и пуста, какъ вся окружающая ее среда; у нея ограниченные, мѣщански-практическіе идеалы: ей просто надоѣла провинціальная пошлость съ полковыми вечерами, полковыми дамами и скучными, недалекими или пьяными кавалерами; ее угнетаетъ бѣдность офицерскаго существованія: захотѣлось болѣе широкаго бассейна для плаванія—столицы, „блестящаго положенія, умныхъ собесѣдниковъ, тонкаго поклоненія“. Вотъ и все. Но вглядитесь, какая у нея сила и самостоятельность въ преслѣдованіи этихъ незатѣйливыхъ цѣлей! Она способна принести имъ въ жертву все, даже самую дорогую для каждой женщины мечту о гармонической любви... Вѣдь она встрѣтила возможность такой любви въ Ромашевѣ и даже сумѣла, въ короткіе моменты ихъ близости, такъ много отъ него взять и такъ много дать ему въ свою очередь... Но у Шурочки нѣтъ и тѣни обычной для женщины рабской зависимости отъ мужчины и собственныхъ чувствъ. Послѣднія въ ней сильны, цвѣтисты и разнообразны, но играютъ второстепенную роль и всегда могутъ быть подчинены тому, что для нея болѣе важно,—ея жизненнымъ планамъ. Для достиженія ихъ Ромашевъ не кажется ей подходящимъ спутникомъ, и она сосредотачиваетъ свои усилія на „грубоватомъ, добромъ маломъ“, ея мужѣ, къ которому она совершенно равнодушна. Вспыхнувшая ссора между офицерами неожиданно грозитъ крушеніемъ ея планамъ, и она обрекаетъ Ромашева на гибель съ спокойной, циничной жестокостью...

Жестокость вообще является настолько распространенной чертой новаго времени и новыхъ людей, что невольно заставляетъ надъ собой задуматься. Жестокость къ врагамъ... жестокость къ окружающимъ, къ своимъ близкимъ, къ своимъ собственнымъ чувствамъ, во имя преслѣдованія одной цѣли, даже рисовка жестокостью—не есть ли это какой-нибудь предохранительный клапанъ для носителей новаго сознанія жизни? Не есть ли это неизбѣжная переходная ступень? Доказательство ихъ слабости и неустойчивости и вмѣстѣ съ тѣмъ залогъ ихъ будущаго торжества—укрѣпленія индивидуальной мощи и силы?

У Шурочки всѣ черты новаго человѣка и новой женщины. Она любитъ жизнь, но не экзальтированною любовью, а здоровою и спокойною, какъ

всякое живое существо, какъ низшія твари,—любитъ *для себя*. Всѣ ея желанія, вкусы и потребности опредѣляются внутренно, собою, поэтому ей не грозитъ опасность потонуть въ другомъ человѣкѣ, измѣнить ради него свой путь. На всѣхъ ея поступкахъ—рѣзкая печать ея индивидуальности. Въ ней рѣдкое и удачное сочетаніе стихійности натуры съ огромною выдержкою и волей. Отъ всей ея маленькой упругой фигурки вѣетъ здоровьемъ и силой. Нѣтъ въ ней только одного—одухотворяющаго, нравственнаго начала, которое бы эту силу цѣлесообразно направляло. Но вѣдь Шурочка—только переходная ступень къ будущему...

Какъ хороши и поэтичны въ „Поединкѣ" страницы, посвященныя роману Ромашева съ Шурочкой, особенно сцена въ лѣсу, на пикникѣ! Купринъ выказалъ себя большимъ художникомъ въ обрисовкѣ страсти, сдержанной, но глубокой и непреодолимой, заставляющей людей вѣрить легендѣ о двухъ роковыхъ „половинахъ", ищущихъ другъ друга на землѣ... Молодые писатели, любящіе щеголять словомъ „тѣло", могли бы ему позавидовать. Щегольство это, напоминающее чувства дѣвушекъ-подростковъ, впервые надѣвшихъ длинное платье, или гимназиста, закурившаго запрещенную папиросу, впрочемъ, вполнѣ понятно и объясняется долго сдерживаемымъ протестомъ противъ всякаго униженія плоти. Но для того, чтобы противопоставить христіанскому аскетизму нѣчто обратное, нужно самому обладать мощью, нужно умѣть добывать ключи отъ тайнъ жизни, а проповѣдники новыхъ истинъ отличаются этимъ не всегда... Куприна, я думаю, никто не заподозритъ въ пренебреженіи къ плоти; напротивъ, воспитанные цѣломудренной русской музой, критики иногда упрекаютъ его въ излишнемъ специфическомъ „реализмѣ". Какъ художникъ и индивидуалистъ, Купринъ влюбленъ въ жизнь, въ природу, во всѣ ея конкретныя формы и проявленія, а, значитъ, и въ красивое человѣческое тѣло. Но это послѣднее является для него именно только конкретной формой—проявленіемъ сложнаго и загадочнаго человѣческаго существа, которое неустанно, какъ чуткій музыкальный инструментъ, реагируетъ на всевозможныя, не поддающіяся учету, внѣшнія вліянія. Тамъ, гдѣ-то въ таинственныхъ глубинахъ этого существа, рождаются страсти, рождаются какъ будто случайно, невѣдомо, какъ и почему, а на самомъ дѣлѣ по естественнымъ, почти математически-точнымъ законамъ. „Вы мнѣ милы *всѣмъ*"... „Я вижу васъ во снѣ, я... васъ чувствую"... „У насъ все общее и любимое и нелюбимое, и мысли, и сны, и желанія... мы понимаемъ другъ друга съ полуслова"... Какъ это мало похоже на взаимное таготѣніе самцовъ и самокъ, или уродливое „изнасилованіе", которое заполонило новую литературу! Неужели, чтобы обновиться, человѣку непремѣнно нужно погасить себя и урѣзать, отправиться вспять, къ обезьянамъ?..

Въ послѣднее время много спорятъ о бытѣ. Кто-то назвалъ по этому поводу Куприна „лирикомъ сквозь быть". Опредѣленіе оригиналь-

ное и красивое, но едва ли съ нимъ можно согласиться. Отношеніе Куприна къ „быту“ сложное и не вполнѣ опредѣлившееся, или, вѣрнѣе, не вполнѣ еще законченное. Какъ достойный наслѣдникъ, Купринъ солидно реализировалъ богатство, полученное отъ старой литературной школы, погруженной въ бытъ. Его сочная, смѣлая кисть, при соприкосновеніи съ бытомъ, даетъ отчетливый, выпуклый и яркій рисунокъ. Но такой гибкій, впечатлительный талантъ, какъ Купринъ, едва ли на этомъ остановится. Въ его послѣднихъ произведеніяхъ есть на это указанія. „Бытъ“ въ нихъ все больше стушевывается и отодвигается на второй планъ, уступаетъ мѣсто чисто-внутреннему, лирическому, интенсивному изображенію жизни. Характерно, что педантичная критика даже упрекала автора за нѣкоторыя бытовыя „неестественности“ и промахи именно въ этихъ произведеніяхъ („Штабсъ-капитанъ Рыбниковъ“, „Рѣка жизни“),—первый и вѣрный признакъ того, что у художника начался разладъ съ „бытомъ“, недовольство старыми творческими пріемами. Иначе и быть не можетъ. На мой взглядъ, такой разладъ вполнѣ естествененъ, неизбѣженъ...

Я не собираюсь преждевременно хоронить бытъ, разъ онъ еще существуетъ, да еще такъ ослѣпительно сверкаетъ въ Купринѣ. Я хочу только напомнить, что такое „бытъ“, и разобраться въ причинахъ, почему его господство теперь пошатнулось.

„Бытъ“ это—повседневный укладъ жизни, ея кристаллизовавшіяся формы, точный внѣшній обликъ, по которому можно безошибочно судить о ея содержаніи. У старой, вполнѣ сложившейся и выразившейся жизни эти внѣшнія формы тоже вполнѣ отлились и опредѣлились; онѣ не только находятся въ прямомъ соотвѣтствіи съ содержаніемъ,—онѣ его опередили: въ то время, какъ создавшая ихъ жизнь одряхлѣла, выдохлась и постепенно разрушается, уходитъ, формы ея продолжаютъ существовать и краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о прошломъ, какъ пирамиды Египта... Но гдѣ же эти опредѣлившіяся, устойчивыя формы у новой жизни, когда вся она состоитъ изъ броженія и исканія?.. Чеховскій „человѣкъ въ футлярѣ“ долго останется типичнымъ отраженіемъ школьнаго быта и того общественнаго строя, который съ нимъ неразрывно связанъ. Когда уже не останется никакой памяти объ этихъ страшныхъ временахъ, онъ будетъ свидѣтельствовать о запуганныхъ, деморализованныхъ и заживо погребенныхъ людяхъ. А попробуйте нарисовать образъ современнаго педагога! У васъ не получится ничего типично-бытоваго. Вы увидите только картину современнаго, пестраго движенія жизни и на ея фонѣ педагога, не профессіонала, а внутренняго человѣка, со всѣмъ многообразіемъ его запросовъ и интересовъ, жадно ищущаго правды и живущаго сложною ускоренною жизнью. У новой бурной жизни нѣтъ своего быта, своего внѣшняго застывшаго облика. Она вездѣ ютится и отовсюду насильно льется, неожиданно и обильно, какъ весенніе лучи солнца. У нея одинъ только рѣзко обозначившійся неиз-

мѣнный признакъ—непримиримая вражда къ стѣснительному укладу старой жизни, во имя своихъ индивидуальныхъ человѣческихъ правъ,—вражда, которая чувствуется вездѣ: въ семьѣ, въ школѣ, въ общественной жизни.

Натискъ новой жизни и постоянная борьба двухъ противоположныхъ теченій вездѣ отражается въ произведеніяхъ Куприна. Этимъ и объясняется своеобразная волнующая игра контрастовъ въ нихъ, которая всѣмъ такъ нравится: чередованіе смѣшного и трагическаго, жалкаго и героическаго, пошлаго и прекраснаго, внѣшне-вульгарнаго и внутренно-утонченнаго, напр.: сочетаніе въ одномъ человѣкѣ какой-нибудь низменной профессіи и благородной личности. Но игра контрастами у Куприна отнюдь не представляетъ искусственнаго писательскаго пріема, а объясняется указанной борьбой двухъ началъ, двухъ міровъ. Старая бытовая литература не знала „игры контрастами“, потому что ихъ не было въ самой жизни: все въ ней носило характеръ опредѣленности и законченности, полнаго соотвѣтствія формы и содержанія. Глядя на фуражку съ военнымъ или чиновничьимъ околышемъ, всегда можно было приблизительно знать, каковы ихъ обладатели и что у нихъ за укладъ жизни, даже каковы у нихъ дѣти и отношенія съ ними. А попробуйте погадать объ этомъ теперь, когда даже полицейскій можетъ васъ поразить сюрпризомъ, когда военные отказываются повиноваться начальству, выходятъ въ отставку и даже кончаютъ съ собой, вслѣдствіе разлада между внѣшнимъ строемъ жизни и своими личными требованіями!.. Контрасты всецѣло порождены новой жизнью, которая постепенно производитъ переоцѣнку всѣхъ цѣнностей и создала бездну между содержаніемъ и старой формой.

Поворотъ отъ бытописательнаго творчества къ болѣе внутреннему, лирическому, особенно чувствуется у Куприна въ разсказѣ „Рѣка жизни“, вызвавшемъ столь разнообразныя оцѣнки. Прежніе ярко-бытовые штрихи здѣсь встрѣчаются только въ изображеніи той плоской житейской обстановки, среди которой разыгралась драма. Сторонники „быта“ въ литературѣ только эту часть разсказа и признаютъ художественной, а предсмертная исповѣдь невѣдомо откуда явившагося студента кажется имъ искусственной, абстрактной и потому для нихъ неубѣдительной... Мнѣ же яркая, бытовая обстановка разсказа представляется только великолѣпной рамкой, удачно оттѣняющей и углубляющей значеніе того, что тамъ произошло. А исповѣдь студента меня глубоко трогаетъ каждымъ своимъ словомъ, какъ откровеніе новой жизни, и вселяетъ въ меня радостную увѣренность: Купринъ-лирикъ не слабѣе Куприна-бытописателя! Наше время настойчиво требуетъ отъ писателя лиризма...

Предсмертная исповѣдь студента это—философскій выводъ изо всего до сихъ поръ сказаннаго Купринымъ, или, вѣрнѣе, его произведеніями. Это лебединая пѣснь такъ хорошо изображенныхъ имъ безвольныхъ, надломленныхъ людей переходной эпохи.

То, что у Ромашева и Назанскаго было едва намѣчено, у героя „Рѣки жизни“ вполнѣ опредѣлилось. Первые чувствовали безсиліе передъ жизнью и пассивно ее созерцали, послѣдній пришелъ къ горестному, но твердому рѣшенію: такимъ, какъ я, не надо жить... Ромашевъ и Назанскій только предчувствовали приближеніе освободительной бури, которая пронесется надъ землей: студентъ въ „Рѣкѣ жизни“ уже былъ свидѣтелемъ ея перваго взрыва, поставившаго его лицомъ къ лицу съ требованіями новой жизни... требованіями, которымъ онъ, слабосильный выходецъ прошлаго, не можетъ удовлетворить. „Въ теперешнее великое, огненное время позорно, и тяжело, и прямо невозможно жить такимъ, какъ я“... Это правдивое горькое сознаніе и было причиной самоубійства.

А поводъ былъ другой. Поводомъ послужило случайное, но очень характерное обстоятельство, окончательно открывшее студенту глаза на самого себя. Онъ „предалъ“ на допросѣ своихъ товарищей. Предалъ не изъ подлости, конечно, даже не отъ трусости, а отъ какой-то странной внезапной робости (той самой, которая вызывала дрожаніе колѣней у Ромашева)—подъ вліяніемъ грубаго окрика жандарма. Онъ не трусъ, не робѣетъ передъ опасностью—даже теперь передъ смертью, а между тѣмъ „боится людей“. Онъ „на всю жизнь испуганъ чѣмъ-то, что есть въ большинствѣ людей“. Онъ ненавидитъ всѣхъ „опредѣленныхъ, самодовольныхъ, шаблонныхъ, трезвыхъ людей, знающихъ все напередъ“, „людей, души которыхъ мертвы и мысли окоченѣли въ прямыхъ, твердыхъ линіяхъ“. Ненавидитъ и въ то же время трепещетъ передъ ними, ловитъ себя на отвратительныхъ, заискивающихъ улыбкахъ. Отъ всякаго проявленія грубости съ ихъ стороны у него болѣзненно сжимается сердце. Онъ робѣетъ и отступаетъ даже передъ такими невинными носителями шаблона и самоувѣренной обыденности, какъ „мордатые швейцары и барышни въ редакціяхъ“...

Студентъ анализируетъ причины, которыя создали его такимъ, и передъ нами въ его словахъ встаетъ не только послѣдняя, ближайшая къ намъ эпоха реакціи, но и огромная полоса всей старой жизни. Вѣрнѣе, передъ нами въ немногихъ характерныхъ штрихахъ весь обликъ этой жизни съ ея семейнымъ и школьнымъ формальнымъ воспитаніемъ, основаннымъ на почтеніи къ авторитетамъ, на суровой дисциплинѣ и полицейскомъ дозорѣ, съ общественной опекой, не оставлявшей никакого простора для самодѣятельности личности и все изсушившей и опошлившей,—жизни, которая, вмѣстѣ съ рушащимся теперь политическимъ строемъ, ждетъ полнаго упраздненія.

Въ университетѣ на нашего героя повѣяло новыми молодыми мечтами и пламенными мыслями. „Мой умъ съ жадностью рванулся имъ навстрѣчу, но моя душа была уже навѣки опустошена, мертва и опозорена,—говоритъ онъ въ своемъ прощальномъ письмѣ. — Низкая, неврастеническая боязливость впилась въ нее, какъ клещъ въ собачье ухо“...

Аналогичныя жалобы раздавались и въ устахъ чеховскихъ героевъ. Вспомните жалкаго человѣка, которому суждено было „нигдѣ ничего не понимать“ и его признаніе: „мнѣ страшна главнымъ образомъ обыденщина, отъ которой никто изъ насъ не можетъ спрятаться“ („Страхъ“)... Но тогда „обыденщина“ безпросвѣтными сумерками окутывала всю жизнь и безсильные, ропщущіе люди были ея законными владѣльцами; можно было только неопредѣленно мечтать, но не съ чѣмъ было сравнивать. Передъ героемъ же Куприна уже сверкнула ослѣпительная, какъ молнія, заря новой жизни. Онъ произнесъ ей свой восторженный привѣтъ и рѣшаетъ во-время отступить—уничтожиться, сознавая, что эта начинающаяся героическая драма не для него, молчаливаго статиста...

Застрѣлившійся студентъ, подобно другимъ типичнымъ героямъ Куприна, не только проникнутъ сознаніемъ величія и красоты жизни, но и одаренъ большою чуткостью къ окружающему—къ природѣ, съ ея тайнами и къ тѣмъ страннымъ нитямъ, которыя невидимо связываютъ человѣка съ другими людьми и ихъ существованіемъ въ настоящемъ, прошломъ, а можетъ быть, и будущемъ. Въ лицѣ его—предъ нами прообразъ дѣйствительно новаго человѣка (у котораго пока нѣтъ только силъ для проявленія себя въ жизни), человѣка, который, рѣзко порвавъ со всякимъ шаблономъ и скороспѣлымъ рѣшеніемъ жизненныхъ проблемъ, видитъ въ жизни не примитивную теорему, а великую загадку...

Предсмертныя размышленія студента подъ вой собаки, „уже почуявшей покойника“, полны такими настроеніями.

„...Мнѣ думается, что когда человѣкъ уходитъ, сознаніе его уже потухло, но мысль его еще остается, еще дрожитъ въ прежнемъ мѣстѣ. Можетъ быть, мысли и сны всѣхъ людей, бывшихъ до меня въ этой длинной, мрачной комнатѣ, еще рѣютъ вокругъ меня и тайно направляютъ мою волю? И, можетъ быть, завтра случайный посѣтитель этого номера задумается внезапно о жизни, о смерти, о самоубійствѣ, потому что я оставлю здѣсь послѣ себя мою мысль? И, почемъ знать, можетъ быть, не завися ни отъ вѣса, ни отъ времени, ни отъ преградъ матеріи, мои мысли въ одинъ и тотъ же моментъ ловятся таинственными, чуткими, но безсознательными пріемниками въ мозгу обитателя Марса такъ же, какъ и въ мозгу собаки, лающей на дворѣ? Ахъ, я думаю, что ничто въ мірѣ не пропадаетъ—ничто!—не только сказанное, но и подуманное. Всѣ наши дѣла, слова и мысли—это ручейки, тонкіе подземные ключи. Мнѣ кажется, я вижу, какъ они встрѣчаются, сливаются въ родники, просачиваются на верхъ, стекаются въ рѣчки—и вотъ уже мчатся бѣшено и широко въ стройной Рѣкѣ Жизни“...

Тѣ же ноты осторожнаго полу-мистическаго проникновенія въ тайны жизни звучатъ въ другомъ мѣстѣ—въ небольшомъ очеркѣ: „Вечерній гость“. Весь этотъ разсказъ съ его тонкимъ и сложнымъ, какъ дорогая

мозаика, рисункомъ сотканъ изъ такихъ смутныхъ, едва уловимыхъ, но краснорѣчивыхъ настроеній. Они характерны для героевъ Куприна, но еще болѣе характерны для него самого, какъ настоящаго выразителя новаго сознанія.

Герои всегда носятъ на себѣ печать индивидуальности автора. Съ другой стороны, въ созданіи героевъ авторъ бываетъ ограниченъ эпохой, т. е. долженъ создать ихъ на основаніи своихъ впечатлѣній отъ дѣйствительности. Между Купринымъ и его героями чувствуется большое духовное сродство; при этомъ онъ создалъ ихъ правдиво, соотвѣтствующими основному фону той жизни, которая ихъ породила. Но, безъ сомнѣнія, Купринъ сильнѣе и богаче своихъ героевъ; они въ немъ, а не онъ въ нихъ... какъ часто случается съ авторами. И онъ долженъ пойти дальше ихъ, отдавши имъ долгъ родства и дружбы. Когда онъ имѣетъ дѣло съ своими „прошлыми людьми", въ немъ иногда ощущается нетерпѣніе, какъ будто ему душно и тѣсно въ окружающихъ его рамкахъ и хочется далеко шагнуть впередъ.

Въ этомъ смыслѣ я и считаю его писателемъ будущаго.

Е. Колтоновская.

Журнальное обозрѣніе.

(Литерат.-художеств. „Альманахъ“, изд. „Шиповника“, книга первая. „Современный Міръ“ — февраль 1907 г. „Русское Богатство“ — январь 1907 г.).

Недавно вышедшій литературно-художественный альманахъ, изд. „Шиповника“, за исключеніемъ „Жизни Человѣка“ Л. Андреева, во всемъ остальномъ матеріалѣ, къ сожалѣнію, не представляетъ большой цѣнности.

Несмотря на то, что разсказы, помѣщенные въ этомъ сборникѣ, принадлежатъ авторамъ, имена которыхъ пользуются извѣстностью,—во всемъ беллетристическомъ отдѣлѣ сборника нѣтъ ни одной вещи, которую можно было бы признать выше уровня самой скромной посредственности.

Разсказы тусклы и томительно-скучны, какъ только бываютъ скучны часы безплоднаго ожиданія.

Ожиданіе при всякихъ условіяхъ можетъ отравить бодрость духа и повергнуть человѣка въ величайшую скуку; но ожиданіе, которое въ заключеніе оказывается напраснымъ, бываетъ особенно досадно; въ большихъ дозахъ—оно можетъ отравить существованіе.

Книга, украшенная рядомъ литературныхъ именъ, уже не является обыкновенною книгой, которую всякій воленъ читать или не читать, не рискуя обмануться въ своихъ ожиданіяхъ, — такая книга, независимо отъ ея содержанія, уже является тенденціозною: она должна быть прочитана.

Едва ли можно привѣтствовать развитіе такихъ изданій, какими являются отдѣльные литературные сборники.

Дѣлать ихъ для всѣхъ одинаково доступными; печатать въ нихъ, наряду съ извѣстными именами, имена совершенно новыя,—это значило бы сузить до крайней возможности программу періодическихъ изданій и не внести въ область литературно-художественнаго развитія ничего новаго.

Ограничивать же доступъ въ сборники нарождающимся новымъ силамъ, по меньшей мѣрѣ, неразумно.

Всякое ограниченіе, которое всею своею тяжестью направлено въ какую-нибудь одну сторону, въ другомъ мѣстѣ неминуемо создаетъ облегченіе, — и въ данномъ случаѣ можетъ произойти только то, что самыя заурядныя произведенія, подписанныя именами авторовъ, пользующихся извѣстностью, безпрепятственно будутъ находить себѣ мѣсто въ печати, въ то время, когда еще вслѣдствіе чисто-техническихъ условій, естественное право каждаго на печатное слово далеко отъ своего осуществленія.

Насколько альманахъ „Шиповника" въ этомъ смыслѣ можетъ служить яркимъ примѣромъ, могутъ показать разсказы, составляющіе сборникъ, къ обзору которыхъ мы и переходимъ.

Разсказъ Серафимовича „У обрыва" представляетъ изъ себя не что иное, какъ написанный мягкимъ, ровнымъ тономъ широкій пейзажъ, на которомъ всѣ рѣзкія очертанія жанра расплылись и утонули въ густомъ, но еще прозрачномъ сумракѣ лѣтней ночи. Если художникъ и рисуетъ нѣсколько живыхъ силуэтовъ, то только для того, чтобы заставить говорить темноту ночи и разбудить въ природѣ тотъ трепетъ жизни, который присущъ ей, но остается для художника неуловимымъ внѣ обыденныхъ человѣческихъ переживаній.

Было тихо. На берегу, у самой воды, горѣлъ костеръ, то вспыхивая, то снова угасая. У костра двое рабочихъ съ баржи варили кашу, чутко прислушиваясь къ тишинѣ и стараясь уловить звуки приближающагося парохода, который долженъ былъ подойти и снять остановившуюся въ обмелѣвшей рѣкѣ баржу; въ ожиданіи, они изрѣдка обмѣнивались короткими замѣчаніями. Третій, бѣжавшій изъ города наборщикъ, лежалъ въ сторонѣ неподвижнымъ чернымъ пятномъ.

> „Уже потонулъ въ темнѣющей синевѣ и не сталъ видимъ лѣсъ, и поворотъ рѣки, и дальніе пески, только вода попрежнему поблескивала, но уже чернымъ, вороненымъ блескомъ, и звѣзды въ ней бездонно повисли, яркія и безчисленныя".

Ночь уснула. Каша упрѣла, и всѣ трое придвинулись къ костру. Разговорились. Но не было въ словахъ людей того спокойствія, какимъ была проникнута тишина темной ночи. Въ городѣ были волненія; многіе бѣжали, и теперь, гдѣ-то въ глубинѣ темной степи, бродили патрули, кого-то преслѣдовали, ловили.

> „Въ неумолкаемый ропотъ бѣгущей воды, который забывался, сливаясь со стоявшей вокругъ тишиной, грубо и непрошенно ворвался совершенно чуждый звукъ".

Всѣ трое насторожились. Нельзя было надолго забыть людскую жизнь.

> „И костеръ, дрожа и колеблясь отсвѣтомъ, безпокойно взглядывалъ красными очами на выступившій на секунду изъ темноты обрывъ. Тѣни торопливо и испуганно сновали по песку, ища чего-то

и не находя, съ усиліемъ вытянулись, перегнулись и заглянули через обрывъ въ степь. Оттуда, все приближаясь, неслись дробные, мѣрно-топочущіе звуки".

Надъ обрывомъ показались фигуры двухъ казаковъ. Раздался грубый окрикъ, враждебный отвѣтъ, грянулъ угрожающій предостерегающій выстрѣлъ, и всадники исчезли въ темнотѣ такъ же скоро, какъ и появились. Вмѣсто спокойствія синей ночи воцарилась тревога.

„И уже не было тихой ночи, ни темной рѣки съ дрожащими звѣздами, ни дремотнаго шопота, ни обрыва, ни смутной степи, откуда неслись крики перепеловъ и медвяные запахи скошенныхъ травъ. Стояло что-то тяжелое и жестокое въ своей безсмысленности".

Снова всѣ трое усѣлись у костра и принялись за прерванный ужинъ, и снова заговорили. Но больше было досады въ словахъ, больше было ропота и вражды.

„Было тихо, но ночь все не могла успокоиться, и тихій покой, и сонную дрему, которыми все было подернуто, точно сдунуло; стояла только темнота, съ безпокойной чуткостью ждущая чего-то".

И не напрасно. Вскорѣ казаки снова прискакали, но подъѣхали уже прямо къ костру. Не долго имъ пришлось разбираться, что за люди были у костра. Они скоро отличили городского рабочаго и, завязавъ ему на шеѣ петлю, уже готовы были тронуться въ путь. Но за ними напряженно слѣдили сторожа баржи, ловя моментъ для нападенія. Закипѣла тяжелая, неожиданная мгновенная борьба сцѣпившихся горячихъ человѣческихъ тѣлъ.

„Ночь невозмутимо и мрачно стояла надъ ними, дожидаясь, и въ ея тяжелой тишинѣ лишь слышалось хриплое дыханіе да задавленные стоны, а проклятія и брань застревали въ бѣшено-стиснутыхъ зубахъ".

Казаковъ связали и оставили. Пока казаки пришли въ себя отъ всего, что случилось такъ неожиданно, въ костеръ снова бросили хворосту, огонь снова выглянулъ, сторожа баржи и наборщикъ опять взялись за ложки, и заговорили о грозахъ прошлаго лѣта, точно ничего, ровнымъ счетомъ, и не происходило. Опомнившись, одинъ изъ казаковъ, чернобородый, заговорилъ первый, угрожая и требуя, чтобы ихъ развязали тотчасъ-же. Ироническій отвѣтъ уяснилъ ему возможный исходъ его положенія, и онъ удивленно, угрюмо притихъ.

„Замолчали. Ночь надъ казаками стояла густая, черная, полная предсмертнаго ожиданія и не ждущая пощады"...

Не долго тянулась молчаливая, мучительная драма.

Рабочіе, покончивъ съ ужиномъ, отпустили казаковъ и расположились ко сну,—и авторъ снова говоритъ о тишинѣ въ степи и надъ рѣкою; о густой синевѣ, сѣющей мерцаніе звѣздъ; о спокойствіи ночи, среди кото-

раго почти незамѣтно возмутилась людская жизнь и такъ же расплылась и исчезла, какъ дымъ костра, сгорѣвшаго у обрыва. Чернобородый казакъ скоро вернулся, и предупредилъ сторожей баржи о томъ, что другой поѣхалъ докладывать о случившемся командиру сотни.

Художникъ не рѣшился нарушить колоритъ своей картины инымъ возможнымъ исходомъ людскихъ столкновеній; но жизнь упорно подсказываетъ другой исходъ ночной драмы, и мысль не вѣритъ картинѣ художника, написанной въ тонѣ густой, прозрачно-синей дали, спокойно сливающейся съ близкими тѣнями ночи.

Когда художникъ ставитъ цѣлью выразить свое міросозерцаніе, онъ выхватываетъ изъ жизни только тѣ явленія, которыя наиболѣе ярко отражаютъ его взглядъ на жизнь. И всѣ художественные образы въ этомъ случаѣ бываютъ отмѣчены печатью широкой мысли, которая не можетъ найти своего выраженія въ одномъ обособленномъ образѣ, но стремится придать ему значеніе символа. Это даетъ особую одухотворенность и широту захвата.

Если-же художникъ, остановивъ свое вниманіе на какомъ-либо явленіи, рисуетъ его, какъ случайный предметъ наблюденія,—такое произведеніе въ самомъ возникновеніи своемъ обречено на безжизненность, и какъ бы ни было оно совершенно по формѣ,—форма не замѣнитъ его внутренняго убожества.

Провести рѣзкую границу между произведеніями того и другого характера почти невозможно, да и ненужно. Но художнику всегда можетъ быть поставленъ вопросъ,—говоритъ ли онъ о жизни вообще, или только воспроизводитъ отдѣльныя ея проявленія,—въ томъ случаѣ, когда разработанный имъ сюжетъ самъ по себѣ затрагиваетъ вопросъ, который еще далекъ отъ всесторонняго полнаго истолкованія.

Въ данномъ случаѣ вопросъ этотъ возникаетъ самъ собою при чтеніи разсказа А. Куприна „Бредъ".

Сюжетъ разсказа слѣдующій. Въ полуразрушенной фермѣ остановилась на ночевку рота солдатъ, составлявшая часть карательнаго отряда. Капитанъ Марковъ, командиръ роты, подъ непосредственнымъ руководительствомъ котораго уже совершился рядъ убійствъ, одиноко проводитъ безсонную ночь,—онъ страдалъ болотной лихорадкой,—и въ его утомленномъ сознаніи смѣшалось все: дѣйствительность и бредъ.

Пережитые дни могли оставить по себѣ въ душѣ кого-угодно сильное впечатлѣніе.

„Рота не могла обременять себя плѣнными, а потому всѣхъ подозрительныхъ и даже просто безпаспортныхъ людей, захваченныхъ, по дорогѣ, немедленно разстрѣливали".

Близкое будущее также не внушало спокойныхъ думъ и настроеній.

„Онъ былъ увѣренъ, что его ротѣ завтра придется принять участіе въ серьезномъ и продолжительномъ дѣлѣ, и потому хотѣлъ, чтобы люди хоть немного отдохнули, успокоились и подкрѣпились".

И прежде, чѣмъ остаться одному, капитанъ Марковъ отдаетъ приказаніе о разстрѣляніи завтра, на разсвѣтѣ, нѣсколькихъ человѣкъ, и между прочимъ, какого-то неизвѣстнаго, пойманнаго утромъ старика. Въ недостаточной красочности момента, взятаго для художественной разработки, нельзя упрекнуть автора.

Освѣтить то отношеніе одного человѣка къ другимъ людямъ, слѣдствіемъ котораго является безпрерывный рядъ холодныхъ, однообразныхъ убійствъ; нарисовать притупленность въ этомъ направленіи однихъ чувствъ и обостренность—другихъ, и пролить такимъ образомъ свѣтъ въ одну изъ самыхъ темныхъ сторонъ человѣческаго духа—было бы величайшей заслугой художника и, несомнѣнно, привело бы къ болѣе широкимъ познаніямъ жизненныхъ фактовъ,—но г. Купринъ, къ сожалѣнію, ничего этого не сдѣлалъ, несмотря на то, что сюжетъ его разсказа имѣетъ всѣ данныя для разработки въ этомъ именно смыслѣ; и слишкомъ бѣденъ для всякаго иного освѣщенія.

Въ бреду Маркова авторъ проводитъ параллель между современной инертной дѣятельностью людей, имѣющей кровавый исходъ, и древней легендой, рисующей образъ Каина, и на этомъ заканчиваетъ весь свой разсказъ.

Образъ Каина слишкомъ ясенъ, чтобы не видѣть той глубокой разницы, которая лежитъ между нимъ и тѣмъ лицомъ, какое намѣчено авторомъ въ разсказѣ „Бредъ". Каинъ, совершая убійство, не зналъ ужаса смерти, и увидѣлъ смерть только тогда, когда совершившееся стало уже непоправимымъ. Капитанъ Марковъ раньше зналъ смыслъ и значеніе своей дѣятельности, и смерть не только не являлась въ его глазахъ неожиданною, но, наоборотъ, была цѣлью всѣхъ его заботъ, по крайней мѣрѣ, въ тѣ дни, въ какіе мы его видимъ въ разсказѣ г. Куприна.

Всякій, кто причиняетъ смерть и насиліе и не сознаетъ того, что онъ дѣлаетъ,—рабъ; ибо если и самъ подпадаетъ подъ гнетъ насилія, то приметъ его покорно, такъ какъ не будетъ знать, откуда оно приходитъ. Тотъ же, кто знаетъ силу страданія и ужасъ смерти, и все-таки причиняетъ ихъ,—тотъ палачъ; ибо только палачъ причиняетъ страданія именно потому, что знаетъ мученія жертвы.

Ни въ томъ, ни въ другомъ направленіи авторомъ не разработанъ избранный имъ сюжетъ, и потому разсказъ „Бредъ" врядъ ли можетъ быть отнесенъ къ числу удачныхъ произведеній г. Куприна.

Нельзя обойти молчаніемъ странный вымыселъ Сергѣева-Ценскаго, названный повѣстью и носящій названіе „Лѣсной топи“.

Это не повѣсть, а какая-то безконечная путаница словъ и образовъ, утратившихъ между собою всякую логическую связь.

Рядъ выдержекъ послужитъ яркимъ доказательствомъ того, какъ мысль художника, пораженная вначалѣ, быть можетъ, совершенно случайно мелькнувшимъ уродливымъ образомъ, не только не отшатнулась отъ нарождающейся въ ней извращенности простѣйшихъ представленій, но, наоборотъ, послушно направилась въ сторону этого извращенія, и, не находя границъ въ туманѣ слѣпыхъ блужданій, наложила свою печать на все, что доступно ея больному созерцанію.

> „Заквакала вдругъ лягушка раскатисто и звучно на цѣлый лѣсъ, *точно лошадь заржала*, потомъ какъ-то сразу оборвалась, и опять стало тихо“.
>
> „Онъ душилъ ее жесткими руками,—догоралъ и тухъ огарокъ, и въ комнату сразу со всѣхъ сторонъ, *точно спущенная свора черныхъ собакъ*, врывалась ночь“.
>
> „Скользили тайны, *невидныя и неслышныя*, но полныя *говора и блеска*“.
>
> „По зеленой только что недавно распустившейся яркой листвѣ ползало *желторукое* солнце, качалось на вѣткахъ, незамѣтно прыгало съ дерева на дерево, и опять ползало и купалось въ мягкомъ ароматѣ“.
>
> „Лѣсъ съ обѣихъ сторонъ капалъ зеленымъ дождемъ, плылъ зелеными тучами, смѣялся беззвучнымъ смѣхомъ надъ желторукимъ солнцемъ, которое все хотѣло улечься на землю и не могло“, и т. д.

Не ради шутки и не ради веселья и смѣха надуманы всѣ эти странныя сравненія,—въ нихъ чувствуется мятежная мысль, оказавшаяся безсильною овладѣть живымъ языкомъ, передающимъ просто и ясно и разнообразіе внѣшняго міра, и силу впечатлѣній, которыми человѣкъ воспринимаетъ все, что доступно ему.

Вся сущность этого творчества укладывается въ два пріема: не называть описываемыхъ вещей ихъ собственными именами и говорить о нихъ, какъ о предметахъ, о которыхъ не существуетъ никакихъ представленій, такъ, напр., г. Сергѣевъ-Ценскій, избѣгая самаго слова—лучъ, замѣняетъ его прилагательнымъ—желторукій, и о солнцѣ говоритъ, какъ о древесной лягушкѣ,—выходитъ весьма оригинально, но мало убѣдительно! Второй пріемъ заключается въ томъ, чтобы при образныхъ сравненіяхъ ни въ какомъ случаѣ не останавливаться на такихъ вещахъ, которыя могутъ имѣть какое-нибудь, хотя самое отдаленное, сходство, а подбирать такія, между которыми нѣтъ рѣшительно ничего общаго; напримѣръ, ночь и свора со-

бакъ; можно прибѣгать еще при сравненіяхъ къ вещамъ совершенно противоположнымъ по своему значенію, но говорить о нихъ, какъ имѣющихъ прямое сходство,—напримѣръ, для уясненія понятія о невидимомъ—говорить о блескѣ; неслышное—хорошо выражается шумомъ говора,—но послѣдній пріемъ должно признать устарѣвшимъ и не подходящимъ для эффекта.

Это новѣйшее творчество, вѣроятно, найдетъ немало послѣдователей. Оно имѣетъ то неоспоримое преимущество, что, пользуясь названными пріемами, можно писать вещи совершенно не вразумительныя и выдавать ихъ за откровенія глубочайшей мудрости. Кто не пойметъ, легко можетъ отнести причину непониманія на счетъ недостатка собственнаго глубокомыслія; а кто отвергнетъ плоды этого творчества и сочтетъ его полной нелѣпостью, тому можно возразить на это тѣмъ, что всякое новое вѣяніе, какъ бы оно жизненно ни было, вначалѣ всегда встрѣчаетъ жестокій протестъ.

Скучная, тягучая и однообразная повѣсть Сергѣева-Ценскаго заставляетъ вспомнить съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія могущественную силу—забвеніе.

Рядъ разсказовъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ, заканчивается небольшимъ разсказомъ Бор. Зайцева „Полковникъ Розовъ“.

Начинается этотъ разсказъ такъ:

„Наконецъ-то, свернули съ шоссе, городъ остался сзади, за рѣкой и колеса телѣжки сразу въѣхали въ землю,—теплую, чуть пыльную. Вотъ онъ и вѣтеръ—въ лицо пышетъ, подъ нимъ такъ чудесно летѣть впередъ, все впередъ, къ милому Розову. „Ходу, ходу, Скромная! Наддай!“

А конецъ его такой:

„О, шуми, шуми, вѣтеръ, говори о просторахъ, дальнихъ звѣздахъ, радости.—Прощайте, полковникъ, привѣтъ!“

Чѣмъ же богатъ разсказъ между этимъ радостнымъ началомъ и восторженнымъ концомъ?

Разсказчикъ скоро пріѣхалъ къ полковнику и засталъ его на крыльцѣ. Полковникъ, сидя на корточкахъ, раздувалъ самоваръ.

Восклицанія, объятія, поцѣлуи. Затѣмъ—чай. Сбѣжались деревенскіе мальчуганы. Послѣ чая пускали змѣя—змѣй леталъ высоко. Смотрѣли охотничью собаку Розова. Поздно вечеромъ ужинали; кажется, при этомъ что-то пили. Затѣмъ—сонъ. Когда на утро поднялись, солнце стояло высоко и уже успѣло растопить воздухъ. Становилось жарко. Время охоты проспали, но все-таки отправились къ лѣсу съ собаками и ружьями. Дичи не было. Какая еще держалась въ рощѣ, и ту разогналъ песъ, метаясь въ порывѣ неудержимаго веселья. Но дальновидный полковникъ, снаряжаясь на охоту, прихватилъ флягу „огненной воды“. Выпили и по-

завтракали. „Вода жизни“ сразила полковника—онъ погрузился въ дремоту. Такъ свечерѣло; время и домой. Пора!

„Пріятно ѣхать съ чуть затуманенной головой“...

— Ну, это какъ-когда!—можно отвѣтить автору.

— Если васъ
Мой безыскусственный разсказъ
Развеселитъ, займетъ хоть малость,—
Я буду счастливъ; а не такъ,—
Простите мнѣ его, какъ шалость,
И тихо молвите: чудакъ...

Лермонтовъ.

Отдѣльно отъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ разсказовъ помѣщено „представленіе въ пяти картинахъ съ прологомъ“ Леонида Андреева—„Жизнь Человѣка“.

Чтобы вполнѣ оцѣнить художественную сторону этого новаго произведенія, его надо видѣть въ постановкѣ на сценѣ. Картины созданы для сцены, и только тамъ можно найти полное освѣщеніе какъ всей пьесы, такъ и отдѣльныхъ ея образовъ, которые въ чтеніи не производятъ того впечатлѣнія, какое можетъ дать сцена, вслѣдствіе чего и самые образы остаются неясными. Ихъ главное значеніе заключается въ томъ впечатлѣніи, какое они могутъ дать зрителю. Поэтому, оставляя въ сторонѣ все, что составляетъ художественную цѣнность „картинъ“ Л. Андреева, мы остановимся лишь на томъ взглядѣ на жизнь, въ духѣ котораго создана „Жизнь Человѣка“. Взглядъ этотъ наиболѣе ясно выраженъ въ прологѣ,—на немъ мы и остановимся.

Почти всѣ опредѣленія жизни правильны сами по себѣ и также, почти всѣ они, при сравненіи одного съ другимъ, оказываются односторонними и даже ложными.

До сихъ поръ существовалъ общій пріемъ, которымъ пользовался художникъ,—это воспроизведеніе индивидуальной человѣческой личности. Леонидъ Андреевъ въ своей новой пьесѣ сдѣлалъ попытку нарисовать драму жизни человѣка внѣ индивидуальности.

Но возможно ли на мѣстѣ безличнаго человѣка Андреева представить образъ какого угодно человѣка, безъ того, чтобы образъ этотъ не утратилъ своей жизненности,—вотъ тотъ вопросъ, рѣшеніе котораго явится оцѣнкой всего произведенія.

„Родившись, онъ пріиметъ образъ и имя человѣка и во всемъ станетъ подобенъ другимъ людямъ, уже живущимъ на землѣ. И ихъ жестокая судьба станетъ его судьбою, и его жестокая судьба станетъ судьбою всѣхъ людей“.

Такъ говоритъ въ прологѣ Тотъ, кто отъ начала и до конца жизни человѣка, со дня его рожденія и до самой смерти, все время остается неизмѣннымъ рядомъ съ человѣкомъ, который, наоборотъ, переходя разнообразныя ступени своей жизни, постоянно мѣняется. Въ рукѣ неизмѣннаго спутника человѣка горитъ и гаснетъ свѣча, и пламень ея—это жизнь человѣка. Кто этотъ спутникъ, именуемый Онъ,—неизвѣстно; но Ему напередъ извѣстна вся будущность человѣка и Онъ, повидимому, знаетъ и самыя силы, съ которыми человѣкъ пойдетъ навстрѣчу тому, что должно совершиться въ его жизни.

Онъ говоритъ, и всѣ слова его относятся только къ человѣку, но не выясняютъ сущности Его самого.

О человѣкѣ-же и о его силахъ Онъ говоритъ такъ:

„Ограниченный зрѣніемъ, онъ никогда не будетъ видѣть слѣдующей ступени, на которую уже поднимается нетвердая нога его; ограниченный знаніемъ, онъ никогда не будетъ знать, что несетъ ему грядущій часъ—минута. И въ слѣпомъ невѣдѣніи своемъ, томимый предчувствіями, волнуемый надеждами и страхомъ, онъ *покорно* совершитъ кругъ желѣзнаго предначертанія“.

Смыслъ этихъ желѣзныхъ словъ былъ бы ужасенъ, если бы въ нихъ дѣйствительно выражалось то, что уже знаютъ люди.

Человѣкъ не видитъ слѣдующей ступени своей,—но и то, что онъ видитъ, уже открываетъ предъ взоромъ его безграничность міра. Человѣкъ не знаетъ, что совершится въ ближайшій моментъ его жизни, но и изъ того, что онъ знаетъ, у человѣка создается представленіе о вѣчности. И если это зрѣніе и это знаніе могутъ быть условно названы ограниченными, то они съ такимъ же правомъ могутъ считаться и безграничными.

Минусъ и плюсъ одной и той же величины даютъ нуль. Такимъ образомъ, всѣ слова объ ограниченности человѣческаго знанія имѣютъ только внѣшній блескъ и звукъ желѣза, но въ нихъ нѣтъ той внутренней силы, которая заставила бы вѣрить, что знаніе человѣка дѣйствительно ограничено, и доказать, что всякій человѣкъ неминуемо „*покорно* совершитъ кругъ желѣзнаго предначертанія“.

Наблюдая все, что доступно мысли, человѣкъ не можетъ не размышлять о жизни въ самыхъ широкихъ границахъ. И если умъ человѣческій и останавливается передъ такими вопросами, разрѣшеніе которыхъ въ переживаемый моментъ находится внѣ познанія, то человѣку извѣстна и самая граница, предъ которой знаніе его останавливается. И такимъ образомъ, невѣдѣніе это является сознательнымъ и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названо слѣпымъ невѣдѣніемъ. Ибо слѣпымъ невѣдѣніемъ можно назвать только такое незнаніе, когда представленія человѣческаго разума противорѣчатъ жизни; если же человѣкъ, не зная сущности

чего-либо, видитъ и понимаетъ свое незнаніе, то въ этомъ случаѣ оно является сознательнымъ, и не только не ограничиваетъ человѣка, но, наоборотъ, дѣлаетъ его способнымъ отрѣшаться отъ ложныхъ представленій, навѣянныхъ пережитыми впечатлѣніями, и не останавливаться ни передъ какими выводами, какъ бы они ни противорѣчили всему, что уже сложилось въ его сознаніи прежде.

То наблюденіе мірозданія и тѣ знанія, которыми владѣетъ человѣкъ, даютъ ему возможность составить представленіе о безконечности и вѣчности міра, и это представленіе даетъ полную волю человѣческому разуму рисовать самыя широкія картины относительно своего личнаго существованія. И если для человѣка тайна его индивидуальной жизни и смерти не можетъ служить доказательствомъ въ пользу его идей, то эта же самая тайна не можетъ быть признана неопровержимымъ доказательствомъ и противъ вѣрности ихъ.

Такимъ образомъ, та ограниченность знанія, о которой говоритъ Андреевъ, вовсе не имѣетъ того рокового характера, какой онъ ей придаетъ.

„Придя изъ ночи, онъ возвратится къ ночи и сгинетъ безслѣдно въ безграничности временъ, немыслимый, нечувствуемый, незнаемый никѣмъ".

Отъ этихъ словъ вѣетъ холодомъ только потому, что жизнь, въ ея „безграничныхъ" законахъ, никѣмъ еще не познанныхъ, безапеляціонно названа ночью, тьмой.

Взглядъ этотъ—чисто-субъективный.

Человѣку же вообще болѣе свойственно идти навстрѣчу всему неизвѣстному, стремиться къ новымъ познаніямъ и, обогащая этими познаніями свою индивидуальную жизнь, искать свободнаго и полнаго развитія всѣхъ своихъ силъ и способностей.

„И познаете истину, и истина сдѣлаетъ васъ *свободными*" (Іоан. VII, 32).

Въ февральской кн. „Современнаго Міра" продолжается печатаніе романа М. Арцыбашева „Санинъ".

Романъ въ самомъ началѣ своего появленія ужъ вызвалъ самые разнорѣчивые толки въ печати и продолжаетъ также привлекать къ себѣ вниманіе новизной постановки вопросовъ, разрабатываемыхъ Арцыбашевымъ въ его новомъ произведеніи. Всѣ появившіеся отзывы о „Санинѣ" свидѣтельствуютъ только о томъ, что романомъ заинтересованъ широкій кругъ читателей и что критики достаточно легкомысленно торопятся высказать свои сужденія. Мы воздержимся отъ какой бы то ни было оцѣнки, пока романъ не будетъ вполнѣ законченъ, чтобы не впасть въ ошибочныя и одностороннія сужденія, возможныя при неполномъ ознакомленіи съ такимъ крупнымъ произведеніемъ, какимъ является „Санинъ" М. Арцыбашева.

Въ этой же кн. „Современнаго Міра“ обращаетъ на себя вниманіе, какъ и всегда, ярко написанный разсказъ А. Куприна „Гамбринусъ“.

Слово—самое капризное орудіе человѣка.

Художникъ воленъ въ выборѣ словъ, но они не всегда подчиняются ему, и образы художника нерѣдко пріобрѣтаютъ гораздо болѣе глубокій смыслъ и болѣе широкое значеніе, чѣмъ все то, что хотѣлъ выразить въ своихъ образахъ самъ авторъ. Яркимъ примѣромъ въ этомъ смыслѣ можетъ служить разсказъ г. Куприна „Гамбринусъ“.

Гамбринусъ — это пивная самаго низшаго разбора. Ея дверь и денно, и нощно открыта для всѣхъ безъ исключенія посѣтителей, общехарактерную черту которыхъ составляли, съ одной стороны, полная готовность мириться съ какимъ бы то ни было нарушеніемъ комфорта, и съ другой—непобѣдимая слабость ко всему спиртному.

Пивная помѣщалась въ одной изъ самыхъ людныхъ улицъ торговаго города, и среди портоваго люда, грузчиковъ, рыбаковъ, матросовъ и просто пропоицъ всякаго вида, — пользовалась громкой извѣстностью и самыми широкими симпатіями.

Симпатіи эти коренились, конечно, въ самой гостепріимности Гамбринуса, но не послѣднюю роль игралъ въ поддержаніи этихъ симпатій и музыкантъ Сашка, увеселявшій хмѣльную и бурную публику, дававшую жизнь подвальному заведенію.

> „Здѣсь каждый вечеръ уже много лѣтъ подрядъ игралъ на скрипкѣ для удовольствія и развлеченія гостей музыкантъ Сашка—еврей,—кроткій, веселый, пьяный, плѣшивый человѣкъ съ наружностью облѣзлой обезьяны неопредѣленныхъ лѣтъ“.

И если къ этому прибавить еще то, что Сашка, повидимому, съ любовью относился къ своей игрѣ на скрипкѣ и разыгрывалъ не только излюбленные посѣтителями Гамбринуса марши, танцы и бурныя пѣсни, — но нерѣдко и свои собственныя грустныя мелодіи, въ часы, когда пивная пустовала и когда единственными цѣнителями искусства являлись лишь старая буфетчица да собачонка Бѣлочка,—портретъ Сашки можно будетъ признать вполнѣ законченнымъ.

Неизмѣнными поклонниками таланта Сашки были безпрестанно мѣняющіеся гости Гамбринуса, кипучая жизнь которыхъ, постепенно и незамѣтно разрушаясь подъ гнетомъ непосильнаго труда и лишеній, разливалась въ притонахъ порта самыми мутными волнами своими.

> „Всѣ эти люди—матросы разныхъ націй, рыбаки, кочегары, веселые юнги, портовые воры, машинисты, рабочіе, лодочники, грузчики, водолазы, контрабандисты—всѣ они были молоды, здоровы и пропитаны крѣпкимъ запахомъ моря и рыбы, знали тяжесть труда, любили прелесть и ужасъ ежедневнаго риска, цѣнили выше всего силу, молодечество, задоръ и хлесткость крѣпкаго слова; а на сушѣ

всѣ предавались съ дикимъ наслажденіемъ разгулу, пьянству и дракамъ".

Что было общаго между всѣми этими людьми и личностью скрипача Сашки?

Эти люди были людьми двухъ разныхъ міровъ,—жизни желѣзнаго труда и смертельной борьбы за каждый день лишеній,—и жизни, надолго застывшей въ своемъ неподвижномъ спокойствіи и уже утратившей всякое стремленіе къ какимъ бы то ни было перемѣнамъ.

Какъ ни была ненастна и тяжела жизнь портоваго люда, но въ нѣдрахъ самаго разложенія ея скрыто бродили живыя силы, закалявшія все, что могло быть жизнеспособнымъ, и ускорявшія смерть всего отживающаго. И какъ ни была жизнь Сашки спокойна сама по себѣ, самое спокойствіе ея свидѣтельствовало о томъ, что жизнь была не по плечу этому человѣку.

Всѣ случайные посѣтители Гамбринуса—матросъ и рыбакъ, лодочникъ и водолазъ, воръ и контрабандистъ,—только со стороны видѣли и наблюдали неизмѣннаго скрипача хмельного притона, какъ, въ свою очередь, и скрипачъ могъ наблюдать ихъ только въ этомъ притонѣ. Они оставались совершенно чужды другъ другу, какъ только могутъ быть чужды существа, которыя, и встрѣтившись, не могутъ взаимно стать на дорогѣ другъ друга.

Но Сашка все-таки не былъ совершенно равнодушенъ къ кипѣвшей вокругъ него жизни и, несмотря на свое многолѣтнее пребываніе въ Гамбринусѣ, онъ сохранилъ въ себѣ живое чувство интереса ко всему, что происходило изо дня въ день въ этомъ заведеніи. Когда хмельное веселье поднималось выше обычной нормы, Сашка неизмѣнно приходилъ въ возбужденіе—„готовъ былъ играть, что угодно", когда пѣли и плясали подвальные гости, и „не переставая играть, становился на стулъ, чтобы лучше видѣть".

Гдѣ совершенно нѣтъ и не можетъ быть никакихъ взаимныхъ столкновеній, но гдѣ не утраченъ взаимный интересъ къ жизни, тамъ нѣтъ мѣста и для вражды. А гдѣ нѣтъ вражды, тамъ простое чувство терпимости можетъ легко перейти въ чувства привязанности и симпатіи. Случайно приставшая къ полку собака можетъ надолго стать предметомъ общаго вниманія, многочисленныхъ ласкъ и даже заботъ, и оставить по себѣ у многихъ яркое воспоминаніе, наряду съ другими воспоминаніями о пережитыхъ тревогахъ и лишеніяхъ походной жизни.

„...Если не его имя, то его живое обезьянье лицо и его скрипка вспоминались изрѣдка въ Сиднеѣ и въ Плимутѣ такъ же, какъ въ Нью-Іоркѣ, во Владивостокѣ, въ Константинополѣ и на Цейлонѣ, не считая уже всѣхъ заливовъ и бухтъ Чернаго моря, гдѣ води-

лось множество почитателей его таланта изъ числа отважныхъ рыбаковъ".

Весьма вѣроятно, что истинные почитатели Сашки, тѣ, которые дѣйствительно хорошо знали скрипача, никогда и не бывали ни въ какихъ приморскихъ городахъ, кромѣ того, гдѣ они обитали сами; и весь міръ ихъ, всѣ заморскіе города и чудеса заключались для нихъ исключительно лишь въ Гамбринусѣ, и въ другихъ смежныхъ притонахъ того же характера. Но Плимутъ, Сидней, Нью-Іоркъ, Цейлонъ и пр., и все побережье Чернаго моря,—это тѣ смѣлые мазки живописи, которые не могутъ быть названы тонкими штрихами, но которыми А. Купринъ такъ умѣетъ придавать красочность и выразительность своимъ картинамъ. Его манера письма, какъ веселый смѣхъ лихой служанки на улицѣ большого города въ ясный солнечный день, поражаетъ глаза наблюдателя, и даетъ картинамъ художника ту особую простоту и красочность, которая дается немногимъ и которая составляетъ отличительную черту творчества г. Куприна.

На-лету схватить и передать какое-либо явленіе жизни, не вдаваясь въ анализъ скрытыхъ психологическихъ переживаній; нарисовать натурщицу-жизнь, не снимая съ нея ея будничныхъ лохмотьевъ,—въ этомъ заключается главное, и дѣйствительно важное, значеніе таланта А. Куприна. И онъ напрасно пытается иногда, какъ и въ своемъ послѣднемъ разсказѣ, перерядить натуру въ несвойственныя ей одежды; это наноситъ лишь ущербъ той отличительной простотѣ языка и образовъ, которая отводитъ Куприну одно изъ первыхъ мѣстъ въ рядахъ современныхъ художниковъ слова. Изъ скрипача Сашки вовсе не надо было создавать незауряднаго, талантливаго музыканта, чтобы нарисовать картину тѣхъ взаимныхъ отношеній людей между собою, благодаря которымъ возникли симпатіи портоваго трудового люда къ безобидному музыканту. Толпа цѣнила не игру скрипача, а его индивидуальную личность, самого Сашку, сумѣвшаго сохранить въ себѣ живой интересъ и участіе къ жизни людей, съ которыми у него не было ничего общаго; безъ скрипки и окарино Сашка, навѣрно, овладѣлъ бы не меньшими симпатіями окружающихъ. Входя въ среду людей и не ожидая отъ нихъ благъ, онъ не предъявлялъ къ нимъ никакихъ требованій, и потому общеніе съ нимъ не стѣсняло ничьей свободы и люди платили за эту свободу своимъ вниманіемъ къ личности Сашки, и охотно дѣлили съ нимъ досугъ, веселье и пиво.

Значеніе этого разсказа гораздо шире, чѣмъ то, которое выводитъ самъ авторъ изъ своихъ образовъ, заканчивая разсказъ словами: „Человѣка можно искалѣчить, но искусство все перетерпитъ и все побѣдитъ".

Въ „Русскомъ Богатствѣ" печатаются записки Вл. Короленко „Исторія моего современника".

Въ январьской кн. помѣщены воспоминанія о городѣ Ровно. И все,

что рисуетъ Вл. Короленко въ своихъ воспоминаніяхъ,—общая картина уѣзднаго города съ его удивительными „заставами"; такія забытыя учрежденія, какъ высшій уѣздный судъ; гимназія того времени съ „учительскимъ автоматизмомъ",—все настолько художественно-правдиво нарисовано, что въ этой исторической картинѣ вы видите не однѣ только формы минувшей эпохи, но чувствуете и самый трепетъ жизни, никогда не умирающій и всегда одухотворяющій тѣ формы жизни, которыми отмѣчается всякая эпоха. Это достигнуто замѣчательно типичной обрисовкой всѣхъ лицъ, о которыхъ авторъ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ.

Самое же цѣнное въ воспоминаніяхъ Вл. Короленко—это то, что онъ отмѣчаетъ наиболѣе яркіе моменты, когда подъ впечатлѣніемъ, какъ будто самихъ по себѣ ничтожныхъ фактовъ, въ сознаніи возникаютъ понятія, изъ которыхъ, главнымъ образомъ, и слагается все дальнѣйшее интеллектуальное развитіе человѣка.

Въ этомъ сказывается большой художникъ.

Рисуя чаепитіе въ домѣ отца, которымъ прервалась карточная игра; накуренную комнату; свѣтлую лѣтнюю ночь и то настроеніе „безъ опредѣленныхъ мыслей", которое родилось подъ впечатлѣніемъ разговора за чаемъ, авторъ говоритъ:

> „Изъ того, что я такъ запомнилъ именно этотъ вечеръ изъ многихъ другихъ, когда у насъ играли въ карты, я заключаю, что я вышелъ тогда изъ накуренной комнаты съ чѣмъ-то новымъ въ душѣ, смутнымъ, но способнымъ къ дальнѣйшему росту"...

Говорить такъ—это не значитъ говорить только о минувшемъ; значеніе воспоминаній Вл. Короленко выходитъ далеко за узкіе предѣлы случайной автобіографіи.

П. Дмитріевъ.

Критика и библіографія.

С. А. Савенкова. *Годы скорби (Воспоминанія матери).* Спб. 1906 г. Изд. журнала „Русское Богатство". Ц. 15 к.

Побольше бы такихъ воспоминаній!

Разсказъ ведется отъ лица интеллигентной матери, испившей полную чашу скорби въ наше нелегкое для матерей время. „Такихъ, какъ я, несчастныхъ матерей, тысяча... И потому мой искренній разсказъ можетъ имѣть нѣкоторое значеніе..."—говоритъ героиня повѣсти. Конечно, можетъ имѣть значеніе, еще бы нѣтъ! Это живая характеристика нашей предразсвѣтной эпохи,—своеобразный историческій документъ—эти воспоминанія матери средней интеллигентской семьи нашего времени.

„Первый громъ для моей семьи грянулъ въ 1897 году. До тѣхъ поръ мы жили, какъ всѣ *тогда* (курсивъ нашъ) жили въ провинціи: безъ особыхъ заботъ, безъ особыхъ общественныхъ интересовъ, безъ запросовъ... такъ себѣ, изо дня въ день, какъ живутъ чиновники... „Съ 1897 года начинается эпопея мытарствъ семьи. Только что пріѣхали на Рождество въ отпускъ два сына студента, какъ ихъ тутъ же въ первую ночь подъ родительскимъ кровомъ „забираютъ". Для матери наступаетъ пора паломничества ко всякаго рода инстанціямъ. Живо и типично переданы подробности такого паломничества—наши инстанціи безъ всякихъ подчеркиваній, въ простомъ, правдивомъ разсказѣ являются во всей красѣ. И это еще сравнительно легкія условія, въ которыхъ находилась вспоминающая свои муки мать. У нея были кое-какія средства, кое-какія связи. А у скольких нѣтъ ни того, ни другого! Но тѣмъ-то и хороша эта маленькая книжка, что она, такъ сказать, описываетъ средній, типичный случай.

Правда, ко времени объявленія „конституціи" у матери одинъ сынъ застрѣлился въ ссылкѣ, другой эмигрировалъ и пропалъ безъ вѣсти, мужъ сошелъ съ ума и умеръ, но... то ли еще бываетъ! Могли бы обоихъ сыновей безъ вины разстрѣлять, могли бы самое госпожу Савенкову за любовь къ преступнымъ дѣтямъ посадить въ тюрьму—бывало вѣдь и это и проходилось молчаніемъ и незнаніемъ такъ называемаго русскаго общества.

Скорбная повѣсть г-жи Савенковой написана просто и искренно, безъ особыхъ литературныхъ достоинствъ, но и безъ обычныхъ особенностей такого рода повѣстей т. е. излишней аффектированности чувствъ самой разсказчицы. Прочтя исторію хожденія по мукамъ этой матери, не одна изъ тысячи скорбящихъ русскихъ матерей скажетъ: „Да, да, именно такъ, и со мной то же было".

За подробностями отсылаемъ читателя къ самой повѣсти. Повторяемъ только, что въ ней не надо искать особыхъ литературныхъ достоинствъ и всего того, что составляетъ предметъ такъ называемаго чистаго искусства. Это есть живая и правдивая иллюстрація къ трагедіи нашей общественной жизни, иллюстрація, характерная почти для цѣлыхъ десяти послѣднихъ лѣтъ—отъ 1897 года и до „конституціонной" эры.

Е. Херсонская.

Берделей. Книгоиздательство „Шиповникъ". Спб. 1906 г.

Тонкій болѣзненный профиль съ глубокой складкой у рта и ровной бахромкой волосъ, низко спускающейся на лобъ; загадочный „потусторонній" взглядъ, какъ бы провидѣвшій иные міры; глубоко ввалившіеся глаза и нервныя, чахоточныя руки—таковъ портретъ, которымъ украшена только что вышедшая книжка съ рисунками Берделея. Этотъ портретъ, можетъ быть, лучше всякихъ комментаріевъ, объясняетъ странное, причудливое творчество рано угасшаго художника, и нельзя не похвалить книгоиздательство „Шиповникъ" за тотъ тактъ, съ которымъ оно не предпослало этимъ рисункамъ обычнаго въ такихъ случаяхъ объяснительнаго текста. Ибо, примѣняя къ нему выраженіе вѣнскаго писателя-импрессіониста Петера Альтенберга, можно сказать, что рисунки Берделея—это „экстракты, которые каждый долженъ распустить своими собственными силами"; экстракты его утонченной болѣзненной души, фантастическія видѣнія одинокаго человѣка, стоящаго на краю могилы и оттуда посылающаго свои проклятія и благословенія, живущему въ радостяхъ, порокахъ и страданіяхъ, міру... Можетъ быть, подчасъ его ѣдкая, бичующая сатира, его насмѣшка надъ жизнью и людьми—была лишь озлобленіемъ человѣка, уже не принадлежащаго этому міру; можетъ быть, наоборотъ, ему—больному, одинокому человѣку,—жизнь, которой онъ не извѣдалъ, подчасъ казалась необыкновенно прекрасной и онъ тогда всюду разсыпалъ розы, наполнялъ ими сказочные сады, сплеталъ ихъ въ причудливыя гирлянды... Его нѣжныя, вытянутыя фигурки съ маленькими, граціозными головками, съ длинными ногами и тонкими руками, такъ сильно напоминающія стройныя созданія прерафаэлитовъ, какъ будто овѣяны губительнымъ дыханіемъ того недуга, отъ котораго онъ самъ такъ быстро сгорѣлъ. Его женщины живутъ въ какой-то нездоровой пряной

атмосферѣ и вокругъ нихъ выростаютъ тѣ экзотическіе цвѣты, порхаютъ тѣ удивительныя бабочки. о которыхъ онъ такъ красиво разсказываетъ въ своемъ фантастическомъ романѣ „Under the Hill“. Есть что-то болѣзненно-меланхолическое въ ихъ любви къ жизни, въ ихъ пристрастіи къ роскоши, къ необычайнымъ нарядамъ и вычурнымъ украшеніямъ... Глядя на нихъ, кажется, что онѣ спѣшатъ изжить возможно больше въ тотъ короткій періодъ времени, который имъ остался жить и что-то глубоко грустное и трогательное чувствуется въ томъ сладострастіи, съ которымъ женщина въ рисункѣ „Осень“ (стр. 26-ая и варіантъ „Обложка“ стр. 52-ая) вдыхаетъ въ себя ароматъ плодовъ, съ которымъ Изольда подноситъ къ губамъ смертельный кубокъ, какъ будто божественный нектаръ...

Искусство Берделея—это искусство „избранныхъ“, но тотъ, кто рѣшится подойти къ нему поближе, кто сумѣетъ понять и полюбить его причудливость и утонченность, тотъ откроетъ въ немъ цѣлый міръ сложныхъ и глубокихъ ощущеній.

Берделей былъ въ полномъ смыслѣ слова человѣкомъ своего времени, который страстно стремился къ идеалу, но оставался во власти своихъ чувствъ. Мысль о злѣ выростала въ его воображеніи, принимая чудовищныя формы, и онъ создавалъ образы и сцены, въ которыхъ, сквозь утонченную извращенность, ясно пробивается странная смѣсь мистицизма съ самымъ острымъ сладострастіемъ. Человѣкъ съ рѣзко-выраженнымъ религіознымъ настроеніемъ, Берделей жилъ въ мірѣ своихъ фантастическихъ чудовищъ, фавновъ и сатировъ съ козлиными ногами: въ этой глубокой раздвоенности какъ будто чувствуется желаніе удовлетворить двумъ различнымъ свойствамъ своего существа—въ непосредственной вѣрѣ искавшаго отвѣтъ на простые, дѣтски-ясные запросы своей души и топившаго въ капризно-утонченномъ аффектированномъ творчествѣ дикую жажду исключительныхъ и жгучихъ ощущеній.

Эта вѣчная неудовлетворенность, это трагическое одиночество и болѣзненное исканіе идеальной и безпорочной красоты, сквозившее во всѣхъ самыхъ ужасныхъ сюжетахъ, въ самыхъ рискованныхъ символахъ, близко роднитъ Берделея съ тѣмъ литературнымъ теченіемъ, которое такъ тѣсно связано съ именемъ Бодлэра и начало котораго теряется въ безумныхъ фантасмагоріяхъ Эдгара По...

Въ исторіи европейскаго искусства имя Берделея стоитъ одиноко. Если у японцевъ онъ заимствовалъ капризную вычурность рисунка, если по приверженности къ фантастическимъ и сказочнымъ сюжетамъ онъ приближается къ прерафаэлитамъ, все же въ его эклектизмѣ такъ много своеобразнаго, такая оригинальная утрированность стиля, что причислить его къ какой-нибудь опредѣленной школѣ не представляется никакой возможности. Берделей не имѣлъ школы и не слѣдовалъ слѣпо никакимъ учителямъ: онъ творилъ wie der Vogel singt, безъ долгой томительной

подготовки, не изучая модели, пренебрегая природой и законами перспективы,—и цѣлой паутиной тончайшихъ линій, цѣлымъ фейерверкомъ пятенъ, точекъ и штриховъ воплощалъ свои идеи въ фантастическіе, утонченно-изысканные и граціозно-шаловливые образы, въ которыхъ не оставалось почти ничего реальнаго. Его фантазія, казалось, не знала удержу: онъ намѣренно искажалъ строеніе человѣческаго тѣла и создавалъ анахронизмы въ убранствѣ комнатъ и одеждѣ—во всѣхъ тѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ, которыя придаютъ такую вычурность и странность его рисункамъ: люди и аксессуары сплетаются у него въ удивительные прихотливые орнаменты, волосы женщинъ змѣятся, какъ ползучія тропическія растенія, а ихъ платья напоминаютъ цвѣтники райскихъ садовъ—все смѣшивается словно въ горячечномъ бреду—люди и гномы, цвѣты и птицы, деревья и фонтаны—все принимаетъ сверхъестественную аффектированную форму.

Подборъ рисунковъ, сдѣланный художникомъ Сомовымъ для настоящаго изданія, вполнѣ удаченъ, такъ какъ даетъ достаточно ясное представленіе объ оригинальномъ дарованіи молодого англійскаго рисовальщика. Жаль только, что передавая нѣкоторые рисунки Берделея, которые характерны не только сами по себѣ, но главнымъ образомъ, какъ иллюстраціи къ различнымъ литературнымъ произведеніямъ, издатели почему-то не привели относящагося къ нимъ текста, какъ это обыкновенно дѣлалось въ другихъ изданіяхъ. Этотъ недостатокъ особенно чувствителенъ по отношенію къ циклу прелестныхъ рисунковъ, иллюстрирующихъ комическую поэму Попа „The Rape of the Lock", которая такъ привлекала Берделея романтизмомъ и манерностью своей эпохи, и въ иллюстраціяхъ къ „Pierrot of the Minute", такъ какъ трогательныя и сентиментальныя слова текста еще больше подчеркиваютъ меланхолическую грацію и своеобразную прелесть этихъ рисунковъ. По формату и по внѣшнему виду книжка отчасти напоминаетъ изданія изъ серіи „Die Künst", выходящія въ Берлинѣ у Барда подъ общей редакціей Рихарда Мутера. Рисунки выполнены тщательно и вѣрно передаютъ всю удивительную скалу чернаго, сѣраго и бѣлаго тоновъ, которая составляетъ такую исключительную особенность Обри Берделея.

Евг. Брикъ.

Русская Историческая Библіотека. 1906 г. №№ 3, 4 и 5.
Складъ при книгоиздательствѣ „Донская Рѣчь".

Первый изъ трехъ названныхъ выпусковъ „Русской Ист. Библіотеки" представляетъ собою отчетъ о процессѣ „шестнадцати террористовъ" (1880 г.); два другіе выпуска воспроизводятъ журналъ „Былое", издававшійся за-

границей подъ редакціей В. Л. Бурцева и посвященный преимущественно изученію народовольческой эпохи русскаго революціоннаго движенія. Такимъ образомъ, всѣ три выпуска „Библіотеки“ являются естественнымъ дополненіемъ къ тѣмъ матеріаламъ объ эпохѣ конца 70-хъ и начала 80-хъ годовъ, которые въ теченіе 1906 года привлекали вниманіе публики къ журналу „Былое“, издающемуся и въ нынѣшнемъ году.

Передъ грандіозными событіями русской революціи 1905 и 1906 годовъ поблѣднѣли тѣ проявленія недовольства и борьбы, которыя когда-либо раньше переживала Россія. И все-таки движеніе 70-хъ и 80-хъ годовъ заслуживаетъ серьезнаго вниманія и изученія. Во многихъ отношеніяхъ нынѣшнія политическія партіи являются продолжателями дѣла, начатаго въ 70-хъ и отчасти 60-хъ годахъ. И въ тоже время движеніе, закончившееся пораженіемъ и разложеніемъ народовольчества, представляетъ собою законченный циклъ явленій.

Теоретическія основы народничества и выросшаго изъ него народовольчества настолько расшатаны и научной марксистской критикой, и самой жизнью, что ихъ уже можно считать окончательно отошедшими въ область исторіи. Даже нынѣшнія партіи или фракціи, иногда называемыя „соціалъ-народническими“, разстались со многими иллюзіями, очистились отъ многихъ предразсудковъ старо-народничества.

Поэтому было бы безплоднымъ занятіемъ вступать въ полемику съ дѣятелями давно минувшихъ дней. Другое дѣло—дать оцѣнку движенія въ цѣломъ и указать причины, почему рѣзко и быстро оборвался ростъ политической организаціи, выступившей такъ блестяще на арену исторіи. Дать въ короткой рецензіи сколько-нибудь полную оцѣнку цѣлаго движенія, конечно, невозможно. Но и воздержаться совершенно отъ попытки освѣтить нѣкоторыя стороны явленія я не считаю возможнымъ въ виду того, что редакторъ заграничнаго „Былого“ не ограничивается ролью простого собирателя матеріаловъ: онъ съ своей стороны пытается оцѣнивать, сопоставлять, опровергать... Онъ горячо возстаетъ противъ „глубоко-печальнаго и несправедливаго отношенія къ серьезному вопросу“ со стороны, напримѣръ, Аксельрода. Послѣднему вмѣняется въ вину слѣдующая характеристика дѣятелей 70-хъ годовъ:

„Дѣятельность наша среди рабочихъ, помимо ея случайнаго характера,—такъ какъ по нашимъ воззрѣніямъ въ 70-хъ годахъ только крестьяне составляли „чистый народъ“,—отличалась безсистемностью и сводилась не то къ „занятіямъ“, т. е. чтеніямъ или лекціямъ по исторіи и т. п., не то къ абстрактной проповѣди великихъ, далеко не ясныхъ, идеаловъ будущаго. Впослѣдствіи (во времена народовольчества, хочетъ сказать Аксельродъ. *Ред.* [1]) и эта пропагандистско-проповѣдническая дѣя-

[1]) Это и дальнѣйшія замѣчанія въ скобкахъ, восклицанія и вопросы сдѣланы редакціей „Былого“.

тельность все болѣе и болѣе суживалась и превратилась (?) преимущественно (!!) въ орудіе вербовки (!) въ средѣ рабочихъ подходящихъ для террористической борьбы лицъ. Но о сознательномъ (?) и систематическомъ стремленіи вызвать среди рабочихъ самостоятельное политическое броженіе у насъ (и у народовольцевъ ? *Ред.*) никогда и рѣчи не было по той (?) простой причинѣ, что мы сами не имѣли сколько-нибудь ясныхъ понятій ни о научномъ соціализмѣ вообще, ни объ условіяхъ завоеванія „свободъ пропаганды“ соціализма въ частности“ („Р. Ист. Библ“. № 4. Стр. 60—61).

Какъ видитъ читатель уже изъ замѣчаній, восклицаній и вопросовъ, заключенныхъ въ скобки, споръ идетъ о слѣдующемъ: суживалась ли и превратилась ли преимущественно въ орудіе вербовки среди рабочихъ лицъ для террора дѣятельность революціонеровъ 80-хъ годовъ? Было ли стремленіе вызвать среди рабочихъ самостоятельное политическое броженіе? Имѣли ли дѣятели того времени ясныя понятія о научномъ соціализмѣ? Отвѣчая на эти вопросы, ограничимся разсмотрѣніемъ эпохи народовольчества, хотя Аксельродъ, говоря о томъ, что было „впослѣдствіи“ могъ имѣть въ виду и тѣ теченія, которыя возникли на развалинахъ народовольчества. Замѣтимъ только, что въ числѣ этихъ теченій несомнѣнно фигурировалъ и чистый терроризмъ, для котораго дѣятельность и среди рабочихъ, и въ другихъ слояхъ населенія дѣйствительно превратилась въ „орудіе вербовки“ лицъ для террористическихъ предпріятій. Но были ли повинны въ такомъ пониманіи своихъ задачъ въ рабочей средѣ сами народовольцы?

Отвѣчая на этотъ вопросъ, мы должны прежде всего установить тотъ фактъ, что народовольчество не родилось на свѣтъ совсѣмъ готовымъ и законченнымъ. Оно развивалось,—и потому вопросъ долженъ ставиться въ такой формѣ: въ чемъ заключалась эволюція народовольческихъ идей по отношенію къ задачамъ дѣятельности среди рабочихъ? Для отвѣта на этотъ вопросъ можно почерпнуть цѣнныя и, на мой взглядъ, достаточныя данныя въ матеріалахъ, опубликованныхъ въ заграничныхъ сборникахъ „Былое“ и теперь перепечатанныхъ въ „Р. Ист. Библіотекѣ“.

Отъ предшествующаго землевольческаго періода движенія народовольцы несомнѣнно сохранили не одно только принципіальное признаніе роли „народной массы“ въ революціи. Наиболѣе видные дѣятели перваго періода „Н. В.“ дѣйствительно посвящали много силъ на созданіе широкой рабочей организаціи: они агитировали устно, издавали газету для рабочихъ и т. д. Въ 1880 г. осенью въ № 4 „Народной Воли“ читаемъ:

„Для народа важно достигнуть лучшихъ общественныхъ формъ, но еще важнѣе—достигнуть этого *самому*; для него всего важнѣе пережить такой историческій моментъ, въ теченіе котораго онъ, народъ, былъ бы дѣйствительнымъ распорядителемъ своихъ судебъ... („Р. Ист. Б.“ № 4. Стр.

129). Воздѣйствіе со стороны партіи на массы, тѣсная связь съ ними составитъ, такимъ образомъ, для насъ главное условіе успѣха, и только необходимость сообразоваться со средствами заставляетъ насъ всегда указывать на извѣстную экономизацію силъ... Главнаго вниманія требуютъ болѣе важные пункты. Таковы, вообще, крупные городскіе центры... Мы часто указывали на дѣятельность среди городского рабочаго населенія"... (Тамъ же. Стр. 130).

Относительно этого періода и Аксельродъ указывалъ еще на международномъ конгрессѣ въ Хурѣ (1881 г. Октябрь), что „фракція „Н. В.". на дѣлѣ давно уже энергично принялась за организаціонную работу среди городскихъ рабочихъ и взываетъ къ молодежи о необходимости приняться за агитацію въ крестьянствѣ". („Р. Ист. Б." № 5. Стр. 98).

Въ декабрѣ 1881 года, въ № 7 „Н. В." заявляется: „Основные принципы народовольцевъ проникнуты сознаніемъ значенія массъ и уваженіемъ къ нимъ. Практическая дѣятельность среди рабочихъ всегда составляла очень видную задачу нашей партіи"... (Тамъ же, стр. 102). Однако, въ альнѣйшемъ забота о подготовкѣ „народныхъ массъ", о связи съ массами все болѣе отодвигается на задній планъ. Газета „Народная Воля" продолжаетъ выходить (№ 8—9), но „Рабочая Газета" уже погибла. Въ сентябрѣ 1884 г. въ № 10 „Н. В." на мѣсто „тѣсной связи съ массами" ставится уже нѣчто иное.

Оказывается, что въ крестьянствѣ „о групповой организаціи не можетъ быть и рѣчи",—и рекомендуется поэтому „удовольствоваться выработкой лишь отдѣльныхъ личностей". Вообще „мы" уже „считаемъ прямо вредными, несбыточными мечты о широкой народной организаціи"... Задачи сводятся въ настоящее время лишь „къ *подготовкѣ* возможности такой организаціи, какая необходима будетъ въ эпоху революціи, т. е. организаціи, охватывающей одновременно и насъ, и значительныя массы народа". По отношенію къ рабочимъ ставится задача—„прежде всего создать нѣкоторые небольшіе, но испытанные революціонные кадры", съ тѣмъ, впрочемъ, чтобы эти группы обезпечили себя связями съ массою.

Нужно помнить, что статья въ № 10 направлена противъ „строгихъ критиковъ", и въ ней указываются не средніе, а максимально-мыслимыя задачи дѣятельности въ массахъ,—и тогда читатель полнѣе оцѣнитъ тенденцію въ развитіи народовольческихъ взглядовъ относительно дѣятельности „въ массахъ". А между тѣмъ авторъ статьи въ № 10 цитируетъ прежніе №№ „Н. В." и думаетъ, что стоитъ на прежней точкѣ зрѣнія...

Перехожу къ второму вопросу: было ли у народовольцевъ стремленіе вызвать среди рабочихъ самостоятельное политическое броженіе? Изъ приведенныхъ мною цитатъ читатель уже могъ замѣтить, что народовольцы говорятъ обыкновенно о „народной" массѣ, не различая политическихъ задачъ пролетаріата и крестьянства и дѣлая различіе только въ методахъ

дѣятельности партіи въ той и другой средѣ. Однако, и по отношенію къ „народу“ партія „Н. В.“ является только „вѣрнымъ союзникомъ“, что же касается рабочихъ, то имъ „слѣдуетъ помнить“, что отдѣльно отъ крестьянства они *всегда* будутъ подавлены, потому что „главная народная сила не въ нихъ, а въ крестьянствѣ“. (Программа рабочихъ членовъ партіи „Н. В“. „Р. Ист. Б“. № 4. Стр. 161 и 163). „Рабочая организація“ входитъ въ партію, „какъ часть“ (тамъ же стр., 164). Такимъ образомъ *самостоятельное* политическое движеніе среди рабочихъ прямо отрицается. О самостоятельныхъ классовыхъ задачахъ пролетаріата не сказано ни слова.

По поводу постановки вопроса въ „Рабочей Газетѣ“ редакторъ заграничнаго „Былого“ замѣчаетъ (№ 4, стр. 64), что до сихъ поръ ни одно изъ изданій для рабочихъ не превзошло „Р. Газеты“ вѣрностью постановки вопроса. Это какъ посмотрѣть! Съ точки зрѣнія партій, не признающихъ за пролетаріатомъ права на самостоятельную борьбу за свои классовые интересы, замѣчаніе В. Л. Бурцева, можетъ быть, и справедливо.

Послѣ всего сказаннаго читатель, надѣюсь, не потребуетъ еще новыхъ доказательствъ факта, отмѣченнаго Аксельродомъ, что у русскихъ революціонеровъ 70-хъ и начала 80-хъ гг. не было „сколько-нибудь ясныхъ понятій“ о научномъ соціализмѣ.

Повторяю: не для полемики противъ дѣятелей прошлаго счелъ я нужнымъ выяснить справедливость утвержденій, сдѣланныхъ Аксельродомъ и опровергаемыхъ редакціей заграничнаго „Былого“. Народовольчество, какъ таковое, отошло въ область исторіи и подлежитъ только исторической оцѣнкѣ. Воевать противъ него теперь—значило бы ломиться въ открытую дверь. Но точно также неумѣстной была бы теперь всякая попытка навязать дѣйствующему поколѣнію міросозерцаніе и тактику, стошедшія въ исторію. И если я счелъ нужнымъ опровергать утвержденія редакціи заграничнаго „Былого“, то только въ виду того, что эта редакція считаетъ нужнымъ защищать и оправдывать движеніе, которое не нуждается ни въ защитѣ, ни въ оправданіи, которое, какъ историческое явленіе, стоитъ *выше* всякихъ упрековъ и обвиненій.

Перехожу къ содержанію отдѣльныхъ книжекъ „Р. Ист. Библіотеки“. Подзаголовокъ № 3 не вѣренъ: это не процессъ 16 „террористовъ“, а процессъ 16 народовольцевъ. Заглавіе, данное редакціей „Р. Ист. Б.“, тѣмъ болѣе странно, что какъ разъ обвиняемые по этому процессу протестовали на судѣ противъ пониманія ихъ дѣятельности, какъ дѣятельности исключительно террористической. Укажу на рѣчи наиболѣе видныхъ участниковъ процесса—Квятковскаго и Ширяева.

Квятковскій говорилъ: „По мнѣнію прокурора, главное отличіе партіи „Народной Воли“ отъ „народнической“ заключается въ террористическихъ актахъ, именно въ политическихъ убійствахъ. Это совершенно не такъ.

Я не отрицаю того, что въ програму Н. В. входитъ часть террористическая, но она входитъ очень несущественной частью, составляя второстепенную и даже третьестепенную ея часть“. Вслѣдъ за Квятковскимъ, Ширяевъ указываетъ, что террористическая часть „не составляла принципіальной части программы“ (Стр. 214—6).

Въ числѣ обвиненій по процессу 16-ти народовольцевъ фигурируютъ и обвиненія въ крупнѣйшихъ покушеніяхъ того времени,—отъ убійства кн. Кропоткина до взрыва въ Зимнемъ Дворцѣ. Поведеніе обвиняемыхъ на судѣ носитъ характерныя для того времени черты: главные подсудимые не оправдывались, не выгораживали себя,—они мужественно шли на смерть и въ тоже время старательно выясняли подробности своей собственной дѣятельности. Такое поведеніе вытекало изъ признанія важности судебнаго разбирательства съ точки зрѣнія агитаціонной и исторической. Въ силу этого отчеты о процессахъ того времени имѣютъ большой историческій интересъ, но поведеніе обвиняемыхъ на судѣ уже не можетъ служить предметомъ слѣпого подражанія въ наши дни, когда наиболѣе умѣстнымъ признается правило: „никакихъ фактическихъ указаній—даже о себѣ“.

Въ слѣдующихъ двухъ книжкахъ „Р. Ист. Б.“ читатель найдетъ много интересныхъ и важныхъ матеріаловъ для выясненія политической и психологической сторонъ движенія 70-хъ и начала 80-хъ годовъ. Кромѣ статей и документовъ, о которыхъ мнѣ уже приходилось упоминать, отмѣчу еще слѣдующія: Статьи изъ Рабочей Газеты, разсказъ П. Кропоткина о пропагандѣ среди петербургскихъ рабочихъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ, о Сѣверно-Русскомъ рабочемъ союзѣ, о первой русской соціалистической рабочей газетѣ („Работникъ“ 1875—6 гг.), о пропагандѣ среди рабочихъ въ Ростовѣ на-Дону въ 1882—4 гг., о Южно-Русскомъ рабочемъ союзѣ (1880—1 гг.), о пребываніи Халтурина въ Зимнемъ Дворцѣ и многое другое.

Особо слѣдуетъ отмѣтить сообщеніе редакціи относительно Программы Рабочихъ Членовъ партіи „Н. В.“. Она воспроизведена съ экземпляра, присланнаго въ 1880 году К. Марксу и хранящагося въ настоящее время въ библіотекѣ нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ, въ Берлинѣ. Этотъ экземпляръ „съ начала до конца испещренъ замѣчаніями“ Маркса. Многія мѣста Марксъ зачеркнулъ, иныя особо отмѣтилъ, какъ заслуживающія вниманія („Р. И. Б.“ № 4, стр. 167); есть вставки, сдѣланныя рукой К. Маркса. Было бы очень желательно, чтобы русскіе, живущіе въ Берлинѣ, обратили вниманіе на это сообщеніе и приняли мѣры къ полному и точному воспроизведенію берлинскаго экземпляра Программы со *всѣми* отмѣтками и указаніями К. Маркса.

П. Ольминскій.

Даніэль Стернъ. *Исторія революціи 1848 года.* Переводъ съ франц., подъ редакціей Н. Е. Кудрина, со 2-го изданія. Томъ первый. Спб. 1907. in 8-vo. Стр. 390. Ц. 75 коп.

Революція 1848 года—одно изъ поучительнѣйшихъ явленій европейской исторіи XIX вѣка. Основательное знакомство съ ея происхожденіемъ, развитіемъ и ближайшими результатами представляется въ наши дни и практически цѣннымъ, и совершенно неизбѣжнымъ. Русское общество черезчуръ склонно къ быстрымъ разочарованіямъ, къ поискамъ дутой лояльности при первомъ энергичномъ окрикѣ, къ стремленіямъ жадно беречь то, чему цѣна—одинъ мѣдный грошъ. Здѣсь сказывается не одна черта міровой буржуазности, а что-то свое, мѣстное, что надо еще выловить, изучить, отлить въ доступную для всѣхъ фигурку божка реакціи.

Такое изученіе должно быть поставлено очень широко и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ доступно для проникновенія въ общественное сознаніе массъ. Посмотрите, въ какое отчаяніе приходитъ послѣ іюньскихъ дней 1848 года А. И. Герценъ и какую дивную, полную надеждъ и увѣренности статью пишетъ въ „Neue Rheinische Zeitung“ Карлъ Марксъ. Для него въ пораженіяхъ революціи 1848—1849 года зарождалась настоящая побѣда: „не непосредственныя траги-комическія завоеванія пролагали дорогу революціоннымъ успѣхамъ, а, наоборотъ, возникновеніе сплоченной, сильной контръ-революціи, выступленіе противника, въ борьбѣ съ которымъ партія переворота созрѣла въ настоящую революціонную партію“. Прочныя побѣды всегда принадлежатъ организованнымъ силамъ, а эта организованность народныхъ массъ является результатомъ долгой и упорной борьбы съ нечистымъ на руку противникомъ, какимъ вездѣ и всегда бываетъ буржуазно-бюрократическая реакція. Унынію не можетъ быть мѣста въ тѣхъ странахъ, гдѣ были іюньскіе или декабрьскіе дни; „общество 10 декабря“, аналогіи которому можно подыскать въ XX вѣкѣ, не можетъ одержать верхъ. Основная нить для изученія европейской революціи половины XIX вѣка дана Марксомъ, и отъ нея не отойдешь въ наше время. Читая любую работу по исторіи революціи 1848 года, невольно сопоставляешь основные взгляды автора съ принципами творца „Капитала“. Даніэль Стернъ (псевдонимъ графини д'Агу, написавшей „Опытъ о свободѣ“), какъ и Марксъ, современница революціи 1848 г.; первый томъ исторіи этой послѣдней она напечатала еще въ 1851 г., а въ 1862 г. выпустила въ свѣтъ его второе изданіе. Книга писалась въ моментъ, когда „на улицахъ гремѣло возстаніе“, „подъ живымъ впечатлѣніемъ событій“, „среди страшнаго политическаго возбужденія“. Двѣнадцать лѣтъ спустя авторъ не вспоминалъ о 48-мъ годѣ ни съ ненавистью, ни съ презрѣніемъ, скорѣе, съ вѣрой въ поступательный ходъ революціи. Къ концу XIX вѣка умы стали не менѣе революціонны, чѣмъ при его началѣ:

и авторъ, давно обратившій свои взоры къ прогрессу демократическихъ идей, а послѣ революціи сблизившійся съ побѣжденною партіей, съ удовольствіемъ подчеркиваетъ этотъ фактъ. „Революція,—пишетъ Д. Стернъ въ 1862 г.,—ушла изъ подпольнаго міра заговоровъ и тайныхъ обществъ: она уже не возбуждаетъ народъ на площадяхъ; она не волнуетъ воображенія... мракъ и тайна исчезли. И при яркомъ свѣтѣ общественнаго разума, обдуманными шагами идетъ впередъ революція съ открытымъ лицомъ. Въ реальной дѣйствительности, въ наукѣ, въ промышленности, въ математической точности положительныхъ истинъ нашла она свою силу, и на нихъ она основала свое могущество". Симпатіи Д. Стерна, связанной фамильными узами съ принцами орлеанскаго дома, на сторонѣ революціи, демократической республики, униженныхъ массъ населенія. Посвящая книгу „молодымъ скептическимъ умамъ", враждебнымъ индифферентизму въ общественныхъ вопросахъ, авторъ вкладываетъ „въ свои изысканія, вмѣстѣ съ самой тщательной добросовѣстностью, искреннее желаніе безпартійности". Пересматривая въ 1862 г. свою книгу для второго изданія, авторъ нашелъ возможнымъ измѣнить въ ней очень немногое, отнюдь не передѣлать, дабы сохранить ея „главную цѣнность—характеръ непринужденной искренности и живого свидѣтельства". Книга Д. Стерна является одновременно въ роляхъ историческаго источника, обработаннаго мемуара, частью—историческаго изслѣдованія, отсюда ея особенный интересъ для читающей публики и неудача нѣкоторыхъ ея страницъ съ вѣяніями вѣры въ „свободную волю" человѣка, интереса къ Людовику-Филиппу и стремленія къ деталямъ захолустья революціи. Характеристику первыхъ вѣстниковъ соціализма на французской почвѣ авторъ представляетъ въ такихъ очертаніяхъ, которыя не отличаются достаточною ясностью, зато являются цѣнными для нашего знакомства съ впечатлѣніями отъ него людей, благожелательныхъ демократіи. „Соціализмъ,—философствуетъ авторъ,—родился изъ истинной и глубокой нужды, краснорѣчиво отражалъ то нравственное и физическое состояніе, терпѣть которое дольше было бы преступленіемъ, но которое съ каждымъ днемъ ухудшалось по винѣ правительства, даже и не старавшагося отыскать противъ него какой-нибудь палліативъ. Народъ, не имѣющій ни времени, ни знаній, необходимыхъ для того, чтобы анализировать и критиковать людей и принципы, шелъ къ новымъ апостоламъ и группировался вокругъ нихъ сначала изъ любопытства, а затѣмъ съ энтузіазмомъ и признательностью; онъ привѣтствовалъ радостными криками вождей соціализма, уважалъ ихъ и слушался". Въ половинѣ XIX вѣка, съ точки зрѣнія нашего автора, старое общество уступало свое мѣсто новому, преклонявшемуся передъ своими законодателями. Оцѣнивая революцію 48-го года, авторъ склоненъ утверждать, что „никогда, быть можетъ, неожиданность, случай и дѣятельность отдѣльныхъ лицъ не играли столь незначительной роли въ низверженіи существующаго порядка

вещей", что революція „создалась не заговорами, не послабленіями, не внезапнымъ переворотомъ" и что прежде всего „грубая сила играла въ ней самую второстепенную роль". Само временное правительство, объявляя подъ давленіемъ парижскаго народа демократическую республику, совершало непроизвольный поступокъ, оно поступить иначе не могло и не смѣло. Вслѣдъ за *введеніемъ* (стр. 12—48) авторъ въ первой части перваго тома (стр. 48—256) изображаетъ политическія настроенія Парижа и банкетную оппозицію наканунѣ взрыва, низвергшаго династію (стр. 48—126) и затѣмъ три дня революціи (т. е. 22, 23 и 24 февраля 1848 г.); во второй части (стр. 257—372) описываются первые дни работы временнаго правительства и первые шаги новыхъ министерствъ. Читается книга съ неослабѣваемымъ интересомъ, читать ее надо съ особымъ вниманіемъ: многія детали трехдневной борьбы глубоко поучительны. Характеристики отдѣльныхъ лицъ, описанія отдѣльныхъ сценъ, оцѣнки тѣхъ или другихъ явленій придаютъ книгѣ особенное настроеніе, порою живо передающееся читателю.

Менѣе живо и стройно изложеніе во второй части перваго тома, которая требовала бы, несомнѣнно, большей выразительности. Описывая поведеніе народа въ Палатѣ депутатовъ, Д. Стернъ ядовито вспоминаетъ о о Палатѣ перовъ (для насъ нынѣ это очень интересно!): „Ни король, ни министры не подумали о Палатѣ перовъ въ минуту опасности, ее не удостоили предупредить о совершившихся событіяхъ; никому не пришло на умъ попросить у нея политическаго совѣта, законной поддержки, какого-нибудь усилія храбрости или патріотизма. Ни монархія въ своихъ послѣднихъ конвульсіяхъ, ни республика въ своей первой борьбѣ не подумали объ этомъ инертномъ собраніи; никто не взялъ на себя труда распустить его; оно исчезло, оно вернулось къ ничтожеству, въ которомъ оно прозябало" (ср. стр. 205 и 245). Перечитывая этотъ отзывъ, невольно вспоминаешь наивно-жалкія рѣчи М. М. Ковалевскаго о роли Верхней палаты въ Россіи, рѣчи, раздававшіяся въ засѣданіяхъ первой Думы, какъ будто только и дѣла въ Россіи, что перебирать труху безвременья и непониманія. Защита Верхней палаты—своего рода призывъ къ могильному покою и... но не стоитъ припоминать близкія къ намъ пародіи на парламентскія рѣчи, лучше рекомендовать нашему читателю разбираемую книгу въ изданіи А. А. Иванчинъ-Писарева и Н. Е. Кудрина, книгу, авторъ которой патетически восклицаетъ въ одномъ мѣстѣ (стр. 156), что „народъ—это вѣчный поэтъ, которому страсть и природа самобытно внушаютъ ту патетическую красоту, величественные эффекты которой даются искусству лишь съ большимъ трудомъ".

В. Сторожевъ.

Р. Гаммеджъ. *Исторія чартизма.* Переводъ съ англійскаго А. В. Погожевой. Изданіе книгоиздательства „Дѣло". Спб. 1907. in 8-vo. Стр. VIII + 506. Ц. 2 руб.

Предъявляя усиленный спросъ на серьезную историческую книгу, современный русскій читатель даетъ настойчивое указаніе на темы, которыя преимущественно его интересуютъ. Этотъ интересъ весьма естественно опредѣляется наличностью острыхъ вопросовъ, волнующихъ текущій моментъ русской дѣйствительности. Переживая революцію и желая выбраться на путь мирной культурной жизни, каждый чуетъ необходимость воспользоваться опытомъ прошлаго и заглянуть въ революціонныя эпохи западноевропейскихъ государствъ. Названной потребности стремятся удовлетворить разнообразныя вновь народившіяся у насъ книгоиздательства и притомъ главнымъ образомъ черезъ посредство переводовъ книгъ и брошюръ, гораздо рѣже путемъ самостоятельныхъ компиляцій. Книжный рынокъ съ изумительною быстротой наполняется публикаціями по части исторіи революцій и общественныхъ движеній: здѣсь найдется въ достаточномъ количествѣ безграмотный хламъ, наряду съ серьезными работами; здѣсь наблюдается литература, преслѣдующая исключительно агитаціонныя цѣли, цѣли рѣзкой партійной пропаганды, наряду съ трудами научнаго или научно-популярнаго характера. Тѣмъ осторожнѣе и придирчивѣе должна быть критика, таящая внутри себя мотивы общественнаго характера, но выдвигающая безусловный принципъ держаться на безпартійномъ уровнѣ истинной научности. Истинная научность—коренное основаніе серьезной революціонности; широкое образованіе—единственная твердая почва, которая въ силахъ питать могучіе порывы демократіи. И не даромъ авторъ „Исторіи чартизма" въ одномъ мѣстѣ своей книги (стр. 240) высказываетъ такую мысль: „Требовать единенія можно только тогда, когда достаточно распространено *образованіе*, дѣлающее его возможнымъ, но настоящая демагогія всегда стремится достигнуть цѣли, не соображаясь со средствами. Покуда *образованіе* не распространится въ достаточной мѣрѣ среди народа, нельзя ожидать, чтобы онъ вошелъ въ какую бы то ни было организацію, необходимую для осуществленія его правъ". Гаммеджъ—не ученый по спеціальности; онъ—участникъ чартистскаго движенія, внимательный его наблюдатель, человѣкъ, искренно къ нему расположенный, но отнюдь не чуждый рѣшительнаго осужденія его недостатковъ. Считая себя безпартійнымъ историкомъ чартистскаго движенія, Гаммеджъ охотно признаетъ, что его книга—историческая хроника, въ которой обзоръ внѣшнихъ фактовъ движенія въ хронологическомъ порядкѣ переплетается съ біографическими и критическими замѣчаніями; авторъ захватываетъ 1838—1854 годы и въ четырнадцати главахъ излагаетъ свой матеріалъ, описывая митинги, ораторовъ, рѣчи, процессіи, аресты лидеровъ чартизма, судебные процессы,

стачки, тактику и раздоры партія, множество бытовыхъ мелочей и проч. Мѣстами изложеніе Гаммеджа носитъ протокольный характеръ или характеръ серьезнаго газетнаго отчета; мѣстами сквозитъ въ изложеніи болтливость, лиризмъ, морализированіе, историческая наивность, хроникерство, религіозность. Все это было бы для читателя скучновато, если бы не чрезвычайный интересъ темы и не наличность цѣлаго ряда удивительно цѣнныхъ замѣчаній современника-наблюдателя, участника движенія и критика послѣдняго съ практической точки зрѣнія. Нѣкоторыми страницами невольно зачитываешься, проникая въ конкретную бытовую обстановку событій и сопоставляя ее съ недавними фактами отечественнаго прошлаго. Сколько нибудь глубокаго анализа явленій нѣтъ, авторъ безмятежно скользитъ по ихъ поверхности и поражаетъ читателя своей искренней ненавистью къ деспотизму и пониманіемъ житейской стороны народныхъ домогательствъ. Зато Гаммеджъ не даетъ намъ разгадки того факта, который можно назвать пораженіемъ чартизма. Пожалуй, можно подумать, что все погибло отъ раздора въ семьѣ чартистскихъ лидеровъ, отъ частичныхъ ошибокъ въ тактикѣ партіи и тиранническихъ пріемовъ англійскаго правительства... Авторъ гнался прежде всего за „истиной“ и въ погонѣ за ней размѣнивается иногда на такія замѣчанія: „Безъ сомнѣнія, наступитъ когда-нибудь свѣтлый день, когда всемірный духъ братства сплотитъ всѣ земныя націи въ одну общину съ одной душой, съ однимъ сердцемъ, съ одними интересами; но всемірное единеніе должно быть результатомъ взаимнаго пониманія, а не побѣды, такъ какъ духъ любви не можетъ быть созданъ грубою силой. *Всемірная исторія* есть не что иное, какъ исторія завоеваній и соединенія нѣсколькихъ націй въ одну жестокой и алчной силой не въ интересахъ человѣчества, а въ угоду безсердечнымъ деспотамъ“ (стр. 82). Вопросъ о примѣненіи моральной или физической силы долженъ былъ занимать автора очень много, ибо имъ очень много занимался чартизмъ: стоять ли исключительно на почвѣ петицій и воспитанія соціально-политическаго сознанія массъ или ринуться путемъ революціоннаго переворота къ достиженію завѣтной цѣли Народной Хартіи. По мнѣнію Гаммеджа, спорить о превосходствѣ той или другой силы—значитъ попусту терять время, ибо „обѣ эти силы тѣсно связаны между собою“. „Если,—говоритъ Гаммеджъ,—большинство обнаружитъ желаніе измѣнить систему правленія, классъ узурпаторовъ, въ своемъ жадномъ стремленіи сохранить власть, отнесется съ пренебреженіемъ къ моральному воздѣйствію и никогда не уступитъ, если не будетъ знать, что эта моральная сила опирается на другую, гораздо болѣе могущественную. Мы можемъ взять въ свидѣтели *всемірную исторію* для доказательства того, что всегда и вездѣ правительство деспотическаго характера отказывалось отъ своей узурпаторской власти только подъ вліяніемъ физической силы или изъ страха передъ нею. Говорить о физическомъ насиліи противъ правительства народу, ко-

торый ничѣмъ не выразилъ своего желанія пойти хотя бы на малыя жертвы, не только не оказываетъ пользы народному движенію, но, напротивъ, наноситъ ему неисчислимый вредъ. Народъ, не подготовленный даже къ малымъ жертвамъ, никогда не захочетъ принести самую большую изъ жертвъ—свою жизнь. Поэтому надо избѣгать всякихъ угрозъ до тѣхъ поръ, пока въ народѣ не созрѣетъ глубокое сознаніе своихъ соціальныхъ и политическихъ правъ". А тогда, тогда онъ будетъ знать, что ему дѣлать (стр. 102). Мы остановились на этомъ пунктѣ потому, что здѣсь—ключъ къ пониманію всей книги Гаммеджа и его тяжелыхъ настроеній, какъ лица, которое пережило время радужныхъ надеждъ, расцвѣтъ чартизма и его рѣшительное пораженіе.

Поставилъ чартизмъ и вопросъ о всеобщей забастовкѣ (см. стр. 152 и слѣд., стр. 174). Авторъ внимательно остановился и на обсужденіи этого вопроса чартистскими лидерами, и на попыткахъ практическаго осуществленія всеобщей забастовки. Въ Англіи начала сороковыхъ годовъ она совершенно не удалась, авторъ обвиняетъ за эти попытки чартистскихъ вождей. Подавляющее большинство или не желало всеобщей стачки, или вовсе ею не интересовалось... „Забастовка ради великой національной идеи,—пишетъ Гаммеджъ,—чтобы имѣть успѣхъ, должна быть національной". Вѣдь „если рабочій классъ бросаетъ работу, лишь уступая насилію своихъ многочисленныхъ товарищей, богатому классу стоитъ только выдержать, и забастовщики поневолѣ снова примутся за работу, какъ только высшая власть гарантируетъ имъ сравнительную безопасность" (стр. 288—289). Не забудемъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ представителемъ чартизма, потерпѣвшаго крушеніе, съ историкомъ-современникомъ явленія, не сумѣвшимъ объяснить истинныхъ причинъ смерти чартистской партіи. Признавая, что чартисты немало ошибались въ своей тактикѣ и порою были „безразсудны" въ своихъ пріемахъ революціонныхъ угрозъ и опытахъ провести „священный мѣсяцъ", Гаммеджъ въ разсказѣ о резолюціи 1846 года, предложенной „Шекспировскимъ генераломъ" Томасомъ Куперомъ, категорически порицаетъ доктрину „мира во что бы то ни стало"; онъ говоритъ, что если бы эта доктрина „была принята порабощеннымъ классомъ, то она навсегда увѣковѣчила бы систему рабства", что она возможна „лишь при полномъ измѣненіи человѣческой природы" (стр. 316—317). Обозрѣвая работу чартистской агитаціи, авторъ склоняется къ меланхолическому мнѣнію, что, слѣдуя по пути соціальнаго и политическаго прогресса, народъ долженъ разсчитывать только на самого себя (стр. 9) и что при нѣкоторомъ соціальномъ благополучіи онъ мало будетъ интересоваться „политической абстракціей". Достаточно припомнить основные пункты Народной Хартіи, чтобы представить себѣ, почему чартистская партія при энергичномъ сопротивленіи парламента и кабинета должна была замереть. Хартія требовала всеобщее *мужское* избирательное право,

ежегодный парламентъ, тайную подачу голосовъ, уничтоженіе избирательнаго ценза, вознагражденіе членовъ парламента и равномѣрное распредѣленіе избирательныхъ правъ по округамъ. Въ конечномъ счетѣ такою программой нельзя было увлечь въ переворотъ рабочій классъ Англіи около половины XIX вѣка; ея осуществленіе далеко не обезпечивало рабочаго въ ближайшіе дни или по крайней мѣрѣ она не могла казаться ему достаточно конкретной въ дѣлѣ спасенія его отъ ужасовъ капитализма. Петиція чартистовъ дважды попадала въ парламентъ: въ *первый* разъ предложеніе [1]) было внесено 12 іюля 1839 г. Томасомъ Атвудомъ и отвергнуто большинствомъ 189 противъ 48 голосовъ; петиція была подписана 1.280.000 лицами; во *второй* разъ внесъ предложеніе Фиргусъ О'Конноръ 10 апрѣля 1848 г. и петиція была подписана 1.975.496 лицами... но не обсуждалась парламентомъ, ибо съ подписями вышелъ рядъ недоразумѣній! Страницы книги Гаммеджа, посвященныя разсказу о подачѣ этихъ петицій въ парламентъ, представляютъ для русскаго читателя очень своеобразный интересъ. Страна, не давшая, вопреки ожиданіямъ чартистовъ, большаго количества подписей, не заволновалась съ крушеніемъ надеждъ петиціонеровъ, рабочій пролетаріатъ не предпринялъ никакого активнаго выступленія даже въ революціонный 1848-ой годъ, и послѣ этого года чартистская партія умираетъ вѣрною смертью въ теченіе пятишести лѣтъ. Вмѣстѣ съ партіей гибнетъ одинъ изъ крупнѣйшихъ ея вождей О'Конноръ, которому въ книгѣ Гаммеджа отведено очень видное мѣсто. Въ приложеніи къ книгѣ напечатанъ текстъ Всенародной Хартіи, т. е. билля объ установленіи справедливаго представительства британскаго и ирландскаго народовъ въ палатѣ общинъ (стр. 470—492). Хартія желаетъ „вѣрнаго и точнаго представительства народныхъ желаній, чувствованій, интересовъ", она требуетъ, чтобы „тѣ, въ чьихъ рукахъ находится право изданія законовъ, подлежали дѣйствительной и точно опредѣленной отвѣтственности передъ тѣми, кто обязанъ подчиняться этимъ самымъ законамъ, когда они изданы". Лозунгъ, ею выставленный, не оказался достаточно привлекательнымъ для рѣшительной борьбы, для тяжкихъ жертвъ— рабочій классъ въ Англіи пошелъ для достиженія *своихъ* цѣлей иными путями, агитація чартистовъ окончательно замерла и Гаммеджъ заканчиваетъ свою книгу, работа надъ которой порою была для него „очень тягостной", замѣчаніями о судьбѣ руководителей чартистскаго движенія, начиная съ Ф. О'Коннора, умершаго въ больницѣ для душевно-больныхъ въ 1855 г. Итакъ, книга Гаммеджа, не будучи ученой работой въ собственномъ смыслѣ этого слова, все-таки представляетъ для русскаго читателя большой интересъ, читается безъ особеннаго напряженія и цѣнна

[1]) На стр. 102—106 полностью приведенъ текстъ „Національной петиціи" 1839 г.

еще тѣмъ, что по-русски о чартизмѣ ничего нѣтъ, и, стало быть, настоящимъ переводомъ восполняется очень существенный пробѣлъ. Переводъ удовлетворителенъ, хотя изданъ не безъ опечатокъ.

Василiй Сторожевъ.

Годфридъ Кохъ. *Очерки по исторiи политическихъ идей и государственнаго управленiя.* Переводъ съ нѣмецкаго О. Волькенштейнъ. Редакцiя З. Авалова.

Исторiя политическихъ ученiй долгое время была дѣломъ преимущественно философовъ и юристовъ, которые главнымъ образомъ стремились къ тому, чтобы открыть въ излагаемыхъ ими идеяхъ внутреннюю связь и преемственность въ развитiи. При этомъ нерѣдко упускалось изъ вида та политическая жизнь, на почвѣ которой слагалось то или иное ученiе, игнорировались тѣ политическiя событiя, которыя единственно могли выяснить настоящiй внутреннiй смыслъ даннаго ученiя и сдѣлать вполнѣ понятнымъ то, какими обстоятельствами было обусловлено самостоятельное появленiе близкихъ, почти тожественныхъ идей въ головахъ политическихъ мыслителей самыхъ различныхъ странъ. Подчеркивая извѣстную преемственность и внутреннюю связь разныхъ политическихъ ученiй, излагавшiе ихъ историки нерѣдко строили весьма искусственныя классификацiи и системы, которыя только запутывали дѣло и ровно ничего не выясняли.

Лишь появленiе историческаго матерiализма и недавно начавшееся развитiе обществознанiя заставили сознать всю неудовлетворительность прежнихъ способовъ изученiя политическихъ ученiй и для объясненiя ихъ обратиться къ той политической жизни, которая обусловливала ихъ возникновенiе. Этотъ переломъ въ наукѣ былъ отмѣченъ появленiемъ сочиненiй, въ которыхъ политическiя ученiя стали уже излагаться въ связи съ развитiемъ политическаго строя общества, какъ его отраженiе. Одну изъ подобныхъ попытокъ представляетъ собою работа Готфрида Коха, написанная и изданная въ Берлинѣ 15 лѣтъ тому назадъ.

Кохъ ограничилъ свою задачу изложенiемъ политическихъ идей, возникшихъ на почвѣ политической жизни Францiи, Англiи и англо-американскихъ колонiй въ теченiе XVII и XVIII столѣтiй. Для достиженiя намѣченной цѣли, кромѣ наличности необходимаго запаса знанiй, требовалось отъ автора еще и извѣстное дарованiе. Насколько можно судить по многочисленнымъ выпискамъ и ссылкамъ на первоисточники, знанiй у г. Коха было достаточно. Но, къ несчастью, у него не оказалось достаточной способности воспользоваться должнымъ образомъ своими знанiями. Когда читаешь его книгу, то невольно приходитъ въ голову сравненiе ее съ тѣмъ, что могло бы получиться, если бы взять двѣ различныя книги, и отдѣльные листы ихъ сброшюровать вмѣстѣ такимъ образомъ, чтобы

они чередовались другъ съ другомъ, и за листомъ изъ исторіи политическихъ ученій слѣдовалъ бы листъ изъ исторіи политическихъ учрежденій и наоборотъ.

Книга Коха открывается изложеніемъ идей французскихъ обоснователей королевскаго самодержавія. За этимъ слѣдуетъ описаніе соотвѣтствующаго по времени крѣпостническаго строя Франціи XVII ст. Установивъ разложеніе стараго монархическаго порядка Франціи, авторъ совершенно неожиданно переходитъ къ борьбѣ англійскаго парламента со Стюартами. За этимъ слѣдуетъ глава, излагающая какъ теоретиковъ англійскаго королевскаго абсолютизма, такъ и взгляды обоснователей верховныхъ правъ народнаго представительства. Причемъ Локкъ естественно противопоставляется Фильмеру. Послѣ чего авторъ переходитъ къ литературной оппозиціи противъ абсолютизма Людовика XIV. Остановившись нѣсколько на политической оппозиціи во времена регентства, послѣдовавшаго за смертью Людовика XVI, авторъ начинаетъ описывать господство парламента въ Англіи послѣ окончательнаго изгнанія Стюартовъ. Посвятивъ слѣдующую главу главнымъ образомъ краткому изложенію политическихъ идей Болинброка, Кохъ снова принимается за описаніе состоянія Франціи при Флери. Далѣе идетъ глава, заключающая въ себѣ недурной критическій очеркъ ученія Монтескье. Этимъ заканчивается изложеніе первой части, озаглавленной „Абсолютизмъ и Парламентаризмъ".

Вторая часть работы, носящая общее названіе „Демократія и Конституція", открывается эпохою Людовика XV. За интереснымъ историческимъ очеркомъ оппозиціи мѣстныхъ парламентовъ королевскому самодержавію слѣдуетъ изложеніе ученія Руссо. Послѣ чего авторъ снова переносится въ Англію, въ атмосферу личнаго управленія Георгія III и политической оппозиціи его абсолютистскимъ стремленіямъ. За этимъ идетъ ученіе Блекстона, изложивъ которое, Кохъ переходитъ къ англо-американскимъ колоніямъ и къ борьбѣ ихъ за независимость. Описавъ возникновеніе американской союзной конституціи, Кохъ снова возвращается къ предреволюціонной Франціи и господствовавшимъ въ нея идеямъ, и заключаетъ свою книгу изложеніемъ конституціи 1791 г.

Въ результатѣ этого изложенія не получается должнаго представленія ни о парламентаризмѣ, ни о демократіи. Борьба классовъ остается все время совершенно въ тѣни, и даже трудно выяснить самую точку зрѣнія автора. Повидимому, онъ примыкаетъ къ тѣмъ либеральнымъ писателямъ, которые считаютъ себя прогрессистами, но вмѣстѣ съ тѣмъ видятъ въ народовластіи „самую страшную тираннію" и готовы обвинять „чернь" въ какой-то особой „любви къ смутамъ".

Отдѣльныя главы книги Коха могутъ кое-что дать русскому читателю. Таковы, напр., въ первой части глава X (о Монтескье), а во второй ч. глава I, рисующая картину оппозиціи парламентовъ правительству Людо-

вика XV. Но какъ исторія политическихъ ученій въ связи съ развитіемъ государства, книга Коха не можетъ быть рекомендована; тѣмъ болѣе, что на русскомъ языкѣ имѣется въ данной области большая самостоятельная работа М. Ковалевскаго, выясняющая несравненно полнѣе и лучше отраженіе развитія государства въ исторіи политическихъ идей.

К. Тахтаревъ.

Б. Веселовскій. *Крестьянскій вопросъ и крестьянское движеніе въ Россіи* (1902—1906). Книгоизд. „Зерно". Ц. 55 к. Спб. 1907 г. 172 стр.

Заглавіе новой работы г. Веселовскаго нѣсколько не соотвѣтствуетъ ея содержанію. Въ сущности, это матеріалы по исторіи крестьянскаго движенія и правительственной политики въ крестьянскомъ вопросѣ. Матеріалы эти относятся къ періоду съ 1902 года до конца 1906 г. Изложеніемъ фактическихъ данныхъ, относящихся къ крестьянскому движенію и, параллельно этому, описаніемъ „дѣйствій правительства" исчерпывается содержаніе книжки г. Веселовскаго. Болѣе общій характеръ носитъ лишь начало книги, гдѣ указываются авторомъ общія условія крестьянскаго движенія, да еще заключеніе. Все остальное, повторяемъ, представляетъ фактическій матеріалъ, извлеченный изъ сообщеній періодической печати, хорошо и интересно подобранный.

Отношеніе самого автора къ жгучимъ вопросамъ деревенской жизни, а соотвѣтственно съ этимъ и освѣщеніе всего матеріала опредѣляется его общими теоретическими взглядами. Взгляды же эти достаточно извѣстны читателямъ „Образованія", гдѣ авторомъ „Крестьянскаго вопроса" помѣщено было не мало статей.

Стоитъ обратить вниманіе лишь на отсутствіе у автора иллюзій какъ народнической, такъ и близкой ей по духу бланкистской окраски. „Всякая революція,—пишетъ г. Веселовскій,—избираетъ свои пути, свои средства для достиженія цѣли, и средства эти находятся въ зависимости отъ самыхъ различныхъ условій... Въ Россіи мы имѣемъ въ настоящее время такое сочетаніе условій, такую комбинацію пролетарской революціи и революціи крестьянской, какихъ не знала ни одна страна; поэтому рисовать себѣ предстоящее „выступленіе" по типу извѣстныхъ уже историческихъ переворотовъ—значитъ обнаруживать схематизмъ и рутинность мышленія, прилагать старыя мѣрки къ сильно усложнившимся условіямъ жизни" (стр. 172).

Къ существеннымъ недостаткамъ книги, намъ кажется, надо отнести то, что г. Веселовскій мало остановился на изученіи общественныхъ условій, опредѣляющихъ различіе *формъ* крестьянскаго движенія какъ во времени, такъ и въ пространствѣ. Въ этомъ отношеніи интересно со-

поставить съ книжкой Веселовскаго брошюру проф. А. Скворцова, вышедшую въ прошломъ году подъ заглавіемъ „Аграрный вопросъ и Государственная Дума“. Г. Скворцовъ основательно настаиваетъ на необходимости разсматривать аграрный вопросъ (а, слѣд., и аграрное движеніе) въ соотвѣтствіи съ мѣстными различіями, опредѣляющими его различный характеръ на черноземѣ и въ Прибалтикѣ, на юго-востокѣ и въ Привислиньѣ. У г. Веселовскаго эти различія не подчеркнуты съ достаточной рѣзкостью и не отразились на группировкѣ матеріала.

Б. В—нъ.

С. Н. Прокоповичъ. *Аграрный вопросъ въ цифрахъ.* Изд. „Общественной Пользы“. Стр. 126. Ц. 25 к.

Попытка г. Прокоповича дать картину „аграрнаго вопроса въ цифрахъ“ является какъ нельзя болѣе своевременной. Широкая публика нуждается именно въ такого рода фактическомъ матеріалѣ, освѣщающемъ современное положеніе у насъ земельнаго вопроса. Къ сожалѣнію, въ работѣ г. Прокоповича имѣются весьма существенные пробѣлы. Задаваясь цѣлью освѣтить „аграрный вопросъ въ цифрахъ“, г. Прокоповичъ долженъ былъ бы, во-первыхъ, болѣе детализировать матеріалъ (привести погубернскія или, по крайней мѣрѣ, порайонныя данныя), а во-вторыхъ, остановиться, напр., на такихъ вопросахъ, какъ вопросъ о роли и характерѣ частновладѣльческаго, особенно дворянскаго, хозяйства; затѣмъ на арендѣ помѣщичьей и проч. земли крестьянами; на дифференціаціи въ крестьянской средѣ и т. п. Всѣ эти вопросы въ брошюрѣ г. Прокоповича, однако, не затронуты. То же слѣдуетъ сказать и о налогахъ, натуральныхъ повинностяхъ и пр., падающихъ на сельское населеніе. Двѣ главы посвящены аграрному движенію въ 1905—06 г. Въ нихъ приведенъ общій учетъ количества уѣздовъ (по районамъ), затронутыхъ той или другой формой движенія. Пробѣлы, и весьма существенные, имѣются и тутъ. Такъ, напр., слабо обрисована картина погромнаго движенія осенью 1905 г., совершенно опущенъ цѣлый родъ „движенія“, выразившійся, во-первыхъ, въ столкновеніяхъ съ полиціей и администраціей, а, во-вторыхъ, въ попыткахъ установить организованныя формы для всего движенія въ его цѣломъ („крестьянскій союзъ“ и пр.). Наиболѣе полной является глава, трактующая о крестьянскомъ банкѣ. Въ заключеніи авторъ даетъ общую постановку аграрной реформы. Онъ вполнѣ основательно полагаетъ что „крайне ошибочно разсчитывать, будто аграрная реформа можетъ разрѣшить аграрный вопросъ. Нашъ аграрный вопросъ—не только и даже не столько вопросъ соціальный, сколько вопросъ политическій“. Г. Прокоповичъ рѣзко возстаетъ противъ націонализаціи и муниципализаціи земли, а также противъ возвѣщаемаго с.-р—ами „права на

землю". Въ этомъ послѣднемъ онъ справедливо усматриваетъ „не частичное воплощенiе принципа коллективизма, а идеализацiю устарѣлыхъ формъ хозяйственной жизни". Относительно того, по какому плану должно быть осуществлено увеличенiе земельнаго фонда нуждающихся крестьянъ, г. Прокоповичъ не даетъ прямого отвѣта въ разсматриваемой нами брошюрѣ. Въ этомъ вопросѣ онъ стоитъ на той точкѣ зрѣнiя, что нацiонализацiи и муниципализацiи слѣдуетъ предпочесть „дополнительный надѣлъ на правѣ частной или общинной собственности", смотря по тому, „на какомъ правѣ крестьяне владѣютъ кореннымъ надѣломъ" (См. „Безъ заглавiя." № 5, стр. 175). Мы не можемъ не присоединиться къ этой точкѣ зрѣнiя съ нѣкоторой оговоркой. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ крестьяне фактически уже пользуются помѣщичьей землей, *арендуя* ее, тамъ возможно только такое рѣшенiе вопроса. Но гдѣ имѣются „культурныя хозяйства", ведущiяся главнымъ образомъ *наемнымъ* трудомъ, тамъ должна быть отстаиваема муниципализацiя земли.

Б. Веселовскiй.

В. Д. Кузьминъ-Караваевъ. *Изъ эпохи освободительнаго движенiя* (18 октября 1905 г.—8 iюля 1906 г.) Стр. 426. Ц. 2 р.

Настоящая книга представляетъ сборникъ статей, помѣщавшихся ранѣе въ „Руси" и „Вѣстникѣ Европы", а также включаетъ главнѣйшiя рѣчи г. К. К. въ первой Госуд. Думѣ. Часть статей—меньшая—посвящена анализу различныхъ юридическихъ вопросовъ (объ „административныхъ разстрѣлахъ" и т. п.), большая же часть ихъ написана по поводу текущаго политическаго момента, его оцѣнки и перспективъ. О достоинствахъ статей первой категорiи намъ нечего здѣсь распространяться: г. К.-К. давно уже пользуется заслуженной извѣстностью въ этой области. Для насъ сейчасъ гораздо интереснѣе остановиться на политическихъ статьяхъ г. Кузьмина-Караваева.

Вѣчныя колебанiя между страхомъ передъ развитiемъ революцiи и надеждой на успокоенiе, связанной съ полученiемъ власти въ руки „Мининовъ" общества,—таковъ общiй тонъ статей „конституцiоналиста" г. К.-К. Октябрьское движенiе 1905 г. еще не было ликвидировано, а г. К.-К. мечтаетъ о томъ, что „правительство дастъ несомнѣнныя доказательства искренности своихъ намѣренiй" и тогда „страстность борьбы, наконецъ, уступитъ мѣсто вдумчивому творчеству" (22 октября). Вотъ прокатилась погромная волна, правительство дало „несомнѣнныя доказательства", а г. К.-К. все еще не видитъ положенiя дѣла и убаюкиваетъ себя мыслью, что „за данной минутой—для конституцiоналистовъ „мирный прогрессъ", что нужно размежеваться имъ съ непримиримыми с.-д.

„Конституцiоналисты,—пишетъ онъ,—добились того, къ чему стремились".

(9 ноября). Какой же цѣли они добились? Оказывается, что „была Дума совѣщательная—она получила рѣшающій голосъ“ и т. д. Получила Дума и право „наблюдать за закономѣрностью“ министровъ. И вотъ г. К.-К. спѣшитъ убѣдить „общество принять протянутую ему 17-го октября руку и оказать правительству поддержку“ (15 ноября). Предвидя, что тутъ встрѣтится много препятствій, г. К.-К. пытается доказать, что всѣ эти препятствія должны быть обойдены. Вопросъ о полной амнистіи не такъ уже простъ, чтобы изъ-за него расходиться съ правительствомъ (21 ноября). Программа партій? Но вѣдь это „расплывчатыя диссертаціи“ (29 ноября). Словомъ, больше уступчивости со стороны „общества“, скорѣе нужно протянуть руку правительству... погромовъ, аграрныхъ усмиреній и т. д.

Борьба продолжала расти, мы стояли наканунѣ московскаго возстанія, а г. К.-К. пребывалъ въ полной увѣренности, что „мы имѣемъ обособленное отъ монарха правительство, отвѣтственное передъ будущей Думой за закономѣрность своихъ дѣйствій“ (8 декабря). Можно догадываться, какимъ гомерическимъ смѣхомъ отвѣтили бы на такія притязанія тогда гг. Мины, Дурново, Дубасовы и пр. „усмирявшіе“ движеніе во всѣхъ углахъ Россіи.

Начинаются выборы въ Думу при сильномъ давленіи администраціи, при разгулѣ карательныхъ экспедицій и г. К.-К. настраивается, наконецъ, на пессимистическій ладъ и признаетъ, что „октябрьскія обѣщанія“ постигла плохая участь (конецъ февраля). Оппозиціонный составъ депутатовъ и вообще исходъ выборовъ поднимаетъ барометръ самочувствія г. К.-К. и настраиваетъ его на прежній ладъ. „26 марта,—восклицалъ онъ наивно,—приказный строй побѣжденъ безвозвратно. Побѣдила идея народной свободы. На этотъ разъ побѣда достигнута не бумажная, какъ было 17-го октября, а живая, реальная“ (1 апрѣля). Противопоставленіе силы идеѣ чрезвычайно характерно для всего строя мышленія либеральной буржуазіи и особенно для г. К.-К. Здѣсь кроется основа для непониманія положенія вещей, въ этой двойственности слѣдуетъ искать причины расплывчатости „конституціоналистовъ“.

Черезъ 26 дней послѣ восторженной статьи о „реальной“ побѣдѣ г. К.-К. снова впадаетъ въ меланхолическій тонъ по поводу того, что министры, которыхъ онъ считалъ отвѣтственными передъ Думой, наканунѣ Думы законодательствуютъ и отмѣняютъ „пунктъ третій манифеста 17-го октября“ (стр. 278).

Мѣсяцъ спустя (28 мая) онъ все еще продолжаетъ не понимать положенія вещей. Болѣе, какъ юристъ, чѣмъ, какъ политикъ, онъ восклицаетъ: „Надо же кончить съ той юридической нелѣпостью, которая явилась слѣдствіемъ провозглашенія незыблемыхъ основъ гражданской свободы безъ одновременнаго облеченія этихъ основъ въ формулѣ закона“. Кончается циклъ статей заунывнымъ: „у насъ нѣтъ именъ—ни въ Думѣ, ни за ея

стѣнами...; нѣтъ и идейнаго авторитета". Г. К.-К., какъ послѣ октябрьской волны, такъ и затѣмъ, никакъ не можетъ разобраться въ соотношеніи борющихся силъ; клеймитъ революцію „силы" и превозноситъ революціи „идей"; за первой отрицаетъ творческую силу, боится ея сокрушающаго характера тогда, когда старый строй еще „незыблемъ", когда для демократа не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы подать правительству руку, г. К.-К. клеймитъ неуступчивость к.-д. и с.-д. и призываетъ ихъ къ совмѣстному съ Витте творчеству. Политическая наивность, легковѣрность и желаніе поскорѣе приступить къ „творчеству", къ облеченію „обѣщаній" въ „законодательныя формулы" показываютъ, что г. К.-К. настолько же плохой политикъ (въ средѣ даже „конституціоналистовъ"), насколько хорошъ онъ, какъ юристъ.

Б. Веселовскій.

В. Ѳ. Тотоміанцъ. *Формы аграрнаго движенія.* Стр. 205. Ц. 80 к. Изд. Н. Глаголева.

Въ своей работѣ г. Тотоміанцъ останавливается почти исключительно на движеніи сельскихъ рабочихъ, упоминая о др. типахъ „аграрнаго движенія" лишь вскользь. Наиболѣе обстоятельные очерки движеніи сдѣланы авторомъ относительно Италіи и Венгріи, значительно поверхностные обзоры движенія въ Англіи, Франціи и Испаніи, причемъ для Франціи— г. Тотоміанцъ останавливается лишь на движеніи и организаціи дровосѣковъ и виноградарей. Объ Испаніи сказано 2—3 слова.

Очерку движенія въ каждой странѣ предшествуетъ общая характеристика сельскаго хозяйства, формъ землевладѣнія и т. п. Обстоятельно выполнена эта часть работы относительно Италіи и слишкомъ бѣгло для Англіи. Особенное вниманіе, какъ я сказалъ, посвящено г. Тотоміанцомъ аграрному движенію, собственно движенію сельскихъ рабочихъ, въ Италіи (100 страницъ),—и эта часть книги является наиболѣе интересной и содержитъ массу цѣннаго матеріала. Живо и обстоятельно написанъ также очеркъ движенія въ Венгріи. И въ томъ, и въ др. случаяхъ авторъ подробно останавливается на роли соціалистической пропаганды въ движеніи и вообще на отношеніи соціалъ-демократіи къ движенію сельскихъ рабочихъ, къ его типамъ (профессіональному, кооперативному и т. д.). Приводятся, между прочимъ, тексты постановленій соціалистическихъ конгрессовъ, крестьянскихъ съѣздовъ и т. д., въ части, касающейся движенія сельскихъ рабочихъ, въ приложеніи даны уставы итальянскихъ „крестьянскихъ лигъ". Наиболѣе слабой частью работы г. Тотоміанца является часть, посвященная движенію сельскихъ рабочихъ въ Россіи (26 страницъ). Слѣдуетъ указать на то, что авторъ не далъ достаточно полнаго анализа этого движенія у насъ; не указалъ, какое мѣсто и какую роль имѣетъ это движеніе въ Россіи наряду съ др. формами аграрнаго движенія.

Кромѣ этихъ частныхъ пробѣловъ, можно указать, напр., и на то, что законодательства о сельскихъ рабочихъ авторъ касается лишь вскользь. Въ общемъ, однако, слѣдуетъ признать за работой г. Тотоміанца большую цѣнность, особенно въ настоящій моментъ, когда мы стоимъ наканунѣ выдѣленія у насъ спеціально рабочаго движенія (въ сельскомъ хозяйствѣ) изъ „аграрнаго". Наши условія во многомъ сходны съ аграрными отношеніями въ Италіи и Венгріи, и опыту этихъ странъ намъ придется учиться въ данномъ случаѣ еще немало.

Б. Веселовскій.

Евгеній Лозинскій. *Итоги парламентаризма. Что онъ далъ, и можетъ ли онъ что-либо дать рабочимъ массамъ?* Книгоиздательство „Новый Голосъ". С.-Петербургъ. 1907.

Новая книжка г. Лозинскаго въ одномъ отношеніи выгодно отличается отъ его предыдущей работы объ интеллигенціи: она написана значительно скромнѣе, а, если сдѣлать поправку на амбиціозность и претенціозность г. Лозинскаго, то она написана даже попросту скромно. Это не „откровеніе въ грозѣ и бурѣ", какимъ являлась книга: „Что же, наконецъ, такое интеллигенція?", не титаническая работа героя, очистившаго, наконецъ, авгіевы конюшни соціалистической мысли,—это просто довольно живо написанная, хотя и поверхностная, сводка имѣющихся въ западноевропейской литературѣ обвиненій противъ парламентаризма. Конечно, и здѣсь г. Лозинскій не можетъ обойтись безъ фразъ вродѣ: „мы подвели ему (парламентаризму) здѣсь итоги за всю его вѣковую дѣятельность въ такъ наз. „свободныхъ" странахъ, положивши въ основу нашей критики критическую и сатирическую литературу, существующую по данному вопросу на Западѣ" (с. 5). Но, вообще говоря, это державное „мы" г. Лозинскаго мало выпячивается въ теперешней его работѣ, ибо слишкомъ ужъ очевидно, что подводимый имъ „итогъ" является лишь пересказомъ прочитанныхъ въ заграничныхъ книжкахъ мыслей.

Попрежнему оригинальной,—если, конечно, забыть о работахъ г. Вольскаго,—является теорія о дьявольско-хитромъ заговорѣ интеллигенціи, методически стремящейся „путемъ парламентаризма къ торжеству своихъ классовыхъ, своихъ эксплоататорскихъ интересовъ" (с. 6). Но объ этой самобытной теоріи заговора мы ужъ говорили въ февральской книгѣ „Образованія", и поэтому, не касаясь ея болѣе, мы обратимся прямо къ итогамъ.

Подъ общимъ именемъ „кризиса парламентаризма", которымъ занятъ г. Лозинскій, понимаютъ двѣ различныхъ, хотя и соприкасающихся между собой вещи: во-первыхъ, критику парламентаризма съ точки зрѣнія его соотвѣтствія чистой идеѣ демократіи, народоправства. Эта критика, восходящая еще къ Руссо, у котораго, однако, не выходитъ изъ круга чисто

теоретическихъ, абстрактныхъ разсужденій, принимаетъ послѣ неудачъ революціи 48 года конкретный характеръ въ работахъ Риттингаузена и Прудона, а за послѣднія два десятилѣтія—въ эпоху расцвѣта буржуазнаго парламентаризма—пріобрѣтаетъ совсѣмъ актуальное значеніе. Всеобщее избирательное право не оправдало возлагавшихся на него надеждъ. Выражаемая имъ, согласно теоріи, воля народа (т. е. воля большинства націи, неимущихъ классовъ) фактически расходится съ интересами и нуждами этого самаго народа. Народное представительство, оказывается, не представляетъ интересовъ народа, а превращается въ органъ власти надъ нимъ буржуазіи и проникается всей присущей буржуазному обществу деморализаціей. Изъ констатированія этихъ фактовъ вытекли разнообразныя теоретическія и практическія попытки приблизить народное представительство къ народу, приблизить его къ народоправству: таковы требованія референдума, инидіативы, пропорціональнаго представительства и пр. Все это очень сложныя и въ теоретическомъ, и въ практическомъ отношеніи проблемы, рѣшеніе которыхъ потребуетъ еще огромной и продолжительной работы мысли. Критика парламентаризма въ настоящее время особенно легка—легче всякой другой критики,—но зато и искусство здѣсь особенно трудно. И если для своей критики г. Лозинскій могъ черпать полными пригоршнями изъ богатой сокровищницы европейской литературы, вплоть до обличительныхъ романовъ Вогюэ, Додэ, Борреса, зато собственнаго „искусства" онъ отнюдь не обнаружилъ. Какъ и въ книгѣ объ интеллигенціи, все сводится къ простому отрицанію: вѣдь хорошіе русскіе мальчики такъ любятъ широкій размашистый жестъ, которымъ проводится знакъ минусъ. Но, можетъ быть, и здѣсь г. Лозинскій „не раскрылъ передъ вояками сейчасъ же всѣхъ своихъ картъ"? (См. его журналецъ „Противъ теченія", № 2).

Такова одна сторона дѣла. Но въ кризисѣ парламентаризма есть и другая, болѣе важная съ соціалистической точки зрѣнія, сторона: именно все усиливающееся теперь разочарованіе въ значеніи для рабочихъ массъ парламентской дѣятельности. Пролетарскія массы и выразители ихъ интересовъ, различныя соціалистическія партіи Запада, начинаютъ все болѣе убѣждаться въ томъ, что слишкомъ большія надежды были ими возложены на парламентскую дѣятельность соціалъ-демократическихъ фракцій. Возникшая на почвѣ этого разочарованія реакція противъ „парламентскаго кретинизма" успѣла ужъ мѣстами совершить полную амплитуду отрицанія и приблизиться къ анархистскимъ и полуанархистскимъ формамъ игнорированія политической борьбы. На полюсѣ этого отрицанія стоитъ и г. Лозинскій; хотя въ неизмѣнномъ стремленіи подчеркнуть свою самостоятельность онъ и пишетъ: „Наше отношеніе къ такой самостоятельной борьбѣ рабочаго класса за свое освобожденіе не имѣетъ ничего общаго съ action directe совершенныхъ революціонныхъ синдикалистовъ и анархистовъ"

(с. 107). Имѣетъ, почтеннѣйшій г. Лозинскій, имѣетъ, и ровно столько, сколько, напримѣръ, общаго у вашей теоріи заговора интеллигенціи съ теоріей г. Вольскаго. Но это, конечно, не важно. Важнѣе то, что хоть на одну минуту г. Лозинскій перестаетъ быть „духомъ отрицанія“ и произноситъ, наконецъ, какое-нибудь „да“. Вотъ въ чемъ, по мнѣнію нашего автора, заключается выходъ пролетаріата изъ его рабскаго положенія: „Въ освобожденіи пролетаріата отъ цѣлаго ряда дурачащихъ и эксплоатирующихъ его политикановъ, въ возвращеніи его къ своей собственной *искони начатой, самостоятельной классовой борьбѣ за улучшеніе своего экономическаго положенія. Не въ сотрудничествѣ въ парламентѣ (не посылая въ парламентъ „своихъ“ представителей), а въ предъявленіи ему, этой центральной власти господскаго общества, во время своихъ выступленій,—конкретныхъ, подлежащихъ немедленному осуществленію, экономическихъ требованій*“ (с. 47; см. также сс. 107—109). Непосредственную экономическую борьбу пролетаріата (т. е. борьбу его съ отдѣльными или объединенными въ союзы капиталистами) г. Лозинскій дополняетъ нѣкоторымъ *политическимъ* моментомъ,—именно *предъявленіемъ пролетаріатомъ своихъ требованій* органу буржуазнаго господства—парламенту (для того, чтобы, поясняетъ онъ на с. 107, завоеванія, сдѣланныя передовой частью рабобочаго класса, могли быть распространены и на отсталые слои его). Но разрѣшая пролетаріату предъявлять свои требованія, онъ запрещаетъ ему *защищать* ихъ въ парламентѣ. Онъ забываетъ, что политическое дѣйствіе имѣетъ свою логику, и что разъ допущено—и даже возведено въ принципъ—давленіе на парламентъ извнѣ, то оно неизбѣжно приведетъ и къ внутри парламентскому дѣйствію. Кто не игнорируетъ значенія парламента, кто не обходитъ этой крѣпости буржуазнаго владычества, тотъ долженъ стремиться завладѣть ею. Непосредственное экономическое дѣйствіе пролетаріата всегда упирается въ политическое дѣйствіе и должно быть сознательно и планомѣрно дополнено имъ. Но принимая участіе въ парламентской борьбѣ, не слѣдуетъ преувеличивать значенія ея и требовать отъ нея то, чего она дать не можетъ. Не въ парламентѣ, конечно, будетъ разрѣшена тяжба между пролетаріатомъ и буржуазіей. Между крайностью парламентаризма, съ одной стороны, и противоположными крайностями антипарламентаризма и апарламентаризма, съ другой, проходитъ истинная линія пролетарскаго дѣйствія.

П. Ю.

Кампфмейеръ. *Соціалъ-демократія при свѣтѣ исторіи культуры*. Книгоиздательство „Колоколъ“. 1906 г.

Великъ былъ экономическій путь, который совершилъ современный пролетарій, развившись изъ цехового подмастерья. Но не менѣе зна-

чительна та умственная и нравственная работа, которая совершена имъ за этотъ періодъ. Руководителемъ этой работы явилась, конечно, больше всего соціалъ-демократія. Книжка Кампфмейера и ставитъ своей задачей прослѣдить эту роль соціалъ-демократіи. Онъ видитъ заслуги соціалъ-демократіи въ томъ, что она пробудила въ пролетаріатѣ классовое самосознаніе, организовала классовое движеніе пролетаріата, научно обосновала соціализмъ, политически воспитала рабочія массы, воспитала его научно и художественно. Наконецъ, создала новыя общественныя рабочія учрежденія. Каждому изъ этихъ пунктовъ авторъ посвящаетъ по главѣ. Переводъ страдаетъ шереховатостями.

Л. К.

Возникновеніе партійной организаціи германской соціалъ-демократіи. Переводъ съ нѣмецкаго Н. Дьяконова. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. М. 1907 г. Ц. 25 к.

„Намъ нужно стать не кучкой пропагандистовъ, но политической силой первой степени“. Этотъ лозунгъ, впервые высказанный К. Каутскимъ, горячо обсуждался въ настоящее время, примѣнительно къ русской дѣйствительности, въ партійной соціалъ-демократической литературѣ и дискуссируется на рабочихъ собраніяхъ. Съ цѣлью дать посильное освѣщеніе организаціонныхъ вопросовъ Р. С. Д.-Р. Партіи, выпустилъ г. Н. Дьяконовъ свою брошюру, составленную изъ рѣчей А. Бебеля, Либкнехта, Зингера, Ауэра Фольмара и др. германскихъ соціалъ-демократовъ, произнесенныхъ на Галльскомъ партейтагѣ въ 1890 году и посвященныхъ выясненію вопроса о возникновеніи германской соц.-дем. партіи. Рѣчь Бебеля—это отчетъ правленія партіи, въ которомъ излагается исторія борьбы соціалъ-демократовъ, въ періодъ исключительнаго закона противъ соціалистовъ, въ Германіи и выясняется значеніе избирательной кампаніи и дѣятельности парламентской фракціи для развитія партіи и для отмѣны исключительнаго закона. Злободневнымъ для Россіи вопросомъ: о соглашеніи съ буржуазными партіями и роли парламентаризма—дается отчасти отвѣтъ въ рѣчахъ Либкнехта, Зингера, Бебеля и др., посвященныхъ полемикѣ съ анархизмомъ „молодыхъ“ и защитѣ необходимости голосованія за кандидатовъ демократическихъ партій при перебаллотировкахъ

И, наконецъ, спеціально организаціонные вопросы разсматриваются въ докладѣ Ауэра и рѣчахъ Фольмара, Кесслера, Штоле и др., принципіально признающихъ вредъ формальной организаціи, запрещенной закономъ.

На основаніи приведенныхъ рѣчей, дебатовъ и резолюцій Галльскаго партейтага г. Дьяконовъ, въ предисловіи къ брошюрѣ, приходитъ къ выводу, что „партійная организація соціалъ-демократіи строится, какъ всѣ политическія партіи, на основаніи и въ цѣляхъ избирательной агитаціонной

борьбы, партія—аппаратъ для непрерывной агитаціонной борьбы съ другими партіями, въ опредѣленные періоды выбирающій депутатовъ и всегда связанный съ ними, всегда составляющій основаніе парламентской фракціи. Это главное. Во-вторыхъ: „ни въ какомъ случаѣ партійная организація не должна состоять изъ тайныхъ обществъ и до тѣхъ поръ, пока она не имѣетъ силы заставить признать свою формальную организацію... она и не должна имѣть ея“.

Съ примѣненіемъ этихъ выводовъ къ русской жизни нельзя, конечно, согласиться. Не слѣдуетъ забывать, что наканунѣ 21-го октября 1878 г., когда вошелъ въ силу исключительный законъ противъ соціалистовъ, германская соц.-дем. партія представляла сильную организацію: она имѣла 42 политическихъ и 14 профессіональныхъ органовъ, безчисленное множество политическихъ и профессіональныхъ союзовъ, разныхъ кассъ и обществъ. Въ Россіи нѣтъ и тѣни подобнаго, и намъ приходится еще только выходить изъ подполья на свѣтъ Божій. Затѣмъ, переоцѣнка парламентаризма и роли соц.-дем. фракціи въ рейхстагѣ дала въ Германіи отрицательные результаты и привела въ настоящее время къ переоцѣнкѣ взаимоотношеній партіи и профессіональныхъ союзовъ.

Поэтому, рекомендуя брошюру „Возникновеніе партійной организаціи германской соціалъ-демократіи“, какъ интересный историческій матеріалъ, мы должны предупредить читателя, что къ предисловію г. Н. Дьяконова слѣдуетъ относиться очень и очень критически.

Д. М. З.

Письма К. Маркса къ члену Интернаціонала Кугельману. Съ предисловіемъ Карла Каутскаго. Перев. съ нѣм. А. Гойхбарга. Спб. 1907. 104 стр. Ц. 40 коп.

Письма К. Маркса къ Кугельману были впервые опубликованы года три тому назадъ въ журналѣ „Neue Zeit“. Они представляютъ чрезвычайно большой интересъ для научной біографіи Карла Маркса и въ частности для исторіи Интернаціонала.

Между прочимъ, изъ этихъ писемъ вырисовываются тѣ чрезвычайно тяжелыя условія, при которыхъ Марксу приходилось создавать „Капиталъ“. Первыя письма переполнены тяжелыми вздохами Маркса по поводу стѣсненныхъ матеріальныхъ условій, не дававшихъ ему возможности погрузиться въ научную работу; по поводу постоянныхъ болѣзней.

„Мои финансовыя дѣла,—пишетъ Марксъ 13 окт. 1866 г.,—вслѣдствіе моей долгой болѣзни и вызванныхъ ею большихъ расходовъ, настолько ухудшились, что мнѣ въ ближайшемъ будущемъ грозитъ финансовый кризисъ—обстоятельство, которое, не говоря уже о его прямомъ вліяніи на меня и на мою семью, именно здѣсь, въ Лондонѣ, гдѣ не-

обходимо сохранять *декорумъ*, погубило бы меня и въ политическомъ отношеніи. Отъ Васъ я хотѣлъ узнать слѣдующее: знаете ли Вы такое лицо или немногихъ лицъ, которыя бы могли мнѣ одолжить минимумъ на два года примѣрно 1000 талеровъ по 5—6%. Я теперь плачу 20—50% за тѣ мелкія суммы, которыя я одалживаю, но при всемъ томъ я не могу уже дольше сдерживать своихъ кредиторовъ и поэтому мнѣ грозитъ опись имущества“ (22 стр.).

Эти жалобы на тяжелое матеріальное положеніе то и дѣло повторяются въ первыхъ письмахъ Маркса, который рѣшилъ даже поступить на частную службу, но изъ-за плохого почерка его не приняли. Только широкая дружеская помощь, оказанная Марксу Энгельсомъ, позволила первому забыть о матеріальныхъ невзгодахъ.

Въ письмахъ Маркса мы находимъ чрезвычайно интересныя данныя о томъ, какъ создавался первый томъ „Капитала“. Матеріальныя заботы, постоянныя болѣзни сильно мѣшали Марксу заниматься и все-таки поражаешься, откуда онъ бралъ столько времени и дѣлалъ столько дѣла.

Работа въ Интернаціоналѣ поглощала у него массу времени, ему приходилось вести, сверхъ того, обширную переписку, встрѣчаться и бесѣдовать съ массою людей и въ то же время онъ пишетъ свой „Капиталъ“, умудряется откуда-то взять время для изученія русскаго языка и продолжаетъ слѣдить за развитіемъ естественныхъ наукъ!

Вскорѣ послѣ появленія перваго тома „Капитала“ одинъ петербургскій издатель предложилъ Марксу выпустить русскій переводъ этой книги. Это предложеніе до крайности удивило Маркса и нельзя сказать, чтобы очень обрадовало. Въ письмѣ къ Кугельману отъ 12-го окт. 1898 г. Марксъ пишетъ по этому поводу: „Нѣсколько дней тому назадъ какой-то петербургскій книгоиздатель поразилъ меня извѣстіемъ о томъ, что „Капиталъ“ печатается въ настоящее время въ русскомъ переводѣ. Онъ просилъ мою фотографическую карточку для его обложки, и въ такомъ пустякѣ я не могъ отказать „моимъ хорошимъ друзьямъ“ русскимъ. Иронія судьбы заключается въ томъ, что русскіе, противъ которыхъ я вотъ уже 25 лѣтъ выступалъ не только на нѣмецкомъ, но и на французскомъ и на англійскомъ языкѣ, всегда были моими „доброжелателями“. Въ 1843—1844 г. въ Парижѣ тамошніе русскіе аристократы меня на рукахъ носили. Мое сочиненіе противъ Прудона (1847 г.), а также и вышедшее у Дункера (1859 г.) нигдѣ не нашли большаго сбыта, чѣмъ въ Россіи. И первая чужая нація, переведшая „Капиталъ“, — это русская. Но все это нельзя очень высоко цѣнить. Русская аристократія въ юности своей воспитывается въ нѣмецкихъ университетахъ и въ Парижѣ. Она всегда гонится за самымъ крайнимъ изъ того, что даетъ Западъ. Это чистая гастрономія, какой занималась часть французской аристократіи въ XVIII вѣкѣ“ (51 стр.).

Однако, уже въ этихъ письмахъ Марксу пришлось отмѣтить нарожденіе въ Россіи его новаго читателя изъ среды, никакой гастрономіи никогда не вѣдавшей. Въ концѣ 1867 г. Марксъ получилъ изъ Петербурга отъ „мастера владимірской фабрики кожевенныхъ издѣлій. Васильевскій Островъ" Іосифа Дицгена замѣчательное посьмо. „Мастеръ владимірскаго кожевеннаго завода" писалъ Марксу: „Вы впервые въ ясной, неопровержимой научной формѣ высказали то, что отнынѣ станетъ *сознательной* тенденціей историческаго развитія, а именно—тенденцію подчинить человѣческому сознанію бывшую до сихъ поръ слѣпою естестественную силу общественнаго процесса производства".

Длинное и глубокое письмо русскаго рабочаго произвело на Маркса очень сильное впечатлѣніе и привело его въ восторгъ.

Ознакомленіе съ очень цѣнными письмами Маркса къ Кугельману необходимо для всякаго интересующагося исторіей марксизма. Къ сожалѣнію, русскій переводъ кишмя-кишитъ ужасающими корректорскими ошибками. Собственныя имена почти повсюду перепутаны. Издатель „Капитала" Мейснеръ превратился въ Гейснера, Іоганнъ Беккеръ почему-то вездѣ именуется Ж. Беккеромъ, газета „Reveil" превращается въ „Beveil"; дочь Маркса Лауара—въ Ваура; газета „Eastern Post"—въ „Pastern Eost"; изъ фразъ и названій на иностранныхъ языкахъ переданныя вѣрно составляютъ рѣдкое исключеніе.

П. Берлинъ.

Э. Вандервельде. *Соціализмъ и сельское хозяйство.* СПБ. 1907 г. изд. „Прометей". Цѣна 50 к.

Э. Вандервельде. *Соціализмъ и земледѣліе.* Пер. съ французскаго З. Кочетковой. Изд. редакціи журнала „Образованіе". Цѣна 40 к.

Оба вышеприведенныя изданія представляютъ переводъ одного и того же курса, читаннаго Эмилемъ Вандервельде въ 1906 г. въ Новомъ Университетѣ въ Брюсселѣ.

Темой новаго труда этого выдающагося вождя бельгійской с.-демократіи служитъ изслѣдованіе эволюціи, совершающейся въ области сельскаго хозяйства. Для насъ, современниковъ нынѣшняго соціально-политическаго кризиса, во главу угла котораго исторія ставитъ вопросъ аграрный, такого рода изслѣдованіе должно имѣть особый интересъ, такъ какъ даетъ возможность подвести итоги тому великому спору, который ужъ не первый годъ ведется, съ одной стороны, марксистами, а съ другой—реставраторами народничества.

Оперируя съ богатымъ статистическимъ матеріаломъ, относящимся къ положенію сельскаго хозяйства и преимущественно крестьянскаго землевла-

дѣнія почти во всѣхъ странахъ Стараго и Новаго свѣта, авторъ приходитъ къ выводу, что „за изъятіями, которыя можно объяснить исключительными обстоятельствами, крестьянская собственность преобладаетъ въ бѣдныхъ районахъ, между тѣмъ какъ сдача въ наймы развивается, напротивъ, въ районахъ богатыхъ", что владѣніе землей повсюду ускользаетъ изъ рукъ тѣхъ, кто ее обрабатываетъ и „даже въ томъ случаѣ, когда крестьяне сохраняютъ свою собственность, они теряютъ всякую независимость по отношенію къ коммерческому и промышленному капиталамъ". Т. е., иными словами: земледѣліе прямо или косвенно становится капиталистическимъ.

Вопросу о концентраціи въ области сельскаго хозяйства посвящена отдѣльная глава. Авторъ признаетъ, что почти во всѣхъ странахъ существуютъ два противоположныя теченія—нѣкоторыя области характеризуются концентраціей, другія—раздробленіемъ хозяйствъ, но, анализируя причины послѣдняго явленія, онъ подчеркиваетъ ихъ ограничительный характеръ и далекъ отъ мысли, что преимущество мелкой культуры продолжало бы существовать, если бы ей пришлось конкуррировать съ крупными эксплоатаціями, обрабатываемыми обществами рабочихъ". Впрочемъ въ этой области Вандервельде не даетъ исчерпывающей критики; онъ, напримѣръ, почему-то умалчиваетъ о блестящемъ анализѣ Каутскаго роста въ Германіи мелкой собственности, данномъ въ предисловіи къ послѣднему изданію Эрфуртской программы.

Касаясь затѣмъ соціализаціи сельскохозяйственныхъ производствъ и перехода самой земли въ общественную собственность, авторъ выпукло подчеркиваетъ всѣ преимущества подобнаго общественнаго устройства, но онъ въ то же время далекъ отъ иллюзій, что современное кооперативное движеніе приближаетъ насъ къ этому будущему. По его мнѣнію, „большая часть сельскохозяйственныхъ производительныхъ обществъ, повидимому, представляютъ скорѣе переходную ступень къ капитализму, чѣмъ къ соціализму". Не менѣе энергично возстаетъ онъ и противъ всякихъ экспериментовъ въ области націонализаціи земли тамъ, гдѣ приходится имѣть дѣло съ неограниченнымъ правительствомъ, какъ, напр., у насъ въ Россіи. „Ни одинъ соціалистъ,—говоритъ по этому поводу Вандервельде,—не можетъ и думать о расширеніи общественныхъ владѣній, которое дало бы новое оружіе въ руки... правительства".

Повторяемъ, въ книжкѣ Э. Вандервельде русскій читатель найдетъ много цѣннаго, что поможетъ ему разобраться въ постановкѣ этого вопроса у насъ и отличить реальное его разрѣшеніе отъ утопическихъ ламентацій.

Оба перевода книжки вполнѣ удовлетворительны въ литературномъ отношеніи; цѣна же обоихъ изданій нѣсколько высока.

А. Е.

Политическое положеніе и тактическія проблемы. *Сборникъ статей.* Книгоиздательство „Рабочій". Москва. 1906 г.

Настоящему сборнику нельзя не пожелать самаго широкаго распространенія прежде всего среди московскихъ рабочихъ.

К.-д. лишь отчасти были вправѣ, послѣ послѣднихъ выборовъ, объявить Москву своей „вотчиной". Если въ той части населенія, которая не была лишена избирательнаго права по городской куріи ни самимъ избирательнымъ закономъ, ни его „разъясненіями", кадетское вліяніе велико, то едва ли оно такъ велико, какъ въ остальной части московскаго населенія — среди московскаго пролетаріата — велико значеніе соціалъ-демократіи... только не с.-д. вообще, а именно с.-д.-скихъ большевиковъ. Какъ это ни печально, но значеніе т. н. меньшевиковъ, по сравненію съ послѣдними, было и до сихъ поръ незначительно въ московской рабочей организаціи. Сборникъ знаменуетъ, наконецъ, нарожденіе въ Москвѣ *сильной*, наконецъ, литературной группы, которая, въ противовѣсъ всѣмъ этимъ „Вопросамъ дня", „Текущимъ моментамъ" и пр., пытается проводить въ слои сознательнаго московскаго пролетаріата то марксистское единство, ту марксистскую опредѣленность, которымъ—среди тактическихъ колебаній нашего времени—остались вѣрны одни меньшевики...

Мы находимъ здѣсь имена Череванина, Валентинова, Ленскаго, Меча, Горна—эта группа, беря въ свои руки послѣднія книжки „Правды", пыталась сообщить еще ей фракціонную выдержанность. Она заняла даже независимое положеніе по отношенію къ тогдашнему моменту, высказавшись уже тогда не только противъ бойкота, но и противъ тѣхъ колебаній, которыя еще были у петербургскихъ меньшевиковъ, стоявшихъ въ началѣ за участіе лишь въ первыхъ стадіяхъ выборной кампаніи... Когда „Правда" была закрыта, московскіе товарищи выпустили нѣсколько сборниковъ, которые, впрочемъ, мало отличались отъ журнальныхъ книжекъ по своему составу. Наконецъ, объединившись около своего еженедѣльнаго органа „Наше Дѣло", „Дѣло Жизни" и пр., они рѣшили обобщить всѣ свои тактическіе взгляды въ своего рода программномъ сборникѣ.

Дѣйствительно, здѣсь выдвинуты и подвергнуты анализу всѣ вопросы, такъ волнующіе партійную, по преимуществу, меньшевистскую мысль съ тѣхъ поръ, какъ разогнана первая Дума. Онъ вышелъ въ свѣтъ въ то время, когда вопросъ о соглашеніяхъ еще только намѣчался въ соціалъ-демократической и кадетской печати, и мы прежде всего находимъ въ сборникѣ обширную статью, посвященную этому, въ сущности, до сихъ поръ жгучему вопросу. Прежде чѣмъ перейти къ самому вопросу, Н. Валентиновъ останавливается на томъ взглядѣ, согласно которому „теперь какъ разъ" наступилъ моментъ, когда революціонные соціалъ-демократы должны перестать быть бойкотистами. „Мы этого понять не можемъ,—

пишетъ авторъ.—Но полагаемъ потому, что минувшіе уроки жизни научили кое-чему даже и бойкотистскія головы".

Показавъ затѣмъ, почему нельзя ждать *полнаго* разгрома кадетизма, авторъ рѣзко критикуетъ слабыя стороны той позиціи, которая впослѣдствіи бросила часть с.-д. партіи въ объятія соціалистическаго блока, вступивъ, такимъ образомъ, въ конфликтъ съ постановленіемъ ноябрьской конференціи, признавшей основой для соглашеній съ другими партіями лишь черную опасность. Правда, въ то время, къ которому относится статья Валентинова, большевики стояли еще не на томъ, къ чему они пришли впослѣдствіи, — наоборотъ, они съ энергіей, достойной лучшаго примѣненія, въ то время высказываясь принципіально противъ соглашеній съ к.-д., въ то же время отстаивали лишь самостоятельное выступленіе. Однако, уже тогда можно было предвидѣть, что подъ этимъ кроется; въ подлежащей нашему вниманію статьѣ мы находимъ это предвидѣніе. Справедливую оцѣнку даетъ она и тѣхъ теченій, которыя характеризовали тогда кадетскую мысль, и того, которое одержало, наконецъ, верхъ, согласно которому для новой побѣды кадеты не нуждаются въ поддержкѣ ни справа, ни слѣва, и теченія Трубецкого, предлагавшаго соединеніе лишь правѣе, и теченіе лѣвыхъ кадетовъ, наоборотъ, обращавшихъ свои взоры налѣво. Въ заключеніе авторъ предлагаетъ лозунгъ полновластной Думы, въ которомъ онъ сходится съ Плехановымъ. Нельзя не согласиться съ нимъ. Л. Мартовъ, въ своемъ отзывѣ о „Политическомъ положеніи и тактическихъ проблемахъ", высказывается противъ него на томъ основаніи, что кадеты со времени разгона сдѣлали поворотъ направо, что мы это должны не забывать и пр. Но самъ же онъ указываетъ, что они „будутъ наказаны". Теперь же—послѣ выборовъ—мы можемъ уже прямо формулировать, что наказаніе началось... Если же такъ, я не думаю, что эволкціи кадетовъ вправо можно придавать хотя бы такое значеніе, какъ, напр., прошлогодней эволюціи ихъ же налѣво...

Не менѣе основательно трактуются темы другихъ статей, касающіяся положенія с.-д. партіи, ея внутреннихъ разногласій, тѣхъ элементовъ стихійности, которые подъ вліяніемъ временнаго отлива разъѣдаютъ ея сердцевину, тѣхъ задачъ, которыя стоятъ передъ ней. Въ этомъ отношеніи статьи С. Семенова „Общія и частичныя массовыя выступленія", Т. Бѣльскаго „Объ элементахъ анархіи въ русской революціи" и З. Ленскаго „Условія образованія массовой соціалъ-демократіи" дополняютъ другъ друга. Онѣ даютъ правильный анализъ того, что получится въ результатѣ, если точка зрѣнія „Пролетарія" на то „достоинство партизанской войны", что она „можетъ тянуться безконечно", одержитъ верхъ въ партіи с.-д. И если люди, можетъ быть, ни въ чемъ такъ не упорны, такъ не склонны къ тенденціозности, какъ въ оцѣнкѣ своихъ *партійныхъ* заслугъ, то нельзя не признать: этотъ поистинѣ проклятый вопросъ

8*

ставится не только съ той вдумчивостью, какой онъ заслуживаетъ, но даже мужественно...

Важнѣйшей задачѣ, вотъ уже полгода стоящей передъ партійными работниками, вопросу о рабочемъ съѣздѣ, возбужденному П. Б. Аксельродомъ, посвящены двѣ статьи: Череванина и Мирова. Череванинъ разсматриваетъ его съ точки зрѣнія того трагическаго положенія, которое создалось въ партіи, Мировъ намѣчаетъ конкретно условія, въ которыхъ съѣздъ могъ бы быть осуществленъ. Вопросъ этотъ до сихъ поръ блуждаетъ, какъ извѣстно, въ туманѣ. Это не могло не отразиться на статьяхъ, посвященныхъ ему въ сборникѣ.

Л. Кл.

Кампфмейеръ. *Измѣненія въ теоріи и практикѣ соціалъ-демократіи*. Переводъ съ нѣм. Шутякова. СПБ. 1906.

П. Кампфмейеръ извѣстенъ русской читающей публикѣ, какъ авторъ „Очерковъ изъ исторіи нѣмецкой культуры", гдѣ онъ даетъ сжатый анализъ новѣйшаго общественнаго развитія Германіи съ соціалъ-демократической точки зрѣнія. Надо надѣяться, что и эта его работа проложитъ себѣ дорогу къ читателю. Теперь, когда вся Россія переживаетъ моментъ небывалой политической ломки, такъ называемый „кризисъ марксизма" поневолѣ отступилъ у насъ куда-то назадъ. Между тѣмъ всего нѣсколько лѣтъ назадъ онъ не менѣе волновалъ ряды русской соціалъ-демократіи, чѣмъ германской. Мало того, какъ извѣстно, чисто тактическія разногласія въ нашей партіи не менѣе существенны, чѣмъ разногласія общаго характера, которыхъ пока еще *внутри партіи* не существовало. Былъ даже моментъ, когда партія прямо раскололась на самостоятельныя фракціи, не будучи въ состояніи выработать единыхъ рѣшеній по самымъ важнымъ пунктамъ тактики. Очевидно, какой интересъ при такихъ условіяхъ должна представлять работа, аналогичная брошюрѣ Кампфмейера, дающей сжатое, но вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно полное представленіе объ измѣненіяхъ въ теоріи и практикѣ нѣмецкой соціалъ-демократіи. Задача ея не полемическая. Авторъ просто разсказываетъ, каковы были вопросы, по которымъ волновалась соціалъ-демократическая мысль, каковы были рѣшенія, которыя она принимала. Сужденіе предоставляется сдѣлать самому читателю. Наименѣе полно авторъ характеризуетъ отношеніе соціалъ-демократіи къ аграрной и торговой политикѣ. Дѣло въ томъ, что, хотя разныя теченія партіи уже нашли себѣ достаточно всестороннее развитіе въ трудахъ Каутскаго и Давида, но партія, какъ таковая, все же еще не опредѣлила достаточно ясно своего взгляда. Она оставляла до сихъ поръ эти вопросы въ сторонѣ...

Издана книжка прилично, хотя за 100 стр. 25 к. нельзя не признать цѣной высокой при расцѣнкахъ послѣдняго времени.

Л. К.

М. Б—овъ и Ф. Данъ. *Рабочіе депутаты въ первой Государственной Думѣ.* Складъ изданій при книгоиздательствѣ Н. Глаголева. С.-Петербургъ. 1906 г.

Бойкотисты серьезно помѣшали организаціи пролетаріата въ первой думской кампаніи. Литва, Польша, Прибалтійскій край, Петербургъ, Москва—кажется, наиболѣе промышленные центры, тѣмъ не менѣе тактика, разсчитанная на преобладаніе элемента стихійности въ массахъ,—тактика бойкота—была принята пролетаріатомъ даже здѣсь. Конечно, и до апрѣльскаго съѣзда партіи были районы, высказавшіеся противъ бойкота, но до съѣзда это серьезнаго практическаго значенія имѣть не могло. Только тогда, когда бывшее большинство стало меньшинствомъ, въ Думѣ могли появиться первые соціалъ-демократы, какъ прямые ставленники партіи. Это и отразилось на развитіи и организаціи той рабочей группы, которой посвящена книга М. Б—ова и Ф. Дана. Въ то время, какъ нынѣшняя думская рабочая фракція начинаетъ прямо со ставленниковъ партіи и затѣмъ уже привлекаетъ въ свои ряды „сочувствующихъ", въ прошломъ году еще до того, когда центральный комитетъ Р. С.-Д. Р. П. былъ уполномоченъ освѣдомлять партійныя организаціи о томъ, кого именно, когда именно и на какихъ условіяхъ призналъ онъ представителемъ партіи въ Государственной Думѣ, имѣя спеціальный надворъ за этими депутатами, образовалась рабочая группа, большинство членовъ которой прошли даже такъ, что неизвѣстно было, въ качествѣ ли кадетовъ или соціалъ-демократовъ прошли они. Если то здѣсь, то тамъ она выражала явное стремленіе стать соціалъ-демократической, но вмѣстѣ съ тѣмъ она не всегда дѣлала то, что вправѣ отъ нея былъ требовать рабочій классъ. Лишь послѣ того, какъ они отдѣляются отъ трудовой группы, революціонность которой не столько въ ея политическихъ требованіяхъ, сколько въ требованіи земли (протестъ ея былъ по своей природѣ протестомъ мелкихъ хозяевъ), вступаютъ въ соціалъ-демократическую фракцію, образовавшуюся всего за 22 дня до разгона Думы, т.-е. въ партію, а вмѣстѣ съ ней въ тѣсное личное общеніе съ рабочими массами, она начинаетъ все болѣе обогащаться указаніями жизни, становиться лицомъ къ лицу къ дѣлу освобожденія рабочаго класса. Авторы такъ и расположили имѣвшійся въ ихъ рукахъ матеріалъ. Давъ краткую характеристику политическаго положенія передъ вторыми выборами, тѣхъ задачъ, которыя сознательно ставило себѣ въ первой Думѣ рабочее представительство, и только оно одно, они даютъ намъ обстоятельный обзоръ того, какъ функціонировала рабочая группа вначалѣ, когда она не могла еще считаться самостоятельной, и какъ она выступала потомъ, послѣ образованія соціалъ-демократической фракціи. Первыя двѣ главы, посвященныя выборамъ рабочихъ депутатовъ въ рабочей куріи въ Сибири и на Кавказѣ и первымъ шагамъ въ Думѣ, принадлежатъ М. Б—ву, остальныя—Ф. Дану.

Что могъ дать рабочимъ депутатамъ опытъ ихъ дѣятельности въ Думѣ, долженъ ли онъ былъ убѣдить ихъ въ томъ, что путь единенія съ трудовой группой есть единственно правильный для нихъ путь?—спрашиваетъ авторъ и вѣрно отвѣчаетъ: вступленіе въ нее могло быть сколько-нибудь прочнымъ лишь для немногихъ рабочихъ, столь же неопредѣленныхъ въ своихъ требованіяхъ, какъ и сама рабочая группа, и уже съ первыхъ дней этого вступленія рабочіе не могли не почувствовать тяготѣнія къ самостоятельной позиціи, тѣхъ противорѣчій, которыя становились неизбѣжными всякій разъ, когда слово переходило въ дѣло; въ безформенной массѣ „трудового" народа они теряются, стушевываются, отрываются отъ рабочаго класса, какъ таковаго. И вотъ—еще до образованія соціалъ-демократической фракціи—наступаетъ моментъ, когда рабочіе-депутаты становятся во главѣ пролетарскаго движенія, независимо отъ сочувствія или несочувствія трудовиковъ. Въ то время, какъ послѣдніе увлекаются агитаціей, пропагандой, задачей,—правда, тѣсно связанной съ организаціей народныхъ силъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не разрѣшающейся внѣ конкретной связи, непосредственно ведущей къ дѣйствіямъ,—рабочая группа одна обращается съ открытымъ призывомъ къ народу, въ которомъ показываетъ все безсиліе Думы одной бороться за народныя права, все значеніе того, насколько „освобожденіе народа, какъ выразился тогда д. Михайличенко, можетъ быть только дѣломъ рукъ самого народа". Исходя изъ этого положенія, М. Б—овъ освѣщаетъ всѣ соотвѣтствующіе факты. Заканчиваетъ онъ свой очеркъ организаціей фракціи. Ф. Данъ, разсматривающій не только работы фракціи въ Думѣ, но и внѣ ея, и даже послѣ разгона ея, даетъ не менѣе полную обработку матеріаловъ. Разъяснивъ все значеніе декларація, съ которой фракція и выступила тотчасъ послѣ ея образованія, онъ рисуетъ, каково было ея принципіальное отношеніе ко всѣмъ наиболѣе яркимъ моментамъ, выдвинутымъ думскими днями. Здѣсь и полицейская организація погромовъ, и свобода собраній, и смертная казнь, и продовольственный вопросъ, и обращеніе къ народу. Какой бы вопросъ ни поднимался, вы съ очевидностью видите, какъ въ самомъ дѣлѣ вѣрно то положеніе, согласно которому лишь одна соціалъ-демократія идетъ до конца въ защитѣ интересовъ народа. За все это время былъ только одинъ моментъ, когда с.-д. могла отказаться отъ внутренней борьбы въ Думѣ, моментъ, когда обсуждался вопросъ о смертной казни. Зато припомните кадетскіе проекты, продовольственный вопросъ и пр. Чрезвычайно интересенъ проектъ новаго обращенія къ рабочимъ, уже было принятый фракціей, но не поставленный на очередь въ виду разгона Думы. Заканчиваетъ Ф. Данъ свой очеркъ судьбой рабочихъ депутатовъ послѣ разгона Думы, которая, конечно, является „судьбой всѣхъ россійскихъ гражданъ—кто въ ссылкѣ, кто—въ тюрьмѣ, кто—въ бѣгахъ".

Нельзя не пожелать книгѣ М. Б—ова и Ф. Дана широкаго распро-

страненія особенно въ настоящій моментъ,—моментъ, когда уже образовалась соціалъ-демократическая фракція второй Государственной Думы.

Л. Кл.

Джонъ Митчель. *Рабочіе союзы въ Америкѣ.* Пер. съ нѣм. А. Розенштейнъ, подъ ред. и съ предисловіемъ В. Канеля. Изд. С. Скирмунта. Москва. 1907. Ц. 50 коп.

Для того, кто читалъ книгу Зомбарта „Судьбы американскаго пролетаріата“, сочиненіе Джона Митчеля явится очень цѣнной иллюстраціей къ характеристикѣ рабочаго движенія въ Америкѣ, сдѣланной Зомбартомъ. При всемъ богатствѣ матеріала, обработаннаго Митчелемъ, интересная фактическая сторона его книги густо пропитана специфическимъ духомъ „здраваго смысла“ на американскій ладъ. Это именно тотъ „духъ“, который дѣлаетъ соціализмъ американскаго рабочаго столь непохожимъ на европейскій соціализмъ и даетъ политически почти безразличную реакцію на взаимоотношеніе труда и капитала. Зомбартъ изслѣдуетъ причины этого своеобразнаго соціальнаго явленія и находитъ, что такое положеніе вещей должно вскорѣ измѣниться: соціализму, въ европейскомъ его значеніи, предстоитъ рѣшительный и пышный расцвѣтъ на американской почвѣ. Факты послѣдняго времени несомнѣнно подтверждаютъ это заключеніе Зомбарта (кое-какія данныя въ этомъ направленіи приводитъ редакторъ русскаго перевода книги Митчеля г. Канель въ своемъ сжатомъ и интересномъ предисловіи). Но Митчель и его книга стоятъ внѣ этихъ новыхъ теченій. Здѣсь мы находимъ во всей неприкосновенности ту точку зрѣнія на цѣли и формы рабочаго движенія, которая въ условіяхъ американскаго капитализма кажется весьма страннымъ, оригинальнымъ явленіемъ, хотя для европейскихъ общественныхъ отношеній она ужъ давно пріобрѣла прочную окраску шаблоннаго либерализма.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не странно слышать въ устахъ одного изъ представителей американскаго пролетаріата, взрощеннаго безпримѣрнымъ ростомъ крупнаго капитала, что „нѣтъ неизбѣжной и основной противоположности между рабочимъ и капиталистомъ. И тотъ и другой—люди съ обычными людскими добродѣтелями и недостатками, и оба они часто не довольствуются только справедливой долей, а желаютъ большаго?“ Такъ говоритъ Митчель въ предисловіи къ своей книгѣ, и такихъ положеній въ его книгѣ—множество. Наивная подмѣна отношеній между капиталомъ и трудомъ, отношеніемъ между людьми съ средними недостатками и средними достоинствами вѣнчаетъ соціальный „анализъ“ Митчеля. Правда, кое-гдѣ онъ пытается продвинуться дальше, онъ знаетъ, что рабочій вопросъ не можетъ быть разрѣшенъ гуманностью предпринимателей, что наемный рабочій всю жизнь вынужденъ оставаться наемнымъ рабочимъ

и пр. Но подобныя положенія остаются у него какъ бы для книжнаго употребленія. Въ жизни онъ видитъ возможность, если не счастливаго, то справедливаго выхода изъ тѣснинъ соціальныхъ противорѣчій. Его книга стремится доказать, что справедливое (не гуманное) отношеніе другъ къ другу вполнѣ достижимо въ мірѣ капиталистическаго развитія, а вмѣстѣ съ тѣмъ возможно устроить и пролетарскія судьбы „по справедливости“, безъ вражды и насилій. Ибо „нормальнымъ для промышленности слѣдуетъ признать мирное состояніе“. А стачки?—сейчасъ же вспоминаетъ читатель. Стачка, возражаетъ авторъ, не влечетъ за собою непремѣнно вражду: „стачка совершенно напоминаетъ тотъ случай, когда покупатель хочетъ купить килограммъ сахару за 50 пфен., а купецъ требуетъ 55 пфен. за кило. Въ то время, какъ идетъ торгъ при покупкѣ, теряется время; такъ и во время торга между рабочими и капиталистомъ на фабрикѣ работы прекращаются“. И дальше Митчель снова выводитъ на сцену борьбы „несовершенство человѣческой природы“ (въ смыслѣ его недостаточной мудрости, добродѣтельности и т. д.), чтобы обвинить ее за возникновеніе стачекъ. Митчель упорно не хочетъ прибавить здѣсь, что кромѣ несовершенства „природы“ въ „совершенно такой же случай“ торга или замедленнаго договора властно вмѣшивается и совершенно опредѣленное отношеніе правительства къ бастующимъ рабочимъ и судебные приговоры противъ стачекъ и пр. Все это авторъ отлично знаетъ и приводитъ на этотъ счетъ много фактовъ, но—это ужъ въ другомъ мѣстѣ. Чисто буржуазная наивность открываетъ ему глаза только для того, чтобы увидѣть въ стачкѣ проволочку времени при мирномъ торгѣ свободнаго капиталиста и свободнаго рабочаго: оба—грѣшные люди и одному естественно сорвать побольше за свой... сахаръ, а другому естественно желать побольше этого сладкаго.

Понятно теперь, что максимумъ общественныхъ усилій для достиженія справедливости Митчель видитъ въ коллективномъ договорѣ рабочихъ и капиталистическихъ организацій. Въ этомъ заключается самое важное значеніе рабочихъ союзовъ. Мы не будемъ останавливаться на этой идеѣ Митчеля, а подчеркнемъ здѣсь одну сторону, которая блестяще подтверждаетъ анализъ Зомбарта. Послѣдній, указывая на политическое безразличіе американскаго соціализма, приводитъ тому одну изъ причинъ,—демократическій строй и особый характеръ двухъ господствующихъ партій. И республиканская, и демократическая партія по формѣ своей организаціи, по отсутствію рѣзко выраженныхъ принциповъ, смѣшанному составу и и основной, одинаковой для обѣихъ цѣли „погонѣ за должностями“— „сильно способствуютъ вступленію въ ихъ ряды пролетаріата“. Всѣ эти отличительные признаки и, дѣйствительно, служатъ плюсомъ для представителей американскихъ рабочихъ, какъ это можно видѣть на примѣрѣ Митчеля. Ограничивая форму и дѣятельность рабочихъ союзовъ вынеука-

занной задачей, онъ считаетъ необходимымъ для профессіональныхъ союзовъ оставаться политически нейтральными и вмѣстѣ съ тѣмъ находитъ ненужнымъ существованіе „третьей“, рабочей партіи. Ибо „профессіональные союзы могутъ получить въ настоящее время болѣе значительныя выгоды, пользуясь услугами существующихъ партій, чѣмъ путемъ образованія третьей партіи: обѣ партіи такъ нуждаются въ голосахъ рабочихъ, что онѣ вносятъ въ видѣ законопроектовъ и отстаиваютъ различныя желательныя мѣры въ защиту труда, причемъ въ одномъ штатѣ больше усердія проявляютъ въ этомъ отношеніи республиканцы, а въ другомъ—демократы“. Эта цитата достаточно ясно говоритъ о томъ, что понимаетъ Митчель подъ политической нейтральностью профессіональныхъ союзовъ и насколько это пониманіе отличается отъ европейской нейтральности подобныхъ же организацій. И въ то же время рекомендуемая Митчелемъ тактика кладетъ послѣдній чисто-американскій штрихъ на общую картину рабочаго движенія въ Соединенныхъ Штатахъ. Эта картина, повторяемъ, стала ужъ измѣняться. На ней появляются новыя фигуры въ новомъ движеніи. Но для недавно господствовавшей ситуаціи книга Митчеля можетъ дать много любопытныхъ данныхъ, и съ этой стороны, какъ справедливо замѣчаетъ редакторъ перевода, она имѣетъ немалый интересъ.

Л. Б.

Проф. Эд. Дженксъ. *Происхожденіе верховной власти.* Пер. съ англ. Э. Серебрякова. Спб. 1907. 152 стр. Ц. 60 к.

Заглавіе книги проф. Дженкса не совсѣмъ точно соотвѣтствуетъ ея содержанію. Судя по заглавію, можно было ожидать, что проф. Дженксъ выяснитъ намъ зародышевыя формы правительства и общественной власти, выработанныя первобытной исторіей человѣчества.

Но именно эта-то сторона дѣла остановила на себѣ наименьшее вниманіе проф. Дженкса. Правда, въ началѣ книги онъ посвящаетъ особую главу „дикарскому обществу“, но въ этой главѣ о происхожденіи верховной власти Дженксъ говоритъ очень бѣгло.

Въ дальнѣйшихъ же главахъ онъ имѣетъ уже дѣло не съ *происхожденіемъ* верховной власти, а съ уже вполнѣ сформировавшейся верховною властью, ея эволюціей и классификаціей.

Въ началѣ своей книги проф. Дженксъ устанавливаетъ три историческихъ типа человѣческаго общества: дикарскій, патріархальный и „военной вѣрности“ (?).

Эта классификація удивляетъ своею полною произвольностью и хаотичностью.

Прежде всего и понятіе „дикарскій“ -есть совершенно произвольное и неопредѣленное понятіе, но уже совсѣмъ непонятно отнесеніе нынѣшняго общества къ типу „военной вѣрности“.

„Въ настоящее время,—утверждаетъ авторъ,—главною связью въ обществахъ современнаго типа служитъ „военная вѣрность“. Въ государствахъ, имѣющихъ общую воинскую повинность, это вполнѣ очевидно уже изъ того, что наиболѣе тяжкимъ политическимъ преступленіемъ со стороны француза или нѣмца считается уклоненіе отъ военной службы, а еще болѣе тяжкимъ, если возможно, поступленіе на военную службу къ непріятелю“ (2 стр.).

Произвольность подобнаго рода классификаціи настолько ясна, что на нее достаточно просто указать. Если классифицировать общества сообразно съ такого рода чисто внѣшними признаками, то съ такимъ же правомъ можно было бы назвать нынѣшнее общество типомъ общества съ обязательнымъ оспопрививаніемъ.

Безусловно вѣрно, что нынѣшнее общество требуетъ обязательности оспопрививанія, а въ прежнія времена никакое другое общество этого не требовало. Но этотъ примѣръ лишь показываетъ, куда можно зайти, останавливаясь лишь на чисто формальныхъ и внѣшнихъ особенностяхъ того или иного типа общества.

Но если *классификація* типовъ общества, сдѣланная проф. Дженксомъ, страдаетъ чрезвычайною произвольностью, то самое *описаніе* различныхъ типовъ общества отличается у него большою содержательностью и опирается на рядъ новѣйшихъ изслѣдованій и данныхъ.

П. Б—инъ.

НОВЫЯ КНИГИ ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Н. М. Михайловъ. Стихотворенія. Съ 1895—1904. Ц. 45 к.

Владиміръ Радомскій. Сынъ народа. Ц. 1 р. 50 к.

И. М. Аничкова. Моимъ внучатамъ. Изд. т-ва „Книговѣдъ“. Спб 1906 г. Ц. 1 р.

Айтонъ Синклеръ. Дебри (The Jungle). Пер. съ англ. съ предисл. Эд. Евг. Риттера. Изд. книжн. магаз. С. И. Иванова и К°. Кіевъ. 1906 годъ. Ц. 1 р. 25 к.

А. А. Черкасовъ. Стихотворенія. Т. I. Ц. 50 к.

Проф. Ѳ. Зѣлинскій. Соперники христіанства. Изъ жизни идей. Т. III. Ц. 1 р. 80 к.

Марія Афанасьева-Уральская. Сказка о свободной. Ц. 40 к.

Генрихъ Шато. Оселъ, обезьяна и философъ. Пер. съ франц. Михаила Маликова. Ц. 50 к.

Д. А Деворъ. Слѣпое поклоненіе—безуміе. Трагокомедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Ц. 20 к.

Эрвинъ Бяльцъ. О воинственномъ духѣ японцевъ и ихъ презрѣніи къ смерти. Пер. съ нѣмецк. съ примѣч. П. Ларенко. Изд. П. А. Артемьева. Спб. 1906 г. Ц. 50 к.

Николай Трубицынъ. Общественная роль женщины въ изображеніи новѣйшей русской литературы. Ц. 40 к.

В. В. Половцовъ. Основы общей методики естествознанія. Ц. 1 р. 25 к.

А. В. Сперанскій. Краткій курсъ химіи. Ц. 1 р. 25 к.

Юрій Битовтъ. Книга о книгахъ. Толковый указатель книгъ для самообразованія по всѣмъ отраслямъ знанія. Изд. В. С. Спиридонова. Москва. 1907 г. Ц. 80 к.

В. Самсоновъ. Методическое руководство для веденія школьныхъ сочиненій. Изд. Фену и Ко. Спб. 1907 г. Ц. 60 к.

В. Чернышевъ. Законы и правила русскаго произношенія. Ц. 30 к.

Проф. Пл. Тиховъ. О госпитальныхъ клиникахъ Императорскаго Томскаго Университета.

Р. Гаммеджъ. Исторія чартизма. Пер. съ англ. А. В. Погожевой. Изд. Кн-ва „Дѣло". Спб. 1907 г. Ц. 2 р.

Изданія Т-ва „Молодая Россія".

Ж. Ренаръ. Мысли о будущемъ. Пер. съ франц. О. С. Минора. Ц. 12 к.

П. Вихляевъ. Конституціонно-демократическая партія и земельная реформа. Ц. 10 коп.

Изданія Книг-ва Е. Д. Мягкова „Колоколъ".

Г. Іеккъ. Образованіе Интернаціонала. Исторія международнаго общества рабочихъ. Пер. Бронштейна и Гродзинскаго. Ц. 80 коп.

Лассаль. Косвенные налоги. Ц. 25 коп.

К. Каутскій. Американскій и русскій рабочій. Пер. съ нѣм. М. И. Батырева. Ц. 15 коп.

Вильгельмъ Либкнехтъ. Знаніе есть сила, сила есть знаніе. Пер. съ нѣм. Лидіи Мандельштамъ. Ц. 15 к.

Ф. Наумовъ Какъ французы добывали себѣ волю и землю. Изд. К-ва Е. Д. Мягкова „Народная Мысль". Ц. 3 коп.

Изданія Кн-ва „Трудъ и Борьба".

Ю. Делевскій. Историческій матеріализмъ въ его логической аргументаціи. Ц. 20 к.

К. Фортунатовъ. Національныя области Россіи. Ц. 8 к.

И. Аининъ. Національное освобожденіе и соціалистическія партіи. Ц. 8 коп.

А. Веселовъ. Знамя „Земли и воли" и россійская соціалъ-демократія. Ц. 25 к.

В. Вадимовъ. Аграрная программа россійской соціалъ-демократіи. Ц. 25 к.

Изданія Книго-ва „Зарница".

М. Энгельгардтъ. Задачи момента. Ц. 10 коп.

С. Я. Свѣтловъ. Задачи грядущаго. Ц. 10 коп.

Гартъ. Революція и наши партіи. Ц. 25 коп.

Н. П. Васильевъ. Правда о к.-д. Ц. 10 к.

С. Варшавскій. Жизнь и труды первой Государственной Думы. Ц. 1 р.

В. Д. Кузьминъ-Караваевъ. „Революціонное выступленіе" Думы и земельный вопросъ. Ц. 25 к.

И. Левитовъ. О необходимости опійной реформы на Дальнемъ Востокѣ.

А. Микулинъ. Рабочій вопросъ и пути къ его рѣшенію. Ц. 15 к.

П. Россовъ. Національное самосознаніе корейцевъ. Изд. П. А. Артемьева. Ц. 30 к.

Ив. П. Сахаровъ. Невѣжество и голодъ. Ц. 5 коп.

Его же. Ненормальное состояніе современной церковно-народной школы и попытка учащихъ раскрѣпоститься. Ц. 30 коп.

Ем. Стратоновъ. Настоящее состояніе средней школы и средства ея возрожденія. Ц. 25 к.

А. Котельниковъ. Нужна ли и зачѣмъ нужна статистика. Ц. 10 к.

А. К. Семья и женщина. Ц. 10 к.

Старый земецъ. Мечты избирателя. Ц. 5 коп.

С. Пантелѣева. Трудовая самопомощь. Кооперативныя Общества Бельгіи. Ц. 7 коп.

А. Т. Снарскій. Автономія или федерація? Ц. 25 к.

Ф. Каумовъ. Крестьянскій вопросъ во Франціи и въ Италіи. Ц. 4 к.

Эд. Бернштейнъ. Анархизмъ. Ц. 25 к.

Н. Н. Шульговскій. Идеалъ человѣческаго поведенія. Ц. 30 коп.

В. В. Производство и потребленіе въ капиталистическихъ обществахъ. Ц. 30 коп.

Дж. Г. Маккай. Максъ Штирнеръ, его жизнь и ученіе. Переводъ съ нѣм. подъ ред. А. Даманской. Ц. 60 к.

В. Чарнолускій. Соціализмъ и народное образованіе. Ц. 20 коп.

Д. 1905 и 1906 годъ въ Петербургскомъ Университетѣ. Изд. И. Балашова. Ц. 40 коп.

П. Ж. Прудонъ. Что такое собственность? Изд. Е. и И. Леонтьевыхъ, Ц. 75 коп.

А. Коллонтай. Финляндія и соціализмъ. Изд. кн-ва Маріи Малыхъ. Ц. 20 к.

М. В—уръ. О партіи Мирнаго Обновленія (Русскіе угодовцы). Ц. 10 к.

Поль Луи. Послѣдствія русской революціи. Изд. „Прометей". Ц. 10 коп.

П. А. Голубевъ. Удѣльныя имущества. № 2-й журн. „Общество". Ц. 10 к.

С. И Сомовъ. Профессіональные союзы и соціалъ-демократическая партія. Изд. Е. Д. Кусковой. Ц. 20 к.

В. Щегло. Крестьянское хозяйство и сельско-хозяйственные рабочіе въ Россіи. Под. ред. и съ пред. П. Маслова. Изд. „Б-ки для всѣхъ" О. Н. Рутенбергъ. Ц. 20 к.

Его же. Работа партій въ первой Думѣ. 1906 г. 27 апрѣля—9 іюля. № 1 журн. „Звено". 1907 г. Ц. 7 к.

Прямо къ цѣли. № 1. Книг-ва „Максималистъ". Ц. 3 к.

Евгеній Лозинскій. Что же такое, наконецъ, интеллигенція? Изд. К-ва „Новый Голосъ". Ц. 1 р.

С. Шниецръ. Не по той дорогѣ. Эскизъ

памяти „Чернаго" октября. Изд. „Прибой". Ц. 5 коп.

Бой-Котъ. На темы дней свободы. Изд. Книжн. Магаз. „Наша Жизнь". Ц. 50 коп.

Октавъ Мирбо. Стачка избирателей и прелюдія. Изд. Кн-ва „Просторъ". Ц. 6 коп.

Б. Торгашевъ. Профессіональное движеніе и соціалъ-демократія. Изд. Кн-ва „Союзъ". Ц. 10 коп.

Проф. Г. Еллинекъ. Конституціи, ихъ измѣненія и преобразованія. Пер. съ нѣм. подъ ред. и со вступ. статьей за 1903 годъ. Изд. Владимірской Губ. Земск. Управы. Ц. 1 р.

9-й Отчетъ Музея Гигіены и Санитарной Техники въ Москвѣ за 1905—1906 годъ.

Отчетъ о дѣятельности Московскаго Городского Работнаго Дома и Дома Трудолюбія за 1905 г.

Н. А. Рубакинъ. Исторія Русской земли. Книга II-я. Людивъ незапамятную старину. Изд. Н. Парамонова „Донская Рѣчь". Ц. 18 коп.

„Мірское Дѣло". Смертная казнь. Сборникъ, составленный Л. П. Никифоровымъ. Изд. А. Суратъ. Ц. 6 к.

Изданія Кн-ва „Къ свѣту".

Л. Загаровъ. Партія правового порядка. Ц. 7 коп.

Впередъ. Сборникъ стихотвореній и пѣсенъ. Сост. Михаилъ Львовичъ. Ц. 20 коп.

Лейтенантъ С. (К. К. Случевскій). Стихотворенія. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1907 г. Ц. 1 р. 50 к.

Изданія книгоиздательства „Слово и Жизнь".

М. Бальфуръ. Электрическая теорія матеріи. Пер. съ франц. А. Цѣхановичъ. Ц. 20 к.

Langenscheidts Taschenwörterbücher. Russisch. I. Preis 3 m. 50 pf.

Звено. Международное соціалистическое обозрѣніе. № 4—августъ и № 5—сентябрь 1906 г. Ц. кажд. № 20 к.

Нова Громада. Літературно-науковий місячникъ. № 8, Серпень. 1906 г.

Популярная Библ-ка подъ ред. А Рудина и С. Нечетнаго. К-во „Новое Товарищество".

П. Вихляевъ. Какъ уравнять пользованіе землей. Ц. 6 коп.

Г. Новоторжскій. Національный вопросъ, автономія и федерація. Ц. 6 к.

Его же. Земельный вопросъ въ Россіи. Ц. 10 коп.

Библіотека по общественно-экономическимъ вопросамъ.

Проф. И. Х. Озеровъ. Что должны имѣть въ виду рабочіе. Ц. 5 к. Б. А. Кистяковскаго. Изд. Юридич. кн. Склада „Право". Ц. 30 коп.

Николай Бухъ - Полтевъ. Закономѣрность развитія и будущность человѣчества. Изд. Н. К. Бухъ. Ц. 30 к.

Ау (С. Патрашкинъ). Народъ и Правительство. Изд. Т-ва „Поволжье". Саратовъ. Ц. 30 коп.

Ачадовъ. Муниципализація промышленныхъ предпріятій, земельныхъ площадей, изготовленія и доставки главнѣйшихъ предметовъ потребленія и пр. (Муниципальный соціализмъ). Изд. Б-ки „Самоуправленіе". Ц. 15 к.

Библіотека „Свѣточа".

М. К. Цебрикова. Каторга и ссылка. Ц. 20 коп.

Эдвинъ Арнольдъ. Свѣтъ Азіи. Пер. А. М. Өедорова, съ предисл. и примѣч. С. Ө. Ольденбурга. Ц. 1 р. 50 к.

Л. Мартовъ. Пролетарская борьба въ Россіи. Съ предисл. П. Аксельрода. Изд. Н. Глаголева. Ц. 30 коп.

А. Богдановъ. Изъ психологіи общества. Изд. „Паллада". Ц. 80 коп.

Н. А. Рубакинъ. Чистая публика и интеллигенція изъ народа. Изд. Кн-ва „Паллада". Ц. 80 коп.

„Отклики". Вып. I.

И. К. Гудзь. Законы о выборахъ въ Государственную Думу съ постатейными разъясненіями. Изд. Тверской Губернской Земской Управы. Ц. 50 коп.

Отклики русской жизни.

Отказъ въ бюджетѣ.

I.

Передъ нами—бюджетная комиссія съ ея одиннадцатью подраздѣленіями для предварительнаго изученія и разбора смѣтъ... Соціалъ-демократія съ самаго начала отнеслась отрицательно къ сдачѣ вопроса въ комиссію. Какъ бы ни радовались такому отношенію кадеты или нововременцы, сейчасъ, когда фактъ на лицо, т. е. предложеніе отвергнуть бюджетъ безъ сдачи въ комиссію не принято, отрицательно относиться къ комиссіи можно лишь постольку, поскольку она является симптомомъ противоположнаго рѣшенія. Но отрицаніемъ, конечно, все не исчерпывается, такъ какъ кто поручится за то, что произойдетъ, если бюджетъ доживетъ до второго чтенія...

Сейчасъ можно лишь говорить о тѣхъ дебатахъ, которые предшествовали детальному обсужденію росписи, значеніе которыхъ такъ велико, безотносительно къ комиссіи.

Дума увидѣла лицомъ къ лицу тѣхъ, въ чьихъ рукахъ сосредоточены народныя деньги, бюджетъ, возраставшій съ быстротой, прямо безпримѣрной въ исторіи, вопреки нищетѣ народа, превосходящій по своимъ размѣрамъ бюджеты такихъ богатыхъ странъ, какъ Англія, Франція, Германія, въ полтора и болѣе раза. Прежде всего рѣчи самихъ министровъ, откровенныя, высокомѣрныя, съ ихъ ироніей насчетъ „послѣдней копейки"— „енъ достанетъ!"—съ ихъ ссылками на „смуту", вынуждающую платить высокіе проценты, на дополнительный счетъ по ликвидаціи войны [1]) сдѣлали не мало для политическаго развитія массъ. Но, разумѣется, эти рѣчи сдѣлали бы свое дѣло наполовину, если бы онѣ тутъ же не встрѣтили ножа безпощадной критики, той, которая не только вскрыла источники и назначенія болѣе чѣмъ двухмилліарднаго бюджета съ цифрами въ рукахъ, но и поставила вопросъ на ту принципіальную высоту, съ которой только и можно придти къ болѣе или менѣе правильному выводу.

---

[1]) См., напр., засѣданіе 20 марта.

Послѣ долгихъ лѣтъ финансоваго самодержавія, когда взимались налоги и производились государственные расходы—какъ выражается „Россія"—„не на основаніи вотума Государственной Думы, а на основаніи подлежащихъ узаконеній", за ограду которыхъ не могъ проникнуть ничей „посторонній" взглядъ, когда въ лучшемъ случаѣ признавалось необходимымъ ознакомленіе европейскихъ банкировъ со взглядами оффиціальныхъ сферъ, страна, наконецъ, заглянула въ то темное царство, которое создала бюрократія въ самомъ сердцѣ народнаго хозяйства.

Для того, чтобы понять значеніе этихъ дней, вспомните, какое значеніе имѣетъ бюджетный вопросъ въ думской тактикѣ. Едва ли нуженъ болѣе ясный, болѣе постоянный показатель развитія свободы, чѣмъ исторія контроля надъ бюджетными деньгами. Самодержавное правительство, въ сущности, готово въ критическія минуты удовлетворить какіе угодно общественные интересы, лишь бы обойти бюджетный вопросъ. Оно понимаетъ, что до тѣхъ поръ, пока народъ является лишь дойной коровой, лишенъ какого бы то ни было дѣйствительнаго участія въ распоряженіи государственнымъ хозяйствомъ, до тѣхъ поръ по существу усмотрѣніе гг. Гурко не можетъ быть ограничено, какія бы бумаги оно ни подписывало, что вопросъ о бюджетѣ есть вопросъ смысла и содержанія внутренней политики вообще [1]). Вотъ почему Лассаль, стоя на стражѣ свободы, въ періодъ бюджетнаго конфликта прусскаго парламента съ старой властью, не находилъ иного выраженія для акта отказа въ бюджетѣ, какъ „рукой за горло и колѣномъ на грудь!"

Право это тѣмъ отличается отъ другихъ конституціонныхъ правъ, что оно бьетъ непосредственно по желудку, а ни для кого, конечно, не тайна, какую роль играетъ этотъ органъ въ жизни государственныхъ людей. Бюджетное право становится такимъ могучимъ средствомъ въ рукахъ народныхъ избранниковъ, что все направленіе внутренней и внѣшней политики начинаетъ имъ прямо подчиняться... Такъ повсюду, такъ и у насъ.

Бюджетъ, только бюджетъ въ состояніи вывести и русскій „парламентъ" изъ того страха за завтрашній день, изъ того тупика, въ которомъ онъ пребываетъ съ самаго появленія своего на свѣтъ. Если, несмотря на то, что еще передъ первой Думой было отнято все, завоеванное въ октябрьскіе дни, все-таки Дума была созвана, избирательная кампанія, которая вездѣ является факторомъ революціонизированія массъ, допущена, то это потому, что денегъ не было. Ни для кого не были тайной тѣ поистинѣ чудовищные планы, которые проникали изъ невѣрныхъ стѣнъ бюрократическихъ кабинетовъ. Если и послѣ опыта съ выборгскимъ воззваніемъ, кабинетъ разгона опять-таки отразился отъ заключительнаго акта—объявить самодержавіе возстановленнымъ въ томъ видѣ, какъ оно су-

---

[1]) См. объ этомъ рѣчь деп. Алексинскаго.

ществовало искони, какъ его отстаивалъ совѣтъ объединеннаго дворянства или истинно-русскіе молдаване, а, напротивъ, опять назначило выборы и созвало Думу, то опять-таки потому отчасти, что денегъ неоткуда взять безъ тѣхъ „общественныхъ дѣятелей“, по которымъ министры—при всѣхъ ихъ военно-полевыхъ аппетитахъ—такъ склонны вздыхать по дорогѣ въ Берлинъ.

Бюджетные дебаты этихъ дней и показали странѣ, какъ выраститъ, можетъ вырасти бюджетное право, не урѣзанное и сокращенное, не разсчитанное на безсиліе, а то, какое существуетъ въ странахъ Европы, какое диктуется реальными условіями и нашей животрепещущей дѣйствительности: лишь то бюджетное право достигло высокой степени развитія, которое носитъ на себѣ прямую печать революціоннаго происхожденія, говорили ораторы.

Посмотримъ же, насколько это дѣйствительно такъ.

II.

Вопросъ, стоящій передъ Думой, въ сущности, свободенъ отъ классовыхъ противорѣчій, раздѣляющихъ соціалъ-демократовъ отъ буржуазныхъ партій. Ограничиться ли тѣми заплатами, которыхъ можно добиться, не выходя изъ рамокъ закона, забывъ, что въ моменты, когда старый порядокъ рушится, наивысшая практичность есть наивысшая чистота программы, мѣнять ли золотую голову на копеечную иголку въ надеждѣ получить ее послѣзавтра назадъ, или отвергнуть и заплаты—этотъ вопросъ, одинаково должна была рѣшить вся оппозиція. Тѣмъ досаднѣе, что на дѣлѣ это противорѣчіе создалось.

Вопросъ сталъ на принципіальную высоту только благодаря постановкѣ соціалъ-демократовъ,—фактъ—признаваемый даже такой газетой, какъ „Товарищъ“. За соціалъ-демократами пошли только соціалисты-революціонеры. Остальныя же буржуазныя партіи съ партіей к.-д. во главѣ стали именно на точку зрѣнія копеечныхъ иголокъ. Онѣ съ самаго начала оставили въ тѣни вопросъ о бюджетѣ, какъ орудіи борьбы за политическія права. Наоборотъ, вскрывая отдѣльныя злоупотребленія, начиная съ главнаго управленія по дѣламъ печати и кончая штутгартскимъ посольствомъ, анализируя всевозможныя детали и частности, кадетскіе ораторы не только не дали общей оцѣнки антинародной и антикультурной дѣятельности нашихъ финансистовъ, но покрыли своимъ голосованіемъ безконтрольное хозяйничанье крѣпостнически-бюрократической камарильи.

Итакъ, въ бюджетномъ вопросѣ, значитъ, к.-д. не менѣе измѣняютъ тѣмъ завѣтамъ, которые дали имъ ихъ избиратели, чѣмъ въ тѣхъ вопросахъ, которые я разбиралъ въ предыдущей статьѣ [1]). Конечно, к.-д. не могутъ

[1]) Мартъ. „Лѣвая Дума“.

занять *точно* такую же позицію по отношенію къ бюджету, какъ соціалъ-демократы. Но я этого и не думаю.

Соціалъ-демократія въ парламентахъ Западной Европы, какъ извѣстно, не совѣтуетъ буржуазнымъ партіямъ отвергнуть бюджетъ, хотя она принципіально отвергаетъ всякій бюджетъ, какъ выраженіе господства буржуазіи надъ пролетаріатомъ; и „Новое Время" не ошибается, предполагая, что лидеры соціалъ-демократіи должны произносить въ Думѣ такія рѣчи, которыя „убѣждали бы рабочихъ въ томъ, что они составляютъ обособленный классъ, не имѣющій ничего общаго съ другими классами и нуждающійся въ совершенно новомъ, доселѣ не испытанномъ, способѣ веденія государственнаго хозяйства". Лишь въ томъ и дѣло, что русскимъ соціалъ-демократамъ недостаточно говорить только это, какъ соціалъ-демократамъ съ установившимся буржуазнымъ строемъ, гдѣ государственный бюджетъ—буржуазный бюджетъ, гдѣ борьба идетъ всецѣло противъ буржуазіи. Лишь потерявъ окончательно принципіальный критерій, запутавшись въ отдѣльныхъ разоблаченіяхъ, которыя сами по себѣ, внѣ той системы, продуктъ которой они составляютъ, никакого значенія не имѣютъ, можно заявлять, подобно г. Струве, что въ общемъ нашъ бюджетъ построенъ на тѣхъ же основаніяхъ, что и бюджетъ Англіи, не считая „язвъ стараго режима". Нѣтъ, разница именно въ томъ, что у насъ нѣтъ буржуазнаго бюджета, что нашъ бюджетъ—крѣпостнически-бюрократическій.

Конечно, землевладѣльческій классъ пользуется у насъ не всѣмъ вѣсомъ. Промышленная буржуазія приспособленнѣе даже въ дѣлѣ отстаиванія своихъ нуждъ. Но это доказываетъ только, что буржуазія—носитель высшей производственной фазы, что нѣтъ ни одной отрасли, подчиненной буржуазіи, въ которой такъ или иначе не замѣчено подъема производительныхъ силъ. Быстрое преобразованіе способовъ производства, громадная концентрація, обобществленіе, подвижность населенія, ростъ крупныхъ центровъ развитія—конечно, если борьба общественныхъ классовъ сводится къ смѣнѣ производственныхъ фазъ, гдѣ одерживаетъ верхъ высшая, болѣе прогрессивная фаза, то необходимость, въ лицѣ общественнаго носителя этой фазы, не можетъ не вести за собой, такъ или иначе, представителей государственной власти. Но это не значитъ еще, что „оболочка лопнула", что тѣ учрежденія, которыя связывали у насъ назрѣвшія отношенія, уступили новымъ европейскимъ. Наоборотъ, старыя учрежденія никогда еще такъ упорно не цѣплялись за существованіе, какъ сейчасъ, при послѣднемъ издыханіи... То же съ бюджетомъ. Очевидно, при такихъ условіяхъ повторять *только* то, что говорятъ европейскіе соціалъ-демократы, мы не можемъ, такъ какъ это значило бы повторить вмѣстѣ съ тѣмъ слова г. Струве, изъ которыхъ, конечно, вытекаетъ, что разъ англійская буржуазія одобряетъ свой бюджетъ, то его должна одобрить и русская. Совершенно наоборотъ. Если положеніе нашихъ буржуазныхъ партій въ данномъ отношеніи аналогично положенію буржуаз-

ныхъ партій Англіи, то такъ было развѣ въ Англіи въ 1784 г., когда у власти стояло *непарламентское* министерство Питта, и когда онѣ, отвергая тѣ или иныя ассигновки, видѣли въ этой мѣрѣ средство борьбы за преобладаніе законодательной власти надъ властью исполнительной [1]). Такъ и французская палата отказалась въ 1876 г. поставить на очередь обсужденіе бюджета, когда Макъ-Магонъ распустилъ палату депутатовъ съ открытымъ намѣреніемъ произвести государственный переворотъ; прусскій ландтагъ въ 1862 г. вычеркнулъ изъ бюджета кредиты, назначенные на военныя реформы... Буржуазная демократія и во Франціи, и въ Пруссіи находилась тогда въ положеніи нашей... поскольку она боролась со старой властью.

Вотъ почему и партія к.-д. обязана была поддерживать ту постановку вопроса, которую дали соціалъ-демократы. И партія к.-д., и трудовики, и народно-соціалисты—всѣ буржуазныя партіи должны были отвергнуть бюджетъ, равно какъ и заемъ.

Насколько это такъ, доказываетъ даже прошлое к.-д., прежде всего тотъ „героическій періодъ", отъ котораго они теперь такъ открещиваются. Настоящими революціонерами к.-д. никогда не были, ихъ оппозиція всегда была достаточно гибка и осторожна. Но все же тогда они покоряться не думали. Сознавая всю безвыходность старой власти, они, по крайней мѣрѣ, пытались вырвать себѣ кой-какія уступки. Не то теперь, хотя европейскій капиталъ ничуть не измѣнился: какъ прежде, такъ и теперь требуетъ онъ утвержденія бюджета Думой. Какъ рѣшаютъ теперь вопросъ кадеты? Они рѣшаютъ служить прикрытіемъ для безконтрольнаго хозяйничанья бюрократіи. Во-первыхъ „Дума, наконецъ, настроилась для нормальной законодательной работы", чего, конечно, не было въ прошломъ году, во-вторыхъ, роспись „врядъ ли возможно использовать, какъ орудіе политической борьбы", въ третьихъ, видите ли, русскій крестьянинъ еще не научился признавать лишь тѣ налоги, которые одобрены его избранниками,—словомъ, причинъ много [2]). Кадеты даже какъ будто и на этотъ разъ было думали поторговаться: они собирались внести проектъ объ измѣненіи правилъ 8 марта и въ зависимости отъ того, какъ будетъ принятъ законопроектъ, такъ или иначе, отнестись къ займу и къ „наиболѣе сомнительнымъ съ точки зрѣнія цѣлесообразности отдѣльнымъ статьямъ бюджета"... Но, увы, не успѣли чернила просохнуть на перѣ, чертившемъ законопроектъ, какъ оказалось, что правила эти, въ главныхъ своихъ частяхъ, тѣ же „основные законы"... предѣлъ, который не прейдешь...

Все это такъ пусто, что едва ли нуждается въ критикѣ. Буржуазный либерализмъ жаждетъ примиренія со старой властью и ведетъ политику преклоненной головы вообще, въ бюджетномъ вопросѣ въ частности. Надо ли это критиковать? Обратимся же лучше къ существу вопроса.

---

[1]) „Народная Дума", № 8. См. „Отказъ въ бюджетѣ".

[2]) Мнѣніе г. Фридмана.

III.

Вопросъ о томъ, утверждать ли Думѣ бюджетъ, въ сущности, не вопросъ у насъ. Это не совсѣмъ то, чѣмъ былъ даже отказъ въ бюджетѣ въ Англіи въ XVIII ст. или нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ во Франціи.

„Неоспоримо,—говорилъ тогда вождь оппозиціи въ англійской палатѣ общинъ Фоксъ,—что конституція даетъ палатѣ право отказывать въ средствахъ... Это—борьба между прерогативами короны и народа... Если бы министры продолжали упорствовать и довели дѣло до крайности, было бы справедливо воспользоваться правомъ отказа въ бюджетѣ, какъ правомъ, проводящимъ различіе между свободнымъ народомъ и рабами абсолютной монархіи“. Еще рѣзче та позиція, какую заняла французская палата въ 1876 г., когда Макъ-Магонъ распустилъ палату. „Мы не выпустимъ изъ рукъ,—говорилъ докладчикъ,—того, что составляетъ послѣднее прибѣжище, послѣднюю гарантію свободныхъ народовъ. Мы дадимъ согласіе на четыре прямыхъ налога только дѣйствительно парламентскому министерству“.

Какъ видите, дѣло шло о правѣ, о дѣйствительной гарантіи, а не о какой-то альтернативѣ—старый бюджетъ, новый бюджетъ,—благодаря которой, если парламентъ „отказываетъ правительству въ новой шляпѣ, то правительство въ силу основныхъ законовъ одѣваетъ старую шляпу и говоритъ: au revoir, messieurs“ [1])! Каковы бы ни были аппетиты маршала Макъ-Магона или Питта, они не могли предложить съ высоты своего величія собранію депутатовъ разсмотрѣть бюджетъ „внѣ всякихъ очередей“, „и вовсе не потому, что безъ утвержденія внесенной государственной росписи трудно своевременно выполнить тѣ или иные расходы государства“, „такой, молъ, трудности на самомъ дѣлѣ въ настоящее время не существуетъ, ибо въ распоряженіи правительства имѣются всѣ необходимые къ тому законные способы“, а потому, что этого требуютъ какіе-то „насущные интересы всего государства“. Для такого парламента вопросъ о томъ, утвердить или не утвердить бюджетъ—при всемъ сходствѣ въ положеніи по отношенію къ старой власти въ данный моментъ—не могъ быть безсодержательнымъ, такъ какъ все равно, молъ, ничего не оставалось, какъ констатировать фактъ своего безсилія, т. е. отказаться отъ одобренія того, въ чемъ его роль сводится къ нулю. Нѣтъ, драгоцѣнное право отказа уже было средствомъ парламентской борьбы, рука народа уже, по выраженію Лассаля, хватала „рукой за горло“, ступала „колѣномъ на грудь“, и вопросъ объ отказѣ становился мало-по-малу изъ вопроса о выборѣ между новой шляпой или старой—вопросомъ о прямомъ лишеніи правительства средствъ, о прямой пріостановкѣ правительственной дѣятельности...

Если же уже тогда европейскіе парламенты отнюдь не являлись по

[1]) „Россія“ отъ 15 марта.

отношенію къ имперскому бюджету простыми механическими передаточными инстанціями, какихъ и безъ того не мало около бюрократическаго ствола, то тѣмъ болѣе, конечно, вопросъ, который сейчасъ стоитъ передъ Думой, полонъ содержанія, связанъ тысячами нитей и страстей съ самой основой народнаго творчества въ европейскихъ странахъ сейчасъ. Вѣдь тотъ порядокъ, безъ котораго установленіе и исполненіе бюджета, какъ дѣйствительной части конституціоннаго права страны, немыслимо, еще болѣе подвинулся и вглубь и вширь съ тѣхъ поръ. О томъ хозяйствѣ, историческій смыслъ котораго сводится къ поговоркѣ—„послѣ насъ хоть потопъ"—хозяйничаньѣ шайки авантюристовъ, ни единымъ словомъ не упоминающихъ о самыхъ колоссальныхъ доходахъ, поощряемыхъ молчаніемъ народа,—не осталось даже воспоминанія сейчасъ.

Для того, чтобы понять, какъ полонъ содержанія сейчасъ вопросъ объ одобреніи бюджета, напр., въ такой странѣ, какъ Бельгія, какая серьезная отвѣтственность легла бы на тѣхъ ея депутатовъ, которые, вопреки привычкѣ послѣднихъ лѣтъ (въ настоящее время буржуазныя партіи, конечно, всегда одобряютъ вносимый правительствомъ бюджетъ, останавливаясь развѣ на отдѣльныхъ деталяхъ), сдѣлали бы шагъ впередъ, достаточно посмотрѣть хотя бы основныя положенія бельгійской конституціи, опредѣляющія сферу финансовыхъ отношеній. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

1) Никакой налогъ и никакой сборъ въ пользу государства не можетъ быть установленъ иначе, какъ закономъ.

2) Налоги въ пользу государства вотируются ежегодно; законы, ихъ установившіе и вторично не возобновленные, имѣютъ силу только одинъ годъ.

3) Не можетъ быть установлено никакихъ налоговыхъ привилегій. Никакое освобожденіе отъ налога или уменьшеніе его не можетъ быть установлено иначе, какъ по закону.

4) Никакая пенсія, никакая награда изъ средствъ государственнаго казначейства не могутъ быть пожалованы иначе, какъ въ силу закона.

5) Каждый годъ палаты утверждаютъ счетный законъ и вотируютъ бюджетъ. Всѣ приходы и расходы государства должны быть внесены въ бюджетъ и отчеты.

6) Счетная палата [1]) производитъ повѣрку и ликвидируетъ счета общей администраціи и всѣхъ учрежденій, обязанныхъ отчетностью государственному казначейству. Она наблюдаетъ, чтобы ни одна статья расхода въ бюджетѣ не была превышена, и чтобы не было никакихъ переносовъ изъ одной статьи въ другую. Она утверждаетъ отчеты различныхъ административныхъ учрежденій и обязана собирать по этому предмету всякія

[1]) Члены ея назначаются парламентомъ.

свѣдѣнія и всѣ необходимые документы. Общій государственный отчетъ представляется палатамъ съ замѣчаніями счетной палаты.

Порядокъ заключенія займовъ, достигающихъ у насъ такой колоссальной цифры въ 9 милліардовъ, прусская конституція опредѣляетъ такъ: „Заключеніе займовъ въ пользу государственнаго казначейства можетъ имѣть мѣсто только на основаніи закона; то же распространяется и на принятіе на себя государствомъ какихъ-либо гарантій“. Что же касается самихъ законовъ, то они, конечно, какъ и государственные бюджеты, представляются сначала палатамъ въ видѣ проектовъ [1]).

Могутъ ли при такихъ условіяхъ даже соціалъ-демократы относиться къ вопросу объ утвержденіи бюджета такъ, какъ будто все еще даже ничтожная деталь его находится внѣ ихъ воли, какъ бы они принципіально ни осуждали бюджетъ, какъ выраженіе интересовъ капитала, видѣть въ немъ лишь приходо-расходную книгу центральнаго правительства, которая изъята изъ ихъ вѣдѣнія? Отнюдь нѣтъ.

Безспорно, современный бюджетъ западно-европейскихъ странъ отражаетъ въ себѣ интересы господствующаго класса. Все же гг. Гурки и Лидвали не выглядываютъ у него изъ каждаго угла, все же это не фальшивое счетоводство, не издѣвательство надъ налогоплательщиками, не хаотичная система подачекъ то одному, то другому классу населенія, имѣющая цѣлью заставить и тотъ, и другой видѣть въ самодержавіи опору всяческаго своего благополучія, а не въ собственной солидарности, организаціи собственныхъ силъ (вѣдь всякій классъ, независимо отъ своего экономическаго положенія, неизмѣнно становится въ оппозицію самодержавію, какъ только начинаетъ сознавать себя, какъ классъ). Каково бы ни было буржуазное правительство буржуазнаго государства, соціалъ-демократъ не можетъ сказать: „ни копейки безотвѣтственному правительству“ по той простой причинѣ, что оно не безотвѣтственно, что предоставленное ему право наравнѣ съ представителями буржуазныхъ круговъ населенія отнюдь не сводится къ праву прикрывать своимъ голосованіемъ безконтрольное хозяйничанье, давать косвенную конституціонную гарантію займовъ, дѣлающихся не только противъ воли народа, но еще укрѣпляющихъ позицію его враговъ. Буржуазный бюджетъ съ извѣстной точки зрѣнія не менѣе, конечно, противорѣчивъ, чѣмъ бюджетъ крѣпостнически-бюрократическій, но его творитъ не кучка, стоящая надъ общественными партіями, а само заинтересованное населеніе, и ни одна изъ этихъ партій не можетъ сказать, что вопросъ о томъ, одобрить ли бюджетъ, для нея даже не вопросъ...

---

[1]) См. Ренэ Штурмъ. „Бюджетъ“, переводъ А. С. Изгоева съ приложеніемъ статьи доцента М. И. Фридмана—„Наше законодательство о бюджетѣ“. Библіотека „ Общественной Пользы“. С.-Петербургъ. 1907.

IV.

Совершенно иное у насъ.

Въ предложеніи соціалъ-демократической фракціи, излагающей, почему, по ея мнѣнію, бюджетъ долженъ быть безусловно отвергнутъ, приводятся разные мотивы. Но едва ли какое-либо изъ этихъ указаній—на то, на кого падаетъ все бремя налоговъ, на что идутъ собранныя такимъ образомъ средства, вообще, на характеръ экономической политики,—такъ характерно для принятаго рѣшенія, какъ именно то, которое изложено въ послѣдней части. Принимая во вниманіе, говорилъ деп. Алексинскій отъ лица фракціи,—что „правила 8 марта и основные законы лишаютъ Государственную Думу всякой возможности фактически контролировать расходованіе народныхъ средствъ и существенно измѣнить представленную роспись, что при такихъ условіяхъ представляя ее на разсмотрѣніе Думы, правительство имѣетъ цѣлью лишь прикрыть авторитетомъ народнаго представительства свое разорительное для страны хозяйничанье и возстановить свой кредитъ на Западѣ, чтобы получить средства для дальнѣйшей борьбы съ народомъ", соціалъ-демократическая фракція, не желая „брать на себя отвѣтственность за финансовую политику правительства, предлагаетъ Думѣ отказать въ утвержденіи росписи доходовъ и расходовъ на 1907 г. безъ передачи ея въ комиссію"[1]).

Этимъ, все сказано; разъ вотума самаго существованія бюджета Думѣ не представлено, то ей остается лишь подчеркнуть этотъ фактъ, тотъ фактъ, что до тѣхъ поръ, пока Дума въ области распоряженія финансами является простой механической инстанціей, какихъ такъ много около тѣхъ тайныхъ совѣтниковъ, которые дѣйствительно держатъ въ своихъ рукахъ „тайну финансовъ, какъ главнаго нерва государства", не можетъ быть вопроса объ утвержденіи росписи, фабрикуемой этими совѣтниками и ими же реализируемой.

Если обсужденіе бюджета есть не болѣе, какъ формальность, если Дума не можетъ имѣть никакого вліянія на то, что предлагаютъ ей одобрить въ „высшихъ государственныхъ интересахъ", то отвѣтъ возможенъ одинъ: правительство можетъ поддерживать свой карманъ безъ санкціи Думы, пусть поддерживаетъ; а засимъ ни копейки безотвѣтственному правительству. Отвѣтъ передъ народомъ и передъ заграницей...

Г. Коковцову, такъ быстро потерявшему ту снисходительную словоохотливость, которую навѣяли на него гг. Кутлеръ и Струве своими истинно „парламентскими" разоблаченіями, какъ только соціалъ-демократы перевели пренія на принципіальную почву, не понравилась такая постановка. „Былъ ораторъ, кажется, членъ Думы Алексинскій,—оправдывался

---

[1]) „Товарищъ", отъ 23 марта.

г. Коковцовъ, вопреки обидѣ [1]) и вопреки ожиданію, тономъ скромнаго дѣльца,—который сказалъ, обращаясь къ Государственной Думѣ: „Ваши бюджетныя права равны нулю". Нѣтъ, господа, не нулю равняются ваши права, и не такъ, какъ здѣсь хотѣлось нѣкоторымъ доказать, поступило правительство въ изданіи бюджетнаго закона, чтобы передать вамъ одинъ только нуль. Правительство дало вамъ не нуль, оно дало вамъ въ руки нѣчто весьма положительное" [2]).

Бевспорно, эта попытка—попытка увѣрить представителей народа, что правительство не имѣло въ виду „передать имъ одинъ только нуль" бюджетный—заслуживаетъ больше вниманія, чѣмъ то, въ чемъ такъ высокомѣрно предупреждалъ министръ депутатовъ за нѣсколько дней до того, что „въ распоряженіи правительства имѣются всѣ необходимые законные къ тому способы", чтобы обойтись безъ нихъ—особенно, конечно, послѣ рѣчи деп. Алексинскаго, но заглянемъ все же въ конституцію г. Коковцова, какія статьи росписи можно именемъ ея урѣзывать, какія увеличить, какія вычеркнуть, какія вновь ввести,—словомъ, гдѣ въ самомъ дѣлѣ то „нѣчто положительное", въ силу чего права Думы не „одинъ только нуль".

Проникновенности ради, такъ сказать, возьмемъ и критерій, любезный сердцу министра, ну, хотя бы права финансовыя, какъ они были еще опредѣлены булыгинскимъ закономъ. Смѣемъ думать, насколько эти права были призрачны, не подлежитъ сомнѣнію даже въ глазахъ г. Коковцова. Итакъ, въ чемъ состояли эти права до правилъ 8 марта 1906 года и послѣ правилъ? По закону шестого августа участіе Думы въ области финансовъ представляло „одинъ только нуль" потому, что Дума могла лишь обсуждать бюджетъ, какъ лишь законосовѣщательная инстанція, что даже въ этой области не всѣ дѣла были „подвѣдомственны" Думѣ: стоило любой вопросъ перенести изъ области финансоваго управленія въ такъ наз. „финансовый комитетъ", чтобы онъ былъ изъятъ изъ „вѣдѣнія" народныхъ представителей. По закону шестого августа Дума представляла нуль потому, что она не имѣла никакого отношенія къ вопросу о займахъ, если не считать тѣхъ случаевъ, которые касаются покрытія смѣтныхъ дефицитовъ. Что ужъ говорить объ опредѣленіи размѣровъ доходовъ и расходовъ, составляющемъ столь характерную черту бюджетнаго права всѣхъ странъ Запада... Словомъ, „нѣчто весьма положительное" въ булыгинскомъ дѣтищѣ, можетъ быть, самъ г. Булыгинъ затруднился бы найти. Но, если такъ, что же измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ власть опубликовала свой законъ 20 февраля, свои правила 8 марта,

---

1) Г. Коковцовъ обидѣлся на... г. Родичева.

2) „Народная Дума", № 16.

свой указъ 28 марта, всю ту „законность“, исправляющую, разъясняющую, пополняющую, къ которой она питаетъ такое пристрастіе?

Ничего не измѣнилось. Правда, законъ 20 февраля отнесъ къ „вѣдѣнію“ Государственной Думы „государственную роспись доходовъ и расходовъ съ финансовыми смѣтами министерствъ и главныхъ управленій и не предусмотрѣнныя росписью денежныя ассигнованія изъ казначейства“, но все это имѣетъ силу постольку, поскольку трактуется въ правилахъ 8 марта. Правила же устанавливаютъ слѣдующія изъятья.

Не подлежатъ обсужденію кредиты на расходы императорскаго двора съ состоящими въ его вѣдѣніи учрежденіями въ суммѣ, не превышающей ассигнованій по государственной росписи на 1906 г., равно какъ такія измѣненія этихъ кредитовъ, которыя обусловлены постановленіями учрежденія и императорской фамиліи. Эта сумма составляетъ шестнадцать милліоновъ рублей.

Не подлежатъ исключенію или сокращенію платежи по государственнымъ долгамъ и „по другимъ, принятымъ на себя россійскимъ государствомъ обязательствамъ“—по росписи на 1907 г., 384 мил. процентовъ.

Чрезвычайные сверхсмѣтные кредиты на потребности военнаго времени и „на особыя приготовленія, предшествующія войнѣ“, открываются безъ участія народнаго представительства, въ порядкѣ верховнаго управленія. Что понимать подъ этими „приготовленіями“, извѣстно, конечно, однимъ воюющимъ.

Займы, не только произведенные на нужды военнаго времени, но и дѣлаемые правительствомъ *при неутвержденіи Думой росписи*, опредѣляются лишь въ „порядкѣ верховнаго управленія“. Только тѣ государственные займы восходятъ на разрѣшеніе Думы, которые идутъ для покрытія смѣтныхъ и сверхсмѣтныхъ расходовъ, да и то время и условія совершенія государственныхъ займовъ не требуютъ разрѣшенія.

Кредиты на расходы собственной Е. И. В. канцеляріи, какъ и расходы, не предусмотрѣнные смѣтами, идущіе на „извѣстное Его Величеству употребленіе“ или на выдачу различныхъ наградъ, на усиленіе личныхъ охранъ, на субсидіи рептиліямъ и пр., обсуждаются Думой въ тѣхъ лишь частяхъ, въ которыхъ эти кредиты испрашиваются съ превышеніемъ противъ назначеній по росписи 29 декабря 1905 года. Сумма въ 11 мил. 200 тыс.

Бюджеты военнаго и морского вѣдомствъ, поглощающіе четвертую часть всего бюджета, не подлежатъ сокращенію Думой до 1908 г., какъ уже установленные.

Но всѣ эти ограниченія еще детали сравнительно съ знаменитыми „дѣйствующими законами, положеніями, штатами, росписями, а также вы-

сочайшими повелѣніями“ ст. 8-й мартовскихъ правилъ [1]), которые Дума, конечно, вездѣ встрѣчаетъ, гдѣ она пытается сдѣлать какой-нибудь активный шагъ... помимо перечисленныхъ ограниченій...

Мало того, правительство не было увѣрено, что даже при всѣхъ этихъ ограниченіяхъ бюджетъ въ безопасности. Для того, чтобы обезопасить себя со всѣхъ сторонъ, оно не только предоставило одинаковое право Думѣ и государственному совѣту, палатѣ Стишинскихъ и Игнатьевыхъ—вопреки всѣмъ конституціоннымъ порядкамъ въ аналогичныхъ случаяхъ,—но и записало: „если государственная роспись не будетъ утверждена къ началу смѣтнаго періода, то остается въ силѣ послѣдняя, установленнымъ порядкомъ утвержденная, роспись, съ тѣми лишь измѣненіями, какія обусловливаются исполненіемъ послѣдовавшихъ послѣ ея утвержденія узаконеній“ [2]).

Итакъ, или новую шляпу, или мы обойдемся со старой, или ваше одобреніе, или мы обойдемся безъ него: ну, чѣмъ же „нѣчто весьма положительное“ г. Коковцова не что-то весьма отрицательное г. Булыгина? Элементарное требованіе конституціонализма состоитъ въ томъ, что—въ случаѣ отказа утвердить бюджетъ—или кабинетъ подаетъ въ отставку, или объявляются новые выборы. Но гг. министрамъ нѣтъ дѣло до элементарныхъ требованій. Они чувствуютъ одно... Нуль, одинъ только нуль... да еще основные законы...

Можетъ ли въ такомъ случаѣ быть даже вопросъ объ утвержденіи? „Нѣчто весьма положительное“ сводится къ одному, къ праву принять на себя отвѣтственность за всѣ финансовыя манипуляціи правительства, поднять своимъ голосованіемъ авторитетъ его, который такъ упалъ за послѣднія десятилѣтія, но то, что въ глазахъ г. Коковцова есть „нѣчто положительное“, еще не значитъ, что оно на самомъ дѣлѣ таково. На самомъ дѣлѣ единственный выходъ изъ создавшагося положенія—это подтвердить то, что есть, что никакого контроля надъ финансами нѣтъ, и никакого утвержденія не можетъ быть до тѣхъ поръ, пока Дума остается безправной. Правда, изъ того факта, что бюджетныя права Думы суть „одинъ только нуль“, можно сдѣлать обратный выводъ, тотъ, напр., который дѣлаютъ кадеты, т. е. разъ все равно бюджетнаго права нѣтъ, то не дать ли правительству санкцію съ тѣмъ, чтобы оно сдѣлало хотя „уступочки“... Но... такъ могутъ разсуждать только тѣ, у кого нѣтъ *фактической* силы, чтобы использовать причины, заставляющія бюрократію какъ-ни-какъ кидаться отъ Думы къ Думѣ, вопреки всему ея

---

[1]) Буквально статья гласитъ: „при обсужденіи проекта государственной росписи не могутъ быть исключаемы или измѣняемы такіе доходы и расходы, которые внесены въ проектъ росписи на основаніи дѣйствующихъ законовъ, положеній, штатовъ“ и пр.

[2]) Правила 8 марта, ст. 13

безправію; тѣ же, кто не умѣетъ складывать руки въ зависимости отъ того, желаетъ или не желаетъ бюрократія дѣлать „уступочки", понимаютъ, что борьба за бюджетное право Думы только начинается...

V.

Отказъ утвердить бюджетъ является началомъ борьбы за измѣненіе законовъ въ томъ направленіи, чтобы Дума получила дѣйствительно бюджетное право, прежде всего потому, что европейскіе банкиры даютъ деньги русскому правительству отнюдь не изъ простой готовности поддержать „устои", а ради извлеченія той прибыли, во имя которой рискуетъ каждый капиталистъ, и, будь они увѣрены, что въ одно прекрасное утро народъ можетъ открыто и прямо заявить, что не будетъ признавать долговъ, заключаемыхъ правительствомъ безъ его согласія, заключеніе новыхъ займовъ стало бы невозможнымъ.

Трудно указать страну, гдѣ бы зависимость отъ иностраннаго капитала въ такой степени опредѣляла политическое положеніе, какъ у насъ. Для того, чтобы взвѣсить, насколько все, что сдѣлано у насъ въ области бюджета, даже по внѣшности, сдѣлано именно подъ давленіемъ Европы, достаточно вспомнить, что даже самое опубликованіе росписи было введено не вслѣдствіе уступки общественному движенію внутри. Вотъ что читали мы въ тогдашнемъ докладѣ комитета министровъ: „Малый успѣхъ послѣднихъ нашихъ займовъ, паденіе курса на наши фонды, печатныя сужденія въ нашихъ и иностранныхъ журналахъ, частныя корреспонденціи банкировъ,—все это слишкомъ ясно доказывало, что недовѣріе къ нашему финансовому положенію вкоренилось въ общественное мнѣніе. Довѣріе же можетъ быть возстановлено не иначе, какъ полной откровенностью правительства относительно своихъ финансовъ. Слѣпое довѣріе по преданію, основанное на неопредѣленныхъ, но общепринятыхъ понятіяхъ о рессурсахъ Россіи, не имѣетъ уже прочной силы; возстановить его въ нашъ вѣкъ публичности невозможно, но оно можетъ быть возстановлено на другихъ основаніяхъ, конечно, не вдругъ, а постепенно. Первый шагъ къ этому есть опубликованіе росписи" [1]). Если же таковы были мотивы, по которымъ правительство впервые опубликовало роспись, то что сказать о европейскихъ банкирахъ въ исторіи тѣхъ событій, продуктомъ которыхъ явились финансовыя права Думы? Какъ сообщалъ лондонскій „Economist", органъ англійскихъ биржевыхъ сферъ, русское правительство наканунѣ займа, правда, не публично, но вполнѣ опредѣленно обязалось передъ Ротшильдами и Мендельсонами, что финансы Россіи будутъ подчинены „представительному

---

[1]) Цит. по книгѣ М. И. Боголѣпова: „Финансы, правительство и общественные интересы". Изданіе О. Н. Поповой. Спб., 1907 г., стр. 58.

учрежденію", т. е. что Дума будетъ вооружена бюджетнымъ правомъ, и авантюрамъ, подобнымъ авантюрамъ на Дальнемъ Востокѣ, будетъ положенъ конецъ. Недаромъ—тотчасъ послѣ роспуска Думы—„Economist" писалъ: „Вѣроломство еще разъобнаружено русскимъ правительствомъ. До сихъ поръ было много иллюстрацій фальши русскихъ министровъ". Онъ прямо называлъ роспускъ Думы „актомъ вѣроломства" [1]).

Такъ каялся органъ, который, кажется, могъ быть бы освѣдомленъ по своимъ связямъ о положеніи русскихъ дѣлъ... Но въ томъ-то и дѣло, что даже крупные банкиры обладаютъ малой возможностью провѣрить состояніе русскихъ финансовъ. Что ужъ говорить о буржуазной массѣ, совершенно сознательно обманываемой продажными газетами всѣхъ странъ! Кто не знаетъ, что даже Жорэсу предлагали 200.000 франковъ за то, чтобы онъ прекратилъ агитацію противъ русскаго займа.

Отсюда очевидно, какое значеніе имѣетъ прежде всего отказъ Думы для той борьбы за бюджетныя права, которая у насъ только начинается. Если заемъ необходимъ; если согласіе Думы необходимо, хотя права ея ничтожны, и правительство юридически нисколько не связано съ этимъ согласіемъ; если отъ рѣшенія Думы зависитъ поддержать вѣру въ платежеспособность тѣхъ, кто ни одной пядью не желаетъ поступиться въ дѣлѣ распоряженія народными деньгами, то отвѣтъ ея, который узнаетъ вся европейская биржа тотчасъ, какъ только онъ будетъ данъ, можетъ быть одинъ: ни копейки безотвѣтственному правительству, ибо это значитъ вмѣстѣ съ тѣмъ—черезъ голову русскихъ министровъ—сказать магнатамъ европейскаго капитала: и вамъ никакихъ гарантій до тѣхъ поръ, пока за спиной народныхъ представителей—даете займы врагамъ народа.

Какое значеніе имѣло бы обратное рѣшеніе, достаточно выяснила уже биржа, какъ извѣстно,—самый чуткій барометръ политической жизни. Стоило кадетамъ отказаться отъ того взгляда на бюджетъ, который они выдвигали еще во время предвыборной агитаціи, что бюджетъ есть именно орудіе, посредствомъ котораго безъ „всякихъ" внѣдумскихъ давленій удастся заставить правительство уступить, чтобы западно-европейская биржа опять заговорила объ усиленіи правительства, его кредитѣ, его престижѣ. „Бюджетъ, въ концѣ концовъ, вѣроятно, будетъ принятъ,—писала нѣмецкая газета „Börsenzeitung",—*тѣмъ болѣе, что представленныя статсъ-секретаремъ Коковцовымъ объясненія къ бюджету встрѣтили одобреніе и со стороны ка-детовъ*" [2]). „Несомнѣнно, что к.-д. нынѣ воздерживаются отъ утопическихъ плановъ,—писала другая газета [3])! Въ этомъ можно видѣть извѣстный прогрессъ, позволяющій надѣяться, что молодой конституціонный режимъ окажется благотворнымъ для великаго рус-

---

1) Ibid., стр. 64.

2) Курсивъ нашъ.

3) „Сѣверо-Германская Всеобщая Газета".

скаго государства" и прежде всего, конечно, для „высшихъ соображеній", о которыхъ говорилъ г. Коковцовъ. Словомъ, европейская пресса уже послѣ первыхъ шаговъ партіи „народной свободы" стала заявлять, что если она будетъ себя держать такъ дальше, то почва для займа почти обезпечена. Если же европейскій денежный капиталъ такъ обрадовался первымъ шагамъ ка-детовъ, то сдача росписи приходовъ и расходовъ въ комиссію вызвала у него прямыя надежды на такія денежныя субсидіи правительству, за проценты съ которыхъ поручится само народное представительство. Онъ прямо отвѣтилъ повышеніемъ курса на русскія бумаги на постановленіе Думы передать вопросъ на разсмотрѣніе комиссіи, истолковывая его, очевидно, какъ скрытое до времени одобреніе [1])...

Вотъ отвѣтъ тѣмъ, кто не желаетъ разстраивать союзъ международныхъ банкировъ съ нашей бюрократіей. Если Дума вступитъ на этотъ путь, она отрѣжетъ себя отъ драгоцѣннѣйшаго изъ конституціонныхъ правъ—права контроля надъ правительственными финансами, такъ какъ та истина, что бюрократія, постольку вынуждена считаться съ Думой, поскольку она дорожитъ довѣріемъ банкировъ, вѣрна лишь до ближайшаго займа, до первой крупной суммы, извлеченной изъ биржевыхъ кубышекъ Европы, безъ которой невозможны ни новыя висѣлицы, ни новыя ...разъясненія сената.

Кадеты держатся того мнѣнія, что — съ согласія или безъ согласія Думы—правительство все равно заключитъ заемъ, какъ оно заключило его въ прошломъ году въ аналогичныхъ условіяхъ, что, молъ, по этому одному раціональнѣе утвердить заемъ, чѣмъ не утвердить, такъ какъ онъ, по крайней мѣрѣ тогда будетъ заключенъ не по такимъ каторжнымъ процентамъ, какъ это имѣло мѣсто въ прошломъ году. Аргументація эта очень характерна для кадетовъ. Вмѣсто того, чтобы говорить о томъ, какое значеніе имѣетъ актъ утвержденія самъ по себѣ, какъ актъ потворства европейскимъ ростовщикамъ, и впредь такъ же мало считаться съ народомъ, какъ раньше, какъ извѣстная санкція для правительственнаго произвола безотносительно къ тому, можетъ или не можетъ онъ еще проявляться свободно, защитники „народной свободы" заботятся о томъ, какъ бы деньги, которыя требуются для поддержки режима крови, обошлись... дешевле...

Дѣйствительнѣе другой аргументъ, что въ случаѣ отказа въ утвержденіи Дума, конечно, будетъ распущена. Но, во-первыхъ, если бы это и произошло, то еще вопросъ, съ чѣмъ скорѣе примирится народъ— съ позорнымъ ли займомъ за скрѣпой Думы, или съ разгономъ. Всѣ данныя говорятъ за то, что народъ пойметъ, что есть положенія, изъ которыхъ не можетъ быть два выхода, что можно разогнать первую, вторую

[1]) См., напр., „National-Zeitung".

Думу, но это не значитъ, что самимъ же министрамъ разгона не придется вновь собирать третью, четвертую и т. д. Вѣдь то, что лежитъ въ основѣ русскаго „парламентаризма“, диктуется не столько отвлеченными соображеніями, сколько реальной необходимостью... Во-вторыхъ,—разгонять ли? Разгонять Думу по поводу военно-полевыхъ дебатовъ, аграрному конфликту, вопросу о террорѣ, по какому угодно вопросу гораздо легче, чѣмъ по вопросу о бюджетѣ. Если, вообще, чѣмъ далѣе развиваются фазисы думской жизни, тѣмъ болѣе, повидимому, министры начинаютъ убѣждаться, какая это нелегкая вещь взять да разогнать—такъ, какъ взяли и разогнали въ прошломъ году, то это прежде всего относится къ атмосферѣ, окружающей бюджетный вопросъ. Недаромъ „Новое Время“, обычно въ своихъ правокаторскихъ выходкахъ идущее впереди черносотенной прессы, послѣ бюджетныхъ преній говоритъ: „въ раздирающихъ душу вопляхъ о „разгонѣ Думы“ вѣрно лишь то, что со стороны власти не было пока ни одного намека на склонность къ этому акту, а наоборотъ—были настойчивыя, чрезмѣрныя, даже опасныя для страны доказательства желанія сохранить Думу“ [1]): говорятъ, что изъ Парижа получены были извѣстія отъ агентовъ, командированныхъ туда, чтобы заключить немедленно заемъ въ 100 милліоновъ, что эта операція безъ санкціи Думы ни на какихъ условіяхъ совершена быть не можетъ. Значитъ, не только страна завѣщала депутатамъ беречь Думу, чутко прислушивается къ тому, насколько серьезно проводится эта задача, но и заграничная биржа диктуетъ тотъ же лозунгъ... г. Столыпину...

Отказъ есть прежде всего требованіе, чтобы за разрѣшеніемъ займа къ народу правительство обращалось не только тогда, когда оно не въ состояніи устроить его безъ него. Это требованіе, чтобы—разъ бюрократія все болѣе и болѣе теряетъ почву въ глазахъ заграничной биржи и, наоборотъ, разъ Дума, рожденная въ борьбѣ и въ ней закаленная, пріобрѣтаетъ все больше авторитета въ ея мнѣніи—чтобы это соотношеніе силъ получило свое выраженіе въ конституціонномъ законѣ. Или коренная реформа, или никакой гарантіи гг. Мендельсонамъ и Ротшильдамъ, въ сѣтяхъ у которыхъ русское правительство уже столько лѣтъ путается и готово путаться—будетъ прямымъ преступленіемъ противъ правъ народа, противъ задачъ всего освободительнаго движенія, если Дума послушается думскихъ мудрецовъ и выберетъ третій путь. Дума должна сказать это Европѣ, каковы бы ни были ближайшіе шаги и виды правительства, каковы бы ни были собственныя ея судьбы, если она хочетъ быть голосомъ страны, а не оффиціознымъ подголоскомъ, если она не хочетъ вмѣсто разъясненія правды Европѣ корыстнаго примиренія съ реакціей цѣною новыхъ висѣлицъ и новыхъ погромовъ.

---

[1]) „Новое Время“ отъ 10 марта.

VI.

Такъ Дума должна сказать Европѣ.

Однако, было бы глубоко ошибочно думать, что отказъ бюджета, главнымъ образомъ, долженъ быть разсчитанъ на банкировъ. Въ дѣлѣ завоеванія бюджета такъ же мало можно полагаться на банкировъ, какъ на другія привходящія обстоятельства. Только самъ народъ своей борьбой, своими силами въ состояніи завоевать себѣ права, гарантировать себя отъ тѣхъ случайностей, какія такъ возможны, такъ неизбѣжны въ дѣлѣ, лишенномъ внутренней опоры... И если агитація, какъ была, такъ и остается главной задачей Думы, то въ этомъ отношеніи отказъ бюджета, конечно, сопряженный съ тщательнымъ дѣловымъ обсужденіемъ его, разоблаченіемъ всей системы, начиная съ ея основъ и кончая ея верхами, долженъ прежде всего раскрыть глаза народу на то, что онъ выражаетъ, какъ основа внутренней политики.

Для того, чтобы понять, насколько неизбѣжно отказъ вытекаетъ изъ этой основной задачи, стоящей передъ Думой, основной обязанности передъ народомъ, подойдемъ поближе къ предмету.

Какіе расходы правительство предлагаетъ Думѣ утвердить? Вотъ нѣсколько такихъ „обязательныхъ для государственнаго казначейства" добавленій [1]):

На улучшеніе быта нижнихъ чиновъ пограничной стражи	1.215.499	руб.
На увеличеніе окладовъ содержанія, улучшеніе быта и увеличеніе штатовъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ	1.595.728	„
На содержаніе бакинскаго градоначальства	399.240	„
На содержаніе московскаго градоначальства	39.220	„
На увеличеніе состава конно-полицейской стражи	3.428.571	„
На увеличеніе состава земской стражи въ Царствѣ Польскомъ	624.410	„
На содержаніе общей полиціи и другіе расходы министерства внутреннихъ дѣлъ	533.943	„

Можетъ ли утвержденіе подобныхъ статей не нанести ударъ Думѣ въ ея основѣ? Какъ долженъ будетъ взглянуть на нее послѣ него пролетарій, тотъ самый, который собственными руками вырвалъ изъ рукъ бюрократіи манифестъ 17 октября, всѣ, кто проливалъ кровь за свободу, кто до сихъ поръ томится въ тюрьмахъ и казематахъ за великое дѣло — вѣдь это тѣ самые „расходы", безъ которыхъ не было бы ни этихъ висѣлицъ, ни казематовъ, за счетъ которыхъ у пролетаріата отнималось и отнимается все то, что было завоевано въ дни свободы...

---

[1]) См. „Роспись доходовъ и расходовъ на 1907 г."

Но, можетъ быть, это „специфическіе" расходы, которые не только революціонеръ, но ни одинъ либералъ не можетъ не отвергнуть самымъ рѣшительнымъ образомъ безъ того, чтобы не слыть врагомъ народа? Можетъ быть, помимо этого мы находимъ еще кое-что? Заглянемъ. Главную часть расходовъ, оказывается, составляетъ все то же. Одинъ милитаризмъ, претендующій въ текущемъ году на смѣту въ 489.459.253 руб., требуетъ прибавки противъ прошлаго года почти въ 4 милл.—кажется, достаточно, чтобы всю Россію превратить въ одинъ сплошной Шлиссельбургъ и всѣхъ гражданъ въ тюремныхъ узниковъ, томящихся подъ игомъ нѣсколькихъ палачей? Такъ нѣтъ же—съ перваго января Россія платитъ еще заграницу на 44 милл. больше противъ прошлаго года. Ни для кого, конечно, не тайна, на что тратилось и тратится, главнымъ образомъ, заграничное золото... Все то же...

Какимъ-то пятномъ на этомъ фонѣ является развѣ... расходъ на народное образованіе. Да, цѣлыхъ 2,8 проц. идетъ на... просвѣщеніе. Но это недоразумѣніе, впрочемъ, разсѣивается, какъ только вы припоминаете, какъ рѣшается вопросъ о просвѣщеніи на практикѣ. Объ этомъ очень хорошо говорилъ деп. Алексинскій въ своей рѣчи. „Если ты пьешь водку и приносишь государству доходы"... говорилъ онъ... Не вѣрите? Вотъ образчикъ — комиссія о свободѣ совѣсти, засѣдавшая подъ предсѣдательствомъ графа Игнатьева. Какъ-то мусульманскимъ обществомъ возбужденъ былъ вопросъ о томъ, чтобы государство дало вспомоществованіе на устройство мусульманскихъ школъ. Что же по этому поводу отвѣтилъ такой крупный воротило, какъ гр. Игнатьевъ? „Желаніе это исходитъ изъ соображенія,—отвѣтилъ онъ,—что мусульмане несутъ тѣ же государственные налоги, какъ и прочее населеніе имперіи, и поэтому государственная касса должна удѣлить необходимыя средства на образованіе мусульманскаго юношества. Въ данномъ случаѣ мусульмане заблуждаются, будто они вносятъ въ государственную кассу сумму, равную пропорціонально контингенту христіанскаго населенія. Мусульмане, слѣдуя каноническому предписанію, не употребляютъ спиртныхъ напитковъ... Въ общественной экономіи мусульманъ сберегается этимъ путемъ до 70 милліоновъ рублей... Сообразуясь съ такой необходимостью, казна поступила бы въ высшей степени неосторожно, если бы, не дополучая съ мусульманскаго населенія десятки милліоновъ рублей, расходовала бы въ то же время полученія съ христіанскаго населенія на нужды мусульманъ" [1]).

Итакъ, армія, полиція, жандармы, подавляющіе народную волю, съ одной стороны, пенсіи, аренды, награды защитникамъ отечества—съ другой, „образованіе—водка",—какъ, спрашиваю, отнесется рабочій къ тѣмъ депутатамъ, которые, вмѣсто того, чтобы обрушиться на всю эту бухгалтерію всей силой своей критики и своего гнѣва, взяли бы ее и утвердили!..

[1]) „Товарищъ" отъ 23 марта.

Не измѣнять ли они тому дѣлу, на которое пошли по порученію избирателей...

Если такъ обстоитъ съ „оборонительной“ стороной бюджета, то еще выше значеніе отказа, какъ средства агитаціи, въ области т. н. экономики. Когда въ первый бюджетный день было указано, что изъ двухмилліарднаго бюджета только 300 милл. падаетъ на состоятельные классы, остальное же вносится въ казну малосостоятельными, г. Коковцовъ съ восклицаніемъ отвѣтилъ: „какъ мало у насъ состоятельныхъ, и какъ много несостоятельныхъ“ [1]). Безъ сомнѣнія, надо быть очень низкаго мнѣнія о противникѣ для того, чтобы бросить ему въ условіяхъ нашего обложенія подобный отвѣтъ. Какъ будто все дѣло въ томъ, что помѣщиковъ такъ мало, что въ то время, какъ на 120 милл. десятинъ крестьянскихъ обществъ приходится 188 милл. рублей, на частное землевладѣніе, обнимающее 101 милл. десятинъ, не можетъ падать больше 23 милл. руб., т. е. что крестьянскія земли не могутъ не быть обложены мѣстами въ десять разъ выше, чѣмъ помѣщичьи. Какъ будто дѣло въ томъ, что, если и возможенъ подоходный налогъ, то лишь какъ „дополненіе“ къ этого рода обложенію домовъ, земель и пр., которое, конечно, имѣло бы своей задачей „кромѣ привлеченія къ обложенію свободныхъ еще отъ прямыхъ налоговъ доходовъ, распредѣлить неизбѣжное по современнымъ финансовымъ условіямъ увеличеніе прямого обложенія по возможности ближе къ силамъ налогоплательщиковъ, выражающимся въ общей суммѣ получаемаго каждымъ изъ нихъ отъ различныхъ источниковъ дохода“! Всегда такъ „выражаются“, когда идутъ на помощь капиталистамъ или помѣщикамъ—съ одной стороны, дополненіе, съ другой—облегченіе, а, въ общемъ, все тотъ же „енъ“...

И „енъ достаетъ“. „Енъ“ даетъ и тѣ 7, 3 проц., которые составляютъ прямые налоги, и 56, 9% косвенныхъ налоговъ, въ томъ числѣ доходовъ отъ водки, которые составляютъ треть всѣхъ доходовъ вообще, и нѣтъ того средства, которое казна не употребила бы на то, чтобы выкачать всю эту дань до послѣдней копейки, какъ только мужикъ начинаетъ голодать или рабочій впадаетъ въ безработицу. Всѣ помыслы его сосредоточены на нихъ, этихъ средствахъ, и это отразилось не менѣе рѣзко на росписи доходовъ и расходовъ, чѣмъ его политическая подкладка.

Опять представьте, что за систему беретъ на себя отвѣтственность Дума? Что скажетъ на это крестьянинъ? Я отнюдь не склоненъ идеализировать крестьянства, но что оно сдѣлало послѣдніе годы крупный шагъ впередъ въ политическомъ отношеніи, что на фонѣ деревни выдѣлился особый типъ, человѣкъ, познакомившійся съ городской жизнью,

---

[1]) „Народная Дума“ отъ 12 марта.

свободнѣе и смѣлѣе глядящій вокругъ себя, который уже не такъ легко поддается вліянію начальства,—не можетъ подлежать сомнѣнію. Это именно и есть ядро той мужицкой демократіи, которая составляетъ приговоры, посылаетъ телеграммы своимъ депутатамъ, то и дѣло бросается съ одного метода борьбы на другой. И вотъ что скажетъ такой человѣкъ, полный чувствъ, несомыхъ въ деревню волной новой жизни, для котораго всѣ пружины финансоваго механизма правительства уже не та тайна, какой она была для него еще, можетъ быть, вчера, котораго такъ давитъ отсутствіе прочнаго правопорядка, и потому такъ влечетъ Дума, рожденная въ борьбѣ и опирающаяся на нее; что долженъ сказать, если вдругъ староста къ нему придетъ съ тѣмъ, чтобы продать его послѣднюю лошадёнку за долги не именемъ кабинета Столыпина, а... именемъ Думы? Между тѣмъ, разъ бюджетъ одобренъ, Дума ничего не можетъ имѣть противъ, если бы бюрократія вздумала сдѣлать хоть аналогичное употребленіе изъ высказаннаго ей одобренія...

Отвѣтъ ясенъ: крестьянинъ отвернется отъ Думы съ тѣмъ же презрѣніемъ, съ какимъ онъ отвернулся отъ самодержавія [1]). Вѣдь какъ онъ ни ищетъ выхода душой, какъ ни ушелъ впередъ въ смыслѣ политическаго самосознанія, онъ еще весьма далекъ отъ того, чтобы сумѣть понять и оцѣнить по достоинству всѣ точности кадетскаго благоправія.

Совершенно обратное дѣйствіе произведетъ отказъ утвердить бюджетъ: онъ дастъ серьезный толчокъ тому, что уже и безъ того назрѣло въ крестьянствѣ, направитъ его мысли въ болѣе конкретномъ направленіи, вызоветъ, быть можетъ, рядъ опредѣленныхъ выступленій. Конечно, для этого отказъ не долженъ быть простымъ отказомъ, а такъ обставленъ, такъ мотивированъ, чтобы каждая деталь, каждая подробность говорили сами за себя, за тотъ принципъ, во имя котораго отказъ произведенъ...

Но... подождемъ. Какъ ни ликуютъ тѣ, кому это надлежитъ по поводу передачи вопроса въ комиссію, трудно сказать, что будетъ съ бюджетомъ, если онъ доживетъ до второго чтенія. Какъ еще откликнется сама жизнь на стоящую передъ нами проблему!..

VII.

Отказъ въ утвержденіи есть начало борьбы. Разъ это такъ, само собой разумѣется, нельзя ограничиться однимъ провозглашеніемъ лозунга, но необходимо также намѣтить тѣ требованія, во имя которыхъ идетъ и будетъ идти борьба сейчасъ.

Въ своей статьѣ, приложенной къ книгѣ „Бюджетъ“, г. Фридманъ намѣчаетъ рядъ мѣръ, близкихъ къ проведенію въ жизнь въ „конкрет-

[1]) Ср. 48 г. во Франціи.

ныхъ условіяхъ" текущей дѣйствительности. „Прежде всего,—пишетъ онъ,—необходима безотлагательная отмѣна правилъ 8 марта. Сдѣлать это болѣе или менѣе легко, такъ какъ постановленія правилъ не цѣликомъ вошли въ основные законы, и тѣ статьи, которыя не включены въ основные законы, могутъ быть отмѣнены обычнымъ порядкомъ, по иниціативѣ Государственной Думы. Выгоды отъ отмѣны правилъ 8-го марта выразятся въ слѣдующемъ: во-первыхъ, отпадутъ ограниченія, установленныя относительно сокращенія смѣтъ на собственную его величества канцелярію и канцелярію по принятію прошеній; во-вторыхъ, ассигнованіе на экстренныя въ теченіе года надобности будутъ цѣликомъ подлежать компетенціи народныхъ представителей; въ-третьихъ, задѣлана будетъ та брешь, которая пробита въ бюджетныхъ правахъ Государственной Думы ст. 16 правилъ, трактующей о неотложныхъ расходахъ. Наконецъ,—что чрезвычайно важно,—устранена будетъ двусмысленная ст. 8, которая можетъ быть истолкована въ чрезвычайно невыгодномъ для народнаго представительства смыслѣ" [1]).

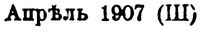
Этихъ частныхъ измѣненій недостаточно съ точки зрѣнія г. Фридмана. Для этого, говоритъ онъ, необходимо „измѣненіе и дополненіе основныхъ законовъ указаніями западно-европейскаго бюджетнаго права", и приводитъ изъ бельгійской конституціи тѣ именно положенія, которыя слѣдовало бы позаимствовать.

Имѣя въ виду, что авторъ говоритъ о конкретныхъ условіяхъ текущаго момента, едва ли, разумѣется, можно возразить здѣсь что-либо противъ. Трудно надѣяться, чтобы въ *этой* Думѣ было достигнуто что-либо большее. Для меня одно непонятно, почему г. Фридманъ такъ щадитъ основные законы; вѣдь безъ ихъ измѣненія, по крайней мѣрѣ, въ той части, какая касается бюджетнаго вопроса, и тѣ положенія бельгійской конституціи, которыя онъ перечисляетъ, осуществимы лишь на бумагѣ, и я думаю, что въ ближайшемъ или никакихъ перемѣнъ не будетъ, или, если будутъ, то они въ той же мѣрѣ коснутся основныхъ законовъ, какъ и правилъ 8 марта, ибо это будетъ плодомъ борьбы, а не подаркомъ. Бюрократія съ легкимъ сердцемъ отъ правилъ 8 марта не откажется...

Но есть еще вопросъ, котораго г. Фридманъ, къ сожалѣнію, не касается, вопросъ о самомъ содержаніи финансовой политики, каковы бы ни были формальныя права. Что должно быть убавлено, что прибавлено чисто матеріально для того, чтобы тѣ реформы, которыя намѣчаются формально, могли быть осуществлены—вотъ къ чему сводится этотъ вопросъ.

Напрашивается мысль о средствахъ, которыя потребуются для реформъ. Подоходный налогъ? Но интересы капитала лежали и будутъ лежать въ основѣ нашей политики въ значительной мѣрѣ, того капитала, благодаря

[1]) Ренэ Штурмъ. „Бюджетъ". М. И. Фридманъ. „Наше законодательство о бюджетѣ", стр. 596.

которому въ архи-буржуазной Франціи до сихъ поръ нѣтъ подоходнаго налога, хотя такихъ проектовъ обсуждалось въ парламентѣ не менѣе 46, благодаря которому введенный было въ Соединенныхъ Штатахъ налогъ на доходы былъ вскорѣ признанъ противорѣчащимъ конституціи и отмѣненъ. Если же такъ, то съ увѣренностью можно сказать: каковъ бы ни былъ составъ Думы, каковы бы ни были узы, связывающія власть предержащую съ господами помѣщиками, въ извѣстномъ смыслѣ заинтересованными въ подоходномъ налогѣ, многочисленные доводы противъ налога, тѣ самые, которые выдвигаются буржуазным партіями другихъ капиталистическихъ странъ, возымѣютъ свою силу. Для того, чтобы торгово-промышленныя партіи, какъ извѣстно, въ своихъ программахъ вовсе умалчивающія о своемъ отношеніи къ подоходному налогу, не могли помѣшать радикальной реформѣ, нужно было бы перемѣстить центръ политической власти. Если что-нибудь можетъ еще согласовать буржуазію съ правительствомъ, то именно сохраненіе буржуазнаго statu quo съ дополнительнымъ подоходнымъ налогомъ. Конечно, и въ дополнительномъ налогѣ на доходъ для буржуазіи не одна непріятная сторона, напр., нарушеніе института „торговой тайны", только при наличности которой она можетъ изображать изъ себя роль недоступной крѣпости. Но все же такой налогъ очень мало будетъ содѣйствовать уменьшенію доходовъ, т. е. и овцы будутъ цѣлы, и волки сыты. Такимъ образомъ, если эта реформа и состоится, то ожидать отъ нея сколько-нибудь солидныхъ средствъ для всякаго рода политическихъ и соціальныхъ перестроекъ, даже когда право распоряженія финансами окажется въ рукахъ народа, едва ли возможно [1]). Пусть старая форма обложенія быстрымъ шагомъ идетъ къ разложенію, пусть новая приближается съ неизбѣжностью историческаго процесса — нужны источники, помимо подоходнаго налога. Будемъ искать ихъ въ сокращеніяхъ.

Прежде всего—сокращенія на такія учрежденія, какъ полиція, жандармскія или охранныя управленія, на пенсіи, пособія, награды и пр. Они не очень будутъ значительны. По преимуществу, сокращенія, конечно, коснутся главныхъ статей бюджета. Конечно, въ ближайшемъ будущемъ нельзя еще говорить объ отмѣнѣ постояннаго войска, но вопросъ долженъ стать на очередь. Вмѣстѣ съ тѣмъ расходы по государственной оборонѣ должны все болѣе и болѣе сокращаться до тѣхъ поръ, пока они не будутъ сокращены до минимума. То же относится къ процентамъ по долгамъ, составляющимъ не менѣе значительную статью, чѣмъ расходы по военному и морскому вѣдомству. Должны быть сокращены расходы на церковь, на судъ и тюрьмы.

Но если преимущественно велико значеніе сокращеній для тѣхъ

[1]) Ср. мою книжку „Подоходный налогъ". Дешевая библіотека товарищества „Знаніе". Спб. 1906 г.

соціальныхъ и политическихъ реформъ, которыя должны быть осуществлены, то благодаря имъ можетъ быть совершена и операція, не менѣе важная, чѣмъ эти реформы—сокращеніе самаго бюджета. Дѣло въ томъ, что ни въ одной странѣ ростъ бюджета не совершался съ такой неимовѣрной быстротой, какъ у насъ. Уже это свидѣтельствуетъ о ненормальности, такъ какъ при нормальныхъ условіяхъ ростъ бюджета является прямымъ показателемъ роста общаго благосостоянія. Но уже a priori можно сказать, что промышленный ростъ Россіи не могъ и не можетъ превышать промышленное развитіе Европы. Присматриваясь же къ самымъ цифрамъ, мы убѣждаемся въ этомъ воочію. Вотъ приблизительныя данныя:

	Обыкновенныхъ расходовъ.	Ежегоднаго возрастанія въ %.
1863 г.	348 м. руб.	—
1873 „	514 „ „	4,7
1883 „	715 „ „	3,9
1893 „	948 „ „	3,2
1903 „	1880 „ „	9,8
1907 „	2173 „ „	15,5

Правда, промышленное развитіе за это время сдѣлало весьма солидные успѣхи, но, во-первыхъ, не нужно забывать, что вотъ уже 6—7 лѣтъ, какъ мы не выходимъ изъ затяжного кризиса; во-вторыхъ, о какой бы то ни было пропорціональности здѣсь не можетъ быть рѣчи. Между тѣмъ, правительство настолько было упоено своими успѣхами, что рѣшило, что оно имѣетъ право даже на „прибыль“ [1]). Такъ, въ то время, какъ мужикъ годъ за годомъ голодалъ, а рабочій скитался безъ работы, составленіе смѣты обыкновенныхъ доходовъ съ сильнымъ преуменьшеніемъ вошло у насъ въ систему. Такъ годъ за годомъ и копилась та „золотая наличность“, которая затѣмъ шла на авантюры вродѣ японской войны.

Подобному авантюризму долженъ быть положенъ конецъ; только страна, достигшая высшаго капиталистическаго развитія, можетъ себѣ позволить такой бюджетъ, какой существуетъ въ Россіи. При индустріальной же незрѣлости это признакъ самаго ужаснаго напряженія народныхъ силъ, возмутительной ихъ эксплоатаціи, тѣмъ болѣе возмутительной, чѣмъ выше избытки. Словомъ, если средства, идущія на соціально-политическія реформы, должны быть возможно болѣе широки, то, въ общемъ, бюджетъ Россіи долженъ быть значительно сокращенъ.

Таковы условія, которыя могутъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ лечь въ основу русскихъ финансовъ. Если одинъ отказъ въ утвер-

---

[1]) Избытокъ поступленій.

жденія есть начало борьбы, то, когда данныя условія будутъ на лицо, въ рукахъ общества уже будетъ бюджетное право, дальнѣйшее развитіе котораго (не только путемъ полной отмѣны постояннаго войска, но и свободы національнаго самоопредѣленія, безъ которой такая отмѣна невозможна, и прекращенія постройки военнаго флота [1]) будетъ зависѣть уже лишь отъ характера и качества избирательнаго закона. Чувствительный ударъ старому режиму будетъ уже нанесенъ, его святая святыхъ поколеблена, „кирка и лопата строительства" дѣйствительно вырваны изъ рукъ врага...

Сколько крови еще прольется, сколько разочарованій придется пережить, прежде чѣмъ давленіе народнаго гнѣва, съ одной стороны, финансовыя замѣшательства,—съ другой подготовятъ этотъ моментъ, моментъ буржуазнаго финансоваго закона, кто знаетъ? Но, повторяемъ, прежде всего борьба, прежде всего принципъ. Каково бы ни было сегодня, каково ни будетъ завтра, повторяемъ, будьте увѣрены: лишь та программа можетъ разсчитывать на успѣхъ, которая останется на высотѣ, лишь тотъ политическій дѣятель окажется наипрактичнымъ, кто скажетъ себѣ разъ навсегда: наивысшая чистота принципа есть наивысшая необходимость. Если можно пожелать чего-нибудь депутатамъ, вырабатывающимъ сейчасъ бюджетный лозунгъ, то именно это. Это ничуть не идетъ вразрѣзъ съ дѣловой стороной. Какое бы рѣшеніе ни было вынесено ими, оно должно быть такъ же основательно, серьезно, полно положительнаго содержанія съ дѣловой стороны, какъ со стороны принципіальной. Дѣло лишь въ томъ, чтобы не смѣшивать „два эти ремесла", одинаково прямо смотря въ глаза и сухому факту, и непримиримому принципу.

Л. Клейнбортъ.

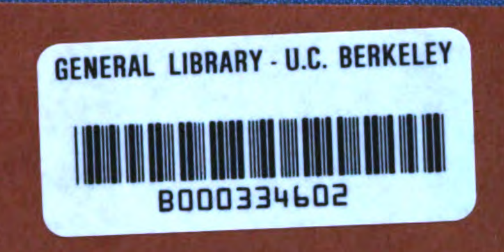
[1]) Ср. Л. Мартовъ. „Принципіальная демократическая политика въ бюджетномъ вопросѣ". „Народная Дума", № 1.

Редакторъ-издатель **Ал. Острогорскій.**

Опечатки.

1. Въ ст. г. *Е. Смирнова* на 45 стр., 19-ая строка снизу, ошибочно напечатано слово „вспышка", слѣдуетъ читать *„тактика"*.

2. На стр. 91 пропущено, по недосмотру, слѣд. примѣчаніе къ ст. „Строители будущаго": „Редакція не раздѣляетъ нѣкоторыхъ взглядовъ автора, но тѣмъ не менѣе даетъ мѣсто этой статьѣ въ виду ея интереса".

GENERAL LIBRARY - U.C. BERKELEY
B000334602

Digitized by Google

